
САША ЧЕРНЫЙ

САША ЧЕРНЫЙ

САША ЧЕРНЫЙ

САША ЧЕРНЫЙ

САША ЧЕРНЫЙ

САША ЧЕРНЫЙ

САША ЧЕРНЫЙ

Собрание сочинений
в пяти томах

Т о м 5

ДЕТСКИЙ ОСТРОВ
1911 - 1932

Стихи, сказки,
рассказы для маленьких

Москва
Издательство
«Эллис Лак»
1996

Составление, подготовка текста и комментариев
А. С. Иванова

Собрание сочинений подготовлено составителем при поддержке
Международного фонда «Культурная инициатива»

На фронтисписе: Саша Черный (фото 1926 г.)

Редакционно-издательский совет

А. М. Смирнова
(председатель, директор издательства)
Т. А. Горькова
(главный редактор)
А. С. Иванов
И. Л. Тимашева
С. В. Федотов

Черный Саша

Ч-49 Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5: Детский остров / Сост.,
подгот. текста и коммент. А. С. Иванова.— М.: Эллис Лак,
1996.— 672 с.

ISBN 5—7195—0049—9 (Т. 5)

В пятый том собрания сочинений С. Черного вошли почти в полном
объеме стихи и прозаические произведения, обращенные к детям.

4700000000—047
Ч 130(03)—96 Без объявл.

ББК 84 Ря 44

ISBN 5—7195—0049—9 (Т. 5)
ISBN 5—7195—0044—8

© А. С. Иванов. Составление, подго-
товка текста, комментарий, 1996
© Е. Г. Клодт. Художественное оформ-
ление, 1996
© Эллис Лак, 1996

ДЕТСКИЙ ОСТРОВ

ДЕТЯМ

Может быть, слышали все вы — и не раз,
Что на свете есть поэты?
А какие их приметы,
Расскажу я вам сейчас:

Уж давным-давно пропели петухи...
А поэт еще в постели.
Днем шагает он без цели,
Ночью пишет всё стихи.

Беззаботный и беспечный, как Барбос,
Весел он под каждым кровом,
И играет звонким словом,
И во все сует свой нос.

Он хоть взрослый, но совсем такой, как вы:
Любит сказки, солнце, елки,—
То прилежнее он пчелки,
То ленивее совы.

У него есть белоснежный, резвый конь,
Конь Пегас, рысак крылатый,
И на нем поэт лохматый
Мчится в воду и в огонь...

Ну так вот,— такой поэт примчался к вам:
Это ваш слуга покорный,
Он зовется «Саша Черный»...
Почему? Не знаю сам.

Здесь для вас связал в букет он, как цветы,
Все стихи при свете свечки.
До свиданья, человечки! —
Надо чайник снять с плиты...

1920

В РАЮ

По лиловым дорожкам гуляют газели
И апостол Фома с бородою по грудь...
Ангелята к апостолу вдруг подлетели:
«Что ты, дедушка, бродишь? Расскажи что-нибудь!
Как шалил и играл ты, когда был ребенком?
Расскажи... Мы тебе испечем пирожок...»
Улыбнулся апостол. «Что ж, сядем в сторонке,
Под тенистой смоковницей в тесный кружок.

Был я мальчик румяный, веселый, как чижик...
По канавам спускал корабли из коры.
Со стены ребятишки кричали мне: «Рыжик!»
Я был рыжий — и бил их, и гнал их с горы.
Прибегал я домой весь в грязи, босоножкой,
Мать смеялась и терла мочалкой меня.
Я пицал, а потом, угостившись лепешкой,
Засыпал до румяного, нового дня».

«А потом?» — «А потом я учился там в школе, —
Все качались и пели, — мне было смешно,
И учитель, сердясь, прогонял меня в поле.
Он мне слово, я — два, — и скорей за окно...
В поле я у ручья забирался под мостик,
Рыбок горстью ловил, сразу штук по семи.
Ангелята спросили: «За хвостик?» — «За хвостик».
Ангелята вздохнули: «Хорошо быть детьми».

<1920>

ПРИГОТОВИШКА

Длиннохвостая шинель.
На щеках румянец.
За щекою карамель,
За спиною — ранец.

Он ученый человек.
Знает, что ни спросим:
Где стоит гора Казбек?
Сколько трижды восемь?

В классе он сидит сычом
И жует резинку.
Головенка куличом,
Уши, как у свинок.

А в карманах — целый склад:
Мох, пирог с грибами,
Перья, ножик, мармелад,
Баночка с клопами.

В переменку он, как тигр,
Бьется с целым классом.
Он зачинщик всяких игр,
Он клянется басом.

Возвращается домой:
Набекрень фуражка,
Гордый, красный, грудь кормой,
В кляксах вся мордашка.

«Ну, что нового, Васюк?» —
Выбежит сестренка.
Он, надувшись, как индюк,
Пробурчит: «Девчонка!..»

Схватит хлеба толстый ком,
Сбросит пояс с блузы
И раскроет милый том —
Робинзона Крузе.

<1919>

КОСТЕР

Эй, ребяташки,
Валите в кучу
Хворост колючий,
Щепки и шишки,
А на верхушку
Листья и стружку...
Спички, живей!

Огонь, как змей,
С ветки на ветку
Кружит по клетке,
Бежит и играет,
Трещит и пылает...
Шип! Крякс!

Давайте руки —
И будем прыгать вокруг огня,
Нет лучше штуки —
Зажечь огонь средь бела дня.
Огонь горит,
И дым глаза ужасно ест.
Костер трещит,
Пока ему не надоест...

Осторожней, детвора,
Дальше, дальше от костра —
Можно загореться.
Превосходная игра...
Эй, пожарные, пора,
Будет вам вертеться!
Лейте воду на огонь.
Сыпьте землю и песок, —
Но ногой углей не тронь,
Загорится башмачок.
Зашипели щепки, шишки,
Лейте, лейте, ребяташки!
Раз, раз, еще раз...
Вот костер наш и погас.

<1911>

ТРУБОЧИСТ

Кто пришел? — Трубочист.
Для чего? — Чистить трубы.
Чернощекий, белозубый,
А в руке — огромный хлыст.

Сбоку ложка, как для супа...
Кто наврал, что он, злодей,
В свой мешок кладет детей?
Это очень даже глупо!

Разве мальчики — творог?
Разве девочки — картошка?
Видишь, милый, даже кошка
У его мурлычет ног.

Он совсем, совсем не страшный:
Сажу высыпал на жесть.
Бублик вытащил вчерашний,—
Будет есть.

Рано утром, на рассвете,
Он встает и кофе пьет.
Чистит пятна на жилете,
Курит трубку и поет.

У него есть сын и дочка,—
Оба беленькие, да.
Утром спят они всегда
На печи, как два комочка.

Выйдет в город трубочист —
И скорей на крыши, к трубам,
Где играет ветер с чубом,
Где грохочет ржавый лист...

Чистит, чистит — целый день,
А за ним коты гурьбою
Мчатся жадною толпою,
Исхудалые, как тень.

Рассказать тебе, зачем?
Он на завтрак взял печенку,
Угостил одну кошчонку,
Ну — а та сболтнула всем...

Видишь, вот он взял уж шапку.
Улыбнулся... Видишь, да?
Дай ему скорее лапку,—
Сажу смоешь — не беда.

1917

ПЕРЕД УЖИНОМ

За воротами на лавочке сидим —
Петя, Нюша, Поля, Сима, я и Клим.
Я — большой, а остальные, как грибы.

Всех нас бабушка прогнала из избы...
Мы рябинками в избе стреляли в цель,
Ну, а бабушка ощипывала хмель.
Что ж... На улице еще нам веселей:
Веет ветер, солнце в елках все алей,
Из-за леса паровоз дудит в гудок,
Под скамейкой ловит за ноги щенок...
Воробьи уселись кучей на бревно.
Отчего нам так сегодня все смешно?
Червячок ли влезет Симе на ладонь,
Иль напротив у забора фыркнет конь,
Иль за выгоном заблеет вдруг овца,—
Все хохочем, все хохочем без конца...

<1914>

ПОЕЗД

Третий звонок. Дон-дон-дон!
Пассажиры, кошки и куклы, в вагон!
До свиданья, пишите!
Машите платками, машите!
Машинист, свисти!
Паровоз, пыhti:
Чах-тах.
Поехали-поехали,
Чах-тах-тах.
Кочегар, не зевай!
Чах-тах-тах-тах,
Вот наши билеты —
Чурки да шкурки,
Бумажки от конфет!
Под уклон, под уклон,
Летим, как пуля!
Первый вагон —
Не качайся на стуле!
Эй вы, куда?
Кондуктор, сюда!
Вон там сзади
Взрослые дяди.
Тра-та-та, тра-та-та,
Они без билетов...
Зайцы-китайцы,—
Гони их долой!
Чах-тах, тах-тах,
Машинист, тормозите!

Чах-тах-тах,
Первый звонок!
Чах-тах,
Станция «Мартышка»...
Чах-тах-тах,
Надо вылезать.

<1912>

ПРО КАТЮШУ

На дворе мороз.
В поле плачут волки.
Снег крыльцо занес,
Выбелил все елки...
В комнате тепло,
Печь горит алмазом,
И луна в стекло
Смотрит круглым глазом.

Катя-Катенька-Катюшка
Уложила спать игрушки:
Куклу безволосую,
Собачку безносую,
Лошадку безногую
И коровку безрогую —
Всех в комок,
В старый мамин чулок
С дыркой,
Чтоб можно было дышать,—
«Извольте спать!»
А я займусь стиркой...»

Ай, сколько пены!
Забрызганы стены.
Тазик пищит,
Вода болтается,
Катюша пыхтит,
Табурет качается...
Красные лапки
Полощут тряпки,
Над водою мыльной
Выжимают сильно-пресильно,—
И в воду снова!
Готово!

От окна до самой печки,
Словно белые овечки,
На веревочках висят
В ряд:
Лошадкина жилетка,
Мишкина салфетка,
Собачьи чулочки,
Куклины сорочки,
 Пеленка
 Куклиного ребенка,
 Коровьи штанишки
 И две бархатные мышки.

Покончила Катя со стиркой,
Сидит на полу растопыркой:
Что бы еще предпринять?
К кошке залезть под кровать,
Забросить за печку заслонку
Или Мишку постричь под гребенку?..

<1920>

НА ВЕРБЕ

Солнце брызжет, солнце греет.
 Небо — василек.
Сквозь березки тихо веет.
 Теплый ветерок.

А внизу всё будки, будки
 И людей, что мух.
Каждый всунул в рот по дудке —
 Дуй во весь свой дух!

В будках куклы и баранки,
 Чижики, цветы...
Золотые рыбки в банке
 Разевают рты.

Все звончее над шатрами
 Вьется писк и гам.
Дети с пестрыми шарами
 Тянутся к ларькам.

«Верба! Верба!» В каждой лапке
Бархатный пучок.
Дед распродал все охапки —
Ловкий старичок!

Шерстяные обезьянки
Пляшут на щитках.
«Ме-ри-кан-ский житель в склянке,
Ходит на руках!!..»

Пудель, страшно удивленный,
Тявкает на всех.
В небо шар взлетел зеленый,
А вдогонку — смех...

Вот она какая Верба!
А у входа в ряд —
На прилавочке у серба
Вафельки лежат.

1912

БОБИНА ЛОШАДКА

Мальчик Боб своей лошадке
Дал кусочек шоколадки,—
А она закрыла рот,
Шоколадки не берет.

Как тут быть? Подпрыгнул Бобик,
Сам себя вдруг хлопнул в лобик
И с комода у дверей
Тащит ножницы скорей.

Распорол брюшко лошадке,
Всунул ломтик шоколадки
И запел: «Не хочешь в рот,
Положу тебе в живот!»

Боб ушел играть в пятнашки,
А за полкой таракашки
Подсмотрели и гуськом
Вмиг к лошадке все бегом.

Подбежали к шоколадке
И лизнули: «Очень сладко!»
Пир горой — и в пять минут
Шоколадке был капут.

Вот приходит Боб с прогулки.
Таракашки шмыг к шкатулке,—
Боб к лошадке: «Съела... ай!
Завтра дам еще,— будь пай».

День за днем — так две недели
Мальчик Боб, вскочив с постели,
Клал в живот ей шоколад,
И потом шел прыгать в сад.

Лошадь кушала, старалась,
Только кошка удивлялась:
«Отчего все таракашки
Растолстели, как барашки?»

1912

ЛЕТОМ

За селом на полной воле
Веет ветер-самолет.
Там картофельное поле
Все лиловеньким цветет.

А за полем, где рябинка
Вечно с ветром не в ладу,
Сквозь дубняк бежит тропинка
Вниз к студеному пруду.

Дружно выплыли утята.
Впереди толстуха-мать.
Облака плывут куда-то,
Пахнет мятой. Благодать...

Пруд синее круглой чашкой.
Ивы клонятся к воде...
На плоту лежат рубашки,
А мальчишки все в пруде.

Солнце брызнуло полоской.
Тени вьются, словно дым.
Эх, разденусь за березкой,
Руки вытяну — и к ним!

<1912>

ИММОРТЕЛИ

Ты не любишь иммортелей?
А видала ты у кочки
На полянке, возле елей,
Их веселые пучочки?
Каждый пышный круглый венчик
На мохнатой бледной ножке,
Словно желтый тихий птенчик,—
А над ним — жуки и мошки...
Мох синее сизой спинкой,
Муравьи бегут из щелей,
Тот с зерном, а тот с былинкой...
Ты не любишь иммортелей?
Солнцем — цвет им дан лимонный,
Елкой — смольный бодрый запах.
По бокам торчат влюбленно
Мухоморы в красных шляпах.
Розы — яркие цыганки,
Лучше, может быть, немного,—
Но и розы и поганки
Из садов того же Бога...
Подожди, увянут розы,
Снег засыплет садик тощий,
И окно заткут морозы
Светлой пальмовою рощей...
И склонившись к иммортелям,
Ты возьмешь их в горсть из вазы,
Вспомнишь солнце, вспомнишь ели,
Лес и летние проказы.

<1920>

ЦИРК

Семейство мальчиков «Вынь-Глаз»,
Известных в Амстердаме,
Даст представление сейчас
По Мишкиной программе.
Бум-бум! За вход по пять рублей,
А с мамы — две копейки...
Сейчас начнем! Оркестр, смелей!
Галоп — для галерейки.

Вот перед вами Пупс-солист
В мамашинной рубашке.
Он храбро съест огромный лист
Чернильной промокашки.
Здесь нет волшебства, господа,—
Не бойтесь! Пупс, понятно,
Ее без всякого вреда
Сам выплюнет обратно.

Алле! Известный Куки-фокс
И кошка, мисс Морковка,
Покажут вам английский бокс.
Ужасно это ловко!
Свирепый фокс не ел пять дней,
А кошка — две недели.
Все фоксы мира перед ней,
Как кролики, робели!

А вот пред вами клоун Пик.
Похрюкай, Пик, немножко...
Сейчас издаст он адский крик
И дрыгнет правой ножкой.
Он может выть, как крокодил,
И петь, как тетя Нэта,
Король голландский подарил
Ему часы за это.

Я сам, известный рыцарь Му,
Вес — пуд семь фунтов в латах,
Зубами с пола подыму
Двоюродного брата.
Он очень толстый и живой:
Прошу вас убедиться,—
Он может двигать головой,
Пищать и шевелиться.

Вниманье! Девочка Тотó
Пропляшет вальс бандита.
Она хоть девочка, зато
Ужасно знаменита.
Тотó, не бойся, не беда!
Так надо по программе...
Ведь в львиной клетке ты всегда
Плясала в Амстердаме!

Вот дядя Гриша. Не визжать!
Он ростом выше шкафа
И очень любит представлять
Алжирского жирафа.

Гоп, дядя Гриша, на дыбы!
Бей хвостиком по тальме!
Он может кончиком губы
Рвать финики на пальме...

Эй, там на сцене, все назад —
От кресла до кровати.
Смотрите! Это акробат
«Вынь-Глаз — стальные пятки».
Он хладнокровен, словно лед!
Он гибче шведской шпаги!
Он ходит задом наперед
В корзинке для бумаги...

Конец! Артисты, вылезай —
Морковка, Пупс и Куки.
В четверг мы едем в порт Ай-Яй,
Показывать там штуки...
Бей, дядя Гриша, крепче в таз!
Тотó, не смей щипаться...
Семейство мальчиков «Вынь-Глаз»
Уходит раздеваться.

<1917>

ПРО ДЕВОЧКУ, КОТОРАЯ НАШЛА СВОЕГО МИШКУ

Мишка, Мишка, как не стыдно!
Вылезай из-под комода...
Ты меня не любишь, видно?
Это что еще за мода?
Как ты смел удрать без спроса?
На кого ты стал похож?
На несчастного барбоса,
За которым гнался еж...
Весь в пылинках, в паутинках,
Со скорлупкой на носу...
Так рисуют на картинках
Только чертика в лесу.
Целый день тебя искала:
В детской, в кухне, в кладовой,
Слезы локтем вытирала
И качала головой...
В коридоре полетела, —
Вот — царапка на губе...
Хочешь супу? Я не ела:

Все оставила тебе.
Мишка-Миш, мохнатый Мишка,
Мой лохматенький малыш!
Жили-были кот да мышка...
Не шалили! Слышишь, Миш?
Извинись. Скажи: не буду
Под комоды залезать.
Я куплю тебе верблюда
И зеленую кровать.
Самый мой любимый бантик
Повяжу тебе на грудь:
Будешь милый, будешь франтик,—
Только ты послушным будь...
Что молчишь? Возьмем-ка щетку,—
Надо все соринки снять,
Чтоб скорей тебя, уродку,
Я могла расцеловать.

1916

ХРАБРЕЦЫ

У пруда по мягкой травке
Ходит маленький Васюк.
Ходит — смотрит: здесь паук,
Там дерутся две козявки,
Под скамейкой красный гриб,
На мостках сидят лягушки,
А в воде так много рыб
Мельче самой мелкой мушки.
Надо все пересмотреть,
Перетрогать, повертеть...
Ведь лягушки не кусают?
Пусть попробуют... Узнают!

А лягушки на мостках
Не спускают глаз с мальчишки:
Страшный, толстый... Прут в руках,
Ярко-красные штанишки...
Из-под шапочки крючком
Вьется, пляшет чубик рыжий...
Сам к мосткам бочком, бочком,
Подбирается все ближе.
Ведь мальчишки не кусают?
Пусть попробует... Узнает!

<1912—1913>

СНЕЖНАЯ БАБА

Воробьи в кустах дерутся.
Светит солнце, снег, как пух.
В васильковом небе вьются
Хороводы снежных мух.
Гриша — дома, у окошка.
Скучно в комнате играть!
Даже, вон, — лентяйка кошка
С печки в сад ушла гулять.
Мама гладит в кухне юбку...
«Гриша, Гриша, — ты куда?»
Влез он в валенки и в шубку,
Шапку в руки и айда!

Руки в теплых рукавчиках,
Под лопатой снег пищит...
Снег на лбу и на ресничках,
Снег щекочет, снег смешит...
Вырос снег копной мохнатой,
Гриша бегаёт кругом,
То бока побьёт лопатой,
То, пыхтя, катает ком...
Фу, устал. Ещё немножко!
Брови — два пучка овса,
Глазки — угли, нос — картошка,
А из елки — волоса.
Вот так Баба! Восхищенье.
Гриша пляшет. «Ай-да-д́а».
Воробьи от удивленья
Разлетелись кто куда.

В тихой детской так тепло.
Стекла снегом замело.
Синеглазая луна
Вылезает из окна...
Ветер прыгает по крыше...
Отчего не спится Грише?
Встал с кровати босиком
(Ай, как скользко на полу!)
И по комнатам бегом
Поскорей-скорей к стеклу:
За окном сосульки льду...
Страшно холодно в саду!
Баба, бедная, не спит,
Посинела и дрожит...

Раз! Одеться Грише — миг:
В угол шмыг,
Взял в охапку
Кофту, дедушкину шапку,
Старый коврик с сундука,
Два платка.
Чью-то юбку из фланели
(Что тут думать, в самом деле!)
И скорей-скорее в сад...
Через бревна и ухабы,
Через дворницкую Шавку,
Через скользкую канавку,
Добежал — и сел у Бабы:
«Вот! Принес тебе наряд...
Одевайся... Раз и раз!
Десять градусов сейчас».

Ветер смолк. В саду светло.
Гриша Бабу всю закутал,
Торопился, — перепутал,
Все равно ведь, ей тепло:
Будет юбка на груди,
Или кофта позади...
«До свиданья! Спи теперь».
Гриша марш домой и в дверь,
Пробежал вдоль коридора,
Вмиг разделся, скоро-скоро,
И довольный — хлоп в кровать, —
Спать!

1916

ПЛАКСА

Визг и слезы. По дорожке
Мчатся голенькие ножки,
Пляшут бантики на юбке,
Нос горит, раскрыты губки.
Вот блоха!

Уронила с маком пышку, —
Испугалась пе-ту-ха!..
То ли дело быть мальчишкой —
Ха-ха-ха!

<1920>

Зимою всего веселей
Сесть к печке у красных углей,
Лепешек горячих поесть,
В сугроб с голенищами влезть,
Весь пруд на коньках обежать
И бухнуться сразу в кровать.

Весною всего веселей
Кричать средь зеленых полей,
С барбоской сидеть на холме
И думать о белой зиме,
Пушистые вербы ломать
И в озеро камни бросать.

А летом всего веселей
Вишневый обкусывать клей,
Купаясь, всплывать на волну,
Гнать белку с сосны на сосну,
Костры разжигать у реки
И в поле срывать васильки...

Но осень еще веселей!
То сливы сбиваешь с ветвей,
То рвешь в огороде горох,
То взроешь рогатиной мох...
Стучит молотилка вдали —
И рожь на возах до земли...

<1920>

ИМЯ

Как назвать котенка?
Тигром иль Мышонком?
Пупсом или Маем?
Или Дзинь-Ли-Дзянь?..
Спрашивала кукол, —
Говорят: «Не знаем!»
Спрашивала дядю,
Говорит: «Отстань!»

Целый день брожу я,
Целый день шепчу я:
Гришей или Мишей?

Криксой иль Жучком?
А ему всё шутки:
Слезет с писком с крыши
И бежит, как шарик,
К блюдцу с молочком.

Погоди, плутишка,
Развернем-ка книжку,—
Что нам попадетя,
Так и назовем...
Имя по капризу!
Третья строчка снизу,—
Раз, два, три, четыре—
Что-то мы найдем?

Ха-ха-ха, коташка,
Рыжая мордашка,—
Будешь называться
Ты По-но-ма-рем!..

<1920>

ВОЛК

Вся деревня спит в снегу.
Ни гу-гу.
Месяц скрылся на ночлег.
Вьется снег.

Ребятишки все на льду,
На пруду.
Дружно саночки визжат—
Едем в ряд!

Кто— в запряжке, кто— седок.
Ветер в бок.
Растянулся наш обоз
До берез.

Вдруг кричит передовой:
«Черти, стой!»
Стали санки, хохот смолк.
«Братцы, волк!..»

Ух, как брызнули назад!
Словно град.

Врассыпную все с пруда —
Кто куда.

Где же волк? Да это пес,—
Наш Барбос!
Хохот, грохот, смех и толк:
«Ай да волк!»

<1920>

ПРИСТАВАЛКА

— Отчего у мамочки
На щеках две ямочки?
— Отчего у кошки
Вместо ручек ножки?
— Отчего шоколадки
Не растут на кровати?
— Отчего у няни
Волоса в сметане?
— Отчего у птичек
Нет рукавичек?
— Отчего лягушки
Спят без подушки?..

«Оттого, что у моего сыночка
Рот без замочка».

<1912>

НА КОНЬКАХ

Мчусь, как ветер, на коньках
Вдоль лесной опушки...
Рукавицы на руках,
Шапка на макушке...
Раз-два! Вот и поскользнулся...
Раз-и-два! Чуть не кувыркнулся.
Раз-два! Крепче на носках!

Захрустел, закричал лед,
Ветер дует справа.
Елки-волки! Полный ход,—
Из пруда в канаву...

Раз-два! По скользкой дорожке...
Раз-и-два! Веселые ножки...
Раз-два! Вперед и вперед...

<1913>

ПЕРЕД СНОМ

Каждый вечер перед сном
Прячу голову в подушку:
Из подушки лезет гном
И везет на тачке хрюшку,
А за хрюшкою дракон,
Длинный, словно макарона...
За драконом красный слон,
На слоне сидит ворона,
На вороне стрекоза,
На стрекозке — тетя Даша...
Чуть прижму рукой глаза —
И сейчас же все запляшут!
Искры прыгают снопом,
Колесом летят ракеты,
Я смотрю, лежу ничком
И тихонько ем конфеты.
Сердцу жарко, нос горит.
По ногам бегут мурашки,
Тьма кругом, как страшный кит,
Подбирается к рубашке...
Тише мышки я тогда.
Зашуршишь — и будет баня:
Няня хитрая, беда,
Все подсмострит эта няня!
«Спи, вот встану, погоди!»
Даст щелчка по одеялу, —
А ослушаешься — жди
И нашлапает, пожалуй!

<1920>

В ОГОРОДЕ

В огороде целый день
Мы сегодня полем грядки,
А за нами, словно тень,
Ходят пестрые цыплятки.

Полям сразу в восемь рук:
Я и Петя, Фрол и Даша...
Ишь, как чист усатый лук!
Это все работа наша.

И морковка чище сот...
Обожгло крапивой пятки.
Ну, до свадьбы заживет!
Эй, петух, долой-ка с грядки!

Свеклу кончили. Ура!
Подвязать горох бы нужно.
Поливайте, детвора:
По порядку! Дружно, дружно!

Петя важно морщит лоб
И с ведром шагает гусем.
Руки вымоем и стоп:
Хлеба с солью перекусим.

<1920>

АРАПКИНА МОЛИТВА

Мохнатый пес,
Шершавый Арапка,
Подыми нос,
Сложи лапки.
Стой!

Повторяй за мной:

Милый Бог! Хозяин людей и зверей!
Ты всех добрей!
Ты все понимаешь,
Ты всех защищаешь...
Прости меня, собаку,
Вора и забияку.
Прости, что я стянул у кухарки
Поросячьи шкварки.
Всего ложек шесть —
Очень хотелось есть...
Спешил и разбил посуду.
Больше не буду!
Прости меня, добрый Бог!
Чтоб соседний не грыз меня дог,
Чтоб блохи меня не кусали,
Чтоб люди меня не толкали,
Чтоб завтра утром с восхода
Была хорошая погода...
Чтоб собаки все были сыты
И не были биты.
Чтоб я нашел на помойке
У старой постройки
Хорошую кость.
Я тоже буду хороший,
Буду слушаться только Антоши,
Уйму свою злость,
Не буду рычать
И визжать —
Пусть только в доме не воют на флейте,
Бейте не бейте, —

А я не могу — сам буду выть,
Не могу выносить!
И еще, если можно, пусти меня в рай
Вместе с Антошей —
Хоть в какой-нибудь старый сарай —
Ты ведь хороший...
Помилуй меня, не забудь, не покинь!
Спокойной ночи! Аминь.

<1920>

КРОКОДИЛ

Я угрюмый крокодил
И живу в зверинце.
У меня от сквозняка
Ревматизм в мизинце.

Каждый день меня кладут
В длинный бак из цинка,
А под баком на полу
Ставят керосинку.

Хоть немного отойдешь
И попаришь кости...
Плачу, плачу целый день
И дрожу от злости...

На обед дают мне суп
И четыре шуки:
Две к проклятым сторожам
Попадают в руки.

Ах, на нильском берегу
Жил я без печали!
Негры сцапали меня,
С мордой хвост связали.

Я попал на пароход...
Как меня тошнило!
У! Зачем я вылезал
Из родного Нила?..

Эй ты, мальчик, толстопуз,—
Ближе стань немножко...
Дай кусочек откусить
От румяной ножки!

<1920>

ХРЮШКА

Хавронья Петровна! Как ваше здоровье?

— Одышка и малокровье...

— В самом деле?

А вы бы побольше ели...

— Хрю-хрю! Нет аппетита...

Еле доела шестое корыто:

Ведро помой,

Решето с шелухой,

Пуд вареной картошки,

Миску окрошки,

Полсотни гнилых огурцов,

Остатки рубцов,

Горшок вчерашней каши

И жбан простокваши...

— Бедняжка!

Как вам, должно быть, тяжко...

Обратитесь к доктору Фан-дер-Флиту,

Чтоб прописал вам капли для аппетита.

<1920>

ПРИКЛЮЧЕНИЕ

В самый зной пегашку-Лизу

Запрягли гурьбой в тележку.

Сели плотно, как орешки,—

Сзади, сбоку, сверху, снизу...

Кто за вожжи, кто за кнут—

И айда — купаться в пруд.

Злится Лиза... Что там с ней?

Туча бешеных слепней

Жалит в грудь, в бока и в брюхо,

В ноздри, в спину, в лоб и в ухо...

Лиза встала на дыбы—

Все слетели, как грибы...

Просят Лизу: «Брось, поедем!»

А она рычит медведем,

Вмиг оглобли повернула,

Задней ляжкой лягнула,

В небеса задрала лоб

И в конюшню марш в галоп.

Не угодно ли пешком?
Поплелись к пруду шажком
И вздыхают: «Ну и Лиза!
Вот уж глупая каприза!..»
А в конюшне Лиза ржет:
«Ах, какой пустой народ!»

Кто тут прав, решите сами,
А не то — пойдите к маме...

<1920>

ЗАГАДКА

Под яблоней гуси галдят и шипят,
На яблоню смотрят сердито,
Обходят дозором запущенный сад
И клювами тычат в корыто...

Но ветер вдруг яблоню тихо качнул —
Бах! Яблоко хлопнулось с ветки:
И гуси, качаясь, примчались на гул,
За ними вприпрыжку наседки...

Утята вдоль грядок вразвалку спешат,
Бегут индюки от забора,
Под яблоней рыщут вперед и назад,
Кричат и дерутся. Умора!

Лежал на скамейке Илюша-пострел
И губы облизывал. Сладко!
Кто вкусное яблоко поднял и съел?
Загадка...

<1920>

ВРАГИ

— Гав, гав! Скверная кошка!
Извела мои нервы собачьи совсем...
Эй ты, слезай скорее с окошка,
Гав, гав! Я тебя съем!
Клочки полетят от кошачьей шубы!
Твой рыжий хвост разгрызу пополам!
Узнаешь ты, ведьма, собачьи зубы!
Гав, гав! Я тебе дам!

— Фыр, фыр! Попрыгай-ка, шавка!
Будешь сегодня без носа и глаз...
Глупая злока! Невежа! Шершавка!
Ну-ка, попробуй — залай еще раз...
Брысь! Мои когти, как острая бритва...
Я тебя трогаю? Экий балбес!
Лаешь? Ну, ладно — битва так битва...
Только прицельсь — взвизгнешь, как бес!

<1920>

МЫШИНОЕ ГОРЕ

Ах, как вкусно пахло сало!
В животе моем бурчало —
Есть хотелось страсть.

Я ужасно волновалась
И на цыпочках прокралась
Мышеловке в пасть...

Только носом потянула,
Языком чуть-чуть лизнула,
Хлопс — и я в тюрьме!

Позабыла я про сало, —
Волновалась и пищала,
Плакала во тьме.

Бог с ним, с салом. Бог с ней — с пищей,
Утром злой придет котище, —
Не видать мне дня!

Чуть откроют только дверцу, —
Он, жестокий, он, без сердца, —
Гам — и съест меня...

Ах, несчастье! Ах, злодейство!
Ах, любимое семейство,
Шестерых мышат...

Я стою на задних лапках,
Нос от прутьев весь в царапках —
Нет пути назад!..

<1920>

На заборе снег мохнатый толстой грядочкой лежит.
Налетели вмиг галчата... Ух, какой серьезный вид!

Ходят боком вдоль забора, головенки изогнув,
И друг дружку скоро-скоро клювом цапают за клюв.

Что вы ссоритесь, пичужки? Мало ль места вам кругом—
На березовой макушке, на крыльце и под крыльцом.

Эх, когда б я сам был галкой,— через форточку б махнул
И веселую нырялкой в синем небе потонул...

<1920>

АИСТЫ

На вершине вяза,
Над сухим гнездом,
Аист долговязый
Сторожит свой дом.

А в гнезде супруга
С тройкою птенцов...
Ветер дунул с луга:
Не пора ль на лов?

Дрогнув красной ножкой,
Аист поднял клюв:
Слушает сторожо,
Шею изогнув...

Шух! Вспорхнул с макушки
И летит к лугам.
В ужасе лягушки
Прыгают к стогам.

Цап! Понес, как тряпку,
В ясной синеве.
Старшему даст лапку,
Младшему даст две...

А под вечер разом,
Только схлынет зной,
Он с вершины вяза
Затрещит с женой:

«Ночь идет. Тра-та́-та,
Спать! тра-та́, та-та́н!»
Словно два солдата
Лупят в барабан.

А барбоска в будке
Носом тычет в грудь:
«Р-р!.. Ни на минутку
Не дадут заснуть!»

<1920>

КАК КОТ СМЕТАНЫ ПОЕЛ

Жили-были мышки,
Серые пальтишки.
Жил еще кот,
Бархатный живот.
Пошел кот к чулану
Полизать сметану,
Да чулан на задвижке,
А в чулане мышки...
Сидит кот перед дверцей,
Колотится сердце,—
Войти нельзя!

Вот запел кот,
Бархатный живот,
Тоненьким голосишкой
Вроде мышки:
«Эй вы, слышь!
Я тоже мышь,—
Больно хочется есть,
Да под дверь не пролезть...
У вас там много в стакане,
Вымажьте лапки в сметане,
Да высуньте под дверку.
Скорей, глухие тетерьки!
Я полижу,
Спасибо скажу...»

Поверили мышки
Коту-плутишке,
Высунули лапки...
А кот цап!..
Со всех лап...

Вытащил за лапки,
Сгреб в охапку
И в рот!

<1913>

ЧТО КОМУ НРАВИТСЯ

«Эй, смотри, смотри — у речки
Сняли кожу человечки!» —
Крикнул чижик молодой.
Подлетел и сел на вышке,—
Смотрит: голые детишки
С визгом плещутся водой.

Чижик клюв раскрыл в волненье,
Чижик полон удивленья:
— «Ай, какая детвора!
Ноги — длинные болталки,
Вместо крылышек — две палки,
Нет ни пуха ни пера!»

Из-за ивы смотрит заяц
И качает, как китаец,
Удивленной головой:
— «Вот умора! Вот потеха!
Нет ни хвостика, ни меха...
Двадцать пальцев! Боже мой...»

А карась в осоке слышит,
Глазки выпучил и дышит:
«Глупый заяц, глупый чиж!..
Мех и пух, скажи пожалуй...
Вот чешуйку б не мешало!
Без чешуйки, брат, шалишь!»

<1920>

ПРО ПЧЕЛ

Сладок мед, ужасно сладок!
Ложку всю оближешь вмиг...
Слаще дыни и помадок,
Слаще фиников и фиг!

Есть в саду пчелиный домик —
Ульем все его зовут.
— Кто живет в нем? Сладкий гномик?
— Пчелы, милый, в нем живут.

Там узорчатые соты,
В клетках — мед, пчелиный труд...
Тесно, жарко... Тьма работы:
Липнут лапки, крылья жмут...

Там пчелиная царица
Яйца белые кладет.
Перед ней всегда толпится
Умных нянек хоровод...

В суете неутомимой
Копошатся тут и там:
Накорми ее, да вымой,
Сделай кашку червячкам.

Перед ульем на дощечке
Вечно стража на часах,
Чтобы шмель через крылечко
Не забрался впопыхах.

А вокруг ковром пушистым
Колыхаются цветы:
Люттик, клевер, тмин сквозистый,
Дождь куриной слепоты...

Пчелы все их облетают —
Те годятся, эти — нет.
Быстро в чашечки ныряют
И с добычей вновь на свет...

Будет день, — придет старушка,
Тихо улей обойдет,
Подымит на пчел гнилушкой
И прозрачный мед сберет...

Хватит всем — и нам и пчелам...
Положи на язычок:
Станешь вдруг, как чиж, веселым
И здоровым, как бычок!

<1920>

СЛОН

— Слоник-слоник, настоящий слон живой,—
Отчего ты все качаешь головой?

— Оттого что, потому что, потому,—
Все я думаю, дружок, и не пойму...

Не пойму, что человек, такой малыш —
Посадил меня в клетушку, словно мышшь...

Ох, как скучно головой весь день качать!
Лучше бревна дали б что ли потаскать...

— Слоник-слоник, не качай ты головой!
Дай мне лучше поскорее хобот свой...

Я принес тебе из бархата слона,
Он хоть маленький, но милый. Хочешь? На!

Можешь мыть его, и нянчить, и лизать...
Ты не будешь головой теперь качать?..

<1920>

ДВА УТЕНКА

Два утенка подцепили дождевого червяка,
Растянули, как резинку,— трах! и стало два куска...

Желтый вправо, черный влево вверх тормашками летит,
А ворона смотрит с ветки и вороне говорит:

«Невозможные манеры! Посмотрите-ка, Софй...
Воспитала мама-утка... Фи, какая жадность! Фи!..»

Из окна вдруг тетя Даша корку выбросила в сад.
Вмиг сцепились две вороны — только перышки летят.

А утята страшно рады: «Посмотрите-ка, Софй!..
Кто воспитывал? Барбоска? Фи! И очень даже фи!..»

<1920>

ВОРОБЕЙ

Воробей мой, воробьишка!
Серый, юркий, словно мышка.
Глазки — бисер, лапки — врозь,
Лапки — боком, лапки — вкось...

Прыгай, прыгай, я не трону —
Видишь, хлебца накрошил...
Двинь-ка клювом в бок ворону,
Кто ее сюда просил?

Прыгни ближе, ну-ка, ну-ка,
Так, вот так, еще чуть-чуть...
Ветер сыплет снегом, злюка,
И на спинку, и на грудь.

Подружись со мной, пичужка,
Будем вместе в доме жить,
Сядем рядышком под выюшкой,
Будем азбуку учить...

Ближе, ну еще немножко...
Фурх! Удрал... Какой нахал!
Съел все зерна, съел все крошки —
И спасибо не сказал.

<1920>

ПРО КОТА

Раньше всех проснулся кот,
Поднял рыжий хвост столбом,
Спинку выпятил горбом
И во весь кошачий рот
Как зевнет!

«Мур! Умыться бы не грех...»
Вместо мыла — язычок,
Кот свернулся на бочок
И давай лизать свой мех!
Просто смех!

А умывшись, в кухню — шмыг.
Скажет «Здравствуйте» метле
И пошарит на столе:
Где вчерашний жирный сиг?
Съел бы вмиг!

В доме встали. Кот к окну:
«Мур! На ветке шесть ворон!»
Хвост забился, когти вон,
Смотрит кот наш в вышину
На сосну.

Насмотрелся, да во двор —
Зашипел на индюка,
Пролетел вдоль чердака
И, разрыв в помойке сор,
На забор!..

Убежал, разинув рот...
Только к вечеру домой
Весь в царапках, злой, хромой.
Долго точит когти кот
О комод...

Ночь. Кот тронет лапкой дверь,
Проберется в коридор
И сидит в углу, как вор.
Тише, мыши! Здесь теперь
Страшный зверь!

Нет мышей... Кот сел на стул
И зевает: «Где б прилечь?»
Тихо прыгнул он на печь,
Затянул «мурлы», вздохнул
И заснул.

<1913>

МОМЕНТАЛЬНАЯ ФОТОГРАФИЯ

На балконе под столиком
Сидят белые кролики
И грызут карниз.
Чистые,
Пушистые,
Одно ухо вниз,
А другое — в небо.
Дай им хлеба!
Подберут до крошки,
Понюхают быстро ладошку
И вон!
Хлоп — задними лапами в пол,

Скорее под стол,
За старый вазон...
Сядут в ряд,
Высунут усики
И дрожат.
Эх, вы, трусики!..

⟨1920⟩

УГОВОР

Еж забрался в дом из леса!
Утром мы его нашли —
Он сидел в углу за печкой
И чихал в густой пыли.

Подошли мы,— он свернулся.
Ишь, как иглами оброс!
Через пять минут очнулся,
Лапки высунул и нос.

Почему ты к нам забрался,—
Мы не спросим, ты пойми:
Со своими ли подрался,
Захотел ли жить с людьми...

Поживи... У нас неплохо.
Только раньше уговор:
Будешь ты Чертополохом
Называться с этих пор!

Ты не должен драться с кошкой
И влезать к нам на кровать,
Потому что ты колючий,
Можешь кожу ободрать...

За день будешь получать ты
По три блюдца молока,
А по праздникам — ватрушку
И четыре червяка.

Днем играть ты должен с нами,
По ночам — ловить мышей.
Заболеешь — скажем маме,—
Смажем йодом до ушей.

Вот и все. Теперь подумай.
Целый день ведь впереди...
Если хочешь, оставайся.
А не хочешь — уходи!

<1920>

В ХЛЕВУ

Пахнет сеном и теплом.
Кто там ходит? Кто там дышит?
Вьюга пляшет за селом.
Ветер веет снег на крыше.

Фыркнул добрый старый конь —
К сену тянется губами.
Смотрит вниз, в глазу — огонь...
Кто там бродит под столбами?

Поросенок! Хрю-хрю-хрю...
Рыльцем в стружках взрыл горбинку
И рысцой бежит к ларю
Почесать об угол спинку.

Две коровы поперебой
Все жуют, вздыхая, жвачку.
А теленочек рябой
В уголке бодает тачку.

Мышь гуляет по стене.
Гуси крикнули в клетушке...
Что приснилось им во сне?
Май? Зеленые опушки?

Ветер чуть скрипит крючком.
Тишь и тьма. Шуршит солома.
Пахнет теплым молоком.
Хорошо тому, кто дома!

<1920>

* * *

Что ты тискаешь утенка?
Он малыш, а ты — большой.
Ишь, задравши головушку,
Рвется прочь он всей душой...

Ты представь такую штуку,—
Если б толстый бегемот
Захотел с тобой от скуки
Поиграть бы в свой черед?

Взял тебя бы крепко в лапу,
Языком бы стал лизать.
Ух, как стал бы звать ты папу
И брыкаться и кричать!..

Ты снеси утенка к утке,
Пусть идет купаться в пруд.
Лапы мальчика не шутки,
Чуть притиснешь — и капут.

<1920>

ИНДЮК ВАЖНИЧАЕТ

Ф-фух!
Я индейский петух!..
Самый важный!
Нос трехэтажный...
Грудь кораблем,
Хвост решетом...
Ф-фух!

Ты балда-разбалда, оболтус-мальчишка.
Ты балда, ты болтун, ты буян, ты глупышка!..
Ф-фух!
Ты что меня дразнишь?

Я индейский петух!
Ф-фух!
Самый важный...
Нос трехэтажный,
Под носом — сережки
И сизые брошки.
Грудь кораблем,
Хвост решетом,
Персидские ноги,—
Прочь с дороги!..
Ф-фух!

<1920>

ЖЕРЕБЕНОК

Хвост — косичкой;
Ножки — спички,
Оттопырил вниз губу...
Весь пушистый,
Золотистый,
С белой звездочкой во лбу.
Юбку, палку,
Клок мочалки —
Что ни видит, — все сосет.
Ходит сзади
Тети Нади,
Жучку дразнит у ворот.
Выйдет в поле —
Вот раздолье!
Долго смотрит вдаль — и вдруг
Взвизгнет свинкой,
Вскинет спинкой,
И галопом — к маме в луг.

<1920>

МАРТЫШКА

— Отчего ты, мартышка, грустна
И прижала к решетке головку?
Может быть, ты больна?
Хочешь сладкую скушать морковку?..

— Я грустна оттого,
Что сижу я, как пленница, в клетке,
Ни подруг, ни родных — никого,
Ни зеленой развесистой ветки...
В африканских лесах я жила,
В теплых, солнечных странах;
Целый день, как юла,
Я качалась на гибких лианах...
И подруги мои —
Стаи вечно веселых мартышек —
Коротали беспечные дни
Средь раскидистых пальмовых вышек.
Каждый камень мне был там знаком.
Мы ходили гурьбой к водопою,
В бегемотов бросали песком
И слонов обливали водою...

Здесь и холод и грязь,
Злые люди и крепкие дверцы...
Целый день, и тоскуя и злясь,
Свой тюфяк прижимаю я к сердцу.
Люди в ноздри пускают мне дым,
Тычут палкой, хохочут нахально...
Что я сделала им?
Я — кротка и печальна.
Ты добрей их, ты дал мне морковь,
Дал мне свежую воду,—
Отодвинь у решетки засов,
Отпусти на свободу!..

— Бедный зверь мой, куда ты уйдешь?
Там на улице ветер и вьюга.
В переулке в сугробе заснешь,
Не увидев горячего юга...
Потерпи до весны лишь,— я сам
Выкуп дам за тебя, и уедем
К африканским веселым лесам,
К чернокожим соседям.

.....
А пока ты укройся теплей
И усни. Пусть во сне хоть приснится
Ширь родных кукурузных полей
И мартышек веселые лица.

<1920>

ПОПКА

— У кого ты заказывал, попочка, фрак?
— Ду-рак!
— А кто тебе красил колпак?
— Ду-ррак!
— Фу, какой ты чудака!
— Ду-рррак!

Скучно попочке в клетке, круглой беседке.
Высунул толстенький черный язык,
Словно клык...
Щелкнул,
Зацепился когтями за прутья,
Изорвал бумажку в лоскутья,
И повис — вниз головой.
Вот он какой!

<1920>

ТЕЛЕНОК СОСЕТ

Пришла во двор корова:
«Му! Я здорова,
Раздуты бока,—
Кому молока?»
Прибежал теленок,
Совсем ребенок:
Лбом вперед,
Мордой в живот,
Ножками пляшет,
Хвостиком машет...
Сосет!
То мимо, то в рот.
Недовольна корова,
Обернулась к нему
И смотрит сурово:
«Му-у!
Куда ты спешишь?
Глупыш...»

<1920>

КТО?

Ну-ка, дети! —
Кто храбрее всех на свете?
Так и знал — в ответ все хором нараспев:
Лев!

Лев? Ха-ха... Легко быть храбрым,
Если лапы шире швабры.
Нет, не лев, не слон... Храбрее всех малыш —
Мышь!

Сам вчера я видел чудо,
Как мышонок влез на блюдо
И у носа спящей кошки,
Не спеша, поел все крошки.
Что?

<1920>

ВЕЧЕРНИЙ ХОРОВОД

Добрый вечер, сад-сад!
Все березки спят-спят,
И мы скоро спать пойдем,
Только песенку споем.

Толстый серый слон-слон,
Видел страшный сон-сон,
Как мышонок у реки
Разорвал его в клочки...

А девочкам, дин-дон,
Пусть приснится сон-сон,
Полный красненьких цветков
И зелененьких жучков!

До свиданья, сад-сад!
Все березки спят-спят...
Детям тоже спать пора —
До утра!

<1913>

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

(Для куклы)

Баю, кукла, баю, бай —
Спи, а то придет Бабай!

Мячик спит и утка спит,
Ослик в сумочке храпит.

Если крепко будешь спать,
Дам конфетку полизать.

Встанешь, сказочку скажу —
Про слона... и про Жужу.

Интересно — ай-яй-яй!
Только раньше надо бай.

<1912>

ДЕВОЧКА ПОЕТ

Бам! Солнце блещет.
Бам! Море плещет,
Лижет-лижет-лижет бережок.
Из песка морского,
Светло-золотого
Я слепила толстый-толстый пирожок.

Божия коровка,
Черная головка,
Красный-красный-красненький наряд...
Ты постой, послушай,
Сядь-ка и покушай —
Улетела к мужу-мужу-мужу в сад!

Сделала семь бабок.
Все свалились набок...
Чайка-чайка-чайка села вдруг на шест!
Клинг! Посмотрела.
Кланг! Улетела...
Может быть, ворона-рона-рона съест?

<1920>

МАМИНА ПЕСНЯ

Синий-синий василек,
Ты любимый мой цветок!
У шумящей желтой ржи
Ты смеешься у межи,
И букашки над тобой
Пляшут радостной гурьбой.

Кто синее василька?
Задремавшая река?
Глубь небесной бирюзы?
Или спинка стрекозы?
Нет, о нет же... Всех синей
Глазки девочки моей.

Смотрит в небо по часам.
Убегает к василькам.
Пропадает у реки,
Где стрекозы так легки —
 И глаза ее, ей-ей,
 С каждым годом все синей.

<1920>

ДОКТОР АЙ

Где живет злой доктор Ай?
Это знают все детишки.
Ну-ка, первого хватай
За густые волосишки...
Ух как взвизгнул: «Ай-яй-яй!»
«Доктор дома. Что угодно?» —
«Дайте фунт воды холодной
Для примочки «не зевай!».

<1920>

НЕГРИТЯНСКАЯ ПЕСНЯ

На песке-песке горячем я под пальмою лежу...
Сладкий финик сунул в зубы и сквозь листья вверх гляжу.
 Небо, как синька, тучка, как пирог,
 Пальма, как зонтик, негр, как сапог...
 Бум! Бум! Меня зовут Джон.
 Мой папа был черный, как сорок ворон.

Вон вдали идет-шагает длинный черт — горбун-верблюд.
Ах, в жару возить араба — самый-самый страшный труд!
 Желтый верблюд, белый араб,
 Горб с хвостом, две пары лап...
 Бум! Бум! Что он везет —
 Финики, фиги и сухой компот...

Мой живот блестит на солнце, как галоша под дождем...
Я теперь простой носильщик, а когда-то был вождем...
 Я носил на шее пряжку,
 Плащ и желтую подтяжку...
 Бум! Бум! А теперь на мне
 Красная ниточка на правой ступне.

Жар спадет, пойду купаться — за холмом бежит река.
Жиром голову намажу и нырну у тростника...
Негр под водой, пузыри летят,
Крокодил проснулся, негр плывет назад...
Бум! Бум! Хорошо на свете...
Счастливы только негры и дети!

<1920>

ЧИЖИК

— Чижик, чижик, где ты был?
— У Катюши кофе пил,
С булкой, с маслом, с молоком
И с копченым языком.

А потом мы на шкапу
С ней плясали «Ки-ка-пу»...
Ножки этак, так и смяк,
А животики — вот так.

А потом я на окне
Спел ей песню о весне:
Кот мурлыкал, пес ворчал,
Ветер шторку колыхал.

А потом, потом, потом
Дал коту я в глаз хвостом,
Поднял крылья, клюнул пса
И умчался в небеса!

<1920>

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

(Для маленького брата)

Баю-бай! Васик — бай!
Ты, собака, не лай!
Ты, бычок, не мычи!
Ты, медведь, не рычи...
Волк, миленький, не вой,
Петушок, дружок, не пой!
Все должны теперь молчать:
Васик хочет спать...

Баю-бай! Васик — бай!
Ножками не болтай,
Глазками не моргай,
Смеяться не надо,
Ладушка-ладо!
Спи, толстый мой голыш...
Мухи — кыш! Мухи — кыш!
Не смей его кусать —
Васик хочет спать...

Баю-бай! Васик — бай!
Жил в зверинце попугай.
Зеленый и гладкий,
На желтой подкладке.
Все кричал он и кричал,
Все не спал он и не спал.
Прибежал вдруг котик,
Прыгнул на животик,
Баю-баю-баю —
И съел попугая...
Раз-два-три-четыре-пять,
Пузырей не пускать!
Спать!..
А не то нашлепаю!

〈1920〉

КАРТОЧНЫЙ ДОМИК

Начинается постройка!
Не смеяться, не дышать...
Двери — двойки, сени — тройки...
Стоп! Упал, так строй опять.
В уголке швейцар на койке —
На семерке — будет спать.

Милый, славный... Не вались!
В первой комнате валеты,
Фу-ты, ну-ты, как одеты!
Шляпа вверх и шляпа вниз,
Вдоль по стеночкам карниз
Из четверок и пятерок.
Не шататься! Я вам дам!
Дальше — ширмы для шестерок:
Это ванная для дам.

Короли пусть спят в столовой.
Больше нигде — только тут.
Дама пик и туз бубновый
На веранде кофе пьют.
Дети? Нет у них детей,
Ни детей, ни птиц, ни кошек...
Это — дырки для окошек,
Это — спальня для гостей.

С новосельем! Бим и бом!..
Дом готов. Еще на крыше
Надо две трубы повыше.
Не дрожи, голубчик дом!
Не качайся, ради Бога...
Ни, ни, ни!.. Еще немного...
Ах!
Зашатался на углах,
Перегнулся, пошатнулся,
И на скатерть кувырком,—
Вот так дом...

<1920>

КОШКИ-МЫШКИ

Кошка — злока в серой шубке!
Кошка — страшный хищный зверь...
Растопыряйте юбки,
Пропускайте мышку в дверь!

Пропускайте мышь-трусиху,
Кошка здесь, и там, и тут...
Мышка, мышь, ныряй под мышку,
А не то — тебе капут.

Оближи-ка, кошка, губки:
Мышку ветер подковал...
Ты возьми-ка хвост свой в зубки,
Чтобы бегать не мешал!

Кошка-киска, зверь лукавый,
Кошка — злока, кошка — брысь!
Вправо-влево, влево-вправо,—
Мышка, мышка, берегись!

Ай, как страшно бьется сердце!
Наш мышонок чуть живой:
Разбежался в круг сквозь дверцы,
Бац — и в кошку головой...

<1920>

ЗАСТЕНЧИВЫЙ ТАРАКАН

На столике банка,
Под банкой стакан,
Под стаканом склянка,
В склянке таракан...

Ах, как ему стыдно!
Не мил ему свет...
Все насквозь ведь видно,
А он — не одет...

<1920>

ЧЕЛОВЕЧЕК В ЧАСАХ

Кошка спит. Погасла свечка.
Ветер дергает засов...
Надо вызвать человечка
Из больших стенных часов.

Тик-и-так! Седая шерстка,
Вылезай-ка! В доме — тишь...
Выпьешь чаю из наперстка,
На пружинках подрожишь...

Сядем рядом на скамейке,
Взвизгнем так, что вздрогнет дом!
Ты направо склонишь шейку,
Я — налево, — и замрем...

И в ответ — в домах у речки,
Где огней мигает ряд,
Из часов все человечки,
Словно черти, завизжат!

<1920>

ПОЛЬКА

В среду были именины
Молодого паука.
Он смотрел из паутины
И поглаживал бока.
Рим-тим-тим!
Слез по шторе.
Гости в сборе?
Начинай!

Таракан играл на скрипке,
А сверчок на контрабасе.
Две блохи, надевши штрипки,
Танцевали на матрасе.
Рим-тим-тим!
Вот так штука...
Ну-ка, ну-ка,
Жарь всюю!

Мышь светила им огарком,
Муха чистила свой рот.
Было очень-очень жарко,
Так что с блох катился пот.
Рим-тим-тим!
Па — направо,
Браво-браво,
Браво-бис!..

Угощались жирной костью
За печуркою в трубе,
А паук съел муху-гостью
И опять полез к себе.
Рим-тим-тим!
Гости плачут,
Блохи скачут,—
Наплевать!

<1920>

ГОРЬКОЕ ЛЕКАРСТВО

Утром розовая зорька
Шла тихонько сквозь лесок...
Отчего лекарство горько?
Я не знаю, мой дружок.
Ты закрой, закрой скорее темно-синие глаза
И глотай, глотай — не думай, непоседа-стрекоза.

Чиж здоров — и бык, и кошка,
Еж и пчелка, жук и шмель...
Хорошо ль, поджавши ножки,
Мучить целый день постель?

Ты глотай, глотай, не думай, — все до капли, мой дружок,
Завтра утром будешь прыгать, как зелененький жучок!

<1920>

ДОЖДИК

Летний дождик хлещет в крышу
По железным по листам.
Слышу, слышу!
Тра-та-та-та, трам-там-там!

Скину тесные сапожки
И штанишки засучу...
По канавке вдоль дорожки
С визгом рысью поскачу.

Эва! Брызги, словно змейки!
Вся канава в пузырях,
Дождик пляшет на скамейке,
Барабанит в лопухах.

Поливалкою колочей
Промочил меня насквозь...
Солнце вылезло из тучи!
Солнце высушит — не бось!

<1920>

ПЕСНЯ СОЛНЕЧНОГО ЛУЧА

Луч вбил в ставню через щелку
Золотистую иголку
И запрыгал на полу.

— Эй, проснись, лентяй-мальчишка...
Встали утки, встала мышка,
Кошка моется в углу.

Спит! Храпуша... Нос распухнет...
Самовар ворчит на кухне.
Ждет парное молоко.

Золотится лес и крыша.
Мчится в лес теленок Миша,
Хвост задравши высоко.

Встань, вставай... Вода в кадлушке
Холодней брюшкá лягушки,—
Брызни горсточкой в глаза.

День сияет, сад сверкает,
Перед дверью Жучка лает,—
Ну, вставай же, егоза!

<1920>

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Зеленая елка, где твой дом?
— На опушке леса, над тихим холмом.

Зеленая елка, как ты жила?
— Летом зеленела, а зимой спала.

Зеленая елка, кто тебя срубил?
— Маленький, старенький дедушка Памфил.

Зеленая елка, а где он теперь?
— Курит дома трубку и смотрит на дверь.

Зеленая елка, скажи — отчего?
— У него, у дедушки, нету никого.

Зеленая елка, а где его дом?
— На каждой улице, за любым углом...

Зеленая елка, а как его позвать?
— Спросите-ка бабушку, бабушку и мать...

<1920>

ПЕСНЯ МУХИ

Зу-зу-зу —
Пол внизу...
Я ползу по потолку
В гости к черному крючку...
Зы, как жарко, зу-зу-зэ,
Ах, как чешется в глазу!

На клеенке на столе
Капля сладкого желе...
Зы-зы, мальчик, это что?
Взял слизал, а мне-то что!..

Зынь-дзынь!
Полечу скорей в окошко.
Там за елкой на дорожке
Много корочек от дынь.
Дзынь!

<1920>

СКРУТ

- Кто живет под потолком?
- Гном.
- У него есть борода?
- Да.
- И манишка, и жилет?
- Нет...
- Как встает он по утрам?
- Сам.
- Кто с ним утром кофе пьет?
- Кот.
- И давно он там живет?
- Год.
- Кто с ним бегаёт вдоль крыш?
- Мышь.
- Ну, а как его зовут?
- Скрут.
- Он капризничает, да?
- Ни-ког-да!..

<1920>

ПЕСНЯ ВЕТРА

В небе белые овечки...
Гу! Я дунул и прогнал.
Разболтал волну на речке,
Ветку с липы оборвал...
Покачался на осинке —
Засвистал и марш вперед.
Наклоняй-ка, лес, вершинки —
Еду в город — на восход!

Вею-рею,
Вверх, за тучу, вбок и вниз...
Дую-вею,
Вот и город. Эй, очнись!

Дал старушке под коленку,
С визгом дунул через мост,
Грохнул вывеской о стенку,
Завернул собаке хвост.
Эй, горбун, держи-ка шляпу...
Понеслась вдоль лавок в грязь!..
Вон, вытягивая лапу,
Он бежит за ней, бранясь.

Вею-рею!
Раскачал все фонари...
Дую-вею!
Кто за мною? Раз-два-три!

Здравствуй, Катя! Ты из школы?
Две косички, кнопкой нос.
Я приятель твой веселый...
Сдернуть шапочку с волос?
Взвею фартучек твой трубкой,
Закручу тебя волчком!
Рассмеялась... Ну и зубки...
Погрозила кулачком...

Вею-рею!
До свиданья. Надо в лес...
Дую-вею!
Через крыши, вверх все выше,
Вверх все выше, до небес!

<1920>

КОГДА НИКОГО НЕТ ДОМА

В стекла смотрит месяц красный.
Все ушли — и я один.
И отлично! И прекрасно!
Очень ясно:
Я храбрее всех мужчин.

С кошкой Мур, на месяц глядя,
Мы взобрались на кровать:
Месяц — брат наш, ветер — дядя,
Вот так дядя!
Звезды — сестры, небо — мать...

Буду петь я громко-громко!
Буду громко-громко петь,
Чтоб из печки сквозь потемки
На тесемке
Не спустился к нам медведь...

Не боюсь ни крыс, ни Буки,—
Кочергою в нос его!
Ни хромого черта Клуки,
Ни гадюки,—
Никого и ничего!

В небе тучка, как ягненок,
В завитушках, в завитках.
Я — не мальчик, я — слоненок,
Я — тигренок,
Задремавший в камышах...
Жду и жду я, жду напрасно —
Колокольчик онемел...
Месяц, брат мой, месяц красный,
Месяц ясный,
Отчего ты побледнел?

<1920>

ЗИМОЙ

Снежинки-снежинки,
Седые пушинки,
Летят и летят!
И дворик и сад
Белее сметаны,
Под крышей висят
Прозрачные льдинки...
Дымятся лужайки, кусты и тропинки,
За садом молочные страны
Сквозят.

Лохматые тучи
Нахмурили лоб,
А ветер колючий
Сгребает сугроб,—
Бросает снежками...
Над пухлым забором
Несется прыжками,
И белым узором
Заносит мохнатые окна и дверь,
И воет, как зверь!

Вороны прозябли,
Кусты, словно грабли...
Кусает мороз,—
А ветви берез,
Как белые сабли...
То вправо, то влево
Кружусь, как волчок.
Эй, Снежная Дева!

Возьми, подыми на сквозном дирижабле
И в стае снежинок умчи за лесок!

<1920>

СВЕРЧОК

Что поет сверчок за печкой?
«Тири-тири, надо спать!»
Месяц выбелил крылечко,
Сон взобрался на кровать...
Он в лицо Катюше дышит:
«Ты, коза,— закрой глаза!»
Катя слышит и не слышит.
За окном шуршит лоза.
Кто там бродит возле дома?
Мишка с липовой ногой,
Дочка сна, колдунья-дрема?
Черт ли с Бабою Ягой?
Ветер просит за трубою:
«Пи! Мне холодно! Пусти!...»
Это что еще такое?
В лес, на мельницу лети...
Катя ждет, поджав коленки.
Тишина... И вот опять
Друг-сверчок запел со стенки:
«Тири-тири... надо спать!»

<1920>

КОНЦЕРТ

Мы — лягушки-кваксы.
Ночь чернее ваксы...
Шелестит трава.
Ква!

Разевайте пасти,—
Больше, больше страсти!
Громче! Раз и два!
Ква!

Красным помидором
Месяц встал над бором.
Гукает сова...
Ква!

Под ногами — кочки.
У пруда — цветочки.
В небе — синева.
Ква!

Месяц лезет выше
Тише-тише-тише,
Чуть-чуть-чуть-едва:
Ква!..

<1920>

ЗЕЛЕННЫЕ СТИХИ

Зеленеют все опушки.
Зеленеет пруд.
А зеленые лягушки
Песенку поют.

Елка — сноп зеленых свечек,
Мох — зеленый пол.
И зелененький кузнечик
Песенку завел...

Над зеленой крышей дома
Спит зеленый дуб.
Два зелененькие гнома
Сели между труб.

И, сорвав зеленый листик,
Шепчет младший гном:
«Видишь? Рыжий гимназистик
Ходит под окном.

Отчего он не зеленый?
Май теперь ведь... Май!»
Старший гном зевает сонно:
«Цыц! Не приставай».

<1920>

* * *

Ах, сколько на свете детей!
Как звезд на небесном челе...
По всей необъятной земле
Кружатся, как стаи чижей...

Япончата,
Китайчата,
Англичане и французы,
Узкоглазые тунгузы,
Итальянцы,
И испанцы,
Арапчата,
Негритята,
Португальцы,—
Перебрали все мы пальцы,
На ногах еще ведь есть,
Да не стоит — всех не счесть!

Все любят сласти, игры и сказки,
Все лепят и строят,— подумай, дружок!
У каждого ясные, детские глазки
И каждый смеется и свищет в свисток...

Ах, когда б собрать всех вместе —
Верст на двести
Растянулся б хоровод...
Завертеться б, закружиться,
Сразу всем остановиться,
Отдышаться всем на миг —
И поднять веселый крик!

Птицы б с веток все слетели,
Солнце б вздрогнуло вверху,
Муравьи б удрали в щели,
Ветер спрятался б во мху!..

<1920>

ЖИВАЯ АЗБУКА

ЖИВАЯ АЗБУКА

Буквам очень надоело
В толстых книжках спать да спать.
В полночь — кучей угорелой
Слезли с полки на кровать.
А с кровати на пол сразу,
Посмотрели — люди спят —
И затеяли проказу,
Превесёлый маскарад.
А — стал аистом, Ц — цаплей,
Е — ежом... Прекрасный бал!
Я не спал и всё до капли
Подсмотрел и записал...
Утром в дверь стучит художник
(Толстый, с чёрной бородой,
И румяный, как пирожник), —
Это был приятель мой.
Прочитал он, взял бумагу,
Вынул семь карандашей
И сейчас же всю ватагу
Срисовал для малышей.

Астра в садике цветёт —
Аист, вам пора в поход!

Бык весь день мычит и ест,
Белка держит хвост, как шест.

Ворон может жить сто лет,
Волк овце — плохой сосед.

Гусь шагает, как солдат,
Груша зреет — Гриша рад.

Дятел в дуб всё тук да тук...
Дуб скрипит: «Что там за стук?»

Ёж под ёлкой удивлен:
Ёлка с иглами — и он.

Жаба ждёт, раздув живот,
Жук летит ей прямо в рот.

Зяблик роще засвистал,
Заяц струсил и удрал.

Ива клонит ветви в пруд,
Индюки всегда орут.

Крыса мчится через мост,
Кот за ней, задравши хвост.

Лебедь родственник гусям,
Лошадь — зебре, лещ — ершам.

Мышь глядит на потолок:
«Муха, свалишься, дружок!»

Норка ловит рыб в волне,
Носорог храпит во сне.

Ослик влез в чертополох,
Обезьянки ищут блох.

Пчёлка трудится весь день,
Петушку ж и клонуть лень.

Рыжик прячется в бору,
Рак ползёт в свою нору.

Слон ужасно заболел,
Сливу с косточкою съел.

Тигр свирепей всех зверей,
Таракан же всех добрей.

Утка — опытный нырок,
Ужик любит холодок.

Фиги сладки, как желе,
Филин днём сидит в дупле.

Хрущ — весёлый майский жук,
Хмель ползёт на шест без рук.

Цыпка вышла из яйца,
Цапля спит у деревца.

Червячок влез на цветок,
Чиж слетел — и клюнул в бок.

Шимпанзе грызёт бисквит,
Шпиц от зависти дрожит.

Щур ест пчёл по сотне в день,
Щука-злюка скрылась в тень.

Эфиопы варят суп,
Эскимос защит в пять шуб.

Юнга моет свой корабль,
Юра клеит дирижабль.

Ястреб — ловкий птицелов,
Ягуар — гроза лесов.

Твёрдый знак и мягкий знак,
Ы и Й остались так.

«В красках? Нет... — вздохнул издатель. —
Краски страшно вздорожали!»
И художник и писатель
Пожелтели от печали.
Что подумают детишки?
Это очень странно даже,
Что в такой весёлой книжке
Все цветы и звери в саже...

Но издательская дочка
Вдруг посыпала словами,
Как горохом из мешочка:
«Пусть раскрашивают сами!
Так занятно все картинки

Расцветить в четыре краски:
Жёлтой — пусть покрасят спинки,
Красной — все цветы и губы,
Синей — небо, воду, глазки...
А зелёной — мох и ели...»

И в ответ ей басом грубым
Все сказали: «В самом деле!»

⟨1914—1922⟩

**СОН ПРОФЕССОРА
ПАТРАШКИНА**

СОН ПРОФЕССОРА ПАТРАШКИНА

Старичок профессор Патрашкин
Ничего не может понять:
Уснул он в ночной рубашке,
Повесил пиджак на кровать,
Положил под подушку спички
И руки сложил крестом...
Отчего вдруг запели птички
И солнце зажглось за окном?
Почему он в алом камзоле?
Почему карабин за плечом?
Глаза свои поневоле
Таращит профессор сычом...
В уголке на резной деревяшке
Тихо вертится глобус-толстяк
И пищит: «Профессор Патрашкин,
Собирайся в дорогу, чужак!»
В правой лапе большая дубинка,
В левой — шляпа с желтым пером...
За окном облака, как картинка,
Отливают в воде серебром.
Взял профессор масла и хлеба
И скомандовал: «Живо, корабль!»
Над балконною дверью в небе
Запыхтел в ответ дирижабль.

* * *

Хорошо пролетать над землею,
Склонясь к рукоятке руля!
В глубине цветной полосой
Проплывают леса и поля...
Сзади ласточки мчатся летуны
И смеются — «Чивик-чивик!»
«Посмотрите скорей, щебетуны,
Ах, какой презабавный старик!»
Но серьезен профессор Патрашкин,—
Сбоку дует противный бриз...
Пусть смеются глупые пташки,
Не слететь с дирижабля бы вниз!

Голубеют моря и проливы,
Волны сонно плывут на восток,—
Вдалеке песчаною гривой
Зажелтел в волнах островок.
На песке—вблизи и далече—
Бесконечные толпы зверей...
Фу, какая пышная встреча!
Опускайтесь, профессор, скорей...
Заяц бьет в барабан скоро-скоро,
Поросенок подносит хлеб-соль,
Пес берет «на краул». Вот умора!
Кот дудит в трубу: «си-бемоль»...

* * *

Косматый лев на опушке
Устроил в честь гостя парад.
Слоны провозили пушки,
Торжественно двигаясь в ряд.
На жирафах промчались мартышки,
Упирая в стремя копые.
Протащились с обозом Мишки,
Неуклюже-смешное зверье.
А за ними собачья пехота
(Впереди командир лихой)
Проходила за ротою рота,
Задравши хвосты дугой...
Лев рычал: «Здорово, барбосы!»
А они отвечали: «Гав-гав!»
Барабанщик, заяц курносый,
Бил дробь, лапы вверх приподняв.
«Повзводно! Равненье налево!»
Проходит последний отряд.
Фельдмаршал, выпучив чрево,
Обращает к профессору взгляд:
«Молодчаги!.. Не то что медведи...»
А Патрашкин любезно сказал:
«Я пленен киверами из меди,—
У пожарных таких не видал!»

* * *

После чая с желе земляничным
Лев профессора взял за жилет:
«Милый гость! Вы мне симпатичны,—
Я хотел бы иметь ваш портрет.
Мой художник, пудель Кудлатый,

Вас напишет во весь ваш рост.
Обезьяна номер двадцатый
Вас проводит к нему через мост!..»
Пришел в мастерскую Патрашкин.
Пудель вежливо твякнул: «Сейчас!»
Собака с кистями в чашке
Не спускает с пуделя глаз.
«Эй, там! Уберите-ка столик...
Прошу вас: палку — в кулак,
Не таращите глаз, как кролик, —
А другую руку — вот так...»
Старичок обливается потом,
А пудель сидит и пыхтит,
Кисть ходит крутым поворотом,
И холст на мольберте скрипит.
Писать человека — не шутка,
Собаку — легче в сто раз!
«Не качайтесь, профессор, как утка,
Не пяльте, пожалуйста, глаз...»

* * *

Профессор с медведем полярным
В дворцовый отправился парк.
Бананы дождем янтарным
Желтели под мрамором арк.
Томясь, золотистые рыбы
Зевали в теплом пруде,
И пальмы, зеленые глыбы,
Кольцом отражались в воде.
«Прекраснее парка нету!»
Вдохнул вдруг медвежий бас:
«Но скажу вам, мой друг, по секрету —
Зимы не бывает у нас...»
Вернулись к воротам тихо,
Прошли сквозь чугунный узор.
Взмахнувши лапою лихо,
Медведь зарычал: «Шофер!»
А барс, полицейский в каске,
Расчистив профессору путь,
Скосил почтительно глазки
И выпятил бравую грудь.
Желтобокий мотор качнулся,
Запыхтел, как большой самовар...
Мандрила-шофер обернулся, —
Профессор сказал: «На базар».

Жара на зверином базаре!
 Веселый разносится гам,
 Толпятся косматые твари,
 Собачонки снуют по рядам.
 Арбузы лежат у кибитки,
 Прилавки — со всех сторон.
 Медведица в серой накидке
 У козы покупает лимон...
 Корова мычит: «Вот груши!»
 Обезьяны визжат у шатров,
 Осел ржет, вскинувши уши:
 «Кому воздушных шаров?..»
 На дороге калека-тушканчик
 Пристает к прохожим, бедняк.
 Профессор полез в карманчик
 И дал попрошайке пятак.
 Зной колет сквозь шляпу, как жало,
 Но профессор и весел, и рад.
 Антилопа к нему подбежала:
 «Старичок, купи виноград!»
 Купил полпуда. Вот комик!
 Все роздал козлятам, а сам
 Пошел на пригорок в домик
 С визитом к приятелям-псам.

* * *

В саду под яблоней пышной
 Беседует с гостем жираф.
 «Скажите, профессор, что слышно? —
 Спросил он галантно, как граф. —
 Что пишут знакомые ваши?
 Скучаете с нами иль нет?
 Довольны ли островом нашим?..»
 Профессор на это в ответ:
 «Что пишут? Не знаю я, право,
 Я почты еще не вскрывал.
 У вас отдохнул я на славу, —
 Здесь жизнь беззаботна, как бал...
 Гуляю, питаюсь прекрасно,
 Совсем бородою оброс...
 Одно лишь досадно ужасно, —
 Не взял я с собой папирос!»
 Жираф предложил ему мило
 Сигару с маркой совы.
 Профессор ответил уныло:

«Сигар не курю я, увы...»
Мартышка всю эту беседу
Спешит поскорей записать:
В «Обезьянью газету» к обеду
Ей надо статью уже сдать.

* * *

Откормленный, словно лабазник,
Под вечер приплелся тюлень:
«Профессор, сегодня праздник —
Звериный воскресный день...
Сегодня в дворцовом парке
Концерт с фейерверком дают.
Вот здесь для вас контрамарка,—
Все звери вас просят и ждут...»
Профессор был в десять на месте.
Сияли в ветвях светляки,
Звенели литавры из жести,
Гудели ночные жуки.
Рассевшись в кружок, лягушки
Запели вдруг у пруда:
«Профессор Патрашкин — душка!
Не забудем его никогда!»
А серна на камушке плоском
Держала трамплин на носу:
На нем качались стрекозки,
Качались, звеня на весу...
Профессор смеялся и хлопал...
Какой чудесный сюрприз!
Тюлень бил лапами об пол
И хрипло горланил: «Бис!..»

* * *

Ах, бедный профессор Патрашкин!
В висках стучит молоток,
По телу бегут мурашки
И колет под ложечкой в бок.
Что делать? Но с дерева в поле
Знакомый сказал ему грач:
«Пошел бы ты к буйволу, что ли,—
Он первый на острове врач».
Поплелся тихонько Патрашкин.
Приходит, а буйвол мычит:
«Садись. Расстегни-ка рубашку,
Вздыхни-ка. Поглубже! Болит?
Пульс скверный. Потеешь? Ну, ладно...

А ну, покажи-ка язык.
Ведь вечером в парке прохладно,
Беречься бы надо, старик!
Не пей холодного кваса,
Не ешь телят и коров...
Все ваши болезни от мяса,—
Ведь я же не ем, а здоров.
Прими касторки две чашки,—
Компресс на живот и на грудь...»
Испуганный бедный Патрашкин
Шепнул: «Непременно» — и в путь.

* * *

Поезд стоит у перрона.
Блещет лаком вагон-ресторан.
Толстый Мишка в двери вагона
Профессорский внес чемодан.
Прощайте, пышные пальмы!
До свиданья, звериный народ!
Муравьед в коричневой тальме
Нежно руку профессору жмет...
Две собаки, смешные кудлашки,
Поднесли цветов кузовок...
Носорог в ярко-красной фуражке
Скомандовал: «Третий звонок!»
Промелькнули коты на заборе...
Удивлен профессор седой:
«Как с острова вплавь через море
Довезет его поезд домой?»
Задремал он, зевнув, как щука,—
Хорошо ведь в вагоне поспать...
Толчок. Проснулся. Вот штука!
Ничего не может понять...
Лежит он в своей постели,
Солнце светит со всех сторон,
Ветер дует с балкона в щели,—
Ах, какой удивительный сон!

<1924>

**СТИХОТВОРЕНИЯ,
НЕ ВОШЕДШИЕ В КНИГУ
«ДЕТСКИЙ ОСТРОВ»**

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ

В яслях спал на свежем сене
Тихий крошечный Христос.
Месяц, вынырнув из тени,
Гладил лен его волос...
Бык дохнул в лицо младенца
И, соломою шурша,
На упругое коленце
Засмотрелся, чуть дыша,
Воробьи сквозь жерди крыши
К яслям хлынули гурьбой,
А бычок, прижавшись к нише,
Одеяльце мял губой.
Пес, прокравшись к теплой ножке,
Полизал ее тайком.
Всех уютней было кошке
В яслях греть дитя бочком...
Присмиривший белый козлик
На чело Его дышал,
Только глупый серый ослик
Всех беспомощно толкал.
«Посмотреть бы на ребенка
Хоть минуточку и мне!»
И заплакал звонко-звонко
В предрассветной тишине...
А Христос, раскрывши глазки,
Вдруг раздвинул круг зверей
И с улыбкой, полной ласки,
Прошептал: «Смотри скорей!..»

<1920>

ПРО БЫЧКА

Ты думаешь, верно, дружок,
Что это простой деревенский бычок
С рожками, с ножками,
С набитым травой животом

И с вертлявым хвостом?
Это ошибка:
«Бычок» — это просто веселая рыбка.
Живет она в Черном море
На вольном лазурном просторе...
Днем, выпучив глазки, купается,
Ночью у скал колыхается.
Что он ест? Не знаю.
Помню целую стаю:
Я им с мола бросал
(Даже устал!) —
Халву, крошки бананов,
Изюм, бисквит, тараканов,
Овсянку и саги,
Клочок газетной бумаги, —
Руки мои онемели, —
А они все ели да ели...
Как живется бычком? Превосходно.
Засыпают, когда им угодно,
Не умываются,
Не раздеваются,
Не учат латинских склонений,
Ни французских спряжений,
Не зубрят притоков Дуная, —
Зачем им вода речная?..
Словно школьник за школьником,
Построят ряды треугольником,
Разинут круглые рты
И плывут, изгибая хвосты,
То вперед, то назад, —
Куда захотят...

Одна лишь беда:
На молу иногда
Сидит сухой, как сморчок,
Старичок.
Рядом в старой корзинке
Червяки и личинки,
Картуз с табаком «Мелкая крошка»
И хлеба немножко...
Навернет старичок на крючок
Полчервяка,
Зевнет, почешет бока
И закинет удочку в море:
Тут-то и горе!
Налетит бычок
На крючок:
Больно, кричать не умеет,

Отцепиться не смеет...
Старичок наловит десяток,
Кликнет знакомых ребяток,
Из-под камня достанет, пыхтя и кряхтя,
Сковородку,
Бросит соли щепотку...
Затрещат-загудят камыши,—
А вокруг малыши,
К огню нагибаясь,
Песню поют, насмехаясь:

«Эх ты, жадина-бычок,—
Напоролся на крючок!
Вот теперь наш старичок
Подрумянит твой бочок...»

<1924>

ХРАБРЫЙ МАЛЬЧИК

По моей мансардной крыше
Запузыривает дождь.
Я лежу за шкафом в нише,
Плед сползает, в пятках дрожь.
Плед сползает... Я не Гриша,—
Я ковбойский храбрый вождь!

Шляпа-облако из фетра,
Имя: «Томсон — Дикий Гусь»,
Вмиг — прыжком в четыре метра —
На мустанга я сажусь
И лечу быстрее ветра...
Грянет гром — не обернусь!

На руке спиралью свито
Бесконечное лассо...
По траве шипят копыта,
Стремена, как колесо...
Небо звездами расшито,
Месяц — светлое серсо.

Враг мой, рыжий Джек-плантатор
Оскорбил меня вчера...
В кабачке ночном «Экватор»
С ним кутил я до утра.
Под навесом ресторатор .
Жарил серну у костра.

Джек сказал, что из винтовки
Не попал бы я в орла!
Две мулатки — вот чертовки! —
Рассмеялись из угла.
Хлопнув плетью по циновке,
Я вскочил из-за стола.

Гром и молния! Терпенье...
Пуля первая — орлу.
А вторая... Мщенье, мщенье!
Разве я снесу хулу?!
Послезавтра, в воскресенье,
Будет трупом на полу.

Что там в прерии мелькнуло
Средь метелок камыша?
Вмиг рука лассо метнула,
Грянул буйвол, не дыша...
Тьфу, свалил часы на стуле!
В пятки прыгнула душа.

Спичек нету! Папа с мамой
На Шаляпина ушли.
Во дворе за темной рамой
Плачет дождик: «Пли-пли-пли»...
Под кроватью кот упрямый
С куклой возится в пыли.

<1924>

ЛИСА-ПОСТНИЦА

(Русская сказочка)

В норе с голоду не сидится,—
Пошла по лесу лисица —
Счастья-удачи искать,
Корму себе промышлять.
— Ух, какой дух ядреный!
Глядь, под березкой зеленой,
На самой опушке,
Лежит мясо в ловушке...
Села на хвост лисица,
Левым глазом косится,
Правым — глядит в небеса:
Недаром лиса!

На ту самую пору
Шел волк голодный по бору,
Потянул носом, бездельник,
Продрался сквозь можжевельник,
Облизнулся и молвил: «Эхма!
Что ж ты не ешь, кума?»
«Мясное? Ах ты, балда,
Да ведь нонче у нас середка!»
А волк ей в ответ: «Плевать...»
Да мясо зубами — хватъ...
Попал волк горлом в силок,
Разогнулась вершинка,
Как литая пружинка,—
Канат его вверх поволок!
Дрыгает волк ногами,
Лязгает волк зубами,
А лисица-сестрица,—
Ей не сидится,—
Скорее к мясу прыжком,
Ест и играет зрачком.

Увидел бедняга-волк,
Зубами в воздухе шелк —
И хрипит: «А что ж середка?»
«Ничего, куманек, не беда...—
Отвечает лисица,—
Пусть тот попостится,
Кто под березой висит
И ножками дратву сучит...»

<1924>

СТАРШИЙ БРАТ

Митя, любимец мамин,
Конкурсный держит экзамен.
Пальцы у него похудели,
Глаза запрятались в щели...
На столе — геометрия,
На полу — тригонометрия,
На кровати — алгебра, химия
И прочая алхимия.
Сел он носом к стене,
Протирает пенсне
И зубрит до одурения.
Мама в ужасном волнении:

«Митя! Ты высох, как мумия,—
Это безумие...
Съешь кусочек пирожка,
Выпей стакан молочка!»
Митя уходит в сад,
Зубрит и ходит вперед и назад.
Мама, вздохнув глубоко,
Несет за ним молоко,
Но Митя тверже гранита —
Обернулся сердито
И фыркнул, косясь на герань:
«Мама! Отстань!..»

1924

Усадьба под Парижем

ОБЩЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Мне визиты делать недосуг:
Как ко всем друзьям собраться вдруг?
Что ни час, то разные делишки...
Нет ни смокинга, ни фрака, ни манишк.
Мир велик, а я, как мышь в подвале,—
Так и быть, поздравлю всех в журнале:
Всех детей, всех рыбок, всех букашек,
Страусов и самых мелких пташек,
Пчел, слонов, газелей и мышат,
Сумасшедших резвых жеребят,
Всех тюленей из полярных стран,
Муравьев, ползущих на банан,
Всех, кто добр, кто никого не мучит,
Прыгает, резвится и мяучит,—
В эту ночь пред солнечным восходом
Поздравляю с добрым Новым годом!

<1925>

ДВЕ СЕСТРЫ

У рыбачьего навеса
Бродит странная принцесса.
Сколько лет ей? Пять.
Как зовут ее? Сусанной.
На кудрях колпак румяный.
Рот... Не описать!

Щеки — цвета чайной розы,
Брови — черные стрекозы,
 А в глазах — гроза.
Вы видали, как тигренок
На луну ворчит спросонок!
 Вот ее глаза.
За спиной бант, как парус:
В алой ленте — пестрый гарус,
 В пальцах смят бутон.
Море — гадость, солнце — гадость.
Ах, одна на свете радость —
 С мамой в фэзтон!
Иль вдоль пляжа с пестрым флагом
Пролететь балетным шагом,
 Плавно, как волна...
Иль смотреть надменно в море...
Дети вьются в полном сборе,
 А она — одна.

* * *

Отчего ж она сердита?
У сестренки вечно свита!
 Сколько лет ей? Шесть.
Как зовут сестренку? Бетти.
Так и липнут к ней все дети...
 Странно. Что за честь?
Ведь она скорее братик:
Синий пестренький халатик,
 Хуже нет в шкафу!
Кнопкой нос, нога мальчишки,
Вечно задраны штанишки,
 Нос в веснушках. Фу!
Разве все вокруг слепые?
Дети — пусть, но и большие,
 Даже старики!..
Даже глупые бульдоги
Тычут Бетти мордой в ноги,
 Тоже чудаки...
Каждый день встает Сусанна,
Смотрит в зеркало с дивана
 И дрожит со сна:
Видно, правды нет на свете...
Почему все любят Бетти,
 А она — одна?

<1925>

СТРАННЫЙ ЦАРЬ

(Быль)

Простой моряк, голландский шкипер,
Сорвав с причала якоря,
Направил я свой быстрый клипер
На зов российского царя.

На верфи там у нас, бывало,
Долбя, строгая и сверля,
С ним толковали мы немало,
Косясь на ребра корабля.

Просил: везу в его столицу
Семян горчицы полный трюм.
А я хотел везти корицу...
Уж он не скажет наобум!

Вошел в Неву... Бескрайней топью
Серели низкие края.
Вздымались свай гигантских копыа,
Лачуги, бревна... Толчея!

И вот о борт толкнулась шлюпка,
Вошел, смеется: «Жив, камрад?»
Камзол, ботфорты, та же трубка,
Но новый — властный, зоркий взгляд.

Я сам плечист и рост немалый,—
Но перед ним, помилуй Бог,
Я — как ребенок годовалый...
Гигант! А голос — зычный рог.

Все осмотрел он, как хозяин:
Пазы, и снасти, и борта,—
А я, как к палубе припаян,
Стоял в тревоге, сжав уста.

Хватил со мной по стопке рома,
Мой добрый клипер похвалил,
Сел в шлюпку... «Я сегодня дома,—
Царица тоже» — и отплыл.

Как сон, неделя промелькнула.
Я помню низкий потолок,
Над койкой карты, два-три стула,
Токарный у стены станок,

План Питербурха в белой раме,
Простые скамьи вдоль сеней.
Последний бургер в Амстердаме
Живет богаче и пышней!

Денщик принес нам щи и кашу.
Ожег язык — но щи вкусны...
Царь подарил мне ковш и чашу,
Царица — пояс для жены.

Со мной не прерывая речи,
Он принимал доклад вельмож:
Я помню вскинутые плечи
И гневных губ немую дрожь...

А маскарады, а попойки!
И как на все хватало сил:
С рассвета подымался с койки,
А по ночам, как шкипер, пил.

В покоях дым, чадили свечки.
Цуг дам и франтов разных лет,
Сжав губки в красные сердечки,
Плясали чинный менуэт...

Царь Петр поймал меня средь зала:
«Скажи-ка, как коптить угрей?»
На свете прожил я немало,
Но не видал таких царей!

Теперь я стар, и сед, и тучен.
Давно с морского слез коня...
Со старой трубкой неразлучен,
Сижусь и греюсь у огня.

А внучка Эльза, — непоседа,
Кудряшки ярче янтарей, —
Все пристаёт: «Ну, что же, деда,
Скажи мне сказочку скорей!»

Не сказку, нет... Но быть живую, —
Ее я помню, как вчера.
«Какую быть? Скажи, какую?»
Про русского царя Петра.

<1925>

Кот в углу глядит понуро
 На каминное ребро...
 На столе под лампой Юра
 Разложил свое добро.
 Девятьсот сто двадцать марок!
 Восемнадцать сам купил,
 Остальные все в подарок
 От знакомых получил.
 Польша — белая пичужка,
 На литовских — конный шах,
 На эстляндских — завитушка,
 На финляндских — лев в штанах.
 С каждым часом все их больше.
 Мемель, Венгрия... Сочти!
 Погляди, — одной лишь Польши
 Всех сортов до тридцати.
 И потом еще несчастье:
 Чуть надорван где зубец,
 Значит рви ее на части, —
 Не годится и конец...
 А легко ли на бумажках
 Их наклеивать в альбом?
 И вздыхает Юрик тяжко,
 Наклонившись к маркам лбом.
 Эту — можно для обмена,
 Эту — можно подарить.
 Надо будет непременно
 Ватиканских раздобыть...

* * *

Входит мама. Села рядом.
 Замурлыкала романс
 И, окинув марки взглядом,
 Мастерит из них пасьянс.
 Дверь поет. Подходит папа:
 «Юра, друг мой, а урок?»
 Мальчик книжку взял из шкапа
 И уселся в уголок.
 «Птичка, бур-бур-бур, не знает
 Ни заботы, ни труда...»
 Папа марки разбирает:
 Те — туда, а те — сюда.
 Синеглазый хитрый мальчик
 Притаился и глядит,

Улыбается в пенальчик,
Сам с собою говорит:
«Да, уроки... Тоже комик...
Знаем этих мам и пап,—
Заведут себе альбомик
И готово,— цап-царап!»

⟨1925⟩

ЩУКА

С Александром Куприным
(Знаменитым рыболовом!)
По пруду скользим, как дым,
Под наметом тополевым.
Я вздымаюсь на носу
И веслом каскады рою,
Он, зажав в руке лесу,
На корме сидит с блесною.
Сердце,— бешеный комок,—
Отбивает: щука-щука!
Оплываем островок,
На корме, увы, ни звука...
Только ивы шелестят,
Запрокинув в воду шапки,
Только кролики глядят,
В изумленье встав на лапки.
Вдруг, взглянув из-за плеча,
Я застыл и крякнул... Ловко!
Александр Куприн, рыча,
Из воды сучит бечевку...
Кровожадные глаза
Полны трепетного мрака:
— Напоролась, егоза!
Не уйдешь... Шалишь, собака! —
Тянет, тянет. Не легко.
Пузырем вскипает влага:
Распластавшись глубоко,
На крючке висит... коряга.

1924

НАДПИСЬ НА КНИЖКЕ, ПОДАРЕННОЙ ОДНОЙ ЗНАКОМОЙ ДЕВОЧКЕ

В день Вашего рождения
Дарю Вам сие произведение.
Когда Вы будете, моя дорогая,

Совершенно большая —
И будете иметь своего мальчишку, —
Можете подарить ему эту книжку.
Поэтому не мажьте ее ни маслом, ни вишневым
соком
И раскрывайте всегда прямо, а не боком.
Целую Вас в носик, в глазки, в правую щечку,
Желаю Вам десять пудов счастья — и ставлю точку.

<1925>

ПОЭТЕССА

Я люблю стихи ужасно...
Сяду с книжкой на крыльце:
Строчки катятся согласно,
Рифмы щелкают в конце, —
Словно умный соловей
На тенистом деревце
Распеваает средь ветвей.

Только тот стихов не любит
Ни печальных, ни смешных,
Кто, как мясо, строчки рубит
И не ставит запятых...
Зубрит, зубрит свой урок
И, не слыша слов живых,
Знай вздыхает, как сурок.

Посмотри, цветы сквозные
Распускаются в садах.
Это все стихи цветные,
Божьи рифмы на кустах!
Вот веселый барбарис
В мелких желтеньких стишках,
Вот сирень — поэт-маркиз...

Ну, а птицы, — ты послушай!
Пусть без слов, но от души
Над расцветшей старой грушей
Не стихи ль звенят в тиши?
Как хрустальный водопад,
В зеленеющей глуши
Плавно льется мерный лад...

Не задумавшись над темой,
Вздув волнистые бока,
В небе белою поэмой
Проплывают облака...
 И ручей, нырнув в лесок,
 В тесной раме бережка
 Распеваает свой стишок.

Даже бедный лягушонок
Что-то квакает в пруду...
Неужели я, ребенок,
Слов согласных не найду?
 Даже сны мои — стихи:
 Звезды, феи, какаду
 И во фраках петухи...

Завела себе тетрадку
И решила наконец,—
Засушила в ней я мятку,
Надписала: «Мой дворец».
 Утром спрячусь и сажу,
 А потом на ключ в ларец,
 Никому не покажу!

<1925>

ПОЛЕТ

Если б, если б
Я был резвым соловьем
Или даже воробьем,
Не сидел бы в скучном кресле,
Сунул я б в карман пшено,
Крылья — врозь и за окно!

Выше, выше
Полечу я, трепеща
И от радости пища,
Всех котов спугну на крыше.
На лету словлю жука,
Проглочу — и в облака.

Зорко, зорко
Я б на наш квартал взглянул:
Наш отель, как детский стул,
Люди — мыши, площадь — корка,
А хозяйка у окна
Меньше пробки от вина.

Ладно, ладно!
Сброшу вниз я башмачки,—
Пусть-ка хлопнут об очки
Англичанку у парадной...
Почему ее бульдог лег вчера на наш порог?

Стыдно, стыдно...
Разве птица — крокодил?
Я не сброшу, пошутил,
Потому что мне обидно,
Потому что каждый раз
Он с меня не сводит глаз.

Тише, тише...
Опускаюсь вниз к крыльцу,
Ветвь задела по лицу,
Мама в страхе жметя к нише.
Скину крылья, вытру лоб
И опять я мальчик Боб...

<1925>

ЧЕРЕПАХА

Дядя Васенька в подарок черепаху мне принес:
Сбоку ножки, сзади хвостик, головенка без волос.

Я ее пощекотала, а она молчит, как пень.
Заползла, как жук, под ванну и сидит там целый день.

Я бисквиты ей совала, и морковку, и компот.
Не желает... Втянет шейку и закроет черный рот.

Три часа я сторожила, чтобы сунулась под дверь.
Не хочу такой игрушки! Скучный, глупый, гадкий зверь!..

Фокс наш тоже недоволен: удивился, задрожал:
Утюжок на куцых ножках? Ходит-бродит... Вот нахал!

Я взяла ее в кроватку, положила у плеча,—
Неуютно и противно, как кусочек кирпича...

Лишь одним я забавлялась: стала ножкой ей на щит,
А она молчит и терпит... Не вздыхает, не пищит.

Если в среду дядя Вася снова в гости к нам придет,
Не скажу ему ни слова,— все равно он не поймет,

Равнодушно-равнодушно сяду рядом на диван
И тихонько черепаху положу ему в карман.

<1925>

РЫБОЛОВЫ

Я — к реке... За мной сестренка,
Неотвязная, как тень.
Мне поймать бы пескаренка,—
Буду счастлив целый день!

Поплавок заплывет в речке,
Проплывет знакомый гусь,
По воде пойдут колечки.
Я вздохну — и засмотрюсь.

У сестры — своя охота.
В камышах открыла ход...
Сядет молча у болота:
Окунет сачок и ждет.

Жук гудит, камыш вздыхает,
Ил, как мягкая кровать...
Третий день она мечтает
Головастика поймать!

<1925>

У ОКЕАНА

В час лазурный утром рано
Посмотрите на Павлушку:
Он себе из океана
Смастерил игрушку...
Панталочки вмиг засучит,
Даст волне по мокрой шее,
Проведет в песке траншеи,—
Зонтик плавать учит.
И ничуть ему не жутко,
Если хлопнет вал в живот:
В трех шагах на горке будка,

В будке мама шьет капот.
Прибежит, пыхтя, мальчишка,
Нос, и лоб, и уши в пене...
Мама скажет: «Вот мартышка!»
И посадит на колени.
Мама шьет. Вдоль милых щек
Колыхаются сережки.
По песку то вверх, то вбок
Скачут беленькие блошки.
Дальний парус,— белый щит,
Вздулся пышно-пышно-пышно.
Океан-старик ворчит
Еле слышно...

<1925>

В ЧАС ОТЛИВА

Отлив. В каменистой ложбинке
Прудок океанской сапфирной воды.
Подводные веют былинки,
Полощутся космы зеленой густой бороды.

А дно, как игрушка:
Песок, черепашки, коралловый куст-баобаб,
Лилового камня горбушка
И маленький-маленький краб.

Ах, как он взметнулся! Двухногая тень на воде
Пришла и стоит!
Запрытался, бедный, в зеленой густой бороде,
Но лапка наружу торчит...

Не трону! Не бойся. Меня уже нет...
Краб выполз из темной беседки
И бросился жадно к несчастной креветке
Доканчивать свой океанский обед.

<1925>

ОКЕАНСКАЯ ЗАБАВА

В часы отлива океан
Отходит тихо вдаль.
Блестит песчаный скат полян
И трав косматых шаль.

Вдоль бóрозд влажного песка
Дробятся в лужах облака.
У ног, куда глаза глядят,
Ползет в испуге краб.
Вода отхлынула назад,
И он совсем ослаб.

Перед подножьем маяка
Вдали чернеет мель:
Для устриц рыхлые бока
Прекрасная постель.
 Над темным рядом темный ряд,
 Вцепились гроздьями и спят...
И вот бредут, забрав мешки
И брызгами пыли,
Старушки, дети, старички
И даже... пуделя.

Конечно, пудель не ловец
И устриц он не ест,—
Он мчится вскачь в любой конец,
Пока не надоест...
 А люди, платье подобрав,
 Скребут ножами в гуще трав.
Ах, трудно устриц отдирать
С упрямых цепких скал!
Сынишку кротко учит мать,
Чтоб маленьких не брал.

Нагрелась мелкая вода.
Босым ногам тепло...
Под камнем ракушек гряда
И темное дупло.
 Баркас, склонивши набок стан,
 Лежит в песке, как будто пьян.
Конец забаве... Эй, народ,—
Назад за шагом шаг!
Уже по мачте вверх ползет
Зловещий черный флаг.

Песок водой заголубел
И здесь, и тут, и там...
Исподтишка, кудряв и бел,
Подкрался вал к ногам.
 Прилив, прилив! Вскипает гладь,
 Торопит в страхе сына мать.

И вот, мешками шевеля,
Дорогою прямой,
Старушки, дети, пуделя
Спешат к себе домой.

<1926>

ПЕСНЯ БОЙСКАУТОВ

1

Запевала:

Еж-толстяк сидит под елкой,
Отдувается — пыхтит...
Над смолистою метелкой
Голубой небесный щит.

Хор:

Вперед! Ужель нам еж указ?
Подбиты ветром ноги.
Сквозь лес и горы мы не раз
Спускались без дороги.
Вперед! В кустах бежит поток,
И птицы мчатся на восток,
И вольный ветер вдаль зовет —
Вперед!

2

Запевала:

Белка, свесив нос и лапы,
Смотрит в ужасе с сосны:
Вдалеке мелькнули шляпы
И короткие штаны...

Хор:

Вперед! Нам белка не указ:
Она вокруг ветки скачет, —
А мы нырнем в зеленый лаз,
Туда, где даль маячит.
Вперед! Бесшумен беглый шаг,
Над головой трепещет флаг,
Широкий и ясен небосвод...
Вперед!

Запевала:

Ворон каркает в ущелье,
 Наклонив крыло, как плеть:
 «Что за странное веселье?
 Кто позволил здесь шуметь?!»

Хор:

Вперед! Нам ворон не указ...
 К закату выйдем к речке,
 Звезда раскроет светлый глаз,
 Костер завьет колечки...
 Вперед! Над тихою травой
 В кустах раскинем лагерь свой...
 Скорей-скорее, полный ход!
 Вперед!.. Вперед!.. Вперед!..

1926

МУРАВЕЙ

В лесу, под наметом ветвей,
 Живет удивительный житель,
 Чертovski упорный строитель —
 Малыш-муравей.

Нырять в траве и во мху,
 Блестя лакированной спинкой,
 А солнце над тонкой рябинкой
 Пылает вверху.

Работы вокруг на века:
 То тлей подоить на бруснике,
 Шоссе проложить у черники,
 Убрать червяка...

Но если бесстыжий сапог
 Его муравейник разроет,
 Он новый упрямо построит,
 Высокий, как стог.

И если вдруг ливни снесут
 На щепке в чужую долину,—
 Он с лапок сцарапает тину
 И снова за труд.

Ведь надо ж поднять малышей,—
Запрятать от злой непогоды
Личинки под теплые своды
И корм — от мышей.

Ни сил не щадя, ни трудов,
Сберет под сосною хвоинки,
Протопчет к поляне тропинки
И выведет кров.

<1926>

ЛЕТНЕЕ УДОВОЛЬСТВИЕ

Чуть к тетради склонишь ухо
И уткнешь в бумагу взор —
Над щекой взовьется муха
И гундосит, как мотор...

Сорок раз взмахнешь рукою,
Сорок раз она взлетит
И упорно — нет покою! —
Над ресницею жужжит.

Рядом блюдечко с вареньем...
Почему же, почему
Это глупое творенье
Лезет к носу моему?!

Дети, спрашиваю вас:
Неужели так я лаком?
Разве нос мой — ананас?
Разве щеки — пышки с маком?

Хлопнул в глаз себя и в ухо...
И не пробуй... Не поймать!
Торжествуй, злодейка муха,—
Я закрыл свою тетрадь...

<1926>

СТРАШНЫЙ СОН

Сон сел у подушки,
Склонясь в тишине...
Толстушке-Верушке
Приснилось во сне:

Сидит она в сквере
С подругою Мэри,
Надела очки
И вяжет чулки...
Зеленые ивы
Развесили гривы,
Кольшется пруд,
И пчелки поют.
А рядом их папы,
Надвинувши шляпы
И выпучив глазки,
В плетеной коляске
Сосут кулачки.
Разрыли пеленки
И, вздернув ножонки,
Мычат, как бычки.

Вдруг папа Веруши,
Встав в позу борца,
Вцепляется в уши
Другого отца...
А тот его соской
По пальцам с размаха!
Скворец под березкой
Подпрыгнул со страха...
Перинки вздыбились,
Коляска — торчком,
Папаши свалились
И вьются волчком...
Со спинки скамьи
Пищат воробьи,
Две злых собачонки
Рвут с треском пеленки...
Лай, крики и стон...
Девчонки рыдают
И с разных сторон
Отцов разнимают...

Проснулась Верушка:
Вокруг — тишина.
Под локтем подушка,
А сбоку — стена.
Проснулась, и села,
И шепчет: «Зачем
За ужином съела
Я с булкой весь крем?..
А дыня? А каша?

А порция зраз?..
Ведь тетя Любаша
Твердила не раз:
«Когда набивают
Живот перед сном,—
Тогда посещают
Кошмары потом».

<1926>

ДОЖДЕВЫЕ КАПЛИ

Плик-плик!
Облака висят, как тряпки...
Ветер бросил нас охалкой
На проезжий грузовик...
Мокры крыши, стены, стекла,
Даль промокла,
На платанах, на каштанах
Листья в ржавых пестрых ранах...
Стонет мокрый паровик,
Под ногами ноет слякоть,
В сквере — мгла, дорожки — мякоть...
Плик!

Плик-плик!
Вон на площади балкон!..
На веселый детский крик
Мы летим со всех сторон,—
Смотрим в окна, льнем, струимся,
Барабаним, веселимся:

За окном
Дети в комнате зеленой —
В спальне ярко освещенной,
Все поставили вверх дном!
Табуреты, стулья, столик...
На полу постельный ролик,
Сбит за печку половики...
Плик!

Плик-плик!
Даль туманна, ветер дик...
Уползая вниз во мглу,
Отправляясь в путь свой дальний,
Мы не так уже печальны:
Там ведь лето на полу!
И у нас своя игра,—

Живо, живо,
Собирайтесь торопливо
С улиц, с крыш и со двора...
По канавам лейтесь гулко,
Вдоль глухого переулка,
Прямо в реку... а с рекой
Прибежим к стране морской:
Ясный воздух, теплый юг,
Гор лиловых полукруг,
Золотистый солнца лик...
Сестры, живо! Плик-плик-плик...

1926, октябрь

ЗВЕРЬЕ

1.

ОБЕЗЬЯНКА

Обезьянка смотрит с ветки:
— Что за штука вьется вбок?
Обезьянья мама сверху
Отвечает: «Мотылек».

«Можно есть?» — «А ты попробуй». —
Обезьянка лапки врозь.
Хлоп! И смотрит: на ладошках
Пыль и усики — хоть брось...

Водит носом, лижет лапки, —
Обезьянке невдомек:
И не сладко, и не пахнет...
Где же этот мотылек?!

2.

ГИЕНА

Гиена такая мерзкая.
Морда у нее дерзкая,
Шерсть на загривке торчком,
Спина — сучком,
По бокам (для чего — непонятно)
Ржавые пятна.
Живот — грязный и лысый,
Пахнет она керосином и крысой...

Ткнется в решетку — хвост у ноги,
Глаза — как у Бабы Яги.

А мне ее жалко...
Разве ей не обидно?
Даже моль, даже галка
Симпатична и милοвидна.
Мне объяснила невеста дядиволодина,
Тетя Аглая:
«Почему она злая?
Потому что уродина».

3.

ДЕВОЧКА И БЕЛАЯ МЕДВЕДИЦА

Сидит медведица в каменной ванне...
Белоснежная шубка, когти, как жесьть.
У нее ни папы, ни мамы, ни няни,
Кто ей понравится, отдает тому честь.

Плещет водою направо-налево,
Ни мыла, ни щетки, ни отрубей...
Сидит себе в шубке, как королева,
И смотрит задумчиво на голубей.

Но быть человеческой девочкой тяжело:
Мыло так щиплет глаза и язык!
А если полезешь в ванну в рубашке,
Поймают за хвост и подымут крик.

4.

МОРСКАЯ СВИНКА

Морская? А где ж это море?
Не люблю я таких небылиц:
Она живет в коридоре,
В ящике из-под яиц.

Клок белый, клок черный, клок рыжий,—
Как будто чертик морской.
У бабушки есть в Париже
Знакомый химик такой.

Скажешь ей: «Здравствуй, душка!»
Она равнодушно молчит.
Наохлится, словно подушка,
И грызет прошлогодний бисквит.

Но ночью — совсем другое!
Вдруг вскочит, как домовой,
И яростно рвет обои
Под самой моей головой.

1928
Париж

МАЛЕНЬКИЙ ПОЛОТЕР

Паркет наш гладок, как каток,
Но щетка велика,—
Она, как бес, под кресло вбок
Летит из-под носка.

За щеткой прыгнул рыжий кот.
Отдай, несносный зверь!
Я снова тру, раскрывши рот,
Но щетка мчится в дверь.

Поймал, надел — пляшу и тру
И вдруг с размаху — хлоп!
Кот сзади ловит за икру,
Горит — пылает лоб.

Заплакать, что ли? Нет, нельзя!
Мужчины не режут.
Но слезы катятся, скользят.
И шишка — тут как тут.

Прижал ко лбу я крепко нож,
Сталь холодна, как лед.
Ни-ни, не хныкать! Больно?! Что ж...
До свадьбы заживет.

1929

МАЛЬЧИК НЕ СПИТ

Он проснулся на заре...
Нос в подушке,
Одеяло на макушке,—
Он лежит, как крот в норе.

«Тюфячок, скажи мне слово».
«Я набит морской травой,
Но трава была живой:

Колыхалась,
Волновалась
В лад с подводной синевой.

Там звезда в пучине зябкой
Шевелила алой лапкой...
Проплывали в стеблях рыбы,
Пуча круглые глаза.
Над водою — бирюза
И утесов рыжих глыбы».

«А русалки, тюфячок?»
«По волшебному рассказу,
Их скрывала глубина...
Но среди травы ни разу
Не плескалась ни одна.
В лунный час сверкала гладь,—
Кто-то там вверху купался...
Чей-то голос раздавался.
Кто? Трава должна молчать».

«Осьминог в траве сидел?»
«Он запутался бы в ней.
Он таился средь камней,
Как пират в морском ущелье».
«Ай! Ты слышишь, под постелью
Злые щупальцы шуршат...»
«Ты не бойся, это мышка
Тащит в норку шоколад.
Спи, мальчишка!
На заре все дети спят».

Кто гудит? Прибой иль прялка?
Столик гнется, как лоза.
Пляшут солнечные спицы,—
Из окна плывет русалка,
Дует в сонные ресницы
И велит закрыть глаза.

1929

ЛЯГУШОНОК

На потной трубе насоса
Сидит смешной лягушонок.
Он смотрит в синее небо,

Как кроткий, притихший ребенок.
Над ним качаются сосны,
Сорока вверху промелькнула,
Колодец полон прохлады
И воздух дрожит от гула.
Вверху колесо распелось,
Струя плеснула в колоду.
Он слушает, смотрит и дышит,—
Там люди качают воду...
У края колодца фоксик
Танцует и скалит зубы.
Попробуй, достань-ка, разбойник!
Какой ты глупый и грубый...
И вот колесо замолчало.
Опять тишина в колодце.
Луч солнца дрожит на зверюшке,
На маленьком кротком уродце.
Сползает вниз лягушонок,—
Внизу так влажно и сонно...
А фоксик в истерике пляшет
И смотрит в черное лоно.

<1929>

КОЗЛЕНОК

Треск цикадный так звонок...
Море — солнце — лоза.
На оливе козленок.
Под оливой — коза.
Он взбежал на верхушку
Поглазеть на залив,
На лесную опушку,
На щербатый обрыв.
Шея — вправо и влево:
Волн искристая сталь,
Гул лесного напева
И холмистая даль...
Ножки резвые крепко
Растопырились вбок,
И копытца так цепко
Оперлись о сучок.
Смотрит зорко и важно,—
Воздух дымчато-сиз...
Засвистал я протяжно,
Поманил его вниз.

Встрепенулся, нагнулся,
И с сучка на сучок,
Вскинув ножки, метнулся
И стремглав наутек...
Вдоль мимоз и сарая,
Мимо фермы пустой,
Белой спинкой мелькая,
Скрылся в чаще густой.
А коза на веревке
Наклонила рога,
Я ей бросил морковку,—
Не берет от врага,
Злится, рвется из кожи,
Верещит: «Караул!
К нам подкрался прохожий
И козленка спугнул...»

<1929>

ПЛЕННИКИ

Вдоль набережной Сены
Есть ряд забавных лавок,
У всех дверей снаружи
Красуется прилавок...
А на прилавке — видишь? —
Аквариумы, банки:
К стеклу прильнули рыбки,
Червонные смуглянки.
Ужи в клубочек жмутся,—
Так тесно им и зябко...
Печальная лягушка
Скребет животик лапкой,
А черепахи, сонно
Всползая друг на дружку,
Ныряют в скучный ящик
И прячут глазки в стружку.

Вдоль стен в холодных клетках
Все птицы-птицы-птицы:
Чижи, и красношейки,
И кроткие синицы.
Притихли и глазают
На грязные трамваи...
Чубы нахохлив, стынут
Больные попугаи.

Внизу петух испанский,
Склонивши вялый гребень,
Стоит и мрачно смотрит
На тротуарный щебень.
Одни морские свинки,
Судьбе своей послушны,
Друг в друга тычут рыльце,
Зевая равнодушно.

Так жаль мне тварь живую!
Когда разбогатею,
Сведу все клетки-банки
В Булонскую аллею...
Рыб брошу в пруд лиловый,
Ужей — в сырую чашу, —
Привольней им там будет
И раз в сто двадцать слаще!
Кольцом взовьются птицы,
Прошелестят «Спасибо»...
И понесутся к югу
До самого Антиба.
«А с петухом что делать?» —
Пожалуй, спросят дети.
Пусть у меня под креслом
Живет он в кабинете.

1929

НЯНЬКА

Мама ушла в мастерскую.
Славик сидит у дверей, —
Нянит сестренку меньшую,
Чистит морковь и порей...
Лялька лежит на постели,
Улыбаясь беззубым ртом.
В лапке полкарамели
И тигр с собачьим хвостом.
Карамель она бросила на пол,
А тигра сунула в рот.
Славик едва его сцапал
И запер скорее в комод.
Закрыв одеяльцем сестренку, —
«Будет! Пора тебе спать...»
Отставил лукошко в сторонку
И к Ляльке подсел на кровать.

Но снова выползли пальцы,
Смеется беззубый рот,—
Лялька жует одеяльце
И ножками буйно гребет...
Какая дурная привычка!
Шлепнуть? Но Лялька мала.
«Спи, моя рыжая птичка...»
Дождь зажурчал вдоль стекла.
Тени качаются зыбко,
Меркнет-двоится комод...
Лялька с блаженной улыбкой
Курточку брата сосет.

1929

БОЛЬНАЯ КУКЛА

У бедной куколки грипп:
В правом плечике скрип,
Расклеились букли,—
Что дать моей кукле?
Ромашки
Из маминой чашки?
Не пьет...
Все обратно течет.
Собачьей серы
В ложке мадеры?
Опять выливается.
Прямо сердце мое разрывается!
Всыплю сквозь дырку в висок
Сухой порошок:
Хинин —
Аспирин —
Антикуклин...
И заткну ей ваткой.
А вдруг у нее лихорадка?
Где наш термометр?
Заперт в буфете.
Поставлю барометр...
Ох, эти дети!
Зажмурь реснички.
«Жил-был дед и корова...»
Спи, гриппозная птичка!
Завтра будешь здорова.

<1930>

— К нам, к нам!
 Вот свежий мадаполам,
 Соска для медвежонка,
 Бритва для вашего ребенка,
 Самые модные сосиски
 И кукольные зубочистки...
 — Барыня-сударыня!
 Не торгуйтесь, ей-богу...
 У нас такие налоги.
 Корсет — три франка.
 Вы — южная американка?
 Уступаю за шесть.
 Мишка, заверни покупку...
 Предложи ей присесть,
 Поправь ей юбку,
 Подвинь плевательницу, —
 Она выгодная покупательница.

— Халву руками не трогать!
 Покажите ваш ноготь...
 Большой — и делает гадости,
 Лезет лапами в сладости...
 Угодно морской монокль?
 Заменяет бинокль.
 Примерьте за ширмой. Раскройте глаз:
 Как раз!
 Модно и просто,
 И вполне для вашего роста.

— Ма-ма! Дядя Карпуша
 Съел даром две груши...
 Дай ему по рукам...
 Срам!
 — Здравствуйте, мальчик...
 Это китайский пенальчик
 Для собирания мух,
 Это копилка-петух, —
 Не бьется, не рвется!
 Глупый! Смеется...
 Ах, так! Недоверие...
 Мишка, встань на прилавок, —
 Покажи ему новую серию
 Детских слюнявок.

<1930>

МИШИНЫ РИСУНКИ

1.

По бокам пузатого домика
Гигантский растет молочай.
На веранде сидят три гномика
И пьют из блюдечек чай.
Один — сердитый-сердитый,
У него огорченье:
Два гнома — такие бандиты! —
Забрали себе все печенье.
В будке маленький слон, —
Он вместо цепной собаки.
На горке гуляют раки,
У них виноградный сезон.
Над крышей висит кривуля, —
Веселая, белая штучка.
Ты не думай, что это кастрюля, —
Это тучка...

2.

Вот дама с фонарем
Спешит, склонив ресницы.
Под юбкой-пузырем
В туфлях две красных спицы.
На ухе рыжий бант
Трепещет водопадом...
Усатый синий франт
Идет на лыжах рядом.
Через плечо бинокль,
Спина его как елка.
На даму сквозь монокль
Он смотрит очень колко,
А правой рукой
Везет в повозке братца.
Дождь льет на них рекой...
Они идут венчаться.

3.

Это — видишь — обезьяний детский сад:
Две мартышки давят в бочке виноград,
Две наклеивают блох слюной в альбом,
Две кокосы расколачивают лбом,
Две стирают надзирателю штаны,
Две известку колупают из стены,

Две испанскую раскрашивают шаль,
Две взбивают в самоваре провансаль,
Две на пишущих машинках тарахтят,
Две под краном умывают поросят.
А одна рыдает горько у стола,—
Потому что она дела не нашла.

4.

Пароход плывет по морю,
Дым, как вязаная шаль.
Из трубы кривой и толстой
Человечек смотрит вдаль.
Сзади шляпка на канате:
В шляпке с ложкою скелет,
Потому что у скелета
Не хватило на билет...
Из волны смеется солнце,—
Словно волосы лучи.
Тут же месяц, тут же звезды
И зеленые грачи.
В облаках, как на перине,
Колыхается комод,
А на нем сидит девчонка
И плюет на пароход.

1930

РОЗЫ

Они стоят в бокале
На низеньком столе.
Рой пузырьков вдоль стебля
Сквозит-дрожит в стекле.
А над бокалом чудо:
Румяный хоровод...
На лепестках росинки
И матовый налет.
Котенок, встав на лапки,
Пыхтит, как паровоз,
И, жмурясь, влажный носик
Все тычет в сердце роз...
А ты, мальчишка тихий,
Сжав крепко кулачки,
Так удивленно смотришь
На эти лепестки...

Весной Господь-Художник
Обходит все кусты,—
И вот на бурых палках
Вскрываются цветы...
Зачем? Чтоб всем прохожим
Стал Божий мир милей,
Чтоб мне — тебе — котенку
Жилось повеселей.

1930

КРАПИВА

Над кочками, над травами,
Где ползают жучки,
Под листьями шершавыми
Белеют колпачки.

Крапива, злюка жгучая,—
Господь ее прости,—
Как все, ждет в мае случая,
Чтоб кротко зацвести...

Снимай свою подвязочку,—
Мы обернем пучок,
Поставим дома в вазочку
На синий сундучок.

Кто ею полюбуется
Средь мусора и пня?
Пускай хоть покрасуется,
Дурнушка, у меня.

Но если, вскинув валенки,
Наш котик сунет нос,—
Он колесом вдоль спаленки
Помчится, как барбос!

1930

СИРЕНЬ

В небе праздник голубой.
Мы с тобой
Положили на колени
Гроздь сирени.

Мы искали — помнишь? — «счастье»,
Пять цветочных лепестков,
И на нас, на чудаков,
С ветки чиж смотрел с участием.
Ты нашел и предложил:
«Съешьте сами...»
Но обеими руками
Щедрый дар я отклонил.
Кто нашел, тот и жует:
Это знают турки, шведы,
Греки, немцы, самоеды...
Вот!
Пять минут прошло в борьбе,
Чиж зевнул и скрылся в небе,
Наконец я бросил жребий:
Счастье выпало тебе.

Помнишь, дикий виноград
Весь балкон обвил запястьем...
Кролик мой, я очень рад!
Я давно объелся счастьем,—
А тебе оно в новинку.
Ты цветочек горький съел,
Прислонил к перилам спинку
И запел:
«Если б, если б в самом деле
На сирени всех сортов
Все бы, все цветы имели
Пять счастливых лепестков...»

1930

ПАЛАТКА

У самого залива
В зеленой тишине
Стоит наш зыбкий домик,
Прильнув спиной к сосне.
Вздувается, как парус,
Тугое полотно.
У входа вместо кресла
Корявое бревно.
Никто нас не разыщет
Под скалами в глуши,—
К нам в гости приползают

Одни лишь мураши,
Да с пня сорока смотрит
На странное жилье,
На наш кувшин под веткой,
На мокрое белье...
Густым лазурным цветом
Сквозит сквозь бор залив,
Твои глаза, мальчишка,
Блестят, как чернослив...

Наш суп клокочет в ямке,
Пузырится горбом.
Поди-ка, вымой ложки
В заливе голубом...
А я пока нарежу
И хлеб, и колбасу,—
Ты, клоп, еще не знаешь,
Как вкусен суп в лесу.
Так сладко пахнет дымом
Янтарная лапша,
И пар плывет над миской
Под шелест камыша...
Над ложкою стрекозка
Блеснет цветной слюдой,—
Мы чокнемся с тобою
Колодезной водой.
Достанем из корзинки
Румяный виноград:
Вон он сквозит на солнце,
Как розоватый град...
Палатка тихо дышит
Прохладным полотном,
И ты застыл и смотришь,
Как удивленный гном.

Мы в самый зной на койках
Валяемся пластом.
Сквозной смолистый ветер
Гуляет под холстом.
Здравши кверху пятки,
Смотрю я, как на стол
Взбирается по ножке
Зеленый богомол.
Клубясь, в наш тихий домик
Вплывают облака,
И сонно виснет с койки
Ленивая рука.
Проснемся, оба вскочим,

Короткий быстрый бокс,—
И я лечу купаться,
А ты за мной, как фокс.
Волна нас шлепнет в спину,
Но мне зальет глаза,
Барахтаемся, скачем
И гнемся, как лоза...
Но как отрадно голым
Из брызг взглянуть на бор:
Вон под сосной белеет
Цыганский наш шатер.

Голландским сыром солнце
Садится над горой,
Сосна вверху пылает
Оранжевой корой,
Залив в огне бенгальском,
И облака, как мак.
Холмы окутал сонный
Лиловый полумрак...
Цикады умолкают,
И вместо них сверчки
Вокруг палатки нашей
В лад тронули смычки...
Зеваешь? Скинь штанишки,
Закрой глаза и спи!
В кустах шершавый ветер
Ругнулся на цепи...
Как сажа, черен полог,—
Зажгу-ка я фонарь...
Во всех углах дробится
Струющийся янтарь.
Сквозь дырку смотрят звезды.
Вокруг — лесная тишь...
Камыш ли это шепчет,
Иль ты во сне бубнишь?

<1930>

ГРИШИНЫ СНЫ

На прилавке
Фруктовой лавки
Гранаты, финики, синий изюм
И... теткин купальный костюм.
За прилавком стоит Муссолини,—

Гриша знает его по картинке,—
Обметает метелочкой дыни
И мух сгоняет с корзинки...
Грише — плевать!
Надо скорей глотать.
Жует и сосет,
Вздулся арбузом живот.
Но фрукты преснее бумаги.
Выпил рюмку малаги,
Сунул в карман — для мамы —
Фунт мармелада
И вышел, шаркнув ногой по стене.
Платить не надо,
Потому что во сне.

В автокаре гиппопотамы,—
Расселись и бреют друг друга...
На мордах у них монограммы,—
Должно быть, из высшего круга...
Человек из Алжира
С коврами на каждой руке
Стал на коленки в уголке:
«Гриша! Где мне найти квартиру —
С лифтом, с балконом,
С горячим цикорием,
С паровым крематорием
И с телефоном?»
Гриша сказал человеку
Тихо, но строго:
«Обратитесь в аптеку
Через дорогу.
Сами искали три года
И нашли собачий сарай...
А ты сошел с парохода,
Голова ты баранья,
И квартиру тебе подавай!
Аллаверды. До свиданья».

Навстречу огромный ажан,
Сизый, как баклажан,
Летит на коньках
С азбукой русской в руках.
«Эй, мальчик! Ты русский?
Как пишется «ща» по-французски?»
Гриша, как заяц, в первый подвал
Чуть дверь не сломал...
А в подвале гадалка,
Сухая, как галка,

Сидит в цветном сарафане
На облезлом диване.
«Как имя? Забыл? Безобразие!»
И прибавила, сплюнувши в таз:
«Послезавтра поступишь в гимназию —
В девочек класс...»
Гриша знает, что это во сне,
А все-таки страшно обидно.
Дать бы ей утюгом по спине,
Но ведь она женщина... Стыдно...

Как удрать от гадалки —
Заперла дверь на замок,
Ногтем счищает тесто со скалки
И лепит крутой пирожок.
А вдруг она Баба Яга?!
Мальчик взглянул под диван:
Вся в перьях нога!
Скорее-скорее руку в карман,—
Складные крылышки вынул,
Пришпиллил к подтяжке,
Взлетел, скамью опрокинул,
Потолок зашуршал по рубашке...
Вниз, сквозь камин — и на крыше.
Выше и выше...
С дирижабля знакомый полковник кричит:
«Подтяни свои крылья, бандит!»
Ладно! Сами с усами.
Вот и Сен-Клу.
Серый дом на углу,—
Штанишки сохнут на раме...
Гришка пробил головою стекло,
Молоко со стола потекло,—
Мама спит, слава Богу!
Бух в кровать, крылья бросил к порогу,
Свернулся,
Зевнул — и проснулся.

<1930>

ВОРОБЬИ

Серый домик в Медоне.
За окошком — бугор.
Скучно маленькой Тоне,—
Дождик, тучки, забор.

Вниз прошли человечки
Торопливым шажком.
Мама гладит у печки
И шуршит утюжком.
Плеск дождя так несносен,—
Плик да плик,— третий час...
Для чего эта осень?
Что ей нужно у нас?
Даже мама не знает.
Спросишь,— буркнет: «Отстань!»
На балконе вздыхает
Чуть живая герань.
Кукла спит на буфете,—
Ножки задраны... Срам!
Воробьишки, как дети,
Закружились вдоль рам...
Тоня носик прижала
К ледяному стеклу:
Ай! Лазурь засияла,
Улыбнулась сквозь мглу.

«На балкончике, братцы,
Хлебных крошек не счесть!»
Но сначала — подраться,
А потом и поесть.
Все, должно быть, мальчишки:
Ишь как дерзко пищат...
Ткнул друг дружку под мышку
И отскочат назад.
Два столкнулись с разгона,
Прямо в плоску торчком,
Покатились с балкона
И взлетели волчком...
Самый толстый — трусишка,
Распушил свой живот,
Подобрался, как мышка,
И клюет, и клюет...
Очень весело Тоне:
Небо все голубей,—
Если б прыгнул в ладони
К ней толстяк-воробей!
Подышала бы в спинку,
Почесала б меж крыл,
Он бы пискнул, как свинка,
И глаза закатил.
А она б ему спела
О медонской весне,
Как трава зеленела

В голубой тишине...
Мама гладит сорочку.
«Что ты шепчешь, юла?»
Но сконфуженно дочка
Гладит ножку стола...

<1930>

* * *

Мы играем в пароход...
Полный ход!
Гришка Бондарев — машина,
Потому что он мужчина...
Он залез под папин стол
И топочет гулко в пол
Каблуками —
И обеими руками
Уголь сам в себя сует...
Полный ход!

Я, конечно, капитан.
На столе мой валкий мостик.
Сто чертей, какой туман...
Дядя Костик!
Что же ты за рулевой?
Эх, раззява!..
Встань к камину головой
И держи на тучу вправо.
Вестовой, тащи сюда
Бочку с ромом и сигару.
Ух, как треплет! Ерунда.
Машинист, прибавь-ка пару...
Что?! Взорвемся? Не беда.

Саша, — старший брат, — труба,
Потому что он высокий.
Он гудит, надувши щеки,
Так, что пот бежит со лба:
«Гу! Дорогу! Берегись!»
Искры ввысь,
Дым, как черная акула...
Ух, качнуло!
Вдалеке утес, как мел.
Над кормою вьется птица...
Саша! Сашка! Что ж ты сел?!
Ведь труба же не садится.

А в каюте у стола
Пассажирка — леди Даша,
Тетя наша, —
На кушетку прилегла.
Небеса краснее меди...
Ропщут волны, хлещут в люк.
О миледи,
Не ломайте бледных рук!
Я клянусь своею трубкой,
Громом, молнией, совой,
Пароходной нашей рубкой
И верблюжьей головой, —
Что сегодня в Гонолулу
Довезу вас к жениху...
Эй вы, черти, там вверху!
Привяжите пушку к стулу.
Буря крепнет... Нос торчком...
Волны — белые медведи...
Вестовой, снеси-ка леди
Валерьяну с коньячком.

1931

С ПРИЯТЕЛЕМ

Мой приятель, мальчик Вова,
Ходит-бродит у дверей...
«Что вы пишете?» — «Балладу».
«Так кончайте ж поскорей!»

Кончил. Тиснул промокашкой.
Перевел блаженно дух...
Вова в дверь. Стал лихо в позу, —
Не мальчишка, а петух.

Я сижу спокойно в кресле,
А взбесившийся боксер
Лупит в бок меня и в локоть, —
Сбросил книжку на ковер...

Только мне ничуть не больно.
«Бей сильнее, пустяки!
Отчего ж ты, милый, дуешь
На свои же кулаки?»

И обиженный мальчишка
Сел, как клецка, на кровать.
«Потому что надо драться,
А не локти подставлять».

Драться? Что ж... Сдвигаю брови,
Как свирепый Голиаф...
Поперек схватил мальчишку,
Размахнулся — и на шкаф.

Посиди... Остынь немножко,
Полижи, дружок, карниз.
Через пять минут он сдался:
Попросился кротко вниз.

«Прочитайте мне балладу...»
«Что ж в жару стихи читать...
Лучше сбегай ты на кухню,—
Будем пьянствовать опять».

Вовка тащит воду, сахар,
Выжималку и лимон.
За окном платан смеется,
Кошка вышла на балкон.

«За твое здоровье, кошка!»
Вовка фыркает в кулак
И лукаво морщит носик:
«Дядя Саша, вы чудак...»

1931

ВЕЧЕРНИЙ РАЗГОВОР

В третий раз сегодня будем
Перечитывать «Каштанку»,—
То, что любишь, то и тешит,
Можно много раз читать.
А потом под одеяльце
Заберешься ты, как мышка,
Я заставлю лампу книгой
И подсяду на кровать.

И меня ты спросишь тихо:
«Почему же вы сегодня
Не сдержали обещанья,
Не пошли со мной в кино?»—
— Потому что,—я отвечу,—
Мы совсем с тобой забыли

То, что нам, мой теплый мальчик,
Надо сделать бы давно...
В доме «Пятницы Голодной»
Ждут хоть капельку участия,—
Ты ведь знаешь, ты ведь слышал,—
Ждут от всех,— так долго ждут...
Без кино мы обойдемся,
Нас утешила «Каштанка»,
А во сне... во сне слетаешь
В гости к «Пятнице» — в приют.

Там незримо и неслышно
Ты пройдешь среди кроваток...
И увидишь, как беспечно,
Как спокойно дети спят.
Спят... А мы о них забыли.
Кровля стала зыбкой-зыбкой,
Стены тают-исчезают,
А вокруг, как призрак, сад...

Ты поймешь, мой теплый мальчик,—
Ты поймешь, и, засыпая,
Лишь покажешь мне глазами
На вечернее окно:
На окне висит копилка,
Голубая свинка с дыркой,—
Из нее не раз удили
Мы монетки для кино...

1931

ОЗОРНИК

Каждый день одно и то же:
Влезешь в море, фыркнешь вбок...
Дно, как шелковое ложе,
За утесом — островок.
Милый берег вьется с краю,
Чайки мчатся к кораблю...
Никому я не мешаю,
Никого я не топлю.

Как поджаренная пышка,
Я качаюсь на спине...
Но из дюн летит мальчишка,—
Бомбой в воду — и ко мне...

Обдает меня каскадом
Голубых хрустальных брызг.
Водопад за водопадом!
Хохот, грохот, писк и визг...

А потом меня с фасада
Принимается топить.
Но ведь я же не наяда,
Чтоб морскую воду пить,
И с писателями в море
Обращаться так грешно!
Разве мы с тобою в ссоре?
Не хочу идти на дно!

А на пляже дети рады:
«Мальчик дядю утопил!»
Покраснел я от досады,
Изо всех рванулся сил...
Правый глаз набряк-закрылся,
И вода течет из губ...
Отскочил я, изловчился
И схватил врага за чуб.

Молчаливо и злоратно
Придавил его ногой:
Под водою так прохладно,—
Ты попробуй, дорогой!
Быстро выудил мальчишку
И по трусикам слегка
Охладила шалунишку
Полновесная рука...

Чайки в небе закружились,
Дети взвизгнули вдали,—
А потом мы помирились,
Даже дружбу завели.
Подплывет и спросит кротко:
«Можно на плечи вам влезть?»
И в ответ мальчишке четко,
Как матрос, кричу я: «Есть!»

1931

ОСЛЕНОК

Ты видел, мой мальчик, осленка
На ферме у старой сосны,
Где утром залиvisto-звонко
Горланит петух со стены?

Стоит он, расставив копытца,
Мохнатый серьезный малыш,
И, вскинувши уши, косится
На глухо шипящий камыш.

Оса ли завьется над мордой,—
Густые реснички мигнут,
И хвостик, упругий и твердый,
Взволнованно щелкнет, как прут.

Девчонка, чуть больше наперстка,
Раскроет восторженно рот,—
Погладит пушистую шерстку,
Потрется щекой о живот...

И даже барбос желтозубый,
К помойке свершая свой путь,
Лизнет его в мягкие губы,—
Ей-богу, нельзя не лизнуть!

Лес солнечной тешит игрою,
Тень вьется по выступам плит...
Чу! Дробная рысь под горою,—
Мать с хвостом к ферме спешит.

Мохнатые пляшут гамаши,
Раздулись бока широко:
Так вкусно из теплой мамаша
Густое тянуть молоко!

1931

ЗЛОЙ СЕЛЕЗЕНЬ

Старый селезень, выгнувши шею,
Все шипит да шипит...
Всех, кто по двору мимо проходит,
Ущипнуть норовит.
Даже кошку за хвост он цапнул,
Так и взвилась бомбой на стол!
И решили все люди хором:
Он ужасно, ужасно зол...
Уток всех нещадно колотит,
Все герани обгрыз до корней...
Растопырит сухие крылья
И сидит, как черт, средь камней.

Я пришел за картошкой на ферму.
Почему он меня ущипнул?
Почему он, вихляя задом,
Подобрался ко мне под стул?
Но за зло добром отплатил я,—
Взял широкий глиняный таз,
До краев водой его налил
И поставил под вяз...
Боже мой! Как селезень ожил —
Так и плюхнулся в воду брюшком...
Чистил крылья, кряхтел и купался,
Глянцевитым сверкая пушком...
В таз хотел с головой закрыться,—
Глупый, думал, что он в пруде...
А потом позволил всем уткам
Поплескаться в грязной воде.

С этих пор он меня не щиплет,
Чуть на ферму зайдешь — шипит:
«Эй, прохожий, стой, не бойся!
Я добряк, я совсем не бандит...
Ты налей-ка мне в таз водицы,—
Целый день сижу я в пыли,
От жары совсем изнемог я,
Даже ноги мои затекли...»
А за ним ковыляют утки,
Волоча по земле подол,
И галдят: «Купаться! Купаться!
Наш купальщик снова пришел...»
Ничего не поделаешь, право,—
Я к колодцу иду не спеша,
И за мною селезень старый
Ковыляет, как грузный паша.

1931

ГОРОДСКАЯ СКАЗКА

Мы с тобой на столе сидели,
Потому что на стульях — скучно...
За окном по серой панели
Проходили люди беззвучно.

Вдруг спросил ты, на улицу глядя,
И считая шляпы и трости:
«Сорок пятого можно ли, дядя,
Пригласить к нам с улицы в гости?»

И на счастье твое, мальчишка,—
Старикашка в шарфе мохнатом,
С крутобокой гитарой под мышкой,
Оказался как раз сорок пятым.

Он не понял сначала, в чем дело,
Мы ему помахали руками,—
И в переднюю нашу несмело
Он вошел смешными шажками...

Сел к окошку, кроткий и старый,
Улыбнулся тебе, словно внуку,
И на гулкую грудь гитары
Положил озябшую руку.

Русским чаем его мы согрели,
Угостили борщом с ватрушкой.
Помнишь? Первые тихие трели
Золотистой завились стружкой...

Словно он спросил у гитары:
«Хочешь, друг мой, потешить мальчишку?»
И в ответ глухие удары
Понеслись, ликуя, вприпрыжку...

Зазвенела вода ключевая,
И камыш загудел басистый...
Ветер, сонные липы качая,
На лужок умчался росистый...

У воды забубнили пчелы,
Над пушистой ивой танцую,
И русалка рукою веселой
В них метала светлые струи...

А потом поднялась вдруг буря,—
Налетели аккорды буруном...
Старикашка, брови нахмуря,
Наклонялся все ниже к струнам.

Башмаком он притоптывал грозно,
На столе дребезжали стаканы...
Помнишь, как ты слушал серьезно,
Сунув пухлые лапки в карманы?

А потом — умолкла гитара...
Старичок улыбнулся по-детски
И, очнувшись вдруг от угара,
Ты на коврик сел по-турецки.

Мы нашли шерстяную тряпицу,—
Для гитары его одеяльце,
Да еще мои рукавицы,
Чтоб не зябли старые пальцы...

И ушел от нас «сорок пятый»,
Старичок — случайный прохожий,
Спрятав носик в свой шарф мохнатый...
Помнишь, как мы вздохнули в прихожей?

1932

ВОЛШЕБНИК

«Я сейчас, дядя Саша,— хотите? —
Превращу вас в кота...
Вы рукав своей куртки ловите
Вместо хвоста,
И тихонько урчите,—
Потому что вы кот,
И, зажмурив глазки, лижите
Свой пушистый живот...
Я поставлю вам на пол блюдце
С молоком,—
Надо, дядя, вот так изогнуться
И лакать языком.
А потом я возьму вас в охапку,
Вы завьетесь в клубок, как удав,—
Оботру я усы вам тряпкой,
И вы скажете: «Мяв!»

А кота, настоящего Пышку,
Превращу я — хотите? — в вас.
Пусть, уткнувшись мордою в книжку,
Просидит целый час...
Пусть походит по комнатам вяло,
Ткнется рыльцем в стекло
И, присев к столу, из бокала
Вынет лапкой стило...
Сам себе язык он покажет,
Покачается, как пароход,—
А потом он кляксу размажет,
Папироску в угол швырнет
И, ко мне повернувшись, скажет:
«Не бурчи, бегемот!..»

Но в ответ на мальчишкины бредни
Проворчал я: «Постой!..
Я и сам колдун не последний,—
Погоди, золотой!
За такое твое поведенье
Наступлю я тебе на мозоль:
Вот сейчас рассержусь — и в мгновенье
Превращу тебя в моль...
Над бокалом завьешься ты мошкой —
Перелет, пируэт,—
Вмиг тебя я прихлопну ладошкой,
И, ау,— тебя нет!
Кот лениво слижет с ладони
Бледно-желтую пыль
И раскинет живот на балконе,
Вскинув хвост, как ковыль...»

Ты надулся: «Какой вы несносный!
Я за это...» Ты топнул и встал:
«Превращу я вас в дым папиросный...»
Но, смеясь, я сказал: «Опоздал!»

<1932>

**ДНЕВНИК
ФОКСА МИККИ**

О ЗИНЕ, О ЕДЕ,
О КОРОВЕ И Т. П.

Моя хозяйка Зина больше похожа на фокса, чем на девочку: визжит, прыгает, ловит руками мяч (ртом она не умеет) и грызет сахар, совсем как собачонка. Все думаю — нет ли у нее хвостика? Ходит она всегда в своих девочкиных попонках; а в ванную комнату меня не пускает, — уж я бы подсмотрел.

Вчера она расхвасталась: видишь, Микки, сколько у меня тетрадок. Арифметика — диктовка — сочинения... А вот ты, цуцик несчастный, ни говорить, ни читать, ни писать не умеешь.

Гав! Я умею думать, — и это самое главное. Что лучше: думающий фокс или говорящий попугай? Ага!

Читать я немножко умею: детские книжки с самыми крупными буквами.

Писать... Смейтесь, смейтесь (терпеть не могу, когда люди смеются)! — писать я тоже научился.

Правда, пальцы на лапах у меня не загибаются, я ведь не человек и не обезьяна. Но я беру карандаш в рот, наступаю лапой на тетрадку, чтобы она не ерзала, — и пишу.

Сначала буквы были похожи на раздавленных дождевых червячков. Но фоксы гораздо прилежнее девочек. Теперь я пишу не хуже Зины. Вот только не умею точить карандашей. Когда мой иступится, я бегу тихонько в кабинет и тащу со стола отточенные людьми огрызочки.

* * *

Ставлю три звездочки. Я видал в детских книжках, — когда человек делает прыжок к новой мысли, — он ставит три звездочки...

Что важнее всего в жизни? Еда. Нечего притворяться! У нас полон дом людей. Они разговаривают, читают, плачут, смеются, — а потом садятся есть. Едят утром, едят в полдень, едят вечером. А Зина ест даже ночью: прячет под подушку бисквиты и шоколадки и потихоньку чавкает.

Как много они едят! Как долго они едят! Как часто они едят. И говорят еще, что я обжора...

Сунут косточку от телячьей котлетки (котлетку сами съедят!), нальют полблюдца молока, — и все.

Разве я пристаю, разве я прошу еще, как Зина и другие дети? Разве я ем сладкое,— клейстер, который называется киселем, или жидкую гадость из чернослива и изюма, или холодный ужас, который они называют мороженым? Я деликатнее всех собак, потому что я породистый фокс. Погрызу косточку, съем, осторожно взяв из рук Зины, бисквит, и все.

Но они... Зачем эти супы? Разве не вкуснее чистая вода?

Зачем эти горошки, морковки, сельдерейки и прочие гадости, которыми они портят жаркое?

Зачем вообще варить и жарить?

Я недавно попробовал кусочек сырого мяса (упал на кухне на пол,— я имел полное право его съесть!)... Уверю вас, оно было гораздо вкусней всех этих шипящих на сковородке котлет...

И как было бы хорошо, если бы не варили и не жарили! Не было бы кухарок,— они совсем не умеют обращаться с порядочными собаками. Ели бы все на полу, без посуды,— мне было бы веселей. А то всегда сидишь под столом, среди чужих ног. Толкаются, наступают на лапы. Подумаешь, как весело!..

Или еще лучше: ели бы на траве перед домом. Каждому по сырой котлетке. А после обеда все бы барахтались и визжали, как Зина со мной... Гав-гав!

Меня называют обжорой (выпил глоток молока из кошачьего блюдца, подумаешь)...

А сами... После супа, после жаркого, после компота, после сыра — они еще пьют разноцветные штуки: красную — вино, желтую — пиво, черную — кофе... Зачем? Я зеваю под столом до слез, привык около людей околачиваться, а они все сидят, сидят, сидят... Гав! И все говорят, говорят, говорят, точно у каждого граммофон в животе завели.

* * *

Три звездочки.

Новая мысль. Наша корова — дура. Почему она дает столько молока? У нее один сын — теленок, а она кормит весь дом. И чтоб давать столько молока, она весь день ест, ест свою траву, даже смотреть жалко. Я бы не выдержал. Почему лошадь не дает столько молока? Почему кошка кормит своих котят и больше ни о ком не заботится?

Разве говорящему попугаю придет в голову такая мысль?

И еще. Почему куры несут столько яиц? Это ужасно. Никогда они не веселятся, ходят, как сонные мухи, летать совсем разучились, не поют, как другие птицы... Это все из-за этих несчастных яиц.

Я яиц не терплю. Зина — тоже. Если бы я мог объясниться с курами, я бы им отсоветовал нести столько яиц.

Хорошо все-таки быть фоксом: не ем супа, не играю на этой проклятой музыке, по которой Зина бегаёт пальцами, не даю молока и «тому подобное», как говорит Зинин папа.

Трах! Карандаш надломился. Надо писать осторожнее — кабинет на замке, а там все карандаши.

В следующий раз сочиню собачьи стихи, — очень это меня интересует.

*Фокс Микки,
первая собака, умеющая писать*

СТИХИ, КОТЯТА И БЛОХИ

Взрослые всегда читают про себя. Скучные люди эти взрослые, — вроде старых собак. А Зина — читает вслух, нараспев и все время вертится, хлопает себя по коленке и показывает мне язык. Конечно, так веселей. Я лежу на коврике, слушаю и ловлю блох. Очень это во время чтения приятно.

И вот я заметил, что есть такие штучки, которые Зина совсем по-особому читает: точно котлетки рубит. Сделает передышку, языком прищелкнет и опять затарахтит. А на конце каждой строчки, — ухо у меня тонкое, — похожие друг на друга кусочки звучат: «дети — отца, сети — мертвеца»... Вот это и есть стихи.

Вчера весь день пролежал под диваном, даже похудел. Все хотел одну такую штучку сочинить. Придумал — и ужасно горжусь.

По веранде ветер дикий
Гонит листья все быстреей.
Я веселый фоксик Микки,
Самый умный из зверей!

Замечательно! Сочинил и так волновался, что даже не мог обедать. Подумайте! Это первые в мире собачьи стихи, а ведь я не учился ни в гимназии, ни в «цехе поэтов»... Разве наша кухарка сочинит такие стихи? А ведь ей сорок три года, а мне только два. Гав! Эта кубышка-Зина и не подозревает, кто у нее живет в доме... Запеленала меня в салфетку, уткнула в колени и делает мне замшевой притиралкой маникюр. Молчу и вздыхаю. Разве девочка что-нибудь путное придумает?

И вот, лежа, пробовал прочесть про себя свои стихи наоборот. Тяв! Может быть, так еще звончей будет?..

Дикий ветер веранде по
Быстреей все листья гонит...
Микки фоксик веселый я,
Зверей из умный самый...

Ай-яй-яй! Что же это такое?

Котята! Скажите, пожалуйста!.. Их мать, хитрая тварь, исчезает в парке на весь день: шмыг — и нету, как комар в елке. А я должен играть с ее детьми... Один лижет меня в нос. Я тоже его лизнул, хотя зубы у меня почему-то вдруг щелкнули... Другой сосет мое ухо. Мамка я ему, что ли? Третий лезет ко мне на спину и так царапается, словно меня теркой скребут. Р-р-р-р! Тише, Микки, тише... Зина хохочет и захлебывается, ты, говорит, их двоюродный папа.

Я не сержусь: надо же им кого-нибудь лизать, сосать и царапать... Но зачем же эта девчонка смеется?

Ах, как странно, как странно! Сегодня бессовестная кошка вернулась наконец к своим детям. И, знаете, — когда они бросили меня и полезли все под свою маму, — я посмотрел из-под скатерти, задрожал всей шкурой от зависти и нервно всхлипнул. Непременно напишу об этом стишок.

Ушел в аллею. Не хочу больше играть с котятами! Они не оценили моего сердца. Не хочу больше играть с Зиной! Она вымазала мне нос губной помадой...

Сделаюсь диким фоксом, буду жить на каштане и ловить голубей. У-у-у!

* * *

Видел на граммофонной пластинке нацарапанную картинку: фокс сидит перед трубой, склонил голову набок, свесил ухо и слушает. Че-пу-ха! Ни один порядочный фокс не будет слушать эту хрипящую, сумасшедшую машину. Если бы я был Зинин папа, уж я бы лучше держал в гостиной корову. Она ведь тоже мычит и ревет, да и доить ее удобней дома, чем бегать к ней в сарай. Странные люди...

С Зиной помирился: она катала по паркету игрушечный кегельный шар, а я его со всех ног ловил. Ах, как я люблю все круглое, все, что катится, все, что можно ловить!..

Но девочка... всегда останется девочкой. Села на пол и зевает. «Как тебе, Микки, не надоест сто раз делать одно и то же?»

Да? У нее есть кукла, и книжки, и подружки, папа ее курит, играет в какие-то дурацкие карты и читает газеты, мама ее все время одевается и раздевается... А у меня только мой шар, — и меня еще попрекают!

Ненавижу блох. Не-на-ви-жу. Могли бы, кажется, кусать кухарку (Зину мне жалко), так нет: целый день грызут меня, точно я сахарный... Даже с котят все на меня перескочили. Ладно! Пойду в переднюю, лягу на шершавый коврик спиной книзу и так их разотру, что они в обморок попадают. Гав-гав-гав!

Затопили камин. Смотрю на огонь. А что такое огонь — никому не известно.

*Фокс Микки,
Собака-поэт,
Умнее которой в мире нет...*

РАЗНЫЕ ВОПРОСЫ, МОЙ СОН И МОИ СОБАЧЬИ МЫСЛИ

Вопросом называется такая строчка, в конце которой стоит рыболовный крючок: вопросительный знак.

Меня мучают пять вопросов:

Почему Зинин папа сказал, что у него «глаза на лоб полезли»? Никуда они не полезли, я сам видел. Зачем же он говорит глупости? Я прокрался к шкафу, сел перед зеркалом и изо всех сил закатил кверху глаза. Чушь! Лоб вверху и глаза на своем месте.

Живут ли на Луне фоксы, что они едят и воют ли на Землю, как я иногда на Луну? И куда они деваются, когда лунная тарелка вдруг исчезает на много дней неизвестно куда?.. Микки, Микки, ты когда-нибудь сойдешь с ума!

Зачем рыбы лезут в пустую сетку, которая называется вершей? Раз не умеешь жить над водой, так и сиди себе тихо в пруде. Очень мне их жалко! Утром плавали и пускали пузыри, а вечером перевариваются в темном и тесном человеческом желудке. Да еще гнусная кошка все кишочки по саду растаскала...

Почему Зинина бонна все была брюнеткой, а сегодня у нее волосы, как соломенный сноп? Зина хихикнула, а я испугался и подумал: хорошо, Микки, что ты собака... Женили бы тебя на такой попугайке,—во вторник она черная, в среду—оранжевая, а в четверг—голубая с зелеными полосками... Фу! Даже температура поднялась.

Почему, когда я себя веду дурно, на меня надевают намордник, а садовник два раза в неделю напивается, буянит, как бешеный бык,—и хоть бы что?! Зинин дядя говорит, что садовник был контужен, и поэтому надо к нему относиться снисходительно. Непременно узнаю, что такое «контужен» и тоже контужусь. Пусть ко мне относятся снисходительно.

Пойду догрызу косточку (я спрятал ее... где?.. а вот не скажу!). Потом опять попишу.

* * *

Ах, что я видел во сне! Будто я директор собачьей гимназии. Собаки сидят по классам и учат «историю знаменитых собак», «правила хорошего собачьего поведения», «как надо есть мозговую кость» и прочие, подходящие для них штуки.

Я вошел в младший класс и сказал: «Здравствуйте, цуцки!»—Тяв, тяв, тяв, господин директор!—«Довольны вы ими, мистер Мопс?» Мистер Мопс, учитель мелодекламации, сделал реверанс и буркнул:—Пожаловаться не могу. Стараются.—«Ну, ладно. Приказываю моим именем распустить их на полчаса».

Боже мой, что тут поднялось! Малыши бросились на меня всей ватагой. Повалили на пол... Один вылил на меня чернильницу, другой уколол меня пером в кончик хвоста,— ай! Третий стал тянуть мое ухо вбок, точно я резиновый... Я завизжал, как паровоз,— и проснулся. Луна. На полу сидит таракан и подъедает брошенный Зиной бисквит. За окном хлопает ставня. Уй-юй-юй!..

Зинина комната на запоре. Я прокрался в закоулок за кухней и свернулся на коврик у кухаркиной кровати. Конечно, я ее не люблю, конечно, она храпит так, что банки дребезжат на полке, конечно, она высунула из-под одеяла свою толстую ногу и шевелит во сне пальцами... Но что же делать?

Окно побелело, а я все лежал и думал: что означает мой сон? У кухарки есть затрепанная книга — «сонник». Она часто перелистывает ее пухлыми пальцами и все вычитывает по складам про какого-то жениха. Подумаешь, кто на такой сковородке женится?..

Но что мне «сонник»? Собачьих снов в нем все равно нету... А может быть, сон был мне в руку? То есть в лапу.

* * *

Мысли:

Вода замерзает зимой, а я каждое утро. Самое гнусное человеческое изобретение — ошейники, обтянутые собачьей кожей. Зачем наш сосед пашет землю и сеет хлеб, когда рядом с его усадьбой есть булочная? Когда щенок устроит совсем-совсем маленькую лужицу на полу, — его тычут в нее носом; когда же то же самое сделает Зинин младший братишка, пеленку вешают на веревочку, а его целуют в пятку... Тыкать, так всех! Дрался с ежом, но он нечестный: спрятал голову и со всех сторон у него колючий зад. Р-р-р! Это что ж за драка?.. Ел колбасу и проглотил нечаянно колбасную веревочку. Неужели у меня будет аппендицит?!

Зина пахнет миндальным молоком, мама ее — теплой булкой, папа — старым портфелем, а кухарка... многоточие...

Больше мыслей нету. Взы! Почему никто не догадается дать мне кусочек сахара?

*Фокс Микки,
которому по-настоящему
следовало бы быть профессором*

ОСЕННИЙ КАВАРДАК

Осень. Хлопает дождик. Как ему не надоест целый день хлопотать? Желтые листья все падают, и скоро деревья будут совсем лысые. А потом пойдут туманы, — большая собака забе-

рется в будку и будет храпеть с утра до вечера. Я иногда хожу к ней в гости. Но она глупая и необразованная: когда я с ней играю и осторожно цапаю ее за хвост, она бьет меня лапой по голове и хватает зубами поперек живота. Деревенщина!

Туманы — туманы — туманы. Грязь — грязь — грязь. И вдруг потянет теплом. Налетят со всех сторон сумасшедшие птицы. Небо станет, как вымытая Зинина голубая юбка, и на черных палках покажутся зеленые комочки. Потом они лопнут, развернутся, зацветут... Ох, хорошо! Это называется — весна.

Деревья, вот даже старые, молодеют каждую весну. А люди и взрослые собаки — никогда. Отчего? Вот Зинин дядя совсем лысый, вся шерсть с головы облезла, точь-в-точь — бильярдный шар. А вдруг бы у него весной на черепе зеленая травка выросла? И цветочки?

Или чтоб у каждой собаки в апреле на кончике хвоста бутон распускался?..

Все бы я на свете переделал. Но что же может маленький фокс?

А в доме — кавардак. Снимают ковры, пересыпают каким-то на-фта-ли-ном. Ух, как от него чихаешь! Я уж в комнаты и не хожу. Лежу на веранде и лапой тру нос. Ведь я же всегда хожу босиком, к лапам и пристаёт. Прямо несчастье!

* * *

Зина собирает свои книжки и мяучит. Братец ее лежит в своей колясочке перед клумбой и визжит, как щенок. И только я, фокс Микки, кашляю, как человек, скромно и вежливо: у меня бронхит.

Пусть, пусть собирается. Ни за что я в Париж не поеду. Спрячусь у коровы в соломе — не разыщут.

Ну, что там в Париже, подумайте? Был один раз, возили к собачьему доктору. Улиц — миллион, а миллион — это больше, чем десять. Куда ни посмотришь — ноги, ноги и ноги. Автомобили, как пьяные носороги, летят, хрипят — и все на меня!.. Я уж Зининой юбки из зубов не выпускал. Цепочка — тянет, намордник жмет. Как они могут жить в таком карусельном городе!..

Ни за что! Чтоб я сидел у окна и смотрел на вывеску с дамской ногой? Чтоб меня консьержка называла «поросенчком»? Чтоб меня гоняли с кресел и с дивана?! Чтоб меня попрекали, что я развожу в доме блох?! Я ж их не фабрикую, — они сами разводятся...

И какие там гнусные собаки! Бульдоги с растопыренными лапами, вывороченной мордой и закушенными языками; полосатые доги, похожие на мясников; мопсы вроде жаб, зашитых в собачью шкуру; болоночки — волосатые насекомые с висячими ушами и мокрыми глазами... Фу! Гав-гав! Фу! Отчего это собаки такие разные, а кошки все на один фасон? И, знаете, — это,

впрочем, Зина сказала,—они все похожи друг на друга: хозяева на своих собак, и собаки на своих хозяев. А Микки и Зина? Что ж, и мы похожи: только бантики у нас разные,—у нее зеленый, а у меня желтый.

Ах, как из дверей дует! Пальто на диване, а укрыться не умею. Нет, что ни говори,—руки иногда вещь полезная.

* * *

Грузовик забрал вещи. В столовой — бумаги и сор. Зачем это люди переезжают с места на место? Дела, уроки, квартира... «Собачья жизнь!» — говорит Зинин папа. Нет уж, собачья лучше, это позвольте мне знать.

Меня оставляют. Подружусь с дворовой собакой, ничего не поделаешь. Зина говорит, чтоб я не плакал, обещает раз в неделю приезжать, если я буду себя хорошо вести. Буду! Очень я ее люблю: я ее сегодня лизнул в глаз, а она меня в нос. Чудесная девочка!

Садовнику приказали меня кормить. Пусть попробует не кормить,—я у него все бутылки перебью! Да и мясник меня любит: каждый раз, когда приезжает, что-нибудь даст. Котята выросли, быстро это у них делается... Совсем меня забыли и носят по парку, как оглашенные (что это такое «оглашенные»?). Придется и с ними подружиться...

Но самое обидное: кончается мой последний карандашный огрызок. А с письменного стола все убрали. Ах, зачем я не догадался взять про запас! Прощай, мой дневник... Я уж Зину так умолял, так умолял,—за платье дергал, перед письменным столом служил, но она не понимает и все мне шоколадки в рот сует. Вот горе! Без рук тяжело, а без языка — из лап вон плохо!..

Моя золотая-серебряная-бриллиантовая тетрадка. Суну тебя под шкаф, лежи там до будущей весны...

Ай-яй! Гав! Зина заметила, что я пишу... Идет ко мне! Отнима...

Я ОДИН

В доме никого нет. Во все щели дует собачий ветер (почему собачий?). Вообще, ветер дурак: дует в голом парке, а там и сорвать нечего. На дворе еще кое-как с ним справляюсь: стану спиной к ветру, голову вниз, ноги расставляю — и «наплевать», как говорит садовник.

А в комнате никуда от этого бандита не спрячешься. Врывается из-под двери, сквозь оконные щелочки, сквозь каминную дыру, и так пищит, и так скулит, и так подвывает, точно его мама была собакой. Ни морды, ни глотки, ни живота, ни зада у него нет. Чем он дует,—понять не могу...

Забираюсь под диванную подушку, закрываю глаза и стараюсь не слушать.

Отдал бы полную чашку с овсянкой (ужасная гадость!), если бы мне кто-нибудь объяснил, зачем осень, зачем зима? В аллее такая непроходимая грязь, какую я видал только под носорогом в зоологическом саду. Мокро. Голые ветки хлопают друг о друга и чихают. Ворона, облезшее чучело, дразнится: Кра,— почему тебя не взяли в город?

Потому что сам не захотел! А теперь жалко, но держусь молодцом. Вчера только поплакал у камина, очень уж гадко в темноте и сырости. Свечку нашел, а зажечь не умею. У-у-у!

К садовнику не хожу. Он сердится, почему у меня лапы всегда в грязи? В сабо мне ходить, что ли?

Ах, ах... Одна только радость,— разыскал в шкафу позабытую сигарную коробку с карандашами, стянул в буфетной приходо-расходную книжку, и вот опять веду свой дневник.

Если бы я был человеком, непременно издавал бы журнал для собак!

* * *

Скребутся мыши. Хотя фоксам это не полагается, но я очень люблю мышей. Чем они виноваты, что они такие маленькие и всегда хотят есть?

Вчера один мышонок вылез и стал катать по полу прошлогодний орех. Я ведь тоже люблю катать все круглое. Очень хотел поиграть с ним, но удержался: лежи, дурак, смирно! Ты ведь большой, как слон: напугаешь малыша, и он больше не придет. Разве я не умница?

Сегодня другой до того осмелел, что взобрался на диван и понюхал мою лапу. Я прикусил язык и вздрогнул. Тяф! Как я его люблю!

Вот только как их отличать одного от другого?..

Если кошка посмеет их тронуть, я ее загоню на самую высокую елку и целый день сторожить буду... Гав! Дрянь! Ненавижу!..

Почему елки всю зиму зеленые? Думаю, потому, что у них иголки. Ветру листья оборвать не штука, а иголки — попробуй! Они тоненькие — ветер сквозь них и проходит, как сквозь решето...

* * *

До чего я исхудал, если бы вы знали. Зинина тетя была бы очень довольна, если бы была теперь похожа на меня. Она ведь все похудеть хочет. А сама целый день все лопает и затягивается.

Проклятый садовник и консьерж сговорились: съедают всю провизию сами, а мне готовят только эту ужасную овсянку. Дворовому псу дают большие кости и суп с черствым хлебом. Он

со мной делится, но где ж мне разгрызть такую кость, когда она тверже утюга? А суп... Таким супом в бистро тарелки моют!

Даже молока жалеют, жадины! Молоко ведь дает корова, а не они. Уж я бы ее сам подоил: мы с ней дружны, и она мне всегда в глаза дышит, когда я прибегаю в сарай. Но как я ее буду доить моими несчастными лапами?..

Придумал штуку. Стыдно очень, но что ж делать,— есть надо. Когда дождь утихнет, бегаю иногда в соседнее местечко к знакомому бистровщику. У него по вечерам под граммофон танцы. Пляшут фокстрот. Должно быть, собачий танец.

Я на задние лапки встану, живот подтяну, верчусь и головой киваю.

Все пары и танцевать бросят... В кружок соберутся и хохочут так, что граммофона не слышно.

И уж такую порцию мяса мне закажут, что я еле домой добираюсь. Да еще телячью косточку в зубах принесу на завтрак...

Вот до чего ради голода унижаться приходится!

Жаль только, что нет другой маленькой собачки. Мы бы с ней танцевали вдвоем и всегда были сыты.

* * *

Надо записать все свои огорчения, а то потом забуду.

Петух ни с того ни с сего клюнул меня в нос. Я только подошел поздороваться... Зачем же драться, нахал горластый?! Плакал, плакал, сунул нос в корытце с дождевой водой и до вечера не мог успокоиться...

Зина меня забыла!

В мою чашку с овсянкой забрался черный таракан, задохся и утонул. Какая мерзость! Птицы, кроме петухов, туда-сюда; кошки — гадость, но все-таки звери. Но кому нужны черные тараканы?!

На шоссе чуть не попал под автомобиль. Почему он не гудел на повороте?! Почему обрызгал меня грязью?! Кто меня отмоет? Ненавижу автомобили! И не по-ни-ма-ю...

Зина меня забыла!

Спугнул в огороде дикого кролика и налетел на колючую проволоку. Уй-ю-юй, как больно! Зина говорила, что, если порежешься ржавым железом, надо сейчас же смазаться йодом. Где я возьму йод? И йод ведь щиплет — я знаю...

Мыши проели в моем дневнике дырку. Никогда больше не буду любить мышей!

Зина меня забыла...

Сегодня нашел в бильярдной кусочек старого шоколада и съел. Это, правда, не огорчение, а радость. Но радостей так мало, что не могу же я для них отдельную страницу отводить.

Одинокий, несчастный, холодный и голодный фокс Микки

Вы любите чердаки? Я — очень. Люди складывают на чердаках самые интересные вещи, а по комнатам расставляют скучные столы и дурацкие комоды.

«Когда сердце мое разрывается от тоски», как говорит Зинина тетя,—я прибегаю из голого парка, вытираю о диван лапы и бегу на чердак.

Над стеклом в потолке пролетают воробьи: они вроде мышей, только с крылышками.—«Чик-чивик!»—«Доброе утро, силь ву плэ!»

Потом здороваюсь со старой Зининой куклой. У нее чахотка, и она лежит в пыльной дырявой ванне, задрав кверху пятки. Я ее перевернул, чтобы все было прилично... Поговорил с ней о Зине.

Да, конечно, сердце девочки — одуванчик. Забыла куклу, забыла Микки. А потом у нее появится дочка, и все начнется сначала... новая дочка, новая кукла, новая собачка. Апчхи! Как здесь пыльно!

Обнюхал разбитую люстру, лизнул резиновую собачку — у нее, бедной, в животе дыра... разорвал в клочки собачью плетку...

«И скучно, и грустно, и некому лапу пожать!»...

Если бы я был сильнее, я бы отодвинул старую ванну и устроил себе на чердаке комнату. Под раненый диван поставил бы попугайскую клетку: это моя спальня. На китайском бильярде устроил бы себе письменный стол. Он покатый — очень удобно писать!

Уборную устрою на крыше. Это и «гигиенично» и приятно. Буду лазить, как матрос, по лестничке в слуховое окошко.

А намордник свой заброшу в дымовую трубу!! Апчхи!.. Чихнул — значит, так и будет.

Ай! На шоссе экипаж... Чей? Чей? Чей? И-и-и! Зина приеха...

* * *

Третью неделю живу в Париже, — 16, рю д'Ассомпсион, телефон Отей 12-37. Третий этаж направо. Кордон, силь ву плэ!

Вы бы меня и не узнали: лежу у камина на подушечке, как фарфоровая кошка. Пахнет от меня сиреневым мылом, сбоку зеленый галстук. На ошейнике серебряная визитная карточка с адресом... Если бы я умел говорить, украл бы франк и купил себе манжетки.

Зина в школе... На соседнем балконе сидит преотвратительная собачонка. В ушах пакля, в глазах пакля, на губах пакля. Вообще, какая-то слезливая муфта, мусорная тряпка, собачья слепая кишка, пискливая дрянь! И знаете, как ее зовут? Джиоко-нда... Морда ты, морда тухлая!

Когда никого нет на балконе, я ее дразню. Ух, как приятно! Становлюсь к ней задом и начинаю дергать задней ногой: пять минут дергаю.

Ах, какую она истерику закатывает! Как кот под автомобилем...

— Яй-й-й-и! Уй-уй-у-й-о! Ай-ай-ай-э!..

Катышком прибегает ее хозяйка, такая же коротенькая, лохматенькая, пузатенькая, живот на ходу застегивает и, Боже мой, чего она не наговорит:

— Деточка моя, пупупусичка! Кто тебя оби-би-би-дел? Бедные мои глазочки! Чудные мои лапочки! Золотой, дорогой хвостик!..

А я в комнату со своего балкона спрячусь, точно меня и на свете нет, по ковру катаюсь и лапами себя по носу бью. Это я так смеюсь.

Внизу, сверху, справа и слева играют на пианино. Я бы им всем на лапы намордники надел! Зина в школе. И зачем девочке так много учиться? Все равно вырастет, острижет волосы и будет на кушетке по целым дням валяться. Уж я эту породу знаю.

Вчера из усадьбы приезжал садовник. Привез яблоки и яйца. Лучшие отобрал для кухарки (знаем, знаем!), а худшие — для Зининых родителей. Поймите людей: носят очки, носят пенсне, а ничего у себя под носом не видят...

Прокрался в переднюю, встал на стул и положил ему в карман пальто рыбьих кишочек... Пусть знает!

* * *

Был с Зиной в синема. Очень взволнован. Как это, как это может быть, чтобы люди, автомобили, дети и полицейские бегали по полотну?! И почему все серые, черные и белые? Куда же девались краски? И почему все шевелят губами, а слов не слышно?.. Я видел на чердаке в коробочке засушенных бабочек, но, во-первых, они не двигались, а, во-вторых, они были разноцветные...

Вот, Микки, ты и дурак, а еще думал, что ты все понимаешь! Представление было очень глупое: он влюбился в нее и поехал на автомобиле в банк. Она тоже влюбилась в него, но вышла замуж за его друга. И поехала на автомобиле к морю с третьим. Потом был пожар и землетрясение в ванной комнате. И качка на пароходе. И негр пробрался к ним в каюту. А потом все помирились...

Нет, собачья любовь умнее и выше!

Непременно надо изобрести синема для собак. Это же бессовестно, — все для людей: и газеты, и скачки, и карты. И ничего для собак.

Пусть водят нас хоть раз в неделю, а мы, сложив лапки, будем культурно наслаждаться.

«Чужая кость»... «Похороны одинокого мопса»... «Пудель Боб надул мясника» (для щенков обоого пола)... «Сны старого дога»... «Сенбернар спасает замерзшую девочку» (для пожилых болонок)... «Полицейская собака Фукс посрамляет Пинкертона» (для детей и для собак).

Ах, сколько тем, Микки!.. Ты бы писал собачьи сценарии и ни в ком не нуждался

Новый стишок:

На каштанах надулись почки,—
Значит, скоро весна.
У Зининой мамы болят почки,
Поэтому она грустна...

*Главный собачий фильм-директор
фокс Микки*

НА ПЛЯЖЕ

Ах, как переменялась моя жизнь! Зина влетела в комнату, хлопс—сделала колесом реверанс, ручки—птичками, глазки вниз и лягнула:

— Микки! Мой обожаемый принц... мы едем к морю.— Я сейчас же полетел вниз, к консьержкиной болонке. Она родилась у моря и очень симпатично ко мне относится.

— Кики, муфточка... меня везут к морю. Что это такое?

— О! Это много-много воды. В десять раз больше, чем в люксембургском фонтане. И везде сквозняк. Моей хозяйке было хорошо, она могла затыкать уши ватой... Море то рычит, то шипит, то молчит. Никакого порядка! За столом очень много рыбы. Дети копаются в песке и наступают собакам на лапы. Но ты фокс: тебе будут бросать в воду палки, и ты их будешь вытаскивать...

— Чудесно!

— А когда ты устанешь, всегда возле моря на горке есть лес. Будешь разрывать кротовые норки и кататься по вереску.

— Это что за штука?

— Травка такая курчавенькая. Вроде бороды. Лиловенькие цветочки, и пахнет скипидарчиком.

— Ну, спасибо! Дай лапку. Что тебе привезти с моря?

— Утащи у какой-нибудь девчонки тепленький шарфик. Мой уже износился.

— Кики, я честный! Я не могу. Но сегодня у нас гости, я стащу для тебя шоколадного зайца.

— Мерси. Прощай, Миккочка...

Она ушла в угол и вытерла глаза о портьеру. Кажется, она в меня влюблена.

«В десять раз больше люксембургского фонтана...» У этих болонок нет никакого глазомера. В двадцать раз больше! До самого неба вода и больше ничего. И соленая, как селедка... Почему соленая? Дождик ведь пресный и ручеек в лесу, который все время подливает в море воду, тоже пресный. А?

Люди ходят голые, в полосатых и черных попонках. В дырки снизу вставляют ноги. Пуговицы на плече. Вообще — глупо. Я, слава Богу, купаюсь без костюма. Ах, что мы с Зиной выделываем в воде! Я лаю на прибой, а она бросает в меня мячик... Но он большой и скользкий, а рот у меня маленький. И никак его, черта, не прокусишь! Гав!

Подружился со всеми детьми. Есть такие маленькие, что даже не могут сказать «Микки» и зовут меня: «Ми»! Сидят голенькие на песке и пускают пузыри. А один все старается себе ногу в рот засунуть. Зачем?..

Я бегаю, вытаскиваю из воды детские кораблики, прыгаю через их песочные постройку, гоняюсь вперегонки с пуделем Джеком, и весь берег меня знает. Какой чудный фокс! Чей это фокс? Зинин? Замечательный фокс!..

Вчера подсмотрел. У детей никаких хвостиков нет. Напрасно я сомневался...

Теперь про взрослых. Мужчины ходят в белых костюмчиках. Полдня курят. Полдня читают газеты. Полдня купаются. Полдня снимаются. Плавают хорошо, но очень далеко заплывают. Я слежу с купальной лестницы и все волнуюсь: а вдруг утонет... Что я тогда должен делать?

Очень хорошо прыгают в воду с мостика. Руки по швам, голову вперед — и бум! Перевернется в воздухе рыбкой, руки вниз и прямо в воду... Пена... Никого нет... И выплывет совсем в другом месте.

Я тоже взобрался на мостик и страшно-страшно хотел прыгнуть. Но так высоко! И так глубоко! Задрожал и тихонько спустился вниз. Вот тебе и Микки...

Дамы все переодеваются и переодеваются. Потом раздеваются, потом опять переодеваются. Купаться не очень любят. Попробует большим пальцем правой ноги воду, присядет, побрызгает на себя водой и лежит на берегу, как индюшка в гастрономической витрине.

Конечно, есть и такие, которые плавают. Но они больше похожи на мальчиков. Вообще, я ничего не понимаю.

Сниматься они тоже любят. Я сам видал. Одни лежали на песке. Над ними стояли на коленках другие. А еще над ними третьи стояли в лодке. Называется: группа... Внизу фотограф воткнул в песок табличку с названием нашего курорта. И вот нижняя дама, которую табличка немножко заслонила, передвинула ее тихонько к другой даме, чтобы ее заслонить, а себя

открыть... А та передвинула назад. А первая — опять к ней. Ух, какие у них были злющие глаза!

СТИШОК:

Когда дамы снимаются
И заслоняются,
Они готовы одна другой
Дать в глаз ногой!..

Да! Что я узнал!.. Море иногда сходит с ума и уходит. Курорт ему надоедает или что, я не знаю. И на песке всякие ракушки и креветки и слизняки... Зина говорит, что это все морские глисты. А потом море соскучится и приходит назад. Называется «прилив — отлив».

Здесьнее море люди почему-то называют океаном.

Я было как-то погнался за морем, когда оно уходило, но Зина привязала меня чулком к скамейке. Нелюбознательная девочка!

Вчера познакомился в соседнем русском пансионе с кухаркой Дарьей Галактионовной. Руки у нее толстые, как итальянская колбаса, но, в общем, она миленькая. Называет меня «Микитой» и все ворчит, что я с пляжа в кухню ей песок на лапах таскаю.

Песок вымести можно! Экая важность...

* * *

Еда так себе. Хотя я не интересуюсь: дети меня кормят шоколадом, котлетками и чем только хотите. Зина все просит, чтобы я так много не ел, а то у меня сделается ожирение сердца и меня придется везти в Мариенбад. А что, если бы был курорт для фоксов? Фоксенбад! Вот бы там открыть собачий кинематограф... Собачьи скачки, собачью рулетку, собачью санаторию для подагрических бульдогов... Умираю от злости! Почему, почему, почему для нас ничего не делают?

Кошек здесь нет. Ни одной кошки. Ни полкошки. Ни четвертькошки... Неужели они все пошли на котлетки? Брр! Нет, нет, я бегал на кухню, смотрел: куры, телячье мясо, баранина... А то бы я из курорта куда глаза глядят убежал!

Зина вчера мне устроила лунное затмение. Луна была такая круглая, огромная, бледная... Совсем как живот у нашего хозяина пансиона. Я задумался, загрустил и чуть-чуть-чуть подвыл. Только две-три нотки... А Зина взяла и надела мне на голову купальные штаны.

— Ты,— говорит,— не имеешь права после десяти часов выть!..

Но, во-первых, у меня нет часов, и даже кармана для них нет... А, во-вторых... настроение от часов не зависит.

Хотел послать Кики открытку с приветом... Но консьержка ревнивая — не передаст.

*Чудный и замечательный
фокс Микки*

У Зининого папы всегда «дела». У людей так уж заведено: за все нужно платить. За виллу, за зонтик, за мясо, за булки, за ошейник... и даже, говорят, скоро на фоксов двойной налог будет.

А чтоб платить — нужны деньги. Деньги бывают круглые, металлические, с дырочками — это «су». Круглые без дырочек — это франки. И потом разные — бумажные. Бумажные почему-то дороже и начинаются с пяти франков. Деньги эти как-то «падают», «поднимаются», — совершенно глупая история, но я не человек, и меня это не касается.

Так вот, чтоб иметь деньги, надо делать «дела». Поняли? И Зинин папа поехал на неделю в Париж, взял с собою Зину, а Зина — меня.

И пока ее папа «бегал» по делам (он почему-то по делам всегда бегает, никогда не ходит), Зина взяла меня на цепочку, села в такси (почему оно так скверно пахнет?) и поехала в Зоологический сад.

Сад! Совсем не сад, а просто тюрьма для несчастных животных. Подождите минуточку: у меня на спине сидит блоха... поймаю и расскажу все по порядку.

* * *

Когда я был совсем кудым щенком, Зина мне про этот сад рассказывала: «Какой там носорог! И какая под ним грязь! А ты, Микки, не хочешь умыться... Стыдно!»

И все неправда. Носорога нет. Или подох со скуки, или убежал в город и скрывается в метро, пока его не раздавят...

Но зато видел верблюда. Он похож на нашу консьержку, только губа больше и со всех сторон шерсть. Мало ему горба на спине, так у него даже колени горбатые! Питается колючками и, кажется, уксусом. Я бы ему граммофонных иголок дал! Он, негодай, когда Зина дала ему булочку — фыркнул, булку слопал и плюнул ей на бант! Был бы ты на свободе, я бы тебе показал...

Белая медведица очень миленькая. Сидит в ре-де-шоссе в каменной ванне и вздыхает. Свины какие! Хотя бы ее на лед посадили или на мороженое, ведь ей жарко!

Маленький мальчик бросил ей бисквит. Она вылезла, отрянулась, вежливо приложила лапку ко лбу и съела. Будет она сыта, как же! И мальчик второй бисквит ей на мелкие кусочки крошил: боялся, видно, чтобы она не подавилась. Воробьи все и склевали. Ну за что — за что ее держат в тюрьме? У Зины есть старый плюшевый Мишка. Непременно завтра притащу и брошу медведице: пусть будет ей вместо сына...

Обезьян совсем, совсем не жалко! Они страшные морды, и я их вовсе не трогал. Подошел и только немножко отвернулся вбок: ужасно скверно они пахнут... Кислой резинкой, тухлой килькой и еще каким-то маринованным поросычьим навозом.

Одна посмотрела на меня и говорит другой: «Смотри, какой собачий урод...»

Я? Гав, идиотка! Я... урод?! А ты-то что же?..

Побегу в Зинин шкафчик, понюхаю валерьяновую пробку. Как у меня колотится сердце!..

Тигр — противный. Большая кошка и больше ничего. Вообще ражаю, если его пустить в молочную. Целую ванну сливок выпьет, не меньше. А потом съест молочницу и пойдет в Булонский лес отдыхать.

Лев — славненький... Один совсем старичок. Под кожей складки, лысый и даже хвостом не дрыгает. Зина читала как-то, что лев очень любит, если к нему в клетку посадить собачку. Пять разорвет, а с шестой подружится. Я думаю, что лучше быть... седьмой — и гулять на свободе.

Есть еще какие-то зубры. Мохнатый, рогатый, голова копной. Зачем такие водятся? Ни играть с ним, ни носить его на руках нельзя... Вообще на свете много лишнего.

Дикобраз, например. Ну, куда он годится? Камин им чистить, что ли? Или кенгуру... На животе у нее портмоне, а в портмоне кенгуренок. А шкура у нее, кажется, застегивается на спине, как Зинин лифчик. Ерунда!

Слава Богу, что я фокс! Собак в клетки не сажают. Хотя бы некоторых следовало: бульдогов и разных других догов. Очень несимпатичные собаки! И почти дикие. У нас напротив живет бульдог Цезарь, так он непременно норовит перед нашей дверью сделать пакость. Надо будет ему отомстить. Как?.. Очень просто. У них ведь тоже есть дверь...

Людей в клетках не видал. А уж нашего садовника не мешало бы посадить! С кухаркой — вместе. Написать: «*Собачьи враги*». И давать им в день по кочану капусты и по две морковки, — больше ни-ни. Почему они меня не кормили? Почему сами крали и яйца, и сливки, и коньяк, а меня за каждую несчастную косточку ногой шпыняли?

Видел змей. Одна, большая и длинная, как пожарная кишка, посмотрела на меня и прошипела: «Этого, пожалуй, не проглотить!» Скотина... Так тебе и позволили живых фоксов глотать!

У слона два хвоста — спереди и сзади, и рога во рту... И пусть меня сто раз уверяют, что это «хобот» и «клыки», я говорю: *хвост* и *рога*! Зина решила, что если посмотреть на мышшь в телескоп, то получится слон. А что такое телескоп, пес его знает!

Да... Птицы, оказывается, бывают ростом с буфет. Страусы!.. И на хвосте у них такие же перья, как в альбоме у Зининой

бабушки на шляпе. Перьев этих теперь больше не носят, молока страусы не дают, значит, надо их просто зажарить, начинить каштанами и съесть! Ты бы, Микки, хотел страусовую лапку погрызть? Что ж, я любопытный...

Поздно. Надо идти спать. А в голове карусель: обезьяньи зады, верблюжьи горбы, слоновые перья и страусовые хоботы...

Пойду еще понюхаю валерьяновую пробочку. Сердце так и стучит... Как мотоциклет...

Тошнит! Ик... Где кухаркина умывательная чашка?!

Мокс-Фикки

КАК Я ЗАБЛУДИЛСЯ

Карандаш дрожит в моих зубах... Ах, что случилось! В кинематографе это называется «трагедия», а, по-моему, еще хуже.

Мы вернулись из Парижа на пляж, и я немножко одурел. Носился мимо всех кабинок, прыгал через отдыхающих дам, обнюхивал знакомых детей—душечки!—и радостно лаял. К черту Зоологический сад, да здравствует собачья свобода!

И вот... допрыгался. Повернул к парку, нырнул в какой-то зеленый переулок, попал в чужой огород—растерзал старую туфлю, оттуда в поле, оттуда на шоссе—и все погибло! Я заблудился... Сел на камень, задрожал и потерял «присутствие духа». До сих пор я не знал, что такое это «присутствие»...

Обнюхал шоссе: чужие подметки, пыль, резина и автомобильное масло... Где моя вилла? Домики вдруг стали все одинаковые, дети у калиток, словно мыши, сделались похожи друг на друга. Вылетел к морю: другое море! И небо не то, и берег пустой и шершавый... Старички и дети обдирали со скалы устриц, никто на меня и не взглянул. Ну, конечно, идиотские устрицы интереснее бездомного фокса!

Песок летит в глаза. Тростник лопочет какой-то вздор. Ему, дураку, хорошо,—прирос к месту, не заблудится... Слезы горохом покатались по морде. И ужаснее всего: я голый! Ошейник остался дома, а на ошейнике мой адрес. Любая девчонка (уж я бы устроил!) прочла бы его и отвела меня домой. Ух! Если бы не отлив, я бы, пожалуй, утопился... Примечание: и был бы большой дурак, потому что я все-таки отыскался.

* * *

Перед желтым забором у палисадничка прислонился к телеграфному столбу и опустил голову. Я видел на картинке в такой позе заблудившуюся собачку, и поза эта мне очень понравилась.

Что ж, я не ошибся. В калитке показалось розовое пятно. Вышла девочка (они всегда добрее мальчиков) и присела передо мной на дорожке.

— Что с тобой, собачка?

Я вскрикнул и поднял правую лапку. Понятно и без слов.

— Заблудилась? Хочешь ко мне? Может быть, тебя еще и найдут... Мама у меня добрая, а с папой справимся.

Что делать? Ночевать в лесу... Разве я дикий верблюд? В животе пусто. Я пошел за девочкой и благодарно лизнул ее в коленку. Если она когда-нибудь заблудится, непременно отведу ее домой...

— Мама! — запищала она. — Мамочка! Я привела Фифи, она заблудилась. Можно ее пока оставить у нас?

О! Почему «Фифи»? Я Микки, Микки! Но я, у которого такие прекрасные мысли, не могу ведь и полслова сказать на их человеческом языке... Пусть. Кто сам себе яму копает, тот в нее и попадает...

Мама надела пенсне (будто и без пенсне не видно, что я заблудился!) и улыбнулась:

— Какая хорошенькая! Дай ей, дружок, молока с булкой. У нее очень порядочный вид... А там посмотрим.

«У нее»... «У него», а не у нее! Я же ведь мальчик. Но ужасно хотелось есть, надо было покориться.

Ел я не торопясь, будто одолжение им делал. Вы угощаете? Спасибо, я съем. Но, пожалуйста, не подумайте, что я какой-нибудь голодный бродячий пес.

Потом пришел папа. Почему эти папы всюду суют свой нос, не знаю...

— Что это за собака? Что у тебя, Лили, за манера тащить всех зверей к нам на виллу? Может быть, она чахоточная... Пойди, пойди прочь отсюда! Ну!

Я? Чахоточная?

Девочка расхныкалась. Я с достоинством сделал шаг к калитке. Но мама строго посмотрела на папу. Он был дрессированный: фукнул, пожал плечами и пошел на веранду читать свою газету. Съел?

А я встал перед мамой на задние лапки, сделал три па и перепрыгнул через скамеечку. Гоп! Вперед, тур вокруг комнаты и назад...

— Мамочка, какой он умница!

Еще бы. Если бы я был человеком, давно бы уже профессором был.

* * *

Новый папа делает вид, что меня не замечает. Я его — тоже... Во сне видел Зину и залаял от радости: она кормила меня с ложечки гоголь-моголем и говорила: «Ты мое сокровище... если ты еще раз заблудишься, я никогда не выйду замуж».

Лили проснулась, — в окне белел рассвет, — и свесила голову с кровати.

— Фифи! Ты чего?

Ничего. Страдаю. Кошке все равно: сегодня Зина, завтра Лили. А я честная, привязчивая собака...

Второй день без Зины. К новой девочке пришел в гости толстый мальчик — кузен. У собак, слава Богу, кузенов нет... Садился на меня верхом, чуть не раздавил. Потом запряг меня в автомобиль, — а я уперся! Собаку? В автомобиль?! Тыкал моими лапами в пианино. Я все снес и из вежливости даже не укусил его...

Лилина мама меня оценила и, когда девочка опрокинула тарелку с супом, — показала на меня:

— Бери пример с Фифи! Видишь, как она осторожно ест...

Опять Фифи! Когда что-нибудь не нравится, говорят: «фи!» Фи-фи, значит, когда совсем не нравится? Придумают же такое цыплячье имя... Я нашел под шкапом кубики с буквами и сложил: «Микки». Потянул девочку за юбку, — читай! Кажется, ясно. А она ничего не поняла и кричит:

— Мама! Фифи умеет показывать фокусы!

— Хорошо. Дай ему шоколаду.

Ах, когда же, когда же меня найдут? Побегал даже в мэрию. Быть может, Зина заявила туда, что я потерялся. Ничего подобного. На пороге лежала лохматая дворняжка и зарычала:

— Р-рав! Ты куда, бродяга, суешься?

Я?! Бродяга?! Мужик ты несчастный!..

Счастье твое, что я так воспитан, что с дворнягами в драку не лезу...

* * *

«Гора с плеч свалилась»... Куда она свалилась, не знаю, но словом... я нашелся!

Лили вышла со мной на пляж. И вдруг вдали лиловое с белым платьице, полосатый мяч и светлые кудряшки. Зина!!

Как мы целовались, как мы визжали, как мы плакали!

Лили тихонько подошла и спросила:

— Это ваша Фифи?

— Да! Только это не Фифи, а Микки...

— Ах, Микки! Извините, я не знала. Позвольте вам ее передать. Она заблудилась, и я ее приютила.

А у самой в глазах «трагедия».

Но Зина ее утешила. Поблагодарила «очень-очень-очень» и обещала приходиться со мной в гости. Они подружатся, уж я это по глазам заметил.

Я, разумеется, послужил перед Лили, и передние лапки накрест сложил: Mergs! Очень-очень-очень...

И пошел сконфуженный за Зиной, ни на шаг не отходя от ее милых смуглых ножек.

Микки

У нашего вокзала появились длинные дома на колесах. Не то фургоны, не то вагоны. Красные, с зелеными ставеньками, над крышей труба, из трубы дым. На откидной ступеньке одного дома сидел карлик с огромной головой и красными глазами и мрачно курил трубку. А в глубине двора тоже вагоны-дома, но с решетками, и пахло от них густо-прегусто зоологическим садом.

На афишах чудеса... Три льва прыгают через укротительницу, а потом играют с ней в жмурки. Морж жонглирует горячей лампой и бильярдными шарами. Морж — такой неповоротливый дурак... кто бы подумал! Знаменитый пудель Флакс решает задачи на сложение и вычитание... Важность какая... Я и делить и умножать умею... Однако в знаменитости не лезу. Мисс Каравелла исполнит на неоседланном жеребце джигу — матросский танец. Негр Буль-Пуль... Стоп! Не надо забегать вперед, Микки, а то совсем спутаешься — что это за собачья привычка такая!

* * *

Зинин папа взял нам ложу: мне и Зине. Ложа — это такая будка, вроде собачьей, но без крыши. Обита красным вонючим коленкором. Стулья складные и жесткие, потому что цирк походный.

Оркестр ужасный! Я вообще музыки не выношу, особенно граммофона. Но когда один скелет плюет в флейту, а другой, толстяк, стоямя поставил огромную скрипку и ерзает по ней какой-то линейкой, а третий лупит палками по барабану, локтями о медные линейки и ногами в большой пузатый бубен, а четвертая, лиловая курица, разъезжает взад и вперед по пианино и подпрыгивает... О! «Слуга покорный», — как говорит Зинин холостяк дядя, когда ему предлагают жениться.

Клоуны — просто раскрашенные идиоты. Я думаю, что они напрасно притворяются, будто они нарочно идиоты, наверно, такие и есть. Разве станет умный человек подставлять морду под пощечину, кататься по грязным опилкам и мешать служителям убирать ковер? Совсем не смешно. Одно мне понравилось: у того клоуна, у которого сзади было нарисовано на широких штанах солнце, чуб на голове вставал и опускался... Еще ухо, я понимаю, но чуб! Очень интересный номер!

Жеребец-толстяк, а что он неоседлан, совсем не важно. У него такая широкая спина, даже с выемкой, что пляши на ней, как на хозяйской постели, сколько хочешь. Прыгал он лениво. Словно вальсирующая корова... А мисс Каравелла все косилась трусливо на барьер и делала вид, что она первая наездница в мире. Костюм славненький: сверху ничего, а посредине зеленый и желтый бисер. И зачем она так долго ездила? Жеребец под конец так вспотел, что я расчихался. Неинтересно.

Потом поставили круглую решетку, подкатили к дверям клетку, и вышли львы. Вышли... и зевают. Хорошие дикие звери! Зина немножко испугалась (девчонка!), но ведь я сидел рядом. Чего же бояться? — Львы долго не хотели через укротительницу прыгать: уж она их упрашивала и под шейкой щекотала и на ухо что-то шептала и бичом под брюхо толкала. Согласились — и перепрыгнули. А потом завязала им глаза белыми лентами, взяла в руки колокольчик и стала играть с ними в жмурки. Один лев сделал три шага и лег. Другой понюхал и пошел за ней... Обман! Я сам видел — у нее в руке был маленький кусочек мяса... Неинтересно!

Выходило еще голландское семейство эквилибристов. Папа катался на переднем колесе велосипеда (отдельно!), мама на другом колесе (тоже отдельно!), сын скакал верхом на большом мяче, а дочка каталась на широком обруче задом наперед... Вот это здорово!

Потом летали тарелки, ножи, лампы, зонтики, мальчики и девочки. Ух! Я даже залаял от радости. А под конец все семейство устроило пирамиду. Внизу папа и мама, на плечах две дочки, у них на плечах мальчик, у него на плечах собачка, у собачки на плечах... котенок, а у котенка на плечах... воробей! Трах! и все рассыпалось, закувыркалось по ковру и убежало за занавеску... Bravo! Бис! Гав-гав-гав!

* * *

В антракте было еще веселей. Антракт — это когда одно кончилось, а другое еще не началось. И вот взрослые с детьми постарше пошли за занавеску смотреть лошадей и прочих млекопитающих, а самые крошечные дети вылезли из всех лож и углов на арену и устроили свой собственный цирк.

Девочка с зеленым бантом изображала дрессированную лошадь и на четвереньках гарцевала по барьеру: голова набок, а сама все правой ножкой брыкала. Мальчишки, конечно, были львами и, пожалуй, свирепее настоящих — рычали, плевались, кусались и бросали друг в дружку опилками. Двое даже подрались — один другого шлепнул, — шлепают же клоунов, — а тот ему сдачи... И оба заревели, совсем уж не по-клоуновски... А я носился по всей арене и хватал их всех (шутя, конечно!) за коленки.

Вышел карлик в сиреновом сюртучке с медными пуговицами и зазвонил в колокольчик. Дзинь-дзинь! Долой с арены — представление продолжается! Один из «львов», совсем еще маленький мальчик, ни за что не хотел уходить. И пришла его мама из ложи, взяла льва на руки, шлепнула и унесла на место. Вот тебе и лев!

* * *

Морж — молодец. Вернусь на нашу виллу и непременно попробую жонглировать горячей лампой. У меня, правда, не такой широкий нос... Ну, что ж, возьму маленькую лампочку...

Я побежал за занавеску: оказывается, у моржа в загородке есть цинковая ванна, а после представления ему дают живую рыбу, бутерброд с рыбьим жиром и рюмку водки. Здорово!

Да, что я еще заметил! Под края циркового шатра подлезают бесплатные мальчишки и смотрят на представление... А карлик бегаёт кругом и хлопает их прутом по пяткам.

Негр Буль-Пуль вроде сумасшедшего. Играл на метле «марш пьяных крокодилов», аккомпанировал себе на собственном животе, а ногами выделявал такие штуки, точно у него было четыре пары лап... И пахло от него корицей и жженой пробкой. Фи!

Потом вышел «факир». Факир — это человек, который сам себя режет, а ему даже приятно и кровь не идет. Он себя, должно быть, замораживает перед представлением. Проткнул себе губы вязальной спицей, под мышку вбил гвоздь... Я даже отвернулся. Нервы не выдержали... А самое ужасное: он взял у толстого солдата из публики никелевые часы, проглотил их, только кончик цепочки изо рта болтался, — и попросил публику послушать, как у него в груди часы тикают. Ужас! Кожа по морозу подирается!

Кажется, все. На закуску вылетела на арену крохотная мохнатая лошадка с красной метелкой над головой и с колокольчиками. Я и не знал, что есть такая порода лошадиных болонок! Она так чудесно прыгала сквозь обруч, становилась на задние лапки и брыкалась, что Зина пришла в восторг. Я тоже.

Удивляюсь, почему Зинин папа не купит ей такую лошадку... Запрягли б мы ее в шарабанчик и катались по пляжу. Это тебе не на осле черепашьям шагом топтаться!.. И все бы очень удивлялись, и я бы получал много сахара...

«Кто едет?» — «Микки с Зиной!»

«Чья лошадка?» — «Миккина с Зиной!» — Чудесно!

Устал. Больше не могу... Вот сейчас только подпишусь и побегу на пляж играть в цирк. Бум-бум!

*Знаменитый укротитель догов и бульдогов,
эквилибрист и наездник
фокс Микки*

ПРОКЛЯТЫЙ ПАРОХОД

У курортной пристани качался белый дом-пароход. Труба, балкончик для капитана, внизу круглые окошечки, чтобы рыбы могли заглядывать в каюты. Спереди нос острый, сзади — тупой... Вода подшлепывает снизу, веревка скрипит, из паровой пещки — дым.

«Гу-гу!» Фу, как труба противно лает. Все затыкают уши, а я не могу... Зина берет меня на ручки, — я дрожу, доски под нами тоже дрожат, — и несет меня на эту противную штуку. Сзади — папа:

Прогулка! Мало им места на земле... Я хоть плавать умею, а они что будут делать в своих ботинках и чулках, если дом перевернется?

Люди шли — шли — шли. Чистые костюмчики, из карманов — платочки (зубных щеток в петличках, слава Богу, еще не носят!), — и все толкаются, и все извиняются. Пардон! А ты не толкайся, и пардона твоего не нужно, а то все лапы отдавили...

Сели на скамейки по бокам и вверху, и внизу, как воробьи на телеграфных проволоках... Небо качается, улица качается, и наш пол качается. И я совсем потерял центр тяжести, присел на пол и распластался, как лягушка на льду.

Так мучить сухопутного фокса! За что?!

«Гу-гу-гу!» — Поехали. Все машут лапами, посылают безвоздушные поцелуи. Подумаешь... На три часа уезжаем, и такое лицемерие. Подкрался к загородке посреди парохода и посмотрел вниз: железные лапы ходят, чмокают и переворачиваются, а главная нога, вся в масле, вокруг себя пляшет... Машина. «Чики-фуки, фуки-чики, пики-Микки, Микки-пики...» Да остановись ты хоть на минутку!!

* * *

Пока шли проливчиком — ничего. А потом заливчик, а потом... ух! Там море, тут море, небо с водой кругом сошлось, горизонты какие-то со всех сторон появились... Разве так можно? А земля где? За пароходом — белый кипяток, чайки вперегонку за нами летят и кричат, как голодные котята... Столько рыбы в море, целый день обедать можно, чего им еще надо?

Ну, что ж, раз прогулка, нечего под скамейкой пресмыкаться. Пошел по ногам, ноги вежливо раздвигаются. Пардон, силь ву пле. (Извините, если вам нравится!)

У матросов деревянные башмаки — корабликами, у пассажиров обыкновенные, белые и желтые туфли. Практично и симпатично. А у дам, что ни ноги, то другой фасон: с бантиками, с пряжечками, с красной решеткой, с зелеными каблучками... Кто им эти фасоны выдумывает?..

Был у капитана на балкончике. Старенький, толстенький, борода, как у рождественского деда, глазки голубенькие. Расставил ноги и забавляется: повернет колесо с палками в одну сторону, потом в другую, потом в третью, а сам в трубку рычит: «Доброе утро! — полдоброе утра! четверть доброго утра!» — А может быть, я и напутал.

Нашел кухню. Пол себе качайся, а она свое дело делает. Варит. Повар сунул мне в нос омара... но я на него так посмотрел, что ему стыдно стало, и он высморкался — (повар).

А пол все подымается, волны, как бульдоги, со всех сторон морды в пене, и все на меня кивают. Ай! Подымается, опускается. Смейся! Посади-ка краба на сушу, небось ему тоже будет несладко. Ветер свистит и выворачивает уши наизнанку. Ай!..

У нашего соседа слетела в воду шляпа. «Свежеет!» — успокоил его Зинин папа. Дуреет, а не свежеет... Ба-бах! Ба-ба-бах!

Я прижался к ногам незнакомой старухи, закрыл глаза и тихонько-тихонько визжал: море! Золотое мое море... Ну, перестань, ну, успокойся! Я никогда больше не поеду. Я маленький фокс, ничтожная собачка, за что ты на меня сердиться? Я никогда тебя не трогал, никогда на тебя не лаял (ух, как я врал!)...

Да, так оно тебе и перестанет. И вот я вышел из себя. Вспрыгнул на скамейку, повернулся к морю спиной и наступил лапой на спасательный круг. На всякий случай, если бы пришлось спасать Зину, ее папу и капитана. Повар пусть тонет... Злой фокс. Зачем я пишу такие гадости? Спас бы и повара, пес с ним...

* * *

Все? Нет, не все! Жадные сухопутные люди не знают уже, что и придумать. Мало им берега, леса, поля, шоссе. Летать им надо! Сели на бензинную этажерку... и полетели. Даже смотреть страшно. Но ведь летают отдельные сумасшедшие, у них, верно, нет родителей, и некому их остановить. А по морю катаются все: дети, мамы, папы, дедушки и даже грудные младенцы. Вот судьба («судьба» — это вроде большой, злой летучей мыши) их и наказывает...

Качались и докачались. Собаки, говорят, себя нехорошо ведут. Ага! Собаки... Посмотрели бы вы, как ведут себя на пароходе люди в новых костюмчиках, с новыми платочками в карманах, когда начинается качка!

Я закрывал глаза, старался не дышать, нюхал лимонную корочку... Бррр!

Но Зина — молодец. И ее папа — молодец. И капитан — молодец... А я... лучше не спрашивайте.

* * *

Когда показалась земля, миленькая зеленая земля, твердая земля с домиками, собачками, мясными лавками и купальными будками, я завизжал так пронзительно, что перекричал даже пароходный гудок.

Клянусь и даю честное собачье слово, что лапа моя никогда на пароходе больше не будет! Почему меня всюду за собой таскают?.. Завтра Зинин папа затеет прогулку на облаках, так я с ними летать должен?! Пардон! Силь ву пле! (Извините, если вам нравится!)...

Ага! Так и знал. Этот невозможный папа подцепил рыбака и заказывает ему на завтрашнюю ночь барку с луной и рыбной ловлей...

На луну я и с берега посмотрю, а рыбу — кушайте сами...

Море сегодня, правда, тихое,—знаем мы эту тишину. Но в комнате еще тише. Пол не качается, потолок не опрокидывается, пена не лезет в окошко, и люди вокруг не зеленеют и не желтеют. Брр!..

Старый морской волк — фокс Микки

ВОЗВРАЩАЮСЬ В ПАРИЖ И СТАВЛЮ БОЛЬШУЮ ТОЧКУ

На веранде стояли чемоданы: свиной кожи, крокодиловой кожи и один маленький... брр!.. кажется, собачьей. В палисаднике желтые листья плясали фокс — трот.

Я побежал к океану: прощай!.. — «Бумс!» — Фи, какой невежливый. С ним прощаются, а он водой в морду...

От полотняных купальных будок одни ребра остались. Небо цвета грязной собаки. Астры висят головами вниз: скучают. Прощайте, до свидания! Хотя вы и без запаха, но я вас никогда, никогда не забуду...

Простился с лесом. Он, верно, ничего не понял: зашумел, залопотал... Что ему маленький, живой Микки?

Простился с лавочницей. Она тоже скучная. Сезон кончился, а тухлые кильки так и не распроданы.

Чемоданы всю дорогу толкались и мешали мне думать. Зина серьезная, как наказанный попугай. Выросла, загорела. В голове уроки, подруги и переводные картинки,—на меня ни разу не взглянула...

И не надо! Что это за любовь такая по сезонам? Подружусь вот в Париже с каким-нибудь порядочным фоксом — и «никаких испанцев» (очень я люблю глупые человеческие слова повторять!)...

* * *

Приехали. Риехали. Иехали. Ехали. Хали. Али. Ли. И... Это я так нарочно пишу, а то лапа совсем затекла.

Консьержкина собачонка посмотрела на меня с порога и отвернулась. Герцогиня какая! Ладно... Я тоже умею важничать. Вот повезут меня на собачью выставку, получу первую золотую медаль, а ты лопайся от зависти в консьержкиной берлоге.

Совсем отвык от мебели. Тут буфет, там полубуфет, кровати шире парохода — хоть бы лестнички к ним приставили... Гадость какая! А они еще хотят внизу у мебельщика старую шифоньерку купить! Красного дерева. Пусть хоть лилового, грош ей цена.

Ах, как тесно в квартире! Горизонт перед носом, лес в трех вазонах, перескочить можно. И попрыгать не с кем. Зина в школе,

тропики какие-то изучает. Кухарка сердитая и все губы мажет. Вот возьму и съем твою помаду, будешь с белыми губами ходить!

На балконе коричневые листики корчатся и шуршат. Воробей один к нам повадился прилетать. Я ему булочку накрошил, а он вокруг моего носа прыгает и клюет.

Вчера от скуки мы с ним поболтали.

— Ты где живешь, птичка?

— А везде.

— Ну, как везде?.. Мама и папа у тебя есть?

— Мама в другом аррондисмане, а папа в Сен-Клу улетел...

— Что же ты одна делаешь?

— Прыгаю. Над сквериком летаю, на веточке посижу. Вот ты у меня завелся: крошками кормишь. Хорошо!

— Не холодно тебе? Ведь осень...

— Чудак, да я ж вся на пуху. Чивик! Воробьи на углу дерутся... Эй-эй, подождите! Я тоже подраться хочу...

Фурх—и улетел. Боже мой, Боже мой, почему у меня нет крыльев?..

* * *

Дрожу, дрожу, а толку мало. Центральное отопление вчера зашипело, я только спинку погрел, а оно остановилось. Проба была. Через две недели только его заведут на всю зиму. А я что ж, две недели дрожать должен?!

Спать хочется ужасно. Днем сплю, вечером сплю, ночью... тоже сплю.

Зина говорит, что у меня сонная болезнь. Мама говорит, что у меня собачья старость. Музыкальная учительница говорит, что у меня чума... Гав! На одну собаку столько болезней?!

А у меня просто тоска. Очень мне нужна ваша осень и зима в квартире с шифоньерками!

И тетрадка моя кончается. И писать больше не о чем... У-у! Был бы я медведь, пошел бы в лес, лег в берлогу, вымазал лапу медом и сосал бы ее до самой весны...

Сегодня на балкон попал кусочек солнца: я на него улегся, а оно из-под меня ушло... Ах, Боже мой!

Пока не забыл, надо записать вчерашний сон: будто все мы, я и остальное семейство, едем на юг, в Канн. Бог с ним, с зимним Парижем! И будто Зина с мамой ушли в закуточный вагон завтракать... Папа заснул (он всегда в поезде спит), и так горько мне стало!.. Почему меня не взяли с собой? А из саквояжа будто кто-то противным кошачьим голосом мяукнул:

«Потому что собак в вагон-ресторан не пускают. Кошек всюду пускают, а собак, ах, оставьте!»

И я рассвирепел, в саквояж зубами вцепился и... проснулся.

Перелистывал свои странички. А вдруг бы их кто-нибудь напечатал?! С моим портретом и ав-то-гра-фом?!..

Попала бы моя книжка в лапки какой-нибудь девочке в зеленом платье... Села бы она у камина с моим сочинением, читала бы, перелистывала бы и улыбалась. И в каждом доме, где только есть маленькие ножки с бантиками и без бантиков, знали бы мое имя: Микки!

Зина спит, часы тикают. Консьержка храпит — о! — я и через пол слышу...

До свидания, тетрадка, до свидания, лето, до свидания, дети — мальчики и девочки, папы и мамы, дедушки и бабушки... Хотел заплакать, а вместо того чихнул.

Ставлю большую, большую точку ● Гав! Опять меня блоха укусила!.. В такую трогательную минуту...

Кровопийца собачья!..

*Всеобщий детский друг,
скромный и сонный фокс Микки*

<1924—1927>

КОШАЧЬЯ САНАТОРИЯ

КОШАЧЬЯ САНАТОРИЯ

Форум Траяна в Риме даже и на форум непохож: между двумя рядами домов укромный закоулок, только и всего. Обнесенная оградой узкая площадь метров на пять осела ниже домов, на мирной траве кротко стоят и лежат, как ленивые волю, серые гранитные обломки. Ни одной целой колонны,—изломы зернисты и зубчаты, взъерошенные кусты олеандров и ежевики там и сям расплзлись по форуму совсем по-домашнему, словно им и дела нет до Траяна, до пышного старого храма, от которого только серые кости колонн и остались.

И только сбоку, стройная, как пальмовый ствол, вздымается к небу на каменной подушке оплетенная мраморными фигурками колонна Траяна. Ну и громадина. Как ее тут водрузили, и сказать не могу: великаны ли работали, слоны ли подымали — не знаю. А на верхушке темно-бронзовый старик, апостол Петр, стоит во весь рост, жарится на июльском солнце, мокнет под декабрьскими дождями, стоит один-одинешенек, и только иногда толстый голубь присядет почистить перья к нему на плечо.

Никого нет на форуме. Трава, да кусты, да полированные куски разбитых колонн. Но вот сквозь побег смоковницы мелькнула в вырезных листьях желтая пушистая спинка, а там под обломком гранита нахохлилась, словно серая круглая муфта, кошачья спина, и из-под арки у самой ограды, лениво зевая, выступает пестрый зверек... и еще, и еще... Кошки! Ох, сколько их: кошачья республика здесь, что ли?

Большой белогрудый кот Бэппо сидел над недоеденной овечьей головой, сброшенной сверху каким-то благодетелем, и размышлял.

Сегодня рано утром сердитый хозяин, сапожник Спагетти, выкинул с ним такую штуку, какая коту и во сне не снилась. Посадил Бэппо к себе на колени,— тот втянул было голову, ожидая обычного утреннего щелчка,— но сапожник, погладив его шершавой рукой за ушами, поставил перед ним полную плошку молока, да еще на закуску дал жирную селедочную голову... Бедный Бэппо со дня рождения таких чудес не видал. А потом... сунул хозяин кота в полосатый мешок, с которым служанки на базар ходят. В мешок, скажите пожалуйста! Точно Бэппо баранина или телячья печенка... Кот сидел смирно-смирно, мешок был из редины, воздуху вволю,—воздушная тюрьма раскачивалась вправо и влево, хозяин шагал да шагал, и вдруг — остановка.

Мешок опрокинулся, пасть раскрылась, и из теплого полумрака бедняга вылетел на светлый солнечный простор. Мелькнуло над мордой голубое небо вперемешку с желтыми стенами, Бэппо угрем перевернулся и на все четыре лапы опустил парашютом на влажную от дождя траву.

Над оградой хозяин вверху помахал ему ручкой и сердечно сказал:

— Addio¹, дорогой мой! Не хотел быть честным котом, отправляйся к чертовой бабушке...

— Новенький? — мурлыкнул из травы ленивый кошачий бас.

— Да, — мяукнула, потягиваясь, серая кошечка и равнодушно покосилась на Бэппо.

— Симпатичный? — спросил опять бас.

— Так себе... Очень уж у него глупый вид. Точно с луны свалился. — Кошечка понюхала намокшую в траве селечную бумажку и томно закрыла глаза.

— Это вначале со всеми бывает, — успокоительно проворчал бас.

* * *

Деловито и медленно Бэппо в пятый раз обошел весь форум, обнюхал все кусты, обшарил все щели, — мышеловка! Со всех четырех сторон трава замыкалась каменной гладкой стеной. Не паук он и не ящерица, в самом деле, чтобы лазить по таким штукам... Воробьи и голуби прилетали и улетали, Бэппо только хвостом сердито крутил: дал же Бог этим вертлявым тварям такую чудесную способность — взлетать на воздух в любой миг и мчаться по своим птичьим делам над всеми отвесными стенами...

Бэппо, которому были доступны все чердаки и подвалы его квартала, Бэппо, бесстрашно спускавшийся по крутым черепицам крыш до голубого края пропасти, сиявшей за ними, Бэппо, с ловкостью акробата и быстротой гадюки ускользавший от любого фокса в первое чужое окно — Бэппо пленник!

Да и коты и кошки вокруг были какие-то странные. Правда, по кошачьим правилам благопристойности им не пристало лезть к чужому коту, тычащему носом во все углы нового, так странно замкнутого жилья... Правда, Бэппо и сам, притворяясь равнодушным, обходил сытые спины валявшихся на траве зверей, — порядочный кот ведь должен сам находить выход из любого положения, но все-таки: ни капли участия! Ведь он гость, его могли бы более приветливо встретить, ознакомить с местными обычаями, объяснить, наконец, в чем дело, черт возьми... Мяу!..

Он не выдержал и, прервав свой бесполезный обход, присел на камень рядом с упитанным серым котом, тем самым, который был свидетелем его позорного падения на форум.

¹ Прощай (*ит.*).

— Скажите, пожалуйста...— Бэппо учтиво склонил шею и, как хорошо воспитанный кот, сделал после вступления продолжительную паузу.

— Мур?

— Скажите, пожалуйста, что все это значит?

— Вы, верно, провинциал?— спросил толстяк, хлопнув хвостом по старой газете.

Бэппо обиделся.

— Я родился в центре Рима на *via Colonnetti*, знаете, там у церкви, между двумя трактирчиками, и никуда дальше своего квартала не отлучался. Если это называется быть провинциалом...

— Станный случай! Как же вы не знаете того, что известно в Риме любому двухнедельному котенку. Как вас зовут?

— Бэппо,— торопливо мурлыкнул сконфуженный кот.

— Так вот, синьор Бэппо, в Риме с давних времен существует обычай: если какой-нибудь кот или (он пренебрежительно повел носом) кошка преступно себя ведет, или если хозяин настолько беден, что не может держать своих домашних зверей в хорошем теле, или если сумасшедшая иностранка заведет себе котенка, а потом, уезжая, не знает, куда его девать,— то таких несчастных сбрасывают на форум Траяна... Я не знаю, к какой из этих категорий вы изволите принадлежать.

— Я думаю, что ко всем трем,— задумчиво мякнул Бэппо.

— Мур?

— В детстве меня подобрала у ресторана за кадочкой с бамбуком мисс Нелли. Она, видите ли, обедала, а я вылез из-за кадочки и сказал: «Мяу! Сударыня, извините, но я тоже хочу есть!» Она меня накормила, унесла к себе, вычесала всех блох, поцеловала меня в носик и в лапочки (вот гадость!), опрыскала какой-то вонючей штукой, нацепила на меня зеленый бантик... Две недели я жил у нее, как какая-нибудь, простите за выражение, болонка, а потом... пришел кривоногий грубиян в синей блузе, унес ее чемоданы, и я очутился опять на улице... О форуме Траяна она, должно быть, тоже не знала.

— Женщина!— брезгливо пробурчал толстый кот.

— Потом я поселился у бедной прачки. У нее было много работы и очень невкусная еда. Каждый день, знаете, макароны. Резинка какая-то, а не пицца... Да еще с этой кислятиной— с томатами. А уж если случался день с печенкой, то вы ведь понимаете, что после прачки, которая целый день стирала, даже и вылизать в тарелке нечего. Еще когда она работала дома, я терпел. Приходили соседки, дети с ними—детей у них, как котят... А у детей, знаете, всегда что-нибудь есть: кусок селедки, пирожок, то да се. Ну, за усы дернут, хлопнут куклой по голове, да теперь куклы из целлулоида (кот с гордостью промурлыкнул подхваченное у людей слово),— не больно...

Все-таки в компании сыт не сыт, а в животе всегда что-нибудь бурчало. Но когда моя прачка стала уходить на работу,

а меня запирать в чулан, чтобы я на голодный желудок ее проклятых мышей ловил (Бэппо от негодования даже закашлялся),—нет, пусть сама ловит и жарит их себе на ужин на оливковом масле! Я не выдержал, вышиб головой стекло и...

— И переменяли судьбу?—спросил серый кот, прищурив ухмыляющиеся зрачки.

Он грел пузо на солнце и наслаждался: так приятно после сытного обеда послушать рассказ о чужой беде...

— И переменял судьбу. Собственно, синьор Спагетти даже не был настоящий хозяин,—видел я его только утром и вечером. Да и сапожник он был не настоящий: у настоящего, знаете, подмастерья тепло, сам он сидит дома, пьет кофе с молоком...

Там, где много народу, сами понимаете, всегда что-нибудь остается. А он чуть не с зари брал на плечи котомку с обрезками кожи и разными штучками, брал складную скамеечку и уходил на целый день. Люди, знаете, носят на лапах копыта, которые снимаются и надеваются...

— Башмаки,—лениво поправил серый кот.

— Знаю сам... Уж вы, пожалуйста, не перебивайте. Так вот, башмаков он, собственно, шить не умел, а так делал разные латочки, заплаточки, каблучки чинил девушкам—у них ведь всегда кривые... Бродячий сапожник!—с отвращением фыркнул Бэппо.—Ну, дело не мое, для нас, как вы понимаете, первое дело—корм, второе—ласка, третье—хорошее общество... Корм? Я не знаю, обедал ли мой сапожник сам. Макарон там где-нибудь наглотается, корочку сыру пожует, луковицу... Бродячая жизнь—бродячая еда. Но пил он много—и даже домой приносил.

— Молоко?—насмешливо спросил серый кот.

— Да, как же, молоко... Красное и желтое молоко... И черт их знает, как они могут такую дрянь глотать... Вот из-за этого «молока» я и погиб... Но об этом после—я вам по порядку все расскажу, а то собьюсь. Ласки я от него тоже не видал. Придет домой веселый, мурлычет, с разговорами ко мне лезет: «Как поживаете, синьор Бэппо? Давно я вас не видал, красавец мой... Что ж ты отворачиваешься, урод собачий?» А какой же может быть разговор, когда у меня в животе кусок кислого хлеба из помойки, да и тот со вчерашнего дня переваривается...

— Так за каким же чертом вы у него жили?—сердито буркнул серый кот, переворачиваясь на другой бок.

— Очень уж уютный двор был. И общество хорошее: две кошки, цыплята (Бэппо томно облизнулся), помойка, детей, словно мух, в углу ореховое дерево... И лестниц, знаете, как дырок в швейцарском сыре: узенькие, темные, прохладные... Кое-как бы жил. Да вот тут это и случилось...

Бэппо глубоко вздохнул.

— Мур?

— Пришел мой хозяин как-то вечером к себе в подвал. Качнулся, пузатую бутылку на пол поставил и на сундук сел,

точно его бросили... Одному, брат, скучно. И, знаете, взял меня за загривок, посадил на табурет. Я сижу. Налил в стакан желтого, тычет мне в усы: я лизнул, плюнул, фыркнул, головой толкнул, всю кружку разбрызгал... Запах!! Ну, говорит, синьор Бэпп, *vinò Romano* вам не нравится. Не угодно ли *Frascati*? Винцо неплохое! Налил красного в плошку, схватил меня под мышку, окунул мордой в вино... Глаза у меня чуть на пол не выскочили! Дышать хочется, просто сил нет... Я рот раскрыл, потянул в себя, чихнул, закашлялся, в горле прямо кошки скребутся. Рвусь! А он, черт, не пускает. Ну, я, признаться, цапнул его когтями за руку, а он меня за хвост, да в другую руку шило... Это он мне шилом хотел хвост к сундуку пришилить. Понимаете?!

— Очень, очень интересная история! — возбужденно протянул серый толстяк и даже сел от волнения. — Рассказывайте!

— Что рассказывать?.. Выскользнул я у него из рук, словно меня оливковым маслом смазали, да через решетку в окно. А он в себя пришел, на руку смотрит, и сам ворчит: «Ну и дурак же я, Бэппо! Ошалел, что ли? Единственного своего друга вздумал мучить... Бэпп, Бэпп, а Бэпп, вернись! Молока дам».

— Знаем мы это молоко. Вернуться я вернулся, да только на другой день к вечеру, и уж извините, с того самого часа плюнул на все и стал, как вы выражаетесь, «преступным котом».

— Это тоже надо уметь... — мечтательно вздохнул толстяк.

— Уж как умел. У него, конечно, ничего не было. Не огрызки же кожи жевать. А во дворе натворил я действительно: цыпленка под лестницей притиснул, — зачем шляется? Оно бы обошлось, да перья там, всякие кишочки остались, — на меня подозрение пало, очень уж я тощий был. Потом к соседям в кухню пролез, молоко вылакал, как вам сказать, блюда с два — скандал такой подняли, точно я им ничего не оставил. У горбатого студента, что жил над нами, чернильницу на стол опрокинул... Зачем чернильницу на столе держит? Стекло в дверях разбил, — от лавочника спасался, — ну да это пустяки. У девочки во дворе (совсем крошечная!) булку с маслом выхватил... Она со мной в лавку вздумала играть: я покупатель, а она хозяйка. Она спросила: «хотите булочку с маслом?» Я сказал: «мяу, конечно!» Она сказала: «три сольдо». Я торговаться не стал, попку в зубы — и на дерево. Какие там еще у кота сольдо? Ох, ох! — Бэппо вздохнул. — Много было...

— Сапожнику моему даже понравилась такая перемена в моем характере. «Молодец, говорит, Бэппо, старайся. Я, говорит, когда молод был, и не то еще вытворял». — Но когда, однако, насели на него все соседи и лавочники и чуть ли не весь квартал, он сдался и вот со мной какую штуку выкинул...

Бэппо кончил свой рассказ и покосился на слушателя. Молчит. Невежливо даже. Должен же он о себе рассказать, да и о форуме этом он ничего ему толком не рассказал.

— Скажите, пожалуйста...— Бэппо вежливо вильнул хвостом.— А вы, вы тоже преступный кот, или вас иностранка подбросила?

— Это, милый мой, вас не касается,— холодно ответил толстяк.— Я председатель местной колонии— Бимбо, синьор Бимбо, если вам угодно знать. Правила у нас такие, запомните, пожалуйста: чужой провизии не трогать. Во-первых, и сверху бросают достаточно...

— Кто бросает?

— Да разные, вроде вашей мисс Нелли, только постарше. Детей у них нет, так вот они к нам и бегают. Желтые крысы!— презрительно фыркнул Бимбо.— Кроме того, ходит к нам еще старичок... Да вот он там,— видите?

Бэппо обернулся: у крайней колонны топтался седенький человек с большим мешком, а у его ног, как приклеенная, терлась пестрая куча котов и кошек.

— Это,— продолжал председатель,— наш кухмистер и главный интендант, синьор Скарамуччио. Видите ли, одна почтенная и бездетная американка завещала в пользу бездомных котов и кошек капитал, и старичку этому поручено состоять при нас и обо всем заботиться. Конечно, мясо он не всегда свежее покупает, но что от людей требовать... Теперь повторите, пожалуйста: первое правило...

— Не трогать чужой провизии,— мрачно ответил Бэппо.

— Впрочем, вы не огорчайтесь, провизии у нас всегда вволю. Дальше: жара ли, дождь ли,— никого с насиженного места не сгонять. У стен под аркадами, под колоннами либо где-нибудь в пустом ящике из-под консервов всегда можно укрыться, но зачем же нахальничать?.. Драки по расписанию. Концерты в лунные ночи под управлением синьора Брутто— вон там сидит одноглазый, живот выпачкан в дегте. Видите?

— Еще что?— уныло спросил Бэппо.

— Прогулки по всему форуму взад и вперед шагом и рысью. Но когда я отдыхаю днем, от двух до шести, вон там у колонны Траяна, то прошу вас туда не шататься. Не люблю! Повторите.

Бэппо недовольным голосом повторил и вдруг поднял голову.

— Что вы?— спросил серый кот.

— Собака лает.

— А вам-то что?

— Так... Скажите, пожалуйста,— начал взволнованно Бэппо, нервно выпуская и вбирая когти,— а их... сюда... не бросают?

— Кого их?

— Со... собак?

— Вырвать бы вам язык за такие вопросы!— сердито крикнул председатель.— Я вас покорнейше попрошу никому не высказывать таких сумасшедших предположений... А то, не дай Бог, какая-нибудь мисс Нелли, чего доброго...

— Не буду... Больше ничего? — Бэппо угрюмо поднял голову и неодобрительно посмотрел на заплывшую жиром спину председателя.

— Больше ничего.

— Н-да. Очень веселое будущее.

Председатель ядовито ухмыльнулся в усы.

— Вам не нравится? Надо было лучше себя вести. А впрочем, чтобы вас утешить, прошу вас, синьор, вспрыгните на этот обломок. Так. Теперь на тот. Еще выше. Прекрасно. Теперь, видите, там у остановки автомобилей лавка? Шкурки, видите, — болтаются у дверей на ветру? Видите?..

— Кролики? — нервно спросил Бэппо.

— Пре-ступ-ные коты, — равнодушно отчеканил серый кот. — Ваша, так сказать, судьба, если бы вы не попали к нам. Теперь вы довольны, я надеюсь?

Бэппо ничего не ответил, прыгнул на траву и, забравшись в темный лабиринт под обломки холодной колонны, разлегся и принялся обдумывать свое положение.

* * *

Если бы Бэппо был человеком, он бы нашел себе и на форуме развлечение: селедки и кости часто бросали сверху в газетах, — вот и почитать бы можно; кошачий сторож и попечитель, синьор Скарамуччио, часто швырял на траву большие окурки дрянных сигар — кури сколько хочешь, и поболтать можно было бы с бездельниками, которые, сложив крестом руки и ноги и облокотясь на перила целыми часами, плевали сверху на форум, стараясь попасть в омытую дождями баранью голову.... Наконец, на колонне Траяна было столько воинов, оружия, рабов, богов и прочих хороших вещей, что человеку было бы чем здесь развлечься.

Но Бэппо читать и курить не умел, с людьми разговаривал только во сне, да и то, признаться, не особенно охотно, — не любил он эту двуногую бесхвостую породу, завладевшую всем на земле... А колонна Траяна... Но люди и на ней заняли все места: среди бесчисленных человечков не было ни одного кота, ни одной кошки, — что же там рассматривать?

Проходил день — сытный и солнечный, проходила ночь — теплая и лунная, и снова ослепительный свет и ночная мгла сменяли друг друга, коты и кошки безмятежно наливались жиром и валялись, словно тугие подушки для ног, по всем закоулкам, — но Бэппо все не привыкал.

Пробовал он было подрасться, но коты так обленились, что даже хорошей пощечины в ответ на удар лапой по носу ни от кого не получишь. Да и председатель два раза за драку в неурочное время лишал его обеда. Ну и жизнь!

В один такой день, жаркий и пустой, Бэппо, накаливая живот на плоском камне, лежал и вспоминал о своем хозяине. Бродит

он, бедняга, по темным кварталам,— думает Бэппо,— присядет на свою складную скамеечку, стучит молотком по смоченной подметке башмака, который ему выкинули из окошка для починки, а совесть, словно шилом, то и дело его подкалывает: ах, где мой Бэппо! Как-то он, несчастный, без меня живет?— И вот,— мечтает Бэппо,— тащится сапожник, вытерев углом рукава слезу, к форуму Траяна... Пришел, наклонился над оградой и, долго блуждая глазами среди серых, рыжих и черных спин, узнает, наконец, своего Бэппо... «Бэппинька! Иди сюда, миленький!» Бэппо гордо молчит и отворачивается. «Бэппинька, я тебе куриную косточку принес!» Сам ешь... мурчит Бэппо и отворачивается. Совесть все сильнее колет сапожника в самое сердце, и он не выдерживает: достает из мешка веревку с узлами, опускает ее вниз, Бэппо в два прыжка, как тигр, впивается в веревку, раз-два, и он наверху, на спине у своего хозяина, на свободе... Вольный кот! Вольная душа! Вольные ноги! Мармелау!..

Бэппо приоткрыл искрящиеся глаза — ни хозяина, ни веревки. Вокруг трава, коты и кошки по всем углам переваривают обед. С четырех сторон гладкие стены, цикада трещит в олеандре, словно ее три дня не кормили,— мяу! Сил нет переносить такую жизнь... Мяу! — мармелау!!

— Что ты кричишь, как осел? — фыркнул на него из травы кошачий председатель.— В послеобеденное время на форуме должна быть полная тишина...

— Собака! — прошипел Бэппо, но так тихо, что до серого кота это ужасное оскорбление не долетело.

Вверху загудел автомобиль. Какая-то старая мисс Нелли перегнулась над перилами над самой головой Бэппо и, сверкая на солнце белыми зубами, желтыми локонами и лиловой вуалью, засюсюкала...

Бэппо не понимал по-английски, но отдельные слова он разобрал, молодая мисс Нелли не раз их повторяла, когда он еще котенком зарывал нос в ее шелковые колени:

— Кисочки. Ах ты, Боже мой, какая кисочка. Кисочка кушать хочет? Цыпинька. Иди сюда, дурачок...

Бэппо поймал на лету ароматную куриную лапу, хищно вонзил в нее зубы и когти и, грубо повернувшись к англичанке спиной, припал к траве и заурчал. Хвост вправо, хвост влево, хвост вверх, хвост вниз...

— Ослиная челюсть! — свирепо проворчал Бэппо.

Относились ли эти невежливые слова к старой и жесткой куриной лапе или к самой англичанке — неизвестно. Англичанка бы их на свой счет не приняла, а нам и подавно все равно.

Бэппо нехотя объел лоскуток кожи у самых куриных когтей и поднял голову. Автомобиль уехал. Солнце нажарило темя. В стороне под кустом ежевики компания пушистых толстяков вела в тени мирную беседу, зевая, потягиваясь и лениво поглядывая на пролетавших под носом жирных голубей.

Бэппо густо наслюнил лапу, нафабрил жесткие усы и, смахнув с подбородка крошки, направился к беседовавшим.

— А, синьор Бэппо...— вежливо кивнула ему головой полосатая, черная с белым, кошечка.— Вы еще хандрите?

— Хандрю.

— И все худеете?

— Худею. И, извините,— горжусь этим. А вы вот умрете от ожирения сердца...

Бэппо дерзко усталился на кошечку, но она, точно его и не было на форуме, посмотрела вверх на соседнюю крышу, потом на облако, потом на колонну Траяна и, ни к кому не обращаясь, задумчиво сказала:

— Собственно, невеж, нахалов и вообще всяких подозрительных котов, не принадлежащих к приличному обществу, надо было бы бросать в какое-нибудь другое место... ну хоть в воду... Как это люди не разбираются в таких простых вещах.

— А вы заметили,— нарушая тягостную паузу, сказал белый, пушистый, словно пушок для пудры, кот...— Вы заметили, у нас завелись здесь полевые мыши.

— Полевые?— переспросила желто-бурая молодая кошка, приоткрыв левый глаз.— Как же, знаю...

— Коричневые шубки, брюшко посветлее... Уморительные. Когда я жила на вилле Торлония,—с гордостью протянула она,— там у нас их было невыносимо много... Садовник наш все, бывало, бранился: они ему какие-то гадости натворили в оранжерее. И все на меня ворчал... Не буду же я каких-то полевых мышей ловить. Фи. Я, которую кормили каждый день сливками и голубиными крылышками...

— Что же вы там не остались, на вашей вилле?— ехидно спросил Бэппо.

Желто-бурая кошка проделала тот же маневр, что и полосатая: посмотрела на крышу, на облако, на колонну и сказала в пространство:

— У нас там был кот... Держали его из милости при кухне. Ни в парк, ни в комнаты его не пускали... В комнатах жила я, попугай Зако и одна девочка, моя подруга. Так вот однажды, когда этот кухонный обормот пробрался в комнаты и стал вмешиваться в наши разговоры, стал точить о кушетку свои грязные когти, тыкать морду в чужое пирожное,—мы возмутились и подняли крик... Прибежал бульдог (у нас был бульдог) и дал коту урок вежливости. Бульдоги это умеют...— протянула мечтательно кошка.

Соседи ее вздрогнули.

— Я тоже умею,— хрипло мяукнул Бэппо и поднял штопором хвост.— Ого! И если бы ты не была дамой, дрянной кошкой из породы комнатных болонок,—я бы из тебя всех твоих блох вытряхнул... Несчастливая!

— Председатель... Синьор Бэппо опять пристаёт! Мяу!...— заорала обиженная кошка.— Уберите его куда-нибудь.

Бэппо не стал дожидаться и, скользнув в траву, как змея, исчез за обломками колонны.

Фу, какой долгий день! Он злобно прыгнул на ящерицу, гревшуюся на камне, промахнулся и медленно направился к куче мусора, у которой валялся старый, обрюзгший кот Неро, единственный кот, с которым стоило здесь разговаривать.

— Ну что, старик, как поживаете?—спросил Бэппо, вежливо ткнувшись носом в облезлое ухо старого кота.

— Грею пузо,—лениво ответил кот.—Как тут поживать? Набил живот, как барабан, лапы вытянул и грейся. А ты все злишься?

Бэппо сердито фыркнул.

— Чем тебе тут плохо?—мурлыкнул Неро.—Мало тебя в городе за усы дергали, ногами пинали, голодом морили... Это ты другим рассказывай про разных мисс Нелли, которые тебя куриной печенкой кормили... Знаю я эти печенки.

— Кормила...—угрюмо вздохнул Бэппо, поглядывая на высокие гладкие стены форума.

Старый кот насмешливо повел усами.

— А вы где жили раньше?—спросил Бэппо.

— В Кампанье. Не слышал? Ну какой ты римский кот после этого... Кампанья—это там,—кот махнул лапой,—за городом, куда новые дома еще не успели добраться. Камыши, ящерицы, речонка поет, цикады трещат, жаворонки над полями заливаются...

— Вкусные?—спросил задумчиво Бэппо.

— Ничего... Под смоковницей на земле одного притиснул. Жирненький был... Да. А вдали такие высокие штуки—утром синие, днем голубые, а к вечеру—оранжевые... Горы называются.

— Вкусные?—снова спросил Бэппо.

— Фу, какой ты необразованный кот. Кто же горы ест?! Горы—это камень да земля, насыпано, насыпано, насыпано... Этажей двадцать, думаю. Кто, говоришь, насыпал? Уж, право, не знаю...

— Ну, вы, видно, тоже не из очень образованных...—ядовито усмехнулся Бэппо.

— Не знаю, врать не буду. Это, я думаю, и не каждый кардинал знает... Домик наш стоял у самой речонки вблизи моста. Весело: проезжая дорога, то старик на осле проедет с виноградом (какой вкус они в этом винограде находят, не понимаю!), то женщина с овечьим творогом на голове (вот это вкусно!), то автомобиль с серенькими солдатиками пропылит. Домик наш старый, как черепаха столетняя... Весь в трещинках, крылечко набок, плиты так и расползлись... Перед домом орех, толстый, как бык, лапы во все стороны—хорошо. А на крыше в черепице окошечко с полочкой... Там голуби жили.

— Вкусные?

— Не знаю... Хозяин высмотрел однажды, как я к ним

подбираюсь. Снял с гвоздя кнут и дал мне его понюхать... Я их в покое и оставил.

— Кормили вас как следует?

Старый кот потянул носом воздух.

— Какой там корм... Хозяин мой кукурузой, фигами да помидорами только и жил. Какая же это для нашего брата пища? Да там в Кампанье порядочный кот все сам добудет. Тут тебе и птички, и кузнечиком иной раз закусишь, ну а корову подоят, уж всегда для кота в плошку молока нальют. Полевые мышки тоже очень деликатная еда. Хорошо жил. А воздух. А кусты ежевики над речкой. А лунные вечера на мосту. Совсем я там диким котом стал...

— Как же вы сюда попали? — спросил жадно слушавший его Бэппо.

— Да так. Хозяин с семейством на юг уехал, думал, что я без людей пропаду — вот и подбросил сюда. Да я теперь не жалею. Привык. Состарился. Грею пузо на солнце и сплю. Во сне вот Кампанью свою иногда вижу. Чего же еще?

Бэппо возбужденно ударил хвостом.

— Во сне видишь? Эх ты, старик!.. А как туда добраться, в твою Кампанью?

— Чего проще. До площади Венеция, где большой памятник с золотым конем, два шага — тут сейчас за углом направо. А там трамвай № 17. Ты цифры разбираешь? Смотри...

Старый кот нарисовал на песке лапой «17».

— Так вот трамвай бежит до городских ворот. Porta Pia — называется. А дальше все прямо и прямо до последней остановки. И там, куда ни повернешься, со всех сторон Кампанья эта тебя и обступит... Да что ж, — вздохнул старый кот, — тебе рассказывать. Отсюда, брат, еще ни один кот на волю не вылезал...

Бэппо, прищурившись, покосился загадочно на старика, вытянул, словно пружины, задние лапы и потянулся.

* * *

Однажды утром Бэппо сделал великое открытие.

Он заметил, что заведующий кошачьей санаторией, упитанный старичок, приносящий котам пищу, — нередко присаживается на старую плиту, достает из мешка плетеную бутылку, запрокидывает голову и долго-долго, не отрываясь, сосет из бутылки красное молоко. Совсем, как сапожник. Правда, тот пил больше из стакана, но какие же на форуме стаканы.

Продельывал это старичок довольно часто. Бутылка была большая, литра в два, а дела у него было не больше, чем у котов. Какое же это дело: принести на форум раза два в день обрезки баранины, убрать оковешшего от старости кота, да сунуть в мешок двух-трех котят для каких-нибудь скучающих англичанок.

Зарывшись в траву по самые глаза, Бэппо стал следить. Ну

вот, знакомая история. Разговаривает сам с собой... Разве самый захудалый кот станет вести себя так неприлично? Сапожник хоть с Бэппо разговаривал, когда в бутылке ничего не оставалось. Так что ж: Бэппо не стенка,— он умел вежливо слушать, никогда не перебивал хозяина, и тот знал, что слова его не на ветер. А этот... С самим собой! Подумайте!..

Бэппо поднялся ближе и поднял уши.

— Да, друзья мои...— Старичок вытер газетной бумажкой усы и хлопнул себя по коленке.

— Благодарите Бога и американскую добрую синьору. И я сыт, и вы сыты... И винишко пью, и сапоги новые справил. А вам чего недостает? Сыты.

Солнышко сияет. Заболеет кто — серы дам в молоке. Издохнет — зароем... Ты там, черно-бурый, не дратья у меня. Ловко. А ну еще его: по усам,— вот так...

Старичок покачнулся, перевернул пустую бутылку и вылил последние темные капли на траву.

— Пусто. Да, друзья мои... Такого сторожа во всей Италии не найти. Порядок у нас, чистота...

«Хорош порядок!» — ухмыльнулся в траве Бэппо. Скомканный мешок валялся у колонны на земле. Два кота влезли в него головами,— видно, там еще кой-какие косточки остались. На форуме там и сям валялись, шевелясь на ветру, сальные бумажки и свертки. Старик так сегодня ни разу и не нагнулся: тоже сторож называется.

Вдруг Бэппо снова покосился на брошенный мешок, из которого торчали беспокойные кошачьи хвосты,— и вздрогнул. В самом деле. Вот мысль. Да как он об этом раньше не подумал...

Бэппо взволнованно щелкнул себя хвостом по бокам. Не надо никому об этом говорить. Только смеяться будут над ним. Жирные лежебоки...

Он пошел медленно вдоль стены, чтоб собраться с мыслями. Спешить некуда, надо все хорошенько обдумать. Перед закатом все равно ведь этот суетливый старичок опять притащится на форум со своим мешком,— тогда и можно все порешить.

Там, где отвесная стена закругляется, вдали от большой колонны, подымавшейся на другом конце форума,— Бэппо остановился. Опять эта художница здесь со своей мебелью.

На складном стулике перед растопыренным трехногим мольбертом сидела скромно одетая старушка и рисовала кошек. Бэппо уже давно занимало, как она это делает... Помажет, помажет, откинется назад и смотрит. Потом выдавит из трубочек на дощечку пестрых червячков, опять шлепнет раз-другой по холсту. Смотришь: кошка, как живая. Даже страшно.

Бэппо не раз уже ходил вокруг нее, терся у ее ног,— никакой ему подачки от нее не надо было. Просто так,— нравилась она ему очень, и работа любопытная. Не то что заплатки на сапоги ставить или за котами бумажки убирать.

Старушка хотела было нарисовать и Бэппо. Правда, красоты

в нем большой не было: худой, угрюмый... Но он ее заинтересовал,—выражение она какое-то в нем находила. Бэппо не дался. Сиди целый час как приклеенный,—очень надо... Он и двух минут не мог усидеть спокойно в этом каменном кошатнике.

Думал было Бэппо не раз как-нибудь пробраться за ней вверх на улицу. Но старушка так быстро и незаметно исчезала за какой-то дверцей в стене, что об этом и думать не стоило.

Рисует. Зачем ей столько кошачьих портретов? Бэппо не знал, что все свои картинки она отдает в мебельные лавки, а там их выставляют в окнах. Забежит какой-нибудь покупатель купить себе дюжину стульев для столовой, да заодно и кошачье семейство в раме купит, пусть в столовой под часами висит. Бэппо этого не знал.

Не знал он и того, что старушка этими картинками только и жила; макароны, перчатки вязаные, комнатку под крышей за углом, даже селедочные головки для самих кошек—все это кошки ей и добывали. Да и легко ей было с кошками: не капризничают, сидят смиренно,—после обеда их с места не сдвинешь. А если портрет чуть-чуть не удастся, им все равно. Много они в этом понимают!..

Бэппо потянул носом крепкий скипидарный дух, потерял о ножку мольберта и ушел маршировать в кусты. Нечего, нечего пустяками заниматься... Надо обдумать, надо все обдумать.

* * *

Медленно, словно улитка по заросшей дорожке, тянулось время до заката. Но еще задолго до заката весь форум облетела печальная новость: Бэппо околел.

Кошачьей колонии даже неловко стало. Пусть грубиян, пусть невежа, что ж, характеры разные бывают. Но ведь, бедняга, тосковал. Другие вот как здесь поправляются, шуба—атласом, а этот еле к обеду носом прикасался. Худел, худел—вот и дождался.

Сам председатель пожалел Бэппо.

— Первый случай у нас на форуме. Не старый, крепкий, а вот подите ж... Достойный был кот, не мог покориться. А от вас никакого сочувствия. Эх вы...

Сказал и пошел доедать оставшуюся после Бэппо баранью кишку.

Бэппо лежал у большой колонны. Мухи садились на усы, муравьи ползали по ушам, а он, вытянувшись палкой и раскинув худые ноги, хоть бы что. Словно не кот, а выброшенная из окна черствая булка.

Коты и кошки разбрелись кто куда. Что смотреть? Придет сторож и унесет. Куда унесет? Мяу. Разве можно об этом спрашивать?

Старичок скоро вернулся. Помахал приветливо ручкой

художнице и стал тыкать острым концом палки в бумажки: наберет стопку и в мешок. Ноги, правда, спотыкались, видно, в городе опять в плетеную бутылку подлил, а она вот почти пустая.

Тыкал палкой да тыкал и добрался до Бэппо.

— Ага? Готов, друг? Так и знал: очень уж нервный кот был. Ну ладно, полезай, милый, в мешок. Вот так. И лапы. И хвост. Ишь худой, а какой тяжелый. Полежи вот тут на траве, а мы сейчас управимся.

И пошел подбирать последние бумажки.

Когда старик подымался, закрыв за собой дверцы, по узким ступенькам на улицу и споткнулся на выщербленном пороге— ему показалось, что в мешке за спиной что-то дрогнуло. Конечно, показалось. Иначе и быть не могло.

Кошачий сторож постоял на панели, переложил мешок и пошел в знакомую тратторию поглотать макарон с мясным соусом и помидоровой подливкой.

Мешок положил у ног под столом. Закурил длинную, как дождевой червяк, сигарку. Если бы кошачий хвост помочить в скипидаре и потом поджечь, и то такого смраду бы не было... Но старик находил, что ароматнее его сигары и на свете нет.

И вот стряхнул он пепел с коленей, уронил сигару на пол и, нагнувшись за ней, так и ахнул: из мешка вылезает дохлый Бэппо... Какое там дохлый,— живой!! Глаза, как у тигра, лапу за лапой осторожно вытягивает, и шаг за шагом крадется к дверям.

Старик протер глаза... Что за история? Это, верно, ему утром такое крепкое вино подсунули. Где ж это видано, чтобы околевший кот, которого он, словно старую негодную щетку, только что приволок в мешке,—продельывал такие фокусы!

Он покосился на пол. Ну, конечно, никакого кота там нет. Тыфу, даже в жар бросило... Вон он там в мешке лежит. Сторож нагнулся и, ухмыляясь, потрогал мешок, да так и взвился. Пусто.

Слуга с макаронами протянул было руку к столу и остановился. Что это со стариком сегодня? Заболел, что ли? А старик на улицу, без шапки. Посмотрел направо, налево, хлопнул себя ладонью по колену и засвистал...

Бэппо в это время был далеко, за углом. По временам осторожно осматривался и садился у первых встречных ворот с самым невинным видом: вот мой дом, я здесь живу десять лет, и оставьте меня, пожалуйста, в покое. Умный был кот. А потом дальше. Вот и огромный белый памятник с золотыми ангелами по бокам и пузатым конем посредине. Так старый кот и говорил. А вот и скверик сбоку. И пустые трамваи, огибая кольцом ограду, тихо звеня, ползут к конечной остановке на площади.

Бэппо осмотрелся. Тысячи ног бегут во все стороны, собаки, правда, в намордниках, но все-таки собаки... Улицы во все стороны. Как он доберется в эту самую Кампанью?

И вдруг над крышей трамвая увидел он знакомый номер, который чертил ему приятель кот там на форуме на песке: «17».

Чего же лучше? Бэппо прижался к тротуару и прыгнул на подножку. В вагоне никого. Кондуктор болтает и машет веселой цветочницей рукой с передней площадки, а сзади у него глаз нету. Чудесно.

Бэппо забился в угол у дверей под скамейку, чихнул,— очень уж там пыльно было,— и притаился.

Затопотали подметки: широкие, узкие и совсем крохотные — детские. Пассажиры заняли все скамейки и проходы. Звонок звякнул, трамвай тронулся. Наконец-то!

Кондуктор протискивался взад и вперед сквозь человеческую гущу и распевал на весь вагон: «кто еще не брал билетов, синьоры? — *Avanti!*»

Бэппо молчал. Какие там билеты, и так довезут. Перед самым его носом опустилась на пол плетеная корзинка, покрытая газетным шуршащим листом. Бэппо поднял ноздри, принюхался: ух, как пахнет... Что там такое может быть под газетою?

Конечно, лезть носом в чужую корзинку неприлично, но голодный кот, два часа притворявшийсядохлым, имеет же право быть любопытным. И потом он был так скромн: съел всего одну сосиску, а там осталось еще пять. Съел он, правда, и вторую, но это уж так, очень уж вкусные были сосиски.

Ехать было удобно: собак в вагон не пускали, попал он в первый вагон, где курить запрещали. Если бы на полу было чуточку помягче,— совсем было бы хорошо. За стенкой рывкали проносившиеся мимо автомобили. У верхнего пассажира спустился к ногам кусок теплого шарфа, и Бэппо преспокойно положил на него голову.

Приехали. Вагон сразу опустел. Кот выглянул из-под скамейки: что же кондуктор не уходит? Но тот посмотрел на свои билеты и соскочил с вагона прямо к лимонадной будке. Бэппо скользнул с подножки наземь по другую сторону трамвая.

Новые дома. Пыльная площадь. Груды камней и известки. Ни одной мясной лавки. Пока этот окрестный городок достроят, тут с голоду подохнешь. Нет, здесь нечего делать! А вот и шоссе, о котором говорил ему старый кот, и щербатая древняя башня на повороте к речке. Ну, все в порядке.

Жадно обнюхивая каждую травку, ныряя в сухих камышах и задирая голову к оранжевому закату, Бэппо выбрался на бугор, оглянулся и замер.

Так вот они какие, эти горы! Ух, хорошо... Группа пиний на холме показалась ему целым лесом. Ящерица скользнула по камню под самым его носом, цикады на скрипочках заиграли. Ну, это не съедобное. А птиц сколько... Мяу-мар-рмелау!

Ну что ж, одичать или поискать себе уютную крышу? Он задумчиво остановился и шевельнул хвостом.

Ага. Вон там у речки за горбатым старым мостом... Да ведь это, пожалуй, тот самый дом, где жил его приятель. Конечно.

Люди только другие. Девочка у калитки прыгает, ни одной собаки не видно... Корова есть... Мяу. Надо обдумать.

Он вспрыгнул на пень, прижал уши и блаженно закрыл глаза: одичать или нет?

А полевая мышь высунула удивленное рыльце из-под камня и пискнула: «Тише вы там, новый кот появился!»

Ветер обдувал Бэппо со всех сторон. Сосиски бурчали в животе. Он свесил с пня лапы, лениво зевнул, посмотрел на домик у моста и, засыпая, проворчал:

— Завтра решу...

1924

Рим

<1928>

СЕРЕБРЯНАЯ ЕЛКА

СЕРЕБРЯНАЯ ЕЛКА

Над лесной полянкой кружился снежок. Завивал хороводы белых пчелок, пудрил взлохмаченные кусты можжевельника. Пухло и мягко, волнистыми валами ложился у подножья молчаливых заиндевевших берез.

Луна светила полным светом. Висела в небе, словно натертое фосфором блюдо, синим фонарем озаряла все лесные закоулки, проталины и овражки.

А посреди полянки легкой резной пирамидкой дремала пышная елочка. Снег осыпался с широких лап, бездельник ветер взбивал его мутным дымом с верхушки. Чего жалеть? Экая невидаль снег! Ишь, сыплет и сыплет без конца.

На гибкой рябинке захлопали крылья.

— Кра! Есть кто-нибудь в лесу?

— Есть! — запищала белочка с дуба. А тебе чего надо?

— Скучно! — каркнула ворона. — Посвищи зверей. Давай что-нибудь придумаем.

Белка свистать мастерица. Щелкнула так, что по всей полянке раскатилось. Еще? Можно и еще!

Зелеными светляками загорелись в кустах волчьи глаза. Еж, тяжело пыхтя, — одышка у него, да и снег густой, — выполз на полянку. Налетели из чащи зябкие воробьи: неподалеку в стогу у лесной сторожки у них свой клуб был. Качнулась на ольхе длиннохвостая сорока. Вынырнул из можжевельника заяц, привстал и губами пожевал. Лисица, словно на лыжах, легко переступая и плавно вытянув хвост, вышла из лиловой тени на сияющий алмазный снег. Компания немалая.

— Что же делать будем? — спросила белка, головой вниз распластавшись на дубовой коре.

— Кра! — ворона стряхнула попавший ей на темя снежок. — Была в городе. Весело! Огни горят. В каждом доме елка. Блеск, пестрота, золотые шарики... Дети вокруг пищат... А мы тут, как сычи, по лесным углам сидим. Давайте устроим елку!

Заверещало зверье, затрещали птицы. Очень им затея эта понравилась.

— А как? — простуженным голосом спросил еж. — Я тоже у людей жил когда-то: у них свечки, игрушки, ленточки. А у нас — ничего.

У него, бедняжки, выдумки никакой не было...

— Зачем свечи, муфта колючая! — закричала белка. — Сосудек на мшинках повешаем. Луна их и осветит.

— Кра! — каркнула ворона.

— А я рыбок принесу, — ласково пропела лисица. — Внизу в проруби верша торчит, я ее так с рыбками и приволоку. Ведь они как серебряные... Сами светить будут, да еще и подрыгают!

— Кра! — похвалила ворона.

— Киль-киль-киль... — сорока слетела на нижнюю ветку и растопырила хвост. — А у меня в дупле есть жестяные обрезочки, серебряное ситечко и стекляшки с люстры. Я еще летом из города перетаскала...

— Слушайте! Квик! — щелкнула белка. — У меня есть орехи...

— А чем ты их оклеишь? — спросил еж.

— Молчи, муфта! Окуну их в прорубь, вытащу, они ледяной корочкой покроются... и будут как серебряные.

— Ах! — запищал заяц. — У нас будет совсем, совсем серебряная елка.

— А мы что будем делать? — спросили слетевшие кольцом на снег воробьи.

— Вы отряхнете с елки снег. Сверху донизу! — сказала ворона. — Ну, живо все за работу!

* * *

Чудесная вышла елка! Лунный свет дробился на льдинках — и свечей не надо. Рыбки блестели, переливались и вздрагивали хвостиками: им-то, бедным, одним елка не в радость была. Звери вокруг затоптались хороводом — впереди волк, за ним лисица и так все поменьше: заяц, еж... до крохотных воробьев.

Сорока тут же и песенку придумала, — что ж за хоровод без песни...

Дзинь! Месяц светит.

Дзинь! Снег идет...

Кто нас тут заметит?

Кто нас тут найдет?

Дзинь! Друг за дружкой...

Дзинь! Поскорей...

Закружим вертушкой

Хоровод зверей...

Дзинь! Наша елка,

Дзинь! Лучше всех...

Подгоните волка!

Дерните за мех!

Ух, как закружились! Сова с осины круглыми глазами посмотрела, нахохлилась и крыльями развела: вот сумасшедшие. А заяц от хоровода оторвался, голова закружилась, да на толстый сугроб за можжевельником с разгону налетел и провалился.

И вдруг, подумайте только, зашевелился сугроб, сучья затрепали, и огромная мохнатая туша вылезла и пошла горой на полянку, фыркая и ворча.

— Дядя Миша! Дядя Миша!

Медведь только головой тряс, да зевал, да лапой глаза протирал:

— Фу, лешие! Что такое? Почему меня разбудили? Что за безобразие! В середине зимы сна лишили! Как я теперь опять засну? Кто ко мне в берлогу ввалился? Признавайся!

Заяц под елку забился—молчок. Где ему с медведем связываться?

А белка храбрая: поймай-ка ее! Вскочила медведю на спину и пищит:

— Дядя Миша! Дяденька Мишенька! Да ты не ворчи. Рождество сегодня. Кто ж теперь спит? У нас елка, посмотри!

Поворчал медведь, да и сам разошелся: первый хоровод повел и так толково, точно век танцмейстером был.

А потом, когда наплясались, под елкой пировать сели. Белка за орехи, лисица за рыбку, воробьи за рябину, а волк стал было на зайца посматривать...

Только слышат: ших-шах... Кто-то по лесу на лыжах идет. Точно ветром смело птиц и зверей. Тишина. Рыбки на елке подрыгивают, на серебряном ситечке лучик дрожит.

* * *

Вышел на полянку лесник. Что за чудо! Горит-переливается елка синими огоньками. Подошел поближе и по валенкам себя руками хлопнул. Чудо и есть... Да что ж много думать: уложил в мешок рыбок, орехи, ситечко да стекляшки и весело понес к себе в лесную сторожку. Вот ребята-то обрадуются!!!

<1924>

КРАСНЫЙ КАМЕШЕК

Дача стояла у леса. Жоржик скоро-скоро позавтракал и побежал к грядкам. Вчера он с дворником посадил горох—надо было посмотреть, не вылез ли он уже. Но на грядках еще ничего не было. Жоржик поковырял палочкой землю, вынул одну горошину и опять зарыл ее.

Потом он подошел к забору и стал смотреть в лес: за кустами качались елки, в канавке блестела вода, под можжевельником важно гуляли две вороны и о чем-то разговаривали.

«Пойду в лес,—подумал Жоржик.—Только немножко, вон до той березки...»

Подумал и пошел. В старом заборе одна доска совсем отвалилась, пролезть сквозь дырку было нетрудно: сначала одну ногу, потом голову, потом другую ногу,— вот и в лесу!

По дороге к березке Жоржик два раза обернулся: «Вон она, наша дача... Красная крыша, огро-омная, и голубь на крыше сидит...» Дырку в заборе тоже было видно.

Дошел мальчик до березки и сел отдохнуть. «Минуточку посижу и — домой. Здравствуй, букашка! Зачем по моей коленке ползешь?»

Он снял букашку, посадил ее на мох и сказал:

— Сиди тут, а то заблудишься!

Посмотрел Жоржик кругом: елочки скрипят («верно, у них в середине такие пищалки, как у моего зайца»,— подумал он), мураши с дровами один за другим куда-то бегут, как живая черная ниточка; папоротники кланяются; вверху тучки,— одна на Жоржина дворника похожа: с белой бородой и трубка во рту. Светло и совсем не страшно...

— Ах, какая беда! — запищал вдруг кто-то в лесу.

Жоржик испугался и вскочил:

— Какая беда? Кто меня пугает?

— Эй! Помоги-ка мне, милый! — опять сказал кто-то за кустами.

Жоржик хотел было заплакать и пуститься во весь дух домой, но потом ему стало стыдно. Голосок был тоненький и жалобный, как у Амишки, когда ей хвост прищемят. Чего же пугаться? Он ведь большой... Может быть, это девочка с соседней дачи заблудилась,— надо взять ее за руку и привести домой.

— Кто там хнычет? — храбро спросил Жоржик.

— Это я, ста-ру-шка... Поди-ка, мальчик, сюда!

— Да где же вы? — спросил Жоржик и посмотрел кругом.

Старушки нигде видно не было.

— Здесь, за канавкой! Вот так, левее!

Жоржик подошел к канавке и перебрался по сломанной елке на другую сторону. На кочке лежала маленькая старушка в синей кацавейке. Ноги ее попали в болото, и она никак не могла вытащить: дергается, дергается, а ноги все глубже в болото уходят. Совсем как муха на блюдечке с вареньем.

Жоржику стало смешно, но он удержался: рассердится еще старушка,— может, она волшебница какая-нибудь?

— Бабушка,— сказал он,— давай руку, я тебя вытащу!

— Где тебе! Руки-то коротеньки, да и силы у тебя, чай, как у таракана. Пляди-ка! Вон там под березой моя котомка. Достань-ка из нее веревку... Один конец привяжи к березе, а другой брось мне. Так, молодец... Ну-ка, у-ух!

Старушка крикнула, ухватилась за веревку, захрипела, покраснела и вытащила ноги из болота. Обчистилась на кочке, отряхнулась и говорит Жоржику:

— Спасибо, огурчик! Эх, ножки-то какие у тебя кругленькие! Что ж тебе подарить за то, что ты меня вытащил?

Жоржик задумался.

— Верблюда подари. Ма-аленького!

— Хе-хе! Верблюда... Чудак-мальчик... Где я тебе верблюда возьму? Да и тесно ему, чай, у тебя будет,— все грядки перетопчет... Постой-ка!— сказала старуха. Она приложила руку к уху и посмотрела вверх.

— Куда ты, бабушка, смотришь?— спросил Жоржик.

— Вороны кричат, чтобы я уходила отсюда. Они тут под березой косточку зарыли, а мы им мешаем достать ее... Ладно, сейчас уйдем!

— Вот тебе на!— закричал Жоржик.— Как же ты знаешь, что это они про косточку?

— Знаю, хэ-хэ... Видишь, дружок?— Старушка вынула из уха маленький красный камешек и показала Жоржику.— Штучка небольшая, а в ней все дело. Вставил в ухо— и все тебе понятно: как вороны разговаривают, как коровы, как разные букашки...

— Правда?! И как слон говорит, тоже понятно?

— Все равно, хоть слон... Только здесь слонов не водится...

— Бабушка!— сказал Жоржик и схватил старушку за кацавейку.— Ты спрашивала, что мне подарить за то, что я тебя вытащил. Подари мне этот камешек. Ну, пожалуйста.

Старушка надела на плечи котомку, погладила Жоржика по руке и засмеялась:

— Ишь ты, какой проситель! Выбрал! А я с чем останусь? Я тут в лесу, милый, без этого камушка, как лягушка без воды... Нет, ты что-нибудь другое попроси...

— Бабушка, бриллиантовая! Мне хоть на один день! Только поносить...

— Не потеряешь?

— Ни за что на свете!

— И никому не покажешь?

— Никому!— запищал Жоржик.— Ах, как интересно! У нас есть Амишка и козел-стрекозел, огро-омный, больше тебя, и все под нос бормочет, петух есть и тараканы есть...

— Погоди, погоди...— сказала старуха.— Заторопился! Ладно. До вечера дам, поноси.

Она сполоснула камешек в канавке, вытерла его белой тряпкой и дала Жоржику.

— Маме тоже нельзя показывать?— спросил он.

— Маме можно... Только не говори, откуда достал. Секрет. А вечером, как ляжешь спать, положи камешек под подушку. Я приду и возьму.

— Как ты придеешь? Амишка возле моей кровати на полу спит,— увидит тебя и цапнет...

— Не цапнет! Я сама кого хочешь цапну... Ну, мальчик, прощай,— сказала старушка.— Погоди, погоди, стань-ка сюда.

Она поставила Жоржика лицом к березе.

— Постой так с минуточку и не оборачивайся.

— Уж можно? — спросил Жоржик, когда старуха отняла руки.

— Нет еще.

— А теперь?

— Теперь можно! — закричала тоненьким голоском старушка из-за кустов.

Жоржик обернулся. Старушка пропала. На ладошке лежал красный камешек, маленький-маленький, как божья коровка. Жоржик быстро всунул его в ухо, подпрыгнул и бегом пустился домой.

Под кустом можжевельника все еще разгуливали две вороны. Жоржик остановился:

— А ну-ка, а ну-ка!

Ворона боком посмотрела на мальчика, отвернулась и сказала:

— Кра — удивительно! Опять этот мальчик. Кра — такой маленький и один в лесу гуляет.

Другая ворона подумала и ответила:

— Кра — странно.

Жоржик расхохотался, шаркнул ножкой и крикнул:

— Кра — сударыни! Кра — извините! Кра — не ваше дело!

Через полминуты он был уже в своем саду.

В саду было пусто. Только на дорожке копался большой коричневый жук. Жук отдыхал после обеда, грел на солнце спинку и не слышал, как подошел Жоржик.

— Цап! Попался... — сказал Жоржик, схватил жука за грудку и приложил его к уху.

— Ж-ж-ж, ужасно жмет... — зажужжал жук. — Лапками загребаю, животиком выгибаю, сейчас вылезу... Ж-ж-ах!

— Ой, как щекочет! — рассмеялся Жоржик и подбросил жука кверху.

Жук полетел и запел:

— Жин-жон-жон, Жоржик на дорожке, а я вон где!

— Даша! — закричал Жоржик. — Иди скорей сюда!

Даша шла с ведром к колодцу и остановилась:

— Зачем?

— Я тебе покажу что-то! Да скорей же!

Вдруг Жоржик вспомнил, что он обещал старушке никому не показывать красного камешка:

— Нет, Даша, не надо, не надо. Я нарочно! — крикнул он и побежал к балкону.

На балконной ступеньке лежала толстая собака Амишка. Жоржик сел на свою деревянную лошадь у балкона и стал ждать.

Амишке было жарко: глаза закрыла, пасть разинула, язык высунула. Длинный такой язык, хоть красным бантом завязывай, а бока так и ходят, как паровоз: «Таф-таф»...

Пришла кошка. Села на Жоржины качели, облизнулась, посмотрела на Амишку и мяукнула:

— Мур... У Амишки одышка, а у меня нет...

Амишка приоткрыла один глаз, посмотрела на кошку и захрипела:

— Р-р-р... Рваная шуба!

— А ты беззубый,— сказала кошка и запела:

— Мяу-мур, муха-муха, укуси Амишку в ухо!..

Амишка открыла второй глаз и встала на передние лапы:

— Р-раз! Подразни еще, я тебе нос откушу! Кошатина!

— А ты собачатина! И подразнюсь: собаки ходят в намордниках, а кошки нет! Амишка-кубышка, голова как шишка! Хвост как палка, в животе мочалка! Не достанешь, не достанешь...— Кошка соскочила с качели и полезла на столб.

Амишка улеглась.

— И не надо! Это у тебя в животе мочалка, оттого ты и дразнишься. Я сегодня утром суп с лапшой ела. Ага! И куриные косточки ела. А за обедом блинчики буду есть и котлетную подливку... А тебе мою вчерашнюю овсянку дадут...

— Ма-ма! — жалобно мяукнула кошка на столбе и выгнула горбом спинку.— За что мне овсянку?

— За то, что дразнишься,— сказала Амишка и опять закрыла глаза.

Кошка подождала, пока Амишка не захрапела, слезла со столба и подошла к Жоржику.

— Мняу! Жоржик-коржик, дай молочка.

— Не дам, зачем дразнишься?

— Я тебе сказку скажу.

— Интересную?

— Мур... Жили-были две мышки, серые пальтишки. Жил еще кот, бархатный живот. Пошел кот к чулану полизать сметану, а чулан на задвижке. А в чулане мышки... Сидит кот перед дверцей, колотится сердце,—войти нельзя! Вот и запел кот, бархатный живот, тоненьким голосишкой вроде мышки: «Эй, вы, слышь! Я тоже мышь,—больно хочется есть, да под дверь не пролезть... У вас там много в стакане, вымажьте лапки в сметане да высуньте под дверку. Скорей, глухие тетерьки. Я полижу—спасибо скажу...» Одна мышка и поверила: высунула лапку. А кот—цап!—со всех лап... Вытащил за лапку, сгреб в охалку и гам! Так всю со сметаной и съел. Вкусно! Хорошая сказка?

— Сказка хорошая, а кот злой! Зачем обманывает?—сказал Жоржик.

— Мурлау! Я не виновата. Жоржик-коржик, дай же молочка...

Жоржик побежал к Даше, попросил у нее молока, налил в крышку от ваксы и принес кошке.

— На! Скорей пей, мне некогда.

— Молоко! Ляп-ляп-ляп-ляп-ляп. Все. До капли... Урлы-урлы-урлы...—Запела кошка и стала тереться о Жоржины коленки, то одним боком, то другим.

«Ишь ты, какая ласковая стала!» — подумал Жоржик.

— Ну, отстань, я к козлу пойду.

Козел стоял в темном сарае, блестел глазами, скрипел зубами и сердито топал ногой. Когда Жоржик открыл дверь, козел замотал бородой и фыркнул:

— Фу... Жду-жду! Никто не идет... Привязали за рога... Фу! Темно, мухи кусают... И я так, я и этак, ногами прыг, хвостом дрыг, а они все кусают... Запутался. Фу! Даже почесаться не могу.

Жоржик осторожно подошел ближе.

— Я распутаю! Ты меня не цапнешь? Нет?

— Мэ-кэ-кэ! — попросил козел. — Распутай! Не цапну!

Жоржик распутал веревку, погладил козла и спросил:

— Скажите, козел, отчего вы такой грязный?

— Мэк! Грязный! Какие глупости! Старому козлу говорить такие вещи... Мэк! Грязный! Я тебе покажу грязный...

— Я не нарочно, я не нарочно! — закричал Жоржик, быстро выскочил из сарая и закрыл дверь на крючок.

— Эй, козел-стрекозел! — крикнул Жоржик в щелочку. — Дворницкая шуба! Вот скажу Даше, она тебя миндальным мылом вымоет... Будешь знать!

Козел рассердился. Разбежался, да как тарарахнет в дверь — бац! А Жоржику смешно: крючок крепкий, не соскочит.

— Кхи-кхи! — запищала вдруг крыса за дверью. — Зачем же мылом козла мыть? Мыло — закуска. Я вчера у Дашиного мыла всю корочку объела...

— Ага! Хорошо! — шепнул Жоржик. — Я скажу Даше, она вам всем задаст...

Он пошел на кухню, но Даши на кухне не было. «Пойду в спальню, — подумал Жоржик. — Там мухи».

В спальне было тихо. На кровати Жоржика лежала его маленькая сестричка Вава, быстро перебирала ручками и ножками и что-то скоро-скоро говорила. Жоржик нагнулся к Ваве и стал слушать.

— Мня-вля-гля, пля-мня-для, мня-гля-кля...

— Ничего не поймешь... — вздохнул Жоржик и подошел к окошку. — Мухи, верно, тоже так мнякают. О чем им говорить? Жужжат себе и толкаются головой в стекло.

Но мухи разговаривали:

— Зы-зы-зы... Здесь нельзя и здесь нельзя... Заперли-заперли-заперли...

— Что ты здесь делаешь, Жоржик? — спросила мама Жоржика, заглядывая в спальню.

— Я, мамочка, слушаю, как мухи разговаривают.

— Как же они разговаривают?

— А вот иди сюда. Закрой глаза и дай ушко...

— Зачем? — засмеялась мама. — Ты мне туда еще козявку положишь?

— Да нет! — сказал Жоржик. — Не козявку. Нельзя сказать, секрет. Готово! Слышишь, что мухи говорят?

— Слышу.

— Что же они говорят?

— Говорят, что Жоржику пора обедать.

— Обедать? — спросил Жоржик. — Ну, хорошо — пойдём.

— Только их надо выпустить... Пошли! — сказал он и раскрыл окно. — Теперь давай опять ушко, — сказал он маме. — Готово!

За столом Жоржик смеялся и болтал ногами. Никто не знал почему, а он знал: кошка все время терлась под столом о его ножки и мурлыкала:

— Мур! Жоржик, брось Амишке кочерыжку, а мне косточку...

А Амишка на нее из-под стола:

— Р-р-р... Тебе кочерыжку! Ж-жадина!

После обеда Жоржик побежал в сад посмотреть, где его петух. Петуха нигде не было: ни в саду, ни возле кухни, ни под сараем, ни в чуланчике. «Куда он спрятался?» — подумал Жоржик.

Обошел Жоржик сад и слышит, что за забором кто-то быстро-быстро кудахчет:

— Куда-куда-куда! Чужой петух!!

Жоржик встал на скамейку и посмотрел: соседский рыжий петух задрал голову и бежал прямо к мусорной куче, а три Дашины курицы бегали кругом кучи, хлопали крыльями и кричали:

— Ах, куда, куда! Красный разбойник! Ах, куда, куда!

— Да где же наш петух? — спросил Жоржик. — Вот беда, вот беда!

— Кара-у-ул! — закричал вдруг из-за сарая белый Жоржин петух и, широко расставляя лапы, бросился к рыжему.

— Как ты смел! Как ты смел! — наскочил он и схватил рыжего за чуб.

Рыжий вырвался, подскочил и ударил белого лапой в грудку:

— Так и смел! Так и смел!

— Как ты смел! Как ты смел! — опять налетел белый.

— Так его, так его, так его! — закудахтали в восторге курицы, а петухи взлетели на воздух, перевернулись через голову и кубарем полетели на землю.

Жоржику стало страшно.

— Кыш! Перестаньте... Кыш!.. Вот я вас! — Он бросил в петухов палочку и ударил в ладошки.

Рыжий петух вскочил, встряхнулся, побежал домой и сердито обернулся на Жоржика:

— Тоже... Ко-ко-ко... Не даст подраться...

А белый петух взобрался на самый верх кучи, захлопал крыльями и закричал ему вдогонку:

— Кум удра-ал!

— Конечно, конечно,— сказала самая толстая курица.

Жоржик вывернул кармашек, бросил своему петуху крошки, которые завалились в кармашке, потом соскочил со скамейки, запрыгал на одной ноге к беседке и весело запел: «Рыжий с белым разодрался, белый рыженького вздул!»

В беседке Жоржик лег на стол и стал смотреть, как качаются веточки. Прилетали пчелы, танцевали над головой и пели: «Зум-зум, где цветочки?»

Прилетал знакомый коричневый жук и жужжал: «Жоржик лежит, Жоржик лежит...»

Зелененький червячок пополз по руке, а когда дополз по плечу до уха, Жоржик услышал, как червячок чуть слышно зашипел: «Сейчас шлепнусь...» Испугался, верно, что так высоко залез.

Когда Жоржик вышел из беседки, солнце висело над самыми елками и было похоже на тот таз, в котором Даша варенье варит. Только чуточку покрасней. Глазки у Жоржика были совсем-совсем сонные. С пруда кричали лягушки: «Краковяк-краковяк-краковяк...»

«Что это за краковяк?— подумал Жоржик и вдруг вспомнил:— Это танец такой... Как же лягушки на четырех лапках танцуют? Верно, становятся на задние лапки, как Амишка...»

У балкона его встретила мама.

— Ты где был?

— В беседке.

— Что ты там делал?

— Слушал, как пчелки разговаривают.

Мама улыбнулась и принесла Жоржику молока. Молоко было вкусное и пахло, как горячая ватрушка. Опять прибежала кошка, заходила у ног и запела:

— Жоржик-коржик, дай— мяу— молочка!

— Не дам за то, что дразнишься,— сказал Жоржик и пошел спать.

Мама его раздела и ушла. Жоржик долго не хотел закрывать глаза. Он все хотел дождаться старушки в синей кацавейке и хорошенько попросить ее... Пусть бы оставила красный камешек еще хоть на день. Камешек положил под подушку.

Но в комнате было тепло и тихо, а сверчок где-то близко у кровати проснулся и запел: «Цир—закрой глазки, цир—закрой глазки, цир—закрой глазки».

Жоржик закрыл.

Утром, только проснулся, сейчас же руку под подушку— камешка нет. А вместо камешка лежит книжка: звери в ней разные, птицы, букашки и разные жучки. Все есть. И про всех написано, как кто живет, что ест, как кто поет, как жужжит, как мяучит. Всех спрашивал Жоржик—и маму, и Дашу, и даже Амишку, да никто не знал, кто книжку принес.

Должно быть, старушка— кому же больше?

Кукла Нолли и паяц Пшик сидят на подоконнике и скучают. Девочка Катя, у которой они жили, обещала взять их сегодня гулять и не взяла — ушла с няней. Почему не взяла? Рассердилась. Схватила вчера Пшика за голову и окунула его в свою ванночку. Няня закричала, Катя заплакала, а Пшик со страху всю краску из себя выпустил и тонуть стал. Из ванночки такой кисель вышел, что няня должна была другую наливать. Разве он виноват? Паяц не рыба. Потом Катя выкупалась, стала одеваться и села нечаянно на Нолли. Пружинка в Ноллином животе сказала: «Пик!» и испортилась. Как Катя ни извинялась, как ни умоляла, как ни целовала Нолли: «Скажи: ма-ма, скажи хоть один последний раз, только скажи — ма!» — Нолли ни звука. Как без пружинки скажешь? Вот за это Катя и не взяла их с собой гулять.

* * *

Сидят Нолли с Пшиком на подоконнике, молчат и не двигаются, потому что кошка Мурка все по комнате вертится. Заговори только при ней — всему дому станет известно. За окнами пушинки летают, солнышко светит, девочки с куклами в сад идут. Ужас, как гулять хочется! Наконец кошка Мурка ушла — слава тебе Господи! Нолли вздохнула, а Пшик хлопнул себя по лбу, прошелся на руках по подоконнику и сказал:

— Нолли! Я что-то придумал!

— Воображаю!

— Придумал, придумал! Катин папа сейчас пойдет на службу.

— Ну, так что?

— Мы побежим по коридору в переднюю...

— А потом?

— Влезем на стул!..

— А потом?

— Со стула, со стула, со стула — в карман Катиного папы пальто. Понимаешь?

— И пойдем гулять?! Пшик, ты золото, дай я тебя поцелую!

— После, после! — закричал Пшик. — Надо спешить, а то он уйдет. «Раз-два-три!»

Пшик схватил Нолли на руки, раскачался, крикнул «аллегоп!» и прыгнул через кроватку на пол.

— Пшик, — спросила Нолли, — а вдруг Катин папа положит руку в карман?

— Не положит! В одной руке у него палка, в другой портфельская кожа, а в третьей...

— Третьей нет, Пшик, не болтай глупостей... Тш... В коридоре никого нет. Бежим!

Пшик и Нолли побежали на цыпочках по коридору так тихо, как мухи бегают по потолку. У дверей перелезли через сонную Мурку и мигом очутились на вешалке.

— В какой карман лезть, в правый или в левый? — спросила Нолли.

— Полезай в левый, правый — дырявый!

— Не успели они еще хорошенько усесться, как в передней раздалось: «рип-рип-рип!» Катин папа подошел к вешалке, снял пальто, встряхнул его так, что пассажиры в кармане стукнулись лбами, надел и вышел на улицу.

* * *

На улице Катин папа крикнул, как пушка: «Извозчик!» Пшик выглянул из кармана:

— Нолли! Мы поедем на извозчике! Подъезжает, подъезжает... Серая лошадь, совсем как Катина, только без подставочки».

— Цыц! — сказала Нолли и потащила Пшика за ногу в карман. — Цыц, мурзилка, а то он услышит!

Загремели колеса. Катин папа сказал: «Сорок». Потом испугался и поправился: «Тридцать пять». Поехали.

— Подвинься, чучелка, — запищала Нолли, — я тоже хочу выглядывать!

Пшик подвинулся и пробормотал: «Ой, сколько домов! Огоро-о-мные! Белый дом, серый дом, желтый дом, коричневый дом, деревянный дом!»

— Смотри, смотри, Пшикочка! — завизжала Нолли. — Вагон без лошади! Красенький! Ай-яй, смотри, сзади тоже никто не толкает! Бу-у-у-у! Что это, это, это, Пшик?

— Это трамвай.

— Как же он бежит?

— Кондуктор толкает его с одного конца города, и он бежит до другого. Ловко, а?

— Пшик! — сказала Нолли, глотая последнюю шоколадную крошку, которую она нашла в кармане. — Пшик, довольно уже ехать. Давай спрыгнем...

— Давай! — Пшик осмотрелся кругом, схватил Нолли в охапку, вылез из кармана и, как блоха, прыгнул прямо на фонарь. Под фонарем в это время проходила дама и вела на шнурочке маленькую собачку, похожую на мохнатого червячка. Собачка остановилась, потянула носом, уперлась передними лапками в землю, а задними стала загребать: «левой-правой, левой-правой!» Да вдруг как залает на фонарь:

— Тяф-тяф-тяф! О, зачем я на веревочке! Тяф-тяф-тяф! Я бы перегрызла фонарный столб! Р-рр-тяф-тяф-тяф! Эти фонарные обезьяны полетели бы вниз, а я их в клочки, я их на клочки, я их вдребезги!!! Пусти! — завизжала она, но дама потащила собачку дальше, и она поехала на четырех лапках, как на коньках.

Нолли и Пшик хохотали, как сумасшедшие:

— Собачья морда! Ага, привязали, привязали! Ну-ка достань! Тяп-тяп-тяп! Подумаешь, как страшно... Сама обезьяна, сама собака, сама злока-гадюка несчастная!

— Пшик,— сказала Нолли,— давай слезем и дернем ее за хвост!

— Она тебя дернет! Она тебе так дернет, что все тряпки из живота вылезут!

— Фуй, Пшик, какие ты гадости говоришь...

Помолчали минуточку. Пшик стал считать окна, а Нолли задумалась. Дождик стал накрапывать. Внизу люди зонтики раскрыли. Страшно.

— Пшик, Пшик, Пшик! — захныкала Нолли. — Поедем куда-нибудь?

— Куда?

— Ты мальчик, ты и выдумывай. Хорошее гулянье — сидеть на фонаре? Разве мы птичкины дети? Придет фонарщик зажигать освещение, увидит нас, — что он с нами сде-ла-е-ет!

— Стой! Не хнычь, я уже придумал! Ты умеешь читать?

— Нет!

— Ну еще бы! — Пшик фыркнул и почесал ногой за ухом. — Эх ты, пустая фарфоровая голова с локонами!

— А у вас что в голове?

— Не твое дело. Видишь вывеску напротив — под вывеской окно: тряпки красные, тряпки зеленые, тряпки серо-буро-шоколадные...

— Вижу!

— Ну вот. Читай за мной: кра-силь-но-е за-ве-де-ни-е. Поняла?

— Нет.

— Мы слезем с фонаря — перебежим через улицу и... в форточку! Вот она открыта. Ейн-цвай-драй! Понимаешь?

— Пшик! — закричала Нолли. — Пшик, ты хочешь покраситься?

— Да, Нолли, я хочу покраситься. Я буду опять красный, как... красная краска! Вот! Чтобы еще все паяцы на свете покраснели от зависти! Вот!

— Идем! — сказала Нолли.

* * *

Они слезли, перебежали через улицу и полезли в форточку. Никто не заметил. Только голодный воробей слетел с вывески, когда Пшик уже перекинул вторую ногу через форточку и дал ему подзатыльник, — но ведь это почти не больно.

Пшик и Нолли спустились по занавеске на подоконник и заглянули в комнату.

— Цыц! Никого нет. Может быть, в зелененькую покраситься?

— В красненькую! — сказала Нолли и задрожала от радости.

— Половину в красненькую, половину в желтенькую, как было раньше.

— Пшик, я тоже хочу краситься.

— Тебе нельзя, ты кукла.

— Так что же, что кукла? Я на этом противном фонаре все платье измазала. Было беленькое, а теперь как Катины подметки.

— Цыц, не хнычь! Согласен. Только прежде я. Стой тут, и если кто-нибудь войдет, скажи — «ма-ма».

После этого Пшик крикнул «алле-гоп», прыгнул на стол, лег на бок и опустил в банку с красной краской правый бок, руку и ногу.

Краска была тепленькая, и Пшик от удовольствия закрыл глазки.

— Пшик,— запищала Нолли,— Пшикочка, отчего так долго?

— Сейчас! — закричал Пшик и схватился рукой за банку, но поскользнулся, упал в краску и вылез оттуда красный, как сырая говядина. Красные волосы, красные глаза, красные уши... Красавец! А краска на стол с него так и бежит: целое озеро.

Нолли сначала испугалась, да как захохочет! В комнате над входной дверью зазвенел колокольчик. Один большой человек вошел, другой крикнул: «Сейчас!» и прибежал в комнату. Прямо несчастье!

Нолли в форточку, Пшик за ней. Схватил ее руками за платье и кричит:

— Боже мой, подожди!

Нолли вырывается:

— Ступай прочь! Не смей меня пачкать!

Наконец не удержалась и полетела с форточки кувырком в дождевую кадку, которая стояла возле окна.

* * *

Вылезли. Сели за кадочку и плачут, и плачут: воды в себя много набрали, плачь сколько хочешь.

— Нолли! — сказал Пшик, размазывая красные слезы по лицу. — Вернемся!

— Куда?

— К Кате!

— Я не знаю дороги...

— Ай, Пшик, держи меня!

— Что с тобой?

— Меня кто-то тащит!

— И меня тащит!!!

— Ай...

Чья-то огромная черная рука вытащила Нолли и Пшика из-за кадочки и посадила их на ладонь.

— Трубочист!!! — шепнула Нолли.

— Боюсь!!! — шепнул Пшик.

— Вот так выудил! — сказал трубочист. — Ну-с, очень приятно познакомиться, пожалуйста в залу! — с этими словами трубочист положил Нолли и Пшика в свою сумку и пошел своей дорогой дальше. От испуга Нолли и Пшик молчали целых пять минут.

— Пропала моя красочка! — жалобно пищал Пшик.

— Ты мальчик, тебе ничего... На кого я теперь буду похожа?

На негритянскую но-здрю-у!

— Не реви. Нолличка, я тебя яичным мылом отмою...

— У-у-у! Что это так трещит?

— Это крыша, — сказал Пшик и незаметно выпал из кармана.

— А я? А я? — закричала испуганно Нолли и выскочила вслед за Пшиком. Трубочист не заметил.

— Мур-мур-мурау! — сказал кто-то рядом.

— Ой! Пшик, смотри, это наша Мурка! Наша Мурка! Здравствуйте, Мурочка!

— Мур-мар-мелау... Здравствуйте! Как вы сюда попали? А?

Нолли и Пшик упали на коленки и протянули к Мурке руки:

— Извините нас! Мы удрали гулять! Мы больше никогда не будем! Отведите нас домой, вы кошка, вы знаете дорогу по всем крышам...

— Ага, — сказала Мурка-кошка. — А дразнить меня больше не будете?

— Не будем!

— Отдадите завтра свои сливки и пирожок, когда Катя посадит вас обедать?

— Отдадим, — печально сказали Нолли и Пшик.

— То-то. Ну ладно. На этот раз прощается. Садитесь на меня верхом и держитесь крепко.

С крыши на крышу, со стеночки на стеночку (как страшно было!) добрались до своего черного хода.

Спрыгнули Нолли и Пшик, да за дверь — даже поблагодарить Мурку от радости забыли, — и по коридору, топ-топ, тихонько, как мыши, пробежали в Катину комнатку. Катя уже спала: надутая такая. Мигом вскочили на подоконник, сели, как утром сидели, закрыли глазки и ни гу-гу.

Утром Катя проснулась и все выспрашивала:

— Отчего такие замурзанные? Где вчера были? Под кроватью искала, в чулане искала, в рояле искала — нигде нет? Где были?

Но Нолли и Пшик как воды в рот набрали, молчат и друг другу подмигивают: «Наше, мол, дело!»

<1912>

<1929>

ДОМИК В САДУ

В саду было пусто. Только на полянке, за елками на весь сад весело стучал топор. Стучал да стучал.

На стук топора из белого дома приплелась кошка Маргаритка. Села на кучу прошлогодних листьев и видит: стоит среди поляны рыжий плотник Данила и тешет бревно. Обошла кошка вокруг Данилы, обнюхала пахучую желтую щепку, которая, как сумасшедшая, прыгнула к ней прямо на нос из-под топора, и давай мяукать.

— Мяу-мур,— мур и мяу,— я знаю, что это будет.

— А что, госпожа кошка?— вежливо спросил скворец с березы и нагнул вниз голову со своей жердочки.

— Мняю! Вам очень хочется знать?

— Чики-вики, очень.

— Видите ли в том белом доме живут две девочки...

— Розовая и белая?

— Мяу, да, и у них есть папа, такой огромный папа, в два раза больше самой огромной собаки. Да. Так вот этот папа вчера заказал плотнику Даниле для своих детей дом...

— Чики-вики, скворечник.

— По-вашему— скворечник, по-нашему— дом...

И вот— хлоп, где-то шелкнула дверь, и с крыльца белого дома понеслись вперегонку к полянке две девочки: одна розовая, поменьше, круглая, как колобок,— Тася; другая в белом, длиненькая и худая, как жердочка,— Лиля.

Прибежали и давай прыгать вокруг Данилы:

— Данила, Данилушка, миленький, самый миленький, когда же дом будет готов?

— Через месяц.

— Ай-яй-яй! Да вы не шутите, мы серьезно вас спрашиваем...

— Ну, через неделю.

Тася и Лиля посмотрели друг на друга, вздохнули— вот тебе раз!

— Сегодня будет готово к обеду,— сказал Данила, улыбаясь в рыжую бороду.— А что мне за это будет?

— Все, все, все! Все, что хотите!

— Ладно. Все так все.

Гуп! Гуп!— и топор опять заходил по бревну.

Распилил Данила бревно на четыре куска, заострил концы, словно карандаши очинил, и вбил в землю.

— Ловко,— сказала кошка,— это он будет пол настилать.

А из белого дома приковылял еще один человечек: кухаркин сынок, Василий Иванович, весом с курицу, двух лет, с хвостиком, румяный, как помидор. Пришел, палец в рот, вытаращил глазки, пустил слюну и смотрит.

— Васенька, иди-ка, червячок, сюда, посмотри,—позвала Лиля и посадила рядом с собой на бревно.

Сидят, как галки, все четверо: Лиля, Тася, кошка и Василий Иванович и смотрят.

Хорошо!

А Данила старается. Знает он, какво ждать, когда дом строится! Притащил из сарая доски, собрал быстро стенки,—хитрый был, молчал, а все у него было заготовлено,—вставил раму, приложил так, чтобы окно к речке выходило, чтобы все можно было видеть: и лодки, и уток, и купальную пеструю будку...

— Мур-мяу!—сказала кошка и ткнула Лилю головой.—Окно со стеклом, как же я буду через окно лазить?! Это он, верно, нарочно, за то, что я у него вчера ватрушку стянула...

— Да не приставай ты, чучелка,—Лиля не понимала кошкина языка, да и некогда было с ней возиться.

— Данила, Данила,—запищала Тася,—а, Данила? Уже можно жить?

— По-го-ди... Какая смешная девочка!—заскрипела скворчиха над головой у Таси.—Как же можно жить без крыши и без дверцы? Ага, вот и дверцы! Какие большие и совсем не круглые! Ничего он не понимает, этот Данила...

Кошка посмотрела одним глазом на скворчиху и лениво зевнула:

— Мняу... Эй ты, скворечная курица, иди-ка лучше в свой ящик спать! Сама ты ничего не понимаешь, а еще рассуждаешь, тоже...

Скворчиха сделала вид, что не слышит,—стоит ли со всякой кошкой связываться!

— С новосельем!—сказал Данила, взял топор под мышку, набил трубку, закурил и ушел.

— Ай да домик! Настоящая крыша, настоящие дверцы, настоящее окно... А внутри как хорошо, прямо запищишь от удовольствия, по бокам лавочки, как в вагоне. Под окном столик на крючках, смолой пахнет, чистенький такой, словно его кошка языком облизала.

Стекла в окошке переливаются, а за окном, как на ладошке, вся голубая река: утки плывут и кланяются, верба на берегу зелеными лентами машет, желтый катерок пробежал, фыркая, как мокрая собака. Хорошо!

Посмотрела Лиля на Тасю, Тася на Лилю, Василий Иванович на кошку и кошка на всех,—вдруг что-то все вспомнили и сразу затормозились.

А мебель? А картинки? А занавески? А кухня? А посуда?

— Ах ты, Боже мой, какие мы свистульки! Подхватили девочки Василия Ивановича,—одна справа, другая слева,—под мышку, как самовар, и понесли к дому. Кошка осталась.

Ходит да нюхает все: новый домик, надо же привыкнуть. Смотрят с березы скворец и скворчиха и удивляются — никогда еще в саду они такого чуда не видали. Впереди шагает Василий Иванович, пыхтит и волочит по земле красный коврик, за ним вприпрыжку Тася с целым кукольным семейством на руках, за ней Лиля с жестяной кухней, с резной полочкой, с самоваром, за ними мама с занавеской и с посудой (такая большая, а с девочками играет!), за ней папа, широкий, как купальная будка, идет, очками на солнце блестит, а в руке молоток и картинки, за ними кухарка с морковками, а в самом хвосте черная собака Арапка — ничего не несет, идет, язык высунула и тяжело дышит...

— Чики-вики,— запищала скворчиха,— идем скорей в скворешник, у меня даже голова закружилась...

Пошла работа! Разостлали в домике коврик, углы утыкали зеленой вербой, прибили картинку — «мальчика-с-пальчика», приколотили полочку, расставили посуду, накололи занавеску — и готово.

Папа с кухаркой Агашей были оба толстые и никак не могли пролезть в дверь, как ни старались. Поздравили девочек со двора с новосельем и ушли. А мама, маленькая, худенькая, осталась было с ними жить, все расставила, все прибрала, вытерла Василию Ивановичу нос, сняла с волос малиновую ленту и повязала ее кошке, ради новоселья, вокруг шеи и только собралась с ними стряпать, как ее позвали в белый дом... Ушла, как ее ни просили остаться.

— Нельзя,— говорит,— червячки. У вас свой дом, у меня свой,— как же дом без хозяйки останется? До свиданья!

Так и ушла.

— А кто же у нас будет хозяйкой? — спросила Тася.

— Я,— сказала Лиля.

— А я?

— И ты тоже.

— А Василий Иванович?

— Наш сын.

— А кошка?

— Судомойка.

— Мняю! Скажите пожалуйста! — обиделась кошка.— Почему судомойка?

— Потому что тарелки лижешь,— захрипела старая Арапка, хлопая, как деревяшкой, хвостом по полу.

— А ты не лижешь?

— Лижу, да не твои.

— Эй, вы, не ссориться.— Тася топнула башмачком, взяла ведро и пошла к реке за водой.

Возле дома на траву поставили кухню, собрали щепок, растопили плиту, перемыли в ведерке морковку, нарезали и поставили вариться, а сами опять в дом.

Только уселись и затворили дверцы,— слышат из белого дома кто-то спешит, задыхается.

— Молчать, сидеть тихо! — скомандовала Лиля.

Тася посмотрела в щелку и уткнулась губами в Василия Ивановича: смешно, хоть на пол садись, а рассмеяться нельзя.

А за дверцами стоял важный человек: брат Витя,—приготовишка, в длинных штанишках,—с девочками играть не любил,—стоял и смотрел.

— Отворить? — шепнула Тася.

— Пусть просит.

— Эй, вы! — раздалось за дверью.

Ни гу-гу.

— Да пустите же, курицы!

— Пустить? — опять шепнула Тася.

— Слушай,—Лиля подбежала к двери и взялась за крючок,—мы тебя пустим жить, только, только...

— Что только?

— Что ты нам принесешь в дом?

— Жареного таракана.

— Кушай сам! Нет,—ты всерьез скажи...

— А вот, а вот... я вам... выкрашу крышу!

Трах! Крючок слетел, и дверь чуть сама не спрыгнула с петель, дом так и закачался.

— Выкрасишь крышу?!

— Могу!

— В зеленую краску?!

— Могу и в зеленую.

Витя был большой мастер. Через полчаса крыша была зеленая, как лягушка, и Витины руки были зеленые, и кошкин хвост был зеленый (зачем суется?), и даже на Тасин башмак капнула зеленая краска.

Вода в кастрюльке закипела. Вытащили морковку, разрезали на кусочки, разложили на тарелочки и дали всем — и Василию Ивановичу, и Арапке, и кошке.

А когда пообедали, опять заперли дверь на крючок, тесно-тесно уселись на лавочке и давай петь:

Наш дом! Наш дом!

С окном!

С крыльцом!

Наш дом! Наш дом!

С потолком!

С крючком!..

Замечательная песня.

Целый день не вылезали из домика, и когда позвали их обедать в большой дом, так и не пошли, заставили все принести к себе в домик.

Так и просидели до вечера. Ночевать в домике им не позволили, да и холодно,—пришлось идти всей компанией в белый дом, в свою детскую. Ах, как не хотелось!

Ушли. Луна вылезла из-за речки. В домике стало пусто и тихо. Совсем тихо. Кошка проводила детей и вернулась.

Обошла домик кругом,— дверь на задвижке. Какая досада!

Там за лавочку во время обеда завалился кусочек котлеты, завтра прозеваешь — Арапка съест. Она на это мастерица!

Сидит кошка, зевает: идти в сарай на стружки спать или здесь перед дверью клубком свернуться?

И вдруг прислушалась,— шуршит что-то в домике, шуршит да шуршит. Забежала с другой стороны, ухватилась когтями за окно, смотрит: сидит на столике за стеклом мышь и ест кошкину котлету, лапками так и перебирает.

— Ах ты, разбойница!

Рассердилась кошка, даже зубами закрипела. А мышь увидела ее, смеется, хвостиком машет, дразнит,— за стеклом не страшно.

Свалилась кошка на траву, посидела, подумала и пошла к дверям.

— Тут и лягу... Утром Лиля и Тася двери откроют — покажу я тебе, как чужие котлеты есть!..

Не знала она, глупая, что в углу, когда плотник Данила пол сбивал, один сучок из доски выскочил: много ли мышке надо, чтобы уйти?..

<<1917>>
<1918>

СТРАННАЯ ХОЗЯЙКА

Кот Грымза, солидный и умный зверь, совсем разочаровался в своей хозяйке.

Поймал он в сквере воробья. А уж как старался! Другому охотнику легче дикую зебру выследить и заарканить, чем ему, старому Грымзе, справиться с серой пичужкой. Целый час под кустом лежал, камнем притворился,— благо спина серая — и наконец сцапал...

Обыкновенный кот поиграл бы с добычей на лестнице в темном углу да и съел. Но Грымза решил похвастаться: первого воробья в этом сезоне поймал. Принес осторожно в зубах замершую в ужасе птицу в комнату и деликатно положил на коврик у полосатых хозяйкиных ног.

— Мняу, сударыня, полюбуйте! Вы вот все ворчите, что я ваш хлеб понапрасну ем, а я живого воробья поймал...

И вот вам благодарность! Хозяйка রাখалась, птичку в ладонь зажала, туфлю с ноги сняла — и его, Грымзу, туфлей по усам, по голове, по съезжившейся спинке.

— Ах ты, разбойник!

Воробью нос мокрым платком смочила и, когда он от обморока очнулся, раскрыла окно и до свидания...

Разбойник? Сама кур ест, ест и не плачет... мокрым платком в чувство их не приводит. Почему мышей ловить можно,— не только можно,— даже требуют, чтобы он их ловил, а воробьев нельзя? Только и разница, что одни бегают и пищат...

Поточил Грымза в досаде когти о любимое хозяйкино кресло, прыгнул в окно и пропал до самого вечера.

* * *

Это еще не все. Приходит как-то домой,— хозяйка сидит на диване, а у нее на коленях клетка... с мышами. И не просто с мышами, а с белыми. Где она таких достала? Да мало того, что белые,— с красными глазами!

О! Завтра она, пожалуй, и фиолетовых мышей заведет, а послезавтра зеленых... Мышеводством решила заниматься? Хорошо. Только уж кота, пожалуйста, в покое оставьте.

А когда он подошел поближе, чтобы хорошенько к этим белым уродам присмотреться, опять туфля эта противная перед его носом закачалась.

— Ты! Пират сухопутный... Только посмей моих мышей тронуть, я с тебя три шкуры спущу!

Видите, какая несправедливость: одной шкуры ей мало.

Отошел Грымза смиренно в угол и дал себе честное кошачье слово не только ее белых мышей не трогать, но и к обыкновенным серым не прикасаться. Пусть все книги прогрызут, не его дело...

Однако после обеда, как ни крепился, горько ему стало. Выпустила хозяйка своих красноглазых квартирантов из клетки, посадила их на штору, и они, как акробаты, полезли вверх, к потолку, а потом головами вниз поползли в разные стороны...

Очень это Грымзе не понравилось. Ему и на кресле не всегда дадут посидеть спокойно: волосы, вишь, из него лезут... А у хозяйки не лезут? Мышам, значит, все можно? Этак скоро они начнут по потолку бегать и штукатурку в его блюдце с молоком сыпать...

Подошел он к шторе поближе, когти чуть-чуть выпустил. Хлоп! Опять эта туфля.

— Ты куда, разбойник?

— Тьфу...

* * *

Ночью люди спят, коты бодрствуют. Ходит Грымза по коридору неслышной поступью и размышляет.

С хозяйкой ссориться глупо. Пусть хоть лягушек в клетках разводит, детей у нее нет, племянник только раз в неделю в гости приходит.

Ходит по коридору и прислушивается... Ах, как мыши на кухне развозились!

Ладно. Белых трогать нельзя, значит, и серых нельзя. Пищи и без мышей довольно, а за порядок в квартире пусть уж хозяйка отвечает.

И вдруг остановился, лапу поднял и замер...

— А что если к белым мышам серую посадить? Мышата у них будут полосатые, как одеяло... То-то хозяйка обрадуется! То-то кота приласкает!

Не теряя времени, скользнул он в кухню, присел за шкафом, глаза фосфором загорелись.

И дождался. Неосторожная мышь к сырной корке мимо носа пробежала, а Грымза ее за загривок — пискнуть не успела — и понес тихонько в спальню к хозяйке, чуть-чуть сквозь зубы радостно ворча.

Прыгнул на одеяло. Встрепенулась хозяйка: кто по одеялу ночью ходит?

Зажгла свет. А кот к ней ласково подобрался, на грудь ей серую мышь выпустил, хвостом виляет, благодарности ждет...

Мышь — за рубашку, хозяйка — с постели... Визг, крик, стакан с ночного столика слетел и вдребезги. Кот в страхе под комод забился, достань-ка его туфлей...

Соседняя жилица на крик прибежала:

— Что у вас тут такое?! Пожар?

— Хуже!.. Представьте себе, этот негодяй живую мышь принес и под одеяло на меня выпустил.

— Ах, какой ужас!

Поахали и разошлись. Опять темно...

Сидит Грымза под комодом и ворчит:

— Завтра же пойду по соседним домам, новую хозяйку себе поищу. Я для нее старался, живую мышь ей принес... Почему же она меня негодяем ругает?

<1926>

ДЕВОЧКА И ПОПУГАЙ

(Разговор по телефону)

Попугай: Auteuil¹, 06—94. Заснули? Мерси.

Девочка: Алло? Кто говорит? Алло? Алло-ло-ло?!

Попугай: Постой, дай же ответить. Зум говорит. Попугай Зум.

Девочка: О, Зу-ум! Голубчик... Как ты, Зум, поживаешь?

Зум: Скучаю, Катишь. С тех пор как меня, словно пепельницу какую-нибудь, подарили твоей тете,— жизнь моя надломилась.

¹ Отей (фр.) — район Парижа.

Девочка: Как, Зум, надломилась? Разве ты веточка?

Зум: Так, дружок, написано в книжке, которая лежит на ночном столике.

Девочка: Но, Зум, ты же сам ее надломил. Папа тебя, шутя, подразнил, а ты его за палец до крови цапнул. Он и сказал маме: «Или я, или Зум...» Вот тебя и отдали. Не папу же отдавать, в самом деле.

Зум: Крук! Твоему папе 32 года, а мне 98. Он передо мной все равно как маленький чижик. Как же он смел меня дразнить? И папиросный дым в меня пускать?.. Крук! Крикс! Крум-бурум-кикс!

Девочка: Пстой, пстой, Зум, не кричи, пожалуйста... Я не люблю домашних сцен. Расскажи лучше, как тебе у тети живется.

Зум: Кому она тетя, а мне посторонняя женщина. Не могу привыкнуть. Душится она какими-то восточными духами: ужасно крепко пахнут... как вспотевший жираф. Петь мне не позволяет. Чуть я начну «Мальбрук в поход собрался», она сейчас же меня из пульверизатора одеколоном... Завидует! У нее голоса нет, так и я молчать должен...

Девочка: Ты, верно, как у нас по вечерам поздно поешь, когда не разрешается?

Зум: Рикс! Не разрешается... А у меня спросили? Скучные вы люди... Живете в клетках... Вместо того чтобы языком пощелкать — в карты играете... По этажеркам не лазаете... Летать не умеете...

Девочка: Неправда, Зумик, умеем. У моей подруги дядя — летчик...

Зум: С крылышками?

Девочка: Нет! Дурашка ты какой.

Зум: Как ты смеешь 98-летнего попугая «дурашкой» называть? Рикс!

Девочка: Извини, пожалуйста. Летчик — это который на аэроплане летает. Машина такая алюминиевая.

Зум: Чайник?

Девочка: Нет! Сзади винтик, по бокам планочки.

Зум: Пробочник?

Девочка: Отстань от меня! 98 лет, а ничего не понимаешь. Алло? Зум? Что же ты не отвечаешь? Я пошутила, ты умный. Умней вороны, умней совы, умней кукушки. Умней орла. Алло? Умней страуса!

Зум: То-то.

Девочка: Зум, как это ты умудрился меня по телефону вызвать? Ведь ты на цепочке.

Зум: Когда тетка уходит, я отщелкиваюсь. И гуляю по всей квартире. На кухне сухую овсянку подклеиваю, чернослив. По коридору на салазках катаюсь, разбежусь и по паркету — флипс! Паркет скользкий. В спальне тюлевые занавески рву — тетка все дыры штопает и удивляется, откуда они берутся. Перед

зеркальным шкафом гимнастические упражнения делаю: подымание на носках и плавное приседание... Раз-два! Чуть услышу, что тетка в дверях ключом вертит, я мигом к себе на перекладину, и в цепочку лапу просуну, и глазки закрываю: будто сплю.

Девочка: Ах ты, хитрец! А у нас, Зум, новости.

Зум: Кошка в ванне утонула?

Девочка: Фи, какой ты. Зачем же ей тонуть? Совсем нет. Мама мне канарейку в клетке купила, чтоб я по тебе не скучала.

Зум: Ах, так... Рикс-рикс! Вешаю трубку.

Девочка: Зум! Алло!? Зумочка... Да ты выслушай сначала. Комик зеленый! Канарейка—это только так, между прочим, а ты моя первая и последняя любовь. Жму по телефону твою правую лапочку! Алло?

Зум: То-то. Что ж по вечерам она, небось, поет, пискуха желтая?

Девочка: Пробовала. Мама на клетку платочек набрасывала, она и перестала. А как ты с Фишкой уживаешься?

Зум: Дразню. Чуть тетка в кухню выйдет или на лестницу за булкой, я сейчас же: «гав-гав!», «тяф-тяф-тяф!». Совсем таким голоском, как у Фишки. Фишка, точно ей в нос перцу насыпали, так и залетит на всю квартиру: Ррр-наф-наф-няф... Тетка прибежит, платочек жгутом свернет и платочком ее по ушам, по ушам... Та еще пуще, тетка еще гуще... А потом обе в слезы и давай друг друга облизывать. Хорошо?

Девочка: Злюка ты, Зум. Зачем всех дразнишь? Вот за это никто тебя и не любит.

Зум: И не надо. Лишь бы ты, Катишь, любила. Я тебя никогда не дразнил... Ты что это ешь? Китайские орешки?

Девочка: Да. А ты почему знаешь?

Зум: Слышно. Да, Катишь, когда твой папа пойдет к нам, положи в карман его пальто для меня...

Девочка: Что?..

Зум: Кусочек... погоди! Тетка дверь открывает... Через полчаса позвоню.

* * *

Зум: Auteuil, 06—94. Ноль, шесть, девяносто четыре! Ноль! Шесть, девяносто четыре! Сто раз тебе повторять надо, канарейка телефонная!

Девочка: Алло! Это ты, Зумик?

Зум: Я, я. Ушла тетя с Фишкой своей к собачьему парикмахеру, Фишке модную прическу делать. Опять мы с тобой поболтать можем.

Девочка: Что ты просил папе в карман пальто положить?

Зум: Кусочек орехового шоколада. Только засунь под подкладку, чтобы папа не нашел. В книжку какую-нибудь детскую,

туда запихай. Скучно здесь очень... Часы хрипят, вода в ванной из крана капает... У меня от тоски перья из хвоста выпадать стали.

Девочка: Ах ты, бедненький! Попробуй хинной водой смазывать,— у тети на туалете стоит.

Зум: Крук! Чтобы кожу нащипало? Спасибо!.. Ты лучше скажи, елка у тебя была?

Девочка: Была. Хорошая! Девочек было... не помню сколько, мальчиков— пять. Шалить нам до десяти часов позволили... И все стулья мы в столовой перевернули, в кораблекрушение играли.

Зум: Гу! У меня от зависти сердцебиение сделалось. А у нас не то что елка— бисквита лишнего мне не дали. Фишка храпела, тетя дремала, я лапку скрючил и на перекладине сидел, как каменный. Елка! Ах, Катишь, Катишь, зачем я твоего отца за палец цапнул?.. На елку-то тебе что подарили?

Девочка: Автомобиль для куклы, зверинец, человека в толстых башмаках, который по наклонной дощечке сам вниз сходит, и голубого попугая...

Зум: Ах, вот что!!!

Девочка: Зумик, ты не ревнуй, глупенький! Попугай не настоящий, голова снимается и внутри чернильница. А перо в хвост вставляется... Он скоро разобьется, Зумик, он фарфоровый. Я тебя люблю больше, ты не бойся... Хотя бы из тебя все перышки вылезли, мне все равно. Алло?

Зум: Слышу, Катишь. Мерииа. Еще какие подарки?

Девочка: Еще, еще... Да, папа сказал, что так как я себя весь декабрь хорошо вела,— подумай, весь декабрь!— то, кроме подарка, он обещает исполнить в январе любое мое исполнимое желание... Третий день думаю, что бы мне пожелать,— все не могу придумать. Может быть, ты, Зум, мне сможешь.

Зум: Странно! Очень даже странно...

Девочка: Что странно? Почему у тебя голос такой обиженный? Окна у вас во двор, квартира сырая, вот ты, Зумик, все и куксишься.

Зум: При чем здесь квартира? Еще спрашивает, почему голос обиженный! И ты не догадалась пожелать, чтобы меня вернули к вам домой? Конечно... Если в доме завелась канарейка и фарфоровый попугай с чернильницей в животе, стоит ли думать о старом, несчастном 98-летнем друге...

Девочка: Зум, милый! Я бы пожелала. Я бы страшно-страшно пожелала, но... Как же папа тебя обратно возьмет, если он сам подарил тебя тете?

Зум: Не твоя забота, Катишь. Рикс! Сама она меня отдаст. Просить будет, умолять будет,— взяли бы только...

Девочка: Ты что-нибудь нехорошее затеял? Перья у нее из подушки выпустишь? Фишке глаз выклюешь?

Зум: Что ты, что ты! Не бандит я в самом деле. С сегодняшнего вечера, когда тетка за свои пасьянсы сядет, я и начну...

Девочка: Что начнешь, Зумик? Алло? Ты хочешь, чтобы я умерла от любопытства?

Зум: А вот... Только она за пасьянс, а я: «Хочу к Кате. Хочу к Кате...» Тридцать раз, девяносто раз! Пока она из себя не выскочит. И есть перестану, пить перестану, одна попугайская тень от меня останется. Утром она — за кофе, а я опять: «Хочу к Кате», она — за обед, а я опять, она — за ужин, а я опять. Прямо она позеленеет, нервы у нее как бешеные пружинки сделаются, сорвется и побежит к твоему папе: «Умоляю тебя, возьми свой подарок обратно, или я выброшусь из первого этажа на улицу!» Хорошо?

Девочка: О! Конечно, она не выдержит. А если она рассердится и тебя зонтиком по голове хлопнет?

Зум: Пусть только хлопнет! Я такой крик подыму, что все соседи и ажан с улицы сбегутся... И сейчас же я позвоню в «Общество защиты попугаев от бесчеловечного обращения»... У меня и телефон на обоях под вешалкой записан.

Девочка: Гм... А если папа не согласится тебя принять и распорядится, чтобы тебя отправили в зоологический сад?

Зум: Ни в коем случае! Я там жил сорок лет тому назад. Спасибо! Пахнет керосином и устрицами, кормят одним конопляным семенем, и птицы орут, как пьяные матросы... И... там нет тебя!.. Слышишь, Катишь?

Девочка: Слышу, Зум. Ты очень нежная птичка.

Зум: Мерси. Никуда меня папа твой не отправит. Во-первых, если он благородный папа, он должен сдержать свое слово и исполнить твое исполнимое желание. Во-вторых... пусть дразнит, пусть не дразнит,— я его больше за палец цапать не буду. И петь буду только тогда, когда он на службу уходит... Так ему и скажи. Рикс! Прощай, Катишь,—тетка по лестнице подымается... ноги о подстилку вытирает. Алло? Ты слышишь? Я уже начинаю... Хочу к Кате! Хочу к Кате!! Хочу к Кате!!!

<1927>

ХМЕЛЬ

(Русская сказка)

Шел-брел богатырь пеший —
Подшутил над ним лесовик-леший:
Прилег он в лесной прохладе,
А леший подкрался сзади,
Коня отвязал
И в дремучую чащу угнал...

Легко ли мерить версты ногами
Да седло тащить за плечами?
Сбоку меч, на груди кольчуга,
Цепкие травы стелются туго...
Путь дальний. Солнце печет.
По щекам из-под шлема струится пот.

Плянь, на поляне под дубом
Лев со змеею катаются клубом,—
То лев под пастью змеиной,
То змея под лапою львиной.
Стал богатырь, уперся в щит,
Крутит усы и глядит...
«Эй, подсоби! — рывкнул вдруг лев,
Красный оскаливши зев,—
Двинь-ка могучим плечом,
Свистни булатным мечом,—
Разруби змеиное тело!»
А змея прошипела:
«Помоги одолеть мне льва...
Скользит подо мною трава,
Сила моя на исходе...
Рассчитаюсь с тобой на свободе!»

Меч обнажил богатырь,—
Змея, что могильный упырь...
Такая ль его богатырская стать,
Чтоб змею из беды выручать?
Прянул он крепкой пятою вбок,
Гада с размаха рассек поперек.
А лев на камень вскочил щербатый,
Урчит, трясет головой косматой:
«Спасибо! Что спросишь с меня за услугу?
Послужу тебе верно, как другу».
«Да, вишь, ты... Я без коня.
Путь дальний. Свези-ка меня!»

Встряхнул лев в досаде гривой:
«Разве я мерин сивый?
Ну что ж... Поедем глухою трущобой,
Да, чур, уговор особый,—
Чтоб не было ссоры меж нами,
Держи язык за зубами!
Я царь всех зверей, и посмешищем стать
Мне не под стать...»
«Ладно,— сказал богатырь.—
Слово мое, что кремень».
В гриву вцепился и рысью сквозь темную сень.

У опушки расстались. Глядит богатырь —
Перед ним зеленая ширь,
На пригорке княжий посад...
Князь славному гостю рад.
В палатах пир и веселье,—
Князь справлял новоселье...
Витязи пьют и поют за столом,
Бьет богатырь им челом,
Хлещет чару за чарой...
Мед душистый и старый
И богатырскую силу сразит.
Слышит — сосед княжне говорит:
«Ишь, богатырь! Барыш небольшой.
Припер из-за леса пешой!
Козла б ему подарить,
Молоко по посаду возить...»
Богатырь об стол кулаком
(Дубовые доски — торчком!)
«Ан врешь! Обиды такой не снесу!
Конь мой сгинул в лесу,—
На льве до самой опушки
Прискакал я сюда на пирушку!»
Гости дивятся, верят — не верят:
«Взнуздать такого, брат, зверя!..»
Под окошком на вязе высоко
Сидела сорока.
«Ах, ах! Вот штука! На льве...»
Взмыла хвостом в синеве
И к лесу помчалась скорей-скорей
Известить всех лесных зверей.

Встал богатырь чуть свет.
Как быть? Коня-то ведь нет...
Оставил свой меч на лавке,
Пошел по росистой травке
Искать коня в тущобе лесной.
Вдруг лев из-за дуба... «Стой!
Стало быть, слово твое, что кремь?...»
Глаза горят... Хвостом о пень.
«Ну, брат, я тебя съем!»
Оробел богатырь совсем:
«Вина,— говорит — не моя,—
Хмель разболтал, а не я...»
«Хмель? Не знавал я такого»,—
Лев молвил на странное слово.
Полез богатырь за рубашку,
Выгацил с медом баклажку,—
«Здесь он, хмель-то... Отведай вина!

Осуши-ка баклажку до дна».
Раскрыл лев пасть,
Напился старого меду всласть,
Хвостом заиграл и гудит, как шмель:
«Вкусно! Да где же твой хмель?»

Заплясал, закружился лев,
Куда и девался гнев...
В голове заиграл рожок,
Расползаются лапы вбок,
Бухнулся наземь, хвостом завертел
И захрапел.
Схватил богатырь его поперек,
Вскинул льва на плечо, как мешок,
И полез с ним на дуб выше да выше,
К зеленой крыше,
Положил на самой верхушке,
Слез и сел у опушки.
Выспался лев, проснулся,
Да кругом оглянулся,
Земля в далеком колодце,
Над мордою тучка несется...
Кверху лапы и нос...
«Ах, куда меня хмель занес:
Эй, богатырь, давай-ка мириться,
Помоги мне спуститься!»
Снял богатырь с дерева льва.
А лев бормочет такие слова:
«Ишь, хмель твой какой шутник!
Ступай-ка теперь в тростник,
Там,— болтала лисица,—
У болота конь твой томится,
Хвостом комаров отгоняет,
Тебя поджидает...»

<1926>

ЧУДЕСНЫЙ АЛМАЗ

(Итальянская сказка)

Беден был старик Аньело,—
Все имущество — петух.
Старичок ел кукурузу,
А петух червей и мух.
Наконец бедняк решил:

«Денег нет... Я слаб и стар.
Понесу-ка в среду утром
Петушка я на базар.
Кукуруза на исходе!
Раздобудусь табачком
И неделю буду кушать
Тыкву с сахарным песком».

Две колдуньи на базаре
Хвост приметили в руке...
«Петушок?» — и загалдели
На волшебном языке.
Но старик был сам не промах,
Колдовской он понял сказ:
В голове у этой птицы
Был чудесный скрыт алмаз!
Кто в кольцо его оправит,
Сразу тот всего достиг —
Все, чего не пожелает,
Он получит в тот же миг.

Сбыть за грош такое чудо,
Чтоб из тыквы кашу есть?
Через вал тайком с базара
Поспешил он перелезть...
Под платаном у фонтана
Птице голову свернул,
Раздобыл алмаз чудесный
И в тряпицу завернул...
Прибежал, вприпрыжку, в город:
«Мастер! Сделай мне кольцо!»
На заре домой вернулся —
На щербатое крыльцо.

«Эй, кольцо! Верни мне юность,
Выстрой замок со стеной...
А красотка-королевна
Чтоб была моей женой!»
Повернул кольцо, и диво:
Нет морщин, глаза горят...
В алом шелковом камзоле
Он стоит среди палат.
Молодая королевна,
Губки бантиком сложив,
Говорит: «О, мой Аньело,
Ты, как яблочко, красив...»

Две колдуньи злей гадюки:
Клад уплыл у них из рук!
Сшили куколку — и в замок
Сквозь каминный влезли люк...
Кукла пляшет, лентой машет,
Вальс в животике звенит:
Эта кукла королевну
Приманила, как магнит...
«Сколько стоит?» — «У Аньело
На мизинце есть алмаз:
Как уснет, сними колечко,—
Нам за куклу в самый раз!»

Королевна как ребенок:
Маком вспыхнуло лицо,—
Из-под полога цветного
Ведьмам вынесла кольцо...
И глядит... старухи скрылись,
Дом — сарай из старых плит...
За холщовой занавеской
Кто-то тоненько храпит.
Подошла: на грязных досках
Старый дед, сморчок сморчком...
Гневно хлопнула калиткой
И ушла в отцовский дом.

Ест Аньело кукурузу
Со слезами пополам.
Королевы нет как нету...
Сколопендры по углам.
Вместо замка — жалкий домик,
Лоб в морщинах, череп гол...
Вдруг мышонок из-под бочки
Со скамейки влез на стол.
«Эй, старик! Ты к нам был ласков...
Есть в горах мышиный край,
Отправляйся в наше царство,
Там помогут... Не вздыхай!»

Близ лазейки в мышье царство
У мышей был свой кордон.
«Кто идет? — спросила мышка.—
Не кошачий ли шпион?»
Набежал народ хвостатый...
«Ба, Аньело? В добрый час!
Отдохни у нас покуда.
Хочешь сыра и колбас?
Не горюй,— алмаз добудем,

Снарядим мы двух мышей:
Не видать кольца колдуньям,
Как своих свиных ушей!..»

Мыши рысью в путь пустились.
Вот и черный дом в лесу.
Две колдуньи спят на шкуре
С паутиной на носу...
У одной алмаз на пальце.
Мышка палец стала грызть...
Полусонная колдунья
Хватъ рукой себя за кисть:
На пол сбросила колечко,
А другая мышка вмиг
Подхватила светлый перстень
И в окно горошком шмыг...
«Получай!» Аньело ходу, —
Побежал домой, как волк.
Повернул кольцо вокруг пальца:
Снова замок, слуги, шелк...
Молодая королева,
Взор смущенно опустив,
Говорит: «О, мой Аньело,
Ты, как солнышко, красив!»
Помирились... Что ж тут делать?
А старух за злую прыть
Приказал кольцу Аньело
В двух верблюдииц обратить.

Все? Не все. Постой немножко...
Благодарность — первый долг.
Кликнул утром слуг Аньело
И сказал: «Возьмите в толк! —
Отправляю в мышье царство
С провиантом семь подвод:
Две с ослиной колбасою,
Две с зерном — на целый год,
Две с голландским старым сыром
(Мыши страшно любят сыр), —
А в последней — кукуруза
И отборнейший инжир».

ЧУДЕСНОЕ ЛЕТО

Повесть для детей

ТРОТУАРНЫЙ КЛУБ

Игорь живет в тупичке, в старом солидном, сером доме. Окно в столовой непрозрачное, все в матовых квадратиках, по которым нарисован усатый, взбирающийся до самого верха виноград. Но если окно чуть приоткрыть (ведь на улице тепло) — видно все, что на улице делается. Благо подоконник почти у самого тротуара, в нижнем этаже. А совсем открывать окна нельзя, потому что прохожие не должны знать, что в чужой квартире делается. Не полагается.

Справа и слева такие же серые парижские дома-близнецы. Но перед шестиэтажными строгими стенами зеленеют веселые платаны. В пыльной листве копошатся воробьи, перелетают с ветки на ветку, рассказывают друг другу воробьиные новости. Порой какой-нибудь любопытный воробей наклонит с нижней ветки голову и внимательно смотрит бисерными глазками на тротуар: что за возня внизу, чего это дети, как воробьи, с места на место перепархивают? Только мешают крошки подбирать... Хотелось бы воробью вмешаться в детские игры, да страшно, еще хвост оттопчут, или в рот кому-нибудь влетишь с разгону. Дети ведь в воробьиных глазах — великаны. Все равно как нам бы вздумалось с допотопными мамонтами поиграть: интересно, но разве решишься?

Мальчик, смотревший из окна, вздохнул. Он тоже не решался в детскую уличную возню вмешаться, но причины у него были свои, не воробьиные. Он только-только начинал еще говорить по-французски. Как же играть, когда ты вроде глухонемого? Французские мальчики спросят: «Как тебя зовут?», а ты смутишься и ответишь: «Половина двенадцатого». Жили-жили в Болгарии, только научился болтать по-болгарски, тронулись в Берлин. Осилит, было, немецкий, — сочинение даже писал, про честную немецкую собаку, которая у воришки сосиски вырвала и колбаснику назад принесла... Трах, в Париж месяц тому назад переехали. Чего это взрослые, как галки, из страны в страну перелетают?

И почему бы во всех странах жителям по-русски не говорить? Язык ясный, симпатичный. Звери все, наверно, по-русски думают. Окончания на конце. Сразу узнаешь, что курица женского рода, а петух мужского. Все это дурацкая вавилонская башня наделала. Наверно, до нее все по-русски говорили, и детям не надо было каждый год, в каждой новой стране себе язык переделывать...

По асфальту мимо окна с грохотом прокатила тройка мальчишек на роликовых коньках. Отвинтить разве колесики у кресел и приладить такие коньки и себе? Нельзя. Кресла хозяйские. Да и винты длинные, в пятку вопьются.

Игорь встал, натянул на светлую головешку синий колпачок и, показав самому себе в надкаминном зеркале язык, пошел к дверям.

* * *

В парадных, просторных сенях чисто и светло. Налево зеркало,—можешь любоваться на себя с головы до ног, если тебе нечего больше делать. Направо дверь в консьержкину клетушку. Сквозь занавеску все видно: маленькая полная женщина сидит перед столом и пудрит носик. Когда ни пройдешь, все пудрит. Сбоку за колонкой—черная колясочка. Это для японского младенца, который живет во втором этаже: очень серьезный младенец... Сколько Игорь над ним пальцами ни щелкал, ни за что не улыбнется. Слева у стены клетка с канарейками. Поют-разливаются, будто и не в темнице живут...

В правом прохладном углу за откинутой к стене дверью—кукольная спальня. Жильцы, серьезные, взрослые люди, проходят один за другим на улицу и ничего не замечают. А Игорь знает. Там драма: кукла при смерти.

Он прислонился к косяку двери и стал смотреть.

Консьержкин мальчуган из соседнего дома—доктор по детским болезням. Кукольная мама, дочка консьержки, которая пудрила носик, очень обеспокоена: у ее куклы лопнула голова... Может быть, прищемило дверью, куклы ведь так неосторожны, вечно суют голову, куда не нужно.

Доктор озабоченно заглянул в дырку на лбу: пусто. Вытащил из-под кукольной кровати коробку с лоскутками, достал свой хирургический прибор—сломанную зубную щетку и стал советоваться с девочками. С кукольной мамой и с кукольной нянькой, дочкой углового парикмахера.

Какого цвета лоскуток запихать в продавленную голову? Вы скажете—все равно какой, ведь лоскуток же внутри. Но наружу из головы горбик торчать будет?.. Обязательно будет.

Доктор выбрал черную тряпочку. Мальчики, как известно, совсем не понимают, что к чему идет, что не идет. Кукольная нянька нашла, что если волосы лимонного цвета, то дырку в голове надо заткнуть лиловым. А мама подобрала к кукольным васильковым глазам кусочек малинового атласа, прошитого серебряным бисером. И так как она была мама, а нянька и доктор люди приходящие, наемные—то она, конечно, настояла на своем.

Игорь подсел к малышам. Все трое были меньше его и, пожалуй, французских слов знали не намного больше. А склоня-

ли и спрягали, как Бог на душу положит... Малыши раздвинулись, дали русскому мальчику место. И дело нашлось: пусть будет вроде санитаря и держит куклу, чтоб она ногами не брыкалась, пока ее оперировать будут.

Кукла перенесла операцию легко. Даже не пикнула. И очень похорошела. Каждый похорошеет, если ему в лоб вставить малиновую затычку, да еще с бисером.

Дети тихо посидели на корточках около кровати, подождали, пока кукла уснет, и бесшумно один за другим выскользнули из-за двери на улицу. Игорь за ними. Солнце, широкий тротуар, зеленые лапы платанов медленно ходят над головой, вдали на скамейке — представление!

* * *

Парижская уличная скамья раскрывается на два крыла: доска направо, доска налево. Посредине перекладина, чтобы люди, сидящие спиной друг к другу, могли облокачиваться и читать свои газеты, как в домашнем кресле.

Но уличная детвора завоевала скамью против старого серого дома совсем не для того, чтобы на ней рассаживаться, рассматривать свои стоптанные каблуки и читать про английского чудака, который на пари восемнадцать сигар, не вставая с места, выкурил. У детей совсем другие занятия.

Иногда скамья превращается в трапецию. На перекладину взбирается сын сапожника, мальчик с обвязанными во все времена года ушами. Он садится на ребро доски верхом, скрещивает под ней ноги, переворачивается головой вниз и висит так, как теленок в мясной лавке на крюке. Рядом с ним обыкновенно подвешивается кукольная мама, дочка консьержки: висит и, как ни в чем не бывало, сосет свой леденец на палочке. Прицепится еще кто-нибудь, девочка или мальчик, и так во всю длину перекладины... Воображают ли они себя обезьянами, которые, зацепившись хвостами за лианы, покачиваясь, отдыхают после обеда? Или им кажется, что они табачные листья, подвешенные для просушки под крышу мексиканской веранды? Они ведь все бывали уже в кинематографе и немало уже путешествовали, сидя перед экраном, по Божьему свету... Дети висят-покачиваются, воробьи удивленно смотрят с платанов. Какой-нибудь старичок с газетой покрутится вокруг скамьи, покачает головой. Ведь это же вредно висеть так головой книзу, наливаясь, как помидор, багровым румянцем... Но старичок судит по себе: он бы и полминутки не выдержал. А малышам хоть бы что, — по три минуты висят и по пяти, пока кто-нибудь из детей не дернет за воротник, чтобы уступили очередь. Надо же и другим повисеть.

Игорю игра эта не очень нравилась. Как-то под вечер, когда его послали в лавочку за простоквашей, на скамье никого не было. Повисел он так по-мартышечьи под перекладиной — ничего хорошего. Ноги болтаются (конечно, у него ноги не такие

кудые, как у малышей). Электрический фонарь над платаном раздвоился, в глазах искры танцуют. Над головой с верхнего балкона затыкала собака. И совершенно ясно было Игорю, что собака над ним насмехалась: «Такой большой, тыв, и такой глупый!..»

Но сегодня игра была забавная. Скамья превратилась в пароход. Капитан и матросы стояли на досках справа и слева. У взрослых полагается, чтобы капитаном был мужчина, но на этой скамье ни один мальчик не сумел взять в руки капитанскую власть... Два мальчика изображали пароходную трубу: один, с завязанными ушами, поднял кверху палку с напаянной на нее шапкой; другой, сын трактирщика, гудел. Мальчишка из аптеки, которого послали с поручениями, по дороге вскочил на скамейку и застучал ногами: он подражал машине. И в карманах его куртки так весело зазвякали пузырьки с лекарствами... Две девочки-капитанши командовали. Одна кричала: «Полный ход!» Другая: «Стоп!» Третья на полном ходу соскочила с парохода, побежала к матери в парадную дверь, получила банан и, на полном ходу снова взобравшись на палубу, тоже стала что-то такое командовать. Что она командовала — нельзя было разобрать, потому что, когда рот набит бананной кашей, вы сами понимаете, произношение становится неясным.

Игорь с независимым видом прошел мимо парохода три раза, четыре, пять. Но к нему и головы никто не повернул. Обидно. А лезть самому на чужой пароход, когда тебя не приглашают, неудобно... Он сунул руки в карманы штанишек и, гордо посвистывая, перенес ногу через решетку окна и спрыгнул в столовую.

* * *

В руках французская книжка. Ветер перевернул страницу, точно рассердился, что русский мальчик так долго сидит над тремя строчками, никак не может перевести. Игорь хочет сделать маме сюрприз — она вернется из города усталая, расстроенная, а у него готов перевод. Целый рассказ в шестнадцать строк. Но как трудно! В красном словарице одно слово «s'enfoncer» имеет три значения: погружаться, углубляться, проваливаться. И ни одно не подходит... А прилагательное «vaste» прямо в ужас приводит: обширный, пространный, огромный, громадный... Слон, например. Громадный он или обширный?

Игорь закусывает для удобства язык и медленно, буква за буквой, выводит:

«Госпитальная зала.

Зала высока и пространна. Она длинная и продолжается в другую, где она проваливается без конца. Делается ночь...»

В такой зале больные, верно, никогда не выздоравливают. Игорь задумчиво грызет ногти и роняет книгу на паркет.

За окном раздается легкий шорох, будто кто трет тротуар мокрой тряпкой. Игорь осторожно высовывает в щелку нос. Пароходная компания уже разбежалась. Но под самым окном по асфальту ползает сын трактирщика.

Ползает не потому, что он грудной младенец, совсем нет, ему шесть лет, и он бегаёт так быстро, что может даже трамвай перегнать. Он рисует. В руке у него кусок мела, в зубах угольный карандаш. Можно бы ещё взять две-три палочки цветной пастели, но второй рукой мальчик упирается об асфальт, а рот у него всего один.

Мальчик нарисовал спальню, кабинет, ванную комнату, салон, кухню, переднюю. И чтобы никто не ошибся, над каждой комнатой надпись. Это вполне заменяет выставочный каталог.

Посреди кухни художник нарисовал рояль, похожий на задумчивого жирафа. Кровать, на которой из-под одеяла высовывали головы пять человек, поместил в ванной комнате: чтобы удобно было прямо из ванны забираться в постель. В спальне стояла клетка с попугаем, а может быть, и со страусом, а может быть, и с жеребенком. В салоне сидела прикованная к стене собака, перед ней на полу стояла швейная машина. Словом, мальчик перестроил по-своему всю человеческую и собачью жизнь. Жить так, как все, скучно... Почему не поиграть в кухне на рояле, пока на плите варится противный суп?

Девочки — кукольная мама и кукольная нянька — заложив за спину руки, серьёзно расхаживали вдоль картин. Рядом с салоном оказалось местечко. Они присели на корточки, взяли у художника мел и пририсовали комнату для куклы. Одно окно сделали на полу, другое на потолке. В углу нарисовали большую плевательницу, на которой, чтобы не было сомнений, написали: «ванна».

Прохожие осторожно обходили картины, чтобы не наступить на кровать с пятью головами и на страуса в клетке. А мальчик перестал, наконец, ползать, встал, недовольно посмотрел по сторонам и спросил:

— Где мой сэндвич?

Ведь сэндвич, толстый сэндвич с сыром и маслом, лежал все время рядом на тротуаре. Не ветер же унес его... И не воробьи. И не девочки... Девочки — соседки и никогда на такой шаг не решатся. Раздавил кто-нибудь из прохожих? Но тогда на тротуаре бы осталась плоская лепешка, вроде раздавленной жабы... Странно.

У парадной двери лежал щенок волчьей породы. Он вскинул ухо, вытянул, как сфинкс, передние лапы и невинно смотрел на облака. Одно облако было похоже на бульдога, другое — на грузовой автомобиль...

Сын трактирщика посмотрел на щенка. Подошел ближе, наклонился: на собачьих губах ни одной крошки. Странно...

Смотревший из окна русский мальчик улыбнулся. Он ведь все видел. Раскрыл было широко окно, раскрыл рот, но потом одумался. Шенок так умильно смотрел на него, так просил глазами: «Не вмешивайся! Сандвич лежал на тротуаре,—я думал, что он ничей...»

Игорь захлопнул окно, поднял книгу и снова углубился в свою «пространную госпитальную залу».

II

НЕЖДАННО-НЕГАДАННО

Мимо окон проходят чужие, равнодушные люди с палками и зонтиками в руках. Часто встречаешься с ними, сидишь безмолвно рядом от станции до станции в вагонах трамвая и метро. Но иногда то тот, то другой новый человек приходит в дом, улыбается, шутит, весело тебя разглядывает, и сразу чувствуешь себя с ним точно с давно знакомым пуделем. Обиды никакой, одно удовольствие. И еще какое удовольствие!

Как-то отец Игоря пришел перед обедом с маленьким круглым человеком. Звали его Альфонс Павлович Жиро,—имя, отчество и фамилия тоже были какие-то кругленькие и вполне к нему подходили. Подстриженные с сединой усы, добродушные острые глазки, пробор ровной грядкой, плотный пиджачок, с одной, словно кнопка, прижатая к животу, пуговицей, веселый розовый носик. И взрослый (усы ведь седые), и будто только вчера лицей кончил.

Мама быстро сняла в коридоре кухонный передник, поправила перед зеркалом развинтившийся чубик и пришла познакомиться.

— Это Альфонс Павлович! Помнишь?..

Как ей не помнить... Хоть и никогда в жизни его не видала, но сколько раз и она, и Игорь слышали о нем, о петербургском Альфонсе Павловиче, который учился с отцом Игоря в Лесном институте. Не только учился, жил вместе на Выборгской стороне в одной комнатухе, питался общей чайной колбасой и для развлечения вместе со своим приятелем обучал хозяйского кота жевать табак...

Игоря тогда и на свете не было, с ангелами еще в пятнашки играл. Но не раз, слушая рассказы отца, он вздыхал и завидовал: вот бы и ему тогда пожить со своим студентом-отцом и Жиро на полной воле... Пуговицы бы он им пришивал, боксировали бы все троим вместе. Мало ли удовольствий...

Но и седоватый Альфонс Павлович был приятен. По-русски, хоть и француз, говорил четко и звонко: не надо себе с ним язык ломать и складывать на чужом языке колченогие, дубовые фра-

зы. За ворот Игорю сейчас же сунул он исподтишка лимонное зернышко — другой три года будет знаком, а этого не делает.

Обедали оживленно, будто и не в скучной столовой с хозяйскими прабабками на стенах, а в лесу, на лужайке. И закуски принес с собой отец Игоря особенные: должно быть, «лесные» студенты всегда такие ели. Фаршированный перец в томате, маленькие рыжики, которые все из-под вилки ускользали, еще тепленькие пирожки с капустой, пакетик с рахат-лукумом. И узенькую бутылочку с рябиновой водкой... Впрочем, бывшие студенты нашли, что эта рябиновка вроде настойки на божьих коровках. Можно ли ее с шустовским нектаром сравнить! Игорь даже и сравнить не мог: той не пил, а этой не дали.

После обеда уселись на диване, под Жиро так пружины и охнули. Он подогнул под себя маленькую ножку, закурил и, продолжая разговор, начатый еще в трамвае, плавно заговорил:

— «Судьба играет человеком»... Встретились мы с тобой в писчебумажной лавке. Могли и еще десять лет жить в одном районе и не встретиться. Я у себя дома, во Франции. Ты — новый гость. И пока устроишься, немало побарахтаться придется. Вот я повторяю, чтобы и твоя жена слышала, решать ведь все равно ей придется. Игорь, по глазам вижу, конечно, на моей стороне будет. Правда?

— Правда, — ответил быстро Игорь.

И подумал: «А вдруг француз предложит поехать всем вместе в Африку и там рябиновый завод для чернокожих открыть? Вот здорово бы было!»

— Чудесно. В часе езды на север от Парижа у меня именице. Усадьба. Дом, флигель, огород, пруд, парк. Куры, корова и прочие полезные жители. Персонал, кроме садовника-бельгийца, русский. Укладывайтесь и переезжайте пока что. Меня ничуть не стесните, я уже говорил. Я на все лето уезжаю по делам в Марсель. И только рад буду, если вы, — обратился он к маме Игоря, — там за всем немного присмотрите... Вы с хозяйством знакомы?

— Да... — ответила она и покраснела. — У нас была под Харьковом небольшая усадьба.

Дальше разговор пошел несуразный. Отец уверял, что это неудобно, что они будут в тягость, «с какой, мол, стати»... Альфонс Павлович сердился и говорил, что это глупо, что ему, напротив, очень-очень выгодно, если они поедут... И только мама, мудрая мама, молчала: лицо ее просияло улыбкой, а в глазах показались и медленно поползли по щекам крупные слезы: так летом иногда бывает — и солнце, и дождик в одно время...

Альфонс Павлович вскочил с места, поцеловал обе мамины ручки, потом расцеловался нос в нос с отцом, потом зажал голову Игоря под мышкой, будто собирался ее отвинтить.

— А ему как хорошо будет! Смотрите, какой он у вас: будто стручок бобовый. Желтый, длинный... Что же тут в клетке сидеть!

— Совсем я не желтый.

— Ну, зеленый. Это тоже, брат, для мальчика цвет не подходящий...

И все засуетились и развеселились. Альфонс Павлович предложил всей компанией в театр поехать. Игорь, конечно, к компании не относился. Он хотел было надуться, но передумал: стыдно. Француз его уважать не будет.

Улучил минуту и подошел в передней к маме.

— Ты мне позволишь?

— Что, Игруша?

— Прощальный кутеж сделать... Рахат-лукум остался. Орехи в буфете. У меня тут на улице своя компания есть... Мы будем кутить тихо... Можно?

— Можно, можно. Сегодня все можно...

Ушли. Кивнули в окно, взяли такси и укатили. Мальчик достал из буфета тарелочки и орехи. Пересчитал орехи и кусочки рахат-лукума. Хватит на всех! Один кусочек даже лишний остался — подумал и съел.

* * *

Через несколько дней все было уложено до последней пуговицы. Привыкли укладываться, — не в первый раз. Игорь завернул в газетные бумажки фамильный фарфор: гарднеровское блюдечко без чашки, веселого мастерового-гармониста, пузатый заварной чайник с розаном, три синих щербатых блюдечка для варенья. Все это русское добро, переезжавшее с ними из страны в страну, осторожно рассовал между своими тетрадками, альбомом с марками и учебниками. Затянул аккуратно свою плетушку ремнем и, когда такси тронулось с места, поставил корзиночку к себе на колени с такой осторожностью, точно соловьиные яйца в ней вез.

Помахал рукой кувыркавшимся на скамье знакомым детям, консьержке, высунувшейся из окна, починщику фарфора, сидевшему на табуретке у стены... Вздохнул, вот и еще одна страница пестрой детской жизни перевернулась. И до самого Северного вокзала не сказал ни слова. Мама смотрела в другую сторону, думала о своем. А он ни улиц не видел, ни хрипло твякающих по бокам такси. Только мелькавшие по временам скверы да зеленые деревья вдоль набережной казались ему своими, случайно, как и он, попавшими в огромный город. Смотрел на каждый сквер и думал: больше он «их» парка или меньше? И какая там ограда? И по всем ли лужайкам бегать можно? Или тоже всюду запретительные таблички понатыканы...

У вокзала точно дагомейского короля встречали: суетились, бегали, подъезжали. Носильщики на детских грузовичках разъезжали среди людей, — ни пара, ни газа. Пружина такая под ними, должно быть, на сутки заводится. Подъехал отец на втором

такси с сундуками, которых бы на двух верблюдов хватило. Бережно зажав под мышкой свою драгоценную плетушку, Игорь сунулся было к пестрому игрушечному ларьку против кассы, но испугался... Потеряешься, как мышь в пампасах, вот тогда и попрыгаешь. Даже собачонки на цепочках и те к ногам хозяев жмутся.

Сколько касс—и в каждой по голове, сколько путей—у каждого по бокам два поезда... Мама попросила его постоять у вещей, у входа в комнатку третьего класса,—мамы ведь всегда в последнюю минуту то шоколад, то мятные лепешки покупают. Он покраснел и храбро остался. Ничего. Вон в углу тоже девочка одна на вещах сидит и даже беспечно ногами по корзине барабанит. Посчитал вещи: двенадцать, под мышкой—тринадцатая. Нехорошее число. Впрочем, раз под мышкой,—не считается. Через полминуты снова пересчитал: одиннадцать! Страшно испугался и оттащил вещи поменьше чуть-чуть в сторону, чтобы легче было в две порции считать. Слава Богу—опять двенадцать... А люди мимо идут-спешат, тащат чемоданы. Курицу понесли в обшитой корзиночке,—одна голова наружу торчит. Должно быть, на дачу везут поправляться. Дети среди взрослых ныряют... и мам их не видно. Вот отчаянные.

Что же это никого нет? А что... если мама забыла, где она Игоря оставила с вещами? Она ведь такая рассеянная... Мальчик похолодел, даже пальцы у него склеились. Побегать ей навстречу? А вещи?... А если он с ней разоидется? Нет, нет. Надо стоять. Можно будет подойти к первому доброму носильщику, вон тот толстый, наверно, добрый. И сказать: «У меня только два франка. Возьмите. Моя мама пошла за мятными лепешками... Уже три поезда отошло... Она в кофейной шляпке, худенькая, серые глаза... И скажите, пусть поторопится,—я очень волнуюсь».

Но как скажешь? Все французские слова со страха из головы выскочили. И худеньких дам в кофейных шляпках—одна, три, семь... И не сосчитаешь... А он даже не знает, куда они едут! И квартира их в городе уже передана...

К счастью, перед его растерянными глазами вдруг выросла милая, единственная в мире фигурка.

— Мама! Как ты долго!..

Она посмотрела на мальчика, поняла и ласково потрепала шоколадной плиткой по порозовевшей щеке.

— Дурашка... Испугался? В первый раз едем?

— Ничуть не испугался. Три поезда уже уехало, четвертый свистит. Где папа?

— Сзади идет. С Альфонсом Павловичем. Это поезда не наши, наш на последней платформе. Еще четверть часа осталось...

Показался кругленький Альфонс Павлович, улыбнулся в просвете между двумя толстыми дамами, и сразу на душе покойно стало: он француз, он здешний, он все знает.

Пошли к последней дачной платформе. Багаж увезли вперед. Все купе, точно пустые купальные кабинки, стояли с настеж раскрытыми дверцами,—выбирай любое. Пошли к одному—никого. Потом почему-то к другому. Ведь вот, говорят, что мальчики бестолковы.

Остановились на третьем. Уселись. Игорь свою корзиночку опять себе на колени поставил, но Альфонс Павлович засмеялся и положил ее осторожно в сетку над головой.

— Динамит у тебя тут, что ли?

Игорь вежливо улыбнулся. Его душа уже давно улетела вперед, а на мягком диванчике, с салфеточкой на спинке, осталась только окаменелая скорлупка. Он рассеянно простился с Альфонсом Павловичем, как во сне услышал паровозный свисток. Удивленно прочел надпись на дверцах купе: «Не позволяйте детям играть ручкой». Железнодорожный инспектор, должно быть, сам в детстве за все ручки хватался, иначе не стал бы такие глупые надписи придумывать.

Серые дома, серые стены, серые откосы с ключьями курчавой пыли по бокам, мост, платаны, внизу человечки... Заводские бараки и трубы, ржавые бочки на земле, битое стекло, а вперемежку за забором такая веселая, буйная трава и косматая грядка кустов, будто лохматый затылок мальчика, которого не стригли два месяца.

Побежали поселки рабочих, шалашики и беседки. Как смешно и как уютно... Будто цыгане какие-то, которым сказали: стоп, снимайте с ваших кибиток колеса и дальше ни с места! На грядках—салат, бобы. Как они поливают? Ведь ступить негде... Должно быть, из оконца высовывают лейку с длинной-длинной шейей. Что ж, хорошо и такую дачку иметь: разляжешься на собственном крылечке, ноги на забор, а по тебе любимая курица ходит, пасется...

У ручья приветливо помахал вершиной, будто зеленым платочком, дуб. За щербатой оградой мелькнула старая, похожая на солидную бонбоньерку, усадьба. Не в такой ли они будут жить?

Пегая корова добродушно подняла морду, махнула хвостом и посмотрела на поезд. Игорь незаметно, чтоб взрослые не засмеяли, помахал ей кончиками пальцев: «Здравствуй, здравствуй!» А может быть, эта та самая, чье молоко каждое утро в Париже к дверям ставили?..

Уже глаза, утомленные неоглядной зеленой и голубой краской, стали нырять в подводное сонное царство; уже голова, сползая по салфетке набок, все чаще стала прислоняться к теплому маминому плечу. Но толчок. Вагон вздрогнул и остановился. Мальчик встрепенулся и спустился по ступенькам на платформу, бережно принимая на растопыренные руки свою драгоценную плетушку с фарфоровыми пустяками и учебниками.

Из всех купе повылезли французы, и сразу они стали совсем другими, чем в Париже: проще, добродушнее. И встречали их

совсем уже старомодные родственники — дамы в черных, похожих на деревенские зонтики, платьях, мужчины в просторных пиджаках и соломенных, корабликами, шляпах.

Игорь покорно шел за отцом, оберегая худенькую маму от толчков и сочувственно с ней переглядываясь. Вот и их допотопный автобус перед станционным подъездом. Вдали — чуть-чуть в гору — широкий ковер полей, извилистое, обсаженное тополями шоссе, и над ним — взбитые сливки облаков... Где же усадьба? Спряталась за перевалом, подальше от любопытных глаз?..

В автобус набились плотно-плотно. Глаза у пассажиров были веселые, добродушные. Словно одна большая семья вырвалась из города в отпуск. Затряслись на коленях в лихорадке чемоданчики и корзиночки. Застучал по крыше багаж. К ладони Игоря приклеилась носом какая-то местная путешествующая такса: должно быть, обрадовалась, что новый мальчик в их местах появился.

Как страдающее одышкой чудовище, медленно и тяжело взял автобус гору. За перекрестком дорог показалась кривая, белая лента ограды, церковка с петухом на островерхой башенке, угол каменного сарая и полукругом — лента домишек вдоль шоссе. Приехали.

Левую ногу проточили мурашки, — не пошевельнуть! Игорь обошелся одной правой. Вывалился со своей плетушкой на шоссе. Выгрузили вещи. Чудовище, чихая и рыча, уползло за лесок... Перед глазами чугунные, узорчатые ворота усадьбы: липы, зеленая полумгла, в глубине тихие, белые стены. Незнакомый широкоплечий человек приветливо машет рукой, спешит навстречу.

* * *

Душа у Игоря была маленькая-маленькая. Вроде прогретого солнцем тихого одуванчика. А вокруг, после двух тесных парижских комнат и уличного закоулка, — Бог мой, какое раздолье! Будто тебя из темного трюма на зеленый остров высадили... Что смотреть раньше? В парк побежать или к петухам за решетку?

Наскоро познакомился с широкоплечим человеком, помощником садовника. Русский. Сундуки он вносил в дом, будто они пухом набиты... Глаза добрые, на каблуках подковки, — надо будет с ним потом как следует познакомиться.

— Игорь, Игорь, куда ты?

— В парк, мамуся...

— Смотри, в пруд не свались!

— Когда ж я сваливался? Я сбоку побегаю...

Сразу же и проводник нашелся. Вежливый пудель садовника побежал вперед показывать дорогу.

Конечно, не по дорожкам бежали. Ни собаке, ни мальчику это не интересно. Влетели в гущу подсохших сосенок, — так на свободе разрослись, что одна другой солнце заслоняла...

Перелетели через березовую колоду. Пудель обернулся и твякнул из-за кустов жасмина: сюда! За кустами раскрылся, словно весь выдолбленный в гигантской ноздреватой губке, грот. Над гротом склоняла к мальчику голову толстая, цементная лань. Совсем новенькая,— должно быть, Альфонс Павлович сам себе на именины подарил... По бокам грота сочилась вода, гулко шлепалась с потолка о каменный пол. Игорь подставил голову: восемнадцать капель, больше не мог выдержать. А у входа стояла, вся перевитая вьюнком, скамья со спинкой в виде раковины. «Сюда ночью из пруда русалка приходит волосы сушить...»

Подумал и испугался. Глупости какие, чего бояться! Растянулся было на скамье, чтоб примерить, удобно ли русалке лежать. Но пуделю надоело, он повернул морду и снова твякнул: дальше!

На полянке пудель стал яростно разгребать лапами взрытый кротовый бугорок... Невидаль какая! В Булонском лесу таких бугорков сколько хочешь... А вот за стволами и луг. По краю — сонная канавка, вся испещренная тополевыми веточками. Вдали, среди сочной травы в кольце сквозной кашки и лютиков, как огромный рыжий пион, застыла корова. Подняла морду, лениво посмотрела на мальчика. В ярком солнечном свете ему почудилось, что корова смеется. Совсем, как та — на коробочке с треугольными сырками... Из-за плотной спины вытянулся сынок-теленок. Чистенький-чистенький. Будто только что из ванны. Подойти поближе? А вдруг корова даст тумака?

Пожалуй, Игорь еще бы с час на телянка любовался. Но умный пудель решил взять дело в свои лапы.

Позволил издали посмотреть на плавающий на солнце пруд и стал сердито на мальчика лаять: назад, назад!

Ему, пуделю, тоже ведь интересно на новых людей посмотреть, обнюхать их сундуки, попрыгать перед приезжей симпатичной дамой. И еще надо было мальчику птичий двор показать, познакомить его со своим другом — цепной собакой, свести на кухню, к хозяину-садовнику, показать флигель, водокачку...

Да и знакомый милый голос звал Игоря, звенел из глубины парка:

— Игорь! Несносный мальчик... Иди чай пить!

Ах, этот чай... Мальчик повернул к дому. По дороге все его тянуло свернуть то вправо к высокой сторожке у ограды, то влево в буйные заросли ежевики. Но пудель не позволил.

В столовой, среди наставленных на большом круглом столе свертков, чашек и кувшинчиков, кипел медный арбуз-самовар, весело лопотал, точно и он обрадовался русскому мальчику.

Из-за стола встала полная дама в китайских очках, взяла голову Игоря в пухлые ладони и стиснула.

— Худышка какой! Набегался? Со сливками чай будешь пить? С вареньем? Или с медом?.. Не беспокойтесь, пожалуйста-ста. Отдыхайте. Уж я его сама и напою, и накормлю.

«Экономка»,— решил Игорь. Посмотрел внимательно на ее пухлые щеки и локти и с уважением подумал: «Если бы на одну чашку весов посадить маму, папу и меня, а на другую ее,— она бы, пожалуй, перетянула...»

— Ты что же на меня уставился? Бывают, дружок, и полнее меня... Вот погоди, и у тебя к концу лета щечки нальются.

Игорь поперхнулся чаем, вспыхнул и быстро спрятался за самовар. «Мысли угадывает? Это, как в газетах, дама с соевой и с черепом... Ни за что при ней думать больше не буду!»

Только зарекся, а в голове щелкнул, неизвестно как сложившийся, глупый стишок:

У толстушки экономки
С треском лопнули тесемки...

Испугался ужасно: а вдруг угадает? Но сквозь толстый самовар мысли, должно быть, не проходили,— экономка сидела спокойно.

После третьего пирожка с мясом и второй чашки чая со сливками Игорю показалось, что пальцы у него распухли, как сосиски,— даже потрогал. А его двойник в самоваре совсем расплылся, будто его велосипедным насосом надули. Что ж это дальше будет?

Зажгли висячую спиртовую лампу. Белый колпачок засветился сквозным голубым сиянием, но глаза Игоря потухли. Растарачил их изо всех сил, ничуть не помогло. Слипаются, слипаются... Слиплись.

Экономка взяла его за руку и повела во второй этаж. Кое-как он умылся, размазал по рожице мыло, а она рассмеялась и щеки ему водой сполоснула. Стыд-то какой!

Отвела его в угловую спальню с портретом какой-то расплывающейся бабушки на стене. Зажгла ночничок, взбила подушку.

И пока она возилась, Игорь про себя упорно думал, повторял одну фразу: «Я ни о чем не думаю! Ни о чем! Ни о чем...»

Простилась и ушла.

Мальчик быстро разделся, веером разложил на диванчике платье и белье и нырнул под холодную хрустящую простыню. Зеленой каруселью завертелся в голове парк: вот верхом на цементной лани промелькнула экономка с банкой варенья в руке, за ней пудель на коленях у мамы (хитрая какая собачка!), теленок в прудовой лодке, широкоплечий человек с рыжей короной под мышкой, Альфонс Павлович на пыхтящем самоваре... Не обжечься бы! Постель Игоря,— что же ей отставать?— тоже тронулась с места и плавно понеслась по кругу за другими. Индюк внизу крикнул: «Не свались!» Не беспокойтесь, Ваше Превосходительство... Звезды над головой слились в искристый, брызжущий огнями хвост. Точно на гигантском точильном камне гигантский

нож точат. И все кругом — темный парк, светлый пруд, дом, флигель, экономка, пудель, — сразу стало своим, родным, давно-давно знакомым.

«Отчего к хорошему в один день привыкаешь, а к дурному — никогда?» — подумал мальчик, закрывая усталые глаза.

И звезды, блеснув сквозь закрытые веки, сложились в ответ в несуразное, сияющее слово:

«Глу - пы - ш к а»...

III

ИГОРЬ-РОБИНЗОН

Отец уехал по делам в Париж. Мама с экономкой ушли в соседнее местечко за покупками. Игоря не взяли, — до местечка три километра, да обратно три. Жара, он «слабый», он устанет... И не надо! Слабый... А мама не слабая? Вчера по парку и вокруг пруда он километров восемнадцать рысью проскакал. Попробовала бы экономка за ним угнаться... И потом в сарайчике на вытянутой руке жестянку с краской десять секунд держал. Слабый...

Игорь заглянул на кухню, выпросил у кухарки кусок теста, вылепил из него бюст Гоголя и поставил на скамейку сохнуть на солнце. Но пришел индюк, выругался на своем индюшачьем языке, клынул Игоря в кушак, а Гоголя съел. Дурак надутый!

На лужке за тополями паслась корова. Не очень-то с ней поиграешь в красном галстуке... У тореадора — шпага, а у Игоря только ореховый прут. И теленок ее тоже нелепое создание. Чуть увидит мальчика, сейчас же подойдет боком, защемит губами угол курточки и давай сосать. Это новую-то курточку!

И вспомнил: у пристани на пруду — лодка. Можно покачаться, половить на английскую булавку рыбу, поднять адмиральский флаг — голубой носовой платок на пруте. Мало ли что можно.

Запрещено одному кататься в лодке. Но сидеть в лодке, когда она на замке и цепочке — разговору об этом не было...

Побежал-побежал, наискось через парк, сквозь цепкую повилику, колючую ежевику, кусачую крапиву. Продрался к пристани, влез в лодку и стал воду ржавой жестянкой вычерпывать. Флаг поднял, на скамейку газетный лист подстелил — неудобно же адмиралу на мокрой доске сидеть, — сел и давай лодку раскачивать. Волны справа, волны слева, по тихому пруду зыбь побежала... Зажигательное стекло из кармана вынул и стал сквозь него вдаль смотреть, будто в подзорную трубку: на горизонте тучи, корабль скрипит по швам, в парусах штормовой ветер гудит... «Свистать всех наверх!»

И докачался. Цепочка натянулась, вырвала из трухлявого столба крючок и вместе с замком хлопнулась в воду. Обернулся Игорь — пристань в пяти шагах качается — кланяется. До свидания, адмирал!

Адмирал, однако, не растерялся, схватил со дна весло, еле поднял, хотел за пристань зацепиться — далеко... А легкий ветерок залопотал в тополях вокруг пруда и боком понес лодку на середину прямо к тенистому островку. Игорь веслом в одну сторону поболтал, в другую, весло упрямое, все норовит из уключины выскочить и мальчика рукояткой на скамейку опрокинуть. Бросил весло, притих и стал ждать, куда Бог вынесет. А сердце на весь пруд колотится.

Зашипела над лодкой зеленая лоза, кролики по кустам брызнули; лодка вздрогнула и остановилась. Остров!

* * *

Что делает в первые минуты мореплаватель, прибитый бурей к необитаемому острову? Осматривает свое владение. Игорь так и сделал. Со всех сторон вода. Посредине острова резная будка, в будке охалка старого сена. Под кустами можжевельника у самых корней притаились испуганные кролики, — это их садовник сюда перевез. Мальчик измерил остров: в длину двадцать пять шагов, в ширину — пятнадцать. Места много, очень много, — чем меньше мальчик, тем просторнее ему кажется каждый клочок земли... А вдруг там, под будкой, клад? Или вход в подземные катакомбы, которые тянутся до самого Парижа? Ай!..

Он побежал к лодке, но поздно. Ведь он же ее не привязал, — вильнула носом и отплыла!

— Настя! Я потерпел кру-ше-ни-е!!

Корова на лугу удивленно подняла морду. В парке насмешливо залопотал индюк... Кухня далеко, конечно, Настя не услышит.

Что же делать? Хныкать? Ни за что! Не могут же его здесь забыть надолго-надолго, пока у него не отрастет, как у Робинзона, большая борода... К закату вернутся родители... хватятся Игоря — ну и как-нибудь догадаются, где он... А если не догадаются? Ночевать в будке, в темноте, без ужина? Чтобы холодный уж под рубашку забрался! Уснуть, конечно, и на дереве можно. В первую ночь Робинзон всегда на дереве спит. Ну, а если он свалится в воду?

— Настя! Я потерпел...

Нет, не стоит кричать. Только индюку удовольствие, — ишь как передразнивает.

Сел Игорь на пенёк и задумался. К ногам, прыгая сквозь шершавые ветви, подобралась кролика, понюхали пятки. Странный мальчик, ничего им не привез — ни капусты, ни морковки... Игорь очнулся, хотел погладить самого маленького черного,

а они опять во все стороны так и дернули. Один серый толстяк так перепугался, что запутался в узловатых корнях и стал задними лапами о землю хлопать...

Прилетела оса. Почему у мальчиков нет крыльев? Минута — и был бы дома... Прилетела и стала вокруг носа Игоря кружиться. И сверху и сбоку, — он пересел, а она снова и снова, хоть в воду от нее прыгай... Но Игорь догадался, — вынул из кармана сладкую конфетную бумажку, положил на пень, — и оса оставила его в покое.

О! Что такое? На пруду наискось от проточного канала заструилась полоска воды, точно подводная лодка под самой водой шла... Все ближе, все ближе к островку. Игорь всмотрелся: крыса. Ага! Значит, садовник прав, они, подлые, с мельницы приплывают сюда душить кроликов.

Он ей покажет! Схватил бесстрашно камень да в нее. Второй залп!.. Третий залп! Хитрая тварь быстро спрятала усатое рыльце под воду, и шагах в десяти заструилась обратная полоска к каналу. Удрала...

Ужасно. Вдруг она ночью приведет за собой целую флотилию крыс? Приплывут и обгрызут у сонного Игоря уши. Хорошо он будет без ушей...

— Эй, там! Я на острове!..

Ни звука. Теленок подошел к воде, боднул головой тополь и вдруг, задрвав пробочником хвост, поскакал, брыкаясь, вдоль ограды парка.

Между островом и парком качается пустая лодка. Тополя кольцом обступили пруд и шелестят высокими вершинами. Хлопья тополевой ваты медленно кружатся над водой. Рыба плеснула хвостом... Вот ведь досада, — английская булавка в лодке осталась! Игорь вздохнул, но успокоился: щука большая, как бы он ее из воды вытащил? Пожалуй, она бы его сама в пруд стянула...

— Настя!

Ах, как тяжело быть Робинзоном... Пошел Игорь в будку и стал придумывать планы спасения. Если бы было ружье, он бы выстрелил три раза. Сигнал бедствия! Или, если вверху над прудом покажется аэроплан, — он часто здесь пролетает, — можно будет крикнуть летчику:

— Спуститесь у большого дома за парком и скажите, что я здесь... И что я очень хочу есть!..

Но ни ружья, ни аэроплана не было. Он согрелся на сене, закрыл заплаканные глаза (да, да — заплаканные) и задремал.

И приснилось ему, что из пруда вылез огромный зеленый крокодил, поставил передние лапы на остров и спрашивает у осы: «Эй, ты, жужжалка! А где здесь маленький мальчик? Я сегодня именинник, вот он у меня и пойдет на третье блюдо...» А оса прилипла к конфетной бумажке, рот сладким соком набила и,

к счастью, ничего ответить не может. И крокодил стал сердито лаять...

Дернулся Игорь во сне, ударился плечом о косяк и проснулся... Боже мой, да это же пудель садовника лает!

* * *

Выбежал Игорь из будки,— в самом деле на берегу пруда пудель, лохматый черный друг, смотрит на пустую лодку и взволнованно лает. Увидал мальчика на острове да так и залился визгливой флейтой в собачьей истерике:

— И-и-и! Ай-яй! И!

Ужасно взволновалась собака: как мальчик на остров попал? Почему пустая лодка по воде плавает? Как помочь?

А мальчик руками машет, свистит, зовет.

Бултыхнулся пудель в воду, что тут долго думать,— и поплыл, фыркая, к острову. Лапами загребает, голову вверх задрал.

Приплыл, встряхнулся и прямо к Игорю на грудь. Водой всего обрызгал, в нос лизнул, в ухо лизнул,— радуется. А Игорь и вдвое рад:

— Цезарь! Умница... Ну, теперь я не один на острове, ты у меня вместо Пятницы будешь.

Что за Пятница? Пудель Цезарь ведь Робинзона не читал, откуда же ему знать?

Обшарил Цезарь все углы, кролики глупые под кусты забились, дрожат, не понимают, что умный пудель их обижать не станет.

Что дальше делать? Смотрит собака на лодку, на мальчика, зовет с собой домой. Да как доберешься? На спину к Цезарю сесть? Нельзя,— мальчик ведь потяжелей собаки.

И придумал Игорь,— беда всему научит. Вырвал из записной книжки страничку и написал крупными буквами письмо садовнику: *«Шер Жибер! Совэ муа, силь ву пле. Же сюи сюр лиль!»*¹

Показал собаке записку, показал ей на берег и привязал записку над головой пуделя к ошейнику.

— Ступай, ступай в воду! Беги к Жиберу и отдай ему записку...

Пудель понял, взвизгнул, лизнул снова Игоря в губы— не бойся, мол, все исполню— и в воду, только брызги веером полетели. Доплыл, встряхнулся и исчез в парке.

* * *

Старый бельгиец-садовник сначала не понял, в чем дело. Прибежала его собака мокрая, головой в ноги тычется. Увидал он записку, развернул... Буквы корявые, почерк детский...

¹ «Дорогой Жибер! Спасите меня, пожалуйста. Я — на острове!» (фр.).

Подписи нет. Какой остров? Кого спасти?.. Пожал плечами и бросил записку в смородину.

Но пудель на этом не успокоился. Тянет Жиберу за фартук к пруду... Испугался садовник—ах, Боже мой, не случилось ли с Игорем беды, собака ведь мокрая... Побежал к пруду за собакой, за ним Настя переваливается, руками всплескивает.

Ах, как Игорь обрадовался...

— Monsieur Жибер, перевезите меня домой, пожалуйста!

— Да как ты на остров попал?

— Не знаю. Сел в лодку. Лодка меня и привезла... а потом уплыла... Как ее теперь достать?

Ну, садовник не глупей пуделя был. Достал из-за кустов вертушку с бечевкой, которой он грядки выравнивал, привязал к веревке камень, бросил в лодку—как раз под скамейку угодил—и притянул лодку осторожно к берегу. Потом уж дело пустое: сел в лодку с пуделем, в три взмаха догреб до острова и доставил Игоря-Робинзона на берег, прямо к калитке парка.

По дороге пожурил, конечно: зачем в лодку сел без спроса? А если б в воду упал?

— Ничего, monsieur Жибер. Цезарь бы меня вытащил. Но ведь я же не упал!

Поговори-ка после этого с мальчиком...

Побежал Игорь в дом. Слава Богу, еще никто не вернулся. Сел за стол и стал из картона большую золотую медаль для пуделя мастерить.

Надпись придумал такую:

«Пуделю Цезарю за спасение погибающего мальчика, который самовольно застрял на острове.

Детский Спасательный Комитет».

IV

ВЕСЕЛАЯ ЛОТЕРЕЯ

Хорошо в тихом парке, на шумном птичьем дворе, у бирюзово-зеленого пруда, но на чердаке еще веселее...

После прежних хозяев-французов, у которых Альфонс Павлович усадьбу купил, во всех чердачных углах кунсткамера осталась. Игорь не раз подымался по узкой лесенке тихонько-тихонько, чтоб ступеньки не скрипели. А то сейчас же снизу экономка одернет:

— Игорь! Опять на чердак? Ступай, ступай вниз. Старьевщик какой, скажите, пожалуйста. Опять в пыли перемажешься да всякой рухлядью переднюю заставишь. Игорь! Сто раз тебе повторять надо?

И совсем не сто раз, а всего два-три раза крикнет, и Игорь покорно спускается вниз, медленно отсчитывая ступеньку за ступенькой, авось забудет, и он вернется. Как же! Уж если взрослый к маленькому пристанет, всегда на своем настаит.

* * *

Однажды Игорю повезло. Все взрослое население ушло в парк лесную землянику собирать. Пусть собирают. У мальчика свои потайные места были: возле грота с плющом, под старым валежником, на пригретой солнцем поляне столько этой земляники уродилось, что и корова ела, и Игорь ел, и гуси клевали, а она все росла да росла. Одни только люди кругом ходили, в колючей ежевике путались, а до ягодного места так и не добрались.

Ушли все. Игорь кухаркин фартук надел, ватрушку в рот и на чердак. Самый темный и низкий угол под скатом крыши давно его занимал: туда, как в дебри Центральной Африки, никто еще не забирался. Но мальчик, худой и извилистый мальчик, вроде угря,— всюду проскользнет.

Отодвинул он в сторону детскую ванночку, отбросил ногой книжный хлам—пыль так столбом и взвилась,—храбро разогнал ржавыми граблями пауков, пролез дальше. Перевалил через грязный чемодан, выбросил из него огромные овечьи ножницы, присел на корточки за ящиком с подъеденными молью седлами и стал всматриваться. В темноте, известно, только кошки хорошо видят. Но у Игоря свой секрет был: если в темном углу крепко зажмурить глаза, а потом сразу раскрыть и, не мигая, смотреть перед собой,— не хуже кошки все увидишь.

Недаром папа про Игоря говорил, что он врожденный археолог. Вот тебе и археолог... Мальчик от радости подпрыгнул, стукнулся головой о черепицу, хотел было пощупать сквозь волосы, нет ли шишки, но не до того было...

Клад! В углу, среди торчавших со всех сторон пустых бутылок, грудой были навалены... игрушки. Старые, поломанные,— не все ли равно... Разве клад бывает когда-нибудь новый?

Паяц со сломанной ногой, кукольная коляска без одного колеса, дырявый пестрый мяч, лавка с весами и полочками, кукольный сервиз—целое приданое, резиновый большой слон, обвязанный поперек живота детским чулком... О! Кегли—лото—китайский фонарик... Кукольная плита. Что в ней тарыхтит? Стекланные шарики!.. И еще и еще... Если опись составить, метра в два выйдет.

Вылез Игорь на свет, отдышался, расчихался, пыль по лицу размазал и стал свой клад в кучу перед чердачным люком складывать.

А потом, как был в кухаркином фартуке, побежал с лестницы в парк маму разыскивать. Уж она позволит, ей-богу, позволит...

На дорожке у круглого каменного стола, откуда аллеи лучами во все стороны расходились, увидел голубое милое платье и помчался.

— Мамочка!

— Постой, постой... Экой ты шальной мальчик... Чуть всю землянику из корзинки не вытряхнул... Опять на чердаке был? Хорош! Полюбуйся-ка на себя в зеркальце.

Мать вынула из сумочки круглое зеркальце и поднесла его к носу Игоря. Он полюбовался и рассмеялся: не то негр, не то трубочист, не то обезьяна, которой камин чистили...

— Сними фартук, встряхни. Ишь, как запыхался... Ну что еще ты придумал? Рассказывай.

— Мамочка, я нашел клад! И ты непременно, непременно должна мне позволить...

— Что позволить? Ох уж мне эти мальчики! Какой-такой клад?

— Игрушки. Чудесные переломанные игрушки. На чердаке... Много-премного... Ты понимаешь? Консьерж сказал, что все равно их выбросить придется.

— У тебя разве своих мало?

— Да нет же! Ты только разреши. Я их снесу вниз. Осторожно снесу и ни разу не полечу с лестницы. Не в переднюю, ты не бойся. В каретный сарай. Пожалуйста! Я уроки приготовил и целую неделю буду себя чудесно вести, только позволь...

— Да зачем тебе?

— У меня есть план. Не спрашивай.

Мама взяла Игоря двумя пальцами за нос, точно хотела попробовать, крепко ли он пришит (мамы тоже ведь иногда, как дети, сами не знают, что делают), и сказала:

— Хорошо. Пойди только сначала умойся и отнеси фартук Насте. А то нам достанется...

И только сказала — Игорь кратчайшим путем через ров и забор и цепкий можжевельник помчался домой. Свистнул и исчез, как гном в кустах.

* * *

Помощник садовника, русский матрос-фельдшер, сидел на ящике перед каретным сараем и разбирал овощи. Салат — кроликам, салат — на кухню в большой дом, салат — себе...

Хлопнула калитка. У собачьей будки ласково завизжал Грум. Детские ноги затоптали по мощеному двору.

— Игнатий Савельич, вы очень заняты?

— А, Игорь Иванович!.. Здравствуйте. Что ж это вы не здороваетесь?

— Извините. Здравствуйте. Я очень взволнован... Я, Игнатий Савельич, клад нашел...

— Ну, клады-то вы каждый день находите. Капкан для крыс, что ли?

— Что вы! Совсем настоящий клад. На чердаке, игрушки... Скажите, вам во время войны приходилось вправлять руки-ноги, кожу зашивать... Вы ведь рассказывали.

— Приходилось, точно. Да у нас в усадьбе у всех, слава тебе Господи, руки и ноги целы. Что это вы выдумали?

— Пойдите. Как вы не понимаете? После обеда вы сегодня свободны, правда? Садовник уехал. Вчера дождик был, значит, поливать цветов не надо. Уж вы мне, Игнатий Савельич, помогите, пожалуйста! У паяца сломана нога, у слона живот распорот, кукольный шкаф совсем расклеился. Вы ведь фельдшер, всё умеете... Хорошо, Игнатий Савельич?

— Кукольную амбулаторию, стало быть, откроем. Да разве у вас своих игрушек мало?

— Вот и вы тоже спрашиваете. Я совсем не для себя. У меня есть план, и мне одному не справиться...

— Ладно. Попробуем... Людей лечил, ужель резинового слона не вылечим? Где же ваш клад?.. Овощи переберу, сейчас его сюда и доставим.

— Нет, нет. Я сам. Сам-сам-сам! Привезу в тачке.

Игорь запрыгал на одной ноге, пробежал мимо с визгом тянувшегося к нему из будки Грума и исчез. Вот так всегда, как фокусник: раз-два, нашумит, наговорит и нет его.

Широкоплечий матрос посмотрел вслед мальчику и ухмыльнулся:

— Ишь, неугомонный какой! Паяцам ноги вправлять,— придумает же...

* * *

После обеда в пустом каретном сарае закипела работа. Игорь в игрушечной тачке свез все свое богатство в сарай. Сквозь раму распахнутых настежь дверей ворвалось веселое солнце. В дальнем углу сквозь щель заструилась косым столбом солнечная зыбкая полоса. Матрос на верстаке разложил больных: паяца, слона, дырявый мяч, куклу с полуоторванной головой. Разогрел в клеянке столярный клей, принес моток толстых матросских ниток и штопальную иглу...

Игорь тоже не сидел сложа руки: мешал палочкой клей, вытирал пыль с игрушек, вертелся на цыпочках у верстака, чуть-чуть матрос ему с размаха штопальной иглой носа не проткнул.

В ящике с гвоздями нашли маленькое колесо. И хоть не по фельдшерской части чинить коляску, однако матрос приладил к кукольному экипажу колесо — лучше не надо. Нашлась и масляная краска. Красил Игорь сам: игрушечную лавку, комод и креслице, заодно и собственные пальцы в азарте измазал. Только скипидаром и отмыл. Хотел было Игорь — очень уж весело красить — к пруду с краской сбегать, лодку подцветить, но морской фельдшер не позволил:

— Лодка, это уж, извините, по моей морской части... Оставайтесь, Игорь Иванович. Не то с краской вместе опять на остров заплывете, а мне перед вашей мамашей за вас отвечать.

Сконфузился Игорь и краску на место поставил.

* * *

Через три дня все было готово. Игрушки точно из лавки. Кукле рубашку новую Настя сшила из клочка обойной материи (тоже не чердаке нашлась). Паяцу пояс сделали из старого галстука. Краска подсохла, у игрушечной мебели все ноги в порядок матрос привел, хоть мазурку танцуй.

В солнечное утро в палисаднике, у входа в усадьбу, Игорь свой «план» всем и открыл.

Расставил на траве игрушки. Слева для девочек, справа для мальчиков. Номерки для лотереи нарисовал — для девочек синие, для мальчиков — красные. Такие же номерки прикрепил к игрушкам. И зазвал в усадьбу всех окрестных французских ребятишек. У кузнеца было трое, у консьержа-привратника — двое, у рабочих с соседней усадьбы и не сосчитать.

Гуськом сошлись в палисадник дети. Смотрят на траву — что за ярмарка? Глаза разбегаются, но стоят дети чинно, ждут, какую такую игру Игорь придумал.

А он девочек расставил в ряд у стены и попросил каждую из шляпы по билету вытянуть. Потом — мальчиков.

Расхватили дети вмиг игрушки по своим номеркам и писк такой подняли, точно стадо поросят в колючем бурьяне...

Схватили игрушки и бегом по домам — взрослым показывать. Разве это часто бывает, чтобы ни с того ни с сего столько чудесных вещей получить?

А потом сползлись на лужайку у шоссе перед усадьбой и стали играть в лавку, в кухмистерскую, — каждый в одиночку. Девочка, которой кукла досталась, выменяла себе слоненка на мяч и посадила его в коляску к кукле вместо сына...

Игорь стоял у ворот, смотрел и радовался. Одно его, правда, беспокоило немножко: из всех чердачных игрушек оставил он себе одну — бутылку, в которую был вделан четырехмачтовый парусный кораблик. Каким чудом его в бутылке собрали-составили, Бог знает... Может быть, отдать им и кораблик?

Пошел он к фельдшеру-матросу посоветоваться. Но тот его успокоил:

— Ну, вот... да какая ж это игрушка? Это есть произведение искусства, и ребятам оно ни к чему. Кокнут бутылку о камень, корабль по суставам разберут, вот и все. Дурачки. Владейте себе на здоровье, Игорь Иванович... Я к бутылке цепочку приделаю, пусть поперек вашего окошка покачивается. Красота!

Игнатий Савельич лежит на своей койке в углу большой, низкой комнаты. Отдыхает. Перед окнами флигеля — каштаны. Затеняют свет, сквозят на закате мутно-зелеными лапами. В комнате прохладно и тихо. С потолка липкой спиралью свешивается узкая ленточка, усеянная дохлыми мухами, — одна из них, еще полуживая, тоненько жужжит.

Дневной урок отработан: вымыта до морского блеска лодка на пруду, заштопана красная дорожка, что лежит по дну; свезены к кухне и наколоты короткие французские дрова; подвязаны к тычинкам бобы, которые вчера повалил ветер, и заплетена проволокой прорванная в огородной калитке сетка. А потом, хоть и не помощника садовника это дело, и тем более не матросское, вытряхивал с птичницей ковры и дорожки из большого дома. Субтильная женщина — тряхнешь покрепче, она и с ног долой. И еще натирал полы в доме. Это, пожалуй, веселей всего: выплясываешь на щетках чечетку и думаешь о своем; покуришь на корточках, в бильярдной в шары пощелкаешь — никто в шею не гонит, работой сообразно с комплекцией.

Комплекция у Игнатия Савельича выдающаяся, — плечи, как у бугая, шея — борца, корпус вроде колоды, которой в саду дорожки укатывают. Койка под ним скрипит-жалуется... Трудно ей на себе такой груз нести. Да еще ворочается он сегодня, недоволен, должно быть: серые глазки сумрачны, нога в опорке по полу чертит.

По стенам и на камине всякая всячина.

По вещам сразу увидишь, что в комнате живет моряк и вместе с тем человек, так сказать, медицинский. Над койкой расprostерся Андреевский флаг, — сам сшил (кусочек голубого сатина для косога креста у экономки выпросил); у окна на бечевке сохнет полосатая, сине-белая матросская фуфайка; под стеклянным колпаком на камине модель английского легкого клипера в многоярусных парусах, — мальчик Игорь ему принес в подарок, на чердаке разыскал; и пепельница в виде спасательного круга, оплетенного крученой веревкой.

Медицинская часть представлена набором банок на полочке — Игнатий Савельич большой мастер банки ставить, — лекарственными склянками и крошечными аптекарскими весами, покачивающимися под полкой. Муха на роговую чашечку сядет, сразу чашечки заволнуются, — одна вниз, другая вверх...

Каждый бы догадался, взглянув на все эти предметы, что Игнатий Савельич морской фельдшер. Посмотрел бы в угол, где над изголовьем койки на треугольничке трепетал зеленый мотылек лампадки перед образом Серафима Саровского, и прибавил

бы: русский морской фельдшер. Впрочем, и по Андреевскому флагу это было видно.

В окна долетала из французской прачечной у колодца веселая хохлацкая песня:

Опанас волю пас,
Катерина бычки...
Пострывай, не втикай,
Куплю черевички.

Это птичница распелась. А индюк-дурак все время перебивал и лопотал по-турецки что-то свое, несуразное, назойливое. Было очень смешно, но матросский опорок все так же сердито шлепал по полу: Игнатий Савельич был недоволен.

* * *

В окне показалась светлая кудлатая голова мальчика.

— Игнатий Савельич! Вы спите?

Матрос вскинул ноги и грузно сел на койку.

— Отдыхал. Сигайте в окно... Что ж так через стенку разговаривать.

Хмурые морщинки сбежали со лба, он любил мальчика и во всякое время был ему рад.

Пивная бутылка, словно сбитая кегля, стукнулась под маленькой пяткой о пол. Игорь сел у окна верхом на табурет и внимательно, в который уж раз, осмотрел матросскую комнату.

— Когда ж вы себе, Игнатий Савельич, морскую койку подвесите?

— Крючки не выдержат. Кирпич вещь хрупкая. Никак невозможно.

Игорь огорченно покачал головой. Он все заботился, чтобы матрос наладил свою жизнь по-настоящему. Что ж ему на сухопутной постели валяться...

— А я вам компас принес.

Он протянул на ладони маленький, круглый брелок.

— Вот спасибо. Теперь, значит, я совсем обеспечен. Где достали?

— В пенале нашел. Я его еще в Париже на фуаре купил. Вам пригодится, да? Он совсем-совсем правильный. Только встряхивать его надо. Как термометр.

— Пригодится, спасибо. Что ж, давайте чай пить, Игорь Иванович... Только насчет кипятка заминка...

— Да ведь на кухне полный бак.

— В том и суть, что у меня по кухне с новой кухаркой авария вышла.

Матрос поморщился и яростно провел ладонью по своим, ежиком торчащим, бурым волосам.

— Я ей французским языком, вежливо говорю: «Пожалуйста, мамзель, еще тарелку борща». Молчит и глаза, как, из-

вините, у акулы. «Борща, говорю, еще пожалуйста. Консомеруж,— русс! Компрене?» А она как окрысится... «Да что же это! Да вы две тарелки уже выхлебали! Другие уже сладкое едят, а я с вашим борщом возиться буду?» Фырк, фырк... Швырнула при всем персонале тарелку на ларь и ко мне спиной, будто я не человек, а шпанская муха... Разве это порядок?

— Вы, Игнатий Савельич, с женщинами лучше не связывайтесь. Хотите, я вам завтра свою котлетку оставлю?

— Спасибо, Игорь Иванович. Питайтесь сами, вы ж малокровный. Что ж я младенца обижать буду... Вы, говорю, мамзель, здесь еще и двух недель не прожили. Кто вам с огорода сверх пропорции клубнику приносит? Кто вас обучил русский консоме руж готовить? Забыли-с? А вам третьей тарелки жалко... Не ваше — хозяйское! А она мне на эти слова язык показала... Язык, понимаете! Рушник на стол швырнула и с треском в свою каморку ушла. Да у меня четыре медали: станиславская, анненская, две георгиевских,— и не то что язык, пальца мне никто не показывал... Чертовка такая сухопарая!

— Марку я вам еще принес, Добровольного Флота,— робко вставил Игорь, чтобы отвлечь матроса от его огорчительной истории.

— Спасибо. Вещь редкая. А на кухню, хоть на куски режьте, и носа больше не покажу. Пусть сама салат с огорода в переднике носит. Баста!

— Вы не сердитесь, Игнатий Савельич. За кипятком я сам сбегая. Хорошо?

Звякнул чайник, ноги мальчика перелетели через подоконник и скрылись за кустами.

Морской фельдшер медленно вытер полотенцем побагровевшую шею, лицо. Даже волосы вытер. Вздохнул и тяжело фыркнул, точно из-под воды вынырнул.

Через минуту тем же прямым сообщением, Игорь вскочил в окно и бережно поставил чайник на стол.

Матрос уже успокоился и аккуратно расставлял на белой клеенке стаканы — бокалы из-под горчицы, баночку с вареньем, молодой редис и прочее угощение.

Долго и мирно, большой и малый, пили чай вприкуску, с присвистом втягивая горячую влагу из блюдец: эту манеру Игорь с удовольствием перенял от матроса.

— Кружовенное варенье берите, Игорь Иванович.

— Сами варили?

— Самолично. Нет лучше фрухта. В парке здешнем айва растет, деревянное яблоко. Тоже на варенье идет. Несуразная вещь,— язык вяжет... Один танин, можно сказать.

— Что такое танин?

— Вяжущий порошок. В полосканье кладут.

— Во флоте чай матросам давали?

— Обязательно. Сигнал такой на боцманской дудке в шесть утра высвистывали: «Вставать, койки вязать, чай пить!»

— Посвищите!

Матрос посвистал.

— А на обед другой сигнал был, веселый:

Бери ложку,
Бери бак!
Хлеба нету,—
Беги так...

— Разве хлеба не было?

— Сколько хочешь... Это матросы в шутку такие стишки сочинили.

Мальчик прислушался: муха на спиральной бумажке опять запищала.

— Можно ее отлепить, Игнатий Савельич? Ведь она му-
чается...

— Валите. Пусть живет, Господь с ней.

Игорь отодрал осторожно муху, обмыл ее в простывшей капле чая и положил на окно. «Ишь ты, поползла! Лети, мушка, на чердак... Солнца нету,— сохни так!»

Фельдшер ухмыльнулся и ласковой шершавой ладонью прикоснулся к маленькой кудлатой голове.

— Правильно!.. Теперь, стало быть, и покурить можно.

Он свернул из курчавого темного табака папироску, затянулся и пустил в потемневшее окно серое колечко. С птичьего двора не доносилось ни звука. Парк молчал. Над капустой за палисадником дымился сиреневый туман.

— Был еще у нас, Игорь Иванович, на крейсере такой случай...— тихим баском начал матрос.— Плавали мы под Архангельском в Белом море... Помор один знакомый команде в презент белого медвежонка привез, командир разрешил. Утешный зверь был, вроде вас, извините, ростом. Бродил по палубе, никто его не забижал, конечно. Очень даже все обожали. Шваброй, бывало, палубу трут, а он, стервец, как собачка, швабру зубами хватает. Пил-ел с нами, водочку очень любил, все чарки вылизывал; рыбой сырой брюхо набьет и растянется на баке, как коврик, лапы распластавши. Одним словом, добрались мы до Либавы. Стоим на рейде, приводим себя в порядок. Как-то после ужина глянули на медвежонка,— что за оказия! Стонет, урчит, по палубе катается, лапами себя по животу скребет. Собрались мы кольцом: «Вась-Вась!» Васькой его звали. А он никакого внимания. Еще пуще ревет... Двинулся я было в кают-компанию доктору нашему доложить, потому—господа офицеры тоже нашего Ваську обожали. Чтоб диагноз болезни определил. И в ту же минуту медведь наш за борт! Только пена столбом.

— Утонул?— в ужасе прошептал Игорь.

— Тоже скажете... Разве белый медведь утонуть может? Пла-
вает вдоль ватерлинии, жалостно кричит, голову к нам задирает. Прямо смотреть невозможно...

Игорь утер рукавом глаза.

— Бросили мы веревки в воду, под него подвели. Вытянули. А он побарахтался, пасть раскрыл, захрипел — и крышка...

— Умер? — всхлипнул мальчик.

— Подох. Подошли господа офицеры. Доктор головой покачал. «Что сегодня на ужин было?» — «Макароны, Ваше Высочородие». — «Медведь ел?» — «Так точно, очень даже ел». — «Ну и дурни! Разве можно такому зверю горячие макароны давать...» У него, говорит, воспаление кишок произошло, зря мишку испортили... Вот тебе и диагноз!

— Что же вы с ним сделали? — печально спросил Игорь.

— Старшему офицеру предпостельный коврик. На красной байке очень знаменито вышло. Да вы, Игорь Иванович, не огорчайтесь. Всякому зверю — своя судьба. Давайте-ка лучше сало есть. Племянник из Парижа прислал, — первый сорт сало!

После кружовенного варенья сало и шпроты с черным хлебом — чудесная закуска. Не то что в большом доме по расписанию суп и макароны есть. Никогда больше Игорь к этим противным макаронам не прикаснется...

В комнате совсем стемнело. В просвете между каштанами сияла-переливалась Венера. Игнатий Савельич налил себе в горчичный стаканчик зубровки, Игорю — слабенького сидра. Чокнулись, выпили и задумались.

* * *

— Впотьмах и совсем закиснешь! — Матрос встряхнулся и чиркнул спичкой.

Керосиновая лампа на узкой ножке горела приветливо и ясно. Круглый фитиль с одного конца протянул было кверху острый, заструившийся копотью язычок, но матрос снял стекло, чикнул ножницами, и язычок исчез. По белому бумажному абажуру проплывали черные яхты, и под ними волнистым зигзагом синела волна, — Игнатий Савельич и рисовать умел.

— А правда, Игнатий Савельич, что русские матросы драться любили?

— Кто ж не любит... Был у нас такой случай в довоенное время. В Марселе стояли. Собралась наша компания вечером в портовом кабаке. С американскими матросами познакомились. Ребята brave, выпить не дураки... Разговор короткий: по плечу похлопаешь, чокнешься... Или руку на локте на стол поставишь рядом, допустим, с американским локтем. Кто кого перегнет? Научили мы их со скуки в орлянку играть. Играли-играли, честь честью. Только один из американцев упился, что ли, — уперся. «Не желаю, говорит, платить!.. Дурацкая игра». Как так не желаешь? Выигрыш берешь, а проигрыш — счастливо оставаться! Нет, друг... Вскипели наши ребята, слово за слово и честь честью в ухо. Мы своего крейсера не осрамили — был, можно сказать, бой!

— Вы тоже дрались?— радостно спросил Игорь, прикидывая на глаз мускулы Игнатия Савельича.

— Я—фельдшер... Что же мне вмешиваться.

Мальчик разочарованно вздохнул.

— Один взял меня было за грудки. Я только встряхнулся, а он головой стекло в дверях вышиб.

— Правда?! Вот хорошо...

— Помощь я потом кой-кому оказал по медицинской части. И своим, и неприятелю... Ухо, нос, пробоины кой-какие. Ничего, помирились. На корабли в обнимку возвращались, песни пели... Одного, признаться, нести пришлось, задиришка этого самого. Вот-с... Надо теперь за ваш фрегат приниматься, Игорь Иванович, а вы бы мне почитали вслух малость. Веселее работать...

Он вытащил из-под койки поломанный кузов детского корабля, длиной с кошку. В чулане нашел возле кухни. Придвинулся к столу, взял в зубы горсточку сапожных гвоздей, достал из ящика молоток и приготовился слушать.

— Вы парусов сегодня шить не будете, Игнатий Савельич?

— Какие ж паруса? Кузов сбить сперва надо, да прошпаклевать, да закрасить. А там и до парусов доберемся. Имя придумали?

— «Немо». Капитан был такой подводный у Жюль Верна. В честь его и назовем. Я вам прочитает потом дам. Очень интересная морская повесть.

Игорь вынул из кармана куртки томик Пушкина и перелистал отмеченные бумажными закладками стихи. Все про морское. Ведь неинтересно же матросу сухопутные стихи слушать.

К морю

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой...

Детский голос звенел-переливался. Медленно и чисто произносил слово за словом, чтобы ни одна строка не пропала.

Матрос прослушал до конца, в паузах вколачивая гвозди в кузов детского корабля.

— Стишки ничего,— похвалил он.

— Я спишу для вас, Игнатий Савельич, хотите? А это— «Арион».

Нас было много на челне;
Иные парус напрягали...

— Священник, что ли, писал?— спросил матрос, когда Игорь после последней строчки перевел дух.

— Почему священник?

— Да ведь он ризу свою влажную на солнце-то сушил...

— Какой же Пушкин священник?! — Игорь горестно развел руками. Ведь вот странно. Чего только Игнатий Савельич не знает, чего не умеет, а дойдет дело до стихов, он вроде пятилетнего мальчика. Даже досада берет.

— Совсем не священник. Он это про себя иносказательно писал. Все было хорошо, был счастлив, пел, и вдруг судьба опрокинула, налетела, как буря... Но он уцелел и не потерял бодрости. А «риза» — это вроде плаща, широкая одежда, которую поэты носят. Поняли?

— Чего ж тут не понять? — обидчиво буркнул матрос. — Вещь простая.

«Надо ему что-нибудь попроще найти, — подумал мальчик. — Ах, вот... «Утопленник». Хоть и не морское, а все-таки река и волны...»

«Утопленник» Игнатию Савельичу очень понравился. Даже повторить просил.

— Вот это настоящее! Очень все натурально. Был тоже у нас во флоте такой случай... Однако что ж это я? Девятый час... Вас, поди, по всему парку ищут, ужинать кличут. Спасибо за компанию, Игорь Иванович. Не забывайте.

— Спокойной ночи. Я второй раз поужинаю, чтоб не ворчали, ничего. А завтра я вам «Фрегат Палладу» принесу. Только будете читать сами, она очень толстая. Гончаров писал.

— Адмирал?

— Штатский. Он только плавал с моряками, для описания... Спокойной ночи.

— И вам того же желаю. Счастливо оставаться.

Детские ноги мелькнули в воздухе и скрылись за окном в чернильной тьме палисадника. «Ишь, как кусты хрустят... Напрямик ломит».

* * *

Игнатий Савельич принялся за уборку, — чистота первое дело, и свою комнату матрос привык содержать в полном порядке. Кошка языком чище не вылизет. Разговорил его мальчишка, даже про обиду, которую ему на кухне нанесла кухарка, забыл. Шут с ней... Тоже у нее, у женщины, нервы от кухонного чада в напряжение пришли. Временные летние жильцы, — русские, в доме живут: все меню кверху дном перевернули. То гречневая каша пригорит, то холодный суп — ботвинью затеют, разберись-ка в ней. То Игорь прибежит, пирожок из жеваной булки слепит и на плиту исподтишка подсунет. А во время обеда на кухне как в греческом порту: птичница — хохлушка, садовник — бельгиец, маляр — казак, в доме по ремонту орудует. Может, третья тарелка борща слабосильную женщину из терпения и вывела... Натрум броматум бы ей прописать. А те, черти, грегочут. Обрадовались.

Перемыл он посуду. Пыль с камина цветной метелочкой обмахнул. Пол подмел. Адмирала Макарова на стене поправил,— все он набок скашивается, петельку надо будет переставить.

Сел у окна, молоточком по детскому кораблю тюкает,— знатная выйдет штука. Надо будет у маляра замазки и красок достать. Синие борта, оранжевый ободок... Для парусов лоскутки в сундучке найдутся. Послезавтра на пруд спустят, душа возрадуется...

В окне кто-то приветливо взвизгнул. Матрос обернулся: садовничий пудель умильно заглядывал в комнату, положив передние лапы на подоконник. Войти не решался,—зачем зря человека беспокоить.

— Пришел? Ну, здравствуй, здравствуй! Что не спишь? Хозяин твой, поди, давно уже на перинке сигналы носом выводит... Угостить тебя, что ли? Сала хочешь? Малороссийское, брат, сало, парижской заготовки. Ты что ж нос воротишь? Ах ты, дурашка бельгийская... Ступай к кухарке: она тебе гусяного паштету поднесет. С трюфелями... Сумневаешься? Вали, вали, не сомневайся.

Пудель, чтоб не огорчить матроса, взял было в зубы кусочек сала, виновато взглянул на матроса и незаметно выплюнул сало на травку под окном.

— Ну, вот умница. Умница, цюпик. Прощай, прощай. Вот, видишь, спать собираюсь.

Пудель ушел, но к углу окна незаметно подкрался в белом бумазейном халатике другой визитер.

— Готово, Игнатий Савельич?

— Фу, как вы меня напужали!.. Где ж готово? Завтра только конопатить да красить буду.

— Я сам выкрашу.

— Это уж извините... Я вот насчет ваших десятичных дробей ни мур-мур. И не посягаю. А вы к корабельному делу не прикасайтесь. Сказал, сделаю — и сделаю... Вы что ж в ночное время, как «утопленник» ваш, бродите? Мамаша в комнатку вашу войдет: где Игорь Иванович? А вместо него — одеяльце горбом.

— Я скажу, что я... лунатик. Сам не знаю, как ушел.

— Обманывать мамашу грешно. Да и луна где же нынче?

— Я, Игнатий Савельич, пошутил.

— Врать и шутя не следует. Спокойной ночи.

— Игнатий Савельич?

— Слушаю.

— Татуировку вы мне сделаете?

— Сказал, что нельзя — и нельзя. Вы, извините, еще мальчик, и я вам не пример.

Матрос покосился на свой локоть, у которого под мускулистым сгибом четко темнела вокруг якоря змея, кусающая себя за хвост.

— Сделайте!

— Нипочем.

— Маленькую... Самую малюсенькую!

— Спать бы шли. Простудитесь, мне же потом банки вам ставить.

— Важность какая! Я вытерплю, я не боюсь, Игнатий Савельич.

— Ведь вот какой хитрый вы, сударь, мальчик. Лишь бы поговорить подольше в неположенное время. Экономка услышит, мамаше перенесет: вот, скажут, черт с младенцем связался, от сна его отвлекает.

— Никогда мама так про вас не скажет... Она очень вас уважает.

— Покорнейше благодарю. Попутный ветер, Игорь Иванович! Спокойной ночи.

Матрос взял мальчика дружески за плечи, потрепал и, повернув его налево кругом, закрыл окно. Спустил на всякий случай и штору.

Прикрутил лампу и дунул сверху в стекло. Грузно стал у изголовья койки на коленки, лицом к зеленому мотыльку лампадки,—склонил голову и стал шептать знакомые с детства слова. Молился.

VI

РАЗБОЙНИК

Когда взрослых нет в усадьбе, сидеть одному в большом доме не очень весело. Поиграешь сам с собой на французском бильярде в три шара и даже не знаешь, выиграл ты или проиграл... На стене старые гравюры: потоп, Дворец дождей, толстый монах пробует вино. Но какое дело маленькому мальчику до потопа, дворца и монаха? Особенно когда изучил не только каждый штрих на гравюрах, но даже все сырые пятна и подтеки на них.

Завел было Игорь граммофон. Развеселые звуки понеслись негритянской чехардой по всему дому... и еще скучнее и еще страшнее одному стало. Над балконом расшумелись клены, солнце в тучах, точно его никогда и не было, сумерки заволокли весь парк.

Игорь взлез на крытый бархатом ларь, снял со стены за-ржавленную рапиру, чтоб в темной липовой аллее от разбойников отбиться, если нападут, и пошел в дом к экономке, которая жила у входа в усадьбу в длинном кирпичном флигеле.

Внизу по просторной кухне бегали канареечного цвета утята, отнимали друг у друга лимонную корку—зачем она им?—и пищали. Седая экономка, словно утка, ковыляла за ними, грузно приседала, ловила пушистых озорников и сажала их в высланную мягкой фланелью картонку из-под шляпы.

- Дарья Ивановна, черненького забыли!
- И черненького посадим. Нечего ему по кухне шлендрать...
- А почему вы каждого в головку целуете?
- Да, видишь, курица их высидела, я под нее свежих яиц и подложила. Утята теперь вроде как сироты, вот я их в головку и целую. Хочешь, и тебя поцелую... Будь здоров!
- Спасибо, Дарья Ивановна. А когда утята вырастут, вы их будете кушать?
- Глупости, Игруша. Все едят и ты поешь, и я поем. Ежели их не есть, они сами весь дом слопают. Прожоры известные.
- Дарья Ивановна, почему вы всё кур на утиные яйца сажаете? Это же несправедливо. Утки гуляют себе, как барыни, и в ус себе не дуют.
- Ишь ты, поправщик какой... Сажаю, значит, так надо. Захочу, и тебя посажу.
- Ну, это извините. У меня уроки, и я... мальчик. Вы пошутили, да? А вот Альфонс Павлович обещал мне из Марселя страусовое яйцо прислать. Вы уж, пожалуйста, Дарья Ивановна, душечка, под индюка его подложите. Все равно он ничего не делает. Хорошо? Я вам за это из страусового цыпленка все перья на шляпку подарю.
- Подложу, подложу. Ишь, добрый какой... Ступай-ка наверх, там на столе пенка из-под вишневого варенья осталась.
- О! Пенка? Пенка! Пенка!!
- Да не кричи ты... Свисток паровозный!

* * *

Съел Игорь пенку. Блюдце и мыть не надо, уж так облизал, что и кошка чище не вылизет. Ведь это когда сидишь за общим столом со взрослыми, тогда и салфетка, и локтей на стол не кладешь, и вылизывать блюдца, конечно, не будешь. Но когда, кроме мух, никого в комнате нет,— не их же стесняться,— очень трудно удержаться.

Сел Игорь у окна, с носа последнюю каплю вишневого сиропа слизнул, смотрит на дорогу. Колокольня с петухом,— петух по ветру медленно поворачивается... Белый угол стены соседа, за стеной лохматые раскидистые липы. Лягушки стонут... Зубы у них болят перед дождем, что ли? Говорят, это древесные лягушки. Зелененькие, как молодая крапивка, сидят на деревьях и воображают, что они — соловьи... Скажите, пожалуйста!

О! Кто там в кладовке возится? Игорь выскочил в коридор и прислушался. Странно. Замок висит снаружи, другого хода в кладовку нет... Мышь? Да разве мышь может так банками греметь?

Мальчик в два прыжка выскочил на лестницу и перегнулся над перилами. Позвать Дарью Ивановну? Стыдно. Разве в минуту опасности женщина должна защищать мужчину? Да еще жен-

щина, страдающая одышкой... Где верная, зазубренная в боях рапира?

Игорь защебил рапиру под мышкой, подошел вплотную к дверям кладовки и притаился. Опять шум! Дребезжат жестянки и банки, шуршит бумага. Ясно... Окно кладовки выходит на мусорную свалку. Там пустырь, закрытый стеной дома... Какой-нибудь старый бродяга стал на старый бочонок, отогнул старую железную полосу на окне и пожирает теперь большой суповой ложкой яблочное желе, варенье из айвы, варенье из черной смородины... Пастилу! Засахаренные груши!..

Игорь перевел дыханье и смело сунул кончик рапиры в щель двери.

— Кто там? Почему ты залез без спросу в чужую кладовку? Сдавайся! Раз-два-три. Я уже взвел курок...

Мальчик щелкнул языком.

— Сдаешься? Считаю сначала: ра-аз, два-а, три-и...

Игорь обратился к разбойнику, конечно, по-французски. Не по-русски же разговаривать с ним в усадьбе, с крыши которой в морской бинокль Эйфелеву башню видно.

И разбойник отчетливо и коротко ответил ему по-французски:

— Пошел вон!

* * *

Дарья Ивановна уронила спицы, откинулась к спинке соломенного кресла и исподлобья сквозь очки изумленно посмотрела на ворвавшегося в кухню Игоря.

— Скорей, скорей! Там, в кладовке... Не хочет сдаваться! Говорит: пошел вон. «Ватан!»¹ Понимаете? Ест варенье... Ходит по полкам и ругается, как... не знаю кто.

— Кто ходит?! Кто ругается? Да не тычь ты своей жабоколкой! Шашлык из меня хочешь сделать, что ли... Говори толком.

— Это, Дарья Ивановна, рапира, а не жабоколка... Я ж говорю: разбойник. Там, в чулане, алебарда, съест он все варенье и нас всех алебардой порубит. Вот увидите! Садовник ушел, кухарка ушла, Игнатий Савельевич ушел. Идем на шоссе и подыдем тревогу...

— Тьфу ты, юла какая! Чтоб люди на смех подняли? Давай-ка сюда рапиру. Бери молоток. Чистая фантазия. Держи меня за руку. Пойдем... Какой разбойник варенье есть будет? Голову я ему оторву, а не то чтоб его бояться! Иди-иди, Играша... Постой...

За дверью кладовки действительно кто-то был. Хлоп! Прорвал пузырь, которым была обтянута одна из банок, сбросил на пол чашку.

¹ «Пошел вон!» (фр.)

— Ага, чистая фантазия? — шепотом спросил ехидно Игорь.

— Ах, леший! Кот, что ли? Да нет, я тут всех котов в окрестности знаю, все сытые, по чужим кладовым не шарят... Иль впрямь бродяжка какой-нибудь забрался? А ну-ка, Игорь, переведи ему, по-французски... Ты, шаромыжник, дурака не валяй! Не то сейчас же по телефону жандарма вызову, руки скрутят и в кутузку... Слышишь? У нас тут полон дом мужчин. Игорь, сними-ка ружье со стены...

— Какое, Дарья Ивановна, ружье? — шепнул мальчик.

— Какое? Это я так, для остратки... Слышь ты, бандитская душа! Переведи ему, Игорь...

Нелегко было Игорю переводить: «шаромыжник», «кутузка», «бандитская душа»... Слова такие все трудные. Однако кое-как перевел.

И в ответ хриплый голос, как и в первый раз, снова коротко и отчетливо отрезал:

— Пошел вон!

Кто первый добежал до усадебных ворот — Дарья Ивановна или Игорь, трудно сказать. До этого случая Игорь бы и не поверил бы ни за что, что экономка так здорово рысью бегать может.

* * *

Пришло целое войско. Садовник из соседней усадьбы с вилами, живший на перекрестке дорог кузнец с молотом, косивший траву рабочий с косой, хозяин быстро со штопором, прачка с утюгом, дети садовника с садовыми ножницами. Впереди всех Игорь с рапирой, позади всех Дарья Ивановна со своими спицами.

Лестница застонала под грузными шагами. Стучали, словно копыта, сабо, скрипели толстые подметки.

— Вы, мадам, звонили в жандармерию? — спросил солидный садовник у Дарьи Ивановны.

— Звонили... Игорь, переведи. Ох, Господи! Игруша звонил. Сейчас, говорят, лошадей оседлаем и выедем.

— Хорошо, мадам. Дети, отойдите в сторону... Дело может быть не шуточное... Придется взять этого господина медленной осадой. Вы — слева, вы — справа, кто-нибудь пусть станет с оружием на дороге под окном, чтоб он от нас не сбежал...

— Там на дороге уже целая толпа собралась! — закричал Игорь, высунувшись за раму. — Жандармы подъехали! Ура! Два. На гнедых лошадях... Идут сюда.

Садовник приосанился и грозно постучал рукояткою вил в дверь кладовой.

— Эй, вы! Дорожных дел мастер. Назовите ваше имя и сдавайтесь, пока не поздно. Слышите?

— Пошел вон!

— О! Ты так? Ворвался в чужой дом и гонишь вон честных соседей, которые пришли на защиту бедной женщины и ребенка... А вот мы сейчас увидим, кто пойдет вон!

Плотные бравые жандармы попросили всех успокоиться. Отодвинули от двери любопытных детей, отстегнули кобуры, вытащили два увесистых револьвера.

Старший жандарм вежливо обратился к Дарье Ивановне:

— У вас, мадам, ключ от кладовой?

— Затеряла, батюшка, со страху-то затеряла...

Игорь перевел. Жандарм попросил кузнеца сломать замок, но перед тем, обратившись к невидимому разбойнику через дверь, сказал ему несколько внушительных слов:

— Сейчас дверь будет взломана. Если вы, друг мой, сделаете только одно движение по направлению к нам, я прострелю вашу дурацкую голову, как пустой орех. Вы меня понимаете?

— Пошел вон! — равнодушно и нагло ответил за дверь разбойник.

— Ломайте замок!.. Мы сейчас вам покажем, как надо обращаться с...

Замок звякнул и упал на пол. Дверь распахнулась. Толпа боязливо отхлынула... Жандармы, вытянув перед собой револьверы, бесстрашно шагнули вперед. Где разбойник?

Он сидел на верхней полке и, задрав кверху ногу, не обращая никакого внимания на столпившуюся у дверей толпу, сердито мотал взъерошенной головой и искал блох.

— Да это Жак!! — закричала дочка кузнеца.

— Ну, конечно... — рассмеялась чья-то голова, перегнувшись с приставленной с улицы лестницы в кладовую. — Это Жак, попугай полковника Мартэн. Птица улетела еще позавчера, и полковник будет очень доволен, что она жива и невредима. Правда, Жак?

— Пошел вон... — хрипло пробормотал попугай, задирая еще выше ногу.

И рассмеялись все: жандармы с револьверами, садовник с вилами, кузнец с молотом, хозяин быстро со штопором, прачка с утюгом, Дарья Ивановна со спицами. А больше всех смеялся сам виновник тревоги, маленький Игорь.

VII

«КОГДА Я БУДУ БОЛЬШОЙ»

Бывают такие дни, когда мальчик не знает, что с собой делать. Пошел было Игорь на птичий двор, но у самой проволочной сетки остановился: думал, думал, так и не мог вспомнить, зачем он сюда пришел... Посмотрел на толстую утку, сидевшую в сухом корыте, утка посмотрела на него, и поплелся мальчик

в парк через колючую чащу сухих, не пробившихся к свету, сосенок. Продираясь локтями и пыхтя, Игорь вообразил себя паровозом и все не мог решить, куда ему повернуть, когда докатит до широкой аллеи — направо или налево? Чах-тах-тах! У-у-у...

У аллеи остановился... И направо скучно, и налево не лучше. Перевернул кверху львиными лапами старую скамью — так ведь сидеть удобнее — и «завел машинку». «Завести машинку» — это значит думать о чем попало... Сам вот не знаешь, о чем сейчас думать будешь: о персидском шахе, о Ниагаре или о варениках с вишнями. Ветер шелестит на беседке ржавыми хмелевыми листьями и перелистывает в голове пестрые смешные мысли...

Почему корове никогда не дают молока? Пила бы она свое молоко, ела свой творог и свою сметану, и никакого сена, никаких отрубей ей не надо было бы давать. Очень удобно для хозяйства! И кур бы так кормить... Снесла яйцо, сейчас же яйцо сварить вкрутую, посолить, искрошить помельче и курице на обед. Сама снесла, сама и съешь! Очень выгодно... Жаль вот, что человек сам себя так питать не может. Шишка сосновая над головой качается... Глупо! Такая большая и никакой пользы. А кофейное зернышко маленькое и в сто раз полезнее. Почему не растет на сосне кофе? Снял одну кофейную шишку, смолол, вот тебе и кофе. И бесплатно, и в лавочку бегать не надо, пей целый день, пока не лопнешь... Все кухарки, наверно, бы тогда коричневого цвета стали... И пахло бы от них, как от старой кофейной мельницы...

Хлоп! Ветер качнул сосну, сосна нервно вздрогнула и уронила Игорю на голое колено шишку. Ах, Боже мой, о чем это он только что думал?

* * *

— Ага! Вот ты куда, мечтатель, забрался...

Из чащи, с дыней в руках, выполз бородатый дядя Вася. Игорь его называл «новорожденный дядя», потому что до того, как он приехал к ним из Чехии в усадьбу под Парижем погостить, Игорь этого дядю, маминого брата, никогда в глаза не видал.

— Ты что же, султан турецкий, баклуши бьешь?

— А что такое «баклуши»? — спросил Игорь.

— Да вот, когда мальчик целый день по парку слоняется, комаров пасет, не знает, что с собой делать, это и называется «бить баклуши».

— Скучно мне. Вы взрослый, с бородой. Вам даже садовник позволяет самому артишоки с огорода брать... Вы и придумайте, что мне делать. Только поинтереснее, пожалуйста.

Дядя понюхал дыню, подбросил ее, поймал и сказал:

— Придумал! Возьми-ка ты тетрадку, карандаш, и напиши-ка ты мне сочиненьице — «кем я, Игорь, хотел бы быть, когда буду взрослым». Согласен?

— Все писать можно? Вы не будете смеяться?

— Вот те на! Чего ж я над тобой смеяться буду? Я, дружок, когда маленьким был, сам такое сочинение сочинил: «почему у курицы перья, а у мальчиков волосы». Жаль только, тетрадку мою мыши потом в чулане съели. Напиши, а потом приходи к гамаку, будем вместе дыню есть.

— А вы без меня не съедите?

— Гиппопотам твой дядя, что ли? Тоже выдумает...

Игорь сорвался с места. «Кем я буду? Кем я буду? А вот увидите, кем я буду!...»

Поворот направо мимо грота, по дорожке мимо сарайчика со старыми бутылками, все прямо-прямо до самой стены. Там против наглухо закрытых сквозных ворот стояла пустая каменная сторожка, двухэтажный, заросший плющом домишко. В первом этаже жили пискливые мыши и молчаливые пауки, во втором был кабинет Игоря.

* * *

Как бравый матрос, быстро перебирая руками и ногами, мальчик влез по наружной железной лесенке на балкончик, шагнул в прохладную комнатушку и осмотрелся. Все в порядке. На полу в углу старые высохшие гиацинтовые луковицы. Перед оконцем письменный стол из макаронного ящика. На столе испорченный автомобильный гудок, сломанная подкова и прочие письменные принадлежности. У стола — кресло, то есть ящик поменьше, а на ящике дамское седло... За окном мохнатое клеверное поле. Перелесок. Пшеница наливается... По шоссе, склонив голову, во весь дух мчится велосипедист, рубашка у него на спине пузырем вздулась. Почему не приделывают к велосипеду парусов? Ногами тогда перебирать не надо было бы. А сзади можно бы прицепить легкую повозочку: вези за собой хоть целое семейство...

Игорь достал с полочки тетрадку, старательно очинил карандаш и задумался.

Над головой, из оконца в дверь, пролетел знакомый воробей, в липовой аллее, тянувшейся темным-зеленым коридором до самого дома, заныла-застонала горлинка, толстый бронзовый жук шлепнулся о стол и растерянно заполз в автомобильный гудок, — Игорь не видел, не слышал. Сосал карандаш, это ведь очень помогает, когда думаешь, и морщил брови...

Кем он будет?... Еще недавно, вспомнил Игорь, когда он под стол пешком ходил и все его принимали за девочку, у него были разные планы. Вырастет и станет трубочистом. Подумаешь, счастье какое... Хлеб с маслом в руку взять нельзя, в сажу перемажешь, вот и ешь потом! Слюна черная, слезы черные и, когда в летнюю жару пот с трубочиста градом капает, пот тоже, должно быть, черный. А главное, трубочисты теперь на крыши

почти не лезят и вычищают трубы через камин в комнатах. Что тут интересного?

Потом хотел сделаться почтальоном. Он ходит по большим дорогам со своей сумкой. Задумчиво шагает под шум каштанов, приносит людям утешительные письма, и люди его благословляют... Но болгарский почтальон, когда Игорь с ним посоветовался насчет этой должности, отсоветовал. Осенью на дорогах слякоть и сырость, жалованье маленькое, детей у почтальонов всегда много, а печальных писем гораздо больше, чем утешительных.

Мечтал он, как и другие мальчики, стать пожарным. Но пожары бывают так редко, и тушат их теперь в пять минут. Сам видел. А если никаких опасностей и никаких подвигов... то и думать не о чем. Заливать водой паркет из паровой помпы можно даже обезьяну научить. Боцманом? Сделайтесь-ка боцманом, когда вам запрещают ругаться... И одному даже в привязанной лодке не позволяют сидеть. Да и Игнатий Савельич говорит, что теперь всюду флоты сокращают. Что же это за карьера?

Игорь посмотрел на пролетевшего мимо носа жука и посо-сал карандаш...

Нет... Из всех занятий в мире интересно только одно: быть изобретателем. Изобретать патентованные самозагорающиеся спички, конечно, недостойно мужчины. Он был весной с мамой на хозяйственной выставке, но все эти штуки могут привести в восторг только девочку. Прибор, который сразу переводит рисунок для вышивания на канву, электрический двигатель для соуса провансаль... Стаканчик для определения, какое яйцо тух-лое и какое полутухлое. Мама, конечно, радовалась. Но, во-первых, она ведь бывшая девочка, а во-вторых, у нее на руках все хозяйство, и каждый сливковзбиватель и мухovyгонятель дорог ее сердцу.

Он будет настоящим изобретателем... Папа говорит, что скоро от всех этих изобретений нельзя будет дышать, и смеялся, что через пять лет из Парижа в Нью-Йорк будут посылать по беспроводному телеграфу воздушные поцелуи и что он такого порядка не одобряет. Игорь тоже не одобряет и беспроводных поцелуев изобретать не намерен. Это бесполезные глупости... Эдисон, наверно, даже когда был мальчиком, о таких пустяках не думал.

* * *

Прошло полчаса, а может быть, и час. Когда человек, большой или маленький, думает, ворочается и сосет карандаш, время никогда не тянется ровно: то ползет, то летит, то оста-навливается...

Как написать? Одно цепляется за другое, другое за пятое, пятое за шестнадцатое... А шестнадцатое не цепляется ни за что и улетает в окно. Попробуй записать, и получится манная каша.

Мысль пробегает, может быть, сто километров в минуту, а карандаш... карандаш ничего не пробегает. Пиши после этого, пожалуйста!..

Вот какое сочинение промелькнуло в голове Игоря:

«Трубочистом и пожарным быть больше не хочу. Мама будет всегда волноваться, и я уже не маленький. Столько учился, писал диктовки, и вдруг трубочист. Папе будет стыдно. Буду изобретателем. Только самым главным, чтоб моим именем даже домашних зверей называли. Например, как пуделя — «Цезарем».

Прежде всего, когда кончу лицей, изобрету питательные сосульки. Каждая будет стоить одно су. Для стариков, детей и инвалидов бесплатно. А кто хочет получить жевательное удовольствие, можно давать ему в придачу банан или дыню. Детям — и дыню, и мороженое...

Потом... Мама всегда трепещет, когда переходит через улицу. Пусть потерпит. На перекрестках больших улиц я поставлю магниты. Величиной с дядю Васю. Если кто задерет кверху подметку с железной подковкой, магнит сию же минуту притянет его через все автобусы и трамваи на другую сторону... Бесплатно. Может быть, некоторые франтихи-девочки не пожелают подковываться? И не надо! Торчи на углу и жди полчаса, пока ажан сжалится и переведет тебя за ручку, как калеку...

Еще придумаю согревательные пилюли. Камин дымит, уголь кусается. Вот ты проглотил пилюльку, сразу тебе тепло и весело. И никакой внутри сажи. Особенно это приятно для шоферов: они, бедные, всегда сидят снаружи, их со всех сторон обдувает, а пилюльки будут им вроде центрального отопления.

Потом... Что потом?.. Альфонс Павлович жаловался в Париже, что ему всегда жарко. Надо для него изобрести прохладный костюм. Вроде ледника из мягкого алюминия. Под подкладкой кусочки льда, внизу кругом крантики, чтобы лишняя вода капала.

Еще хорошая штучка карманный граммофончик для вежливости. Нажмешь кнопку, и он вместо тебя говорит: «Доброе утро», «Как поживаете?». Шляпа сама собой на пружинке приподымается. А если кто наступил тебе на мозоль и не извинился, граммофончик шипит: «Вы невежа!»

Надо еще придумать пилюльки, чтобы видеть хорошие сны. У каждого будет каталог. Хочет мальчик видеть во сне «Прерии» Фенимора Купера, глотает пилюльку № 34, и готово. Или чтоб ему турецкая няня во сне рассказала «тысячу и вторую ночь». Проглотил № 519 и слушай до утра.

Потом — антизубрильный пульверизатор. Чтобы французские слова, названия рек и хронологию зубрить не надо было. Вот ты обрызгал себе голову таким составом, раз прочитал и на всю жизнь помнишь. Придумаешь лет через восемь, да будет поздно...»

А вот что он написал (клякс не было, потому что писал карандашом) в своей тетрадке:

Тогда я не буду мучить летом в жару мальчиков сочинениями. У них и так и диктанты, и главные горные хребты, и надо чистить зубы, ботинки и ногти. И я не сочиняльщик. Гоголь тоже, когда был маленький, после уроков лазил по деревьям и бил баклуши. А что из него вышло? Я буду изобретателем. Нечего, пожалуйста, смеяться... Вот, например, дядя Вася: он лентяй, лежит в гамаке по часам, бьет лежачие баклуши, и ему лень даже страничку в книге перевернуть. Я для него изобрету электрический перелистыватель. Дядя Вася уснет, а странички у него над ухом шелестеть будут. Очень приятно. И комар на нос не сядет.

Больше писать не хочу, а то он съест без меня всю дыню. Игорь.

* * *

Мальчик свернул сочинение в трубочку и вьюном соскользнул по железной лесенке в парк.

— Дядя Вася! Где вы?

— Ау! В га-ма-ке... Опять на «вы»?

— Ты дыню не съел?

— Нет! Тебя дожидаюсь.

— Вот молодец... А я бы не выдержал, съел.

— А ты сочинение написал?

— Написал.

Игорь, запыхавшись, вынырнул из куста у самого гамака и показал дяде свернутую в трубочку тетрадку:

— Вот. Отрежь мне маленькую половинку, а себе оставь большую. Спасибо. Ну и дыня!

Игорь «углубился» в дыню, так по самые уши и вьелся в нее. А сам на дядю косится.

Дядя углубился в сочинение. Туфля свалилась наземь.

Читает и большим пальцем босой ноги в гамаке пошевеливает. Это признак: дядя Вася в хорошем настроении.

VIII

НА ЮГ

Дядя Вася прогостил в усадьбе неделю. Как-то утром вынес он на веранду свой чемодан, разложил по скамейкам вещи и ушел с мамой Игоря в беседку—совещаться. Беседка была сквозная, и Игорь с вершины каштана все видел: дядя горячо что-то маме доказывал, убеждал, но она отмахивалась от него, как от большой, несносной мухи,—нет, нет и нет! Дядя опять жужжал, взмахивал руками, вот-вот взлетит к сквозному куполу. Наконец

мама согласилась, опустила голову и стала взволнованно щипать бахрому своего синего платка. Беспокойный какой дядя... Пользуется тем, что мама слабенькая, и пристаёт.

А дядя Вася встал в дверях беседки, сложил руки рупором, обернулся во все стороны и крикнул:

— Игорь!

Ага... Стало быть, о нем совещались. Мальчик с ветки на ветку, точно по привычным ступенькам, соскочил в траву, раздавил на щеке кровопийцу-комара и побежал к беседке. Дядя, хитро прищутив глаз, покусывал бородку.

— Садись.

Что такое? Кажется, все утро он вел себя так, что хоть картинку с него рисуй для хрестоматии: образцовый, примерный мальчик. Просят пальцами не трогать...

Игорь сел рядом с мамой. Она осторожно вытащила из пушистых волос мальчика застрявшую в них козявку и притянула его к себе. Все в порядке. Значит, не выговор, а что-то другое.

— Дядя Вася уезжает сегодня вечером на юг. К морю, в Прованс. Хочет снять там в аренду ферму. И просит, чтобы я тебя с ним отпустила недели на две. Что ты нам на это скажешь?

Что скажешь?! Игорь сжал плечики, точно хотел весь в прутик вытянуться, и тихонько-тихонько укусил маму за мизинец.

Она знала, что значит такой безмолвный ответ: «Очень хочу, ужасно хочу, умоляю!..»

— И тебе не будет без меня скучно?

— Будет. Но ведь только на две недельки... Там почта есть, дядя Вася?

— Разумеется. В Центральной Африке и то к баобабам почтовые ящики прибиты.

— Ну вот видишь. Я тебе буду каждый-каждый день две открытки посылать... Раскрашенные. Одну утром, другую вечером. И думать о тебе буду, и во сне тебя видеть буду. Пустишь?

— Не прыгай. Вот только папу в десять часов по телефону спрошу, он сегодня в Париже. Он, я думаю, тоже позволит... Только слушай внимательно. В море одному без дяди Васи не купаться. Ни-ни. Дай слово, иначе нам дальше и говорить не о чем.

— Честное-пречестное слово!

— Хорошо. Плавать только на мелком месте...

— Что ты называешь мелким местом?

— С твой рост. Не глубже.

Игорь тяжело вздохнул.

— А если я буду за дядю Васю держаться?

— Не торгуйся. Плаваешь ты еще, как котенок...

— Но ведь я так никогда не выучусь! Морская вода тяжелая, а я совсем легкий... И дядя Вася, как спасательная лодка, рядом ведь будет. Мамуся...

Дядя Вася только рукой отмахнулся:

— Нет уж, спасибо. Я тебе не морская нянька. Плавать далеко и на буксире тащить барахтающихся мальчиков не намерен.

— Я согласен. Раз вы оба сговорились, ничего не поделаешь.

— Слушай дальше,— сказала мама.— Купаться будешь два раза в день, минут по десять, не больше.

— А шлепать по воде можно?

— Это уж там на месте дядя Вася решит.

— Там видно будет.— Дядя подмигнул Игорю и опять пожал свою бородку.— Другие мальчики до того дошлепываются, что совсем лиловые становятся. Как персидская сирень.

— По солнцу без шляпы не бегать. Разгорячишься — воды не пей, пока не остынешь.

— Я не буду, мамуся, горячиться.

— Хорошо. Босиком не бегай, сандалии у тебя есть. Там колючки и, кажется... змеи.

— Змеи есть, дядя Вася?

— Попадаются.

Игорь все покорно выслушал. Все мамы такие. Будто мальчик хрустальный бокал — чуть что, сейчас же и треснет... Или ко дну пойдет. Пусть. Будет ходить в шляпе и в сандалиях, — даже в цилиндре согласен ходить. Лишь бы поехать!..

Мама посмотрела на свои часики и пошла к телефону звонить папу.

Ура! Разрешил, разрешил, разрешил...

Дядя Вася вскочил на велосипед и покатил в соседнее местечко покупать Игорю купальные трусики: полосатые, синие с белым, — матросских цветов. Уж в этом, по крайней мере, Игорю никто не противоречил.

А мама долго ходила с сыном вдоль липовой прохладной аллеи, крепко прижимая к себе притихшего мальчугана. Будто на Северный полюс его отправляла...

Потом поцеловала Игоря в темя, вздохнула и пошла в дом укладывать его вещи.

* * *

Вечером к Лионскому вокзалу в Париже подъехала в такси вся четверка: отец Игоря, его мама, дядя Вася и сам Игорь. Вещей, слава Богу, было немного — мужчины ехали: чемодан дяди Васи, чемоданчик мальчика да корзиночка с провизией и питьем, — в дороге свой буфет — первое дело.

Долго бегали вдоль развернутой змеи вагонов, пока нашли свой вагон и места. На месте Игоря сидел толстый негр и равнодушно жевал хлеб с сыром, — будто корова жвачку. Ему показали ярлычок с номером на стенке, плацкартный билет, но он ничего не понял. Улыбался и кивал головой. И только кондуктора

послушался: «Надо уходить? Хорошо. Посидеть ведь и в коридоре на сундучке можно...» Так, ничего не поняв, и ушел.

Игорь было смутился и сказал, что не надо негра обижать. Он, Игорь, сам готов посидеть в коридоре. Но взрослые на него замахали руками: «Что ты, что ты? Ведь плацкарты взяты на двоих... А в коридоре заснешь, свалишься, все на тебя наступать будут. И потеряешься без дяди Васи, чудак этакий...»

Потоптались в купе, кое-как расселись, Игорь все свои клятвы опять повторил: «Одному не купаться, по жаре без шляпы не бегать, босиком не ходить...» Ух! Потом стали целоваться. Французы-соседи, должно быть, подумали, что Игорь с дядей по крайней мере в Индию едут.

Опять целовались на крытой площадке, да Игорь еще на платформу соскочил контрабандой, с мамой последний раз поцеловаться, но уж тут все на него зашипели, и дядя Вася его за пальтишко уцепил и в вагон снес. Уже стемнело, но Игорь на всякий случай в окно платком помахал. Мелькнула мамина шляпка, а может быть, и не мамина, и вокзал уплыл — исчез.

Игорь сразу подтянулся и придвинулся к дяде Васе: дядя для него теперь как дуб, вокруг которого он плющом обвился, не отдерешь. Сидели тихо-тихо, как всегда в начале дороги сидят. Пассажиры зевали, каждый по-своему: дамы, прикрывая рот ладошкой, мужчины потягиваясь и кряхтя, а дети, как акулы, во весь рот. Достали подушечки, пристраивали их сбоку на тесемках, французы спят, сидя в вагонах, как куры на жердочках. Отлично спят. Какого-то сонного младенца подвесили в гамачке над диванчиками, лучше всех малыш устроился. В окне пролетали огни фабричных поселков, снова чернильная тьма, фонари вдоль пустынной улочки... Колеса гудели, пролетая над мостами, и снова выбивали четкую польку, выносясь на широкий путь.

Дядя Вася подвинулся в угол, положил на колени подушечку, снял с полусонного Игоря ботинки, расстегнул ему ворот и велел укладываться.

— Да ведь тебе неудобно. Я сидеть буду... Смотри, французы же сидят.

— Никаких испанцев. Подожди под себя ноги. Левую руку под голову. Спи. Не то негра к себе на колени уложу, а тебя в коридор выставлю...

Как же... Хотел бы Игорь видеть, как негр на коленях у дяди Васи храпеть будет...

Сосед привстал и задернул синей занавеской светлый колпачок в потолке. Как греет пальтишко... Вагон рвется вперед, словно дикий мустанг, качается, не вывалился бы малыш из своего гамачка... Колеса тараторят все быстрее — быстрее — быстрее...

В вагонном окне сияет солнце. Игорь привстал — ах, как затекли руки и ноги! — и удивленно протер глаза. Пробегают лохматые виноградники, между ними цементные, квадратные

чаны с сизо-голубыми краями. Вдали за холмом забелел городок: тускло-красные, черепичные кровли, старые, шербатые стены, будто стадо баранов с холма сбегало и окаменело. Грузная башня с пирамидальной верхушкой и резным циферблатом часов...

— Подъезжаем, дядя Вася!

Дядя Вася рассмеялся.

— До Марселя еще не добрались. Потерпи. Пойди-ка личность свою умой... Есть будем.

Игорь обмотал шарфом вокруг шеи полотенце и протиснулся среди французских ног в коридор. Вернулся, на ушах мыло, на подбородке капли, глаза как у веселого пуделя. Раскрыли корзиночку.

Мамины пирожки... Любимые: с капустой, с рисом и яйцами. А он даже маму во сне не видел... Что ж делать, свернулся клубком, одеревенел, а вагонная стукотня все сны спугнула.

Пили красное вино с водой, только очень трудно было уследить, чтобы капли на штанишки не падали, трясло, как горох в решете.

— Можно, дядя, негру пирожок отнести?

— Вспомнил! Давно твой негр слез... Станет он твоего пирожка дожидаться.

— Зачем, дядя Вася, голубые чаны среди виноградников?

— Виноград опрыскивают. Примочка такая, чтоб всякая гадость не заводилась.

— А это что по холмам? Ивы?

— В Болгарии разве не было? Забыл? Маслины старые. Видишь, какие колченогие, будто старушки с клюкой.

— Смотри, смотри! Деревья какие ободранные. Будто скальпы с них сняли. Разве можно стволы портить?

— Пробковый дуб. Одну кору пояском сняли, другая нарастет. Не пальцами же бутылки затыкать.

— Ослик в тележке... Какой душка! Почему на него собака бросается?

— А мы из Марселя его хозяину телеграмму пошлем. Спросим, в чем дело.

Игорь прикусил язык. Насмехается дядя Вася. Сам, когда был маленький, и не такие вопросы, наверно, задавал...

Мальчик прильнул носом к стеклу. Дядя Вася задумался, не надо ему мешать. Но когда в просвете между холмами блеснул синий-синий треугольник моря с косым парусом у самого неба, с серой колбаской-миноноской посреди заливчика, Игорь не выдержал:

— Море, дядя Вася! Скорей, скорей, смотри же!..

Все пассажиры и дядя Вася повернули к морю головы. Нельзя не повернуть. А Игорь до самого Тулона ни на что больше не смотрел. Даже одинокие, растрепанные пальмы пропускал мимо глаз, будто это самые обыкновенные платаны были. От марсельских пыльных домов отвернулся,— Бог с ними, с до-

мами! Только ловил, когда поезд кое-где подбегал ближе к берегу, куски сине-голубого сияния, втиснувшуюся в острые берега морскую синьку, игрушечные с высоты кораблики и паруса и похожие на ихтиозавров дымные очертанья островов...

В Тулоне вылезли, и в колясочке под балдахинном, вялая лошадь в соломенной шляпке, похожая на худого страуса, еле перебирая ногами, повезла их к вокзалу узкоколейной дороги. По бокам мелькали белые дома, прохладные навесы над магазинами; посреди мостовой, раскачиваясь, проходили группами веселые матросы. Колясочка обогнула гавань: киты-пароходы вздымали корму над набережной, словно собираясь в город вползти. Пыльные пальмы на слоновых ногах раскрывали поникшие от жары зонтики.

Вот и вокзал. Сели в детский поезд с открытыми балконами. Тронулись пестрой гусеницей вагоны. Опять домишки и загородные уютные виллы. Перелески олив... Поезд свистит и, круто изгибаясь, врзается в глубь рыжих холмов. Колеса роко-чут. Пассажиры, отдуваясь, вытирают со щек и с шеи капли пота. Жарко! И только порой морской ветерок пощекочет волосы, овеет влажным веером горячее лицо.

— Дядя Вася, скоро?

— Потерпи, козявка. Через полчаса приедем.

* * *

У станции путешественников встретил знакомый дяди Васи, русский фермер — бритый, коренастый, руки и лицо цвета копченого сига, поперек живота широченный голубой пояс. Развернуть, — пожалуй, во всю платформу бы лег.

Поздоровались, расцеловались. У ограды вокзала стояла высокая двуколка. Молодой лоснящийся мул нетерпеливо хлопал широким копытом о землю, тряс розовыми кистями. А на поперечной доске сидел сын фермера, Мишка. Такой же загорелый, как отец, в пикейной шляпе вареником, вокруг живота такой же пояс. Дружелюбно переглянулся с Игорем. Ни слова не сказали, но мальчики и без слов понимают, с кем стоит дружить, с кем нет. Это только взрослые с первой же встречи обо всем болтать начинают.

Мул обернул голову: можно ехать? И, не дожидаясь ответа, тронулся с места. Одно ухо вниз, другое к русской речи прислушивается.

По дороге фермер сказал дяде Васе, что первые дни придется ему с Игорем пожить в хижине на соседнем холме. Складные койки он уже вчера туда свез... А на ферме в их комнатухе сейчас еще гостит земляк-приятель со своей женой. Дядя Вася мотнул головой, — ладно.

Игорь встрепенулся: за поворотом зашипели пологие, сверкнувшие на солнце золотисто-голубой чешуей волны. Раскрылся

тихий залив, кремовая полоса пляжа, прорытая волнистыми грядками гравия... Острый мысок с зелеными коронами сосен. Далекий остров,— маяк,— сонный парусок.

Море!..

Мишка, а за ним и остальные соскочили с двуколки. Песок все глубже. Мул, правда, силач, но зачем же ему зря напрягаться.

Игорь свернул было к воде, но дядя Вася поднял кверху палец: успеешь.

Осилили крутой пригорок. Глубокая колея дороги свернула в лесок. Вдали глухо залаяла собака.

— Хризантема,— объяснил Мишка.— Наш пес.

За стволами показалась коричневая, пушистая шуба. Собака ткнулась в Мишкины ноги, толкнула носом Игоря и дядю Васю,— ничего, люди симпатичные,— и стала скулить, жаловаться, изгибая перед мордой мула спину.

— Это она жалуется, что ее на станцию не взяли,— сказал Мишка.

На ферме их встретили, точно они к себе домой приехали. На веранде под пальмой кипел самовар, на столе желтел мед и масло. Тень, прохлада, тишина... За соснами — сапфирный лоскуток моря. В ушах все еще вагонные колеса стучат.

Тетя Даша,— сестра фермера,— колобок на пухлых ножках,— ласково потрепала Игоря по голове, повела умываться, вынула из его чемоданчика чесучовую рубашку и голубые штанишки: надо же после пыльной дороги мальчику переодеться. Потом покормила и первая догадалась, отчего Игорь все влево посматривает.

— Что ж ему тут с нами, взрослыми, сидеть... К морю хочешь? По глазам вижу... Пойди-пойди с Мишей, он тебе все покажет.

— Дядя Вася, миленький, можно?..

— Ступай, дружок. Только в воду — ни-ни. Слово помнишь? И далеко не убегай. Нам ведь надо засветло до своего холма добраться.

Игорь вскочил со скамьи, «спасибо» сказал уже на бегу и помчался с Мишкой сначала в конюшню — скормить мулу последний мамин пирожок с капустой. А оттуда вдвоем резвыми козлами понеслись сквозь шершавые кусты к тихо ворчащей воде, к широкому простору, к пустынному, зеленому лукоморью... К морю!

IX

НАХЛЕБНИКИ

Когда утром Игорь проснулся и посмотрел со своей койки за раскрытую дверь, ему показалось, что он лежит посреди рая. Не выйдет ли сейчас из-за ствола цветущей мимозы добродушный

тигр с пучком травы в зубах, кротко мурлыча: «Доброе утро, мальчик...»

Как он сюда попал?.. Смутно вспомнил вчерашний день, станцию, мула, Мишку, ферму у моря. А уж как под вечер в хижину добрались, как раздевался, как уснул,—точно морским ветром из головы выдуло. Да и как помнить, когда по дороге к холму на каждом повороте спотыкался,—глаза слипались...

Он свесил босые ноги и протер глаза. Во все концы взбегали кудрявые, зеленые холмы. Медленные облака словно вплывали в хижину. Небо было такое ясное, густо-лазурное, что и карандаша такого цветного не найдешь, чтобы эту лазурь передать. Налево в буро-зеленых изгибах и складочках залива сверкало на солнце морское синее золото. Вот так бы и полетел, размахивая над стволами рукавами халатика, прямо к ней, к широкой сапфирной воде... «В раю моря не было,—подумал мальчик.—Какой же это рай без моря?»

А воздух был еще сочнее и благоуханней той сосновой эссенции, которую в усадьбе подливали в ванну.

— Встал, кролик?—раздался за дверью веселый голос дяди Васи.

— Встаю!

— Нравится тебе здесь?

— О!.. И-зу-мительно...

Игорь взбил кувырком постель и хлопнул кулаком по подушке. Но потом одумался,—дядя Вася ворчать будет,—и, как умел, расправил, разостлал одеяло.

Умывался из зеленого рукомойника, который качался на мимозе. Струйка летела мимо, студеные брызги попадали за шиворот: пусть. К мылу в расщелине ствола налипли желтые пушинки цветов. Полотенце весело качалось рядом на ветке,—всегда бы так умываться... А домик их был точь-в-точь, как большая спичечная коробка, покрытая двумя картами.

Под соснами на четырех высоких кольях желтела широкая доска. Когда это дядя Вася успел соорудить стол? Все утро стучал топором, вколачивал, прибивал,—но разве разоспавшийся мальчик услышит?

* * *

Пили чай. На тарелочке лежал сахар, хлеб и остатки парижских бисквитов. Дядя Вася вскрыл продолговатую коробку с американскими консервами: корнет-биф.

— Это буйвол, дядя Вася?

— Бегемот.

— Очень вкусно! Преочень...

Над головами, над руками, над тарелочками закружилась легкая эскадрилья ос,—три, шесть, восемь...

— Ай, осы! Прочь... Дядя Вася, у тебя над ухом две!

— Сиди смирно и ешь. Они тебя не тронут.

Игорь притих, набил полный рот «бегемотом» и искоса стал следить глазами за налетевшими разбойниками. «Чего им от нас надо?»

Осы набросились сначала на сахар,—подбирали сладкие крошки, подгребали их лапками ко рту, сосали. Объедали углы у бисквитов. Каждая облюбовала свой кусочек, не толкалась, не мешала другим. Умницы... На людей не обращали никакого внимания,—будто огородные чучела за столом сидят. Потом добрались и до мяса. Вздрагивая перетянутой талией, обтачивали-отгрызали клочки мяса, улетали с лакомой добычей куда-то вкось за лохматый вереск и возвращались. А быть может, это новые прилетали им на смену: передали друг другу по беспроводному телеграфу—«летите—на холм—к лесному—домику.— Там—появились люди.— Поставили—на стол—очень—вкусную—штуку».

— Разве осы мясо едят? — изумленно спросил Игорь, стараясь не шевелить локтями.

— Как видишь.

— Да ведь это не их пища... Какое ж тут в лесу мясо?

— Понравилось. Ты ананаса никогда не ел. А дай тебе, сразу во вкус войдешь.

— Они все перетащут. Что ж нам останется?

— Останется, не волнуйся. Вот мы сейчас жестянку блюдцем прикроем,— и точка.

Осы заволновались, потолкались вокруг блюда, попробовали подобраться снизу: нельзя.

— Какие красивые... Они вроде георгиевских ленточек: оранжевые с черным. Правда? И вовсе не злые...

— Да, пока им поперек дороги не станешь.

Осы расхватили последние кусочки с доски и одна за другой полетели к мимозе.

Игорь вскочил и побежал вслед.

— Смотри, дядя, они пить полетели!

В самом деле, над рукомойником жужжали маленькие пестрые твари. Влетали—через широкое горло и узкий носик—и улетали довольные и бодрые: человек тут для них на холме осиный пансион открыл.

— После жирной пищи всегда пить хочется,—сказал, убирая посуду, дядя Вася.— Мы пили чай, они воду. Дай им вина—тоже высосут... Вот. Я, дружок, спущусь в город за всякой всячиной. Через два часа вернусь.

— А я? Я тоже пойду.

— Устанешь. Вчера намаялся немало. Посидишь здесь. Бумажки все и мусор за лесок снеси, чтоб все в порядке было. Здесь безопасно: осы не кусают, землетрясения не предвидится, удавов нет.

— Я не боюсь.—Игорь посмотрел на валявшийся у ствола топорик.

— И чудесно. Никуда пока не отлучайся. Комнату подмети. Французская книжка в чемодане. Огня, пожалуйста, не разводи...

Взял заплечный мешок и пошел к перевалу, откуда спуск к городку начинался.

Комик этот дядя Вася. «Комнату подмети, огня не разводи...» Будто Игорь сам своих обязанностей не знает.

* * *

Пол в сторожке был земляной, стены неоштукатуренные, и дыр в кирпичках не меньше, чем звезд в небе, когда считаешь их вечером, лежа на койке, сквозь раскрытую дверь... Но, слава Богу, ни на полу, ни в стенах ни одного тарангула, ни одной сколопендры. Дядя Вася как хочет, а Игорь удрал бы от них сразу, подвесил бы между соснами гамак и жил так не хуже лесного дрозда.

Веник из можжевельновых ветвей гладко выгладил пол. Дно чайника выскоблено песком. Что же еще? Стекла разве в окошке промыть?

Игорь распахнул тугую, пыльную ставню. По неровной стене что-то прошуршало вверх к потолочным балкам... Змея?.. Прошла минута.

С верхней перекладки свесилось и робко поглядывало на мальчика презабавное создание: плоская серая голова, раскрытая длинная пасть, плоское туловище в бугорках, растопыренные коренастые лапки...

В сказках рассказывают про мальчика с пальчик, почему и не быть «крокодилу с пальчик»? — подумал Игорь и сделал вид, что совершенно не интересуется новым сожителем (это ведь лучший способ, чтобы что-нибудь узнать о любой твари).

Уродец не шевелился. Маленькая ящерица-крокодил терпеливо ждала, когда непрошенный гость уйдет из ее дома прочь. Но он внес в дверь ведро, походный стул и стал прилаживать висячие полки. Полки? На стене?! А может быть, он, такой длинноногий и страшный, будет лазить по полкам и доберется до самого потолка?.. Ящерица забилась под балку, только короткий тупой хвостик торчал наружу и по временам вздрагивал: это у нее сердцебиение передавалось в хвостик.

А когда Игорь стал вколачивать в щели между кирпичами большие гвозди, испуганный зверек заметался во все стороны, то ныряя в светлые дыры под черепицу, то обегая домик по наружной стене и растерянно заглядывая через край подоконника... Что такое?! Мальчик хочет разворотить дом! Удирать или еще подождать чуточку?..

Но полки были прибиты, припасы на них расставлены, и «крокодил» успокоился: застыл над самой полкой, не сводя с нее крохотных, бисерных глаз. Очень она его заинтересовала...

Да, конечно. Игорь вспомнил. Вчера на ферме в конюшне мула такой же урод показался. Мишка сказал, что местные

крестьяне так эту ящерицу и называют — «маленький крокодил»! В прошлое лето поймали на дороге такого «крокодила» величинной... с полметра... Бр! Ящерицы эти не ядовиты,— Мишка знает, раз говорит. Преискусно ловят насекомых. В самом деле,— в хижине ни одного паука нет. Но, говорят, когда на них наступить ногой или их чем-нибудь рассердить, они очень больно кусаются.

Игорь задумался. А вдруг этот крокодил,— сейчас его в карман положить можно,— через месяц вырастет с чемодан? Или ночью спустится погреться в туфлю? Игорь встанет воды напиться и на него нечаянно наступит... А тот разозлится и укусит Игоря за пятку... Что ж тут мудреного? Наступи на мальчика, он ведь, пожалуй, тоже укусит... И вообще, как теперь с таким чудовищем вместе жить? А если он впотьмах заползет в рукав куртки и Игорь его утром, когда будет одеваться, прищемит? Помилуй Бог!

На стене что-то зашуршало. «Маленький крокодил» сидел на полке верхом на банке со сгущенным молоком и, доверчиво поглядывая на мальчика, слизывал сладкие густые капли...

Игорю стало стыдно. И, повернувшись к полке, он сказал кротко и убедительно:

— Уродина! Пей наши сливки, ешь наши персики и бананы,— я позволяю. Если я не позволю, ты ведь все равно не слушаешься. Я постараюсь никогда на тебя не наступать и ничем тебя не злить... Только, пожалуйста, не кусайся и, ради Бога, не заползай ночью ко мне под одеяло, а то я сойду с ума от страха...

Маленький крокодил поднял голову, и Игорю показалось, что он тихо-тихо пискнул в ответ: «Хорошо. Я согласен»...

* * *

Медленно покачиваясь, возвращался дядя Вася в свою лесную сторожку, нагруженный, как мул, хлебом, овощами, пакетами с рисом и овсянкой и подобранными у тростников дикими грушами. У колодца он обернулся: сзади кто-то вежливо вздохнул, словно хотел сказать:

— Обернитесь, пожалуйста...

Из тростниковых джунглей вышла на тропинку тощая долговязая собака из той незнатной породы, у которой хвост крендельком, а уши варениками. Человек остановился, пес тоже. Он внимательно, опытным глазом бродяги осмотрел пожитки дяди Васи, его выгоревшую на солнце куртку, его лицо, и когда тот снова стал подыматься в гору, пес решительно пошел за ним, точно дядя Вася был его дедушкой, с которым он встретился после многолетней разлуки.

Его решение было нетрудно понять:

Не здешний... Не фермер, фермеры овощей из города не носят... Мяса не принес, но пустой желудок можно и супом

с хлебом наполнить. Не злой, скорее добрый, стало быть, не прогонит. Из той породы людей, которые каждый год наезжают со всех сторон в Прованс, чтобы валяться на песке у моря и слоняться с места на место. Вроде бродячих собак...

Пес не ошибся, дядя Вася его не прогнал и у дверей сторожки исполнил первый долг гостеприимства: дал ему в жестянке из-под сардинок холодной колодезной воды. Жестянка была гораздо меньше собачьей жажды, но человек терпеливо подливал воду, пока пес, из вежливости омочив последний раз язык, не взглянул на него благодарными глазами:

— Спасибо.

И улегся у дверей, будто он всю жизнь здесь прожил.

— Игорь! — закричал дядя Вася. — Где ты? Я нового квартиранта привел.

— Ау! — Голова мальчика мелькнула среди кустов, и через минуту детские глаза удивленно рассматривали тощего пса.

— Какой он худой!.. Будто голодающий факир. Где ты его, дядя Вася, нашел?

— Нигде не нашел. Увязался за мной. Идет и идет. Так вот и пришли...

Дядя Вася и Игорь сидели, болтая ногами, на постели в сторожке. Пес у порога — снаружи. Он, конечно, постарался им объяснить, как умел, что он совсем не хочет есть, что пошел он за человеком только потому, что тот ему понравился... Осторожно, словно невзначай, перенес он переднюю лапу за порог... Но дядя Вася очень любил собак и очень не любил блох, — глаза их встретились, и пес понял, что пообедать и на дворе можно. Дядя Вася размочил сухой хлеб в разбавленном водой скисшем молоке (не бежать же на соседнюю ферму за сливками!). Пес съел. Он был очень голоден — впалые бока, чуть-чуть торопливые глотки... Но не чавкал, старался есть медленно, с достоинством, как не всегда едят даже сытые мальчики.

— Он будет у нас жить? — тихо спросил Игорь.

— Не похоже. Такого не так легко приручить...

Мальчик протянул было руку к шершавой голове зверя, но тот недоверчиво отодвинулся. И виновато завил хвостом: «Извини, пожалуйста, но я к нежностям не привык... А вот съел бы еще что-нибудь с удовольствием...»

Дядя Вася сварил на примусе рисовый суп с томатами. Блюдо не совсем подходящее, но разве у него собачья кухмистерская?..

Они честно поделили между собой суп, а на закуску Игорь дал псу бумагу из-под масла, которую он, жмуря глаза от удовольствия, старательно облизал, — так облизал, что бумажка совсем прозрачной стала. От вина отказался. Даже обиделся, как, впрочем, собаки всегда обижаются, если человек им что-нибудь несуразное предложит... И в самом деле: предложи вам кто-

нибудь после ужина копировальных чернил, разве вы не обиделись бы?..

Из виноградника выполз с киркой старичок Сангинетти, хозяин фермы, лежавшей у холма, маленький, похожий на хитрую ящерицу, человечек. Посмотрел на лежавшую у порога собаку, почмокал плохо выбритой губой и сказал:

— Ваш пес?.. Не ваш? Здесь ни у кого такого нет,—уж я знаю... Не люблю ни кошек, ни собак! Кошки—воровки, собаки кусаются. Вот вы ее накормили, а она вам за это, хи-хи, брюки порвет...

«Вздор какой!—подумал Игорь.—Какая собака обидит человека, который ее напоил, накормил и у своего порога приветил?..»

Псу тоже не понравился сухой, похожий на шорох выцветших листьев кукурузы, голос старичка. Он толкнул дядю Васю носом в колени, вильнул дважды хвостом (ужин был неважный, особенно вилять не стоило) и, презрительно обогнув старого клеветника, исчез за холмом в кустах можжевельника. Сыт, день тихий и теплый,—а что завтра будет, об этом только люди думают...

Х

ЦИКАДЫ

После купанья дядя Вася забирался обыкновенно в дюны и принимал солнечные ванны. Голову закрывал широкой, как лопух, африканской соломенной шляпой. И ложился под можжевельником так, чтоб еще тень ему на голову падала: очень он своей головой дорожил. А все прочее пеклось на средиземном солнце, как каштаны в жаровне... Для того же, чтоб кожа не лопалась, чтобы ожогов и пузырей не было, дядя Вася смазывал себя прованским маслом. И лежал, весь блестящий, будто гигантский желтый перец, который в местечке за почтой продавали. Иногда еще обсыпал себя из ладони мелкой косой струей песка и становился тогда матовым, как наждачная бумага.

Игорю долго лежать надоедало. Песок в волосах, в ушах, на языке. Снизу печет, сверху жарит. И потом все мухи и оводы, которые на дядю Васю не садились, потому что он был смазан маслом, как сумасшедшие приставали к Игорю. Машет он, машет сосновой веткой, пока в плече не заломит. Вскочит, встряхнется, натялит на себя уже просохшие купальные трусики и пойдет к себе, вдоль камышовой гряды на горку цикад слушать.

Состязание там у них, у лесного домика, цикадное. Как раз в полдень, в это время начинается...

Заводила свою музыку, как всегда, сначала одна — на сосне, на которой одну лапу мистраль сломал. Не спеша потрещит-поскрипит, во вкус она еще не вошла... Остановится, опять потрещит и, как опытный пильщик, медленно и ровно начнет тянуть свою нотку: рик-рик, рик-рик... И вот через три сосны откликается другая. У этой звук потоньше, но выдержка не та, — нервничает, сразу дает перебой и торопится, точно у нее времени в обрез. Эка, подумаешь, невидаль время для цикад!

Первая цикада наддаёт: чуть-чуть быстрее, но так же ровно и крепко. Контрабас прочный, смычок уверенный, выносливость верблюжья, уж она своего не уступит...

Вторая, как вербный черт на резинке, раскручивается все быстрее, входит в азарт, выдаивает свои силы нерасчетливо и неровно... Уж никто бы на такую суматошливую тварь сантимата не поставил!

Игорь вперед знает, что будет. Состязание тянется третий день. У каждой цикады своя сосна, свои повадки и свой конец. Первая — ни на миг не собьется, учащает незаметно ритм, пилит все настойчивей и тверже, вторая трещит скачками, быстрее-быстрее-быстрее дергает свою резинку и вдруг... зззы-ы... обрывает музыку длинной беспомощной нотой. Струна лопнула, глаза на лоб вылезли, — полный провал.

А первая торжествует: настойчиво, точно гвозди в соперницу заколачивает, потрещит еще минуту-другую и самоуверенно-твердо поставит последнюю точку: «попробуй-ка, справишься со мной!»

Ветра эти воздушные музыканты не любят. Когда над лесными холмами дует порывистый мистраль, когда улетает с камышовой перекладки полотенец, когда качается во все стороны зеленый рукомоиник, когда разлетаются по всему лесу целые странички из Майн Рида, над которыми Игорь сидит под сосной у шаткого стола, тогда смолкают и цикады... Отдыхают, должно быть, в кустах лаванды, в зарослях дрока и можжевельника, куда надоедливому ветру ни за что не продрасться.

Но в тихий солнечный день все холмы переполнены сухим треском: бьют маленькие контрабасы, скрежещут напильники, пилят невидимые пилы. Не только на соснах — на сухой оливе у дороги — поселился музыкант и на смоковнице у колодца... Пойдет Игорь за водой, а тот и рад, — слушателя себе нашел, — и трещит, трещит до одурения, никакого ему соперника не нужно...

Других развлечений у них нет. Не играть же им в футбол или в теннис, а в кинематографы, насколько известно, цикады никогда не залетают. Не любят.

Игорь понимает... Сам ведь он тоже развлекается, — свистит часто на весь лес и не спрашивает ни у муравьев, ни у ос, ни у цикад, нравится это им или нет. А ведь он чужой мальчик,

пришел и поселился на зеленом холме самовольно,— ему ли лесным жителям законы предписывать?

И все же порой невтерпеж. Птиц нет, звонкого пения не слышно. Только юркие сороки по виноградникам рыщут, спелые ягоды ощипывают, да воробьи над дорогой вьются.

Уж не цикады ли распугали певчих птиц? Как тут петь, когда на всех соснах и пробковых дубах от зари до зари трещотки трещат...

И вот, когда мальчик сидит часами и на далеком море в просвете между зелеными вершинами смотрит, а над головой цикадная тварь заведет свою волынку, полный концерт от полдня до заката без антрактов,— хлопнет он в досаде палкой по стволу и крикнет в густую труппу веток:

— Перестань! Скажи, пожалуйста, Шаляпин какой завелся!.. Дерево спилю, голову тебе отрублю, ноги переломаяю!

Цикада протяжно дзыкнет и сконфуженно смолкнет. Есть, значит, совесть даже и у цикад. Через минуту осторожно попробует снова: рип-рип, а Игорь опять палкой по стволу:

— Перестань!

И замолчит надолго, иногда до самого ужина не пикнет.

* * *

Вчера и дядя Вася в цикады попал. Не верите? Он и сам долго в себя прийти не мог, так неожиданно это случилось...

У живущей внизу, высохшей, как старая ива, крестьянки достал он топор,— свой затерялся. Топор был вроде хозяйки: щербатый, ржавый, колченогое топориче; но другого не было, а дяде Васе надо было сколотить под сосной скамью, потому что он не туркестанский пастух, который на земле сидит и собственную голую пятку при луне рассматривает...

Отчистил топор песком, стал лезвие на камне оттачивать. Сталь мерно запела: жаж-жаж... Очень приятная музыка...

Боже мой, как цикады разволновались! И не только те две, что между собой состязание устраивали, подобались и другие с соседних сосен и, обступив чужестранца кольцом, яростно стали заглушать голос его топора. Они решили, что под деревьями появился новый музыкант, двуногий, без крыльев, со светлым куском в руках, которым он так трещит и скрежещет, что и сотне цикад его не заглушить. Они так согласно трещали, словно ими управлял невидимый дирижер.

«Трещите! Не сдавайтесь... Рип-рип... Подступайте ближе... Выдержкой берите, раз-два. Он устанет! Он непременно устанет. Скорее! Чуть-чуть скорее,— рип-рип! Эй, там, позовите еще цикад, мы ему покажем!»

Дядя Вася тоже, признаться, разволновался. Все яростней и сильнее стал водить лезвием по камню, только искры летели да эхо за холмом отзывалось тоненьким подголоском.

Но... Стыдно об этом рассказывать,—пришлось дяде Васе в конце концов сдаться. Во-первых, было очень жарко... А во-вторых? Вот вы сами попробуйте перескрипеть цикаду, тогда и спрашивайте!

Игорь спросил как-то знакомого мальчика, который гостил у почтовой чиновницы в городке и собирал что попало — козявок, ракушки и почтовые марки: «Видел ли ты когда-нибудь цикаду? Какая она?»

Мальчик ответил, что цикада вроде саранчи, а саранча вроде цикады.

Пастух, который утром и вечером гонял мимо холма коз, объяснил, что он здесь живет шестьдесят четыре года и никогда ни одной цикады в глаза не видел. На открытых письмах, которые продавались в табачной лавочке, внизу у залива, цикад тоже не было. Пальмы, маяки, рыбаки, русалки с биноклем в руке, но ни одной цикады...

И вот русский мальчик ее наконец увидел. Он уже не стучал по деревьям,—привык. Пусть трещат. И даже думал, что эта милая сухая трескотня наполняет горячий смолистый воздух жизнью и бодростью... Но в самый разгар состязания одна из цикад, хотя еще было далеко до конца, вдруг осеклась и боком-боком, косым перелетом слетела с сосны наземь... Встрепенулась, поднялась было до высоты Игорева колена, снова бухнулась вниз, зарылась головой в хвою, задрала вверх туловище и замерла.

Она была в обмороке. Надорвалась. Совершенно ясно. Игорь положил ее на ладонь: совсем она не была «вроде саранчи». Скорей — большая муха, крупнее овода, серое тельце, выпуклые глаза, брюшко коленчатое, словно у жука... и чудесные крылья. На свет только сетчатые ниточки чернели, сама перепонка казалась невидимой, и только сбоку сквозила она тончайшим стеклом-слюдой. Вторые крылышки были поменьше.

Посреди брюшка темнела трещинка. Когда Игорь невзначай тронул ее пальцем, цикада очнулась и пищалка-трещинка вдруг затрещала... «Так вот она чем трещит!» — подумал изумленный мальчик. Но цикада опять застыла, как большая, толстая муха, начиненная марципаном. Он не знал, как надо обращаться с цикадой, когда она в обмороке. Положил ее на ладонь, лапами кверху, принес в свой лесной домик и бережно опустил на стол. Дать ей понюхать одеколону или влить ей в рот каплю красного вина? Попробовал поставить ее на лапки, — сваливалась набок.

Но она была жива, — концы крыльев, лапки и усики чуть-чуть дрожали.

Мальчик, который собирал козявок и уверял, что цикада «вроде саранчи», конечно, сейчас же сунул бы ее в «морилку», уморил эфиром, наткнул на булавку, приклеил сверху латинский паспорт и готово...

Игорь поступил не так. Положил бедную цикаду на свое любимое голубое блюдо и стал осторожно обмахивать ее страничкой из Майн Рида. Это помогло. Через минуту... две... раздался знакомый треск и цикада сквозь распахнутую дверь полетела на свою сосну.

* * *

Вечером, когда солнце садится за один холм, а из-за другого медленно вылезает бледная любопытная луна, когда осы мирно прилетают к зеленому рукомойнику пить, а внизу вдоль дороги пылит и гулко позванивает бубенцами козье стадо, вечером цикады смолкают. Нельзя же трещать и днем и ночью. Надо уступить место другим.

По склонам среди курчавых виноградников, под сухими пыльными кустами маргариток и колючей ежевикой разливаются вдоль всей долины переливчатый тихий звон. Это поют сверчки. Луна подымается выше, звон громче, согласнее и полнее...

Цикады спят. Видят ли они сны и что видят во сне, неизвестно. А ученого мальчика, который уверял, что цикада «вроде саранчи», лучше об этом и не спрашивать... Засмеется и скажет: «Странный ты какой, право... Разве насекомые видят сны? Этак, по-твоему, они и разговаривать во сне могут?»

Кто знает, кто знает?..

XI

ЧЕРНЫЙ КОТЕНОК

Дядя Вася пришел с племянником к знакомому рыбаку-французу. Родня у рыбака по всей долине жила, даже сторож маяка на далеком острове против залива был женат на его троюродной сестре. Поэтому рыбак все местные дела лучше нотариуса знал. Пришел дядя Вася поговорить-посоветоваться: где какие фермы в аренду сдаются. А после разговора остались у радушного рыбака ужинать.

У шуршащих тростников перед старым домом уютно горела в стеклянном колпаке свеча. Люди курили, перекидывались словами и ели. За колченогим столом не всем хватило места. Поэтому мальчики, Игорь и Мишка, сидели на траве и тарелки держали в руках. Очень иногда приятно поужинать вот так, по-птичьи... И почему-то, когда сидишь отдельно, всегда перепадает побольше,— и дыню дают, хоть маленькую, но цельную.

Вдруг мальчики сорвались с места и бросились стремглав к горе.

— Ай, яй! Кролик...

— Держи!.. Да держи же! Тоже, охотник называется... Ногой на хвост, на хвост ногой наступи!

Но какая же это охота? Кролик оказался черным котенком и не только не убегал от людей, но примчался галопом с горы прямо на мальчиков и, проскользнув в вечерней мгле среди светлых детских ног, бросился за угол дома к Мишкиной тарелке... Жадно сунул в тарелку лапы и нос и торопливо, хлопая, как пожарный насос, стал лакать... уксусную подливку из-под помидоров. Очень уж, стало быть, хотелось ему есть!

Дядя Вася подошел, взял его за шиворот, оттащил от тарелки и подсунил ему в черепке макароны.

— Ешь, чучело! Нечего в чужой уксус нос макать...

Когда он, ощупав у котенка живот, убедился, что больше в него макарон не влезет, и взял черного обжору под мышку, Игорь спросил:

— Мы его возьмем с собой, да?

— Возьмем.

— И будем воспитывать?

— Постараемся. До свиданья, друзья мои. Час поздний. Как бы нам с котенком мимо нашего холма не пройти... Ночь сегодня безлунная.

И пошел со своим неведомо откуда прибежавшим квартирантом в гору. Игорю не доверял: притиснет его мальчик понежней, чем надо,— и готово. Вылетит котенок в черную тьму как пробка из шампанской бутылки... Нес его на руках, осторожно прижимал к куртке, ощупью продирался среди черных колючих кустов, а взбудораженный зверек тыкал по куртке носом и попискивал:

«Пик-пик... Куда ты меня несешь? Я хочу спать, а ты меня трясешь. Где твой дом? Что это за манера уходить от светлой свечки и людей на гору в лесной мрак... Пик-пик! Как страшно мяучет ветер...»

Потом он затих. Сунул голову под ладонь, подполз по руке повыше к плечу и вдруг заурчал-запел, заиграл на кошачьей гармонии. Значит, успокоился, поверил, что человек его принесет куда надо и все будет хорошо.

* * *

Утром Игорь его рассмотрел, как следует. Не всем быть красавцами, ничего не поделаешь... Но если котенок, как, впрочем, и человек,— симпатичный, больше ничего и не требуется. Длинненький и тощий, с оттопыренными ушками и тоненьким прямым хвостом, новый жилец, однако, смотрел на Божий мир такими чудесными, детскими глазками, голубыми, как цвет цикория, что на все остальное не стоило и внимания обращать.

Мишка, прибежавший с утра в гости, а вернее — проведать котенка, так сразу и решил:

— Некрасивый, но симпатичный! Вы его теперь совсем усыновите?

— Да.

— И отправите с Игорем в Париж?

— Зачем же вольную зверюшку в Париж!.. Он там одного дома от другого не отличит. Оставлю его здесь у старой крестьянки, что у ручья живет. У нее мышей много, пусть своим кошачьим ремеслом хлеб зарабатывает.

— Вы уже с ней переговарили?

— Переговорил. У нее один кот есть, да совсем инвалид... В очаг за жареной рыбой сунулся и весь обгорел. Значит, наш котенок попадет на самую настоящую штатную должность.

Игорь сморщил нос.

— Ты его, дядя Вася, лучше на срок отдай. Когда у тебя будет ферма, он тебе очень пригодится...

А тот, о судьбе которого так заботливо беседовали, носился взад-вперед по сосновым корням и показывал свои фокусы. С разбега вспрыгивал на шершавую сосну и, растопырив лапки, вползал до первого сучка,—а потом сидел на нем и хныкал:

— Мяу! Очень страшно... Снимите меня, пожалуйста.

На земле он быстро приходил в себя. Полз на животе, выслеживая стрекозу, словно тигр за буйволом... Прыгал вверх, промахивался и начинал яростно щелкать зубами... А хвост вправо-влево, как змея, на которую наступили.

Потом по обычаю всех котят в мире вдруг начинал беситься. Спинка—горбом, боком-боком поскакал вдоль кустов, перевернулся через голову, подпрыгнул, фыркнул. Мальчики за ним, он от мальчиков—и пошла возня.

Наконец попал он в их лапы, а в лапы мальчиков только попадись...

— Какой симпатичный! Коташечка...

И давай его тискать, мять, дуть ему в морду, переворачивать, сажать себе на голову... Черный котенок взмолился:

«Мяу! Отними меня у них, пожалуйста! Ты большой, ты меня взял, что ж ты сидишь и смеешься... От-ни-ми! А не то я разорву их в клочки...»

— Будет, дети, будет,—остановил их дядя Вася.—Вы ему живот продадите. Ну-ка я вас помну немножко... Приятно? Вот и ему так же приятно.

Котенка поставили наземь, и он обиженно заковылял под виноградную лозу к старому мешку из-под цемента, на котором он любил днем спать.

— Почему он так смешно отряхает лапки? Накололся он на что-нибудь, что ли?

— Совсем не накололся. Хвоя примятая к земле, об нее не наколешься. Это у него к пяткам сосновая смола прилипла, а к смоле хвоинки, а сверху—новая смола... Уж он языком

чистит-чистит, да смолу слюной не смоешь. И усы у него в смоле, и брови. Я даже чуть-чуть подстриг. Вот завтра будем в городе, купим в аптеке скипидару, лапы ему отмоем.

* * *

Ночью начиналось сражение. Дядя Вася укладывал котенка в ноги, чтобы он Игорю спать не мешал. Выбирал уютное местечко, подстилал свой теплый жилет, словом, заботился о нем, как не всякая кошка о своем котенке заботится. Ведь он был маленький, и у него не было родителей... И что же вы думаете? Каждую ночь та же история...

Осторожно-осторожно, почти с медленностью часовой стрелки передвигался он от ног своего хозяина к плечу. Доползет до плеча, разляжется на нем, словно в первом классе на диване, и начнет урчать в самое ухо:

— Ур-мур, шур-бур, мурлымур...

Точно самовар на голове поставили.

Или захватит человеческое ухо в пасть и давай его сосать,— он, должно быть, думал, полусонный, что дядя Вася его кошачья мама.

Или облизывает себя, облизывает, а потом заодно начнет облизывать и пальцы лежащей рядом руки.

Терпит человек, перекладывает его снова к ногам. Десять раз перекладывает, двадцать раз, но котенок упрямый оказался. Переползает к плечу, урчит у самой шеи, сосет ухо, хоть плачь... И спать хочется чертовски.

А когда, наконец, дядя Вася рассердится и выкинет его за дверь, Боже мой, как жалобно умоляет котенок впустить его назад... Сонный человек зажигает свечу и смотрит: черная лапка, растопырив пальцы, царапается снизу из-под двери, и тонкий голосок плачет-скулит:

— Мняу! Какой ты злой... У тебя совсем нет сердца! На дворе темно и страшно. Я не буду сосать твоего уха, я буду тихо лежать в ногах... Впусти! Мняу, мняу, мняу, какой я несчастный, самый несчастный на свете котенок...

Игорь просыпается, садится на свою складную койку в углу хижины, испуганно хлопает глазами и долго не может понять, в чем дело. Свеча горит. Сердитый и взлохмаченный, сидит, свесив с тюфяка ноги, дядя Вася. За тонкой дверцей раздражающий сердце писк и всхлипыванье. А черная лапка изо всех сил скребется, просовывается сквозь щель внизу по самое плечо.

— Котенок?

— Он самый... Сокровище! Няньчись тут с ним.

— Я его возьму к себе. Он уснет... Уснешь, правда? Будешь лежать смиренно?

Котенок что-то такое неопределенное ворчит. Уснет, пожалуй.

Сердце у Игоря не каменное. Он выпускает котенка в комнату, и, конечно, тот его дерзко обманывает: уже без всяких хитростей лезет к самому носу, цапает лапкой за губу, урчит свою песенку в самое ухо. Игорь терпит. И только тихо-тихо укоризненно шепчет:

— Спи, дурачок, спи, умница! А то дядя Вася рассердится и выставит нас обоих. Укладывайся... Ах, какой у тебя шершавый язык...

И наконец оба затихают.

А перед рассветом, когда так зверски хочется спать, когда солнце еще и не думало вставать, когда люди, мулы и собаки самые хорошие сны видят, котенок продирает глаза и начинает... играть. Ему хорошо, он днем отоспался, а мальчику каково!

Кто это по животу, как дикая зебра, прыгает? Котенок. Шевельнешь пальцем ноги, а он со всех ног на палец, цап — и грызет... Он думает, должно быть, что у Игоря на каждой ноге по пяти мышей. Нет, дудки! Сонный мальчик соскакивает на холодный пол, хватается котенка в горсть — и за дверь.

«Кричи, крики, миленький, так я тебе и открою...»

Так любо, натянув на нос одеяло, спокойно вытянуть ноги: никто по тебе не ползает, не мажет хвостом по лицу, не хватается за пальцы...

Верьте, не верьте, но он ел самые неподходящие для кота вещи. Помидоры, белый хлеб, маслины, макароны, рис, овсянку. Игорь только радовался. Бегать через леса и холмы за печенкой, слуга покорный. Сами они печенки не едят, да и в жару пока ее донесешь — она протухнет...

Особенно нравилась ему дыня. Да, да, такие уж в Провансе вкусы: коты обожают дыни, собаки — виноград. Местные хозяева знают: если в огороде выедена вся дыня, одна кожура осталась, значит — это дело кошки.

Игорь не жалел, ешь. Только вниз не бегай, чужих дынь не воруй. Но котенок разыскивал в лесных закоулках все места, куда Игорь выбрасывал дынные семечки, и подъедал их дочиста. До того объедался, что потом все бегал под виноградные кусты и пищал.

— Мняу! Живот болит...

Ах, сколько он ел! Если бы человек по своему весу съедал в такой же пропорции, то ему на обед понадобилась бы бочка макарон, ведро риса и дюжины две дынь....

Мишка все к дяде Васе приставал:

— Сделайте, пожалуйста, опыт!

— Какой такой опыт?

— Дайте ему есть, сколько он хочет. И я еще принесу на закуску колбасы и сыра и молока.

— Нет уж, спасибо. Можешь над собой опыты производить. Ну и лопнет мой котенок, как перезревшая слива осенью. Раз я взялся его воспитывать, как я могу такому обжорству потакать...

Мишка, кажется, обиделся. Очень уж ему интересно было посмотреть, как котенок лопнет. Этого, пожалуй, и в кинематографе не увидишь. Но дядя Вася был строг и котенка до такой позорной смерти не допустил.

* * *

Однажды он исчез. Игорь обшарил все его любимые места — встряхнул мешок из-под брезента, заглянул во все лесные помойки, нет нигде. И заскучал и задумался:

— Уж не охотник ли его подстрелил? Со вчерашнего дня охота разрешена. По всем холмам пальба идет. Кроликов нет и в помине, птиц, кроме сорок да залетных ласточек, не увидишь, — мог кто-нибудь и в котенка невзначай пальнуть... Приняли же мы его за кролика.

Но когда к вечеру дядя Вася спустился с племянником к старой крестьянке за бобами, — черный котенок нашелся.

Он сидел на коленях у хозяйкиной дочки, урчал и лизал ее пальцы. А на полу стояло блюдо с остатками жареной рыбы.

«Ага! — подумал Игорь. — Вот в чем дело...»

На пришедших с холма посмотрел он сонными, равнодушными глазами:

— Пришли? Мяу, очень вы мне нужны теперь... Есть на свете вещи вкуснее ваших объедков... И колени у хозяйкиной дочки тоже помягче ваших.

Дядя Вася ничего не ответил. Зачем ронять свое достоинство. И когда хозяйка спросила, может ли он теперь же оставить у них котенка, все равно ведь он скоро уедет, — он притворно зевнул и равнодушно махнул рукой:

— Пожалуйста.

А Игорь отвернулся, слизнул сбежавшую к углу рта соленую слезинку и стал колупать у дверей известку.

XII

ВОЙНА С МУРАВЬЯМИ

В углах хижины стоял сколоченный из ящичков первобытный шкаф. В шкафу на полках все, что нужно каждому человеку, глупый ли он, или умный, все равно: рис, сахар, макароны, соль, свечи и посуда...

Сунулся как-то дядя Вася в шкаф за сахаром — в жару ведь только лимонным соком с сахарной водой и утолишь жажду, — и обомлел. Среди кусков сахара, как маковые зерна, кишели мураши, вдоль недоеденной дыни черной ленточкой прогрызли дорожку мураши, в сдобной булочке мураши... Кто, наконец, здесь хозяин — он или мураши? Он ходит за провизией в приморское

местечко, таскает ее по жаре два километра в сетке, пакеты раскачиваются и лезут вверх, песок забирается в туфли, колючий дрок хлещет по ногам — и все это ради мурашей?..

Откуда они пришли? Еле заметный живой извилистый хвостик шел до дверей и под нижней дверной петлей пропадавал в ямке: под дверью был муравейник. Дядя Вася терпеливо перебрал сахар, остатки дыни выбросил на поживу сорокам (съедят с муравьями!) и принялся за муравейник. Угостил муравьев всем зловредным, что в доме нашлось, — спиртом-денатуратом, потом керосином, потом мыльной водой, но мелкая тварь хоть бы что... Корчилась, суетилась, быстро обсыхала и опять ползла двойной цепочкой — к шкафу и обратно. Тогда он рассердился, разбросал муравьев жесткой метлой во все стороны, а вход в муравейник наглухо замазал гипсом.

Сел у порога и злорадно посмотрел на метавшегося вдоль ноги мураша. «Ага! Вот и поищи теперь... Ни дома, ни родственников. Подбирали бы на полу сахарные и хлебные крошки, я бы вас пальцем не тронул, но забираться сквозь все щели в чужой шкаф, это ведь вроде кражи со взломом, и этого я не потерплю... Слышишь?»

* * *

Взглянул за порог и свистнул. Да тут целая муравьиная колония! И не мураши, а большие верзилы-муравьи и среди них самые большие — солдаты, круглоголовые с торчащими впереди клыками-ножницами...

Под самой стеной дома кипела работа: одни выносили из черных подземелий землю и шелуху, другие тащили туда корм, хвоинки, пух из подушки — перины они будут набивать, что ли?

Что ж, этак они его с Игорем на улицу под небесную крышу выкурят... Отгрызут ночью солдаты нос, съедят чемодан, землю всю из-под дома выгребут — дом на рассвете и рухнет, кто их тогда откопает? Нет, надо принимать меры...

— Какие ты хочешь меры принимать? — спросил Игорь, внезапно показываясь на пригорке из-за сосны. Очевидно, дядя Вася последние слова вслух произнес, а он и расслышал.

— Да вот муравьи одолели. Надо что-нибудь против них предпринять.

— Как муравьи одолели?

На Игоря иногда находил такой стих — обо всем подробно расспрашивать. Прислонится лениво к скамейке, кору пальцем с сосны отковыривает и ленивым голоском, словно принц у придворного садовника, спрашивает: «Что ты, дядя Вася, делаешь?» — «Фонарь крашу». — «Зачем красишь?» — «Чтобы красивый был...» — «Зачем чтоб красивый?..»

Не успел ему дядя ответить, как именно муравьи его одолели, глянь, из-за куста вынырнул загоревший, словно поджаренная лепешка, Мишка. Чем он пятки смазывал, неизвестно, но ни

разу еще дядя Вася не расслышал, когда мальчик с фермы подбирался к их порогу.

Игорь любил спрашивать, Мишка обычно подходил молча и улыбался. Покажет щербатые зубки, сморщит личико в печеное яблочко, конец пояса посреди живота, как картофельная шелуха, висит, голый пупик над штанишками, словно мишень для стрельбы в цель, темнеет...

Посоветовался дядя Вася с мальчиками, решили немедленно муравьям войну объявить.

* * *

Никогда ни у одного главнокомандующего не было столько работы. Войско маленькое — всего два мальчика, хочешь не хочешь, поворачивайся сам.

Принес дядя Вася ведро, накачал воды, развел известку... Достал три банки из-под консервов — побольше и безжалостно стали заливать все муравьиные выходы и входы белым известковым молоком. Ни одной щелочки не забыли, но, сколько ни старались, не могли наполнить бесконечного муравьиного лабиринта.

Особенно старался мальчик с голым пупиком, куда и молчаливость девалась... И как-то вышло так, что он стал главнокомандующим, а Игорь и дядя Вася вроде адъютантов при нем для особых поручений.

— Лейте, лейте! Да, Боже мой, зачем же вы мне на туфли известку льете... Вот, вот, на голову ему... Убежал в дырочку. Заходи с того конца, я тебе говорю. Я с этой стороны, ты с той, чтобы они насквозь пропитались. Вылез? А я тебя в нос! Ай! Снимите у меня с шеи козьяку, у меня руки заняты... Вон там еще целая компания удирает, сгребите их веником в кучку, я их полью... Что? Не нравится? Смотрите, смотрите, как я ему все ноздри залепил!

Такой тихий был мальчик, такой кроткий и вдруг в войне с муравьями такую свирепость обнаружил. А Игорь лениво присаживался на корточки, медленно поливал из банки растерявшийся муравьиный народ известкой, поворачивал к дяде Васе похожее на смуглое яичко лицо и спрашивал:

— Как ты думаешь, очень их щиплет известка? Им не очень больно, правда? А почему ни один не падает в обморок? Слишком слабый раствор? Или они уже привыкли? А если черепаху полить, ей ничего? Панцирь не пропитывается, правда? Скажи, а почему они не выносят муравьиных детей? Разве уже не пора?..

На все вопросы дядя Вася отвечал «угу», так как был очень занят, да и не знал точно, почему муравьи не падают в обморок. Черепах он тоже никогда известкой не поливал.

Люди наконец победили... Все муравьиные дыры густо заклеила известка, отдельные муравьи в белых известковых париках испуганно удирали во все стороны... Даже боковую стену

смазали поперек известкой, потому что мураши бесконечной ленточкой ползли с земли к крыше, ныряли в проточенную балку над дверью, а оттуда пробирались в комнату, к шкафу.

Люди победили... Ушли с поля сражения к морю и стали отмывать с рук и ног белые кляксы засохшей известки. И так как зеркала у них не было, то они служили друг другу зеркалом:

— У тебя, дядя Вася, на кончике носа известка.

— Спасибо. А у тебя на правой щеке...

— А у Мишки под самым глазом... Смотри, осторожно смывай—попадет в глаз, попрыгаешь!

Но Мишке было не до того. Быстро, как ошпаренный, сбросил он штанишки, стал их изо всех сил вытряхивать и затанцевал на одном месте негритянскую чечетку.

— Это коричневые муравьи тебе мстят,—сказал назидательно Игорь и вдруг затанцевал сам.

Очевидно, коричневые муравьи решили отомстить обоим.

* * *

Перед закатом пришли к своей хижине. Вот так победили! Муравьи как ни в чем не бывало сустились вокруг своих норок, многие в известке с головы до лапок... Все входы были расчищены, почти все население выползло наружу, горкой лежали крупинки известки и рядом всякий домашний муравьиный скарб. Должно быть, сушили и проветривали свои вещи—ведь люди около двух ведерок известки влили в их муравейник...

— Что ж мы теперь делать будем?—спросил озабоченно Игорь.—Куда будем прятать сахар?

— Под подушку?—мрачно посоветовал дядя Вася.

— Я тебя серьезно спрашиваю...

— Постой, постой... Колумб был умен, а мы еще умнее окажемся. Садовник-бельгиец у вас в усадьбе мне про муравьев одну штуку рассказывал...

— Какую штуку?

— Мед у нас есть?

— Немножко осталось.

— Тащи сюда. И доска там в углу стоит. Тащи и ее.

Игорь принес. Что еще за выдумка такая?

Дядя Вася взял щепку и густо вымазал доску медом.

— Здорово! Они наш сахар грызут, и дыню, и булки, а ты их медом угощать будешь... Узнают лесные муравьи, наползут со всего побережья, вот тогда и попрыгаешь...

— Ведь вот какой ворчун мальчик! Догадаться сам не может, а еще изобретателем хочет быть...

— Догадался, догадался!

Муравьи черными полками лезли на доску. Переползали по спинкам друг через друга... и прилипали. Минут через десять вся доска словно густым маком была посыпана.

— Угостили...— весело сказал дядя Вася.— Бери за другой конец доски.

— Что ты с ними делать будешь? Они же мучиться будут...

— Не очень, друг мой. Отнесем за лесок подальше. Мед подсохнет, отлипнут, да дороги к нам не найдут.

Несли долго-долго. Уж и солнце красным швейцарским сыром на самую гору село, пока донесли сладкую ношу к ручью и бросили по ту сторону.

— Ни за что им теперь дороги к нам не найти... Вымой, Игорь, руки, пойдем домой. Завтра и следа их не увидишь.

* * *

След, увы, остался. И муравьи тоже остались. Когда утром дядя Вася вышел из своего жилища, вся площадка перед порогом снова кишела муравьями. Солдаты с круглыми коричневыми головами следили за порядком, рабочие муравьи тащили в муравейник клочки папиросной бумаги (курят они, что ли?), крохотные мураши копошились у своей, похожей на маленький кратер, ямки.

— Те же самые?— изумленно спросил Игорь.

— Двоюродные братья,— сердито ответил дядя Вася.

— Какие ж ты теперь меры думаешь предпринимать?

Меры? Разве он знал, какие еще меры могли тут помочь? Выписать из парижского зоологического сада слона и заставить его протанцевать перед порогом?.. Уж тогда весь муравейник в лепешку спрессуется. Но перевозка слона обойдется дороже самого дома, да и фундамент от такой меры пострадать может... Невозможно.

Игорь разочарованно пожал плечами. Вот так главнокомандующий! Повесил нос и сдался.

— Смотри! Звезду мою едят.

По белой стене у двери— вот изверги!— муравьи со всех сторон подобралась к красной морской звезде, которую мальчик высушил и повесил над столом, чтобы наряднее в комнате было. Вся звезда кишела лакированными черными спинками...

Игорь сел на пороге и задумчиво стал смотреть на нагло шнырявших по стене и по земле черных разбойников. «А вдруг они съедят и меня с дядей, как мыши съели когда-то епископа Гаттона? Правда, Гаттон был злее нас,— мы ведь только оборонялись... Но муравьям-то какое дело? Разве мы их щадили?»

— Плюнь, Игорь. Все это чепуха. Да и забыл я тебе сказать. Афанасий Иванович зовет нас к себе на ферму погостить. Там, брат, веселее. Завтра и переедем...

— Переедем,— сонным голосом ответил мальчик.— В Южной Америке, я читал, такие зловредные муравьи есть, что совсем человека загрызть могут. Тут такого сорта нет? Как ты думаешь?

Дядя Вася усмехнулся и уверенно ответил:

— Ни в каком случае.

Переехали вниз на русскую ферму к морю. Вернее сказать, не переехали, а перетащились. Целым караваном тронулись: дядя Вася с чемоданами и с узлом на спине — совсем одногорбый верблюд, фермерский мальчик с примусом под мышкой, Игорь со складной табуреткой на голове и с эмалированными тарелками, которыми он все время по дороге щелкал друг о дружку, чтобы веселее было идти... Скучно было расставаться с лесным холмиком, с заброшенным среди виноградных лоз колодцем, над которым склонялась старая, кривая смоковница. Жаль было, что прямо перед дверьми не будет расстилаться во все стороны чудесная даль — холмы, леса, васильковое море. Как на коробке с цейлонским чаем... Но что ж. Можно ведь приходиться сюда, к хижине, «в гости». Сесть на пень, слушать, как скрежещут на соснах цикады, и смотреть, как над мысом пролетают аэроплан-ные стрекозы.

Зато внизу свои радости. В двух шагах море. Утром встал и прямо в заливе умывайся, как Робинзон. Фермерский мальчик, только свистни, всегда играть прибежит. За домом в перелеске — качели. Вечером дрова можно пилить с фермером большой пилой, очень интересно.

А главное — новая их комната была над мулом, над самой конюшней. Голову из окна высунешь и слышишь, как он, милуша, фыркает. В конюшню бегай, сколько хочешь. Фиги носи, хлеб носи — все съест и ладонь ласково губами почешет: это он так благодарит. Такого симпатичного мула во всей Франции не сыщешь! И теперь Игорь всю его жизнь до капельки узнает.

* * *

По-настоящему назывался он «Мигро». Имя хоть куда, знаменитой цыганской певице и то не стыдно такое имя носить, а уж для мула лучше и не надо. Но хозяин, хотя мул — животное европейское, по русскому обычаю прицепил к его имени уменьшительный хвостик, вот и вышло «Мигрошка». Так выходило и складнее, и ласковее...

Был он черен от ушей до хвоста, статен, лоснился, как шелковый зонтик после дождя, и, наперекор своей природе, совсем не был зол. Впрочем, провансальские крестьяне говорят, что если мул себя ведет, как свинья, это значит, что хозяин у него свинья. И кто знает, думал не раз Игорь, если бы открыли хорошую коммунальную школу для мулов, быть может, Мигрошка многих бы людей за пояс заткнул...

Игорь никогда не видел, когда Мигрошка спит. Днем, когда не было работы, стоял он в своей конюшне, косился негритян-

ским глазом на полоску света в дверях и от скуки грызт ясли. Люди от скуки курят табак, нюхают табак, жуют табак, отчего мулу не грызть яслей?

Ночью, в часы бессонницы, мул переступал с копыта на копыто, постукивая по гулкому асфальту до самого утра... Живущий над ним дядя Вася просыпался, чертыхался, колотил по полу утюгом, но мул подымал к потолку острое ухо, прислушивался к стуку и как ни в чем не бывало продолжал свое: шаркал копытами по асфальту, брэнчал цепью и фыркал:

— Ишь ты, городская курица! Сам, когда не спит, из угла в угол шагает, а я, как приклеенный, стоять должен... Фыр! Как бы не так.

О чем по ночам думает мул? Игоря давно это занимало. Вспоминал ли он свое детство: сладкое материнское молоко, старую собаку Джильду, которая его по дружбе все норовила за губу схватить? Думал ли о ближайших днях, когда начнется сбор винограда и он натрудит спину, зато и нашагается всласть под синим небом вдоль обрамленной сизыми эвкалиптами дороги.

Мигрошка натягивал цепь и все чаще постукивал о пол... Пусть сердится жилец наверху! Кто запретит мулу пометчать в лунной тишине? Не может же он зажечь копытом огонь в фонаре и усладить ночной досуг чтением «Ежемесячного журнала для мулов среднего возраста»... Да и журнала такого нет.

Шуршит под ногами в кукурузных листьях мышь, спросонья на птичьем дворе проскрипела цесарка, за углом конюшни задудел в дырявое ведро ветер, ящерица прошелестела по стене. Знакомые ночные звуки.

К дверям конюшни подходит толстая Хризантема, дружески виляет хвостом и перенюхивается с Мигрошкой.

Собака лениво отходит, потягивается, зевая, смотрит на луну и ворчит.

Игорь знает, отчего ворчит собака:

— Однако, как он густо пахнет, Мигрошка этот самый... Хороший малый, слов нет, но зачем же так пахнуть?.. И чесноком, и потным матросом, и старой русской валенкой, которую фермер выбросил на помойку. Запах... Нечего сказать!

* * *

Куда девался хозяин? Пойми людей после этого. Ходит, чистит, копыта каким-то овечьим составом смазывает, кормит, добрые слова говорит — и вдруг, точно муравей в солому, нырнет. Часов в конюшне нет, да Мигрошка и не мастер часы разбирать. Работы нет, время остановилось. Бьет на колокольне в Борме три раза днем — светло, бьет три раза ночью — темно, а какая разница, понять невозможно... Скучно в конюшне. Застойтсся мул, в глазах дымная полумгла — что там за стеной, лунный таз сияет либо солнце блестит? Ноги набрякли, жевать надоело.

Раз-другой в день попят, тихая тетя Даша в лукошке принесет на закуску баклажанной шелухи, хлеба корочку... Игорь верхнюю половинку двери распахнет, поздоровается и с криком умчится к морю играть. Еще скучнее Мигрошке станет.

Хризантема все знает, говорит, что хозяин белую сбрую на себя надел, копыта новые нацепил, уехал до вторника по делам, а когда он, «вторник»? Даже собака не знает. Очень скучно ждать. Будто ты и не живой мул, а жевательный аппарат какой-то... И навозу больно уж много накопилось. Мигрошка чисто-плотный, зубов не чистит, мулу это не полагается, но когда навоз бугром под ногами чуть ли не к брюху подбирается, этого он не любит.

И вдруг дверь настезь—хозяин вернулся! Знакомый костюм: шляпа колпаком, блуза лопухом, штаны из брезента гармоникой, на ногах американские утюги... И голос знакомый:

— Мигрошка! Коман-са-ва́¹, милый? Ну-ну, нечего с поцелуями лезть, сейчас, брат, будуар твой в порядок приведем...

Мул смеется, скалит зубы, морщит верхнюю губу и все норовит хозяина за угол блузы челюстью захватить. У всякого своя манера выражать свои чувства.

Выводят Мигрошку на ясное солнце. На голове белая шляпка, вроде солдатского шлема с дырками для ушей, на глазах наглазники-шоры, изукрашенные снаружи мелкими медными гвоздями... Ах, какое солнце!.. Мигрошке бы не наглазники, а темно-желтые защитные очки. Словно золотистый зыбкий овес, со всех сторон струится свет, сквозь зеленые лапы сосен—ярко-синяя полоска моря и лазурная—неба. За спиной на высокой двуколке дымится жаркий навоз. Вокруг дети, собака, любопытная кошка.

Игорь становится под самую морду мула, и тот зубами осторожно стаскивает с головы мальчика шляпу: такая у него манера здороваться.

— Вьё, вьё!..²

Мигрошка трогается. Степенным ровным шагом вывозит свое добро со двора, мимоходом срежет зубами с сосны нависшую над глазами колючую кисть, с аппетитом схряпает и вдруг за поворотом начинает дурить...

Точно балерина, вскидывает в воздух статное тело и на носках, громыхая повозкой и косясь озорными глазами на хозяина, проходит церемониальным маршем мимо шарашнувшихся в сторону детей.

— Мигрошка! Ишь, дьявол, застоялся... Doucement,³ кому я говорю, doucement!

¹ Как дела (*фр.*).

² Живей, живей! (*фр.*)

³ Тише, осторожней (*фр.*).

Мигрошка, опомнившись, трясет головой и идет «doucement», осторожно спускает с пригорка двуколку, плавно выгибая копыто над копытом.

Игорь смотрит, и ему обидно за мула. Ведь вот люди! Даже пошалить не дадут мулу как следует...

Уж и разнес бы он свою двуколку — одно колесо на сосну, другое в море!

* * *

Иногда фермер входил в конюшню, настезь распахивал дверь, не снимал с колка ни хомута, ни островерхого чересседельника, звонко хлопал мула по гладкой спине и говорил:

— Мигрошка, allez¹ купаться!

Мул очень любил купаться и, хотя слов у него никаких не было, а кричать он не любил, знал, что голос у него, как напильник по стеклу, однако по всей походке, по оскаленным зубам, по свободно мотающейся голове и по подбрыкивающему хвосту видно было, что он очень доволен...

У моря сначала покачается на ногах, бухнется спиной на песок и, как грудной младенец, начнет барахтаться, копытами загребает-машет, брюхо, словно пароход в сильную качку, со стороны на сторону переваливается. Скосит глаза: любуются ли им, и опять вправо-влево... Над копытами — небо, сбоку — паруса, море шипит, укачивает...

Крохотный голый сын рыбака, сидящий у самой воды, посмотрит вбок на брыкающееся на песке чудовище и, как всегда, подумает:

— Мул делает гимнастику...

Потом Мигрошка вставал, отряхивал с потных боков песок и шел за хозяином, осторожно пробуя ногой глубину, в воду. Забирался по грудь в прохладную соленую влагу, копыта врывались в песок, и стоял, счастливый и покорный, долго-долго, пока хозяин его мыл, тер, а Игорь помогал — окачивал из консервной жестянки со всех сторон. Ни одну султаншу так не мыли невольницы в мраморном розовом бассейне, как мыл Мигрошку его повелитель-человек.

С крутых боков сбежала вода, тощий хвост (хвостом уж и самый красивый мул не похвастает) подпрыгивал, выражал за всего Мигрошку, как ему хорошо купаться в ласковом, безбрежном море. Люди смотрели и улыбались. Хризантема с берега наблюдала... Ей, признаться, было немного досадно: почему ее ни разу хозяин так не купал? Скоро он своего Мигрошку на руках носить будет... Принесет, окунет в море, в купальный халат завернет и отнесет назад в конюшню.

¹ Пошли (фр.).

— Фыр!..— Мул выходил из воды, с глянцевого черного крупа струились потоки, спина встряхивалась, брызги веером разлетались вокруг...

Два голыша, Игорь и фермерский сынишка, подходят поближе. Они знают: сейчас мул начнет, как говорит дядя Вася, «валить дурака». И точно: Мигрошка делает вид, будто он дикий и хочет укусить мальчишек. Те притворяются, будто боятся, и удирают. Мул, нагнув шею, тяжело скачет за ними и круто останавливается:

— Будет! Пошалили...

Крохотный сын рыбака протягивает к мулу руки. Он знает, что чужой дядя-фермер, который мыл мула, сейчас посадит его на скользкую спину Мигрошки, и мальчуган прокатится до самого леса — шагов тридцать. Вот радость! И мулу удовольствие. Разве не весело после освежившего жаркое тело купанья осторожно нести на себе маленькую человеческую пичужку?

Игорь долго смотрит вслед мулу...

Жалость какая... Игорь уже «большой». А как бы ловко взлетел он на спину Мигрошки и прокатился вместе с малышом!

* * *

Подожли дни сбора винограда, самые бодрые и ясные дни в году. Еще накануне привез сосед десятка два бочек-баклаг с ручками, в баклагах вывозят виноград с поля.

Игорь сиял: с вечера еще получил он от тети Даши виноградные ножницы с пружинкой, «цикатор» и большой фартук, чтобы не забрызгал соком штанишек.

Мигрошка тоже обрадовался. Потянул ноздрями — со двора шел знакомый кислотоватый запах, доносилось гулкое перестукивание дубовых боков, завтра большая веселая работа, возить виноград... Весь день на воздухе, с людьми, с мулами, и винограду наешься вволю!

С раннего утра, в белой шляпе на макушке, в начищенной, ладно пригнанной упряжи стоял Мигрошка как вкопанный в оглоблях перед хужиной, к которой сносили со всего виноградника грузные корзины с сизым виноградом.

Мальчик принялся за работу бодро. Ножницы звякали, темные и светлые кисти падали в корзину. Но через полчаса он выдохся, коленки занули, пальцы онемели. А фермерский мальчик только во вкус вошел: стриг да стриг. Дядя Вася, работавший рядом, внимательно посмотрел на побледневшего Игоря.

— Баста, чижик... Пойди лучше за мулом присмотри.

— Да нет же! Я совсем не устал.

— Баста! А то напишу маме...

Игорь покорно поплелся к мулу. Что ж, это тоже должность ответственная.

Отгонял несносных оводов, кружившихся над спиной Мигрошки, отгонял пьяниц-ос, которые осатанело лезли в корчаги

с виноградом. Потом стал уминать корявым пестом виноград так, что сок в глаза запрыгал.

— Легче, Игорь, легче! — закричал издали дядя-фермер. — А то нам двойную порцию набивать придется. Это, брат, не выгодно...

Подносили корзины. Сыпались и сыпались в корчаги крупные кисти. Ну и запах! И уж непременно то взрослый, то невзрослый сунет Мигрошке в зубы кисточку со спелыми виноградинами: жуй! День такой для человека и зверя: кто на винограднике в этот день трудится, ешь сколько влезет, пока из тебя сок не пойдет.

Тронулись в путь. Сияющий Игорь сидел на узкой доске рядом с фермером. За спиной крепкий запах давленого винограда, дробно перестукиваются на развернутой во всю длину двуколке деревянные бочки. Фиги задевают по голове, сорви любую — и в рот.

Четыре раза натрудил бока и спину Мигрошка. Четыре раза до вечера взад-вперед отшагал с тяжелым ароматным грузом мул, отвозил виноград в деревенский кооператив и возвращался с новой порцией. Вел себя прилично, дружелюбно перенюхивался со всеми окрестными мулами и конями и покорно ждал своей очереди. Но на четвертый раз оскандалился, хозяин только в затылке почесал.

Пока с передней двуколки сваливал приемщик-весовщик виноград в огромный железный чан, подъехал знакомый темно-серый мул и подвез свои открытые бочки к самой Мигрошкиной морде. Хозяин Мигрошки с хозяином серого мула заболтался, Игорь тоже зазевался у чана, и Мигрошка, недолго думая, где там разбираться, свой ли виноград или чужой, сунул морду по самые глаза в бочонок... С полбочки мятого винограда схрыпал, пока хозяин не заметил и назад его не оттащил.

Всю обратную дорогу корил он Мигрошку:

— Правила не знаешь? Буйвол дикий! Свой виноград ешь, хоть разорвись, чужого и пальцем не тронь. Допусти вас, мулов, так вы с бочками весь урожай слопаете!

Мигрошка только ушами тряс. Какие там пальцы... Люди небось себя не забывают, у всех деревенских крыш в прохладе сидят, закусывают, выпивают. Как он, Мигрошка, из своего бочонка мог виноград есть, если бочки все за его спиной в двуколке? Муха он или оса?

Вечером зажег хозяин фонарь, пришел в конюшню, смотрит. Стоит Мигрошка, покачивается, глаза мутноватые, все норовит улыбнуться, да только гримаса одна выходит.

Ухмыльнулся хозяин:

— Пьян? Скотина! Виноградного сока нализался, небось теперь в брюхе бродит...

— Как же он мог напиток? — вступился за мула Игорь. — Ведь в бочке только мятый виноград был...

— Так что ж.... Целый день он на солнце в корчаге простоял, забродил. А теперь в муле бродить продолжает.

Молчит мул. Икнул и ногой топнул. Подождал, пока хозяин ушел, и фыркнул:

— Не на твои деньги напился... Работаешь, работаешь... как мул какой-нибудь. Раз в году выпил, еще и попрекают. Сами-то сегодня до утра виноградный сок дуть будете. Вот возьму дерну башкой, вырву цепь, дверь вышибу, на двор выйду и песни петь стану...

— Не надо, Мигрошка, не надо,— заскулила у двери Хризантема.— И голос у тебя неприятный, и бока тебе наломают, что хорошего? Хочешь, я тебе виноградную кисточку за дверь подброшу опохмелиться, а?..

XIV

КУРОРТНЫЙ ГОСТЬ

Сбор винограда только что кончился. На русской ферме шел пир горой: надо было и соседей-французов, не разгибавших на винограднике три дня спины, попотчевать и самим поставить веселую точку по случаю урожая и конца виноградного года.

Под тростниковым навесом у белой стены дружно и шумно угощались. Баклага с красным терпким вином переходила из рук в руки. Пельмени тети Даши вызвали полное одобрение французов: плотный рыбак-фермер даже пальцы обсосал, встал, поклонился хозяйке в пояс и всю масленую пятерню к сердцу приложил. Понравилась и толстая чайная колбаса, парижский дар дяди Васи... А зубровку и на свет смотрели, и нюхали... Жаль, что в Провансе такой травы не водится. Семена, быть может, достать можно? Да где достанешь, кто же это зубровую траву сеет...

Потом завели граммофон, и невидимый Шаляпин дважды подряд раскатисто пропел перед всей компанией «Дубинушку». Широколиственная библейская пальма перед навесом, наверно, за все долгие годы своей мирной, зеленой жизни такой удивительной песни не слыхала... Аплодировали, хотели даже Шаляпину веселую телеграмму послать — «обнимаем, целуем, пьем», но адреса его никто не знал.

В разгар беседы с берега примчались босоногий Мишка и Игорь в голубых штанах об одной подтяжке по голому телу. Оба были взволнованы чрезвычайно и вперебой закричали:

— Скорей, скорей!..

— Девочка в лодке!

Французы переглянулись, не поняли. А Мишкин отец спокойно вытер виноградным листом усы и сказал:

— Слюну выплюнь, Мишка. Какая девочка? Что за лодка...

— Англичанин высокий, который всегда в наш залив приплывает с дочкой...

— Выплюнь слюну. Дальше?

— Ходит один по берегу... Голый. В трусиках и в пенсне. И страшно ругается. Лодка его до самого горизонта уплыла в море... Отвязалась. Скорей...

— Девочка в лодке? Ты видел?

— Где же ей больше быть? — обиженно вступился за приятеля Игорь. — Он всегда с дочкой. Верно, пока он купался, лодка и отвязалась. Он на весь залив ругается. По-английски... И мы его знаками успокоили, что сейчас приведем помощь... Что ж ты, дядя Вася, сидишь, как президент? Разве ты не слышишь?

— В самом деле, надо идти.

Дядя Вася встал. Поднялся и русский фермер, и соседи, которым наскоро объяснили, в чем дело.

Впереди, задрвав хвост, понеслась к морю Хризантема. Она во всех таких случаях всегда изображала бестолковую карету «скорой помощи».

* * *

Англичанин действительно был мрачнее кипариса. Ростом с весло, стоял он, расставив рыжеватые ноги циркулем, смотрел на черную, качающуюся в волнах скорлупу. Рукой придерживал на животе широкие полосатые трусики.

— Птит мадемуазель? — спросил, подбежав к нему, русский фермер.

Англичанин пожал плечами и отрывисто щелкнул непонятым английским словом.

— Пикола рагаца? — переспросил по-итальянски рыбак.

Англичанин повторил свое птичье слово и сердито показал на лодку.

— Эйн клайнес медхен? — участливо обратился к нему дядя Вася.

Джентльмен глазами сверкнул.

Вот оказия... На всех языках могут, кроме того, который сейчас был нужен.

Мишка не выдержал.

— Чего вы к нему пристааете. Господи! Это он имя своей дочки, должно быть, назвал. Не все ли равно, как она называется?! Надо ехать! Алле...

Англичанин кивнул головой.

— А лодка все уплывает... Все уплывает... — с тихим отчаянием пропищал Игорь. — Кровопийцы вы!..

Взрослые опомнились. В самом деле, чего еще ждать. Ходу! Ходу!

Понеслись рысью к лодочному сараю рыбака. Ключа с собою не захватили. К черту ключ! Камнем сбили висячий замок. Выкатили пузатенький моторный бот по проеденным ржавчиной покатым рельсам в воду. Сели.

— Поедете с нами?— жестом пригласил дядя Вася англичанина.

Тот только рукой отмахнулся. Станный человек. Должно быть, с отчаяния совсем одурел.

Запыхтел мотор. Бот с места резвой собакой помчался, взбивая седую волну, к далекой лодке. Ишь, как стрекочет, словно на швейной машине шьет. Дети облегченно вздохнули. Мишка взял осторожно англичанина за длинную ладонь и сказал:

— Будьте покойны. Бон¹. Они нагонят.

А Игорь притащил из сарая скамейку и, пыхтя, поставил перед англичанином. Через плечо мальчика волочился обрывок старого паруса.

— Садитесь. Дочка ваша умница... Сидит себе в лодке и тихонько плачет. Ничего ей не сделается. А в парус закутайтесь... Свежо очень, и вы совсем голый.

Англичанин легонько щелкнул мальчика по голове и улыбнулся. Улыбка ведь на всех языках одинакова.

Сели втроем на скамью и стали смотреть в море.

— Подходят, подходят... Цоп! Зацепили. Привязывают.

— Чего же это они круги вокруг описывают?— встревожился Мишка.— Не нравится мне это.

Игорь толкнул его плечом и показал глазами на англичанина:

— Осторожнее... Что ты зря каркаешь?..

Когда моторный бот с лодкой на буксире медленно подходил к камням, мальчики испуганно переглянулись: девочки среди пассажиров не было. И лица у подъезжавших были насупленные и строгие. Но чудак-англичанин перемахнул с камня на камень и, показывая на белевшее на носу лодки белье и платье, радостно и хрипло крикнул все то же птичье слово.

И, словно эхо, в ответ рассмеялась вся компания. Так вот, значит, в чем дело... Стоило ли замок сбивать? Мальчики даже сконфузились: из-за чего же они такой переполох на ферме подняли? И, подшлепывая себя пятками, помчались к опушке объяснить ожидавшим там тете Даше и жене рыбака, что никакой трагедии нет, а только одна комедия и, пожалуй, англичанин даже и без аспирина обойдется.

* * *

Впрочем, англичанин радовался недолго. Он перерыл в лодке свое платье и белье, заглянул под одну скамейку, под другую и яростно потряс кулаками...

Чего ж он опять взъерепенился?

Но когда джентльмен, прижимая охапку своих вещей к груди, показал на свои голые ноги и ступни, всем и без английского языка стало понятно: волна слизнула его штаны и ботинки.

¹ Хорошо (*фр.*).

Мальчуганы бросились за раскрытую дверь сарая, их душил смех, но нельзя же прямо в глаза человеку смеяться, когда его постигло такое несчастье.

Взрослые губы кусали. А англичанин в отчаянии показывал рукой на далекий курорт, назвал имя своей гостиницы — «Кон-ти-нен-таль», показал опять на свои голенастые ноги и на лодку.

Еще бы, еще бы! И словаря не надо. Как он теперь в свой первоклассный отель босиком, без штанов вернется...

Плотный низкорослый рыбак подумал, пошел в сарай и вынес оттуда пострадавшему джентльмену свои измазанные дегтем рабочие брюки из выцветшего синего брезента. Вот, пока что. Других, мол, нет. Портной в Париже шьет... Англичанин только головой покрутил.

Когда он наконец оделся на камнях и встал во весь рост, мальчики, смотревшие на даровое представление в щелку дверей, от восторга затопали ногами.

На голове — новая морская, синяя с белым верхом фуражка с шитым золотым якорем; на плечах щегольской яхт-клубский синий пиджак с черным галстуком. Лучше и быть не может. А на ногах... Короткие, доходящие до икр, покоробленные дудки, испещренные квадратными заплатами, словно политическая карта Северо-Американских Штатов... И босые, огромные ступни с оттопыренным большим пальцем, совсем такие, как у одного из братьев Фрателлини в цирке...

Взрослые отвернулись. Англичанин осмотрел себя, поморщился и... плюнул. А добродушный рыбак вынес ему пару брезентовых грязных туфель со стоптанными задками и похлопал одну о другую: прошу!

Но огромные ступни не пожелали влезать в убогую обувь. Ни за что. И только колоссальные, блестящие, как копыта, сабо подошли.

— Пингвин! — пискнул за дверью Мишка.

Игорь беззвучно затрясся всем туловищем, но, к счастью, Мишка успел предусмотрительно зажать ему рот куском промасленной пакли.

Англичанин поднял одну ногу, осмотрел. Поднял другую... У него был такой вид, точно в него насильно влили пол-литра рыбьего жира.

Дядя Вася решил, что пора этот узел как-нибудь распутать. Привел в порядок мозги, перевел все слова в жесты и, как семафор, задергал руками.

— Там ваш отель, «Континенталь». Здесь — мы. У нас виноградный юбилей — гип-гип-ура... Вон наша крыша. Айда к нам. Закусить... Выпить... Зубровка, русский виски! Аромат — шик! Штаны — тьфу. Солнце садится. Здесь можно поймать лихорадку (он даже лихорадку изобразил). Лодку — моторный бот — чах-тах-тах — потом привезет. Айда к нам!..

Англичанин, внимательно следивший за руками, губами и носом дяди Васи, понял, улыбнулся (что же ему оставалось делать) и, благодарно потянув его за рукав, тронулся к ферме.

Сабо с тихим свистом щелкали по песку, цеплялись друг за дружку, сваливались... Широкие и куцые брезентовые пьедесталы приходилось через два шага в третий подталкивать пятерней кверху...

Мальчуганы шли за взрослыми и отчаянно щипали друг друга: другого исхода не было. Ведь он гость, ведь только фыркни — сам со стыда сгоришь!

* * *

Англичанин оказался не чванный. Потряс, словно ручку насоса, руку тети Даши, показал на свои ноги, извинился и уселся на ящик из-под чернослива, точно это было привычное отельное кресло. Остатки пельменей съел в одну минуту, мальчишки подсчитали: двадцать четыре штуки ему досталось. Опрокинул в рот стаканчик зубровки, удивленно вытаращил глаза, пополоскал зубы и проглотил:

— Бон? — спросил фермер, подливая в стаканчик новую порцию.

Англичанин только по боковому карману себя хлопнул: у каждого своя манера проявлять свои чувства.

И опять начали сначала — вино и перцовка, «чок-чок», «ваше здоровье», вино и зубровка... Пить ведь и с глухонемым можно.

Английские ноги в коробящихся брезентовых штанах и в сабо бодро растопырились по бокам ящика. Снова завели «Дубинушку», и все, даже англичанин, стали подпевать. Шаляпин бы граммофон разбил, если бы услышал.

А мальчишки сбоку посматривали на заплатах вдоль измазанных смолой брезентовых штанов, на весело прищелкивающие не в лад песне сабо и вдруг, срываясь с места, убегали за угол дома. Прятали в зеленых макаронах глициний лица и хохотали так, что все осы разлетались прочь.

Дядя Вася, пронося мимо клокотавший самовар, только цыкнул на них: «Услышит!»

Проскользнувшие из-за загородки куры бродили вокруг фермерских ног, суетливо подхватывая вкусные крошки. Наглый петух вскочил было на стол, воспользовался случаем — люди пьют — чего ж тут стесняться. Но его хлопнули ложкой по спине, и он с негодующим бормотаньем побежал в можжевельник, а за ним весь его взбудораженный гарем. Хризантема только зубами вслед щелкнула: «Здесь мое место, мои колбасные шкурки... рья!»

Англичанин долго искал часы, сначала над карманом, потом догадался полезть в самый карман. Посмотрел и хлопнул по столу.

Никто не понял, в чем дело. Какие там еще часы? «Эй, ухнем» и больше ничего... Спешить некуда.

Но он жестами и обрывками слов, уставясь на дядю Васю, стал объяснять.

В семь часов с четвертью (семь пальцев с кусочком) приходит поезд (он свистнул, как паровоз, и постучал сабо). Приезжает его жена (показал на свое обручальное кольцо и на тетю Дашу) и дочка (вынул из кармана бумажник и вытащил карточку девочки с локонами). Из Ниццы... И потом сердито показал всем, даже Хризантеме, часы — теперь тридцать пять минут восьмого. И опять хлопнул по столу концами пальцев.

Все сочувственно развели руками. Дело ясное. Но время такая штука — раз опоздал, тут и сам городской нотариус ничем не поможет.

Фермер хотел было, чтобы утешить гостя, снова завести граммофон, но дядя Вася не позволил.

Он подвинул англичанину стакан чая, показал на потемневшее над горой небо, на стоявшую под сосной двуколку, назвал его гостиницу «Континенталь» и дружески прикоснулся к его плечу.

В переводе на английский язык это значило: пейте чай, теперь поздно, я вас доведу до вашей гостиницы, не стоит волноваться.

Англичанин возмущенно показал на свои робинзоновские штаны и сабо: «Континенталь»! Как он в таком виде явится в «Кон-ти-нен-таль»?!

Что с ним делать? Не выписывать же из Ниццы портного на аэроплане?

Потом подумал, вытащил клочок бумаги и стило и — надо сказать правду — не совсем прямым почерком, словно писал во время качки, вывел несколько строк. На обратной стороне написал имя жены. Качнулся и, к ужасу мальчиков, сунул незавинченное стило в карман...

Показал на мальчика в голубых штанишках, на письмо, на дядю Васю и двуколку, помахал рукой в направлении курорта и снова качнулся. Последний жест, впрочем, играл роль непроизвольного восклицательного знака.

Дядя Вася перевел на русский безошибочно: все вместе поедут на муле, Игорь передаст в отеле леди письмо потерпевшего крушение мореплавателя — а там видно будет. Ладно! Все в порядке!

Мишка надулся. Почему его не берут? Лодку ведь в волнах вдвоем заметили?.. Такой случай — и сиди дома. Но отец строго ему сказал:

— Цыц! Это тебе не пикник. С человеком несчастье, нельзя же всем табором за ним увязываться. Пойдем, лучше помоги мне мула запрягать...

Через минуту лоснящегося мула подвели к двуколке, и он, кокетливо подбирая ноги, влез задом в оглобли.

Англичанин потряс всем руки, с отвращением подтянул свои временные дурацкие штаны и полез на колесницу. Дядя Вася, стоя перед передней скамейкой, расправил вожжи. Игорь, сияя в душе, как намащенный блин, натянул на самые брови берет и соорудил серьезную рожицу, чтобы приятель не очень ему завидовал.

Тронулись. Впереди, задрав хвост серпом и оглядываясь, побежала взволнованная Хризантема.

* * *

Тоненькая бледная дама с большими, серыми глазами только что отужинала одна с дочкой, без всякого аппетита. К пломбиру даже и не притронулась. Покусывая кончик платка, она нервно подошла к окну своего номера и захлопнула раму: внизу на веранде шумели. Ее девочка, как маленькое зеркало отражавшая все настроения матери, нахмутив золотистые бровки, укладывала своего плюшевого бульдога в картонку из-под шляпы спать... «Спи, спи... Нельзя шуметь. Папа нас не встретил; и у нас с мамой мигрень. Пожалуйста, не ворчи!..»

В дверь постучались. Горничная объяснила, что из соседнего залива пришел какой-то русский мальчик и принес письмо. Можно войти?

— Письмо? Ко мне?

— Да, сударыня.

— Пусть войдет.

Игорь вошел и прежде всего стал искать глазами девочку. Из-за кресла англичанки на него смотрело удивленное и строгое личико с локонами, похожими на светящиеся на солнце сосновые стружки.

Он просиял: она самая. Но на улыбку его девочка не ответила и равнодушно поджала губы, точно в комнату вошел самый обыкновенный трубочист, а не мальчик.

И не надо. Стоило из-за такой волноваться...

Англичанка холодно протянула руку и спросила по-французски:

— Где же письмо? И кто вы такой?

Игорь, спотыкаясь, но не без достоинства, объяснил, кто он такой, поклонился и передал записку.

Дама посмотрела на адрес: конверта нет, бумага смята и посередине — большое жирное пятно. Она ведь не знала, что после пельменей (какие же на фермах салфетки) всегда остаются на пальцах жирные следы.

Пока она читала то опускающиеся, то поднимающиеся, словно горы в Луна-парке, строчки и покрывалась сначала розовыми, потом малиновыми пятнами, мальчик чинно стоял перед креслом, ждал и думал о своем.

Английские мужчины приятнее. Вот ее муж — пил, ел, улыбался, притаптывал под граммофон сабо. По дороге на двуколке

побоксировал даже немножко с мальчиком... А эта с дочкой, как замороженные... русалки какие-то... И не надо...

Англичанка скомкала бумажку и подняла глаза. Если бы она прочла, что муж ее верхом на акуле объехал все Средиземное побережье, она бы не меньше была возмущена и удивлена. В короткой записке никакого объяснения не было. Только просьба... Но какая просьба! Она два раза раскрывала было губы, чтобы спросить мальчика, что же такое, наконец, случилось. Но косые строчки записки не позволяли ей ни о чем расспрашивать постороннего мальчика... И кроме того... ей не интересно.

Встала. Королевским жестом откинула крышку большого чемодана из крокодиловой кожи, достала оттуда великолепно отглаженную пару кремовых фланелевых брюк, новые белоснежные туфли и шелковые носки.

— Вот!

Игорь сдержанно поклонился, если они недотроги, так и он тоже не пудель, вилять хвостом не намерен, и повернулся к дверям. Но англичанка его резко остановила:

— Подождите!

Чего доброго, этот мальчик так бы и прошел через весь отель и веранду с брюками в одной руке и туфлями в другой... Она нервно положила вещи в плоскую картонку, перевязала и отдала.

И в последнюю минуту, должно быть, прочла в милых глазах мальчика, что ведь он-то тут вообще ни при чем, что если вы, мол, такие, то и я такой... Она быстро прикоснулась тонкой ладонью к его светлым волосам. «Благодарю вас, очень благодарю». Ее девочка—маленькое зеркало—тоже ему издали улыбнулась... Он густо покраснел, щелкнул каблуками и исчез за дверью.

Бегом-бегом-бегом! Промелькнул цветущий олеандр у посудной лавки и темный переулочек, ведущий к морю. Старая сухая пальма зашелестела бумажным шипящим шорохом. Издали, из-под эквалипта, донеслось знакомое фырканье мула.

Англичанин расцвел, подбросил мальчика до самых ветвей, подбросил картонку... Присел на колоду—раз-два, брезентовые штаны полетели в двуколку, следом за ними хлопнулись сабо. Через минуту перед ними под светлым фонарем у мостика стоял безукоризненный джентльмен и горячо жал руку дяди Васи и его племянника. Приподнял морскую фуражку и, изуверски фальшиво высвистывая «Дубинушку», скрылся в переулке.

Двуколка тронулась.

— Ну, что ж, как тебя встретили? Что ж ты не рассказываешь, чижик?

— Никак не встретили,— тихо ответил Игорь.

— Грымзы, что ли?

— Совсем не гримзы,— обиженно заступился племянник.— Они— женщины, им, может быть, неловко было со мной по такому случаю в разговоры пускаться...

Он замолчал, пристроился на дне двуколки у ног дяди Васи и закрыл глаза. Ветер дышит над головой, лапы смоковниц по дядиной фуражке царапают. Море ворчит. А в сонной голове нежный голос англичанки прозвучал тихо-тихо:

— Вы, голубчик, меня извините. Я была очень взволнована. Но я вашего подвига никогда, никогда не забуду.

И тоненький голос девочки в локонах повторил:

— Никогда, никогда не забудем...

* * *

На следующий день усатый почтальон в соломенной шляпе соскочил с велосипеда и прогудел у виноградника русской фермы в рожок: тра-ра, тра-ра... Почта!

Передал прибежавшим мальчикам пакет и газеты, вытер лоб платком и покатил дальше.

На пакете было написано по-французски: «Русским мальчикам».

Ни имени, ни адреса. Других русских мальчиков не было, значит, они имели полное право вскрыть.

В деревянном ящике блестел свежим лаком новенький крокет.

Дети, удивленные и сияющие, сели перед ящиком на корточки. Перетрогали каждый шар, каждый молоток и дужку. Какие чудесные цветные ободки на рукоятках и шарах...

— Он прислал?— спросил Мишка.— Ведь без нас так бы он и сидел до сих пор на берегу в трусиках и в пенсне.

— А может быть, его жена?..— задумчиво сказал Игорь.— Он ведь по-французски не пишет. Или дочка... Сказала: «Мальчики спасли папино платье, они симпатичные, надо им послать крокет...»

Пусть дочка, пусть не дочка... Схватились с обеих сторон за ящик и потащили его на кухню показывать взрослым. Те и руками разводили и головами качали. Вот ведь какой англичанин... И всего забавнее: под крокетом оказалась бутылка джина, и на ней было написано: «Не для мальчиков».

Джин тетя Даша спрятала в шкаф. И так она вчера от крика чуть не оглохла. Индюк пробку от зубровки проглотил, чуть не околел... Довольно. А мальчикам сказала кислое слово, чтобы с новой игрой обращались бережно. Вещь дорогая.

Сами знают. Хотели было сейчас же на площадке за домом в крокет поиграть, но Игорь вспомнил:

— А ответ? Что ж, мы, как свинопасы,— подарок под мышку, и все.

Побежали в лес, где у них на старом пне походная канцелярия была.

Долго сочиняли ответ по-французски, даже волосы взмокли. На конверте написали: «Континенталь». Господину англичанину в морской фуражке с женой и дочкой». А в письме: «Спасибо всем трем. Приплывайте вместе в гости. Только, когда будете купаться, лодку вытаскивайте на берег. На всех трех у нас запасного платья не хватит. Джин тетя Даша спрятала. С совершенным удовольствием, русские мальчики».

И через камни, канавы, кусты помчались к дороге дежурить. Через полчаса за стволами показался знакомый велосипед — почтальон возвращался в курорт. Дети на ходу сунули ему в руку письмо и широкой рысью (впереди Хризантема) помчались к своему крокету.

XV

КАМЫШОВОЕ ГОСУДАРСТВО

На пляже появились новые жители: за мысом в белом домике поселилось русское семейство. До взрослых мальчикам дела не было, но с ними приехали две девочки и братишка их, пятилетний Боб. Утром познакомились, а к вечеру уже закадычными друзьями стали.

Старшая девочка круглый год развивала ноги в строгой парижской балетной школе, а в конце лета на даче у моря давала своим ногам полную свободу. Лет ей было двенадцать, и хотя она была старшая, но она не только не удерживала других от шалостей, но сама первая всегда готова была сесть верхом на купающегося скользкого мула, или, взлетев на толстую сосну у пляжа, всунуть уснувшему под сосной дачнику в раскрытый рот камышинку. Прыгала она через становившихся на четвереньки мальчиков так искусно и легко, что Миша от восторга себя шапкой по одному месту хлопал. Игорь уверял, что у нее в пятках вделаны балетные пружины... Вот и поди посостязайся с такой.

Ростом она была с молодого страуса, стройная, как камышинка, волосы ее, цвета дыни, всегда развевались по ветру, как камышовая метелка. А после купанья она на туго убитом песке такие легкокрылые, стремительные пируэты выделывала, что сороки на прибрежных соснах только цокотали от удивления и взволнованно перелетали с ветки на ветку.

Вторая девочка, крепенький катышек в веснушках, имела два характера. У себя на даче, прижимая к плечу скрипку и разыгрывая, полузакрыв глаза, свои этюды, она была так серьезна и даже сурова, что Боб, пробираясь мимо открытых дверей в буфет за пастилой, старался ходить на цыпочках. Но на воле, у моря, она превращалась в премилого одиннадцатилетнего детеныша, доброты и покорности небывалой. Так что дети даже

никогда и не просили ее ни о чем, что за удовольствие просить, если девочка, как божья коровка, сразу исполняет все желания. Она никогда не спорила, и, если после купанья, стуча зубами, решали опять лезть в море и собирать в Мишкины штанишки раков-отшельников, она покорно шла за всеми в воду, хотя очень жалела ни в чем не повинных подводных уродцев.

У маленького Боба никакого характера еще не было. Просто Боб, курносый пупс, милый человечек, которого каждому приятно потискать — и детям, и взрослым, и даже бегавшей за детьми по пятам Хризантеме.

Появился и еще один житель. Взрослый, но совсем особенный взрослый. Русский химик, служивший на французском кожевном заводе — занятие довольно серьезное.

И наружность у Петра Игнатьевича Попова была совсем не легкомысленная: сохранил он московскую бородку округлой метелочкой; новый серенький люстриновый пиджак сидел на нем солидно, как клеенчатый чехол на контрабасе; брюшко от сидячей работы все больше напоминало туго застегнутую в пиджак мандолину, а пенсне в никелевой оправе со старомодным круглым шнурочком делало добрые серые глаза более строгими и серьезными, чем они были на самом деле. И седых волос в бороде на один каштановый приходилось два, если не два с половиной. Словом — не мальчик...

Тем не менее в три летних недели своего отпуска, раз в году, «дядя-химик», как его называли летние приятели — дети, совершенно менял свой характер. При виде в лесу взрослого человека прятался за елку, давал ему пройти мимо, а сам сворачивал вбок. Купался всегда в сторонке от средиземных дачников за камнями. Дачники и на суше болтали больше, чем следовало, неужели еще и в море разговаривать... Но к детям он тянулся, как иголка к магниту.

Питался он тоже не по-взрослому: возьмет с собой молока, сыру, фиг и уйдет в дюны на песке валяться. Там и пообедает, как белка или ворона какая-нибудь. К вечеру на треножнике кипятил себе в укрытой от мистралья ямке чай, а потом в консервной жестянке варил из гороховых патентованных лепешек с английским мясным соком химический суп, которого даже в остывшем виде ни один муравей не ел.

Жил дядя-химик в лодочном сарае у рыбака. Дай Бог, чтобы у каждого мальчика такое летнее помещение было. Над головой висели пучки мимозы и старые, пахнувшие рыбьей чешуей сети; вместо двери — всегда настежь распахнутые в море и в небо ворота; окна совсем не было, а вместо потолка — покатые ряды черепиц. И на полках вдоль всей стены: морские звезды, пробковый старый пояс, крючки, грузила, краски в жестянках, гигантские розовые раковины — всякая симпатичная чепуховина... Ни в одном самом лучшем пансионе таких замечательных полок в комнатах не бывает.

У моря приезжий господин ходил, как он выражался, в полу-смокинге: в измятой соломенной шляпе с дыркой для вентиляции на макушке, в старых парусиновых штанах и в матросской поло-сатой фуфайке, с обмотанным вокруг шеи оранжевым фуляром. И был в таком виде похож на добродушного бухгалтера, кото-рый, неизвестно почему, стал пиратом.

* * *

Мальчики часто прибегали к дяде-химику в гости. Игорь часами сидел на пороге лодочного сарая и все задавал химику научные вопросы по его специальности: можно ли крокодиловую кожу сделать прозрачной? Если слон сядет в крапиву, выскочат ли у него волдыри? Правда ли, что змеиная шкура нескораемая? Годится ли дамская кожа на барабан?

Дядя-химик, чтобы не огорчать мальчика, на все вопросы отвечал утвердительно.

Мишка большую часть своей жизни посвящал хозяйствен-ным делам. То кормил кроликов, то вычесывал у Хризантемы блох. То отвесит забредшей в усадьбу американке кило винограда (на винограднике еще остались кое-где нетронутые лозы муската); если американка симпатичная, прибавит лишнюю кисточку, если похожа на верблюда, срежет с лозы похуже... То строит в кустах спасательный плот и так плотно утыкает его гвоздями, что несчастным спасенным положительно негде было бы присесть... Но в лодочный сарай он приходил каждый день. Приносил то виноград, то баклажаны, то томаты. Бросит лукошко на верстак и конфузливо буркнет в сторону: «Сегодня после обеда у нас Олимпийские игры. Будете играть?» — «Ну конечно». И исчезнет в прибрежных камнях, как ящерица, которой на хвост наступили.

И вот третий вечер кряду дядя-химик сидит у своего сарая, бродит вдоль опушки леса, рыщет среди ноздреватых, просолен-ных морских скал и понять ничего не может. Куда девались дети? Не с курами же спать ложатся? Или обиделись за что-нибудь, прекратили дипломатические сношения? Но ведь днем же прихо-дят в дюны и в сарай и, поджав ноги, часами сидят вокруг него... Это у них называется «Лига детских наций для решения нераз-решимых вопросов»...

Еще сегодня после купания обсуждали, кто полезнее — девоч-ки или мальчики, и так раскричались, что Боб со страху под лодку забрался. Но в самый разгар спора, чтобы никого не обидеть, дядя-химик удрал, будто бы шишки собирать.

Третий вечер смотрит он в одиночестве на закат, слушает, как сосны поют над кровлей «пиу-пиу», как море шлейф по песку волочит. Рак-отшельник он, что ли?.. Химик решительно надел на себя зеленый непромокаемый балахон, словно он и не химик, а бродячий куст можжевельника, и неслышной мексиканской походкой нырнул в чашу на поиски. Уж он своего добьется.

В дюнах не было ни души. Пустынно, как в лунном кратере, подымались отлогие бока, кое-где с тихим шипением струился со скатов песок. И в сосновом лесу никого. Гигантские шишки лежали на усыпанной длинной хвоей земле, никто не перебрасывался ими, никто не перекликался в колючих кустах, никто пообезьянни не раскачивался на узловатых ветках... И вдоль всего пляжа, насколько глаз видел в предзакатной мгле, ни одного маленького человека. Вон старуха собирает в корзинку выброшенную морем порцию щепок; вон собака старого рыбака меланхолически совершает свою обычную прогулку после ужина: детей нигде не было...

У выхода к устью пересохшего ручья дядя-химик всмотрелся в песок: следы. Гуськом в ниточку детские следы... И сбоку во влажном песке, как в сургуче, отпечатаны лапы неизменной детской гувернантки и опекуни Хризантемы. Конечно, это она. Свистнуть? Собака отзовется. Но это будет нечестно. Надо самому разыскать. И разыскать осторожно, не потревожить, не помешать их делишкам. А то разбегутся веером, как вспугнутые кролики, ничего и не узнаешь.

Густой камыш шел сплошной щеткой по обеим сторонам сухого русла. Голоса... Человек из лодочного сарая быстро нырнул в камышовые джунгли, сел на врытую в песок жестянку из-под бензина и прислушался.

Девочка-балерина капризно распекала невидимого собеседника.

— Я только что обошла все наши границы. Веревка у леса оборвана... Я ведь строго запретила качаться на пограничной веревке. Пограничный столб на тропинке у моста подрыт... Всякий прохожий может ворваться в наши пределы, и у нас даже не будет повода выслать его за границу.

— Это опять Хризантема подрыла,— уныло возразил голос Игоря.

— Ты министр пограничных дел, ты за все и отвечаешь. Прикажи главному архитектору укрепить столб, а Хризантему посади пока в крепость... Она в третий раз нарушает мои законы. Я не хотела бы прибегать к строгим мерам, но пусть военно-полевой суд оставит ее на завтра без овсянки.

— Она и так овсянки не любит.

— Не рассуждать.

— Все будет исполнено, королева.

Упирающаяся Хризантема жалобно завизжала: должно быть, ее поволокли в крепость.

Камыши быстро-быстро зашуршали, замотали метелками и опять успокоились.

— Где поставщик автомобилей?

— Закусывает в королевском гараже.

— Доставь его немедленно сюда.— Снова зашипели камыши. Придворный поставщик (судя по голосу — Мишка), видно, не очень торопился на королевский зов. Шел медленно, с треском раздвигая камыши, и ворчал:

— Вы, господин министр, не толкайтесь, пожалуйста, я не здешний подданный...

— Она приказала тебя немедленно доставить,— сурово сказал Игорь.

— Мало ли что она приказала. Какая же она королева, если она торгуется, будто рыбная мадам на базаре. В нашей фирме цены твердые, как в колбасной все равно. Не может платить — ходи пешком. Или пусть ее министры на носилках носят.

— Иди, иди. Нечего упираться. А то я тебя в крепость к Хризантеме посажу.

— Не имеешь права. Я иностранец... Мое государство вам все кредиты покрывает. Вот и королевствуйте тогда... на голом песке с камышовой валютой,— дерзко отрезал Мишка.

«Однако,— подумал притаившийся в камышах дядя-химик,— иностранец-то упорный какой...»

— Начальник всех вооруженных сил! — закричала вдруг издали королева властно и пронзительно.

— Здесь! — раздался в камышах справа кроткий голос девочки-скрипачки.

— Иди сюда. Да перестань ты виноград жевать, когда с тобой королева разговаривает. Стань здесь, за моим тронем. Сейчас я даю аудиенцию моему автомобильному поставщику. Если он опять не уступит, будь на всякий случай готова.

— Ш-лу-шаю, Ваше Величество,— прошамкала девочка. Отвечать королеве и выплевывать в то же время виноградные шкурки, очевидно, было не так легко.

Сбоку в камышах снова раздался шорох. Мишка упирался, а Игорь, несмотря на свое министерское звание, тянул его за пояс, точно тащил козла на базар.

— Да идите же. Нам нужно двадцать грузовиков для пограничной стражи, три автокара, чтоб американских детей к нам возить в экскурсии... И королеве парадная машина нужна: кузов малахитный, колеса платиновые. С вентилятором и раскидной спальней. Если недорого уступите, я вас к ордену представляю... «Камышовая Звезда» третьей степени.

— Нужна мне твоя звезда. По прејскуранту пусть платит. А звезду вашу можете вашей Хризантеме на хвост нацепить.

Игорь рассердился на дерзость и, судя по глухому звуку, дал Мишке тумака.

Дяде-химику страшно любопытно было узнать, чем кончится разговор неуступчивого поставщика с королевой, но вдруг за его спиной раздался отчаянный визг Боба:

— Тре-во-га! Сюда! Он сидит на пороховом погребке и курит...

Химик в испуге вскочил и плюнул на свою трубку, но было уже поздно. Со всех сторон к нему сбежались — королева, министр пограничных дел, иностранец, начальница вооруженных сил и даже Хризантема, внезапно вырвавшаяся из крепости.

Как ни клялся, как ни божился человек с трубкой, что он попал в Камышовое Государство случайно, что он не лазутчик, что он совсем и не думал взрывать пороховой погреб, ведь он бы первый пятками кверху взлетел на воздух, никто его и слушать не стал.

Особенно было обидно, что Мишка — поставщик-иностранец, напористой всех толкал его сзади и подгонял по икрам камышинкой. Ему-то что за дело?.. Должно быть, у иностранца этого была и вторая должность: главного конвоира подозрительных личностей, раскуривающих трубки на королевских пороховых погребах.

У самого трона, выброшенного морем великолепного ящика из-под марсельского мыла, процессия остановилась. Химику привязали шнурком от королевских сандалий к врытому в песок веслу и приступили к допросу.

Спрашивали все вместе, только благородная Хризантема ни о чем не спрашивала и потихоньку лизала его связанные руки. Вопросы были такие, что, даже если ты и не виноват, все равно не отвертишься. И спрашивали все вместе, как ни в одном королевском суде не полагается. И дергали за фуфайку, а кто-то сзади даже ущипнул...

Кто он такой? На какой улице родился? Чем занимался его дедушка? Давно ли носит пенсне? Какой табак курил? Сколько месяцев вел он подкоп к погребу? Говорит ли по-испански? Почему не говорит? Умеет ли писать на пишущей машинке? Есть ли у него дети? Почему нет? Какой номер его часов?

Дядя-химик отвечал толково и добросовестно. Только номера часов не помнил, а посмотреть не позволили. Хотели было его обыскать, но он стал брыкаться. Королева сказала: «не надо», и велела принести рому для подкрепления сил пленника. Ром, впрочем, оказался обыкновенной морской водой, и дядя-химик после первого (и последнего) глотка стал отчаянно плевать.

* * *

Труднее всего было человеку с трубкой доказать, кто он такой. Из всего населения Камышового Государства лишь одна собака его признала. Остальные только фыркали и плечами пожимали. Но говорить собака не умела, а собачьи прыжки и повизгивания никакого значения для суда не имеют. К счастью для пленника, в кармане его морских брюк завалялся прошлогодний подписной лист русской библиотеки в Париже. Первые буквы имени и фамилии «П. П.» (Петр Попов) вполне совпадали с мет-

кой на носовом платке. Личность, слава Богу, была установлена. Оставалось только дать ему какую-нибудь должность.

Дядя-химик долго торговался. Заведовать очисткой камышей от старых консервных банок и морского сора он не согласился. Что же это за должность для человека с химическим образованием? Стать командиром уланского эскадрона по охране камышовых границ, хотя назначение это очень ему льстило, он не мог, потому что бегать рысью по песку, когда у тебя живот вроде мандолины, очень затруднительно. Тогда королева хлопнула себя по лбу (жест этот повторило все население, кроме Хризантемы), и предложила новому подданному самое настоящее место: «заведовать химической обороной страны от семи до девяти вечера», потому что в остальное время вся компания занималась другими делами и Камышовое Государство закрывалось.

Через четверть часа новый химический министр представил королеве подробный план. Смертельные газы упразднились навсегда. Он будет применять только такой газ, от которого все, своевольно переходящие границу, начинают смеяться до упаду. Затем их подбирают, перебрасывают через границу и оставляют в покое. На детей, зверей и насекомых газ этот не будет действовать. Из привезенных химиком цветных лоскутков замши он обязался наготовить полкило кожаных денег. Автомобильный поставщик сразу же заявил на это, что за замшевые деньги он продаст свои машины вполтину дешевле... Кроме того, химик взялся выкрасить к завтрашнему вечеру все пограничные столбы в цвета королевства. Королева и начальница вооруженных сил смущенно переглянулись.

Затем все разошлись по своим делам. Королева обтягивать трон парусным лоскутом, который она нашла у скал. Младшая девочка устраивать под сосной в крепости подземную камеру для Хризантемы. Боб чинить пороховой погреб. Автомобильный поставщик готовить из камышинок и шишек партию новых грузовиков.

Игорь сел рядом с дядей-химиком, вытащил из-за пояса шомпол для шашлыка, заменявший ему шпагу, и стал его чистить песком.

Дядя-химик оглянулся. Игорь снял с себя шпагу, вокруг никого не было, можно было, стало быть, поговорить по душам, неофициально.

— Отчего же вы три вечера подряд без меня играли? — спросил он обиженным шепотом, рассматривая на руках красные полоски от шнура.

— Мы думали, что вы не будете с нами играть в государство, — тоже шепотом ответил Игорь.

— Вот те на. Спросили бы раньше. Что же это за манера проваливаться сквозь землю и оставлять меня одного в сарае... Ну, да ладно. Давай-ка лучше королевские цвета придумывать для столбов.

Министр пограничных дел приложил палец к губам.

— Нельзя королевские.

— Почему нельзя?

— Видите... У нас через вечер. Один вечер управляют мальчики, тогда у нас республика. Другой вечер — женщины. То есть девочки. И старшая непременно хочет быть королевой, иначе она не соглашается играть. Неужели же нам теперь двойные пограничные столбы ставить?

— Гм... — Дядя-химик задумался. — А мы флаги к столбам привесим и будем их поочередно менять. Королевский флаг, положим, будет сине-зеленый. У королевы синие глаза, у ее сестры — зеленые. Ну, а для республики пусть мальчики сами придумают.

— Да ведь вы тоже мальчик... То есть мужчина.

— Нельзя, друг... Что я за главнокомандующий такой, чтобы за всех придумывать.

Игорь кивнул головой, сунул за пояс свою шпагу и исчез в камышах. Через две минуты вернулся и сказал:

— Королева просит, нельзя ли половину флага сделать королевским, половину республиканским. Мужчины согласны.

Заведующий химической обороной пожал плечами: такого решения он не предвидел.

* * *

Поздно вечером, когда луна, как большой серебряный рубль, засияла над камышами, по всему берегу понеслись протяжные призывы:

— Де-ти! Ау... Спать пора... Да где вы там?

Досада какая! Как раз в эту минуту в Камышовом Государстве собрался военный суд, чтобы судить Хризантему. Она опять подрыла ход из крепости и съела весь интендантский склад, помещавшийся под королевским тронем. И в такую интересную минуту, когда дядя-химик только что приготовился произнести в защиту облизывающегося преступника речь, извольте идти спать!

Население вздохнуло и неслышно разошлось: дети через лесок по своим домам, дядя-химик, осторожно оглядываясь, чтобы его никто не заметил, — берегом в свой сарай.

До поздней ночи ворочался он на скрипучей койке, слушал одним ухом, как шлепает о лодку море, и все думал: делать ли крупные деньги из красной замши или из зеленой? Или из синей? Треугольные или круглые? И какие почтовые марки придумать для нового государства? И где приколотить почтовый ящик: у мостика или у королевского трона?..

Мальчики на ферме и девочки в белом домике тоже долго не могли уснуть и думали приблизительно о том же самом.

ПОД ДАМСКИМ КРЫЛОМ

Дети визжали в море. Игорь изобрел спасательный прибор, и все по очереди отнимали его друг у друга, чуть не дрались, чтобы испытать на себе новое изобретение. Прибор был действительно замечательный: четыре связанные между собой, наглухо закрытые жестянки из-под бензина прикреплялись в рыболовном сачке к спине; по бокам жестянок, для устойчивости, приделаны были, как в австралийских челноках, камышовые щитки, а в поперечную дощечку вставлялся оранжевый флажок, чтобы издали было видно: «терплю бедствие».

Одна беда — жестянки на широкой тесьме неизменно сползали к низу живота, и потерпевший крушение переворачивался головой вниз, будто Ванька-Встанька, но в обратном направлении. Тонуть не тонул, но захлебывался, что почти одно и то же. Конечно, это не было опасно: дети хватали погибающего за отчаянно дрыгающие ноги и переворачивали его головой кверху, в привычное для взрослых и детей положение. К тому же испытание производили на мелком месте, а маленького Боба, который мог и в ванне утонуть, из игры исключили. Зато он мог издали визжать вместе со всеми сколько душе угодно.

Дядя Вася, пока дети барахтались в воде, сидел в стороне на пригорке под широкой искривленной сосной и читал письмо. Прочел, подождал, пока изобретатель и кольцо голов вокруг него немного утомонились, зачем же зря забаве мешать, и позвал Игоря.

— Устал?

— Ни капельки. Скажи, дядя Вася, как сделать, чтобы жестянки вниз не сползали?

— Перемычки такие надо к плечам привязать, вроде подтяжек... Ты погоди, теперь у нас разговор другой будет. Мама пишет, что ты здесь загостился, три недели прожил вместо двух. У вас ведь там под Парижем в усадьбе тоже неплохо. Загорел ты, окреп... Поучиться тебе еще надо перед тем, как в школу поступишь. Вот мама и пишет, чтобы я тебя домой отправил. Слышишь?

Игорь молчал. Общипывал лиловую лапку вереска и смотрел в песок.

— Что ж ты, кролик? Разве ты не соскучился по маме? Не хочешь отца видеть?

Мальчик встрепенулся.

— Конечно, хочу! Но как же я один поеду?

— Почему один? Попугачицу я тебе нашел, будь спокоен. Такая дама, что дай ей хоть дюжину мальчиков, и то доведет. Осенью и зимой поучишься, ученым станешь, и на следующее

лето я все ваше семейство в гости сюда зову. Ферму я уже присмотрел, стану, брат, плантатором-арендатором... Поживете у меня в полное удовольствие. И ты главнокомандующим будешь над всеми моими кроликами и цыплятами. Понял?

Игорь повеселел. Маленькое его сердце разделилось на три части: одна треть еще здесь у залива оставалась, с детьми, с дядей Васей, с тихо дышавшим у ног морем, другая — потянулась «домой» во временное жильё под Парижем, к маме и отцу, к забытому парку и приятелю пуделю Цезарю, а третья, последняя треть, уже жила в будущем, на приморской ферме дяди Васи...

Мальчик посмотрел блуждающими глазами вокруг: и залив, и летняя компания расплывались, сливались с низко ползущими над мысом облаками... Надо ехать. И еще одно утешение нашел: с визгом промчавшиеся мимо по песку голоногие девочки тоже скоро возвращаются в Париж учиться, они его в гости к себе звали... А Мишка? Друг Мишка. Он ведь с отцом здесь останется.

— Далеко твоя ферма, дядя Вася?

— Вон там, за холмом. Полчаса ходьбы на собственном моторе. А что?

— Ничего. Я так.

Стало быть, с Мишкой в будущее лето будет каждый день видаться.

— Когда я поеду?

— Завтра в четыре. Даму твою я до Тулона провожу. Насчет пересадки надо вас облегчить. А там дальше до самого Парижа будешь ты у нее под крылом, как цыпленок в вате. Уж ты меня, дружок, не конфузь.

Игорь задумался. Отчего у детей так часто начальство меняется? Будет шпынять до самого Парижа... Попадаются, впрочем, и не шпыняющие. Толстая или худая? Займет полтора места, и жарься в уголке... под крылом. Ночью ничего, прохладно, потерпеть можно... Ах ты, Господи! Что же он сидит, ведь морские подарки надо всем приготовить, уложить...

Вскочил на ноги, споткнулся на скользкой хвое, боднул дядю Васю головой и побежал к ферме.

* * *

Мул, бодро фыркая, остановился у крохотной станции. Русский фермер и сын его Мишка сердечно простились с Игорем... До будущего лета. Ждать поезда не могли, дома дела по горло. Понимал ли мул, что Игорь уезжал? Должно быть, понимал, потому что, пока фермер и сын взлезали на двуколку, он все косился за ограду на мальчика. Даже мордой кивнул... Милый, милый Мигроша!

На платформе, на скамье у станционных дверей сидели четыре дамы: старушка, плотная и румяная, как лопнувший на

солнце помидор, с толстой оплетенной баклагой в ручках; похожая на местного нотариуса вялая женщина в усиках с пестрым, как попугай, грудным младенцем на коленях; рыжая девочка лет шести, деловито сосавшая ручку своего лилипутского зонтика; впрочем, что же это за дама... И четвертая, большеглазая, завитая пасхальным барашком, с губками земляничкой, кассирша из аптеки, с лохматым, слюнявым собачьим выродком под мышкой...

Ни одна из них, конечно, Игоря под свое крыло не возьмет. Да и не русские.

Растопырив руки, нагруженные чемоданом, сумками и складным мольбертом, в конце платформы показался отдувающийся дядя Вася. Увидел Игоря, кивнул радостно головой и чуть не уронил мольберт. За ним волочилось длинное-длинное существо в зеленом узком платье и шляпке. Лицо было полузакрыто платком и свернуто набок. Даже сразу не разберешь: добрая или злая. Попутчица. Где дядя Вася такую спаржу нашел?

— Зубы у нее болят? — спросил он тихо у дяди.

— Невралгия. От четырех до шести ее каждый день сводит. Не обращай внимания. Разговаривать с ней теперь нельзя. А после шести она — ух какая распорядительная...

Дядя поболтал с начальником станции, начальник был игрушечный, бисерные, шустрые глазки, маленький, под стать станции. И поезда встречал, и ослика с тележкой напрокат сдавал, и носильщика, если надо, заменит. Он принял багаж — большой чемодан и обшитый старым капотом в маках мольберт, и пошел писать квитанцию.

— Она художница, дядя Вася?

— Да.

— Настоящая?

— Как видишь, — дядя кивнул на мольберт.

— Знаменитая?

— А ты ее спроси, когда у нее пройдет невралгия.

Что ж спрашивать. Если не знаменитая, пожалуй, обидится.

Из туннеля выскочил, клубя белым облачком, поезд. Уселась. Зеленая дама, отвернувшись, прикрыла лицо сумочкой и застыла.

Игорь сочувственно посмотрел на нее, порылся в карманах курточки, вытащил мятную лепешку и шепнул дяде Васе:

— Можно ей дать пососать? Она освежится.

Дядя в ответ только руками замахал... Мальчик сдунул с лепешки крошки и сунул в рот. Отчего у нее невралгия? Перекупалась или на солнце пережарилась. Вот и большая, метра в ней два с половиной, а порядка не знает...

Игорь все сбоку всматривался: на кого она, Боже мой, похожа? На богомола, конечно же... Когда, скрючив длинные-предлинные лапки, блекло-зеленый, с вытянутой головкой, сидит он на мимозе и прижимает передние лапки ко рту, точно у него

зубы болят. Только на коленках у него острые зубчики, у художницы, разумеется, их нет.

В раскрытых окнах вагончика синело море, круглились на холмах кудрявым хороводом пробковые дубы, Игорь посматривал, но как-то спокойно: все ведь это уже знакомо, свое. На будущее лето он сюда вернется, как к себе домой...

Останавливались на каждой маленькой станции. Усатый кондуктор по-домашнему разговаривал с местными толстушками, помогал им стаскивать со ступенек вагонов тяжелые плетушки, обшитые дерюжкой. От плетушек пахло персиками и сливами, порой над ними взлетали осы, так, глупые, отбившись от гнезда, и путешествовали, забирались Бог весть в какую даль... Кондуктор смеялся, махал знакомым ручкой, лениво свистел, паровозик лениво трогался с места.

Показалось пыльное, жаркое предместье Тулона. Над стенами садилов кое-где заалели напудренные шоссейной пылью цветущие шапки олеандра. Мимоза и олеандр, всегда они цветут, всегда радостны, самые непритязательные на свете цветы... У дяди Васи на ферме тоже будут над оградой алые и канареечные кущи дремать. Непременно.

Взрослые встали. Игорь схватил в объятья свой чемоданчик, дядя Вася вещи художницы. А у нее, должно быть, невралгия чуть поутихла: сошла на платформу и с высоты своего жирафьего роста в первый раз взглянула на мальчика и улыбнулась. Нос у нее был похож на руль, только тоньше, конечно, но глаза славные: рассеянные, добрые и такого же блекло-зеленого цвета, как платье и колпачок. Богомол самый настоящий...

В городе пообедали в прохладном кабачке. В дверях колыхались сквозные, пестрые бусы и тростинки. Дама молчала, верно, еще не вся невралгия из нее вышла. Ели буйабес, что же еще в Тулоне есть. Игорь вылавливал из острой ухи кусочки булки, с наслаждением их высасывал и одним ухом выслушивал инструкции дяди Васи: «В соседние вагоны не бегай, в Марселе по вокзалу один не ходи, а то останешься»; «Если что нужно, спроси Серафиму Павловну, она теперь до самого Парижа вроде твоего капитана»...

Мальчик посмотрел на капитана. Серафима... Почему людям дают такие имена, совсем на них непохожие? Верно, маленькая она была похожа на серафима, а потом вытянулась, нос заострился, и в зеленое нарядилась.

Тихонько под столом он потянул дядю Васю за палец, чтобы не жужжал. Что ж отравлять буйабес... инструкциями. Съели по ломтику арбуза, и сразу на душе стало сладко и прохладно. Отчего люди так редко едят арбузы? Надо бы вместо чаю — арбуз, вместо супа — арбуз, и вечером в постель большой кусок брать. Комики...

Вытерли бумажными салфетками губы и покатали на большой вокзал. Дядя Вася выбрал самый симпатичный вагон третье-

го класса, нашел им места, уложил над головой вещи — прямо золото, а не дядя. Поманил Игоря глазами из купе, опять было начал «в соседние вагоны не бегай», но Игорь подпрыгнул, поцеловал его в самые усы и сразу инструкции оборвал. Потом попрощались по-настоящему, по-мужски потрясли друг другу руки, крепко-накрепко расцеловались... И опять. И опять.

— До будущего лета! Пиши, слышишь, мартышка...

— Буду. А ты передай Мишке, что половину нашего крокета я ему дарю. Забыл сказать.

— Скажу-скажу. Смотри же, в Марселе на остановке...

— Знаю... И первого кролика своего Игорем назови, слышишь?

— Хорошо, милый. И кроликов, и цыплят, и черных тараканов всех Игорями назову...

Наклонился к серафимской длинной руке, чмокнул губами и испарился. Милый, милый дядя Вася! Игорь остался со своим капитаном один на один.

Колеса тараторят. Поезд мчится, как оглашенный. Игорь забился в уголок и следит за своим капитаном. Не начинать же ему первому разговора с дамой. А она судорожно роется в своей сумочке, выронила на пол растрепанный блокнот. Игорь поднял. Потом — ключ и губную помаду. Игорь опять поднял. Потом — два франка... До которых же пор он подымать будет?

Соседи по сторонам сдержанно улыбаются. Вытряхнула из сумочки все, что в ней было, вывернула ее наизнанку. Раскрыла свой саквояжик: полетели на пол щетки, гребенка, высушенная маленькая тыква-кувшинчик... Глаза испуганные, растерянные, а пальцы роются, роются без конца.

Игорь терпеливо поднял и щетку, и тыкву, слазил за гребенкой под скамейку и, отряхнув с коленок пыль, вежливо чихнул в ладонь и спросил:

— Что вы, Серафима Павловна, ищете?

— Билеты. Боже мой, билеты... Ведь я их сама в сумочку положила.

Игорь взял сумочку у нее из рук, сунул пальцы в боковой кармашек и вынул оттуда билеты: он же ясно видел, как его ангел-хранитель и капитан их туда положил.

— Я спрячу. Можно?

Все-таки вернее. Положил кусочки картона во внутренний карман курточки. Серафима Павловна отлепила со щетки кусочек приставшей к ней пастилы, сунула ее в рот и повернулась к мальчику. «Будет разговаривать», — сообразил Игорь.

— У нас только в Марселе пересадка?

Игорь чуть со скамьи не свалился. Слава Богу, что французы по-русски не понимают.

— Никакой пересадки! До самого Парижа. Вы разве в первый раз ездите?

— Во второй. Хотите пастилы?

— Нет, спасибо.

Второй кусочек она, пожалуй, с зубной щетки отдерет...

Как же это дядя Вася говорил, «под крылом», «под крылом».

Она же вместо двери в вагонное окно шагнуть может.

Попутчица опять стала торопливо разрывать свою сумочку.

— Портмоне ищите?

— Часы...

— Часы ваши в саквояжке. Под зеркальцем, вот здесь. Они стукнуться могут. Надеть вам на руку? Можно?

Игорь застегнул над узким зеленым рукавчиком черный ремешок, запихнул в ее саквояжик кончик торчащего наружу купального костюма, пересчитал ее вещи и успокоился: ничего, он ее довезет.

Мальчик посмотрел на часики своей дамы и пожал плечами. Половина второго. Стоят. Зачем ей часы, если она даже заводить их забывает.

Дама вытащила из-за своей спины альбом в парусиновом переплете и стала рассеянно теревить завязки.

— Можно посмотреть? Это ваше рисование?

Она позволила, и Игорь плечом заслонился от соседей, зачем посторонним смотреть.

На шершавых страницах извивались, слегка подкрашенные цветными карандашами, может быть, русалки, а может быть, сколопендры... Глаза у всех были блекло-зеленые, растарашенные, с частоколом ресничек вокруг, и в каждом глазу дрожала невралгия. Свои глаза всем вставила. Длинные фигурки излучали цветное сияние, как на рекламах патентованные печи рисуют...

— Это душа Южного полюса. Это гимн орхидей.

— Спасибо,— шепнул мальчик.— Очень интересно.

Но самое интересное было в конце альбома: в уголке между страницами торчала... багажная квитанция Серафимы Павловны. Слава Богу, что перелистал до конца. Мальчик незаметно вытащил квитанцию и спрятал в карман.

Попутчица положила альбом в сетку и вышла в коридор. «Душа Южного полюса»... Как бы с такой душой мимо Парижа не проехать. Он поджал под себя ноги, вытащил из чемоданчика газету и стал решать «крестословицу». Но, кроме сколопендр и орхидей, никакие слова в голову не лезли. А ее все нет и нет... Не заблудилась бы.

Игорь вышел в коридор—не видно. Полотенце с собой захватила. Но из уборной вышел толстяк тоже с полотенцем на плече. Где же она? Посмотреть в соседнем вагоне? Дядя Вася такого случая не предвидел, хорошо ему инструкции давать. Не было ее и в соседнем вагоне, и только в третьем, в углу коридора стояла знакомая зеленая фигура и качалась из стороны в сторону.

— Что вы тут делаете? Пойдемте в купе...

— Не могу. Меня укачивает.

— Как укачивает?.. Разве здесь море?

— Меня и в поезде всегда укачивает...

Господи! Хорошего капитана ему дядя Вася подsunул.

Он взял ее за руку и решительно сказал:

— Идите за мной. Осторожно — площадка. Сейчас все пройдет, ничего. У меня вода в бутылочке есть с лимонным соком. И два стаканчика. У вас ведь своего, конечно, нет.

Усадил ее на место, напоил. Закрыла глаза, слава Богу.

В Марселе вывел ее на станцию, поводитил. Завернет куда-нибудь за угол — и прощайте... Взял напрокат подушечку.

— Скорей, скорей, садитесь. Не в этот вагон, это почтовый...

Пристроил для нее в уголке подушечку. Ноги у нее какие бесконечные. Ничего, как-нибудь prospит.

Сам прикурнул сбоку и, засыпая, подумал: «Только бы во сне она на меня не свалилась... Или опять по коридорам бродить начнет. А вдруг она лунатик? Нет, ничего, сегодня луны нет. Да, дядя Вася, неизвестно еще, кто у кого под крылом, я у нее или она у меня...»

* * *

Поезд полной рысью подлетал к Парижу. Игорь стоял в коридоре у окна, считал минуты: сейчас, сейчас. Вещи «капитана» он уложил, вон там сидит в купе, что-то такое в альбомчике рисует. Душу бенгальской спички...

Дома — мосты — откосы. Поезд замедлил ход. Качнулся на стрелках. Показалась платформа. Боже мой, только бы маму не прозевать. Дядя Вася ведь ей телеграмму послал.

За окном в пестрой толпе мелькнуло милое лицо в коричневой шляпке, Игорь высунулся из окна:

— Ма-ма!..

Отец машет платком. Мальчик схватил чемоданчик и бросился к дверям... Но опомнился и, повернувшись к склонившейся над альбомом зеленой даме, крикнул:

— Приехали! Сидите тут, сейчас мы с папой придем и возьмем ваши вещи.

И уже из коридора на ходу, размахивая бумажкой, досказал:

— Багажная квитанция у меня... Не ищите, пожалуйста!

XVII

ВОЗДУШНАЯ СПАЛЬНЯ

Уже третий день Игорь снова в усадьбе — «дома». Будто никуда и не ездил. Будто на аэроплане во сне слетал на юг, к морю. Но вон на комодe лежат в стеклянной вазочке пестрые морские камушки. И южные подарки все раздарил. Особенно Игнатий Савельич морскими ежами остался доволен: повесил

скорлупки на сквознячке в окошке, а в них сухие иммортельки воткнул.

В усадьбе, конечно, тоже неплохо. Пусть нет ни скал, ни моря, ни смоковниц. Но зато такой мягкой, шелковой травы там не найдешь... Первую скосили, вторая подрастает. У моря там и поваляться негде,— колбочки да иглы. Разве что на песке,— зато песок и в рот попадает, и к телу прилипает... И зелень здесь милей: липы, клен, тополя, каштаны. Даже по названиям чувствуешь, какая мягкая, сочная у них листва. И земляники лесной было здесь, сколько хочешь,— совсем как в России, говорит мама. А самое главное—здесь мама. Где она, там и дом.

Будущим летом, когда все к дяде Васе поедут, непременно он маму плавать научит. Трусюшка она. Ничего... Попищит, морской воды попьет—и поплывет. Вот уж загорят все, вот купаются!.. Мишке привезет в подарок русский флаг. А то у них в дюнах над шалашом полосатые купальные штанишки на палке развевались. Разве это порядок?..

Игорь аккуратно сложил на комодке свои тетрадки и учебники. Задачи решил, ошибки из французской диктовки по три раза переписал,—да и ошибки самые пустяковые. Больше по рассеянности: потому что о юге думал... Выглянул из окна своей спальни в парк. Направо никого, налево никого. Заколдованный замок. Даже мухи не жужжат,—забрались куда-нибудь в сарай и спят. А рыбы в пруде? Те, наверно, целые сутки дремлют,—прохладно, темно... Только на закате хвостами в воздухе плеснут, чтоб кости размять.

Разве и Игорю тоже пойти поваляться немного?

* * *

Ночью дело обыкновенное—спишь на кровати, если ты человек, или на коврик перед постелью, если ты комнатная собака. Но днем, летом, когда живешь в усадьбе, взрослый человек, а особенно русский мальчик, найдет себе, чтоб поваляться, более интересное место, чем широченная французская кровать. Слонам на ней валяться... Деревянные ноги толсты, как окорока, по бортам высокие, тяжелые доски, и жарко на такой постели даже при распахнутом окне, словно в духовой. Два матраца, да валик под головой, да подушка... Конский волос, пух, перо—как этаким штуке не нагреться.

К тому же и на стенах нечего рассматривать. Резная полочка, и на ней пробка от графина. Сто лет лежит, и никто не догадается выбросить. Пучок высушенной лаванды. Даже мухи на нее не садятся, до того противная вещь... Что еще? Увеличенная фотография хозяйской бабушки с какими-то взбитыми сливками вместо волос; на руке браслет вроде якорной цепи с балаболкой. Скучная бабушка. Раз ты снимаешься, ну хоть улыбнись, чтоб родственникам приятно было... Сидит в кресле со львиными

мордами над головой, будто персидский шах на автомобильной выставке, и хоть бы что. А начнешь дремать, так она тебя глазами и сверлит. Повернешься к стенке и затылком глаза́ ее чувствуешь. Закроешься с головой одеялом — дышать трудно, словно в водолазном колоколе, а зрачки французской бабушки все равно и сквозь одеяло проходят... Снести ее на чердак? Не дай Бог, заметят, начнут Игоря пилить, доказывать, стыдить, шпынять — пропадешь, как швед под Полтавой. Они ж тут все взрослые на одном мальчишке упражняются.

Днем после обеда все разбрелись, кто куда. Игнатий Савельич забирался в каретный сарай и в повозке укладывался, как в купе первого класса. От двенадцати до двух, так уж по французскому обычаю полагалось, даже муравьи в парке и те отдыхали. И храпел матрос с такой силой, что индюк, на что уж храбрая птица, постоит-постойт в дверях сарая и вдруг беглым шагом, тряся лиловым подбородком, к прачечной удерет... Никогда Игорь такого храпа не слышал: бельгиец-садовник вообще не храпел и только в своем оранжереинном кресле рот раскрывал — вроде рваной калоши; французская кухарка деликатно посвистывала, даже и сравнить нельзя. Сам Игорь? Но он даже не знал, храпит ли он во сне или нет. Вероятно, нет.

Из будки по обыкновению торчали две собачьих морды: пуделя Цезаря и его закадычного друга сторожевого пса Грума. Они не спали, осматривали, высунув языки, сарай, пристрочки и слушали, как дремотно жужжали пчелы над круглой липой посреди мощеного двора. Вдали за каменной оградой выли проносившиеся вдоль шоссе автомобили. Только они одни не отдыхали в этот час.

Пойти к экономке? Тоже спит, или нянчится в кухне со своими утятами, или обматывает черными нитками стальные лапки очков, чтобы ушам не так больно было... Бог с ней. Еще гарус посадит мотать.

К пруду нельзя. Дал слово один не ходить. Уж если мужчина дал слово, нечего крутить. Никто не увидит? А совесть на что? Так под ложечкой сосать начнет, что и места себе не найдешь.

Игорь завертелся на левой ноге в одну сторону восемь раз, в другую двенадцать, такое у него правило было, и пошел в свою воздушную спальню.

* * *

По узкой лестнице флигеля, где жила экономка с птичницей, надо было пробраться на чердак. Вдоль чердака среди пыльного хлама, в котором Игорь так любил копаться, шла дорога на крышу, через затянутое паутиной крайнее окошко. Стать на сундучок — раз! — подтянуться на мускулах — два! — и ты на крыше, только ступай осторожно, чтобы грохот железных листов не разбудил никого во флигеле.

На покато́м скате между уютной старой трубой и оконным выступом стояла плетеная кушетка-инвалид. Игорь сам ее еще вчера после обеда сквозь окно протиснул, как она ни упиралась. Тростниковые раненые ноги перевязал бечевкой, а вместо четвертой, недостающей, подставил чурбашку. И чтоб кушетка не скользила вниз — долго ли загромоздить со своей постелью о кирпичи мощеного палисадника! — мальчик сквозь камышовое сиденье продел проволоку и крепко привязал его к трубе. «Сто́й и не рыпайся», — как говорила птичница корове, когда принималась ее доить.

Игорь разлегся на своем ложе. Чудесно! Уперся пятками в загнутые плетеные крылья, как в стремяна, и засмотрелся. Земля исчезла. Ни людей, ни собак. Ни уроков, ни большого дома, ни твердых садовых дорожек... Над головой зонтик каштана, зеленое вырезное опахало со светлыми колючими шариками плодов. В листьях запуталось облачко, плывет-плывет, никак выбраться не может. Ветви плавно качнутся и опять замрут — это ветер развлекается. Налетит из парка, дунет и опять назад... Шмель над самым носом пролетел раз пять, а сесть не решается. Он, может быть, думает: «Что это на крыше? Если булка, почему дышит... Если мальчик, почему притих...» Высоко над каштаном, десять, пятнадцать каштанов друг на друга поставить, не достанешь, золотой стрекозой засветился на солнце аэроплан. А вдруг пилот, жарко ведь, бутылку пива из горлышка высосет и выбросит ее прочь в голубой воздух! Игорь даже лоб локтем закрыл; шишка бы с картошку вскочила...

Сбоку в ярко-васильковом небе (такого цвета у мамы в шкатулке бисерная закладка) сквозит-белеет тонкий месяц, будто турецкая загнутая туфля. Есть ли на луне каштаны? И можно ли с луны, если направить на землю самый большой телескоп, увидеть на крыше мальчика, который лежит на плетеной кушетке и улыбается?

Слева над гребнем крыши торчит шпиль деревенской колокольни с жестяным петухом. Петушку весело, он поворачивается по ветру, видит шоссе, автомобильную пыль, далекий вокзал и светлый канал за рощицей. Вот только летать он не может, и легкие ласточки, проносясь над ним, точно подсмеиваются: «Сидишь? Чик-чирик! А мы вот летаем...» В соседнем саду по ту сторону ограды заухали лягушки. Древесные, съедобные. Игорь как-то пробрался в тот сад, привратник позволил, два часа по всем деревьям лазил, ни одной лягушки не видал. Должно быть, под листьями прячутся: зеленое в зеленом. Но ведь русский мальчик лягушек не ест, зачем же от него прятаться?

И почему они сегодня так рано распелись? Ведь на колокольне только что пробило час. Странные лягушки... Может быть, у них сегодня полковой праздник, или ихняя принцесса первый приз за прыжки получила?..

Мальчик перевернулся на бок, подложил под щеку сонную ладонь и закрыл глаза. И так дремотно шипели листья, и ветер

так ласково перебирал волосы на висках, и где-то на лице у ворот так томно стонала горлинка, и за оградой так гулко ухали лягушки, что никак нельзя было не заснуть...

* * *

Корова взобралась по веревочной лестнице на крышу и укоризненно покачала над желобом головой.

— Спишь? В такую погоду?

Игорь вытаращил глаза...

— Вовсе не сплю. Валяюсь... Как тебя лестница выдержала?

— Му! Станный вопрос. Во сне корова даже летать может. Вроде мыльного пузыря. Пойдем на лужок, мальчик. Моему теленку одному скучно...

И, быстро перебирая копытами, полезла вниз, бойчее любопожарного.

Игорь спустился за коровой, вежливо приподнял за пупочек свой берет и спросил:

— Можно на тебя верхом сесть?

— Можно. Только не хлопай пятками по бокам. Я этого не выношу.

Кто бы мог подумать, что корова так чудесно может рысью бегать: плавно и широко, как цирковой конь, выносит передние ноги, голову кверху задрала, хвост штопором, на хвосте лиловый бант... И ржет! А за рога так удобно держаться.

— Можно пятками хлопнуть?

— Я тебе хлопну...

— Только один раз?

— Я тебе хлопну!!

И со злости сразу в галоп перешла. Обогнули быстрым аллюром клумбу перед большим домом. Во втором этаже закрипели жалюзи. Показалась взволнованная голова мамы:

— Игорь! Ты с ума сошел... Сейчас же слезь!

— Мы во сне, мамуля! Это не опасно.

— Игорь!!

Куда там... Клен хлестнул веткой по лицу, дом исчез, мама исчезла, в парке деревья расступаются, дорогу дают. Вот и лужок. По белой кашке во всю прыть мчится наперерез теленок.

— Мук-мук! Можно и мне покататься?

— Стыдно... Ты большой.

— А мальчик — маленький? Не позволишь, три дня молока пить не буду... Слышишь?

— Садись-садись. Беда с этими телятами!

Теленок разбежался, вспорхнул и очутился за спиной Игоря. Обхватив его сзади ножками, копытцами перед носом болтает — весело! Помчались. А из-за решетки пулей вылетел пудель

Цезарь. С визгом взвился на воздух и прямо на корову. Обхватил теленка лапами и стал корову хвостом по бокам подгонять.

— Ну, это уже свинство! — заревела корова.

Дала задними ногами свечку и всю компанию на траву свалила.

Игорь протер глаза, привстал на коленках — ни коровы, ни пуделя, ни теленка. А из дымящегося пруда — новое дело! — подымается цугом длинная-длинная процессия: угри на хвостах, как толстые вопросительные знаки, жирные карпы. Обошли вокруг мальчика, сомкнули круг и остановились.

— Что такое? Разве рыбы по суше ходить могут?

Старый карп, тяжело дыша, усмехнулся:

— А разве мальчики на коровах катаются?

Голос у карпа был такой низкий, как последняя басовая клавиша на пианино.

— Чего же вам от меня надо?

Карп пожевал сырую траву (трудно ведь на воздухе дышать) и спросил:

— Ты что вчера за обедом ел?

— Карпа... — сконфуженно ответил мальчик. Все карпы содрогнулись и покачали головами.

— А третьего дня? — спросил, подвигаясь поближе, глянце-витый черный угорь.

— Жареного угря...

Все угри содрогнулись и покачали головами.

— Вкусно?

Бедный Игорь опустил голову.

— Что ж нам теперь с тобой делать? — зашипел карп.

— Я не виноват! — захныкал мальчик. — Угрей ловит матрос, а карпов приезжий господин, папин знакомый. Я только смотрел...

Рыбье кольцо сузилось плотнее.

— Что ж нам теперь с ним делать? — спросил у рыб черный угорь.

— На сковородку! На сковородку! — запищали рыбы, размахивая плавниками и головами.

— А масло?

— Там в сарайчике стоит жестянка с автомобильным маслом.

— Мама! — отчаянно завизжал Игорь. — Цезарь! Господин садовник!..

Но никто не шел на помощь, а коленки никак нельзя было отодрать от земли. Так во сне всегда бывает в минуты опасности.

И вдруг вспомнил Игорь, что он ведь умеет летать. Замахал-замахал руками, быстрее-быстрее-быстрее, грузно взмахнул над травой и, как подшибленная утка, с жалобным криком полетел косою воздушной дорожкой к себе на крышу. Налетел грудью на желоб, больно стукнулся — и проснулся.

— Что? Зажарили?

Камышинка в кушетке впилась в бок. На белой трубе тень от наклонной железки на Игоревах солнечных часах показывала без четверти два. Пора вниз — на землю, к людям.

За трубой стоял кувшинчик с водой. Игорь смочил глаза, затылок, побрызгал в щеки и совсем очнулся. Поправил в выемке свернутый русский флаг, — мальчик его только по воскресеньям подымал, чтоб краски не слиняли под солнцем. Посмотрел на блестящий в кругу тополей пруд и задумался.

Надо будет непременно выпустить в пруд маленькую рыбку, которая в банке у Игоря в комнате живет. Или не выпускать? Все равно ее щука съест. Странно: когда щука ест рыб, они не обижаются... А когда мальчик ест, они такой скандал поднимают. Сами ведь несчастных червей с крючков обрывают... Оттого и попадают.

Подтягиваясь на веревке с узлами, Игорь лениво стал подбираться к чердачному окну.

А из-за трубы выглянул пегий кот кузнеца: мальчик уходит, место на кушетке нагрето, вволю теперь поспать можно. Уж с этой кушетки никто тебя кухонным полотенцем на пол не сгонит...

XVIII

В ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ

Из Парижа приехала в гости дама с тремя дочками. Девочки как девочки: сероглазые, румяные крепыши. И похожи были друг на дружку, как три графина одной серии, но разных размеров. Вначале они жеманились, но потом разошлись и стали обращаться с Игорем, как с четвертой сестренкой.

Взрослые наверху разговаривали, а девочек на попечение Игоря сдали — занимай, как знаешь. И шуметь позволили, только потихоньку... Потому что визг сквозь потолок проберется и начнутся там всякие мигрени и невралгии. Почему у Жанны д'Арк никаких мигреней не было?..

Вся четверка уселась в столовой на диване.

По стеклам хлопал дождь. За окном на клумбе кланялись мокрые розы. Горлинка в липовой аллее умолкла — не очень-то в такую погоду поворкуешь...

Когда дождь, лучше всего сидеть на диване. Ноги в одну сторону вертятся, языки в другую. Потом друг на друга посмотрят, и все сразу фыркнут. Но не весь же день фыркать.

«На чердак их, что ли, свести? — подумал Игорь. — Нельзя. Платица у них белые — тюльпанчиками, измажутся, как крысы в погребе. Потом отвечай за них: «Как тебе не стыдно?», «Ну же-ли тебе не стыдно?!» и тому подобное».

— Давайте сочинять сказку! — придумал Игорь. — Нина самая маленькая, пусть начнет. Потом Танюша, потом Лина. А уж хвостик я придумаю.

— Хитрый какой! Хвостик всякий досказать может. А ты начни! И чтоб «без некоторого царства» и без «жили-были». Чтоб совсем, совсем не по книжкам... Игорь, начинай! Игрушка-ватрушка, начинай! — затараторили девочки.

Но Игорь уперся.

— Почему непременно я? Вы гости, вам и первое место. Умницы такие, вечно вас, девочек, в пример ставят, а не могут без мужчины сказку начать...

* * *

— А вот и можем! Извините, пожалуйста... — Нина расправила колокольчиком юбку, уселась поплотнее и вздохнула...

— Вот. В парке жила крошечная фея. Повелевала над всеми козявками, не позволяла воробьям драться и заказывала соловьям соловьиные концерты. Вот. Пойдите, я по порядку... Спала она в гроте, в паутином гамачке, на жасминной перине. А ночью, когда температура опускалась, прилетали мохнатые шмели и осторожно на нее дышали, чтоб ей было тепло. Да. Утром она просыпалась...

— Пила кофе... — подсказал Игорь.

— Пожалуйста, без глупостей. Вовсе не кофе, а росу с медом в лиловом колокольчике. Черный блестящий жук гудел у входа, она садилась на жука, будто в автомобиль, объезжала весь парк и делала замечания. Почему акация не распускается? Стыдно, давно пора! Почему две букашки былинку в разные стороны тащат? Двадцать раз надо показывать? Почему от осы нафталином пахнет? Опять на балконе в развешанные вещи нос совала?! Где божья коровка? Раз она при фее вроде комнатной собачки, незачем в парк самовольно убежать! Сейчас же разыскать!

— О, — сказала Таня. — Да это не фея, а ажан какой-то...

— Ничего не ажан. Не вмешивайся!.. Все приведет в порядок и спустится под грот, в свою зимнюю кладовую. Опять сырость! Эй, жук! Прикажи всем козявкам посыпать пол толченым древесным углем... Паутину смести. Переварить на солнце яблочное желе... Скоро новое заготавливать будем... Вот. И пуху чтобы натаскали побольше в подземную гостиную: дрожать зимой она не желает...

— Можно, Ниночка, центральное отопление поставить? — лукаво спросил Игорь.

— Нельзя. Кто же ей поставит, да еще такое миниатюрное? Вот. А потом она пошла по дорожке и приказала улитке уползти в траву. «Тут люди после обеда гуляют и могут тебе сломать спину. Или курица тебя склюет. Ты моя подданная, и я должна о тебе заботиться...» Улитка сделала реверанс и уползла, а фея

села на камень и подняла пятку... Ах! Опять чулок о колючки разорвался. Сняла она с дерева паутинку, заштопала дырку и задумалась...

Нина развела руками и запнулась.

— Дальше я не знаю.

* * *

— Теперь я,— сказала средняя, Таня.— Фея подняла голову: что это у ворот за грохот? Взлетела на сосну, ладонь к глазам приложила... Прекрасно! Все человеческое семейство уезжает на вокзал. Наконец-то она проберется в большой дом, давно она туда собиралась. Слетела она вниз...

— Взлетела — слетела... Разве у фей бывают крылья? — поправила ее Нина.— Она же потому на стрекозах и жуках катается, что сама не летает.

— А моя — летает! Не вмешивайся... Я же тебе не мешала, когда твоя фея чулки штопала... Слетела она с дерева, побежала на цыпочках по дорожке. Заглянула в стекла — пусто. Прыгнула с подоконника на ковер: вазы, картины, на столе игрушки. Совсем не интересно! И вдруг видит на диване, что бы вы думали? Детские книги! Ах, как она обрадовалась... Поднять не может, перевернуть страницу и то трудно. Кликнула она кота, который в доме остался, — кот всем феям повинуетя и днем, и при лунном свете. Посадила она его страницы переворачивать, а сама так и упивается... «Снегурочка», «Принц и нищий», «Снежная королева»...

— Разве фея умеет читать? — удивился Игорь.

— И уметь ей не надо. По складам ей учиться, что ли, по-твоему? Фея и значит фея. Читает и читает... В парке все птицы и бабочки взволновались: куда девалась фея? Не жаба ли ее у пруда съела? Не дождик ли сквозь решетку на мельницу унес? И вдруг воробей один к окну подлетел и запищал: «Здесь! Книжки читает!» И все подлетели к окнам и стали тихонько царапать и пищать: «Фея! Иди к нам! Нам без тебя скучно...» — А она головой только покачала и все читает, и все читает...

Таня перевела дух и посмотрела на большой книжный шкаф.

— А дальше?

— Дальше пусть Лина. Разве я мало рассказала?..

* * *

Старшая Лина вытянула круглые ножки в бронзовых туфельках и посмотрела на потолок. Очень ведь часто и взрослые, когда сочиняют что-нибудь, в потолок смотрят.

— И вдруг фея оглушительно зевнула... Что это я вокруг себя книжную лавку разложила? Даже коленки отсидела... Кот, заведи граммофон!

— У меня не хватает сил,— говорит кот.

— Ну, так позови большую собаку.

— Я с ней в ссоре.

— Без разговоров!— Фея топнула ножкой, и кот привел собаку, а собака завела пружину. И фея стала плясать на полированном столе «Танец осенних листьев»... Оранжевая юбочка надулась парашютом, носки перебегали по столу, словно одуванчик под ветром:

Листья в парке пляшут-пляшут,
Ветер щеки надувает...

В лакированном столе отражались гибкие локотки, плечики и развевающееся платьице. Из темных рам наклонились над столом старые носатые портреты и зашипели: «Ижумительно!» И вдруг...

Игорь схватил Лину за руку и шепотом повторил: «и вдруг...»

...граммофон захрипел и остановился. Но фея одним прыжком перелетела на открытый рояль и продолжала свой пленительный танец на клавишах... на самых высоких нотах...

— Сама себе аккомпанировала? Пятками?— торопливо спросила Таня.

— Да!.. Вот ты меня перебила, и я не знаю, что дальше...

* * *

Игорь вскочил с дивана.

— Я знаю!— У него давно уже был готов «хвостик» сказки. Другого конца и быть не могло.

— У ворот замка затрубили рога. Принц вернулся с охоты. Раскрасневшийся, веселый, спрыгнул с коня у входа. Кто там играет в тишине сумрачного зала? Он быстро отдернул портьеру. Фея! Она совсем растерялась и с приподнятым носком застыла над клавишей. Но принц вежливо прижал руку к сердцу и сказал:

— О! Окажите высокую честь моему замку и не уходите. Эй, слуги! Подать нам жареного вепря, которого я сегодня собственноручно убил, и подбросьте в камин несколько дубовых стволов. Мы будем пировать!— Фея уселась на стол на золотую табакерку принца перед его прибором.— Вы должны со мной чокнуться, моя милая гостья!— Она застенчиво улыбнулась, обмакнула в бокал мизинец, обсосала и развеселилась. Ах, как она была прекрасна... Это ведь самое главное, и об этом ни слова не сказали. А еще девочки! Глаза ее сверкали, как раскаленные светляки, волосы разметались золотым пушком, щеки расцвели, как румяная заря на океане... И вдруг она заснула: мадера в бокале была очень крепкая.

— Эй, слуги, отнесите ее в мой зимний сад и положите спящему лебедю под крыло...— Принц остался один и мрачно

зашагал по комнате, кусая усы. Но в глазах его сверкнуло решение.— Позвать моего любимого врача!— Пришел старый и мудрый доктор.— Дорогой доктор, в ваших руках мое счастье...

— Я слушаю.

— Можете ли вы приготовить такие капли, чтобы день за днем рост маленького создания увеличивался? Я вас озолочу с головы до ног...

— «Не золотите меня, пожалуйста, принц. Я еще носил на руках вашего дедушку и все для вас сделаю...»

— Через четверть часа старик принес принцу изумрудный флакон с опаловой жидкостью.

— Вот! Две капли перед сном каждый вечер. Держать в прохладном месте.— Принц быстро прошел в зимний сад, нежно разбудил фею, поднес ей в апельсиновом соке капли и сказал: «Фея! Если у вас есть сердце, вы должны выпить. Не спрашивайте меня ни о чем...» Она выпила и— о, чудо!— увеличилась сразу на четыре сантиметра... Время летело. Через три недели она уже была по плечо принцу и даже спала на большом диване.

Однажды вечером принц нарядился в свое лучшее платье, опоясался дорогой индусской саблей и сказал: «Фея! Вы уже достаточно выросли. Нам надо, наконец, объясниться. Хотите быть моей королевой, обладать моей драгоценной коллекцией марок и повелевать мною, как собственным слугой?..»

— Ай!— перебила вдруг Игоря Нина.— Они поженились! И принц... это был ты... Угадала, угадала!

Игорь покраснел, повернулся на каблуках и быстро вышел из комнаты.

Стоит после этого рассказывать сказки?

Сбросил с кресла кота, посмотрел на качавшийся под дождем белолиственный осыпающийся клен и обернулся к дверям: ишь как заливаются... Девчонки!

ХІХ

ГЕНИАЛЬНЫЙ ОСЕЛ

Жизнь в усадьбе текла мирно и уютно. Событий почти никаких. Тетя Олимпиада, папина сестра, прислала письмо, что визу она получила и на днях приедет. Садовник первые груши принес с распяленного вдоль огородной стены в виде лиры дерева. Груши как груши...

Что еще было? Французский теленок на прошлой неделе балетные упражнения у пруда проделывал и с разгону в пруд слетел, подвели под него подпругу, к пристани подтянули, кое-как вытащили. Игорь помогал— «Дубинушку» пел. Еще живой угорь с кухонного стола на пол соскользнул незаметно и в траву

уполз. Кухарка французская с полчаса по-французски ворчала. Но ведь это все не события: о таких вещах в газетах даже бисерным шрифтом не печатают...

Но вот на днях утром Бог послал радость. Пришел кузнец, живший у шоссе в кособоком домишке, и привел не собаку какую-нибудь шелудивую, страдающую глистами, не старого драчуна козла, от которого не знаешь, как отделаться, а настоящего живого осла, молодого и пресимпатичного.

Кузнец объяснил привратнику, что ослик — движимое имущество его любимой сестры, которая торгует в Париже на рынке прованским маслом. Теперь любимая сестра укатила к другой любимой сестре в Нормандию, а ослика с попутным грузовиком прислала на дачу к кузнецу. Вот он и надумал: не в кузнице же осла держать, там и без того тесно, железо из всех углов торчит; у шоссе осла, животное любопытное, тоже держать не приходится, того и гляди под автомобиль попадет... Пусть поживет в соседней усадьбе — парк большой и лужок не малый. А уж за это кузнец у порога привратникова дома новую скребку приладит, чтобы в осенние дни гости грязь в столовую не заносили. И фонарь перед входом обещал починить бесплатно.

Так и завелся в усадьбе новый длинноухий квартирант. Игорь с ним, конечно, подружился, водой не разольешь. Мальчик в парк — осел в парк. Мальчик к пруду — и осел за ним, как щенок домашний. Даже смешно: курточку в зубы захватит, чтобы Игорь не удрал, и плетется за ним. Понравились друг другу чрезвычайно, но, между прочим, и закуски у мальчика очень уж были вкусные: то даст ватрушку с творогом, то по-братски разделит булку с земляничным желе. Клещей из ослиной спины не раз вытаскивал, газетой слепней отгонял, зонтик в дождик над ослом раскрывал. Очень услужливый мальчик. Зато ослик, хотя очень он был гордый и своенравный, позволял Игорю (а этого он даже и местному мэру бы не позволил) садиться изредка на себя верхом. Провезет шагов тридцать и через голову сбросит: пора и честь знать.

Пуделю Цезарю дружба эта не понравилась. Раньше мальчик с ним дружил, по всему парку гоняли, а теперь изменил, ходит по целым дням с этим лошадиным выродком и все ласковые слова, которые раньше говорил собаке: «Пузик, симпатунчик, лягушечка, милашка моя канареечная» — все слова говорит теперь ослу... Сердился пудель, скалил зубы, пытался было сзади кунуть нового «симпатунчика» за ляжку, но тот чуть ему челюсть не свернул набок. Здорово лягается! Пришлось взять себя в руки и примириться. Хорошо еще, что осел мясного не ел: ни котлеток, ни куриной печени, ни пирожков с мясом. Кое-что из этих вещей по-старому перепадало собаке.

А потом пудель подумал и поборол свою ревность. Мальчик уж сам знает, с кем дружить. Если с ослом нянчится, значит, осел того стоит. Подошел как-то под вечер к ослиной морде, всмот-

релся: симпатичные, темные зрачки, уши на пружинках вверх вскинуты — по-собачьи, из губ теплое, густое дыхание. Ослик наклонил морду к собаке,дохнул на нее... Собака вежливо лизнула осла в нижнюю губу. Мир!

Стали они с этих пор гулять втроем. Заберутся в парк, в самую глушь, к гроту с повалившейся березой и разлягутся на траве. Игорь сливами рот набивает, ослик пузом кверху по прошлогодним листьям валяется, небо лягает, а пес надрывается — лает: «Гав — перестань! Гав — перестань! У меня из-за тебя, гав-гав-гав, истерика сделается!...» А потом все вдруг вскочат и побегут напролом сквозь ежевику и бурьян куда глаза глядят.

Только по треску сучьев да по взлетающим в испуге над головой воронам слышно, куда вся компания поворачивает: к старой мельнице, к неподвижному шлюзу, к лужку за прудом. Уж там вволю погарцевать можно!

* * *

На заросшей конским щавелем старой теннисной площадке большое оживление. Игнатий Савельич приволок бревно, затесал конец, поплевал в ладони и вырыл ямку: гигантские шаги мастерить собрался. Мама Игоря эту затею скрепя сердце разрешила, только столб просила внизу мешком с сеном обвязать, чтоб Игорь с приятелями лбами о столб не стукались.

Кипит работа. Утрамбовал матрос землю у столба, щебнем укрепил. На верхнем конце приладил смазанную салом железную вертушку с лапками, француз-кузнец сработал ее по матросскому рисунку. Чего эти русские только не повыдумывают!

Вокруг столба, как на даровом представлении, расселись Игорь, Цезарь, толстый племянник привратника, тощий сынишка соседа огородника и тихая, ясноглазая Люси, дочка кузнеца. Раскрыли рты и страдают: когда же будет готово? Ослик тут же, кругом бродит, столб понюхал и голову кверху вскинул. Карусель, что ли? В Париже он их немало на ярмарках видал.

Петли вроде хомутов вышли, хоть куда. Матрос их кожей обшил, старый негодный кожух в сарае от допотопной брички нашелся, привратник пожертвовал: режь! Закачались четыре легких веревочных конца. Занес матрос в хомут ногу, натянул веревку, по земле гоголем пробежал — ничего, столб держит... Даром что матрос весом с мельничный жернов был.

Усадил он детей в петли. Игоря занес повыше, разбежался с ним, раскрутил — и отскочил в сторону. И завертелись все, поняли нетрудную науку. Только мальчишка, сын огородника, раза три все головой книзу нырял, центр тяжести в себе не сразу нащупал, а потом ничего — выпрямился и взлетал к небу, вскидывая легкие ноги, точно у него сорочьи крылья за спиной выросли. Тихая Люси оказалась ловчей и храбрее всех. Игорь, нет-нет, да и покосится либо на столб, либо на бурьян под

ногами: высоко! А девочка зубки стиснула, кудряшки светлым одуванчиком вскинулись, головой в восторге крутит, в глазах голубое сияние... Взлетает все выше, прямо к липовым верхушкам рвется, за собой остальных тянет... На гигантских шагах только неожиданно и обнаружилось, какая она озорница.

Бедный пудель совсем растерялся. Что же это за история? Все знакомые дети в птиц превратились... А вдруг взвывают над парком и в разные стороны разлетятся? А вдруг упадут и расшибутся? Как очумелый понесся он по кругу за Игорем... Подпрыгивает, сваливается на песок, ловит мальчика ша штанишки, щекотно и больно... «Не смей!» Игорь стал ногой отбрыкиваться, а пудель знай свое — лает и скачет... Пришлось взять его под мышку и так с новым пассажиром и крутиться. Подумайте сами, насколько это удобно. Но Цезарь сразу угомонился, задними лапами в хомут уперся, и, чуть Игорь от земли отделится, он его успокоительно языком в губы: «Не бойся, мол, мальчик, я с тобою...»

Ослик долго смотрел сбоку на всю эту музыку. На рыбкой кувыркающихся в воздухе детей, на собачьи нежности Цезаря, — и заскучал. Загнали его в мышеловку и бросили... То все на шею вешались, и вдруг никакого внимания. А он с детства привык на людях толкаться, в человеческую гущу морду совать... Обошел он вокруг колючего забора теннисную площадку. Калитку матрос захлопнул, колючая проволока кусается. Дети в воздухе, парк за сеткой, веревки вокруг столба мелькают-мелькают. Ведь это вроде лодки на пруду: сядут все, а его на берегу одного бросят, развлекайся, как знаешь...

Топнул он копытцем раз-другой, девочкин шарфик, слетевший наземь, сердито кверху подбросил...

И вдруг зарыдал на весь парк: «У-а! У-а, у-а! Где выход? У-а! Не хочу смотреть на вашу вертушку, у-а... Хочу в Париж... У-а, у-а!»

Бока заходили ходуном, как мехи гармоники, зубы оскалились, морда горестно вскинулась кверху... Ну совсем такой вид, точно колбасник за стволом нож точит, зарезать его собирается.

Игорь не выдержал, совесть его под сердце тупой иглой кольнула. Да и голова стала кружиться от быстрого ныряния вокруг столба, словно соус-провансаль головой взбивал... Прощаркал он подошвами по земле, затормозил гигантские шаги, Цезаря на землю сбросил. И все дети, вся четверка, долго сидели хохоча на земле, не могли подняться — до того закружились.

А ослик перестал рыдать, подошел к Игорю и с обиженной миной в плечо его ткнул. Потом подобрался к вяло лежавшим вокруг столба хомутам, перенюхал все, один взял в зубы и потащил его вокруг столба, волоча за собой остальные петли. Дети так и прыснули. Вот тоже катальщик нашелся!

Ослик только хвостом взмахнул. Смеются? Пусть. Каждый развлекается по-своему. Сунул голову в хомут и затрусил мелкой рысцей вокруг столба, точно его наняли карусель крутить...

В воскресенье сквозь заросли парка медленно пробиралась компания взрослых. Отец и мать Игоря и с ними городские гости, обрадовавшиеся зеленой чаще, беспечным часам, мелькающей сквозь хвою синеве пруда. Сбоку вприпрыжку описывала петли мамина крестница, веселая юла в оранжевом платье. Нырля под все кусты, заглянула даже в старую бочку из-под цемента, валявшуюся под сосной...

— Где же Игорь? Я к нему в гости приехала, а он куда-то заделался. Игорь!

Мама Игоря поймала девочку за плечико, притянула к себе и прислушалась.

— Опять эти гигантские шаги... По целым дням там пропадает, прямо сладу с ним нет.

— Гигантские шаги?— удивленно протянула девочка.— Разве у него сапоги-скороходы есть?

Взрослые засмеялись, а мама Игоря взяла маленькую гостью за руку и сказала:

— Пойдем. Сама увидишь... Он и тебя покатает.

Еще издали за фруктовой сушилкой зазвенели в воздухе веселые детские голоса. И еще кто-то кричал под отчаянный аккомпанемент лая. Не то гиена, не то носорог. Кричал оглушительно, будто в рог трубил в два тона, захлебываясь и давясь...

Обогнули густую липовую аллею, остановились перед распахнутой у теннисной площадки калитки... и остолбенели.

На гигантских шагах вместе с детьми взлетал в воздух, распластав ноги, подхваченный под брюшком петлей-хомутом... молодой ослик. И до того были невыразимо комичны вытянувшийся в струнку за спиной хвостик, вскинутые торчком уши и веселая осклабившаяся морда, до того забавно отталкивался он от земли короткими ударами копыт, так победоносно и радостно кричал он, икая на нижней ноте и взвизгивая на верхней, что вся компания, топоча ногами, чуть не изошла смехом... Девочка в новом оранжевом платье (уж тут не до платья!) даже через голову перевернулась в восторге, а через нее пулей перелетел одуревший от такого сюрприза Цезарь.

Сконфузились дети, сконфузился как будто и осел. Медленнее завертелись гигантские шаги, остановились... Игорь недовольно опустил голову, шаркая по земле повисшей ногой.

— Как же, Игруша, ты научил осла кататься?— спросила его мама, вытирая на глазах веселые слезы.— Ведь это же удивительно!

— Совсем не учил. Когда кузнецовский мальчик заболел, у нас одно стремя пустое болталось. Осел сам в него головой и сунулся. Я только его передние ноги через хомут перебросил, чтобы он не задавился. А потом все закрутились, и он закрутился... И больше ничего,— обиженно добавил Игорь.— Чего ж тут хохотать?

— Гениальный осел! — сказал серьезный плотный господин в пенсне, который в первый раз появился в усадьбе.

Игорь недоверчиво посмотрел на него: не смеется ли? Нет, не похоже.

— Гениальный...

И, повертев в пальцах золотой карандашик, господин положил Игорю руку на голову.

— Знаешь что? Я сейчас одну смешную фильму для детей стряпаю... Так вот, приедем мы сюда с аппаратом и всех с ослом на гигантских шагах снимем. По рукам, что ли? Преуморительная будет штука...

— О! — Игорь покраснел и смущенно покрутил толкавшего его в спину осла за ухо. — Вы не насмежаетесь?

— Совершенно, дружок мой, серьезно. Если, конечно, твои родители позволяют.

— Они позволяют! — тихо выдавил из себя взволнованный мальчик.

Взрослые улыбнулись.

А Игорь выскочил из своего хомутика, дернул приезжую девочку за косичку, взвизгнул, как придавленная дверью кошка, и помчался леопардовыми прыжками напролом вокруг парковой ограды.

За ним пудель, за пуделем парижская девочка, за девочкой ослик, за осликом остальные катавшиеся на гигантских шагах дети... И так легко и радостно они мчались, так оглушительно верещали, что взрослые только завистливо переглянулись и вздохнули.

XX

ВЕЩИ, КОТОРЫЕ САМИ ХОДИЛИ

Перед крыльцом в мокрой траве валяются толстые каштаны: набухли и ростки бледно-зеленым червяком пустились. Напрасно стараются, все равно расти им здесь не позволят — сгребут граблями к ограде и бросят под валежник.

Игорь раскрывал каштан за каштаном. Вроде желудей, гадость отчаянная... И называется «конский каштан», а почему, неизвестно. Конь, который водокачку вертит, понюхал, фыркнул, но есть не стал. Зачем Бог такой несъедобный сорт создал, даже садовник не знает.

Зелененькие гусеницы все давно уже уползли с капусты, доползли по ограде до флигеля, взобрались на кирпичную стену, обмотали себя белой пряжей и замерли...

Вокруг большой клумбы ворох кленовых листьев. Поддашь башмаком, взлетят, как мокрые вороны, и опять наземь. Семь раз подбросишь, восемь... Неинтересно!

На птичьем дворе сонное царство. Косой дождик всех кур и цесарок в каретный сарай загнал. Один глупый индюк вокруг голой липы ходит, кашляет и шипит. Грипп у него, должно быть.

Игорь у экономки облатку аспирина выпросил, растворил порошок в рисовой каше, принес индюку. Не ест. И температуру ему никак не измеришь, нет у него подмышки...

Дождь? Пусть дождь. Человек обтянут непромокаемой кожей, ничего ему не сделается, а когда мелкие капли за воротник катятся, это даже приятно, точно уж по спине ползет...

Может быть, пробраться в парк, в стеклянную беседку? Там таганчик в углу ржавый валяется, клубнику на нем летом варили... Стружек мокрых принести, газет старых. Запалить, ух сколько дыму будет!

— Игорь! А Игорь!

Опять эта тетка Олимпиада. Мама ее называет Липой, будто дерево. Ничего в ней олимпийского нет: коротенькая, сдобная, нос морковкой, глазки буравчиками. Никуда от нее не спрячешься, на сеновале за прудом и то разыщет. И удовольствия от нее, как от конского каштана — никакого.

— Игорь! Выйди, выйди из-за бочки... Хорош! Ты что ж, ангину опять схватить хочешь? Давно не болел... Ступай в дом, живо, шерсть мотать будем!

Подумаешь, какое мужское занятие!

* * *

Приехала она погостить из Ковно. Литовская столица, рыцарь на лошадке у них на почтовой марке гарцует. Тетку эту раньше Игорь в глаза не видал. Откуда они только берутся? Не злая, совсем нет, фиги сушеные у нее всегда в кармане... Но родители уехали в Париж зимнюю квартиру смотреть, а Игоря тетке сдали. И уж она за ним с утра, как взволнованная курица за утенком, ходит. Чуть куда нырнешь, через пять минут фартук с горошинами из-за мокрых кустов выползает и пожалуйста: «Игорь, а Игорь!»

В огород не ходи — глина к сапогам прилипает и о ржавую колючую проволоку оцарапаться можно... В парк не ходи — и жабы, и о шиповник курточку издерешь, и на дорожках кисель... К пруду и носа не показывай — на помосте доски гнилые, бултыхнешься и утюгом ко дну... к русалкам в гости. Точно он китайский болванчик! Сам знает.

Не утонул же ни разу за все лето и на жаб не наступал... Чего вмешивается? Привыкла сама в Ковно у окна на гарусных подушках сидеть и боится каждой сороконожки... Укусит! Да он и с гремучей змеей сладит.

Но подчиняться надо. Ей лет сорок, а может, и пятьдесят восемь, и она тетка, которой его поручили... Вроде адмирала, а он вроде подчиненной ей эскадры. Это тебе не зеленая дама,

которую он на буксире в Париж притащил... Сиди перед теткой верхом на стуле, расставив руки, пока она весь гарус не смотает. И качаться не смей...

К айвовому дереву, жалко, не успел сбегать. На самой верхушке одна айва осталась. Есть нельзя, язык узлом своротит, но если палкой сбить, да айву эту самую на палку насадить, да размахнуться: до самого неба айва долетит и в грязь шмякнется, ах, как звонко!

И у старой мельницы железный заслон бы воротом отодвинуть — всю бы гнилую воду в канал с листьями, с ветками, с дохлой крысой спустил бы вниз водопадом... Грохот-то какой!

Сидит Игорь, растопырив руки, фигу жует, глаза слипаются. Дождик в мутное стекло поплеывает, каштаны розгами машут. Ладно... Придет зато вечер, уж он рано спать не ляжет. С дочкой кузнеца Люси долго-долго будет сидеть, в блошки с ней сыграет, индейский шалаш на полу из пледа соорудит, из пистолета резиновыми стрелами в самовар стрелять будет, под граммофон швейцарскую борьбу затеят... В камин всю за лето накопленную сосновую смолу и вишневым клеем бросит... До тех пор не утомится, пока за шоссе на колокольне двенадцать часов не пробьет. Вот!

* * *

Ничего не вышло. Без десяти минут девять тетка поймала взбежавшего на скатерть таракана, бросила его в камин и тоном коменданта крепости, отдающего приказания гарнизону, сказала:

— Убери со стола тетради. И карандаши. Ералаш какой... Зубы почисти внутри и снаружи. Приду проверю. И спать. Живо-живо, Игруша!

— Но, тетечка... Целый день — тут нельзя, сюда нельзя, там глина, а там... крокодилы. Вечером только думал пожить как следует... Люси сейчас придет. И вдруг спать! Натe, пожалуйста. Ну хоть еще с полчаса... Четверть? Десять минут?

— Игруша, я не люблю повторять дважды. Мальчики должны ложиться рано. Надо с детства приучать себя к аккуратности и не превращать ночь в день. Разве ты сова? Мама велела, чтобы в девять часов ты был в постели.

Игорь хотел было спросить тетку, почему она не приучила себя к аккуратности, почему всегда сама полуночничает. Она ведь тоже не сова... Но прикусил язык. У нее ведь все полномочия. Нашлепает еще, пожалуй, и обесчестит Игоря на всю жизнь... Своих детей в Ковне не завела, а над чужими командует. Хитрая!

— Игорь, не копайся. Кому я говорю?.. Ах, да, молока еще тебе надо принести.

Теткины туфли зашлепали по лестнице. Какой безжалостный звук!.. Нет уж, своим детям Игорь разрешит сидеть до половины

двенадцатого и молока их не будет заставлять пить на ночь, а зубы пусть чистят вечером только снаружи. Он не кровопийца.

Дверь закрипела. Показался острый носик Люси.

— Тс... Меня, Люси, гонят спать. Мальчики должны ложиться рано. Девочки...

Когда должны ложиться девочки, Игорь не досказал. Посмотрел на клубок штопальных ниток, из которого торчала плоская игла, на лежавшие на диване ножницы с раскрытой пастью... Вскочил со стула, выставил Люси за дверь и ласковым шепотом ей приказал:

— Уходи скорей, кролик. Чтоб тетка не увидела... Скорей-скорей-скорей! А потом я тебя позову, в ладоши похлопаю. Тра-та-та, тра-та-та, будем сидеть до утра!..

Поцеловал Люси в нос — на лестнице темно было — и плотно захлопнул за собой дверь.

Люси встала на цыпочки и приложила глаз к замочной скважине. Что он такое мастерит? Ножницы повертел и положил на место. Потом теткин сумку... А сам так и заливаается.

Топ-топ-топ. Люси отскочила в угол. Это Игоря тетка с молоком подымается.

Тетка вошла в комнату, задышала часто-часто, как мотоциклетка, которая на одном месте пыхтит, перевела дух и плюхнулась с чашкой в соломенное кресло.

— Возьми... Книжки сложил? Молодец. Что так торопишься? Пей медленно. Ишь лакает, как собачка.

— Я, тетечка, спать очень хочу.

— Что так?.. Только что торговался. Спать не хотел... Семь пятниц у этих мальчиков на неделе.

— Только две, тетя. Раньше не хотел, а теперь хочу. Спасибо. Спокойной ночи. Вы уж, пожалуйста, никуда не уходите отсюда.

— Боишься?

— Всякий заботится. У нас тут иногда... по ночам...

— Что такое?..

— Явления бывают. Неестественные.

— Сверхъестественные?! Что ты вздор городишь.

— Забор городят, а я говорю правду. Спокойной ночи, тетечка.

Платочек к губам прижал, закашлялся (поперхнулся, видно) и, вытянув руки, боком вдоль стенки ушел. Так озадачил тетечку, что она и про зубы забыла напомнить.

* * *

«Явления бывают»... Должно быть, как-нибудь страшный сон привиделся, либо экономка ему что-нибудь наплела... Ух, как ветер гудит! Фонарь по ту сторону дороги над мэрией качается, как пьяный... Дождь полосой мимо несет, шлейф водяной вбок

относит. «Бу-бу-бу»,— ворчит черепица на крыше. Жутко одной сидеть.

Где же это ножницы? За работой веселее время коротать. Протянула тетя Олимпиада руку к дивану... и отдернула, словно пальцы обожгла. Ножницы на ее глазах—на пол спрыгнули! Протерла глаза, наклонилась к ковру... Господи! Отскочила и затряслась... Где ж видано, чтоб ножницы к дверям пятились. Поползли, поползли, звякнули и остановились.

Почудилось? Да нет же: лежали ножницы на диване, сама положила. А теперь у дверей валяются... Не зря, значит, Игорь болтал про «явления».

Подошла тетя к сумке своей, платочек достать, пот со лба отереть. Хлоп! Сумка со стола на пол, как лягушка, соскочила, перевернулась вокруг себя и распласталась...

Ох! Десять лет она сумку эту знает, никогда она с места сама не трогалась. Точно шилом тетку под ложечкой кольнули.

— Игорь! А, Игорь!.. Заснул, что ли? Иди-ка сюда... Да скорей же, Игрушечка!

Забарабанила в стену кулаком, и сонный голосок ей ответил:

— Что такое? Я уж давно сплю... Сейчас приду, тетечка.

Бум! Кочерга у камина на паркет хлопнулась и медленно поползла к теткиным ногам.

— И-горь!!

Мальчик в ночном халатике, протирая рукавом заспанные глаза, скользнул в дверь.

— Что случилось? Спать по ночам мальчикам не дают. Сначала гонят, а потом «Игорь»...

— Ничего не случилось... Садись, милый. Да не там, ближе. Нездоровится мне. Ветер гудит. Хочешь, в дурачки сыграем?

— Ну да! Превращать день в ночь. Я, тетечка, люблю аккуратность и совсем разоспался. Какие теперь дурачки?..

— Сиди, сиди. Халвы хочешь?

— Кто ж не хочет... Люси позвать можно? Мне с вами одному полуночищать скучно. Сова я вам разве или филин?

— Позови.

Игорь подошел к окну и захлопал в ладоши.

* * *

После полуночи последний дилижанс-автомобиль у мэрии остановился, захрипел. Белыми глазами все мокрое шоссе осветил.

Поднялась мама Игоря по лестнице, распахнула дверь. Лампа коптит, тетя Липа дремлет, дети на полу пицчат, кувыркаются.

— Игорь, ты что ж не спишь? Нечего, нечего на меня прыгать... Почему ты его, Липа, спать не отправила? Ведь первый час на исходе. И Люси тут... Разве можно детям так поздно сидеть?

Смущенная тетка Олимпиада объяснила, что нездоровилось ей, скучно было одной дожидаться, вот и досиделись втроем... И про квартиру спросила.

— Сняли квартиру, сняли. На днях в Париж переедем... Ступай, Игруша, спать. Да Люси проводи сначала. Полуночники этакие...

Разошлись все. И тетя спать ушла, шаркая туфлями. Мама осталась одна и порядок навела: кочергу на место поставила, ножницы с ковра подняла. Непонятно ей только, зачем это к кочерге и к ножницам длинные штопальные нитки привязаны.

А Игорь лежит у себя в постельке, слушает, как ветер по крыше гарцует. Ворочается, кряхтит, смутно у него на душе.

«Надо будет завтра тете Липе всю правду рассказать. Посердится и простит... Не злая она ведь ни капельки. Зато в Париже, как приду из школы, каждый вечер буду с ней гарус мотать. Пока со стула от усталости не свалюсь... Вот!»

Тетя Липа вошла на цыпочках, прикрыв согнутой ладошкой свечу. Она у него в комнате на диване за ширмой спит. В волосах у нее мелкие скрученные бумажки. Будто куст жасмина... Папильотки. Должно быть, у них в Ковне другого средства, чтоб завиваться барашком, не придумали. А вот у негров и без бумажек всегда волосы курчавые... Почему? Пыль набивается, как в войлок, жук заберется — не выдерешь. Может быть, от солнечного удара предохраняют?

— Игорь, спишь?

Сказать «сплю» — значит, не спишь. Спросит: «Почему не спишь?» Разве он знает, почему. Какие-то сонные козявки борются в голове с бессонными. Когда сонные победят, тогда он и уснет.

Скрипнула дверь. Вошла мама. Осторожно-осторожно, будто лилия на шелковых подошвах. Подсела к тете на диван.

Опять они полуночничать будут!

XXI

ПРОЩАНИЕ

Утром Игорь вскочил с постели и подбежал к окну. Клен совсем уже голый... В просвете между елками сереет над огородом косой дождик. Осенний ангел, должно быть, надел на солнце ватный чайный колпак: ни лучика, ни янтарного пятнышка...

Пусть дождик, ничего. Только кошки и девочки боятся дождя. Да и умываться, кстати, не надо — вспрыснет, как из поливалки.

Мальчик задумчиво влез в сабо и, стуча деревянными подошвами, спустился вниз. Да, да, конечно. Вчера ночью мама тихо шушукалась с теткой Олимпиадой за ширмой. Игорь

притворился, что спит, даже всхрипнул немного. Без хитрости ведь от взрослых ничего не узнаешь. Уезжают через три дня. Квартирку в Париже нашли «у черта на куличках». Надо будет перевести на французский и посмотреть по плану, в каком аррондисмане такая странная улица завелась... И еще шушукались, что сидеть здесь все равно нет смысла, потому что Альфонс Павлович на днях возвращается и устраивает в большом доме санаторию для «задушевных больных». Это, наверное, тихие такие старички, которых будут натирать теплым уксусом и катать по дорожкам в креслах...

А Игоря отдадут в школу. «Век живи, век учишь — дураком умрешь», как говорил дядя Вася. Однако он же сам умный, хотя и окончил харьковскую гимназию и даже ветеринарный институт. Станные русские пословицы бывают.

* * *

Париж и школа... Это очень далеко, хотя и на днях, и очень непонятно. А вот километров тридцать на грузовике рядом с шофером протрястись, — из-за этого одного стоило на свет родиться. Уложат все сундуки и разное барахло — это так называются русские беженские вещи — и с грохотом, на зависть всем окрестным французским мальчуганам, перевалят за чугунные резные усадебные ворота... Чудесная штука! Уж он уприсит взрослых, чтоб не тискали его в вагон, в противную скворечницу с кружевными салфеточками. Уприсит! А если не разрешат, он целую неделю есть не будет и назло всем похудеет на пять кило... Пусть только не пустят! И уж лучше бы тетка Олимпиада не вмешивалась не в свое дело: «Ах, мальчик на грузовике в сырую погоду, как можно — растрясет, простудится...» Зачем эти бездетные тетки отравляют детскую жизнь? Сидела бы в своем Ковно и вязала для бродячих собак напульсники... Что она понимает в грузовиках? Ведь это же чудесно, если растрясет. И шофер — плотный, симпатичный чурбашечка в темно-синем берете — уж он, как пить дать, позволит Игорю подержать руки на руле. Чуть-чуть. Пусть даже сверх своих рук, лишь бы позволил. У него, конечно, есть дети, и он поймет...

* * *

Под мокрым поредевшим липовым навесом он скользнул в калитку и попал в огороженный с четырех сторон двор. В будке радостно завизжал шершавый, волчьей масти, приятель. Из круглой дыры высунул морду Цезарь и дружески ослабил. Он в дурную погоду нередко навещал цепную собаку, спал с ней на соломе, приносил ей лакомство — куриные косточки.

Игорь присел на чурбан у будки, погладил две теплые морды, пощекотал за ушами. Собаки поняли, что мальчик неспроста

к ним пришел, большой пес, словно спрашивая, в чем дело, положил на детское плечо лапу, пудель ткнулся носом в грудь.

— Уезжаем... А вы остаетесь... Ведите себя хорошо. Задуманные больные тут у вас будут, косточек будет много оставаться. Не ссорьтесь. А я к вам зимой из Парижа непременно приеду. И русской чайной колбасы привезу. Спущу тебя с цепи, будем по всему парку втроем, задрать хвосты, прыгать...

Собаки поняли и жалобно поскулили.

— Ничего, ничего... Я еще к вам два раза прощаться приду: завтра и послезавтра...

Игорь встал, рассеянно волоча по плитам двора свои сабо, прошел в прачечную, скормил больному, кашлявшему индюку мокрый бисквит и нырнул в теплый, полутемный сарай к корове.

Добродушная мадам Лизет повернула к знакомому мальчику морду, сверкнув негритянским белком.

С собаками Игорь говорил по-русски. С коровой по-французски, потому что она с русскими жильцами редко встречалась и языка их не понимала.

— Здравствуй, мушка. Осень, ничего не поделаешь, а мы уезжаем. Пожалуйста, не бодай Цезаря, когда он к тебе приходит, веди себя прилично и давай молока, сколько полагается. Постой, постой... Ведь это же невежливо, Лизет!..

Корова нетерпеливо толкнула Игоря в плечо и замычала.

Мальчик принес ее любимое лакомство: круто посоленный ломоть русского черного хлеба. До этого лета она и не знала, что на свете такие вкусные вещи есть.

— Больше нет. Завтра опять приду, мушка. До свиданья.

Корова шумно вздохнула. Игорь прошел мимо равнодушно шагнувшего вокруг липы петуха с пестрым генеральским плюмажем на хвосте. С петухом он не простился, неинтересная птица, детей не любит, гладить себя не позволяет. Кивнул головой торчавшим из будки собачьим мордам и под меленьким бодрым дождем, дышавшим тонкой водяной пылью в глаза и в щеки, быстро помчался по набухшей дорожке к пруду.

* * *

Круглый пруд дымился. Ржавые тополевые листья сонно качались на воде. Стройные, высокие стволы, с голыми метелками ветвей, молчаливой стражей обступили пруд — вот русский мальчик уедет, а они останутся. Что им до мальчика?

Игорь окинул глазами лохматый островок среди пруда, дымящую тихую воду, пустую, оскалившую красные кирпичи, мельницу за каналом, мокрую осевшую пристань, усеянную прилипшими к ступенькам листьями... Жалко. Потянул носом. Да, в Париже так не пахнет. Он поднял тополевым сучок и положил в карман: на память. В школе будет вынимать на уроках и нюхать.

И зачем это мальчиков с места на место гоняют? Пусть осень, пусть индюк кашляет, а все-таки никуда бы он отсюда не поехал. Поступил бы младшим садовником и катал бы в кресле задушевных больных. Разве трудно?

Всмотрелся в пруд, увидел на воде неподвижную чурбашку и вспомнил. Рыбы! Надо их перед отъездом выпустить, пусть хоть рыбы счастливую осень проведут, если мальчикам нельзя.

Шипящая лодка заскользила в тишине, раздвигая листья вправо и влево. Игорь подтянул на веревке проволочную вершу. Так и есть: восемь рыбок попалось, и никто третий день даже к пруду не наведывался. Мучители!..

Он открыл зубами и пальцами боковые дверцы, высыпал серебристую рыбу компанию в пруд. Девятая рыба, увы, не дождалась Игорева доброго дела, вырываясь на свободу, застряла головой в сетке и погибла. А ее же подружки ей начисто хвост отгрызли.

Мальчик ничего рыбам не сказал на прощанье, все равно под водой не услышат. Вздохнул, вытряхнул из верши в воду куски мокрого хлеба и печально посмотрел на кроличий домик на острове. Ушастых жильцов не видно. Забились в сено и спят.

Школа, школа... Нельзя разве было бы открыть ее здесь в усадьбе вместо задушевной санатории? Глупые эти взрослые, ей-богу...

* * *

Толстая широкогрудая лошадь Мякиш, как прозвали ее русские жильцы, вертела, добросовестно и понуро топчась вокруг каменной тумбы, колесо водокачки.

Увидала знакомую детскую фигурку, фыркнула, мотнула челкой и остановилась. Умница Мякиш. Это тебе не рыба и не петух. А сердце у Мякиша, найдите в школе такое сердце!

Лошадь приветливо повертела куцым хвостом и ласково прихватила губами пуговицу Игоревой курточки. Не потому, что подлизывалась ради сахара... Совсем нет. По дружбе. И потому, что скучно три часа подряд, опустив умные глаза к земле, качать в одиночестве воду...

А сахар... Все взрослые курят, пусть Мякиш хоть сахару погрызет. Это очень питательно и укрепляет мускулы. Посмотрел бы кто-нибудь, сколько тетя Олимпиада съедает в день сладких пирожков и варенья! Вот она потому и стала вроде атлета на фуарах. Рука толще удава. Плечи, как у американского бизона... Бельгиец-садовник даже головой покачал, когда увидел, как она перед прачечной белье выжимала...

Сахарные крошки полетели с ладони наземь... Мякиш прислушался, тряхнул головой и зашагал вокруг своей тумбы: шаги взрослого человека — надо работать.

За сквозной изгородью мелькнул расписанный лиловыми хризантемами ковенский капот тети Липы.

— Игорь! Ау, Игорь?

Кричи, кричи. Упражняй свои богатырские легкие... Мальчик зарылся в ворох старой бобовой лужги и замер: точно и не родился.

— Игорь! Иди кофе пить... Простудишься! Игорь... Шерсть мотать! Боже мой, какой несносный мальчик...

Мякиш насмешливо покосился на клубок бобовых лент и фыркнул. Ишь ты, мальчика запрячь хотят. Найди-ка его!

* * *

Пустая сторожка у боковых ворот парка — вроде маяка. По ажурной наружной лесенке пробрался мальчик во второй этаж, в свой кабинет. Уселся в любимое кресло, сделанное из старого дамского седла, притих и смотрит в круглое с грязным куском стекла оконце.

В огороде дылдами торчат вытянувшиеся артишоки, качают лиловыми головами, отдыхают. Никто их вовремя не съел, а теперь поздно. На айвовом дереве пищит какая-то продрогшая птичка. Зачем не улетела на юг? Пищи теперь... Сама виновата.

Вдоль бегущего к станции шоссе топорщатся оголенные тополя, у верхушек круглятся шапки омелы. Визжит невидимка паровоз. Косая дождевая пыль, занесенная ветром в оконце, словно пульверизатором прошла по лицу. Щекотно...

Послезавтра в Париж. У Игоря есть любимый финский нож в черно-красных ножнах с золотом. Если шофер позволит подержаться за руль, может быть, подарить ему нож? Жалко...

С летними девочками, как только приедет в Париж, сейчас же повидается. Будут опять в Камышовое Государство играть. В комнате, конечно, тесно — ни моря, ни камышей, ни солнца. Но что же делать... На будущее лето они тоже на юг к морю собираются. Ах, если бы можно было перевести часы на год вперед!

Морские камешки надо будет Игнатию Савельичу подарить. Он моряк, он будет их беречь и Игоря вспоминать. И когда он приедет в Париж за покупками, Игорь поведет его на свой счет в кинематограф морские картины смотреть. И книжку ему подарит: Станюковича, «Морские рассказы»...

А тетя Олимпиада не злая. И шерсть можно будет разматывать с ней в городе после обеда. Только отчего все тети такие беспокойные? Надо будет сказать маме, чтобы выдала ее замуж. Хоть за бельгийца-садовника. Он еще не очень старенький, и у него есть два охотничьих ружья. Вот и будет с кем клубки свои разматывать...

Игорь закрыл глаза. Завтра опять прощаться будет. Чего это паровоз так развизжался? А послезавтра... Из темного туннеля выплыла огромная огненная вывеска:

Париж—Училище для
странствующих мальчиков,
которые плохо говорят
по-французски.

Серый, маленький дождик дохнул в глаза. И все пропало...

〈1926—1929〉

РУМЯНАЯ КНИЖКА

«КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК»

Так весело было в саду! Цвела черемуха, высоко в воздухе вздымая пенистые гроздья цветов. Сережки на березах уже отцвели, но сквозным кружевным шатром зыбилась на ветру молодая, еще изумрудная листва. На старой лиственнице у пристани по всем липам свежо зеленели пучками мягкие иголки, и между ними алые точки — цвет. На клумбе темными сморчками повылезли из теплой земли еще не развернувшиеся листья пионов. Воробьи стайками перелетали с клена на березу, с березы на крышу сарая: кричали, кувыркались, дрались, — просто так от избытка жизни, как дерутся школьники, разбегаясь по домам после уроков. Над скворечницей, как приклеенный, сидел на кленовой ветке скворец, смотрел на солнце, на веселую рябь речонки... В такой чудесный день никакие хозяйственные заботы в птичью голову не шли. А вдоль решетчатого забора, отделявшего сад от соседней усадьбы, бешено носились псы: по ту сторону, распластавшись почти до земли, шоколадно-черная такса, по эту — дворняжка Тузик, лохматая серая муфта с хвостом в виде вопросительного знака... Добегали до края ограды, поворачивались и стремительно мчались назад. До тех пор, пока, высунув языки, в изнеможении не падали наземь. Бока ходили ходуном, глаза весело перемигивались. Мчатся вперед... Большого собачьего удовольствия ведь и на свете нет!

Внизу, за еще сквозными кустами сирени, покачивалась на Крестовке пристань. Мало кто из петербуржцев знал, что в самой столице выбегает к Елагину мосту такая захолустная речонка, омывая северный край Крестовского острова. А речка была славная... Переливалась солнечной чешуей вода. Микроскопические рыбки оплывали хороводом пестрые свай перед домами. Посредине во всю длину тянулась узкая, обсаженная черемухой, коса. Против середины косы вздымался большой сарай, и желтел покатым к воде спуск: английский гребной клуб. Из сарая шестеро тоненьких юношей в белых фуфайках и кепках вынесли длинную, длинную легкую гичку, будто пила-рыба на двенадцати ногах купаться пошла. Спустили лодку на воду, уселись и понеслись к Елагину острову, плавно, в такт гребли, откатываясь на подвижных сиденьях назад для нового взмаха... Сын прачки, помогавший матери на берегу укладывать белье в корзину, посмотрел вслед и сам себя от удовольствия ногой лягнул.

У пристани, внизу, отчаянно скрипела на цепочке и шлепалась о воду лодка. Да и как ей было не скрипеть и не шлепать, когда тройка озорных мальчишек перелезла по отмели через забор, забралась в лодку и изо всех сил стала ее раскачивать. Вправо — влево, вправо — влево... Вот-вот краем зачерпнет воды до самого борта!

Плывший на плоскодонном челне старичок в малиновом гарусном шарфе лениво шарил глазами по прибрежным кустам. То там, то сям покачивались прибитые к берегу поленья, чурбашки либо обломки досок... Старичок подтягивал багром добычу, укладывал поперек челна и медленно шлепал по воде дальше... Засмотрелся на далекие старые ветлы вдоль окраинной дороги Елагина острова, послушал, как на мостике справа гудят копыта, скрестил руки и весла и позабыл про свои дрова.

А в Крестовку с Невы вплыла новая компания; писаря с гармошками, девушки с цветными, похожими на детские воздушные шары, зонтиками... Легкая песенка под перебор веселых ладов прокатилась по речушке, легкие волны светлыми горбиками поплыли к берегам. Скворец в саду на кленовой ветке внимательно склонил голову: знакомая песня! В прошлом году он ее здесь слышал, — не та ли самая компания в лодках проплывает?..

Всем было весело в этот весенний день: воробьям на крыше сарая, таксе и дворняжке, отдохавшим у ворот после гонки вдоль забора, неизвестным мальчишкам в привязанной лодке, молодым англичанам, выплывавшим на гичке к Стрелке, писарям и девушкам на Крестовке. Даже чья-то старая-старая бабушка, отдохавшая по ту сторону сада в плетеном кресле на балконе, подставляла легкому ветру ладонь, шевелила пальцами и улыбалась: так мирно блестела сквозь зеленеющие вершины река, так плавно звучали по реке голоса, так бодро, оставив генеральский хвост по ветру, шагал по двору рыжий петух мимо самого носа распластавшейся на теплом бревне кошки...

* * *

В длинном, примыкающем к саду флигеле тоже было радостно и уютно. В кабинете на письменном столе сидел рыжий котенок и, удивленно прислушиваясь, потрагивал лапкой басовую струну мандолины. В шкафу кротко блестели золотыми буквами корешки книг. Они отдыхали... А на стене, над старым, похожим на мягкую гитару, диваном висели портреты тех, кто книги эти когда-то написал: курчавый, благосклонный Пушкин, седые, бородатые Тургенев и Толстой, гусар Лермонтов с вздернутым носиком... В ясный цвет синекубовых обоев были выкрашены и двери и рамы. Ветер сквозь форточку вздувал тюлевую занавеску, будто парус надувал. Ему ведь все равно, лишь бы забавляться. Чужеземный фикус подымал свежесмытые листья к окну, заглядывал в сад: «Какая у них тут в Петербурге весна?»

За отдернутой портьерой виднелась милой терракотовой окраски столовая. На карнизе кафельной печки сидела пучеглазая, румяная матрешка: одна нога босая, точно обсосанная, другая—в роскошной бархатной валенке. Сбоку дремал дубовый буфет с верхним этажом на львиных лапах. За гранеными стеклами блестел прабабушкин чайный сервиз, темно-голубой в золотых виноградинах. Вверху бились вдоль окна молодые весенние мухи, волновались, искали выхода в сад. На овальном столе лежала детская книга, раскрытая на картинке. Раскрашивали ее, должно быть, детские руки: кулаки у людей были синие, лица—зеленые, а курточки и волосы телесного цвета,—иногда ведь так приятно раскрасить совсем не так, как в жизни полагается. С кухни доносился веселый, дробный стук сечки: кухарка рубила мясо для котлет и в такт стуку и тиканью стенных часов мурлыкала какую-то котлетную польку.

Перед закрытой стеклянной дверью, ведущей из столовой в сад, стояли, прижав к стеклу носы, две девочки, две сестры. Если бы кто из сада на них взглянул, сразу бы увидел, что только им во всем саду и доме в этот солнечный весенний день было грустно. У старшей Вали даже слезинка блестела на щеке, вот-вот капнет на передничек. А младшая, Катюша, надутая-пренадутая, сердито смотрела на скворца, сдвинув пухлые брови,—точно скворец ее куклу клюнул или через форточку пышку с маком унес.

Дело, конечно, не в пышке. Только что прочли они в первый раз в жизни страницу за страницей по очереди «Кавказского пленника» Толстого и разволновались ужасно. Раз написано,—значит, настоящая правда. Это ведь не детская сказка про Бабу Ягу, которую, может быть, взрослые нарочно выдумали, чтобы детей пугать...

Старших никого не было: мама уехала на крестовской конке на Петербургскую сторону за покупками, отец в банке—на службе. Кухарка про «Кавказского пленника», разумеется, не знает, няня в гости укатила, кума у нее именинница... Можно было бы няне все своими словами пересказать, у нее ведь сын фельдфебелем на Кавказе служит, письма ей пишет. Может быть, она от него узнает: правда ли? мучают ли так людей? Или когда-то мучили, а теперь запрещено?..

— Что ж, все-таки удрал он в конце концов благополучно,—сказала со вздохом Катюша.

Ей уже надоело кукситься,—день был такой светлый. И раз окончание хорошее, значит, не стоит особенно и горевать.

— Может быть, Жилин потом со своими солдатами устроил засаду и поймал в плен тех самых татар, которые его мучили... Правда?

— И больно-пребольно велел их высечь! — обрадовалась Вали.—Крапивой! Вот вам, вот вам! Чтоб не мучили, чтоб в яму не сажали, чтоб колодок не надевали... Не кричать! Не сметь кричать... А то еще получите.

Впрочем, Валя сейчас же и передумала:

— Нет, знаешь, сечь их не надо. Жилин бы только презрительно посмотрел на них и сказал: «Русские офицеры великодушны... Марш! На все четыре стороны. И зарубите себе на вашем кавказском носу... Если вы еще раз посмеете сажать русских в яму, я вас всех отсюда из пушки, как... капусту порублю! Слышите вы!.. Татарской же девочке Дине, которая меня лепешками кормила, передайте георгиевскую медаль и вот эту русскую азбуку, чтоб она русской грамоте научилась¹ и сама могла бы «Кавказского пленника» прочесть. А теперь вон с моих глаз!»

— Вон! — закричала Катюша и топнула каблучком в пол.

— Постой, не кричи, — сказала Валя. — И вот, когда она научилась читать по-русски, она тихонько удрала к Жилину... И потом крестилась... И потом вышла за него замуж...

Катюша даже взвизгнула от удовольствия, так ей понравился такой конец. Теперь, когда они расправились с татарами и так хорошо устроили судьбу Дины и Жилина, им стало немного легче... Они надели калошки, вязанные кофточка, еле-еле открыли вдвоем набухшую дверь и вышли на крыльцо.

Неизменный адъютант Тузик, виляя косматым хвостом, подбежал к девочкам. Сестры прыгнули с крыльца и пошли по влажным дорожкам вокруг сада. Нечего, в самом деле, разбойникам потакать!

* * *

В углу сада, у старой заброшенной оранжереи, девочки оставались над ямой. На дне горбом лежали прошлогодние, слежавшиеся листья... Они переглянулись и поняли друг друга без слов.

— А где ж мы пленных возьмем? — спросила младшая, с наслаждением втискивая в глину каблучком пустой вазон.

— Мишку посадим...

— Ну, конечно! А кто будет Диной?

— Я.

— Нет, я!..

— Нет, я!..

Сестры подумали и решили, что спорить не стоит. Конечно, лучше быть Диной, чем свирепым татаринном. Но сначала они обе будут татарами и поймают Мишку в плен. А потом Валя станет Диной, а Катюша ее подругой, и обе помогут пленникам бежать. Кто ж будет вторым пленником, Костылиным?

Тузик угодливо завертел у девочкиных ног хвостом. Чего же и искать больше?

— Ми-ша!

— Мишечка!..

— Мышонок!

— Чего надо? — звонко отозвался с улицы дворницкий мальчик Миша.

— Играть иди!

Через минуту Миша, дожевывая баранку, стоял перед сестрами. Он был совсем еще маленький, мальчик с пальчик, в надвинутом до самого носа картузе и привык во всем подчиняться девочкам из флигеля.

— Во что играть будем?

— В «Кавказского пленника»,—объяснила Валя.— Да глотай ты скорей свою баранку! Ты будто Жилин, русский офицер. Ты будто из крепости к своей маме верхом едешь. Она тебе невесту приискала, хорошую и умницу, и имение у нее есть. А мы тебя в плен возьмем и в яму посадим. Понял!

— Сажайте, что ж.

— И Тузик с тобой. Вроде товарища. А лошадь под тобой мы застрелим.

— Стреляй, ладно.

Мишка сел верхом на прут и поскакал по дорожке, взбивая копытами грязь...

— Паф! Паф-паф!—закричали девочки с двух сторон.— Что ж ты не падаешь?! Вались с лошади, сию минуту вались...

— Не попали!—Мишка дерзко фыркнул, брыкнул ногой и помчался вдоль забора.

— Паф! Паф!

— Не попали...

Что с таким непонятливым мальчиком сделаешь? Сестры наперерез бросились к Мишке, стащили его с лошади и, подгоняя шлепками, потащили к яме. Еще упирается! Что это на него сегодня нашло...

— Постой, постой!—Валя полетела к флигелю и стрелой примчалась назад с постельным ковриком, чтоб Мишке мягче было на дне сидеть.

Мишка спрыгнул, уселся. Тузик за ним,—он сразу понял, в чем игра заключается.

— Чего теперь делать?—спросил Мишка из ямы, утирая ватным рукавом нос.

Катюша задумалась.

— Выкуп? Но Жилин бедный. И все равно обманет... Что с него взять? А Тузик? Ведь он—Костылин, он богатый...

Девочки уселись в оранжерее на щербатой ступеньке и на дощечке нацарапали огрызком карандаша за Тузика все, что следовало: «Я попался им в лапы. Пришлите пять тысяч монет. Любящий вас пленник». Дощечку мигом доставили дворнику Семену, который колол во дворе дрова, и, не ожидая ответа, побежали к яме.

Пленники вели себя очень странно. Хоть бы попытались удрать, что ли... Катались весело по коврику, задрав кверху ноги и лапы, и обдавали друг друга охалками ржавых листьев.

— Стоп!—закричала Валя.— Вот я вас сейчас рыжему татарину продам...

— Продавай, ладно,— равнодушно отозвался Мишка.— Как дальше играть-то?

— Ты куколок будто лепи и наверх нам бросай... Мы теперь татарские девочки... А мы тебе за это лепешки бросать будем.

— Из чего лепить-то?

В самом деле. Не из листьев же. Валя опять слетала домой и принесла в корзинке плюшевого слона, резинового верблюда, матрешку, безногого паяца и платяную щетку,— все, что на скорую руку в детской собрала. Да у кухарки выпросила три пирожка с капустой (еще вкуснее лепешек!).

Покидали Мишке игрушки, а он их вихрем все сразу назад выбросил.

— Не так скоро! Чучело какое...

— Ладно. Давай лепешки!

С «лепешками» тоже вышло не совсем хорошо. Первый пирожок поймал на лету Тузик и с быстротой фокусника его проглотил. Угрем из-под Мишкиной подмышки вырвался,— проглотил и второй... И только третий удалось передать на палочке кавказскому пленнику.

Потом девочки, пыхтя и толкая друг дружку, спустили в яму длинный шест, чтобы пленники, наконец, удрали.

Но ни Мишка, ни Тузик даже с места не тронулись. Разве плохо в теплой яме? Над головой облака сквозь березки продираются, в кармане у Мишки еще кусок булки нашелся. Тузик стал блох искать, а потом к мальчику примостился,— на коврике мягко,— и ежом свернулся. Куда там еще бежать?

Кричали девочки, сердились, приказывали. Кончилось тем, что сами в яму соскочили, уселись с пленниками рядом и тоже стали на облака смотреть. Ведь могло быть и четыре пленника. А бежать днем все равно не полагается. У Толстого так ведь и написано: «Звезды видны, а месяц еще не восходил»... Время еще есть. И колодки надо на всех набить,— в оранжерее целую охапку дощечек нашли.

Тузик в полусне покорно протянул девочкам лапу: «Набивай-те хоть на все четыре... Все равно сами и снимете».

* * *

Часа через два вернулась с Петербургской стороны мама девочек. Обошла все комнаты,— нет дочек. Посмотрела в сад: нет! Кликнула было няню, да вспомнила, что няня сегодня к куме в Галерную Гавань отправилась. Кухарка ничего не знает. Дворник показал дощечку: «пять тысяч монет»... Что такое? Да и его Мишка Бог весть куда провалился.

Всполошилась она, вышла на крыльцо...

— Дети! Ау... Валя! Ка-тю-ша!

И вдруг с конца сада, точно из-под земли, детские голоса:

— Мы здесь!

— Где здесь?!

— В оранжерее...

Побежала мать на голоса. И что же! Сидят, прижавшись плечо к плечу, в яме на коврике все четверо: Мишка, Тузик и девочки, и у всех глаза от удовольствия блестят.

— Что вы здесь делаете?

— Мы кавказские пленники.

— Какие там пленники! Ведь сыро же здесь... Сейчас же марш домой!..

Вскарабкались девочки по шесту, Мишка за ними, а Тузик и без шеста обошелся.

Идут домой, к матери с двух сторон, как котята, жмутся. Даже непонятно им самим, как это утром их «Кавказский пленник» так расстроил? Ведь превеселая же, право, штука.

<1929>

НЕВЕРОЯТНАЯ ИСТОРИЯ

Знаете ли вы, что такое «приготовишка»? Когда-то до войны так называли в России мальчуганов, обучавшихся в гимназиях в подготовительном классе.

Мужчина этак лет восьми, румяный, с веселыми торчащими ушами. В гимназию шагал он не прямо по тротуару, как все люди, а как-то зигзагами, словно норвежский конькобежец. За спиной висел чудовищный ранец из волосатой и пегой коровьей шкуры. В ранце тархтели пенал, горсть грецких орехов, литой черный мяч, арифметика и Закон Божий. В руке — надкусанное яблоко. Полы светло-мышинной шинели, подбитые стеганой ватой, отворачивались на ходу, как свиные уши. Шапка темно-синяя, с белыми кантами, заломлена по бокам пирожком, а герб в подражание второклассникам согнут в трубочку: не как-нибудь! На ногах — броненосцы: огромные резиновые ботики, на которые лаяли все встречные собаки.

Вот, собственно говоря, что такое «приготовишка».

Учености его я касаться не буду, потому что сам затруднился бы вам теперь ответить, «что делает предмет», какая разница между множимым и множителем и как назывались несимпатичные братья Иосифа, продавшие его в Египет.

* * *

В Москве на Сивцевом Вражке жил у пухленькой баловницы-тетки один такой приготовишка, Васенька Горбачев. И была у него мечта. Не какая-нибудь вычитанная из «Тысячи и одной ночи» мечта, а самая простая и доступная. Васенька видал как-то

в цирке у Дурова дрессированного зайца, который зубами, по желанию публики, вытаскивал карту любой части света, катался на маленьком заячем велосипеде и, скосив глаза вбок, отдавал честь старой лягавой собаке.

Штуки не Бог весть какие... Мальчик решил скопить денег, купить простого деревенского зайца и обучить его тайком в ванной комнате совсем другой вещи: четырем арифметическим действиям и таблице умножения.

Счет, раз заяц говорить не умеет, можно ведь отбивать лапкой...

Вот будет сюрприз! Во всех газетах появится Васин портрет с зайцем, директор гимназии объявит ему перед всем классом благодарность и напишет тете письмо, что племянник ее, Василий Горбачев, затмит когда-нибудь самого Ломоносова.

От каждого завтрака,— а давала ему тетка каждое утро гривенник,— сэкономил он по три копейки и, когда накопил рубль медью, обменял его в мелочной лавочке на серебряный. Зажал рубль в ладонь и в первый же свободный день пошел в ботиках, весело насвистывая, на Трубную площадь, где продавали в клетках и прямо с рук всякое зверье и птицу.

* * *

Чудесно было на Трубной площади! Небо синенькое, весеннее, под галошами вкусно чмокала, налитая водой, слякоть, у обочины тротуара искрился и лопотал ручей, словно он не по людной Москве бежал, а по деревенской околице. На окне в портерной — бутылки играли на солнце ярче аптечных шаров. А народу на площади — муравейник. И все можно достать, чего пожелаешь: конопляное семя, кормушки для птиц, муравьиные яйца в пакетиках — фунтиками.

В ивовых клетках копошилась живая тварь; дымчато-голубые горлинки, выпятив грудку, ворковали под столами и нежно друг дружку подталкивали клювами, надувались толстые черные куры-испанки в лохматых штаниках, нарядный карликовый петушок со своей белой курочкой, словно игрушечные, смотрели на толпу стеклянными глазками. Иволги, сойки, чижи... Белка свернулась в рыжий пушок и спит,— надоело ей вдоль клетки прыгать... Мопсы, маленькие, совсем еще дети, высывали розовые носы из-за пазухи оборванца... Но зайца — не было. Нигде не было!

Три раза обошел Васенька площадь, во все лари заглядывал, под все столы: нет зайца.

— Чего покупаете, купец? — хрипло спросил вдруг у пригостишки опухший босяк и зорко посмотрел на серебряный рубль, торчавший из Васиного кулака.

— Зайца...

— Шкурку, что ли?

— Какую шкурку! — мальчик обиделся. — Живого зайца, как вы не понимаете. Да вот нету. Продали, что ли, всех...

Босяк задумался.

— Много ли дашь? Я достану.

— А что он стоит? — Васенька и сам не знал, как живых зайцев расценивают: на вес, что ли, или в длину по вершкам.

— Рупь. — Босяк снова покосился на Васин рубль, перевел глаза на пивную лавку и сплюнул.

— Девяносто пять копеек? — робко спросил Васенька.

Он знал, что надо торговаться. Да на пятак внизу у них в мелочной сразу можно бы зайцу свежей капусты купить.

— Рупь, — хрипло повторил опухший субъект. — Через полчаса приходи сюда, видишь, вон где сбитенщик стоит. Будет тебе заяц.

— Живой?!

— Дохлыми не торгуем.

Васенька радостно щелкнул языком и побежал, чтоб убить время, к знакомой табачной лавке через улицу. Там в окне давно уже он заметил серию марок мыса Доброй Надежды. Надо спросить о цене и выменять на двойники.

Целых полчаса! И куда это босяк за зайцем отправился? Нырнул в подворотню, фить — и исчез.

* * *

Не прошло и получаса, — Васенька уже давно на Трубной площади топтался около указанного места. От нетерпения даже минутную стрелку на своих черных часах на пять минут вперед перевел.

Наконец, видит, идет босяк, а под мышкой у него какое-то серое чудовище лапами дергает.

Заяц!..

Босяк нос об зайца вытер, дух перевел и заторопил:

— На! Давай рубль! Еле раздобыл... Тащи, тащи живей, чего глаза расстегнул? Под зад поддерживай, башку под локоть зажми, а то даст стрекача, — пропал твой рупь ни за копейку...

Сказал, заржал на ходу, картуз козырьком назад передвинул и скрылся, — только дверь в пивной хлопнула.

Понес мальчик своего драгоценного зайца домой, хоть и не легко нести, сам так весь улыбкой и расцвел. На трамвай денег нет, да и не пустят с зайцем.

— Сиди смирно! Ишь тяжелый какой, словно утюгов наелся.

А заяц не унимается, лапами, как пожарный насос работает, так и рвется прочь из под мышки, точно его казанским мылом намылили.

И вдурт

Тетя Варя в ужас пришла. Припелелся ее любимый Васенька домой, плачет — рыдает захлебывается, по всей мордашке слезы рукавом размазаны, а в руках дрянная заячья шкурка.

— Что с тобой, Василек?! Кто тебя обидел?! Что за шкурка такая?..

— Мо-шен-ник меня обмо-шен-ни-чал! Я у него на Трубной зай-ца купил... Ду-мал тебе сюрприз устроить, обучить зайца таб-ли-це умножения. А босяк, тетечка, взял рубль...

— Ну?!

— Сунул мне зайца... Я несу, а он барахтается. И вдруг... он шкурку свою рас-по-рол... и из шкурки живая кошка вылезла... и убежала!

— Как кошка?!

— Ну, как ты не понимаешь! Босяк кошку во дворе сцапал, наскоро в заячью шкурку зашил... и мне продал... Народ кругом хохочет! Я сначала испугался, потом растерялся, а потом плакать стал... Досадно ведь, тетечка! Что я теперь делать буду?!

— Не плачь, Василек...

Тетка племянника по стриженной головке гладит, а самой и жалко его и смешно.

— Не плачь! Я с тобой сама пойду, настоящего живого зайца купим. Обучим его хоть геометрии, ты у меня мальчик ученый, авось выучишь. А плакать не надо. Что это в самом деле? Мужчина — и плачет.

— купишь, тетя?! В самом деле?.. Побожись, что купишь!

— Божиться грешно... Тетке и так верить надо. А вот ты поди умойся, ишь целое озеро по лицу размазал. Да приходи чай пить с малиновым вареньем. Хорошо?

Побежал Васенька по коридору, ногами взбрыкивает, куда и горе девалось.

А тетка за спицы свои взялась: Васеньке чулки надвязывать. Вяжет и ворчит:

— Вот, прости Господи, какие мошенники окаянные по Москве пошли... Кошку в заячий мех среди бела дня зашивают, дитя обманывают. Тьфу!

<1925>

ЯБЛОКИ

Петя и Вовка никак не могут опомниться. Младшая сестренка заболела scarlatinной, и мальчиков, сонных, отправили вечером к дяде в подгородное имение. Как ни таращили они в бричке глаза, ничего не было толком видно: то ли кусты по

бокам дороги торчат, то ли медведи на дыбки поднимаются, маленькими мальчиками хотят поужинать. Старший Вовка на всякий случай в кармане перочинный ножик раскрыл, а другой рукой брата обнял. «Закрой глаза!.. Медведи первые на человека никогда не нападают». А дядя потаенный детский шепот расслышал и рассмеялся.

— Правильно, Вовка! Пусть-ка нападут. Сейчас мы их всех свяжем и в московский зоологический сад малой скоростью отправим...

Приехали поздно. Лохматые чудовища (псы, а может быть, и домашние медведи?) терлись о подножку брички, лизали детские ноги. В столовой горела невиданная в городе керосиновая лампа на цепях с чугунным ядром. Попискивал засыпающий самовар. На буфетной доске горкой лежали румяные яблоки. Бледная и худая тетя Глаша раскутала мальчиков, погладила по голове: теперь она долго-долго будет для них вроде мамы. Попугай в углу на жердочке проснулся, вскинул зеленый хохол и ляпнул:

— Арестанты приехали!

Мальчики удивленно переглянулись, но дядя им объяснил, что обижаться не следует,— арестантами попугай называет всех гостей, пусть хоть сам персидский шах приедет. А кто попугая этому слову обучил, никто не знает.

Через силу выпили по чашке чая с молоком, поковыряли изюм в ватрушке и пошли на антресоли спать. На широкой крытой ковром тахте можно было поперек восемь таких мальчиков уложить. Холодила бока хрустящая тугая простыня, на столике в граненом стаканчике ровно горел над поплавком огненный язычок,— чтобы не было страшно. Петя, засыпая, все потягивал носом, как гончая собака, и, прижимаясь щекой к брату, сонно спросил:

— Ананасы?

— Какие тебе в России ананасы? Яблоки пахнут.

— Много?

Вовка подумал и прикинул в уме:

— Сорок пять тысяч...

Петя успокоился и закрыл глаза. А Вовка прислушался... В саду кто-то заливисто свистал. На черном стекле колыхалось далекое тусклое зарево. Псы рыскали, с коротким брехом пронеслись среди стволов и глухо рычали на окраине сада. Далекодалеко забубнила колотушка... И вдруг язычок в стаканчике раздвоился, сонно метнулся до потолка, лизнул Вовку в нос и исчез.

Тетя Глаша бесшумно, как стрекоза на замшевых лапках, вошла в комнату. Постояла около тахты, положила ладонь на Вовкину голову, потом на Петину: чуть-чуть теплые, как яблоки на солнце. Если добрая и понимающая тетя,— никакого ей градусника не надо,— ладонь все покажет.

Потом удивленно нагнулась, улыбнулась и вынула из свесившейся Вовкиной руки раскрытый перочинный ножик. Вот комик — мальчик... И бесшумно (как стрекоза на замшевых лапках!) скрылась за портьерой.

* * *

Утром дети распахнули окно, высунули головы в сад: рай! Во все стороны темно-зелеными рядами тянулись яблони — яблони — яблони, среди густой листвы краснели, желтели, розовели веселыми фонариками круглые плоды. Гирляндами свергались вниз. Узловатые рогатины подпирали, как костыли, тяжелые, клонившиеся к земле яблоневого плечи... И пахло так, будто бы тебе ящик из-под самых душистых яблок на голову надели.

Вовка засвистал... Это он вчера вечером по запаху решил — «сорок пять тысяч». Пробежал глазами, проверил, — по меньшей мере тысяч семьдесят шесть с половиной. Петя не считал, не до того было. Он только широко раскрыл глаза, раздул ноздри, смотрел, нюхал и думал: если бы сюда собрать всех знакомых мальчиков и все бы расстегнули кушаки и воротники и ели сколько влезет и еще полстолько и еще четвертьстолько, — в саду бы яблок даже и не убавилось. Все равно как стадо коров из озера напьется, а озеро и не замечает...

Побежали вниз. Наскоро умылись, наскоро чмокнули дядю и тетю, наскоро высосали по чашке чая с молоком (придумают же для детей такое наказание!) — и вылетели за дверь.

Во дворе каждый занят был своим делом. Толстый котенок играл под кухонным окном яблочной кожурой, наступал на конец лапкой, тянул ее зубами, — только отпустит, а кожура опять штопором завьется; прачка стирала у колодца в колоде, — изо рта у нее торчала половина румяного яблока, и ей было очень трудно: надо было и стирать, и локтем отмахивать нависавшие на глаза волосы, и подталкивать плечом яблоко во рту, чтобы не упало в белье; ленивая хрюшка тоже возилась с яблоком, перекачивала его с места на место, будто в крокет сама с собой играла... А кухаркин племянник Колобок (прозвали его так потому, что толстый был и непоседа) складывал у сарая под вязом корявые, сморщенные яблочки в кучу и потом стал строгать ивовый прутик. Заострил конец, зубами сдернул кору.

Приезжие мальчики заинтересовались и подошли поближе.

— Ты зачем такие худые выбрал? — спросил Вовка. — Есть хорошие надо.

— Я не для еды. Я пулять буду.

— Как пулять?

— А вот смотри... Отойди-ка маленечко.

Колобок насадил тугое яблочко на острый прутик, взмахнул рукой, и яблочко с легким свистом улетело под облака.

— У меня и балаболки есть. Тоже пулять можно...

Он раскрыл висевшую у него через плечо холщовую сумочку и с гордостью показал им горсть светло-зеленых, точно лакированных, шариков.

— На картохах растут. Балаболки называются... Только яблоки выше летят.

Ведь вот в городе до такой чудесной пальбы и не додумались. Вовка вздохнул, выбрал яблочко потуже и потянулся к палочке.

— Можно?

Насадил, вынес ногу вперед, замахнулся... но яблоко, будто домовой под руку толкнул, совсем не в ту сторону понеслось,— прямо в кухонную раму—бум! Хорошо, что не в стекло... Поросянок шарахнулся под крыльцо, индюк, совершавший вдоль забора моцион, негодуяще выругался, сердитая кухарка с поварешкой в руке до половины высунулась из окна. Но браниться громко не могла, потому что у нее изо рта тоже торчало недоеденное яблоко.

— Удирай!—шепнул из-за вяза Колобок.—Она, ух какая...—и бросился сквозь высокий бурьян в сад. За ним, закрыв лицо от хлещущих шершавых стеблей, городские мальчишки. Значит, не так это просто «пулять» научиться. Можно и стекло высадить и, не дай Бог, дяде в пенсне попасть,— вот он у крыльца в бричку садится, в город едет.

* * *

Колобок в саду каждую яблоню знал, точно сам их насадил когда-то. И когда Петя или Вовка поднимал с земли и надкусывал первое попавшееся яблоко, Колобок пренебрежительно махал рукой:

— Нашел чего кусать. Вона там у пруда, видишь дерево толстенное... Ты попробуй, скус-то какой...

«Скус» действительно был необыкновенный. Сладкий сок хлюпал во рту, восковая мякоть хрустела и пахла медом, ладаном и самым-самым отборным ландринским леденцом. А надкусанное простое яблочко летело в траву на поживу муравьям и земляным пчелам, и через несколько минут укус покрывался ржавой каемкой.

У пруда, заросшего конским щавелем, придумали забаву. На корму опрокинутой плоскодонной лодки поставили старую, отливающую радужными красками, бутылку и стали в нее с трех сторон стрелять яблоками. Взволнованные утки, будоража зелененькую ряску, с криком поплыли прочь, оставляя за собой светлый, колыхающийся след. Яблоки летели градом, но бутылка, словно подсмеиваясь, стояла как ни в чем не бывало. Тогда Вовка рассердился и ухнул в нее валяющимся под ногами яблоневым сучком. Горлышко звякнуло, и бутылка заколыхалась на воде.

— Не по правилу стреляешь,— обиделся Колобок.

— Ты не понимаешь... Это я из тяжелого орудия.

Что на это скажешь? Колобок и Петя в азарте стали добывать плавающую бутылку комьями поросшей травой глины, обломками кирпичика, пока ее, бедную, не доконали.

А Вовка решил показать Колобку-деревенщине городскую затею,— это тебе не балаболки. Выкатил из сарайчика два старых колеса и бочонок, приставил по бокам к бочонку колеса и под открытый край бочки подложил кирпичи, чтоб в небо смотрела.

— Это что ж будет?

— Царь-пушка. По слонам стрелять...— важно отрезал Вовка.— Давай-ка по бокам ядра складывать.

Из самых крупных ядреных яблок сложили по бокам две пирамидки. Полюбовались, разбросали ногами пушку и ядра и побежали на глухой лай к солнечной полянке.

— Кусаются?— спросил по дороге Петя, замедляя на всякий случай шаг.

Колобок только хлопнул по траве кнутом.

— Куси-ка своих, я им лапы пооттяпаю.

Действительно, не укусили. Днем совсем было ясно, что это не домашние медведи, а псы. Свирепые сторожа, лохматые помощники караульщика деда Архипа, они знали, кого кусать, кому ноги лизать. Сразу узнали маленьких вчерашних гостей и так и завились вокруг них кудлатыми клубами...

Перед тростниковым шалашом курился голубенькой лентой дымок дотлевающего костра. Вот, стало быть, от него вечером зарево на стекле и играло. Дед Архип был очень похож по картинке на старика из «Золотой рыбки». Только старухи не было и вместо разбитого корыта лежал перед ним чугунок с одним ухом.

— Племяннички пришли? Садись, садись, гостем будешь.— Дед притянул к себе Петю, будто давно его знал, широко погладил по спине, усадил на пень. А Вовке бросил на охапку сена свой армяк.

— Чего стоишь? Воробей и тот в полдень садится. Грушек печеных не хотите ли?

Вынул из пепла три темно-коричневых груши, дунул на них, смахнул рукавом золу и дал мальчикам.

Да! Это тебе не чай с молоком... Обжигались, чуть не плакали, но ждать, пока остынут, нельзя было, очень уж было вкусно.

Дети притихли. И собаки угомонились, легли у ног и только, вывалив языки, следили, как толстые шмели вокруг дедовой головы гудят. Дед тоже молчал, вырезывал из липовой чурбашки себе табакерочку да ласково поглядывал на мальчишек.

Земляная пчела приподняла мшинку у Вовиной ноги, вылетела наружу и низко над землей потянула к сверкающему вдали пруду. Пить, должно быть. Солнечные пятна пробились сквозь

ветви и тихо колыхались на примятой траве. Тепло. И дух такой густой, сладкий, будто перед жаровней сидишь, на которой яблочное желе уваривается.

— Это вы, дедушка, вчера в саду свистали? — спросил Вовка, вытягивая из пепла грушу покрупнее.

— Кому ж больше... Стревожил тебя, что ли?

— Нет. Я думал, что это медведя из сада гнали.

— Какой тут медведь! Люди озорничают пуще всякого зверя. Не уследи, полсада переломают... Вот и свистишь да псов гоняешь... Надолго ли приехали?

— Не знаю. У нас теперь scarlatinный карантин,— важно объяснил Вовка.

— Скажи ты! — Дед задумчиво покачал головой. Пожалуй, и не понял, что за штука такая.— Ну что ж, погостите, у нас яблочек на всех хватит...

Петя все посматривал на нового дедушку и, наконец, решился:

— А это правда...

— Что, милый?

— Что такие молодежывые яблоки бывают? «Какой бы ни был стар человек, а съест яблочко — вмиг помолодеет...»

— Кто тебе рассказал-то?

— Няня сказку рассказывала. Про ведьму и солнцеву сестру.

— Не слыхивал, свет мой. Кабы знал, сам бы такое молодежывое достал. А то и укусить нечем. Все вот яблочки едят, а я только посматриваю. Ты б у няни своей спросил, где они растут-то... Что?

И вдруг сорвался с места и побежал, словно и молодой, в глубину сада.

— А ну ж вы! Я вас... Аря! Забирай, Колобок, вправо, вправо тебе говорю!..

Псы, тоненько взвизгивая, скрылись за стволами. Вдали, трусливо похрюкивая, с треском мчались к калитке две толстые чушки.

— Медведь? — на бегу спросил у Колобка Петя, подбирая с земли ржавую железку.

— Свины... Они завсегда в эту пору яблоки лопают.

Дед, тяжело дыша, возвращался.

— Ишь, подлюги!.. Повадились. Опять калитку не зачинил кто-то. Руки дырявые, прости, Господи...

Вовка заинтересовался:

— Разве, дедушка, свины тоже яблоки любят?

— Ого! Она тебе не то что ест, она такая животная, что зловредней ее и нету. Ешь, я ж не препятствую. И сорока яблоко ест, и иволга, и оса, и человек. А свинья к самому лучшим сортам подбирается... Да мало ей, что на земле валяется, норовит еще, ежели дерево молодое, о ствол потереться, чтоб яблоки на нее дождем сыпались... Вишь ты.

— Она хитрая, бабушка?

— Хитреющая, милый. Фу, совсем дух зашелся... Эва! Обедать вас кличут. Бегите скорей, а то тетенька гневаться будет...

Побежали. Делать нечего. В самый интересный момент всегда так,— то уроки, то обед. И ничего ты с этим не поделаешь.

За обедом мальчики ели вяло. Суп с лапшой, телятина... Как их есть, когда в голове гудят шмели, весь насквозь яблоками пахнешь,— даже волоса, а на языке терпкая оскомина...

Тетя Глаша только посмотрела, все поняла.

— Яблоки? Вы смотрите не объестьесь.

— Мы, тетя, ничего. Я съел семь, а Петя... Петя пять съел.

— Только?

— И еще по три груши печеных. Можно, тетя, телятину на после оставить?

— Можно.

Вовка облегченно вздохнул. Помял в кармане четвертую запасную печеную грушу и раздумчиво поднял на ламповое ядро глаза.

— Скажите, тетя Глаша... Вот говорят, что какой-нибудь господин ничего не понимает, «как свинья в апельсинах». А может быть, свинья и понимает? Ведь вот дед-караульщик говорит, что свиньи чудесно-пречудесно разбираются в яблоках, какой сорт слаще, какой вкуснее...

— Ну так что ж?

— Так если бы у вас был апельсиновый или мандариновый сад, свиньи, может, тоже бы разбирались в сортах. Как вы, тетя, думаете?

— Право, Вовик, не могу тебе сказать. Свинья же апельсины чистить не умеет. А с кожей съешь, любой сорт плохим покажется.

Вовка поджал губы. В самом деле. Ему это и в голову не пришло.

Встал из-за стола, шаркнул ножкой и пошел с Петей на веранду в кегли играть: кегли — пустые бутылки, а вместо шаров яблоки,— тетя позволила с буфета взять.

* * *

Проходили один за другим первые румяные сентябрьские дни. Яблоки заполнили всю усадьбу. Грузили их на подводу, отправляли в город на базар,— и чуть подвода тронется, непременно из-под тугой рогожи один-другой беспокойный плод наземь соскочит. Гусь побежит, вытянет шею, клонет и недовольно пойдет прочь: яблоко, эка невидаль!

За столом на третье блюдо неизменно подавали то воздушный яблочный пирог, то печеные яблоки с вареньем, то шарлотку,— уж как там ни называй,— опять все те же яблоки с булкой. Ни за что кухарка не хотела ничего другого придумать. Куда же яблоки девать?

На веранде, на солнечной стороне, попеременно с пучками тмина висели на штопальных нитках ряды яблочных ломтиков. Сушили на зиму. Пахло от них чуть-чуть горьким миндалем и жасмином, и осы целый день танцевали над ними воздушные вальсы. Когда же ломтики сморщивались и темнели, казалось, что это человеческие уши на сквозняке проветриваются. И перед кухней дед Архип ошпаривал крутым кипятком бочку под яблочный квас. А внучка его, желтоволосая, шустрая Анюта, отбирала в свое лукошко (тетя Глаша позволила) ежедневную порцию «цыганок», смугло-малиновых сладких яблочек.

Петя придумал себе дело. Открыл перед верандой на скамейке фабрику «яблочного одеколона». Запихивал в бутылочку ржавые кусочки яблочек, ягодки барбариса, стебельки укропа и кусочки коры и заливал все это дождевой водой из кадки. Потом расставлял на солнце и целыми часами встряхивал, нюхал, закупоривал и откупоривал с таким серьезным видом, что сразу видно было: быть ему в будущем химиком по парфюмерной части. Запах его одеколона, впрочем, не всем нравился. Когда Петя вздумал было надушить тетину кошку, та после первой же пробы стремглав удрали в кусты и целый день не показывалась. А Вовка сунул нос в бутылочку и сказал:

— Если из твоего одеколона сделать ванну, потом целый месяц в дом пускать не будут.

У Вовки тоже было свое дело. Сегодня с утра тетя Глаша уехала в город. На Вовке — весь дом. Тетя так и сказала: «Ты умница, присматривай за всем». Вот он и присматривает. Прогнал из тетиной спальни дворовую Арапку, непременно ей надо на тетином коврик своих блох разводить, — под лестницей места мало... Отнес деду Архипу шесть кусков сахара, свою собственную экономию. Остриг Пете ногти: очень красиво вышло, вроде щучьих зубов. Выгнал из дядиной гитары большую зеленую муху, — забралась внутрь и гудит. Музыкантша какая... Выглянул в окно и зверским голосом закричал на курицу, которая в лиловых касатиках рылась: «С ума ты сошла?! Пошла во двор, кыш, кому говорят!» Потом пошел на веранду сторожить «кальвиль».

Сад был вроде райского, это мальчики в первое же утро решили. И как в раю, здесь тоже была запретная яблоня, с которой тетя не позволяла ни одного яблока трогать. Молодое деревце росло перед самой верандой, яблок на нем было ровным счетом девять, и сидели они крепко, как пришитые. Они еще не совсем спели и должны были быть готовы только через две недели, к дядину рождению. Тогда их на блюде на почетном месте и положат.

Вовка сидел на ступеньках и зорко посматривал. Кошка стала было о ствол когти точить. Прогнал. Для этого есть старый жернов за сараем... Осу камышинкой согнал. Мало ли в саду яблонь, нечего на кальвиль лезть. В воробья горошиной из рогатки стрельнул. Ишь ты, еще дразнится, — перелетел на

другую ветку и задом к Вовке сел. «Кыш! Петя, брызника на него одеколоном...»

И вот тут-то и началась история. Увидал Вовка, что тетина коза Тамара, которая тетю лечебным молоком питала, галопом скачет по саду, как оголтелая. Веревка за ней следом мотается, псы сзади, обрадовались забаве, так и наседают. «Ведь эдак у нее все молоко в масло собьется,— что тогда тетя станет пить, когда вечером вернется?» Ведь он, Вовка, за старшего в доме остался... Кликнул он Петю и Колобка, который за забором змея в небеса пускал, и помчались наперерез козе. Коза вправо, коза влево, собаки почти на хвосте висят... Наступил Колобок на веревку, наземь пал, коза его волочит, а Петя и Вовка тормозами сзади вцепились,— остановили!

Дух перевели и потащили глупую плясунью к веранде. Колобок опять к своему змею убежал, невтерпеж было, Петя за свои бутылочки принялся, а Вовка прикрутил козу накрепко к стволу кальвилья, чтоб она у него на глазах была и вела себя прилично.

Засмотрелся мальчик на дальнюю лесную опушку, на аиста, косо пролетавшего над садом к пруду, на сизый цвет цикория, который яркими пучками весь скат за садом усеял. Засмотрелся и вдруг видит, что коза веревку натянула и к бутерброду Вовкиному, который лежал рядом на ступеньке, тянется. Вовка бутерброд отодвинул,— не для козы хлеб медом мазан...

Коза на задние ножки встала, передними в воздухе грациозно поиграла и как вскинется к бутерброду... Дрогнуло деревце,— два яблока оземь! Бросились Вовка и Петя к яблокам... не приклеишь теперь. А коза опять изо всей силы, как медведь с цепи, к бутерброду: три яблока наземь!

Чуть не заплакал Вовка. Оттягивает козу за задние ноги к дереву, чтоб веревку отвязать... Пусть хоть к волкам в лес скачет, Бог с ней, с козой! А она еще пуще рвется, во все стороны на дыбах кидается,— вот-вот веревка лопнет. Что с ней, сумасшедшим чудовищем, два маленьких мальчика сделают? Все до одного драгоценные продолговатые яблоки обтрясла, и только тогда бедный мальчуган Вовка вспомнил, что у него перочинный ножик в кармане. Чиркнул по веревке,— коза балериной в жимолость нырнула...

Собрал Вовка девять яблок в подол, губы кусает: вот и остался за старшего. Дядин сюрприз, любимый кальвиль своими же руками загубил... С досады прошел мимо бутерброда, даже не посмотрел, пусть воробьи клюют. Забрался на антресоли. Чуб на глаза спустился,— не стоит и смахивать,— все прахом пошло. Арапка опять в тетину спальню забралась, за стеной на коврик блох скребет. Пусть! Кальвиль погиб, какие уж тут блохи.

Так и разыскала тетя Глаша к вечеру Вовку на антресолях. Сидит у окна на полу, глаз не подымает. Вокруг него кольцом— кальвиль.

— Что с тобой, Вовка? Кто яблоки оборвал?

Объяснил Вовка все. Часто останавливался, слюну глотал.

А как дошел до того, как яблоки «одно за другим па-да-ли», хотел было заплакать, но из-за двери вышел дядя, сел рядом на пол, Вовку тормошить стал и рассмеялся.

— Чудак-мальчик! Ты что ж думаешь, что мы с тетей людоеды, маленького племянника за невинную вину изжарим и с луком съедем? Подумаешь, кальвиль! Есть о чем горевать. Ни ты не виноват, ни коза, ни прохожая бабка. Айда вниз чай пить: я из города трубочки с кремом привез. Лучше всякого кальвиля, братец мой...

Пили чай. Вовка все больше в чашку смотрел, хотя тетя Глаша его ласково под столом за курточку теребила.

Однако после третьей трубочки с кремом повеселел, поднял глаза и сказал:

— У меня, тетечка, какой для вас сюрприз есть! За сарайчиком на старой яблоне веточка расцвела. Вы понимаете, в сентябре. Я вам завтра утром покажу...

Петя облизал с пальца кусочек крема и деловито заметил:

— Неправильно расцвела. Теперь теплые дни... Яблоне, должно быть, показалось, что это весна — она и ошиблась.

Дядя усмехнулся в усы.

— Верно, Петушок! Надо будет в саду календарь повесить. А то все яблони ошибаться начнут, что ж это будет?..

<1929>

ЛЕШИЙ НА ЕЛКЕ

В лесной чаще дымился снежок. Сверху падала мелкая крупа, снизу над сугробами курилась снежная муть, ветер все перемешал, смесил — весь лес затянул мгlistою белой пылью.

На голой верхушке дуба шуршали ржавые листья. Тростник у замерзшего ручья качался, скрипел, переливался снежным бисером — инеем. Засинели ранние сумерки.

Под широкой, с лапами до земли, елкой сидел старый леший, сосал ледяную сосульку, посматривал сквозь мохнатый снежный шатер ветвей и зевал.

Заяц, проваливаясь по уши в сугробы, тяжело проскакал, взбрасывая куцый хвостик, к больничной ограде, — туда стряпуха вместе с золой капустные кочерыжки выбрасывала. Лисица, раскинув пышную рыжую метелку, шаг за шагом, отряхая мягкие лапки (холодно!), осторожно прокралась к опушке, авось глупая галка на дороге зазеваается. Белка шишку в лапках повертела с одного конца, потом с другого и уронила, лешего по колену щелкнула. Ишь, черт вертлявый! Ворона над головой закопошилась, снег крылом задела, полетела вниз холодная вата, прямо лешему на нос.

Нигде покоя не найдешь. Бросил леший огрызком со-
сульки в ворону, спиной о шершавый ствол потерся... Блохи
одолели. В шубу набились, жгут мелким огнем, ничем их
не выкуришь.

Потянулся старый, в локтях кости хрустнули. Вылез на
проселочную дорогу и застыл.

Идти к леснику на полянку в стожок спать? Или рябины
пожевать? Вон за елью алые кисточки висят, морозом хватило,—
чудесная закуска!

Приложил мохнатую руку к косматым бровям, посмотрел
вдаль и свистнул.

Что за штука? Почему у школы суета такая? Праздник ведь,
занятий нету. С утра еще поволокли туда елку, школьники сегод-
ня весь день в лесу мелькали, кто пеший, кто в дровнях с отцом...
Чего они там галдят, как галки на колокольне? Вокруг школы
расселись, смеются...

Зоркий глаз у лешего, чуткое ухо—и сквозь снежную
мглу все увидит, услышит. Ветер притих. Снег улегся. Сквозь
еловые метлы над головой звездными кусками засквозило
темно-синее небо.

Ого-го! Ишь, как горланят... От ствола к стволу леший
подкрался ближе: притаился.

С крыльца и с лужайки перед школой всех людей точно
в воронку в школьную дверь гуськом втянуло. Скрипит блок,
кирпич на веревке о дверь хлопает. Во всех четырех окнах забе-
гали, замелькали огоньки и вспыхнуло, переливаясь светлым
колоколом, знакомое лесное дерево. Елка! Писк-то какой... В чем
дело? По какому случаю?

* * *

Все в школе. Мохнатые лошаденки, привязанные у ракут
к низкому плетню, жуют сено, головами встряхивают. В дровнях
солома и серое тряпье-дерюга торчком...

Кто скрипит-переваливается? Не медведь ли? Ух, косматый
какой, ростом с верстовой столб... Затоптали лошаденки
на месте, зады поджимают, глазами косятся. Брякнули ко-
локольчики.

Леший испугался:

— Тише вы, тпру! Лешего не признали, лесного хозяи-
на? Но-но! Не трону. Елку мне посмотреть интересно. Как
бы на бубенцы ваши мужики не выбежали... Тпру! Кому
говорю?

Притихли лошадки. Фыркают, ушами прядут, друг дружку
мордами подталкивают. Хрустит сено. Месяц голубые хвосты
вдоль улицы стелет. Тишина.

Леший припал к стеклу. Ничего, если кто на крыльцо и вы-
бежит воздуха морозного глотнуть, никто его, лешего, не распоз-

нает,—старый дед в овчине, может, мельник, а может, и лесник,—пусть смотрит...

А в школе чудеса в решете. Елка выше печки, золотые нитки светлой паутиной висят, золоченые орехи и зайчики ярче осенних листьев, разноцветные свечки, словно светляки мигают-переливаются. И на самом верху елки,—как это они ее с неба достали?—сияет золотая звезда с серебряными лучами. А под елкой, под елкой что делается! Школьники за пазухи пряники прячут, в зеленые лапы ныряют — друг дружку ловят, дудят в пестрые дудки,—пастух на заре, конечно, складнее играет, да ничего — было бы весело... В дверях и вдоль стен мужики жмутся, ухмыляются в льняные бороды. Кое-кто тоже пряничком улыбку закусывает,—от сына перепало.

Подал учитель знак, в ладоши захлопал. Взялись школьники за руки, и мальчишки и девчонки, закружились вокруг елки хороводом и запели все враз весело и звонко:

Коляда! Коляда!
Посконная борода!
Отпирай ворота,
Выноси пирога!
Отворяй окошки,
Подавай лепешки...

Учитель тоже, даром что длинный да острый,—как складная лестница,—в хоровод вклеился, как теленочек подтягивает, коленками перебирает. Ай да Созонт Тимофеевич!

Потом—пляс. Скрипочку учитель вынес, пыль клетчатым носовым платочком обмахнул, к плечу приложил и пошел... Соловей не соловей, козел не козел, а ничего веселее леший в жизни не слыхивал.

Васенька, школьного сторожа сын, да Таня, псаломщика дочка, в круг вышли (мальчишки их выпихнули), друг на друга соколами взглянули, топнули и давай откалывать. У Тани над головой рука с платочком, головенка набок, словно и смотреть ей на Васеньку не хочется, летает вдоль круга, стрекозой носится, а мальчишка за ней. Ух ты! Корова его забодай... Такой клоп, от пола не видать, а смотри что разделявает... Мужички у дверей смотрят, любуются, валенками, как косолапые медведи, перебирают.

И у лешего коленки сами собой зашевелились. Да стыдно стало. Знакомый лесниковый пес Мухомор рядом с ним, на задние лапы встав, тоже в окошко заглядывал. Неловко при нем степенному лешему приплясывать.

А звезда на елке, больше всего она лешему понравилась, дрожит — пол-то ведь трясется,—дрожит-искрится... Глаз с нее леший не сводит.

Сидит леший на голой раките в школьном саду, ждет-прислушивается. Гудит крыльцо, на морозе детские голоса и мужицкое кряканье далеко разносятся. Потянулись мимо плетня в обратный путь дровни, пузатые лошадки застоялись — бегут, и кнута не надо. Колокольчик один за другим в лесную чащу нырнул и сгинул. Разошлись и пешие из ближних деревень, да кто был здешний. Слез осторожно леший. Никто его не заметил, — разберешь разве в морозной мгле, шалаш ли в саду стоит, либо леший на раките сидит...

Слез и прокрался от бани к колодцу, от колодца к школе. Темно в окнах. Лунный свет на полу оконный переплет отпечатал.

Сторож Михей спать ушел, ослабел. Мужички ему в сенях поднесли, а какой же сторож от винца отказывается? И учитель, поскрипывая калошами, прошел к себе наискось через белый выгон. Вон за больницей, в угловой избе керосиновый язычок вспыхнул...

Потянул леший носом: человечьим теплом пахнет... Посмотрел вверх, — форточка в окне настежь распахнута, забыл сторож прикрыть. Маленькие зеленые глазки под косматыми бровями загорелись, как зрачки у кошки, когда она с порога увидит, что дверь в чулан забыли прикрыть.

Щелкнул леший языком, горсть снега для освежения в пасть забил и начал вытягиваться... На то он и леший: мог в вышину расти хоть до сосновой верхушки, мог и до лопуха снизиться. Вытянулся леший, тонкий-тонкий стал, как камышинка. Закачался, склонился и сквозь форточку пролез, словно цепкий хмель вдоль шеста.

В комнате опять сократился до своей обычной лесной порции. Глаза зорки, лунный свет по полу и по стенам играет, — осмотрелся леший. Тесно ему, — никогда в комнате не бывал. На стене карта: «Россия». Посмотрел, понюхал, не понял. Он и не знал, — где ж ему знать? — что он сам в России живет, в самом сердце ее — в Орловской губернии, в Болховском уезде. А рядом с картой знакомое: таблица грибов. Ловко! Вон грузди, а вон сыроежки с оборочкой, а над ними тугой рыжик... Корявым пальцем потрогал. Что за штука! Все плоские... Как это так устроено? За таблицу посмотрел — ничего нет, гладкая стена. Крякнул и отошел. В школьный шкаф сквозь стекло заглянул: на полках чучела синички, иволги, лазоревой сойки... Все знакомые! Пощелкал им леший пальцами, — не отзываются. Спят, что ли? Но почему же глаза открыты?

Подошел к елке, коснулся на зеленую верхушку и ахнул: звезду забыли снять!

Ужели пропустить такой случай?.. Вот как только ее голой рукой взять? Помнит леший, как из забытого костра в лесу алый уголек вытащил — поиграть, — волдырь (во какой!) на ладони вскочил.

Ничего, сорвет, на пол бросит, а потом в тряпицу — вон в углу валяется — завернет.

Вытянулся, вырос до потолка, протянул лапу... отдернул... опять протянул и хват за звезду.

Не жжется! Совсем, совсем холодная, словно лист кувшинки. Не стал дальше ничего и рассматривать, зажал звезду в лапу, в другую горсть огарков с елки обобрал и сквозь форточку, в складную сажень вытянувшись, скорей на волю. У плетня коврижку-пряник на снегу поднял, видно, школьник обронил, — пригодится, — и бегом, на ходу приплясывая и весело подхрюкивая, побежал, старый дуралей, к лесу.

* * *

Пес Мухомор отошел от лесной сторожки. Что такое? Почему огонек в лесу под старой елью засветился? И второй. И третий.

Надо проверить: лесник-хозяин на елку в школу ушел, не вернулся, — у кума-кузнеца до утра застрял, — пес за него хозяином в лесу остался.

Подкрался Мухомор к елке, за снежным бугром притаился... Высунул морду, глазам не верит...

Сидит леший под пушистой елью, свечки вдоль нижней ветки рядком золотыми глазами мигают, в одной руке у лешего звезда с елки, в другой пряник... Задрал лохматую голову и тоненьким голоском (все слова перепутал) напевает:

Борода! Борода!
Посконная Коляда!
Отпирай пирога,
Выноси ворота!
Отворяй лепешки!
Подавай окошки!..

А потом пряник на снег положил, звезду над головой поднял и давай приплясывать вокруг елки, все ухватки девочки Тани перенял...

Подполз пес на брюхе поближе (леший его и не заметил, очень уж расплясался), обнюхал пряник и съел до крошки. Повернул назад к своей избушке, губы облизывает, вкусно! — и думает, — задал ему леший загадку:

«Как он свечки зажег без спичек-то? Откуда у него спички? И свечи откуда добыл и звезду... и пряник?»

Спички лешему ни к чему: у него и кремень и кусок железной подковы и трут — все в лесу под камнем хранилось, — давно он у человека научился костры в лесу разводить. А откуда свечки, звезда и пряник — кто сказку эту прочел, сам знает.

<1926>
Париж

НЯНЯ ПУШКИНА

Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя...

Пушкин

Сквозь льдистое оконце
С морозной вышины
Глядит литое донце
Серебряной луны.
По кровле ветер пляшет,
Гудит в ночном саду,
И снег волнистый пашет
На скованном пруду...
Но здесь, в углу родимом,
Ночной не страшен клик:
Лампада алым дымом
Ласкает темный лик.
Не спится старой няне.
Лежанка, как огонь...
Прошелестели сани,
Зафыркал бодрый конь.
Бревно в углу стрельнуло,
Мороз — что час — лютей.
Кот моется у стула,
Зовет-сулит гостей.
Прислушалась, привстала:
Часов старинных хрип,
И за стеной средь зала
Шагов знакомых скрип.

Вошла ворчунья в зальце,
Зажав в руке костыль...
Со свечки каплет сальце,
Трещит-чадит фитиль,
Бумага грудой белой
Разрыта на столе,
Лесок оледенелый
Сверкает на стекле.
Над ширмой, как заплата,
Сухой полыни клочок.
Цветная кисть халата
Взлетает мерно вбок...
«Опять, неугомонный,
Проходишь до утра,
Как домовый бессонный?
Давно в постель пора!»
Сняла нагар со свечки.

Кот входит важно в зал.
Поэт у жаркой печки,
Скрестивши руки, стал.
В саду — глухие вскрики
И лунные межи...
«Дай, старая, брусники,
Да сказку расскажи...»

На стареньком диване
У мерзлого окна
Дремотный голос няни,
Как плеск веретена.
В руках мелькают спицы,
Трясется голова,
И вьются небылицы —
Волшебные слова:
Про лешего Антипку,
Про батрака Балду,
Про золотую рыбку,
Про кузнеца в аду...
Зарделось в зале лето,
Шумит-шуршит травой.
В простенке тень поэта
С курчавой головой...
А кот все горбит шубу,
Не тот ли это кот,
Что был прикован к дубу
У синих-синих вод?
«Распелась... Вот чечетка!
Смотри, в саду — светло».
И крестит няня кротко
Любимое чело.

Не спится дряхлой няне.
Все косточки болят...
В оранжевом тумане
Мерцает тихий сад.
Завыли псы. Не волк ли?
В окне сугроб — копной.
Шаги за стенкой смолкли.
«Улегся. Спи, родной...»
За снежным перелеском —
Не гость ли? Ох, Творец! —
Залился ровным плеском
Веселый бубенец.
Быть может, друг столичный!
Пойти бы на крыльцо...
Беседы, хохот зычный,

Шипучее вино...
Вот Сашеньке б утеха!
Сидит в снегах, как волк.
Но отзвенело эхо,
И колокольчик смолк.
Пора вставать. Пospала.
В углу белеет печь...
Баранки обещала
Она ему испечь.

<1927>

ЛОМОНОСОВ-ОТРОК

1.

Над палубой крутою
Рыбацкой шхуны «Чайка»
Волнистою фатою
Клубятся облака,
И северные волны
Шипят, и тускло блещут,
И, расступаясь, плещут
В дубовые бока.

Порою мыс горбатый,—
Усеян голышами,—
Мелькнет спиной покатою
И пенистой каймой,
Да сосенки на взгорье,
Распластаны на части,
Поклонятся сквозь снасти
И сгинут за кормой.

У мачты мальчик зоркий
Сидит и смотрит в море:
Встают и льются горки
Расплавленным стеклом...
Они напевом песни,
Согласными рядами,
Плывут-плывут грядами,
Поют морской псалом.

Сквозной игрой лучистой
Заголубела льдина...
Куда стремится льдистый
Сверкающий алтарь?

А под кормой из влаги,
Блеснув спиною гладкой,
Взвилась косою складкой
Неведомая тварь.

Так рано сникло солнце...
И парус вздулся туже.
Мерцают веретенца
Бесчисленных светил.
И мальчик смотрит-смотрит:
Кто мудрый, в синем мраке,
Исчислит Божьи знаки,
Их горний путь и пыл?

Встал месяц в дымном свете...
Горит фонарь на баке.
Отец готовит сети,
И рыбаки молчат.
Кто отроку расскажет
О чужеземных странах,
О теплых океанах,
Про звездный вертоград?

В огромном Божьем доме —
Подводные течения,
Луна в полночной дреме,
Цветенье льдистых глыб...
Там в городах далеких
Есть книги, карты, школы,
А здесь лишь парус голый,
Да груды влажных рыб...

2.

Игрушка непогоды,
Заплыл фрегат заморский
В неведомые воды,
К холодным берегам.
Вверху — грядою скалы,
Внизу, бедны и грубы,
Поморских хижин срубы,
Да птиц полярных гам.

Юнец со шхуны «Чайка»
Плывет к фрегату в шлюпке, —
У ног седая лайка
Сидит, задравши нос.
По лесенке висячей

Вскарабкался он лихо,
За ним, качаясь тихо,
Пушистый лезет пес.

Матросы гостю рады,
И пес такой забавный...
Точеные наяды
Круглятся на носу.
Веселый рыжий юнга
Взял мальчика за плечи.
Слова нерусской речи,
Как щебет птиц в лесу.

Трап вниз и вход, как норка...
Ступеньки, переходы,—
Приплывший в шлюпке зорко
Глядит по сторонам.
А рядом юркий юнга
То вверх, то вниз ныряет,
Смеется, словно лает,
Бьет лапой по штанам.

Средь низкой, темной залы
Забавный гость ни с места,—
Напрасно рыжий малый
Прочь тянет за кафтан...
На гнутой ножке глобус!
На полках книжек горы,
И медные приборы,
И карты звездных стран!..

Но буквы непонятны...
Они, как клад зарытый,—
Слова — немые пятна
На корешках тугих.
В глазах вскипают слезы...
Очнулся отрок русский
И лестницею узкой
Поднялся и притих.

Глухонемым чурбаном
Простился с моряками.
На западе багряном
Суровая печаль.
Скрипят и гнутся весла.
К ногам прижалась лайка,
И с детским плачем чайка
Метнулась к тучам вдаль.

Подмокла соль в лукошке,—
Пускай бранят на шхуне...
Луч в облачном окошке,
Как смутный, дальний зов...
В душе зарделся факел,
И тысячи вопросов
Плывут из-за утесов,
Из-за глухих лесов!

3.

Над кровлей вьются хлопья,
Снега шипят-дымятся,
И весла, словно копыя,
Чернеют у стены.
С сугробов, с крыш, с заборов
Несется пыль седая,
И вьется, оседая,
Вдоль Северной Двины.

Перед оконцем снежным,
В пустой избе мерцаая,
Горит тюльпаном нежным
Огарок восковой.
Над книгой — тихий отрок...
Буря стучится в сени.
По балке ходят тени.
В трубе протяжный вой.

В ногах медвежья полость...
Весь вечер без попреков:
Отец уехал в волость,
А мачеха в гостях.
В грамматике славянской
Перечитал все строчки.
В углу, как гриб на кочке,
Спит лайка на сетях.

Треща, погасла свечка.
Влез мальчик на полати.
Под полостью в колечко
Свернулся, словно кот.
В часы ночного мрака
В душе встает чредою,
Как звезды над водою,
Знакомый хоровод:

Чудесный заль фрегата,—
Приборы, книги, глобус!

Скелет морского ската,
Полярный сноп огней...
И Сухарева Башня
С петровской школой новой,—
Заезжий гость торговый
Рассказывал о ней.

И в час ночного бденья
Срывается молитва:
«Ты, Свет и Утешенье,
Опора слабых сил!
В меня вдохнул Ты жажду,—
Тебе ль ее отринуть?..
Не дай во мраке сгинуть
И утоли мой пыл...

Метель поет все тише,
Под полостью так жарко.
В ларе скребутся мыши,
Проснулись петухи.
И в голове бессонной
Плывут-плывут рядами,
Размерными ладами,
Невнятные стихи...

Трески сушеной вязки
Шуршат в сенях на стенке.
У проруби салазки
Опять забыл убрать...
«В Москву!» — вздохнула вьюга,
«В Москву!» — шепнули мыши,
И снежный дед на крыше
Гудит: «Бежать, бежать...»

1928
Париж

ЛЮСЯ И ДЕДУШКА КРЫЛОВ

I

Люся легла в кроватку. На ночном столике аккуратно разложила свои любимые вещи: камушек с океана, безносую китайскую собачку и басни Крылова и, как всегда перед сном, стала думать о разных разностях... Днем ведь думать трудно: то школа, то уроки, то всякие домашние разговоры о дяде Вани, от которого ни шерсти, ни молока...

Какого им молока от дяди Вани нужно?.. Странная публика!

В тишине и темноте совсем-совсем другие мысли в голову приходят... Как приходят,—никто не знает. Думает, например, Люся о мышах. На каком языке разговаривают мыши? Есть ли у них под полом мышиное училище? И вдруг—чик!—мышь перепрыгнула на Северный полюс... А что, если бы на Северном полюсе поставить центральное отопление? Лед бы весь растаял, на теплой земле вырос бы Булонский лес, и можно было бы туда летать на аэроплане к эскимосам на дачу... Для белых медведей Люся решила оставить небольшой холодный уголок: они ведь тепла не любят... Ходила бы к ним в гости и кормила их с ложечки мороженым.

Потом стала думать о баснях. Как будто стихи и как будто не стихи. И всё разговоры, а в конце «мораль». Мораль—это, должно быть, выговор за плохое поведение... «А я бы повару иному велел на стенке зарубить...» И почему-то одни строчки в сантиметр, а другие длинные-длинные, как дождевой червяк... Вот только «Стрекоза и Муравей» вся ровненькая...

По улице прокатил одинокий автомобиль, рывкнул басом: «Охрип! Охрип! Охрип!»—и умчался. Люся вздохнула, подложила под голову, чтоб мягче было спать, кулачок и уснула.

* * *

Кто это у кровати раскашлялся? Люся открыла глаза да заодно и рот—удивительно! В комнате голубой молочный свет. Под табуреткой, в ногах постели колышется облако. На табуретке сидит добродушный грузный старик и ухмыляется... О! Да это же он... Конечно! Она ведь отлично помнит по картинке: вот так, совсем так сидит он на своем памятнике: в Летнем саду...

Девочка прислонилась к подушке, посмотрела на облако—расплылось!—и робко спросила:

— Скажите, вы... дедушка Крылов?

Старик кивнул головой.

— Это вы мне снится, да?

— А, может быть, и не снюсь. Ты почему знаешь?

— Нет, снится... Во-первых, сквозь вашу жилетку обои видно. А во-вторых, кто ж наяву на облаке в комнату приплывает? Да еще ночью... Консьержка бы вас с облаком ни за что непустила. Она сырости очень не любит.

— Ишь ты какая умная, Люся!

— Откуда вы знаете, как меня зовут?

— Догадался. Очень твое имя к тебе подходит: маленькая, беленькая, светлый чубик, на щеках ямочки. Люся, да и только.

Девочка рассмеялась.

— А вас зовут Василий Андреевич! Я тоже знаю. Только уж вы позвольте, я вас буду дедушкой звать. К вам «Василий Андреевич» совсем не подходит. Вы не обидитесь?

— Нет. У меня вас, внучат,—миллион и один. Стало быть—дедушкой и зови.

— Спасибо, дедушка. Очень я рада, что вы пришли. Очень! Только сядьте в креслице. Табуретка твердая, и я боюсь, чтобы вы не растаяли, как ваше облачко...

Дедушка Крылов осторожно ткнул себя пальцем под ребра и улыбнулся.

— Ничего. С полчаса продержусь. А в креслице твое куда же мне, большому, влезть? Все равно что слона в твои башмачки обувать...

— Ну, сидите на табуретке. Шоколадку хотите? У меня под вашими баснями всегда плиточка. Проснусь, пожую и опять усну. Мягкая, вы не бойтесь... Не хотите? Слушайте, дедушка, у меня много-премного вопросов. Взрослых я уже и не спрашиваю, они меня всегда на смех поднимают, а сами ничего не понимают, вроде вашей мартышки, которая пенсне на хвост нанизывала. Очень мне ваши басни нравятся! Больше китайской собачки. Но вот только... Можно спросить?

— Спрашивай.

— Например, «Ворона и Лисица». Я была в парижском зоологическом саду, нарочно проверяла. Принесла с собой тартинку с сыром, сунула лисице в клетку,—а она не ест! Ни за что не хотела есть... Как же так? Чего же она к вороне лезла со своими комплиментами? «Ах, шейка!», «Ах, глазки!» Скажите, пожалуйста!..

Крылов огорченно крикнул и только руками развел.

— Не ест, говоришь, сыру... Ишь ты? Я и не подумал. И у Лафонтена, который басни по-французски писал, тоже—сыр. Что же делать, Люся?

— Очень просто, дедушка. Надо так: «Вороне где-то Бог послал кусочек мяса...» Поняли? Потом «Лисица и виноград»... Я и винограду с собой кисточку принесла в зоологический сад.

— Не ест?—спросил с досадой дедушка.

— В рот не берет! Как же у нее «глаза и зубы разгорелись?»

— Что же делать-то, по-твоему?

— Пусть, дедушка, цыплята сидят на высокой ветке. Лисица внизу прыгает и злится, а они ей нос показывают.

— Ладно! Вот ведь какая шустрая девочка. Еще что? Спрашивай.

— «Лебедь, щука и рак». Вы, как думаете, дедушка, если бы они все вместе в одну сторону потянули, телега бы покатилаь?

— Гм... Как тебе сказать...

— Ни за что бы не покатилаь! Мы летом жили на даче у океана. И на дворе стояла телега мясника. Боря храбрый: привязал к телеге собаку, гуся и котенка... Стали мы их погонять, они все в одну сторону потянули, а телега ни с места. Вот вам и «мораль».

Дедушка обиделся.

— Я, думал, Люся, что ты умная, а ты совсем еще козявка. Слона, что ли, мне запрягать...

— Совсем я не козявка. Слона не надо. Можно иначе:

Однажды вол, медведь и лошадь
Везти с поклажей воз взялись...

— Ах ты, пуговка! — рассмеялся дедушка. — Еще что?

— Что такое, дедушка, «воструха»?

— А это такая непоседа, как ты.

— Ах, Боже мой... Мишенька такой прекрасный и так подружился с пустынным. И вдруг воструха эта садится пустыннику на лоб, глупый Мишка сгреб в лапочки булыжник... Трах! И «черепа врозь раздался»... дедушка, вы такой добрый! Нельзя ли так кончить, чтобы медведь промахнулся, а пустынный проснулся и читает ему мораль: «Ты, Мишка, с ума сошел! Кто ж муху со лба булыжником сгоняет? Возьми веточку и смахни...» А Мишка чтобы сконфузился и лизнул пустынного в нос.

— Ну, что ж, пусть. Да ты бы, Люся, лучше сама басни и сочиняла. А то мне из-за тебя все басни перешивать придется.

— Что вы, что вы! Какая же я после вас баснописица?.. Потом... про стрекозу и муравья. Муравей, по-моему, безжалостный грубиян. Что же такое, что стрекоза «лето целое пропела»? И соловьи поют, — не поступать же им в шоферы в самом деле... Почему он стрекозу прогнал и еще танцевать ее заставляет? Я тоже танцую, дедушка... и когда вырасту, буду такая же знаменитая, как Анна Павлова! Что ж тут плохого? Ненавижу вашего муравья!..

— И танцуй, дружок, на здоровье. Я тоже муравья не совсем одобряю. И даже думаю, что когда он стрекозу прогнал — ему стало стыдно... Побежал он за ней, вернул, накормил и приютил у себя до весны...

— В самом деле? — обрадовалась Люся. — Значит, и мораль тогда другая будет: «Бывают иногда муравьи, у которых доброе сердце». Вот хорошо!.. Осла, дедушка, тоже не надо уж так обижать. Почему он всегда в баснях круглый дурак? У нас на пляже ослик был такой умный, что хоть в капитаны его назначай... Детей катал осторожно-осторожно. Другой малыш с седла сползает, на боку повиснет, ослик сейчас же остановится и к вожажу голову обернет, — чего, мол, он зевает? Собака какая-нибудь глупая перед его мордой начнет плясать и лаять, ослик — нуль внимания, идет да идет...

Китайская собачка на столике вдруг подняла фарфоровую лапку и тонко-претонко залаяла:

— Тяв-тяв! Странная девочка! Я из Китая. По-русски понимать только у тебя и научилась, когда ты мне басни Крылова вслух читала. Мне четыреста тридцать восемь лет, а тебе только семь... Тяв! Поэтому ты еще ничего не понимаешь. Лисица,

говоришь, сыра и винограда не ест? А кукла твоя суп ест? Однако ты ее каждый день супом кормишь. В пушку ты божью коровку летом запрягала? Когда ты на Борины глупости вчера рассердилась, как ты его назвала? Еще тебе досталось за это... «Ослон» назвала. Ага!

— Цыц! — строго сказал Крылов. — Ты чего к девочке пристала? Вот суну тебя в чайник с кипятком, будешь знать... Прощай, Люся, мне пора. В воскресенье опять приду, поболтаем. Может быть, к воскресенью у тебя опять сто вопросов будет...

— Нет, дедушка, — ни одного вопроса! — жалобно крикнула Люся. — Не уходите, пожалуйста. Я же вам самого главного не сказала, как я ужасно-ужасно-ужасно вас люблю.

Дедушка Крылов встал, положил на голову Люси добрую мягкую ладонь — точно лебяжьим пушком погладил... Под ногами у него опять закружилась облака... Голубой молочный свет погас.

* * *

Вздыхнула Люся и раскрыла глаза. Вверху над железными ставнями солнечная полоска. Под окном на дудке заливается пастух: гонит стадо коз по парижской улице и зовет жильцов... Кому сладкого козьего молока в кружечку надоить?.. Собачка на столике лежит на боку и молчит.

Досадно Люсе ужасно, щеки маком горят. Как она могла, пусть даже во сне, так с Крыловым разговаривать? Конечно, китайская собачка умнее ее, и, конечно, она еще козьявка... Только бы дедушка пришел, только бы пришел в воскресенье. Непременно она извинится и прочтет ему все любимые басни в лицах, как она еще никогда не читала. Сыр! Подумаешь... Да ведь она лисице совала в клетку простой французский сыр, а та, быть может, только швейцарский любит?

Раскрыла Люся басни и посмотрела на памятник. Нет, совсем он, дедушка Крылов, не сердитый. За что ж сердиться? Она только хотела узнать, да и то обо всем спросить не успела.

II

В воскресенье вечером Люся долго ворочалась в постели и не могла заснуть: увидит или не увидит она опять во сне дедушку Крылова? Ведь он обещал прийти в воскресенье снова. Неужели забудет? Положим, русских девочек и мальчиков немало. И таких, которые не станут к нему с расспросами приставать и басни критиковать. Вот он их во сне и будет навещать... по очереди. Ах, досада какая!

Но Люся ошиблась. Заснула — и вдруг кто-то ей в лицо дунул. Открыла глаза и расплылась: дедушка! Сидит на постели в персидском халате, на голове татарская шапочка колпачком, левым глазом ей подмигивает.

— Здравствуй, девочка. Что смотришь! Не узнала?

— Узнала! Какой у вас костюм интересный... Можно погладить?

— Погладь.

— Очень к вам идет. Точно вы большое кресло с персидскими узорчиками... А шапочку я такую непременно своему Мишке сделаю. Повернитесь, пожалуйста, в профиль! Хороша, теперь я запомнила... Дедушка, а я перед вами очень, очень виновата.

— Это еще что за новости?

— Во-первых, я в прошлый раз во сне ошиблась... Назвала вас Василием Андреевичем, а ведь вы... Иван Андреевич. Правда?

— Ну, беда не велика. Давай-ка подумаем, почему ты ошиблась. Ты что днем читала, когда меня первый раз во сне видела?

— «Ундину», дедушка. Третий раз читаю и начитаться не могу.

— Так. А кто «Ундину» написал, знаешь?

— Жуковский. Поэт. Гладкое такое личико, как яйцо, и добрые глаза.

— Знаю, знаю, как же. А как Жуковского звали?

— Василий Андреевич!

— Вот и ясно! Со мной говорила, а о нем думала. Огорчаться не стоит. Когда я в Петербурге жил... давно это было... тогда, когда еще ни твоего папы, ни мамы на свете не было, — изучал я древнегреческий язык. Однажды, после обеда, прилег я на диван. Голуби ко мне в форточку прилетали, пшеницу я для них на подносе всегда держал... Ходят голуби по ногам, воркуют тихонько, стонут. Я под их музыку и заснул. И увидел во сне старшего греческого бога Зевса. Будто он сидит на кафедре в белом купальном халате, строгий такой, и оранжевую молнию в руке держит. А я перед ним на скамеечке, оробел совсем, притих. Зевс меня и начал экзаменовать:

— Как по-гречески «самовар»?

Молчу.

— Гм. А «клюква» как?

Молчу.

— Гм... Как «Демьянова уха»? Тоже не знаешь?

Молчу.

Насупил Зевс косматые брови, вынул из-за пазухи записную книжку и говорит:

— Кол. А кол, дружок, это самая последняя отметка, хуже и быть не может... Как, говорит, твоя фамилия?

А я весь затрясся, зубами стучу, еле выговорил:

— Иван Крылович Андреев.

Видишь, какие во сне промашки бывают... Рассердился старик, хлопнул своей молнией по кафедре. Дым, треск... и исчез. Просьпашась: голубь у меня на плече сидит и меня в пуговицу клювом долбит...

Люся всплеснула руками.

— Ай, как страшно!.. Дедушка, расскажите мне про Петербург что-нибудь? Что вам в Петербурге больше всего нравилось?

— Пожары. Что ж ты глаза вытаращила? Очень это красивая штука. Проскачет по Невскому ездовой-пожарный и в трубу трубит... Обоз за ним прогремит... Стекла так и звякнут. Я шляпу в руку и на улицу. Жил я в Публичной библиотеке вблизи Гостиного двора. Посмотрю на каланчу, сейчас же по сигнальным шарам соображу, в какой части горит. Сяду на дрожки и мчусь. Дом горит, народу на улице, как тараканов за печкой. Пожарные кони землю копытами роют, шеи — лебедями, трудно им на месте устоять. Лестницы, багры, дым из-под крыши в узлы свивается, каски блестят, брандмайор на всю площадь баском распоряжается. Очень интересно!

— Пойдите, дедушка. Я не понимаю. Какие кони? Какая каланча? Почему шары?

— Как не понимаешь? Обоз кто привез? Кони. А на каланче (высокая башня такая над Думой) всегда дежурный пожарный ходит: чуть где пожар, сейчас же он тревогу подымет.

— Ну... У нас в Париже совсем не так. Пожарные всегда на автомобилях выезжают.

— На чем?

— На ав-то-мо-би-лях.

— Не понимаю.

— Ах, дедушка, какой вы странный. Это такие самокатные экипажи. Внутри бензин... Пыхтит и едет, запах только очень скверный. А пожарный резиновую грушу нажимает: тяф-тяф-тяф! И все дают дорогу. Очень просто.

— А лошади где?

— Лошадей никаких нет. И каланчи у нас нет. Где загорится, по телефону дадут знать...

— Что это ты какие слова выдумываешь...

— Совсем не выдумываю. Не знаете телефона?! С одной стороны ящичек, с другой стороны ящичек, посередине проволока. Дзинь-дзинь! Алло! Кто говорит? Люся! — Что вам угодно? — У нас пожар. — Очень приятно, сейчас приедем... Вот и все... Есть и без проволоки. Ей-богу, дедушка. Из Парижа спрашивают: «Как ваше здоровье?» А из Нью-Йорка отвечают: «Спасибо, у меня насморк, чего и вам желаю!»...

Дедушка недоверчиво покачал головой.

— Так вы, пожалуй, и про аэроплан не поверите?

— Кушанье, что ли, французское?

— Да нет же! Это такая машина с планочками, хвостом вертит, бензин чихает, — а она людей по воздуху перевозит. Через океан или через Монблан, — ей все равно...

— Скажешь! Этак, по-твоему, и медведи по воздуху летают! Выдумщица какая!

— И летают. Из Москвы недавно немец один в Берлин на аэроплане медвежонка привез... Вы, дедушка, и про кинематограф тоже ничего не знаете? Люди по полотну бегают и всякую чепуху представляют. То есть не люди, а фотографии такие... Быстро-быстро, как пауки по воде. Поезд подходит к мосту, жулик бросается в воду, за ним полицейский. Потом — фить! — гостиная, старичок фабрикант ломает руки: кто украл мою любимую картину? Фить! Жулик уже в Африке и подкрадывается к носорогу... Фить!

Крылов огорченно вздохнул:

— Постой, Люся. Запутала ты меня совсем. Фить да фить. Страусы у вас по потолкам еще не бегают?

— Не бегают, дедушка.

— И то слава Богу! В голове от твоих сказок звенит... А что за труба на столбе?

— Это, дедушка, граммофон.

— Ишь, ты слово какое. Что за штука такая? Кофе мелют, что ли?

— Ах, какой вы смешной! Вот вы сейчас увидите, какой это... кофе...

Люся соскочила на пол, подбежала к граммофону, выбрала одну пластинку, пыхтя, завела с трудом пружину и лукаво посмотрела на дедушку.

И вдруг из трубы кто-то фыркнул, зашипел и простуженным голосом стал читать с чувством, с толком, с расстановкой:

«КВАРТЕТ»

Басня Крылова!

Проказница-мартышка,

осел,

козел,

да косолапый мишка

затеяли сыграть квартет...

Подошел дедушка к говорящей трубе, шапочку свою от волнения на затылок передвинул, прослушал до конца и крикнул.

— История! А может быть, труба твоя и басни сама сочиняет?

— Нет, дедушка, этого она еще не может. Теперь небось мне верите? Про автомобиль, телефон и аэроплан сочинила я вам? Хотите, по телефону пожарную команду вызовем? Я вам сейчас номер разыщу, а телефон у нас в передней висит.

— Нет уж, спасибо. А китайского дракона ты тоже вызвать можешь?

— Прошу над нашим драконом не насмехаться! — хрипло затявкала фарфоровая китайская собачка на столике.

Люся топнула на нее ногой и... проснулась. Вот горе! Почему же она дедушке Крылову ни одной басни не продекламовала. Ротозейка несчастная!..

1926, март
Париж

ЖЕЛТЫЙ ФУРГОН

Почему вы, мадемуазель, плачете? — спросил француз-городовой у маленькой девочки, стоявшей на перекрестке улиц под платаном в позе потерпевшей крушение мореплавательницы, выброшенной на необитаемый остров.

— Со мной случилось несчастье... — Заплаканные серые глаза робко осмотрели огромного полицейского, и слезы быстро-быстро мелкими капельками покатались по щекам.

— Несчастье, мадемуазель? А вот вы мне расскажите, в чем дело, и никакого несчастья не будет.

— Школьники проходили мимо нашего отеля с музыкой... Я побежала за угол... Они так красиво шли в ногу, бум-бум! И опять за угол... И еще за угол!.. Пока не заблудилась...

Городовой пожалел, что у него в кармане не было ни простыни, ни большой скатерти. Обыкновенным носовым платком таких слез не осушишь.

— Хорошо. Вы как раз натолкнулись на такого полицейского, который отводит по домам маленьких заблудившихся девочек. Но прежде всего давайте сядем, вон там скамья. Когда мы сядем, мы будем почти одного роста, и нам удобнее будет разговаривать. Как вас зовут?

— Нина.

— Очень красивое имя, мадемуазель. Сколько вам лет?

— Кажется, пять, — всхлинула девочка.

— Превосходно. Самое главное мы знаем. Теперь перестаньте плакать и постарайтесь припомнить: на какой улице вы живете.

Полицейский достал из-под толстого плаща толстую книжечку, в которой были бисерным шрифтом пропечатаны все улицы, все переулки, все бульвары Парижа, и бережно положил книжечку на колено.

— О, господин полковник! Я уже старалась припомнить, но как же я припомню, когда я не знаю названия нашей улицы? На углу у нашего отеля была прибита синяя дощечка с названием улицы, но она так высоко прибита, что я не могла ничего разобрать... И потом, господин полковник, вы меня извините, я еще не умею читать по-французски...

— Вы очень любезны, мадемуазель Нина, но я еще не полковник. Как называется ваш отель?

— Не знаю.

— С какого угла прибежали вы к платану?

— Не помню...

— Не было ли возле вашего отеля какого-либо большого здания, церкви, памятника? Подумайте хорошенько.

— Был. Против отеля стоял большой желтый фургон для перевозки мебели, но я думаю... что он уже уехал...

Нина горько заплакала. Все дома в Париже одинаковые, последняя надежда на фургон и та лопнула.

Полицейский задумался.

— Как фамилия ваших родителей?

— Щербаченко.

— Как?

— Щер-ба-чен-ко.

— Какая первая буква?

— Ща.

— Гм... Такой буквы во французском алфавите нет. Какой же вы национальности, мадемуазель?

— Раньше была марсельской, а теперь мы переехали в Париж.

— Да нет же. Турчанка вы, испанка или гречанка?

Нина обиделась:

— Турчанка! А еще говорите, что вы полицейский, который отводит заблудившихся детей домой... Я русская! И мама моя русская, и бабушка... Щербаченко!

— Да, да. Извините, мадемуазель Нина. Только у русских бывают такие фамилии, которых по первой букве ни в одном алфавите не сыщешь. Надеюсь, что во время своей прогулки вы не перешли границы своего аррондисмана. Пойдемте со мной в наш комиссариат, как-нибудь справимся уж с вашей фамилией. Напротив русский лавочник торгует, он нам поможет. А по фамилии и адрес ваш разыщем. Хорошо?

В комиссариат? Ах, как испугалась маленькая русская девочка! Мама и бабушка ждут, тревожатся, ломают руки, выбегают на подъезд отеля и спрашивают всех прохожих: где Нина? не видели ли вы Нины, пятилетней Нины Щербаченко с синим бантом в волосах? А Нина сидит в комиссариате, как бродяжка какая-нибудь... Справа и слева огромные полицейские кричат на нее, чтоб она не смела плакать, и пристают: какая первая буква твоей фамилии? Нет такой буквы «ща»! Боже мой, зачем она побежала за школьниками? Разве бабушка и мама не запретили ей дальше угла никуда не бегать?..

— Не пойду! Не пойду! Не хочу в комиссариат... Отведите меня домой!

Полицейский вздохнул. Посмотрел на колотившие по скамейке маленькие ножки, на трясущийся на голове синий бант... Откуда у маленьких детей столько слез берется?.. Что же с ней делать?

А вокруг скамьи народ собрался: старушки с корзинками, любопытные школьники, собаки какие-то сочувственно обнюхивали Нинины коленки. И все сразу говорят, лают, дают советы. Кто-то сунул Нине в руку банан. До бананов ли ей, когда она потеряла место своего жительства?..

* * *

И вдруг на всю улицу грохот. Из-за угла выкатил огромный желтый фургон, серые кони, на козлах толстый француз в синем колпачке, какие школьники носят.

Нина всмотрелась и со всех ног бросилась к лошадям: едва полицейский успел ее за юбочку назад отдернуть.

— Фургон, фургон!.. Тот самый фургон, который утром против нашего отеля стоял!

Полицейский поднял руку. Сытые серые кони, похожие на слонов, попятились назад и остановились. Веселый кучер, конечно, все знал: и название Нининой улицы, и название отеля...

Французы, улыбаясь, оборачивались. В самом деле смешно: огромный широкоплечий полицейский еле поспевает за маленькой пятилетней девочкой, которая его за руку вперед тащит. Точно не он ее, а она его ведет.

— Вы зайдете к нам, господин полковник? Пожалуйста, зайдите, мама и бабушка напишут вам по-французски мою фамилию... И потом у нас есть вишневка... Вы не знаете, что такое вишневка? О, это очень-очень вкусно! Только, пожалуйста, не говорите, что я так громко плакала, и что вокруг собрался весь Париж, и что вы хотели отвести меня в комиссариат...

— Хорошо, мадемуазель Нина... Только прошу вас, не называйте меня полковником и не бегите так скоро, а то вы оторвете мне руку.

<1926>

СЧАСТЛИВЫЙ КАРП

Мама не совсем здорова, не выходит.

В субботу—базарный день. Миша, как всегда, собрался с раннего утра. Взял свою маленькую сетку для провизии, натянул до бровей синий колпачок и из передней крикнул отцу:

— Ты что же, папка, копаешься? Зонтика не бери, лягушка на балкончике.

У Миши был свой барометр с живой лягушкой на комодке в спальней. Если лягушка взбиралась в банке по лесенке на балкончик, значит, день будет ясный. А может быть, и наоборот... Кто их разберет, лягушек этих французских?..

Папка еще долго копался: искал ключ от дверей, спички, трубку. Вместо носового платка наволочку в карман зачихал, пришлось менять. Мешок для провизии Миша под пишущей машинкой разыскал, шляпу из-за кресла выудил. Что бы папка без Миши делал, даже подумать страшно...

А потом, только за дверную ручку взялись, мама из кухни выскочила:

— Рыбу, пожалуйста, не забудьте... Ты уж, Миша, пожалуйста, проследи, чтобы свежая была. А то прошлый раз...

— Знаю, знаю, мамуся! Ясные глазки, красные жабры. Макро брать, или колэна, или что?

— Да уж не знаю, чижик. Вы с папой там сами присмотрите, что посвежее.

— Идешь, папка? Прямо терпение с ним лопается, с этим человеком.

Папка рассмеялся, с трудом натянул на правую руку левую перчатку и хлопнул дверью.

Базар длинной полотняной улицей тянулся шагах в двадцати от Сены. В самой гуще базара Миша ничего, кроме медленно плывших перед ним спин, не видел. Да чужие мешки со всех сторон задевали его то за волосы, то за нос. Но зато на перекрестке было просторнее. На панели, у самой мостовой, блестели на солнце солонки, жестяные крышки и соблазнительные копилки в виде румяных яблок и свиных голов. На раскидном столике грудой желтели солнечного цвета лимоны и бананы. Какая-то красная, похожая на тюфяк, баба сердито кричала, предлагая проходим кудрявую овощь вроде мяты. Распластанные кролики с крохотными почками и печенками так беспомощно лежали на прилавках, раскинув ножки в меховых чулочках. Миша вздохнул...

Долго вздыхать было, однако, некогда. Ишь, отец, хитрый какой, засмотрелся на детские грабли и повозочки, а про рыбу и забыл.

Миша потянул его за рукав и потащил к рыбным столам. Выбирали недолго: с краю лежал симпатичный карп, как раз такой, как надо. Не большой и не маленький, ясные глазки, красные жабры, полненький и совсем не дорогой. Самый подходящий эмигрантский карп.

Уложили его в папкин мешок, прикрыли сельдереем и пошли домой. А в маленькой сетке Миша нес то, что полегче и поделikatнее: головку кудрявого салата, три яйца в бумажном мешочке, и сюрприз для мамы — пучок лиловых анемонов.

* * *

Вытащили толстяка-карпа на свет Божий из коленкорового мешка, положили на деревянную дощечку.

Миша тут же вертится, на апельсин самый большой нацелился; надо перед обедом выпросить, — сначала на коже китайскую

рожу выкроить, а потом сок выжать, с малиновым сиропом взболтать и сладкую бурду через пульверизатор высосать. Любопытный был мальчик.

Покосился Миша на карпа, задумался. Хорошо все-таки быть человеком. В сеть тебя не словят, кожу скрести ножом не будут, на сковородку не положат... О! Что же это такое?!

— Ма-ма! Он зевает!..

— Кто зевает?

— Карп! Ура!.. Живой... Да иди же сюда, иди же! Хвост поднял!

Схватил Миша бесстрашно карпа поперек живота, бросил его в жестяную лохань, встал на табурет, отвернул кран. Хлынула вода, загремела о жесть, пена ключом, ничего не видно. А когда доверху дошла, в лохани прояснело. Смотрит Миша: медленно шевельнулась рыба, дышит, пасть открывает, хвостом туда и сюда. словно после обморока сил набирает.

Папка, конечно, рядом стоит.

— Ах ты, Карп Иванович! Смотри, Миша, в круговую поплыл, носом тычет. Как же его теперь, чудака, жарить? Сами в чувство привели, сами же и потрошить будем? А? Нехорошо это как-то. Негостеприимно.

— Никто его потрошить и не будет. Мы же не вампиры какие-нибудь! Мамочка, я его у тебя откупаю.

— Как, дружок, откупаешь? Что за глупости?

— Совсем нет. Возьми у меня в копилке двенадцать франков, столько, сколько он стоит, и сделай нам какой-нибудь моментальный обед. Я, мамуся, на все согласен. Пусть хоть молочный суп. Папка тоже. Согласен? Еще бы! Какой тут разговор... А карп пока будет жить...

— Под твоей кроватью? Отлично. А франков твоих мне не надо. Купи лучше на них своему карпу тюфячок.

— Ты, мамуля, не насмехайся. Позволь пока, ну позволь, миленькая, мармеладная, любимые глазки, ду-ду-душечка, пусть пока живет в ванне... А потом я для него постоянное местожительство придумаю. Честное слово. Поедим сардинок, что ли? Они без головы, их уже не жалко... Правда, правда? Ты же не вурдалак! Ты же золотая! Ты же не станешь из живой рыбы кишки выматывать...

— Не стану... Да замолчи ты, барабанщик. Тащи рыбу в ванну. Вдвоем берите... Господи, потоп какой! Марш из кухни! Как-нибудь уж вас накормлю, рыболовов... Только чур, не ворчать. Выметайтесь!

В коридоре перед ванной Миша поскользнулся и запищал на всю квартиру.

— Расшибся! Вдребезги расшибся! Что же ты на меня смотришь?

Мама всплеснула руками и выскочила из кухни.

— Ногу ушиб? Ручку?

— Странная какая. Какие же у карпа ноги и ручки? Он ушибся, а не я!.. У него теперь сотрясение мозга делается... Почему же ты хохочешь? Безжалостная!

Но папка ловко подобрал трепыхавшуюся рыбу с пола и успокоил Мишу:

— Не пиши. Карп как мячик. Даже не треснул... Хоть на плитку его роняй! Открой в ванне кран... Стой, стой, не брыкайся! Пожалуйте, Карп Сидорович, будьте как дома... Температура самая для вас подходящая.

* * *

Карп третий день живет в ванне. Тесновато, но не так уже плохо. Воду меняют два раза в день. Да Миша, чуть улучит минутку, свежей воды подольет. Оплывает карп ванну, со всех сторон гладко и кругло, выхода не найдешь. Иногда вверху электрическое солнце вспыхивает, беспокойная это штука.

Миша все старался с карпом подружиться. Встанет на скамеечку, сунет руку в воду и все карпа погладить норовит. А тот глуп, детских нежностей не понимает и, как шальной, в сторону шарахается.

И самое главное — ничего не ест. Уж ему мальчик и хлебные крошки бросал, и салата кусочки, и бисквиты, и даже хвостик сардинки. Не ест. Скучает, должно быть? Авось в следующий базар другой живой карп попадется. Вдвоем веселей будет...

Миша все свои океанские ракушки на дно ванны побросал и целлулоидную рыбку подкинул и лебеда. Карп на них и внимания не обратил. Даже не понюхал.

Мама терпела день, терпела другой, на третий — ворчать стала. Что же это за порядки? Живорыбный садок у них или квартира? Вчера Миша со скамеечки в воду перевернулся, всю курточку вымочил, едва за хвост его поймали... Ванну брать нельзя. Такой визг мальчик подымает, хоть беги из дома и уступай квартиру карпу. Да и отец, даром что взрослый, стал все в ванную с Мишей наведываться. Станут рядом и любят. Книжку, по которой Миша начинал учиться читать, и ту в ванную перенесли...

И решила мама затею эту прекратить. Ведь так, чего доброго, они в ванне креветок и морских ежей разводить станут...

Подумала она хорошенько, позвала Мишу и новый план перед ним раскрыла. Карп не ест, потому что ему без рыбьего общества скучно; в ванне он все равно захиреет, и придется его консьержкиной кошке на обед в помойное ведро выбросить. Стало быть, если Миша карпа любит и точно добра ему желает, надо в банку с водой посадить, отнести в Булонский лес и в озеро бросить.

Миша потушил глаза, вздохнул и мужественно согласился. В самом деле: третий день ничего не ест его рыбий приятель... Пусть уж не страдает, пусть возвращается в свое... общество.

Француженка-уборщица, мывшая на кухне посуду, покачала головой.

— Живой карп... Да ведь это превкусное блюдо! Зачем же его в озеро бросать? Ведь он денег стоит.

Миша потянул папку за рукав.

— Идем... Она все равно что мадам Баба Яга, и я ее даже слушать не хочу. Сними с банки крышку! Ему дурно... Видишь, как он рот раскрывает?

Мама тоже собралась с ними в лес проводить карпа на его новую квартиру.

Банку поставили в сетку. Знакомая лавочница внизу тоже ничего не поняла. Пощелкала в банку пальцем и фыркнула:

— В озеро? Зачем же его покупали?

Подошел почтальон, тоже ничего не понял. Только маленький консьержкин сынок догадался:

— Ваша рыба будет в озере жить? Будет плавать вперегонку с другими рыбами?.. Да?

Шли людными улицами. Миша обложил банку в сетке газетой, чтобы посторонние люди не смотрели и не оборачивались. Никому нет дела! А может быть, и отымут? Может быть, нельзя живую рыбу назад в озеро бросать?

Показался лес. Каштаны уже развесили зеленые тряпочки, — новые, еще сморщенные листочки. Вдали забелела семейка берез. Обогнули скачки и наискось через свежую-свежую полянку пошли к голубой, тихой воде. Миша отковырнул газету и заглянул в банку.

О чем думает теперь карп? Он и не знает, что сейчас отпустят его на свободу, как золотую рыбку в сказке... И потом Миша тоже как-нибудь придет на берег озера, вызовет карпа и попросит у него... не для глупой, привередливой бабы, а для себя, чтобы карп ему подарил аквариум с ракушками... И жемчужное колечко для мамы. Ведь это очень скромное желание...

Пришли. Папа оглянулся. У берега на дощечке было написано ясно, что ходить по траве воспрещается. Но как же иначе пробраться к воде?

Оглянулись еще раз — вокруг никого, — и вдоль кустов марты быстро сбежали к берегу. Папа вытряхнул над водой банку... Вода вылилась, но карп... Несчастный растопырил плавники и хвостом вперед застрял в банке и ни с места.

Миша побледнел и сжал маму за руку. «Что же это, мамуся? Что же это, Боже мой, будет?!»

Но папа не растерялся. Подобрал с земли камень, кокнул по банке, стекло, звеня, распалось, и рыба, дрыгнувши в воздухе хвостом, шлепнулась в воду и исчезла...

Два любопытных лебедя, словно игрушечные парусные корабли, медленно подплывали. Что там такое? Не хлебом ли кормят?

Быстро вернулись на дорожку, точно и не ходили они по запрещенной лужайке. Мама с папой шли впереди. Миша за ними. Шел и представлял себе, как рыбы окружили карпа и спрашивают его:

— Ты как сюда попал? Небывалый это случай, чтобы купленную рыбу обратно в воду бросали... У кого ты был?

— У Миши и его родителей. Русские они, эмигранты.

— Ну, благодари Бога. Счастливый ты, карп! А здесь живи, брат, спокойно. Из этого озера ловить рыбу строго воспрещается.

<1927>

ПАСХАЛЬНЫЙ ВИЗИТ

Квартира возле Porta pomentana. Выше учительницы, выше штопальщика-портного, даже выше двух синьор, работниц с кустарной фабрики плетеной мебели. На что уж бедные синьоры, но Варвара Петровна умудрилась еще выше поселиться, рядом с голубями.

Из кухни окно в бездонную коробку двора,—смотреть жутко. Будто и не Рим, а какое-нибудь нью-йоркское захолустье. Изо всех щелей точно в трубу тянется кверху чад жареного лука, томатные ароматы, переливающийся из окна в окно гул перебранки и приветствий. Веревки—вдоль стен вниз и поперек из ниши в нишу. Одни для корзин, куда голосистый поставщик молока и овощей положит, что нужно—не подыматься же ему под небеса; на других, слабо надуваясь, сохнет разноцветное тряпье,—словно вымпелы на адмиральском судне в праздничный день. Зато окно из спальни на вольный простор. Глубоко внизу под узеньким балконом кудрявые купы каменных дубов, эвкалипты и с ранней весны неустанно цветущие мимозы—канареечный, нежный дымок. Темный, вечно закрытый сад туго разросся между каменными стенами,—ноге никогда его не коснуться, но глазам отрада...

Варвара Петровна не первый год в Риме. Еще до войны попала с мужем-художником на Капри. С золотой медалью укатил он стипендиатом Петербургской Академии художеств в Италию, в апельсиновое царство, два года протосковал, щи варил и программное полотно с лодочниками в красных берегах писал... Простудился, слег, да там, на Капри, и глаза закрыл. А Варвара Петровна переехала в Рим с мальчиком, с крошечной дочкой, с грудой запыленных этюдов и горой неизбывных забот.

Потом началась война. Куда уедешь? Так и застряла Варвара Петровна с детьми в Италии и стала кое-как налаживать жизнь.

Этюдны по багетным лавкам рассовала и принялась вплотную за работу,— надо же детей подымать.

Уж так повелось: куда судьба русскую женщину не забросит, всюду она извернется, силу в себе такую найдет, о которой она дома, пока скатерть-самобранка под рукой была, и не знала.

* * *

Трудно было вначале. Так трудно, что лучше и не вспоминать... Работала она сестрой в местном госпитале, к детям только в свободные часы прибегала. Но спасибо добрым соседям,— заботились они о ее детях, как о своих. А потом, после войны, страна ожила, жить стало всем легче.

Вспомнила Варвара Петровна свое старое рукоделье, завела через отельных портье знакомства и стала на продажу расшивать платки, платья и шарфы павлиньими русскими узорами...

Мальчик как-то незаметно от рук отбился. По-русски говорить не любил. Какой разговор и с кем? В школе, на базаре и в лавках только итальянские звонкие слова в ушах и звучат. Вечно в своей суеде толочся: то старые марки перепродавал и обменивал, сбывал букинистам оставшиеся после отца книги; покупал в уличных ларях лотерейные билеты со счастливыми номерами... Домой прибегал на минутку, глотал макароны, уроки учил как-то по-птичьи, на ходу, и опять на улицу. Впрочем, учился неплохо и матери не был в тягость.

Только младшая дочка, шестилетний тихий гномик Нина и была утехой. Мать вышивает, а девочка пестрые лоскутки перебирает и поет на итальянский мотив русскую песенку,— слова от матери слышала:

Таня пшенушку полола,
Черный куколь выбирала...

— Мама, что такое куколь?

— Не знаю, котик.

— Ну, какая ты. Русская же песня, а ты не знаешь.

Потом раскроет свою старенькую русскую хрестоматию и начнет— в который уже раз!— перелистывать. Читать Нина еще не умеет. Буквы чужие, в итальянских газетах совсем другие, но картинки и без букв понятны. Вот зима, на еловых лапах густая вата: это снег. Никогда не видала, но, должно быть, очень интересно. А это березка. На Палатинском холме тоже есть березка, Нина видала. Белый-белый ствол, и весной желтые червячки-сережки дождем висят... А вот и любимая картинка: «Генерал Топтыгин». Это так медведя в России называют. Сидит в санях,— это такая «кароцца»¹ без колес,— развалился... Лошади испугались (еще бы!!) и мчатся, как сумасшедшие. Нина

¹ Коляска (ит.).

вдыхает. Светлые волосы, такого же цвета, как ее бледные восковые щечки, спустились на глаза...

— Мама, смотритель очень испугался? Что прикажете, генерал, ризотто с пармезаном или омаров? Или, может быть, самовар поставить? А медведь на него — р-р-р! Правда, мама?

Мать все вышивает, отвечает невпопад, а то нитку перекусит и в окно устало смотрит. С утра до вечера такие красивые штучки она вышивает, думает Нина, почему не для себя, почему не для Нины? Ни одного такого чудесного платья у них нет...

Девочка закрывает книжку, берет маленькую игрушечную метлу и старательно подметает пол: ишь сколько ниточек! Двадцать раз в день метешь, — не помогает.

* * *

Однажды утром Нина проснулась, взглянула на стул перед диваном: сюрприз... белое шелковое платьице, канареечная лента. О! Сегодня ведь праздник, русская Пасха, как же она забыла... Ведь вчера она сама яйца заворачивала в пестрые шелковые тряпочки, помогала красить. А мать сладкое тесто месила и снесла вниз булочнику, синьору Леонарди, чтобы запек.

Она быстро оделась и с лентой в руках побежала в столовую. Та-та-та! Как чисто! На столе мимоза и два розовых тюльпана. Кулич! Какое смешное и милое слово... И яйца, веселые и пестренькие, ну разве можно их есть? Жалко ведь...

Варвара Петровна поставила дочку на табуретку:

— Сама оделась? Вот умница... Христос Воскресе, Ниночка!

— А как надо отвечать? Я уже забыла...

— Воистину Воскресе...

— Во-ис-ти-ну!

И поцеловались они не три, а пять раз врасос. Так уж случилось. Нина повертелась по комнате. Пол чистый, подметать не надо. И вспомнила:

— Ты ведь сегодня не вышиваешь?

— Кто же сегодня вышивает?..

— Вот и отлично. Значит, мы пойдем в Зоологический сад. Ты ведь обещала. Да?

— Пойдем, Ниночка. Давай только я ленту завяжу, а то ты так в руке ее и понесешь.

Пили кофе с куличом. Нина молчала и о чем-то своем думала. Когда уж совсем собрались уходить, она подошла к матери и попросила:

— Мама, можно мне четыре яйца в сумочку? Я выберу с трещиной. И кулича кусочек. Только потолще, хорошо?

— Возьми, конечно.

Варвара Петровна удивилась: никогда девочка не просит... ест, как цыпленок, всегда упрашивать надо. И вдруг — четыре яйца и кулич... Фантазия!

Варвара Петровна быстро шла за дочкой по горбатой, золотистой от песка дорожке. Ишь как бежит! Куда это она?

Девочка, не останавливаясь, наскоро поздоровалась по-итальянски с верблюдом:

— Добрый день, синьор, как поживаете?

Со всеми зверями она разговаривала только по-итальянски,— по-русски ведь они не понимают.

За поворотом, на высокой желтой скале, окаймленной густой синькой римского неба, стоял тигр. Полосатый злодей, как и львы, жил не в клетке, а на свободном клочке земли. С дорожки рва не было видно, и люди, впервые попадавшие в сад, невольно вздрагивали и останавливались: тигр на свободе!

Нина и с тигром поздоровалась. Но наглый зверь даже и головы не повернул. Через ров не перелетишь, а то бы он... поздоровался!

И вот внизу, под пальмовым наметом, Нина остановилась у клетки, в которой томился бурый медведь. Остановилась и сказала по-русски,— медведь ведь русский был:

— Здравствуй, здравствуй... Скучаешь? А я тебе поесть принесла. Потерпи, потерпи... Вкусно! Вот увидишь, как вкусно...

Она аккуратно облупила одно за другим крашенные яйца. Зверь встал на задние лапы и приник носом к железным прутьям. Нина положила на деревянную лопатку яйцо. Медведь смахнул его лапой в пасть, съел и радостно заурчал.

— Еще?

Съел и второе, и третье, и четвертое. Куличом закусил и приложил лапу ко лбу, точно под козырек взял. Это он всегда делал, когда был чем-нибудь очень доволен.

Нина в ответ на доброе приветствие зверя показала ему пустую сумочку и ответила странным русским словом, которое ей мать сегодня утром подсказала:

«Воистину, воистину!...»

Должно быть, это то же самое, что «на здоровье!»...

Варвара Петровна опустила на скамью и закрыла глаза. Ну, вот, только этого не доставало... Слезы... «Все съел, Ниночка? Вот и отлично!»

Девочка теребила ее за рукав и весело тараторила:

— Конечно, отлично. Я так и думала, что ты не будешь сердиться. Он же русский, понимаешь... Мне сторож давно уже рассказал, что его прислали с Урала еще до войны. Ему очень скучно, никто его не понимает. Тигра вон как хорошо устроили, а медведя в клетку. За что? И он чистый, правда, мама? Видишь, он аккуратно съел, ни одной крошки не рассорил. Не то что мартышка какая-нибудь... До свиданья, синьор Топтыгин. До свиданья!

Она взяла мать за руку и поскакала по дорожке мимо жирных, матово-сизых агав к пантерам; там маленькие детеныши

так смешно в прятки играют, надо насмотреться, а то вырастут и будут, как маятники, из угла в угол шагать и через голый ствол прыгать.

1926, март
Париж

БРЕТОНСКИЙ НЕПТУН

Над океаном—три домика. Вытянулись по краю обрыва в ряд—зеленый, красный и серенький. Домики маленькие, затейливой, словно детской постройки; вокруг каждого ограда из колочих тугих кустов кратегуса, в оградах игрушечные сарайчики и курятники. В зеленом домике живет старая француженка со своим любимым шпирцем Принцем; в красном—русское семейство, маленькая худенькая мама с дочкой, Соней. Третий домик, серенький—каменный, наглухо закрыт, на окнах жалюзи, собачья будка затянута паутиной, дорожки заросли серой высокой травой,—домик пуст, не удалось его на лето никому сдать...

Внизу шипит, плещет старый океан. Рыбачьи лодки, накренив паруса, везут в залив за скалы богатую добычу: сардины, скумбрию, плоскую камбалу, уродливых крабов в деревянных клетушках. За крайней серой дачкой длинный, высокий береговой отрез далеко ушел в зеленую воду, размытый прибором, отошел от материка и стал необитаемым островом. Тут же, за дачкой, покачивается над обрывом на шесте пустая сеть. По вечерам хозяин ресторанички, что на перекрестке дорог, зовет слугу и изпод ноздреватых скал тянет с ним на блоке грузную сеть: авось среди водорослей и пестрого морского хлама краб попадет на счастье.

* * *

Жилица из красного домика, худенькая Сониная мама, пошла с корзиночкой по верхней дороге за скалы к устью реки. Надо было поспеть вовремя, чтобы с рыбачьих лодок всю рыбу не расхватали. А Соню, свою единственную дочку, тихую маленькую девочку, отвела к соседке, старой француженке.

— Будьте, мадам, добры, пусть моя Соня у вас в садике посидит...

— О, пожалуйста! Мой Принц очень любит с вашей дочкой играть.

Мама ушла, француженка ручки на животе сложила и в складном кресле уснула, Принц под крыльцо забрался позавчерашнюю кость отрывать. Скучно стало Соне... Океан шипит, француженка храпит, шпирц ворчит, ветерок посвистывает

в темных кипарисовых метелках. Жарко и пустынно, зеленая вода с тускло-голубым небом на горизонте обнимаются, глаза слепят.

Девочка вышла за ограду. На три шага ведь отойти от дома можно... И на пять можно. И на пятнадцать — уж не такое преступление.

И представить себе трудно, как внизу хорошо! Серая тропинка сквозь бурьян сбегает зигзагами к океану. Отлив... Из воды вылезли далеко-далеко вперед морщинистые коричневые камни. Вокруг камней густыми макаронами лежат водоросли, там и сям сквозят лужицы голубоватой воды. На берегу, в узком скалистом ущелье, бродят дети и взрослые, роют лапами песок собаки, девочки моют в воде резинового негра... Камни блестят, песок блестит, водоросли блестят — Соня не выдержала, подошла к краю обрыва и, шаг за шагом, цепляясь за крепкий бурьян, стала по тропинке спускаться вниз — к детям, к голубым лужицам, к веселому, доброму океану.

* * *

В комнате, чтоб не скучно было, чтоб себя позабавить, нужны разные вещи: игрушки, книги, цветные карандаши. А у океана ни книг, ни игрушек не надо. Куда ни взглянешь, — все забава... К обнаженным камням какие-то рубчатые ракушки присосались, — хоть кряхти, хоть ногти себе обломай, ни за что не оторвешь. В лужицах у подножья скалы крошечные крабы в испуге в пестрые камушки зарываются: очень страшно, — стоит над ним розовая девочка, ногой по воде шлепает, а океан куда-то ушел, и спастись негде!

Соня осторожно переползла с камня на камень, очень боялась, чтобы из густых водорослей ее за ногу омар не ущипнул... Вернулась на берег, собрала драгоценную коллекцию камушков: обточенный волной кирпичный обломок, черный-пречерный глазок с белым зрачком, лиловую сосульку, розовую рогульку, — полный кармашек набрала.

Чужую собаку водой из консервной жестянки окатила, собака обрадовалась, встряхнулась, соленые брызги с носа слизнула.

Обернулась Соня — люди шумят, бродят, едят, друг с друга фотографии снимают. Девочка резинового негра на веревочке под камнем плавать учит. Какой-то толстый француз на одинокую скалу полез, до верхушки добрался и уселся, как помпон на колпаке... Насмотрелась Соня, перебралась вдоль берега через гряды валунов и попала в соседнее ущелье, выбитое в высоком берегу с незапамятных времен волнами. Здесь было тише, и почти никого не было. Только за скалой какой-то старичок наливал в бутылку соленую воду и выливал ее. Пять, шесть, восемь раз, — Соне и считать надоело.

«Старый, а как пятилетний мальчик...» — подумала Соня и под острым, наискось врезавшимся в берег огромным камнем пробралась в третье ущелье.

— Вот... Здесь и устроюсь.

Ни души. Вверху небо светлым треугольником над ущельем застыло. Океан шлепает за камнями, шлейф по водорослям волочит...

В глубине ущелья темная щель. Пещера! Соня осторожно подошла ближе и вошла. Крепкий слежавшийся песок от входа бугром подымался в глубь пещеры, по бокам вдоль скал темнели серые полосы... Ай! Что за гадость?! На песок со стен запрыгали отвратительные длинные мокрицы.

Соня стремглав вылетела из пещеры. Села под скалой в тени и засмотрелась вдаль: на коптивший небо медленный трехтрубный пароход, на вспухающие валы, косо бегущие к берегу. Сидела долго, убаюканная теплым ветром, ленивым солнцем и ворчаньем воды, сидела долго и неподвижно, словно бабочка на теплом вишневом стволе.

И вдруг всмотрелась. Где же дальние коричневые камни? Почему водоросли набухли и просочились водой? И жестянка, которая валялась перед ней на песке в десяти шагах, — плавает... Почему? О! Как сердито шлепнула волна об угол скалы... Пена до самых пяток докатилась.

Соня быстро вскочила. Прилив? Конечно, прилив! Ротозейка... И старичок, и все собаки, должно быть, давно ушли. Она побежала к наклонному камню, под которым был проход в соседнее ущелье. Прохода не было, и под камнем шипела и пенилась вода...

Побежала вперед к океану — пусть промочит платъице, не беда, — лишь бы во второе ущелье пробраться, а оттуда в первое к тропинке, что ведет наверх... Но новая волна хлопнула в камень прямо перед ней; едва успела Соня отскочить и отбежать в угол ущелья. Прилив!

* * *

Вы подумайте только: маленькая кроткая девочка и огромный, одуревший океан... Ни вправо, ни влево дороги нет, вода закрыла все проходы и лазейки, пена и раскатистая волна с каждым ударом все ближе подбираются к маленьким дрожащим ногам... А вверху, над головой, на высоте трехэтажного дома, проезжают вдоль края обрыва автомобили, проходят беспечные пешеходы, и никому и в голову не придет взглянуть вниз на прижавшуюся к мокрой скале девочку...

Влезть на отвесный берег? Но разве девочка мокрица, или обезьяна, или акробат? Бросилась Соня в один угол, в другой, словно мышь в мышеловке, заметалась во все стороны и, наконец, вспомнила о последнем средстве, оно всем детям знакомо, — стала кричать пронзительным голоском:

— Спасите! Спасите! Меня захватил прилив...

Но грубый океан басистым ревом покрыл Сонин голосок, ветер унес и разметал детские испуганные слова... И опять стала Соня кричать все громче, все отчаяннее. Волна, правда, ее пока что еще не трогала: подкатывалась к ногам и с шипящим вздохом, растекаясь журчащими ручейками и унося за собой пестрые камушки, возвращалась назад в родное темно-зеленое лоно.

Где остановится прилив? На какой линии, у какой черточки? Камыш в глубине ущелья был сух, значит, волна туда не докатывается? Или он высох в часы отлива на горячем солнце под теплым сквозным ветром? Ах, если бы мама, возвращаясь с рыбой домой, по дороге вдоль края обрыва, взглянула вниз на свою дочку!.. Бросила бы рыбу наземь, побежала в ресторанчик за веревкой и мигом бы спасла дочку.

— Мама! Я больше не буду одна спускаться к воде... Что же это за несчастье! Ма-ма!

Кричала, кричала, даже закашлялась... Хоть бы орел какой-нибудь пролетающий ее за фартушек подхватил, она б ему у верхней дороги тумака под самое крыло дала и благополучно бы прыгнула на землю...

И вот, представьте себе изумление Сони: орел не орел, а из-за угла скалы, прямо из лопочущей воды вышел на ее зов... Нептун, настоящий морской бог Нептун, как его во всех книжках рисуют. Седая, разметавшаяся борода, косматые брови, в руке трезубец, сам весь в водорослях, словно змеи по ногам его опутали, на плечах прозрачная мантия цвета рыбьего пузыря... Вышел Нептун из волны, приветливо улыбнулся оторопелой Соне, взял ее на руки, точно легкую камышинку, и опять пошел, взбивая мутную пену, в воду. Ахнула Соня, закатила глазки, головка набок свисла...

* * *

Очнулась девочка, ничего понять не может. Лежит она в чужой избе на высокой мягкой постели. Перед ней старушка вся в черном, вся в складочках, в бретонской наколке, сидит и изо рта водой на Соню брызжет. словно прачка на белье перед тем, как гладить. У стены высокий буфет с волнистыми полочками, на полочках расписные тарелки, пестрые человечки и графинчики! А у окна,—девочка изумленно повернула голову,—Нептун! Сидит на скамье, трубку курит и круглую сетку на свет рассматривает.

— Очнулась?..—ласково сказала старушка.— Вот и чудесно, дружок мой.

Нептун подошел, смотрит и улыбается.

Набралась Соня храбрости и спрашивает:

— Вы Нептун, правда? Почему же вы в избе живете?

А старик рассмеялся, трубку на стол положил и говорит:

— Ишь ты, что ей с испугу померещилось! Почему же я Нептун?.. Разве Нептун трубку курит?

— Да ведь вы же из океана ко мне вышли, с трезубцем, весь в водорослях и в океан меня унесли...

— Гм... А ты взгляни-ка в окно.

Смотрит Соня: стоит у крыльца рыжий, широкогрудый конь, ноги расставил, ветер гривой играет, а за конем в двуколке бугром водоросли навалены и в них трезубец — вилы торчат.

— Вот видишь? Я у берега водорослями нагрузил тележку, мы их для удобрения на огород вывозим. Еду по верхней дороге, слышу: внизу писк, не то мышь, не то девочка... Посмотрел вниз, вижу: ты на мокрые камни карабкаешься, прилива испугалась. Спустился я вниз, как был с вилами, по воде вдоль камней прошел, тебя подобрал и той же дорогой обратно вернулся... Вот я какой Нептун! А ты лучше скажи, ты где живешь-то?

— В красном домике,— тихо ответила Соня и покосилась на клеенчатый прозрачный балахон, что висел на гвозде. Вот она, Нептунова мантия...

Выворотил старик Нептун водоросли наземь, посадил Соню рядом с собой в двуколку и покатили: очень было весело ехать: океан, небо, ветер, лошадь фыркает, но в сердце то и дело булавочки покалывали... Придется ведь и маме, и соседке-француженке всю правду рассказать...

<1926>

СКАНДАЛИСТ ФИФА

Посреди Сены, от Pont de Grenelle до Pont de Passy, тянется узкая и высокая насыпь, затененная невысокими деревьями. Справа и слева бока крутыми мощными откосами спускаются к воде. Внизу гудят, похожие на майских жуков, пароходы-буксиры, качаются причаленные к дамбе легкие яхты... Огромная плавучая купальня скрипит-покачивается, в жилых окнах над входом белеют занавески, цветет герань. А за купальней отдыхает на воде железная баржа с углем: по бокам рулевого колеса зеленеют ящики с маргаритками, собака на угольной куче, натянув цепь, изумленно смотрит на пробегающий над мостом поезд-метро, девочка развешивает вдоль кормы мокрое белье. Тихо на дамбе и уютно. Пролетает влажный летний ветерок, аллея зеленым лучом уходит вдаль — от моста к мосту... Рыболовы монотонно взмахивают удочками, забрасывают крючки далеко в воду и терпеливо ждут добычу.

А по вечерам — на дамбе никого. Желтой цепочкой горят пустынные фонари, гигантским циркулем уходит в небо освещенная Эйфелева башня, темные деревья шуршат темными ветвями...

К темной дамбе подкатило по мосту такси. Из такси вышли длинноногая девочка Лиза, которая затеяла эту прогулку, Лизина мама, дядя Вася и общий приятель, художник Левушка. Выволокли из такси еще одно существо, похожее на пьяного чертенка, которое ни за что не хотело спокойно сидеть на руках у дяди Васи, упорно лезло к нему на шляпу и звенело цепочкой. Это был молодой шимпанзе Фифа. Знакомый русский моряк привез его из Африки и подарил Лизе, не подумав толком, каково в Париже с таким подарком возиться.

Поселили Фифу на балконе, на пятом этаже, в ящике из-под чернослива. Прикрутили короткой цепочкой к перилам, жизнь не сладкая. В комнаты пускали редко,— только отвернись, Фифа все хозяйские вазочки по неопытности перебьет.

Лиза своего нового жильца пожалела и пристала к маме:

— Мамочка, так ведь нельзя... Смотри, у него на затылке лысина, цепочкой натер. У него же от тоски чахотка сделается, целый день в ящике на балконе сидит и на Эйфелеву башню смотрит... Посадить бы тебя так с дядей Васей! Знаешь что? Пусть вечером погуляет по аллее, знаешь, по той, что посередине Сены. Там по вечерам никого нет, пусть побегает на свободе, лапки свои разомнет... А то он у меня на балконе он меланхолии умрет, и я всю жизнь мучиться буду.

Мама согласилась, и вот всей компанией привезли угрюмого Фифу в такси через мост к дамбе, что посреди Сены, и высадились.

Дядя Вася свернул с моста в темную аллею. Фифа возбужденно приседал на его плече, вертел во все стороны головой, присматривался и пищал. Ах, сколько деревьев! Как просторно вокруг! Не в Африку ли его привезли, домой, в родные леса? Но почему по бокам узкой лесной дороги блестит вода? Почему в вышине сияет огнями огромная башня-гора? Почему через мост, гремя, пробегают освещенные домики, наполненные людьми? Нет, это не Африка... Но какие чудесные ветви над головами! Быть может, среди них притаились обезьяны, много-много обезьян, и ждут Фифу... Цвик!

Дядя Вася ахнул и схватился за лоб. Словно смазанная мылом, цепочка выскользнула из руки, толстое кольцо больно хлопнуло по лбу, и хитрая обезьяна перелетела с плеча на дерево, с дерева на другое— только темные ветви затрещали...

Заахали Лиза, мама, художник Левушка... Вдали вверху прогремела цепочка, сумасшедший Фифа прыгал не хуже кузнечика с вершины на вершину, сбегал по стволам вниз, взбегал вверх, свалился вдруг на голову художника, сбил с него шляпу, хватил цепочкой по ушам и опять исчез в темноте...

— Вот,— сказала растерянно Лизина мама,— послушалась тебя... Как мы его теперь поймем? Что он тут натворит?.. Ай-яй! Вон он над головой, хочет на меня прыгнуть! Ай!

— Фифа, не смей на маму прыгать!— закричала Лиза.— Больше никогда тебя не буду брать гулять... Дядя Вася, вон он под деревом, наступи на цепочку ногой!..

Но Фифа приманил дядю Васю, перед самым носом перескочил через скамейку и по мокрой лестнице галопом побежал к воде...

— Ах, он утонет! Фифочка!..

Но Фифа не собирался тонуть. Он взобрался на цепь, соединяющую баржу с дамбой, и стал на ней покачиваться, словно на качелях.

Вверху из-под моста бесшумно выехали два полицейских на велосипедах и соскочили наземь.

— Что такое?.. Что тут случилось?

Лиза показала рукой на цепь:

— Он утонет!

— Кто?

— Фифа!..

Полицейские посмотрели вниз:

— Мальчик?

— Обезьяна...

Лиза объяснила им, что Фифе нужен был свежий воздух, его взяли погулять, а он такую штуку — удрал.

Полицейские подумали и посоветовали всем тихо сесть на скамейку, Фифе надоест на цепи качаться, и он к ним сам вернется.

И в самом деле: уселись, замолчали, а художник Левушка стал в темноте орехи щелкать... Не прошло и минуты, как мохнатая лапа осторожно полезла к художнику в карман, за орехами. Фифу поймали, объяснили ему, что порядочные обезьяны так себя не ведут, и понесли к мосту. Он хотел было прыгнуть на велосипед городовому, но Лиза его пристыдила, и Фифа успокоился.

Зато на мосту Фифа снова заупрямился и пожелал непременно идти по перилам. Что было делать? Дядя Вася осторожно подхватил конец цепочки, и шимпанзе, гордо задрав голову и выворачивая лапы, побежал по круглым чугунным перилам с такою уверенностью, точно он всю жизнь такими делами занимался.

У Лизы от страха ноги подгибались, а Фифа еще вокруг себя на перилах делал туры, словно вальсировал сам с собою на высоте над черной Сеною...

— Bravo!— кричали на мосту встречные мальчики.— А ну-ка еще раз, пожалуйста!..

Щелкали пальцами и обращались к Лизе:

— А вы, мадемуазель, тоже так умеете по перилам ходить?

На углу в кафе у въезда на мост решили отдохнуть,— и люди устали, и обезьяна устала.

Из предосторожности уселись за столик на улице. Улица была многолюдная, да и обезьяна на воздухе не так волновалась, как в ярко освещенном зале на глазах у незнакомых любопытных людей.

Дядя Вася заказал себе пиво, художник Левушка горячего красного вина. Фифе дали горсть орехов, сиди только спокойно.

Но Фифу не так-то легко было провести. Мужчины пьют, а он будет орехи грызть!.. Шимпанзе натянул цепочку и сунул нос в бокал дяди Васи: ух, как холодно и вкусно! Вот это так напиток...

Противная цепочка потянула Фифу назад, но он уперся и стал на своем обезьяньем языке пищать на всю улицу:

— Цвик! Хочу пить... Молоко? Не хочу молока! И дома оно у меня поперек горла стоит... Хочу желтого и холодного!

Нечего делать! Налили в блюдечко пива, Фифа выпил, потребовал еще и выдул еще полное блюдце. Потом через стол полез к художнику Левушке: надо же попробовать, что тот себе заказал.

Левушка налил Фифе в блюдце глинтвейна. О, какая вкусная штучка. Фифа запрокидывал в восторге голову, пил глоток за глотком, причмокивал языком и закатывал глаза...

— Слушайте, не давайте ему больше, он напьется,— сказала Лизина мама.

Но Фифа и не просил больше. Просто запищал злобно на художника, отнял у него бокал с теплым вином, половину расплескал, половину высосал... в голове зашумело,— и пошла потеха.

С соседних столиков подошли любопытные дети, прохожие останавливались.

А Фифа на мокром мраморном столике попробовал было стать на голову, задрал лапы кверху,— столик закачался, бокалы успели подхватить... Нет, не станешь, стол скользкий, цепочка мешает! Он прицелился и прыгнул к остановившемуся перед ним толстяку на жилет; едва дядя Вася успел расходившуюся обезьяну назад оттянуть.

Слугу, проходившего мимо с бокалами, Фифа хлопнул по спине, потом соскочил на соседний стул, вытянул заднюю лапку и выудил чужой зонтик. И когда отобрали зонтик, стал кричать и прыгать, как пьяный уличный буян.

Потом он вздумал было полезть на полотняный навес, но цепочка опять его одернула назад... Фифа рассвирепел, прыгнул наземь и потянул за собой на цепочке дядю Васю. У столиков на углу стояла тумба с афишами; Фифа, выгибая спину и скрежеща, потащил за собой кругом тумбы дядю Васю.

Дяде Васе было ужасно неудобно и стыдно, вся улица смеялась, но отпускать обезьяну было нельзя,— Бог знает, что она еще могла натворить... А пьяный шимпанзе посматривал уже на трамвайный столб. Беда! Влезет на столб, хватится за проволоку лапой — капут!..

Левушка догадался, побежал за автомобилем, Лиза схватила маму за руку и испуганно запищала:

— Скорей-скорей уведем его! Я же не знала, что он такой пьяница...

С трудом усадили в такси Фифу. По дороге он ущипнул за ногу подвернувшегося мальчишку, укусил за палец дядю Васю, дал затрещину шоферу, плюнул на Лизину шляпу и, только когда на него набросили непромокаемое пальто дяди Васи, успокоился и уснул, свесив из пальто обессилевшие лапы, словно дохлая кошка.

— Левушка,— шепнула Лиза, наклоняясь к художнику,— что же теперь будет? Он теперь каждый день будет напиваться и скандалить?

— Положим...— усмехнулся Левушка.— На балконе не очень-то напьешься.

— А он не умрет, Левушка?

— Ничего. Мы его сегодня в ванной комнате спать положим, валерьяновую пробочку понюхать дадим, все пройдет. А завтра ты его за дурное поведение носом в угол поставь.

— Это вас с дядей Васей в угол поставить надо,— вмешалась Лизина мама.— Зачем бедному зверю пить давали?

Левушка язык прикусил, да и дядя Вася в ответ только крикнул.

А Фифа из-под непромокаемого пальто тоненько застонал: «цви-и!» Очень уж у него, бедняги, голова кружилась.

<1926>

НЕРВНЫЕ СЛОНЫ

Миша принес газету, положил ее передо мной и молча ткнул пальцем в удивившую его заметку.

Я прочел: «Нью-Йорк (Нью-Джерсей). «Три слона и мышь». «Три слона в городском цирке, смертельно испугавшись забравшейся в клетку мыши, выломали стальные прутья и в панике выбежали на улицу. Прохожие разбежались... Сбитая с ног неповоротливая старуха растоптана... В лавках с грохотом спускались железные шторы... Цирковые служители с криком и визгом бежали по следам взбесившихся гигантов... Полицейские с криком и визгом бежали по следам служителей...

Пойманные слоны были с трудом водворены на место и вечером в переполненном цирке давали обычное представление...»

— Билеты нарасхват? — спросил Мишка, задумчиво потершись кончиком носа о мой пиджак.

— Еще бы!

— А вы, дядя Саша, боитесь мышей?

— Я-то? Ого! Пусть-ка сунет нос в мою комнату...

Мой ответ не нравится Мише. Он рассеянно смотрит в окно и — я не Шерлок Холмс, — но, ей-богу, я знаю, что ему представляется. Будто вечер и тишина. Будто я и он сидим в кресле (кресло, сверху я и сверху Миша) и читаем. И будто мышь осторожно просовывает из-за портьеры рыльце... Смотрит на нас, подбегает ближе, нюхает валяющуюся посреди комнаты пробку и тихонько пищит. Я поднимаю голову, замечаю мышь и начинаю дрожать... с головы до ног и с ног до головы... Так сильно дрожу, что и кресло дрожит, и письменный стол, а стакан с чаем на столе даже начинает приплясывать. Стучат часы, стучит мое сердце, стучат мои зубы... И вдруг я издаю пронзительный рев, Миша будто слетает с моих коленей и кричит: «Стыдно, стыдно! Такой большой... Ведь я же ни капельки не испугался!» Но я, как взбесившийся слон, теряю всякий стыд, бросаюсь в окно, пробиваю головой стекло и, высоко взбрасывая колени, мчусь по мостовой навстречу трамваям, такси и грузовикам. За мной «с криком и визгом» мчится Миша и успокаивает меня на ходу: «Дядя Саша, миленький, у вас отлетел каблук! Да остановитесь же вы, черт побери, мышь сама испугалась и удрала из комнаты...» За Мишей по моим следам мчится, неистово твякая гудком, пожарная команда шестнадцатого парижского аррондисмана... С грохотом опускаются железные шторы... Разбуженные консьержкины дети взволнованно кричат своим родителям: «Жилец из восьмого номера взбесился!» — и выбегают в одних рубашонках на улицу...

— И ты, поймав меня, наконец, за левую ногу, растягиваешься со мной на мостовой и крепко держишь меня, пока подъехавшие пожарные не прикручивают меня за локти к складной лестнице?

— Да... Почему вы догадались? — Миша очень удивлен и подозрительно на меня смотрит. Если я вообще умею отгадывать мысли, то, может, со мной и дружить опасно?..

Однако он скоро успокаивается, потому что голова его наполнена «тремя взбесившимися слонами и мышью».

— Почему же они все-таки испугались? Разве мыши питаются слонами? Разве мышь может прогрызть слоновую кожу? Разве слон не может ее втянуть в себя хоботом? Фук! И готово... Как одуванчик.

В дверь тихонько входит младшая Мишина сестренка Валя. Кукла ее уснула, плюшевая обезьяна запропастилась неизвестно куда. Картинки в «древней истории» все раскрашены. Поэтому ей

скучно. Она садится у наших ног на пузатую скамеечку и прислушивается.

— Анна Ивановна тоже смертельно боится мышей,— продолжает Миша.— Но она нервная женщина... У слонов же разве тоже есть нервы?

— Какая Анна Ивановна?— спрашиваю я.

— Ах, Боже мой! Берлинская. Мы жили в комнате номер пять, а она в комнате номер восемь. Напротив. И когда внезапная мышь появилась на столе и вдруг понюхала ее очки, Анна Ивановна потеряла сознание, бросилась в коридор, с криком и визгом влетела к нам в комнату, посадила к себе на колени хозяйского кота и полчаса волновалась... Но слоны, дядя Саша? Почему они впадают в панику? В вашем энциклопедическом словаре ничего об этом не говорится?

— Ничего, дружок. У меня словарь сокращенный. Но давай подумаем... Допустим, что мы с тобой и Валею мирно сидим за столом и играем в подкидные дураки. Ты нагибаешься, чтобы поднять упавшую на пол карту... и из-под карты вдруг выскакивает...

— Мышь? Я б ее картой по усам!

— погоди ты со своей мышью... Не мышь, а крохотный-прекрохотный человечек. Величиной с черного таракана. Воображаю, какой бы ты крик поднял! По ту сторону Сены было бы слышно.

— Ничуть, ничуть... Я бы ему сказал: «О! Значит, вы не только в сказках бываете, вы и на самом деле? Вы гном? Но у вас нет бороды. Значит, вы мальчик с пальчик? Очень приятно. Хотите с нами сыграть в подкидные дураки? Познакомьтесь: это дядя Саша, а это сестра моя Валя. Хотите капельку сгущенного молока?»

— Или кусочек засахаренной дыни?— вежливо предложила воображаемому человечку Валя.

— Пойдите, дети... Вы вот какие храбрые, но поймите и меня. Я бы, например, до смерти перепугался. Почему? Очень просто: всю жизнь видел настоящих людей, рост и все подходящее, привычное, и вдруг этакая каплюшка, ростом с таракана, глазки как бисер, нос как спичечная головка... Ужасно страшно!.. А мышь ведь тоже на миниатюрного слона похожа, только без хобота. Быть может, взрослый слон, самое большое сухопутное млекопитающее, потому и приходит в истерику при виде самого маленького, похожего на него млекопитающего, что... не верит своим глазам, потому что...

Я запнулся и замолчал.

Дети переглянулись.

— Потому что...— ехидно повторил Миша.

— Оттого что...— повторила за ним Валя.

Я надулся. Слон я, что ли? Объяснил, как умел, а не нравится,— объясняйте сами.

Валя букву за буквой по складам разобрала отмеченную красным Мишиным карандашом газетную заметку о трех слонах и, лукаво поджав губки, толкнула меня под локоть.

— Дядя Саша? А дядя Саша?

— Что?

— Дело вот в чем. На чем стоят слоны за своей загородкой в слонюшне?

— В какой «слонюшне»?

— Конь—в конюшне, слон—в слонюшне... Какой ты странный! На чем стоят слоны, я тебя спрашиваю?

— На соломе.

— Вот. Солома густая, мохнатая, непрозрачная. Хорошо. А что делают цирковые служители перед представлением?

— Не знаю. Пол подметают. Разносят зверям корм... Мало ли у них дела.

— Вот. И я так думаю. Не то чтобы служитель стоял перед слоновой клеткой и пристально смотрел в бинокль слонам под ноги... А если б и смотрел, ничего бы он в непрозрачной мохнатой соломе не заметил.

— Да ты это что за кружево плетешь?

— Не кружево, а чистая правда. Слоны взбесились, сломали стальные прутья, помчались по городу... Но кто же, кто же, дяденька Сашенька, мог узнать, почему они взбесились?! Кто видел эту несчастную мышь? Или слоны, все три сразу, когда успокоились, взяли служителя хоботами за пуговицу и сами ему рассказали? А может быть, это и не мышь была, а совсем другое? Просто слонам страшный сон приснился: будто их привели в колбасное заведение и хотят у них хоботы отрезать на колбасы... Конечно, они возмутились и... взбесились. Представьте себе... Вдруг бы вы увидели во сне, будто у вас уши хотят отрезать и сварить их вместо вареников.

— Ага!—сердито сказал я.— Страшный сон! Откуда же тебе известно, что слоны во сне видят? Да еще все сразу—один сон видят. Ишь, царь Соломон какой! Мышь ей не нравится, придумала колбасу из хобота и довольна. Брысь! Не хочу больше про нервных слонов говорить.

— Потому что...—шепнул мне на ухо Миша.

— Оттого что...—шепнула с другой стороны Валя.— Оттого что... сам ничего не знает.

<1927>

БЕЛКА-МОРЕПЛАВАТЕЛЪНИЦА

БЕЛКА-МОРЕПЛАВАТЕЛЬНИЦА

Перед закатом море было спокойное, кроткое и ровно дышало, словно грудной младенец во сне. Мальчик из белого пансиона очень сердился. Его парусный фрегат «Немо» ни за что не хотел тронуться с места, паруса, как обвисшие тряпки, вяло шевелились на реях, по палубе лениво разгуливали слепни и осы, точно под ними не корабль был, а какая-нибудь неподвижная плавучая купальня.

Пробовал мальчик, шлепая по воде пятками, подталкивать корму, дул в паруса... Но толкай не толкай, дуй не дуй, раз ветер уснул в прибрежной долине или умчался за облака — на парусах далеко не уедешь.

В пансионе гулко зазвенел гонг. Ужинать! Хочешь или не хочешь, об этом тебя не спрашивают... Бан-бан-бан! Жареный кролик, яблочный мусс...

На всякий случай привязал мальчик свой фрегат к прибрежному камню и поскакал на одной ноге к белой веранде. А на веранде после ужина новый постоялец показывал детям фокус: в одно ухо вставлял франк, из другого вынимал пачку папирос, из правого глаза вытаскивал спичку, из левого мундштук... Прямо не человек, а походная табачная лавочка! И забыл мальчик наглухо о своем фрегате, гордом, трехмачтовом корабле «Немо», который, натянув бечевку, тихонько покачивался у желтого камня на средиземной лазурной воде.

* * *

Белка уже давно присматривалась с прибрежной сосны к странному плавучему дому. Корабли часто проходили мимо, а рыбацьи парусные лодки причаливали к самому берегу, откуда дюжие рыбаки втаскивали их по гладким бревнам в пестрые сараи. Но этот маленький корабль, с которым целый день возился сегодня загорелый мальчик, так мал, что мальчик даже одну ногу на нем бы не уместил... «Быть может, это не корабль, а корабельный детеныш, который когда-нибудь вырастет и станет взрослым кораблем?» — подумала белка. Она не знала, что это «игрушка» и что среди всех детских фрегатов на побережье «Немо» был больше всех.

Белка осмотрелась по сторонам — с высокой сосны весь берег перед глазами, — привстала на лапках и внимательно

пошевелила усами: никого. И люди, и собаки, все ушли ужинать, у них ведь еда по часам, не то что у белок...

Спрыгнула к корявому подножью, взволнованно пискнула и косыми прыжками, поставив хвост трубой, поскакала к фрегату. Чудесный корабль! Ну совсем будто для белки построен, как раз ей по росту. Интересно, чем его мальчик нагрузил? А вдруг орехами? Или хотя бы каштанами?.. Мальчишки ведь тоже очень любят эти лакомства.

Любопытный зверек вытянул на камне усатое рыльце вперед, обнюхал бечевку. Нет, по бечевке не перейдешь — и тонка, и провиснет... Но белка не черепаха. Лапки на пружинках, хвост рулем. Она прицелилась, потопталась мгновение на задних лапках и распластанной рыжей метелкой легко и плавно перелетела на палубу фрегата. Фрегат грузно качнулся... Слабая петля бечевки от толчка соскочила с камня, предзакатный ветерок давно уже лопотал в парусах — паруса туго вздохнули... Белка, быстро и осторожно припав к палубе, как крыса, обнюхала все углы, свесила даже рыльце вдоль борта: никаких орехов, корабль массивный, ни дупла, ни щелочки. Но что же это плавучий домик так на бок лег? И так покачивается? И так скрипит? Обернулась белка к берегу... Цвик! До свиданья, будьте здоровы. Между берегом и кораблем танцуют в воде багрово-золотые закатные краски. Перепрыгнуть? Но лапки дрожат, пол качается, и берег, милый твердый берег, все дальше, все дальше, все дальше... Первый раз в жизни растерялась белка, не доверилась своим лапкам и хвосту, прижалась к зыбкой плавучей доске и задрожала-затрепетала от усов до хвоста.

* * *

В закатной полумгле над носом фрегата загудел-закружился толстый шмель.

— Бу-бу-бу! Белка на корабле!.. Никогда еще не видал. Куда плывешь, рыжая?

— В Ниццу к племяннице. У нее под Ниццей собственный лес... Пригласила погостить. Прислала собственную яхту. Вот и еду.

— Бу-бу! Попутный ветер. Ишь ты, какая важная белка...

— Постой, постой! Куда ж ты собрался? Шмель!

— Ночь идет. Берег далеко. Должен лететь. Бу-бу!

— Да ты послушай... Присядь, отдохни. Шмель, родненький, я все наврала. Никакой племянницы. Никакого леса. Как дура плюхнулась я на этот корабль, веревочка отвязалась, паруса раздули свой живот, со всех сторон вода... Я в отчаянии! Растопырила лапки и совсем-совсем растерялась. Ты такой симпатичный, ты стройнее осы, ты умнее пчелы, подай мне добрый совет!

— Бу-бу... Экая важность быть умнее пчелы. Сиди тихо, не ерзай по палубе и слушай. Ветер, как сумасшедший козел, то

скачет в одну сторону, то в другую. У него никакой работы и никаких обязанностей... Передвинься немного к корме; чтобы плыть или летать, как следует, груз надо помещать в середине. И жди, пока ветер не завернет твою яхту к берегу. Хвост у тебя вон какой раскидистый. Опустила бы в воду вместо руля и сла-вировала бы прямо на сушу, да где тебе, сухопутной белке.

Белка жалобно пискнула.

— Бу-бу... Да, брат, белка. Посади рыбу на дерево, не хуже тебя запищит. Каждый хорош на своем месте. Прощай. Детям твоим что передать?

— Скажи им, чтобы они никогда близко к морю не подходили, скажи им, что второе дупло с провизией находится... а ты не разграбишь?

— Да чем же я твои орехи грызть буду, умница?

— Правда... извини, пожалуйста. Находится в большом пробковом дубе у высохшего ручья.

— Бу! Лечу. Взял бы я тебя на спину, да неудобно это как-то, чтобы шмель белку на себе таскал. Попутный ветер.

И улетел вдоль лунной дороги — над морем встала полная луна — к берегу.

* * *

Почему столько воды в одном месте? И какая невкусная вода! Соленые брызги попали на нос, белка слизнула и недовольно фыркнула. Лунные пятна кольцами разбегаются по воде... Быть может, можно на них прыгнуть? И с кольца на кольцо, как по кочкам на болоте, добраться до суши? Нет. Шмель знает. Если б можно было, он бы посоветовал... Тесно как на корабле этом! Ни попрыгать, ни побегать, ни головы повернуть. А там над головой, краем глаза видно, фонари в небе. Там в небе, должно быть, тоже море, голубое и тихое, люди в лодках с фонариками разъезжают и рыбку ловят. Когда же ветер, сумасшедший козел, к берегу дуть станет? Лапки окоченели, глазки смыкаются. Белка закрутила вокруг лапки бечевку, а конец взяла в зубы, чтобы спросонья в воду не свалиться.

— Цвинк-цвинк! — закричала вдруг над головой налетевшая из лунной мглы чайка. — Вот так закуска! Никогда я, признаться, белок не пробовала, вкусная, должно быть, штука...

Рыжая спинка вздрогнула, но белка и виду не показала, что у нее душа в лапки ушла.

— Крикунья ты глупая, ничего больше. Я ручная белка, вроде домашней кошки... Понимаешь? Но я поссорилась со своим хозяином, он меня вчера забыл покормить. Понимаешь? У него лихорадка, а против лихорадки помогает только печенка свежееубитой чайки... Понимаешь? Хозяин вот и сделал из меня приманку, привязал меня к кораблику, а к моей спинке привязал капкан. Понимаешь?.. Тронь только меня, капкан цапнет тебя за

ножку, ты начнешь кричать, я начну пищать, хозяин приедет на лодке и свернет тебе голову... Я на хозяина зла и потому тебе все рассказала. Понимаешь?..

— Понимаю!— сердито взвизгнула чайка.— Очень меня твоё мясо интересует, скажите пожалуйста! Цинк-цинк, должно быть, вроде дохлой крысы...

Захлопала в воздухе крыльями и улетела прочь.

Белка, конечно, ужасно была довольна, что чайку надула и перехитрила, однако и обидно ей было очень, что злая птица её с дохлой крысой сравнила. Уж, наверно, она, белка, в сто раз чайки вкуснее... Ястреб на днях другому ястребу говорил, белка подслушала:

— Чайку я, хоть с голоду помру, никогда есть не стану. Жестка, как колючая проволока, и вся рыбьим жиром насквозь пахнет. А молодая белка очень и очень недурная штука... Вроде кролика на ореховом масле.

Сам ястреб хвалил! Но чу... Белка встревоженно подняла голову. Опять чайка летит.

— Слушай, ты...— раздалось в вышине.— На голове у тебя тоже капкан?

— На голове даже два. И на хвосте. И по бокам. Шесть капканов.

— Цинк! Экая досада... Есть ужасно хочется.

— Хочешь есть?— насмешливо спросила белка.— Возьми в клюв веревочку, которая к кораблю привязана, и притащи корабль против ветра к берегу. Мне надоело плавать. Я тебе там покажу за это, где мой хозяин свою рыбу спрятал. Сегодня утром он полную корзину привез... А рыбка какая! Язык проглотишь.

— Цинк!

Чайка осторожно подлетела к борту, схватила в клюв бечевку, которую белка размотала с лапки, и, изо всех сил натянув бечевку, раскрыла крылья навстречу ветру...

Но, увы, кораблик ни с места, чайка ни с места,— силы ветра и чайки были равны. Хлоп! Бечевка лопнула пополам, чайка с жалобным плачем унеслась в одну сторону, фрегат «Немо», подстегнутый свежим ветром, в другую — все дальше, все дальше от родного берега.

Сбоку мигнул красный глаз маяка. Волна шлепнула в корму и окатила прижатый к спине хвост. Перегоняя фрегат, рядом пропыхтела рыбацья моторная лодка. Мальчишка, сын рыбака, бросился к борту и наклонился к лунной воде, изумленно всматриваясь в кипящий за кормой след. Что мелькнуло на вспыхнувшей волне? Корабль-лилипут? И на нем крошечный усатый капитан в рыжей шубке?..

— Отец, отец!

— Что там такое? — неторопливо разматывая сети, спросил рыбак.

— Смотри! Карманный корабль на всех парусах... и на нем...

— Спи-спи. Работа на всю ночь, а ты глупости производишь.

Хороши глупости: белка верхом на фрегате! Пожалуй, раз в тысячи лет такие глупости встречаются...

* * *

Из воды у самого рыльца белки выскочил морской ерш, перелетел через фрегат и шлепнулся в воду. За ним другой ерш и еще какая-то мелкая рыба с выпученными глазами. Луна светила вовсю, точно ее натерли ртутью, а потом фосфором, а потом лаком... И морская мелочь, колючие, шершавые рыбки заплясали с обоих боков над прижавшейся к палубе оторопелой белкой. Очень уж было любопытно взглянуть на сухопутного зверька, плившего на игрушечном суденышке неизвестно куда, неизвестно зачем и неизвестно откуда...

— Дети мои, дупло мое, орешки мои,— жалобно вздохнула белка.— Море качается, небо дрожит, пол скрипит... Когда же, наконец, вспрыгну я хоть на самый маленький клочок твердой земли? Хоть бы величиной с мою пяточку...

И как чудо — из бездонной серебряной воды вырос внезапно черный скалистый откос, близорукая белка издали его не разглядела. Нос фрегата толкнулся во влажный, обвитый водорослями камень. Белка торопливо пробралась к передней мачте, вытянула рыльце, задрожала от радости и соскочила на выемку утеса у самой воды. Приехала! Куда? Утром видно будет, куда, а пока под лапками чудесная, твердая, незыблемая земля...

* * *

Неуютно спать на камне в незнакомом месте. Ночь, луна спит глаза, море глухо вздыхает и кашляет под самым носом. Повернись не так — шлепнешься в глубокую серебристо-черную воду и угодишь рыбам на ужин...

А комары? В дупло они никогда не забирались. Попищат вверху тонкими голосами и прочь улетят. Даже засыпать под их писк было в дупле приятнее, точно кто-то усы травкой щекочет. Но здесь, ночью у моря, то один, то другой душегуб вонзал тонкое жало в белкин живот, в белкины ушки, в белкин затылок... Двигаться не смей — опасно, в воздухе зубами щелкнешь — воздух и поймаешь, пришлось терпеть до рассвета. И уж такая злость белку разобрала, что, кажись, у каждого бы комара жало вырвала и ему под хвост вонзила!

Урчала белка горестно, к камню тесней прижималась и все старалась разгадать: где ее дом? Над головой, где ветер в кустах хнычет, или за краем утеса, вон там, где привязанная лодка по воде шлепает? Ничего не понять ночью... Вверху все небо в фонариках, внизу на волнах фонарики, берег в полосатых лунных складках. Ах, когда же рассвет?..

Приснилось белке, что везет она на большой парусной лодке груз кедровых орешков. Куда везет, кому везет — неизвестно. Во сне ведь иногда всякая несуразность снится, хвост из уха растет, и ничего не поделаешь, надо покоряться. Матросы на белкиной лодке — крысы, ползают по мачте вверх-вниз, а белка только командует: «Голову подбери! Животом тесней прижимайтесь... Крысы несчастные!»

И слышит под самым ухом быстро-быстро что-то застучало, точно мотоциклетка, железная тарихтелка, на которой часто мимо ее дуба рыжий человек катался. Открыла глаза: солнце! Вода голубая, сиреневая, янтарная... Знакомый светло-алый шар вылез из-за мыса. Краски льются, переливаются, танцуют. Большая моторная лодка от берега отходит, стучит. Внизу под камнем, на котором спала белка, ясная глубина, на дне седая трава плавно колышется, кудрявые морские кусты шевелятся! Вокруг по бокам и над головой рыжие скалы торчком стоят. Что за место? Почему нет леса? Где рыбацьи лодочные сараи? Куда ее, маленькую, беспомощную белку, злой ветер прибил?

И вдруг спохватилась:

— А корабль мой где?!

Нет корабля. Должно быть, ночью волной его подшлепнуло, унесло пустой в море, рыбам на смех, чайке на забаву...

С камня на камень пробралась белка подальше от опасной воды, села у входа в открытую широкую пещеру, потянула носом. Рыбкой пахнет... Не ест она рыбки, ни сырой, ни жареной. И вкуса в такой пище не понимает. Зачем это рыбаки день и ночь напролет по морю рыщут, гадость такую в сети ловят? Лучше б ореховые деревья сажали. И безопасно, и вкусно. Нет, была б она человеком, ни за что бы рыбу не ловила, поливала бы только свое ореховое дерево утром и вечером, чтобы орехи большие-большие выросли, как... арбуз.

— Ты как сюда попала? — щелкнул над головой незнакомый голос.

Белка искоса повела зрачком: сорока.

— Путешествую... Для своего удовольствия.

— На четырех лапках?

— И совсем нет. На корабле! Только я отпустила команду на берег погулять... Десять матросов, повар и корабельная собака. Кроме собаки — все белки.

— А корабль куда ты отпустила погулять? — ехидно спросила сорока.

— Корабль? Он тебе попадался?!

— Вон там за мысом кверху килем, как пустая бочка, на воде барахтается...

Белка огорченно вздохнула. Как же она теперь отсюда выберется без корабля? Не летучая же она мышь...

А может быть, ее дом недалеко где-нибудь? Сорока, наверно, знает.

— Я путешествую,—равнодушно повторила белка.—Но мне уже надоело путешествовать. И я начинаю беспокоиться... Дети одни, съедят все запасы, начнут по дубу прыгать... А охотники тут такие, что не то что в несовершеннолетнюю белку, по воробьям палят... Тебе по дороге мой дуб не попадался? Совсем я не понимаю, куда я в самом деле причалила?

— Причалила ты в самом деле к острову. Слышишь? И дуба твоего нет. И белок тут нет и вообще ничего нет. Необитаемый остров. Вот и сиди и жди свою «команду»...

— Остров? Что это такое «остров»?

— Это когда земля в середине и со всех сторон вода.

— Как же земля не потонет?

— А я почему знаю. Низ, должно быть, пробковый, вот она и плавает. Ну ты, растеряха, прощай.

Сорока насмешливо застрекотала и полетела над водой к дальнему берегу. Какая несправедливость! Почему у сороки и хвост и крылья, а у белки только один хвост? С хвостом только вниз и полетишь, а вверх как?..

* * *

Белка нашла у пещеры хлебную корочку и сгрызла. Рыбаки, верно, завтракали на берегу, не доели... Съела корочку, на задние лапки присела, темные круглые глазки вытаращила и передние лапки перед носом печально сложила. Как быть? Так и пропадать без детей, без подруг, без любимого дуба?.. В углу пещеры от тоски умереть?

Надо посмотреть, что сверху видно,—подумала белка. И по шершавым камням, по тугим веткам колючих кустов, как по лестнице, побежала в гору. На верхней лысой площадке остановилась... Горькими травами пахнет, скала желтыми зубцами к воде уходит, внизу голубенькой пеленой дрожит бескрайнее море, а сбоку, на пригорке, за площадкой белым столбом, как гриб с высокой ножкой, маяк стоит.

Девочка с серым котенком на руках сидит у двери маяка в плетеном креслице, напеваает песенку, убаюкивает котенка.

«Подойти или нет?—подумала белка.—Ружья у девочки нет, да и не поднять ей ружья... Подойду!»

И вдруг из-за креслица, потягиваясь и волоча задние лапы по земле, выполз лохматый пес неизвестной породы, вроде большой таксы, которую обклеили бараньей шерстью. Ух, какое страшилище!

Белка в ужасе метнулась за камень, котенок мигом превратился в колючую щетку, которой ламповые стекла чистят... Девочка шлепнула собаку и пошла в домик у маяка допивать козье молоко, собака обиделась на девочку, шлепнула себя лапой по носу и, точно привязанная, неохотно поплелась за девочкой.

Котенок увидел за камнем пушистый кончик беличьего хвоста, припал к земле, нацелился, поерзал хвостом и прыгнул. Что такое? Откуда такой зверь взялся?..

— Скажите, вы тоже кошка?— спросил озадаченный котенок.

— Совсем не кошка, а белка.

— Можно поиграть с вашим хвостом? Вы меня не укусите?

— Поиграй, если тебе нравится. А ты мне лучше, малыш, скажи, кто тут живет.

— Я, мама, сторож, который по вечерам красный огонь зажигает, его девочка, которая меня нянчит, и противная собака Фука... Если хотите, можете тоже жить с нами. Тогда у меня будет две мамы— серая и рыжая.

— У меня есть свои дети,— обиженно сказала белка.

Над головой белки прыгнула в воздух большая серая кошка, поймала на лету кузнечика, съела его, облизалась и вежливо поздоровалась с белкой:

— Доброе утро. Что вам угодно?

— Пожалуйста... Мы с вами почти одной породы, и я всегда очень любила кошек. Я попала на ваш остров...

— На аэроплане?

— Нет! На корабле. На маленьком детском корабле... И я уж ничего не буду выдумывать, ни матросов, ни повара у меня не было. Вы ведь умная кошка и все равно не поверите. Прибило меня сюда ветром, корабль унесло. Я в отчаянии, у меня дети! Вы тоже мама, вы должны мне помочь... Как мне попасть домой?

— Вы где живете?

— Там, откуда рыбаки приезжают... Городок есть такой— Лаванду. За лугом канавка в камышах, дальше виноградник, дальше у леса пересохший ручей, и там мой пробковый дуб.

— Лаванду? Знаю. Дайте мне подумать. Поиграйте с моим котенком, а я погреемся на солнце и подумаю.

— Можно вас за усы дернуть?— мяукнул котенок и, не дожидаясь ответа, стал подкрадываться.

— Я не очень больно дерну...

И давай на белку наскакивать, как мальчишка, который боксом увлекается и своего толстого папашу дубасит.

Белка покорно терпела, давала себя кусать и царапать, пока маленький драчун досыта не напрыгался. Взобрался котенок на камень, лег на белку и стал ее ухо лизать: очень ему новая гостья понравилась.

Большая кошка встала и потянулась.

— Дело ваше нелегкое. Я иногда сама в Лаванду катаюсь. Но мне можно, а вам нельзя.

— Почему?!

— Потому. Я прыгаю в моторную лодку к брату сторожа нашего маяка, когда он приезжает к нашему острову ловить

рыбу. Рыбаки меня любят, я очень красивая и ласковая. Наедаюсь рыбы, сколько хочу, высаживаюсь в Лаванду, гуляю по набережной, делаю визиты всем знакомым кошкам и отельным кухаркам, а потом тем же путем возвращаюсь домой. Но белка — совсем другое дело... С рыбаками постоянно ездит на ловлю грубое лягавое чудовище Мистраль. Меня он не смеет трогать, да я ему всю морду обдеру, пусть только тронет... Но вас он перекусит пополам. Гам — и готово.

— Но ведь я могу спрятаться под скамейку или залезть в старый мешок, — пискнула съежившаяся белка. — Я ведь такая маленькая.

— Она правда же, мама, маленькая! — мяукнул котенок.

— Молчи. Не твое дело. Вон там на земле картошка, поди поиграй и не мешай нам разговаривать... Нет, нет. Эти псы такие негодяи. На море в лодке столько запахов: рыба, водоросли, вино, табак, человеческий пот. Но стоит вам только пробраться в лодку, этот Мистраль только носом потянет, и вы открыты...

— А если я заберусь в другую лодку?

— На каждой лодке по собаке. Я не понимаю, какое удовольствие находят рыбаки в таком обществе, но... не будете же вы рисковать собственной шубкой, когда у вас есть материнские обязанности.

— Оставайтесь у нас, — мяукнул подкравшийся котенок. — Я буду через вас прыгать, буду вас щипать, и вы будете моя тетя...

— Замолчишь ты, наконец? Вот позову большую черную собаку, посадит она тебя в мешок и унесет! Извините, сударыня. Я с вами заболталась, нужно ведь помочь своему ближнему в несчастье. Девочка съест весь свой завтрак без меня, а я очень этого не люблю. Кис-кис, пойдём!..

Белка осталась одна. Ах, какая пустыня кругом! Ни одного дерева, ни одной белки. Черствая, болтливая кошка, глупый котенок, море со всех сторон и гладкий белый маяк, по которому даже и лазить нельзя... Надо бежать вниз. Только там, у моря, и может быть спасение.

* * *

Залив пуст. Рыбаки на рассвете убрались с добычей домой в Лаванду... К вечеру приедут другие. Но разве не все равно — приедут или не приедут. Лучше броситься в воду и утонуть, лучше пусть комары заедят, чем попасть в зубы какому-нибудь грязному Мистралю.

Пуф-пуф-пуф-пуф! — донеслось с моря из-за угла утеса. Белке сначала показалось, что это у нее сердце так колотится. Но нет. Все громче и громче гулкий стук. Крутобокая белая лодка весело показалась из-за мыса, за кормой легкой струйкой вертелась вода. Пуф-пуф-пуф... Что такое?! Белка взволнованно привстала на камне: в лодке дама, господин в шляпе и мальчик, тот самый мальчик, на корабле которого она уплыла!

Беличье сердце заколотилось быстро-быстро, а мотор замолчал, и лодка, плавно обогнув черную гряду камней, подошла к скалистому берегу и остановилась.

* * *

Белка осторожно высунула из-за камня нос. Да, конечно, тот самый мальчик. И его мама, и его папа... Это они, значит, гуляют. Люди же везде гуляют: и по земле, и по воздуху, и по морю. Пожалуй, скоро по деревьям лазить начнут, совсем сживут белок со света.

«И как это они без парусов на лодке катаются?» — подумал рыжий зверек, поглядывая на покачивающуюся перед ним корму. «Весла — еще понятно, весла — продолжение лап, опустил в воду и гребни сколько влезет. Но когда ни парусов, ни весел, кто внутри пыхтит-постукивает, лодку вперед гонит?»

Ну вот, вышли на берег. Ах, как неуклюже прыгнул мальчишкин папа! Чуть в воду не плюхнулся. Да и мама хороша... Чего пищать? Чёго лапами размахивать? Хвост вверх и прыгай! Прыгай, тебе говорят... А мальчик — молодец, не хуже белки на камень перемахнул.

Вышли. Встряхнулись, пакетиками нагрузились и полезли гуськом в гору, треща кустарниками. По морю в самопыхтящей лодке разезжать научились, а лезят — смотреть тошно... Как гусеницы по мокрой капусте!

* * *

Собаки нет. Уж если бы была, сразу было бы и видно, и слышно... Бегала бы взад и вперед от верхнего камня к хозяевам и лаяла, словно на след дикого кабана напала... А потом задними лапами землю к небу стала бы подбрасывать. Белка все собачьи повадки хорошо знала. Слава Богу, не первый сезон в лесу у дороги жила.

Собаки не было — это самое главное. Люди ушли. Белка потопталась на месте, цокнула и легче теннисного мячика перелетела в лодку.

Подумайте только, всю провизию с собой унесли. Всю до крошки! Только картуз с маслинами да спички на скамейке забыли. Но зачем же белке маслины и спички?

Распластав хвост веничком, она юркнула вниз. Банки какие-то. Скверно пахнут. От автомобилей всегда такой запах... Внизу, посреди лодки, какая-то блестящая штука с масляными лапками и трубочками. Больше ничего и нет. Кто же пыхтит? Кто же везет? Быть может, у них в лодке под водой большой морской ерш привязан? Потыкают ему зонтиком в спину, а он рассердится, запыхтит и бросится вперед, как собака на цепи... А лодка за ним. Нет, под носом в воде ничего не видно. Должно быть, забрался под киль и отдыхает.

Под газетой на корме белка наткнулась на странную штуку. Свернувшись клубком, лежал диковинный зверек: острая темная головка, оскаленная пасть... «Ты, ты! Попробуй укусить, я тебя за переносицу так и цапну!..» Но зверек лежал неподвижно. О! Да у него под спиной ничего нет! Ни живота, ни лапок. Стеклообразные глазки... И весь он снизу подшит малиновой шелковой дорожкой.

Да, да... Белка вспомнила: человеческие мамы ведь своего меха не имеют и часто кутаются в чужие шкурки... Ах, как это бессовестно! Одна двуногая мама,—белка сама видела,—даже надела на себя двойную шкурку, снаружи какой-то темный зверек, а внутри вся подкладка... из белок! Злодейка какая...

Белка ползком облазила-обнюхала всю лодку. Чудесный случай! Семейство это погуляет, поест и, конечно, к вечеру вернется в Лаванду. Чего же лучше? Но куда спрятаться? Чтоб не попасться им в лапы, чтоб ей не вставили стеклянные глазки и не подшили живот малиновым шелком...

В шкафике у носа лежали старые тряпки. Белка протиснулась как можно глубже, завернулась в них и устало закрыла глаза. Ух, как воняет от этих тряпок тухлым маслом и автомобильной отрыжкой! Но что же делать... Нечего было на чужие корабли сдуру шлепаться. Надо уж как-нибудь ради своих детей и свободного, привольного житья дотерпеть. Тихонько пискнула, свернулась в муфточку, хвостом накрылась и задремала.

* * *

Бух! Бух-бух!! Бу-бу-бух!!!

Белка встрепенулась. В лодку прыгнул мальчик, потом его папа, потом тяжелая мама. По звуку слышно.

Голоса довольные, смеются... Конечно, кто поел, отчего ж ему не смеяться. Белки тоже, когда сыты, смеяться они не умеют,—а как угорелые гоняются друг за дружкой, скатываются и перелетают с ветки на ветку. Это тоже вроде смеха...

Уселись. Тах-тах-тах-тах-тах — зафыркал мотор, да так быстро, точно конь, который с места в карьер понес... Но остепенился и стал строчить плавно и четко. Похлестывая по крутым бокам, зашипела волна. Белка потянула носом: ох, как тряпки нехорошо пахнут! А что, если чуть-чуть высунуть рыльце на свежий воздух?

И высунула. Совсем близко от нее сидел мальчик и рылся в кармане. Мама его на корме папину палку от скуки в воде полоскала. А папа стоял посередине, в маленькой норке, и что-то покручивал...

Что же это, однако, мальчик из кармана вытащил? Грызет! Шелуху в море бросает, ветер ее вбок относит... Китайские орешки!

И точно кто белку на веревочке потянул: вылезла из тряпок, шаг за шагом по дну лодки к ногам мальчика подобралась... Мальчик половину орешка случайно не доел, на пол она упала.

Белка за орешек, ничего не видит, ничего не слышит, села на задние лапки и лущит, только кисточки на ушах трясутся.

Посмотрел мальчик невзначай себе под ноги, увидал пушистую зверюшку, да как крикнет на весь залив:

— Ма-ма! Белка!!

Белка так и взвилась. Хорошо, что через край лодки не перелетела. Сидит на скамье, против мальчика, дрожит, а в голове все перепуталось: и китайские орешки, и стеклянные глазки, которые ей теперь вставят, и вода кругом, и чужие папа с мамой, которые не меньше ее ошеломлены, но ни стрелять, ни резать как-нибудь ее не собираются.

А уж мальчик так, чудак, и заливается:

— Мамочка! Это она к нам с острова забралась? Да? Это теперь будет мой самый лучший друг... Да? И она будет спать со мной всю жизнь! Ты позволишь, правда?

И высыпал на скамейку перед белкой все свои орешки, все до последнего.

Видит белка, что не так уж дела ее плохи. Мальчик спать с ней собирается, орешков дал, мама его сквозь лорнетку на нее смотрит, ахает и любит, папа пальцами пощелкивает — «фить, фить!» — точно белка собачонка какая-нибудь.

Сидит зверек на задних лапках, как флюгер, вертится, ветру спину подставляет, хвостом прикрывается и щелкает один за другим легкие китайские орешки. Обернулась назад: остров расплылся в сизом морском молоке, кустов уж не различишь, желтые скалы в ковер слились... Посмотрел вперед: берега еще не видно, ровная светлая зыбь до края неба уходит, но слева показался знакомый мыс, рыбацьи сараи, розовый дом на холме... Цвик!

* * *

Вы, конечно, поймете, что мальчик только тогда успокоился, когда удалось ему белку на руку взять. И добиться этого в лодке было не так уж трудно.

Сначала мальчик сел поодаль на ту же скамью, на которой белка свои орешки щелкала. Потом, хитрец, сантиметр за сантиметром стал придвигаться все ближе и ближе. И вдруг очутился рядом. И застыл. Белка тоже застыла. Уронила орешек, повела носом: ничего, симпатичный мальчик, дыней от него пахнет, сидит он спокойно-преспокойно и смотрит совсем не на белку, а на маяк.

И вот маленькая человеческая рука впервые, вы понимаете, впервые прикоснулась к легкой пушистой грудке дикого зверька. Вздрагнули оба... По правде сказать, и мальчик, и белка не очень-то доверяли друг другу: белка ведь могла вцепиться зубами в детские пальцы, а детские пальцы могли задушить белку... Ни мальчик, ни зверек совсем ведь не знали друг друга.

Отступать было некуда. В воду, что ли, прыгать? Или на его папу? Или на его маму? Нет уж, пусть лучше погладит.

Но какой же мальчик на этом остановится? Гладил, гладил и вдруг осторожно взял рыжего малыша в ладони, поднял и прижал к курточке.

— Ай! — вскрикнула мама.

— Смотри, она тебя цапнет... — встревоженно сказал отец.

— Ничуть не цапнет. Это ж не какой-нибудь шакал или гиена. Она моя ручная белка, и я ее уже укротил... Вот! Видите, как она в шарик свернулась? Я ее научу есть за столом с тарелки все, что я ем: бананы, жареную картошку, все. Ты, мама, пожалуйста, сшей для нее маленькую салфетку с буквой Л...

— Почему с «Л»?

— Потому что она будет называться «Лиза».

— И ночную рубашечку тоже ей сшить?

— Что ж ты смеешься? Сшей. А осенью мы поедем в Париж, и я буду гулять с моей белкой по Булонскому лесу. Водят же кошек на цепочке, почему же белок нельзя?..

Белка теплым комочком лежала на ладонях мальчика, задрав скрюченные лапки кверху. Лежала, как загипнотизированная курица, и слушала. А сама все косилась на море... Вот и Лаванду: все ближе мол, разноцветные дома, в синих сумерках оранжевой цепочкой загорелись на набережной фонари. Плик-плик! Косой дождик забулькал на потускневшей воде. Болтай, мальчик, болтай...

* * *

Вышли на берег. Впереди пошел мальчик, укрыл под плащом свое сокровище от дождя, бережно нес маленькую ношу в теплых ладонях. То-то в пансионе удивит он всех! Родители шли сзади и все удивлялись, как быстро их мальчик лесного зверька приручил. Белка притихла, не шевелилась, слушала, как ровно стучит мальчишкино сердце, и думала свое.

И когда поравнялся мальчик с шумящими камышами за каменным мостиком, когда открылся потемневший луг, а за ним вдаль поднял курчавую голову пробковый дуб у пересохшего ручья — точно пушистая пружинка развернулась в руках мальчика, мелькнула в воздухе и исчезла во мгле...

— Ма-ма!

Мама подбежала, посмотрела на раскрытые, пустые ладони и все поняла.

— Не плачь, не плачь... Помнишь, кораблик твой пропал? Быть может, белка на остров на нем съездила, потерпела крушение... Мы ее домой привезли, и она к своим детям теперь умчалась, в свое гнездо.

И не знала она, утешая своего мальчика, что рассказала про белку сухую правду.

<1926>

Посмотреть со стороны — ничего не поймешь. Вокруг низкого круглого барьера стоят низкорослые итальянские солдатики и покатываются со смеха. Наклоняются над барьером, хлопают в ладоши и свистят. Что их там так забавляет?

Подойдешь поближе и сам рассмеешься. Барьер окружает веселое обезьянье царство — дикое, длиннохвостое племя прыгает и носится по крутой горке. То одна, то другая мартышка стремглав скатится в сухой ров, отделяющий их жилье от зоологического сада...

Ах, как они взволнованы! Когда их дразнят дети, обезьяны не очень на это обижаются. Человеческий ребенок в их глазах тоже вроде обезьянки в шляпе. Погримасничает, попищит, а потом успокоится. И часто что-нибудь вкусное бросит.

А солдаты дразнят их по команде: обступят со всех сторон барьер, надут щеки и начнут себя кулаками по щекам щелкать: пуф-пуф-пуф! Невозможно выдержать!..

Большие серьезные бабуины свергаются с трапеций по обглоданным стволам на горку, потрясают кулаками и кричат солдатам на никому не понятном языке:

— Цвик! Цим-цири-цвинк!! Цви-ци-ци-силь!..

Должно быть, это самые грубые обезьяньи ругательства.

Мартышки, похожие на маленьких взволнованных чертей, выглядывают из двух игрушечных домиков на горке, один называется «Война», другой «Мир». Пищат, бросают в солдат шелуху от бананов... Лапы слабые, шелуха легкая, напрасный труд, не долетит. Под трапециями у круглого прудка суетится какая-то обезьянка-мама с детенышем, прицепившимся к мохнатому брюшку. Солдаты потешаются, прохожие, степенные римляне, останавливаются и смеются. В самом деле, в каком кинематографе увидишь такую забавную штуку?

Однако судьба иногда и за обезьян вступается. С солдатика Паоло, самого шумного и надоедливого (толкнул ли его плечом сосед, или он сам, перегнувшись над барьером, невзначай дернул головой) слетела в ров фуражка.

Притаившийся у пруда старый бабуин через головы мартышек в три прыжка слетел вниз и схватил фуражку в зубы... Как ни бранился Паоло, как ни кричали солдаты, четвероногий акробат под дружный хохот собравшихся вокруг зевак влез, радостно попискивая, на вершину сухого ствола, забрался на проволочную трапецию и медленно прошелся до другого ее конца, злорадно тряся в зубах ненавистную фуражку.

Бедный Паоло! Обезьяны — их много, да на то они и обезьяны, чтоб над ними и смеяться. Но, когда на глазах у всех вся рота, все его приятели и все незнакомые прохожие, и дамы, и дети стали потешаться над Паоло, очень ему это не понравилось.

И что досадней всего, все обезьянье население с ума от радости походило: прыгают, смотрят вверх на фуражку, показывают на Паоло, скалят зубы...

Солдат побледнел, схватил камень, метнул в бабуина — и промахнулся. Нагнулся снова за камнем, но кругом стали кричать:

— Нельзя, нельзя! А если ты его ранишь или убьешь? Сам виноват, зачем дразнил?

Вот тебе раз. Подарить казенную фуражку обезьяне?! Все дразнили, разве он один дразнил? Что же он должен смотреть, как это чучело качается на трапедии и натягивает на свою взъерошенную голову его фуражку?.. Ах, дьявол! Вывернул подкладку, вниз полетело все солдатское имущество: лотерейные билеты, почтовые марки, листик почтовой бумаги. А хитрые твари внизу подхватили вертящиеся бумажонки и вмиг разодрали их в клочки.

Паоло перекинул ногу через барьер, посмотрел на трапедию... Нет! Эдак ничего, кроме пушного сраму, не выйдет. Когда у тебя четыре лапы, да пятый хвост — легко быть акробатом... Тут надо умом взять!

Он вдруг соскочил наземь, кликнул двух своих приятелей и, к великому недоумению обрадовавшихся было веселому представлению зевак, побежал куда-то сквозь кусты, яростно размахивая руками. За ним — его земляки.

* * *

Через несколько минут, тяжело дыша, как загнанные буйволы, вернулись все трое. Один солдат нес под мышкой, весело ухмыляясь, дыню, другой — смотанную кругами веревку, а сам Паоло — большое ведро. Где достали? Не все ли равно... Солдат из-под земли достанет все, что ему нужно.

Может быть, вы и догадались, зачем эти припасы понадобились, но ни столпившаяся вокруг обезьяньего острова толпа, ни притихшие обезьяны не сразу раскусили, в чем дело.

Паоло перекинул через барьер ноги, повис на руках и легко спрыгнул в ров. Кувыркавшиеся внизу мартышки кубарем взлетели на горку:

— Цвик-цик! Солдат спрыгнул в ров! Спасайтесь...

Кто забился в «Войну», кто в «Мир», только дрожащие хвосты кое-где наружу торчали. Обезьяна-мама с ребенком на брюшке с жалобным писком полезла на дерево... Какая-то глупая обезьяна влезла головой в бочку, задние лапы и хвост торчали наружу, но ей казалось, что она очень хорошо спряталась.

Только бабуин вверху на трапедии со спокойным любопытством посматривал на всю эту суматоху, как ни в чем не бывало сбрасывая на голову Паоло кусочки картонного ободка из фуражки. Наплевать ему на солдат! Солдаты внизу, а он почти у самого неба. Достань-ка!

А Паоло, не теряя времени, мастерил под голым стволом свою снасть. Вынул из ведра камень, привязал его к одному концу веревки, а другой конец прикрепил к ручке ведра и положил в ведро дыню...

Солдаты и зеваки вокруг барьера зашумели и захлопали в ладоши. Слава Богу, поняли наконец!

Но Паоло и головы не повернул. Еще раз перетянул камень веревкой, размахнулся... Раз! Камень с веревкой перелетел через проволочную трапецию и стал медленно опускаться прямо в руки солдату. Паоло осторожно стал подтягивать ведро с дыней, задрав кверху круглую голову. Ладно! Посмотрим теперь, кто над кем посмеется!..

Любопытней обезьяны нет зверя на свете. Да и кто против такой штуки устоит? Когда к вам вверх медленно подбирается ведро, а в ведре... ароматная дыня, разве усидишь спокойно на месте? Шапка в зубах мешает, бросить ее разве? Жаль — ведь не каждый день такую игрушку раздобудешь... Бабуин стал взволнованно приседать, но когда ведро подплыло к его ногам, не выдержал, разжал зубы — фуражка вниз, а он головой в ведро и обеими лапами за дыню. О! Что же это такое?!

Ведро, толчок за толчком, вдруг стало быстро опускаться. Обезьяна в ужасе высунула голову: внизу солдат, в руках у него веревка, а глаза горят, ух, как горят...

— Цвик-цик!.. Караул!..

И дыня не в радость. Мартышки из всех углов в ужасе смотрят, цокают... Заметался бабуин, завизжал на весь сад, словно на горячий сургуч сел, и вдруг над самой головой солдата взвился в воздух вбок из ведра... Не рассчитал прыжка, угодил в прудок, плашмя животом шлепнулся о грязную воду, окатил Паоло с головы до макушки и дернул опять на дерево. Спасся!..

Вот хохот-то кругом поднялся. Сам Паоло фуражкой с бурых штанов брызги оттирал, зол был, как черт, — и тот не выдержал и рассмеялся.

Бросил он через барьер конец веревки. Вытащили его солдаты-приятели со всем добром — с ведром и с дыней... И, весело подтрунивая над Паоло, пошла вся компания беглым солдатским шагом к слонам.

Что ж, обезьяну-то все-таки он перехитрил: фуражку добыл, дыня у него осталась... а грязь на горячем римском солнце просохнет, сама отвалится.

<1926>

ГОЛУБИНЫЕ БАШМАКИ

Было это в Одессе, в далекие дни моего детства.

Младший брат мой Володя, несмотря на свои шесть с половиной лет, был необычайно серьезный мальчик.

По целым дням он все что-то такое мастерил, изобретал, придумывал.

Пальцы у него были всегда липкие, курточка в бурых кляксах, от волос пахло нафталином, а в карманах от мелкой дробы до сломанного пробочника можно было найти такие вещи, какие ни у одного старьевщика не разыщешь.

Даже искусственный глаз нашел где-то на улице и никогда с ним не расставался: натирал его о штанишки и все пробовал, какие предметы будут к глазу притягиваться.

Изобретает — и все, бывало, что-нибудь жует в это время: хлеб с повидлом, резинку либо копченую колбасную веревочку.

Кто знает, может быть, Эдисон тоже, когда был мальчиком и производил свои первые опыты, жевал жвачку, чтобы облегчить сложную работу своих мозгов.

К несчастью для себя, Володя изобретал все такие вещи, которые до него давно уже были изобретены и всем надоели.

То делал из серы, зубного порошка и вазелина непромокаемый порох.

То приготовлял из ягод шелковичного дерева чернила: давил ягоды в чашке, встряхивал, переливал сок в пузырек, перемазывал нос, обои и руки до самых локтей.

А потом приходила бабушка, шелковичные чернила выливали в раковину, щелкала Володю медным наперстком по голове и брюзжала: «Это не мальчик, а химический завод какой-то! Готовые чернила стоят в лавочке три копейки, а ты знаешь, сколько новые обои стоят?.. Шмаровоз!»

Володя не обижался, к наперстку он привык, а «шмаровоз» даже и не ругательство, а так, чепуха какая-то.

Уходил в кухню, выедал там из сырых вареников вишни и вырезал на пробках, приготовленных для укупорки кваса, печатные буквы. Точно книгопечатание не было и без него изобретено.

Особенно любил он совершенствовать разные ловушки.

То в мышеловку привязывал на проволоке сразу три приманки, чтоб по три мыши оптом ловить — для экономии.

Но проволочка зажимала защелку, мыши приходили, наедались и до того полнели, что даже щель в углу под комодом пришлось им прогрызть пошире: не влезали.

То липкую бумагу для мух смазывал медом и до того густо посыпал сахарным песком, что мухи паслись-паслись, а потом безнаказанно выбирались через все липкие места по сахарным крупинкам на свободу и на всех зеркалах и стеклах клейкие следы оставляли.

А больше всего, помню, возился он с силками для голубей.

Обыкновенные силки дело не хитрое: мальчишки, перебегаая через улицу, вырывали из лошадиных хвостов волосы, надо было только не попадаться на глаза ломовым — «биндюжникам», а то и собственных волос лишишься; потом они плели леску, делали

петли — вправо и влево поочередно, прикрепляли силки к кольшику и засыпали зерном... Голубь ходит, урчит, разгребает лапками зерна, пока ножку в петле не завязит. Вот и вся штука.

Но Володе этого было мало.

От каждой петли он еще проводил с нашего двора к своему окошку нитку.

И привязывал каждую нитку к колокольчику на гибкой камышинке над столом.

Чтобы, пока он у стола другим делом занят (мастерит сургуч из стеарина и бабушкиной пудры), каждый попавшийся голубь ему со двора сигнализацию подавал.

Конечно, и голуби, и соседний петух, и даже мелкие нахаль-воробьи все зерно съедали, а колокольчики хоть и звонили, да впустую: все петли, благодаря Володиному усовершенствованию, вместо того чтобы стягиваться, только растягивались.

Так у нас немало провизии тогда зря пропадало — на мышей, да на мух, да на птичье угощение.

А если посчитать, сколько сам Володя во время своих опытов глотал: то повидло, то гусиных шкварок, то, право, можно было на эти деньги не то что голубя, живого страуса из Африки выписать.

* * *

Однажды утром, когда дед собрался в гавань в свой угольный склад по делам, Володя пристал, чтобы дед и его с собой взял.

Слышал он от приказчика, что там, на угольном складе, тьма голубей: слетаются лошадиный корм клевать, пока телеги углем грузят.

Дед согласился, что ты поделаешь, когда упрямый мальчик по пятам за тобой ходит из спальни в столовую, из столовой в переднюю и все клянчит...

Надел Володя новые желтые башмаки, захватил с собой силки и обещал к вечеру весь чердак голубями заселить.

А я остался дома, потому что, когда в первый раз сказки Андерсена читаешь, никакая гавань, никакие голуби на свете тебя не соблазнят.

Часа через три я очнулся: на кухне с треском хлопнула о пол тарелка, и кухарка с таким изумлением вскрикнула «ах ты, Боже мой!», точно крыса в котел с супом вскочила.

Прибежала бабушка и тоже ахнула: на пороге кухни стоял с носками в руке, широко расставив босые ноги, голубиный охотник...

Стоял перед бабушкой, как раскаявшийся беглый каторжник, и тихо ревел, утирая носком неудержимо катившиеся по пухлым щекам слезы.

— Где башмаки?!

— Жу... Жулик унес...

— Какой жулик?! Кто посмеет в Одессе с живого мальчика башмаки снимать? Чучело ты несчастное!

— Я не чу-че-ло... Я сам... снял... За что ты меня мучаешь?

И стал реветь все громче и громче. Так громко, что ни одного слова нельзя было разобрать.

Только пузыри изо рта выскакивали.

А потом, когда немного успокоился, вспомнил, что у него есть самолюбие, уперся — и ни одного слова больше ни бабушка, ни кухарка из него не вытянули.

Тогда я увел его в детскую, угостил финиками, которыми я в то утро чтение андерсеновских страниц подсахаривал, и упросил по дружбе рассказать, что такое случилось с ним в гавани.

Володя разжал второй кулак, положил в карман кусок канифоли, взял с меня слово, что я не буду над ним смеяться, и все мне рассказал.

* * *

Голубей на угольном складе не оказалось.

Приказчик Миша объяснил Володе, что «биндюжники» только после обеда приедут, а пока все голуби в гавань улетели подбирать пшеницу, которую на заграничный пароход грузили.

Дедушка ушел в свою контору.

Володя повертелся и решил, что такого случая упускать не следует: гавань в двух шагах, когда еще сюда попадешь?

Скользнул за ворота, прошел под эстакадой, и действительно — голубей на набережной туча...

Прямо живая перина на камнях шевелилась!

Отошел он в сторонку, выбрал среди груды ящиков укромное местечко и пристроил свои снасти. Засыпал их сплошь пшеницей, притаился за ящиком и застыл.

А голуби по краям пшеничной дорожки ходят, лениво лапами разгребают, никакого им дела до Володиной ловушки нет. Вся набережная в зернах, ешь, не хочу...

Володя ждал-ждал... Грузчики стали на обед расходиться.

Совсем он разочаровался, хотел было и силки свои смотать. Видит, стоит в стороне симпатичный босяк и на него смотрит.

Подошел поближе, сел наземь, взрезал арбуз и ломтик Володе дал.

А потом разговорился, посмотрел на Володины силки и зашвыстал. Кто же так голубей ловит? Это способ устарелый!..

Конечно, Володя зашевелился, какие такие еще способы есть? Босяк подумал, спросил брата, один ли он тут.

Узнал, что дедушка в конторе за эстакадой, и свой секрет Володе с глазу на глаз открыл: надо в небольшие детские башмаки, лучше всего в желтые — этот цвет голуби обожают —

насыпать зерна. Голубь в башмак голову сунет и наестся до того, что зоб у него колбасой распухнет, так в башмаке и застрянет.

Тут его и бери голыми руками. Хочешь, говорит, попробуем... Твои башмаки в самый раз подходящие.

Володя разулся, доверчив он был, как божья коровка, да и новый способ заинтересовал.

Босяк сунул башмаки под мышку, хлопнул по ним ладонью и ушел за ящик, приказав брату сидеть тихо-тихо, пока он ему не свистнет...

Он так и просидел с полчаса. А потом ноги затекли, и стали его черные мысли мучить.

Вскочил он, бросился за ящик.

Туда-сюда: ни босяка, ни башмаков. Только голуби под ногами переваливаются-урчат... Возьми голой рукой.

И вот так, всхлипывая,— к дедушке в склад он и носа показать не решился,— босой, через весь город, с носками в руке, добрался он домой на Греческую улицу...

Помню очень хорошо: прослушал я Володи́н рассказ серьезно-пресерьезно, ведь дал слово...

Но когда он под конец стал свои босые пальцы рассматривать и опять захныкал, я не выдержал: убежал в переднюю, сунул нос в дедушкино пальто и до того хохотал, что у меня пуговица на курточке отскочила.

За обедом я на бедного Володю и глаз не поднимал. Вспомню, что голуби «желтый цвет обожают», так суп у меня в горле и заклокочет... Бабушка, помню, даже обиделась:

— Был в доме один сумасшедший, а теперь и второй завелся. Поди-поди из-за стола, если не умеешь сидеть прилично!

Обрадовался я страшно, выскочил пулей и весь порог супом забрызгал.

Потому что, когда тебя смех на части разрывает, в такую минуту и капли супа не проглотить.

< Не позже 1932 >

РАЗГОВОР НА ПОЛКЕ В КУКОЛЬНОЙ КЛИНИКЕ

1

1-я кукла. У вас что такое, голубушка? Что-нибудь внутреннее?

2-я кукла. У меня наружное: глаза не закрываются. Ужасно неудобно! Всю ночь напролет я не смыкаю глаз и...

Паяц с оторванной ногой.— «Напролет, напролет...» И все врет! Лысая ты, прическа отклеилась, нечего на глаза сваливать.

2-я кукла. Хулиган! Мопса домашнего дразнил, а мопс ему ногу оторвал и неизвестно куда засунул... Здешний хозяин гово-

рит, что тебя и чинить не стоит, матерьяла на тебя жалко... Это я лысая?!

Па яц. А ну встань...

1-я кукла. Ну зачем вы с ним спорите? Эти мальчишки пренесносные создания... Брат моей Нелли, которая меня любит больше, чем свою бабушку... Нагните-ка ко мне, пожалуйста, ушко... Представьте себе, распорол мне живот, высыпал все опилки и посадил туда... живую мышь!

2-я кукла. Ай! Как же вы могли выдержать?!

1-я кукла. Я и не выдержала... Ужасно щекотно! Упала с дивана на пол... Голова треснула, живот пустой, можете себе представить, в каком меня виде сюда привезли. Да еще дождь шел, едва автомобиль нашли.

Па яц. Автомобиль! В метро во втором классе привезли, знаем мы вас. Вы бы, чем зря болтать, муху у меня с глаза согнали, руки у меня вывихнуты, сам не могу...

1-я кукла. На-хал!

2-я кукла. Да ты понимаешь ли, с кем ты имеешь честь лежать рядом?

Па яц. Хо! Честь... Опилки да пакля. Я хоть ватой набит и то не ломаюсь. Одна лысая, другая без живота... Общество!

1-я кукла. Давайте ваше ухо... Вы слышите? Подтолкните его слева, а я... справа.

2-я кукла. Толкнула!

1-я кукла. И я толкнула!

2-я кукла. Еще толкнула!..

1-я кукла. И я... еще... толкнула!

Па яц (*слетает с полки на пол*).— Уй-юй! Сбросили!.. Хозяин!.. А вот и наплевать, на полу еще лучше. И я мягкий, ничуть не разбился. Ага!

II

Мишка. Не понимаю. Была у меня ниже спинки бархатная зеленая заплатка. Пусть бы и была. Нет, принесли сюда, чтоб меня настоящим плюшевым бобриком подшить.

Ослик. И очень хорошо! Будешь со всех сторон красавец. А вот мне, Миша, совсем плохо... Все на меня мальчик верхом садился. Толстяк мальчик! Уж я крепился, крепился, пока все четыре ноги не подломились. Не знаю, как они меня тут и починят.

Мишка. Починят, не бойся. По железному пруту тебе в каждую ногу вставят. Не принцесса же ты гуттаперчевая.

Ослик. Что ты! У нас квартира сырая, прутыки проржавеют, и я ноги протяну... И-а, и-а, и-а!..

Мишка. Ну, чего орешь, ведь еще не вставили... А я вот ничего не боюсь. Хозяйская тетя раз по ошибке в кресле на меня села—ничего. Весит-то она, пожалуй, побольше, чем тот шкаф

в углу. И в ванне меня девочка мыла и уксусом чистила и на плиту меня потом сажала. Никаких тебе ревматизмов. Вот только зеленая заплаточка ниже спины немножко вылиняла.

Ослик. Знаю, знаю. Никакого у тебя, Миша, сердца нет. Чем меня утешить, ты все о своей заплатке да о своем здоровье. Даже неприлично это — таким здоровым быть!

Замшевый гусь. Га-га-га! Пора бы, кажется, и помолчать, два часа ночи. То есть, до чего мне эти домашние животные надоели! Га! И разговор какой необразованный: как на него сели, да как его мыли... Не желаю больше слушать!

Мишка (робко). Скажите, пожалуйста, вы лебедь?

Гусь. Га... Вроде.

Мишка. Ну так извините. Мы сейчас заснем. Ослик, знаете, очень беспокоится: ноги ему починят, мальчик опять на него верхом сядет... Конца этому не будет. На вас никогда мальчики не садились?

Гусь. На глупые вопросы не обязан отвечать.

Ослик. Глупые вопросы? Лягнул бы я тебя по затылку копытом, да счастье твое, копыта не действуют. Подвинься, Миша, ко мне. Совсем он не лебедь, а самый настоящий гусь. Его на Рождество с кашей съедят...

III

Резиновый негритенок. Настенька!

Русская кукла. Чего тебе?

Негритенок. Обменяй мне свои бусы...

Рус. кукла. На что ж менять? Ты ведь совсем голый.

Негритенок. На свистульку в животе.

Рус. кукла. На испорченную свистульку? Хитрый какой!

Негритенок. Ну хочешь, я на тебе женюсь, а в приданое возьму бусы. У тебя ведь затылок подклеенный. Кто тебя подклеенную возьмет.

Рус. кукла. Ах ты, клякса губастая! Да у меня жених в Саратове, Ванька-Встанька, русский... Румяный, беленький, золотые пуговики, голова огурчиком.

Негритенок. В Саратове? Это в какой же части света?

Рус. кукла. Совсем не в части света. Это в России. На Волге. Река такая... боль-шу-щая!

Негритенок. Пальмы на берегу есть?

Рус. кукла. Нету.

Негритенок. Крокодилы есть?

Рус. кукла. Нету.

Негритенок. Так что же в твоей реке хорошего?

Рус. кукла. Глупая ты вакса! А разлив? А синяя даль? А кудрявые рощицы на холмах? А заливные луга?

Негритенок. Кактусы есть?

Рус. кукла. Очень там нужны твои кактусы! Молчи, трубочист, не хочу с тобой разговаривать.

Негритенок. Странная девочка. Ведь совсем другого цвета, и характер сердитый, а очень мне нравится. Спать не могу — все о ней думаю... Настенька! Послушай-ка, твой жених, Ванька-Встанька, умней меня?

Рус. кукла. Во сто раз.

Негритенок. Красивей меня?

Рус. кукла. В тысячу раз!

Негритенок. Ишь ты... Есть у него на руках и на ногах браслеты?

Рус. кукла (*сконфуженно*). — Нету. У него, не фыркай, пожалуйста, ручек и ножек... совсем нету. Сверху голова, снизу животик. Как яичко. Покачается и застынет. Чего же ты смеешься?

Негритенок. Ха-ха-ха-ха! Хо-хо-хо-хо! Хи-хи-хи-хи! Жених! Как яичко! Уж лучше тогда просто за дубовое кресло замуж выйти. У него, по крайней мере, ручки и ножки есть. Посидеть на нем можно...

Рус. кукла (*всхлипывает*). Эфиопская мурзилка! Зачем ты меня ра-зо-ча-ро-вы-ва-ешь?..

Негритенок. Ну, пошла сырость разводиться... Ай, кто меня в бок толкнул? Кто меня по лбу хлопнул? Кто на мой живот навалился?!

Мишка (*рычит*). Я! Ты зачем нашу русскую куклу обижаешь? Шлеп, шлеп! Ты зачем в чужие дела вмешиваешься? Шлеп, шлеп! Счастье твое, что ты резиновый, а то бы я не так тебе бока намял... Будешь еще?

Негритенок. Не буду. Слезь только с меня, пожалуйста, а то мне вздохнуть нечем.

Мишка (*слез*). Пикни-ка у меня теперь...

Негритенок (*быстро карабкается по веревочке на верхнюю полку*). А вот и пикну! Мишка-Мишка, кочерыжка, русская кукла — лохматые букли... Ванька-Встанька, где твоя нянька? У Волги гуляет, ножки собирает... Ванька-Встанька...

Мишка. Слышишь — ты... Перестань-ка!

Негритенок. Достань-ка меня, достань-ка!..

IV

Маркиза. Боже мой! Куда я попала? Негритенок, мишка, Настенька какая-то в бусах... Что за общество! Что за выражения?.. Уж если меня отправили в кукольную санаторию, должны были отвести мне отдельную полку. Я ведь не какая-нибудь набитая ватой кошка для втыкания булавок... Что? Кто здесь? Кто рядом со мной вздохнул?

Матрос. Это я. Матрос Поль. Только, извините меня, сударыня, я не вздохнул, а чихнул. Очень уж от мишки нафталином пахнет.

Мишка (*обиженно*). И неправда. Я лежал в коробке с розовыми лепестками, а нафталин был в шубе рядом.

Маркиза. Пожалуйста, не распространяйтесь. Медведь!

Мишка. Что ж такое, я и не скрываю. Медведь и есть. У каждого своя карьера.

Матрос. Цыц! Дама не с тобой разговаривает. Я, сударыня, матрос. С корабля «Поплавок». Не обращайтесь на это мохнатое чучело внимания. К вашим услугам.

Маркиза. Матрос? Но вы так чудесно одеты... И даже в лакированных туфельках. Быть может, вы были в маскараде и не успели переодеться? Быть может, вы природный маркиз?

Матрос. Нет, сударыня, должен вас огорчить. Я самый натуральный матрос.

Маркиза. Да? Ну что ж, бывают и матросы симпатичные... Развлеките меня. Здесь так скучно и так нестерпимо пахнет клеем и нефтя... нефтя...

Матрос. ...лином.

Маркиза. Вы очень любезны. Развлеките меня. Расскажите что-нибудь о ваших кругосветных плаваниях.

Матрос. Есть!

Маркиза. Что значит «есть»?

Матрос. Это, сударыня, на матросском языке значит: будет исполнено сию минуту. Кругосветное плавание я совершал дважды. В бассейне Люксембургского сада на резиновом жирафе, к которому меня привязала моя хозяйка, девочка Нелли...

Маркиза. Ах, как это неудобно!

Матрос. Ничего. На то я и игрушка. Только в меня мальчик камушком бросил, мы и перевернулись: жираф вверху очутился, а я под водой.

Маркиза (взволнованно). И что же?

Матрос. А то, что костюмчик мой весь в сине-голубую зебру превратился. Слиял. Второй раз кругосветно плавал в ванне. Нелли меня всегда в жестяной тазик сажала, чтобы ей веселей было купаться.

Мишка. О! У всех девочек одна и та же манера.

Матрос. И вот, когда бабушка ей как-то губкой пятку мыла, Нелли не выдержала,— щекотно ведь ужасно!— брыкнула ногой и угодила снизу в тазик... Я взвился из таза, как испуганная курица над забором, и полетел вниз головой в мыльную ванну. Все забрызгал! Пол, потолок, стены, окно, дверь, зеркальце, бабушку... Сразу набух и пошел ко дну, как ключ.

Маркиза. Почему как ключ?

Матрос. Так говорится. Плакала Нелли, плакала, прямо вода в ванне на три сантиметра поднялась... Обсушили меня и сюда привезли. Видите, теперь у меня туфельки новые, костюмчик новый, носик новый приклеили, старый размок... А у вас, сударыня, что такое, осмелюсь спросить?

Маркиза. Вам что за дело?!

Негритенок (с верхней полки). Кринолин у нее по всем швам лопнул.

Мишка. И крысы талию прогрызли. Я сам видел.

Маркиза. Ах! (Падает в обморок.)

Матрос. Вот так кораблекрушение... Никогда я маркиз в чувство не приводил, что ж теперь делать? Су-да-ры-ня! В верхнем этаже пожар! Не слышит.

Негритенок (пищит). Сударыня! В нижнем этаже разбойники кукольного мастера грабят! Не слышит.

Мишка (рычит). Сударыня! В балконную дверь мой дядя, белый медведь, лезет. У-у! Не слышит.

Русская кукла (шепотом). Су-да-ры-ня! На ваш парик мошь села... Ага... очнулась! Уж я знаю, что сказать.

<1926>

КОТ НА ВЕЛОСИПЕДЕ

Кот был отличный: черная, пушистая, отливающая глянец шубка, белые заливчатские усы, на всех четырех лапках белые манжетки, глаза цвета морской воды, выражение независимое и даже гордое. Поселился он у самого моря среди рыбаков, потому что там, где рыбаки, там всегда и рыбки головки, и рыбки внутренности... а вкуснее рыбьих внутренностей, как известно, ничего на свете нет. Только глупые люди, когда чистят рыбу, выбрасывают кишки и печенки вон. Тем лучше для котов!

Никакого жилья коту не нужно было. Днем на опушке леса около прохожих покрутится (прохожие чуть присядут, сейчас же едят) или в помойках около сараев для лодок роется — рыбаки жили роскошно, у каждого сарая была своя помойка; ночью... впрочем, о ночной кошачьей жизни даже Брему не все известно...

И вдруг над сараем в комнате с голубой дверью появились жильцы. Женщина — мама с кошачьими мягкими манерами, в белых туфлях на лапках, серьезный высокий папа, который никогда не снимал шляпы, и их детеныш — крепкий загорелый мальчик: темные волосы, черные глаза-маслинки и пискливый голосок, словно у капризной девочки...

Кот три дня выдерживал характер, проходил мимо голубой двери, словно губернатор, прогуливающийся среди своих владений. На четвертый день не выдержал: вошел в дверь и представился каждому отдельно. Маме — грациозно и ласково, папе — серьезно и почтительно, а перед мальчиком взял и перевернулся через голову... «Вот как мы с тобой шалить будем!» И, конечно, сейчас же кот свою дань со всех собрал. Папа — ломтик колбасы, мама — бисквит, мальчик — рыбий жареный хвостик.

Мальчик был особенный. Из тех мальчиков, что шалят-шалят, вдруг притихнут и задумаются... И такое придумают, что и выговора серьезного сделать нельзя, начнешь выговаривать, да сам и рассмеешься.

После обеда мальчик взял кота на руки и вышел с ним на дорогу. Постричь кота? Ведь лето, ведь жарко... Но стриженный он будет похож на дохлого кролика. Не годится. Поучить его плавать под парусами на игрушечной яхте? Нельзя... Яхта опрокинется, кот схватит насморк, какой тогда в нем прок? Сшить ему полосатые купальные штаны? Очень уж долго работать придется.

— О! А может быть, взять его с собой покататься?..

Мальчик весело подпрыгнул и побежал к велосипеду.

Кот покорно дал себя уложить в плетушку для провизии. Мальчик прикрутил корзинку под седлом, вскочил, гикнул и помчался. Пусть кот привыкнет, теперь он с ним всегда кататься будет...

Но разве привыкнешь? Дорога тряская, колесо на корнях подпрыгивает, плетушка болтается, неизвестно, где спина, где живот, где верх, где низ, где лапки, где хвост!.. В щели врывается сквозной ветер, мелькнул клочок облака, косая труба на крыше, пьяная лапа сосны, а дорога бежит, разматывается, уходит... «Мяу! Остановись!»...

Даже мяукнуть не успел как следует, только язык прикусил. В голове скрип-шорох-свист-грохот-дребезжанье... Пылью всю морду закоптило. Остановись! Никогда больше не будет он дружить с мальчиком, никогда больше не подойдет к голубой двери... Ик! Теперь он понимает, наконец, что такое морская болезнь, но сухопутно-морская болезнь, пожалуй, еще страшнее. Ик! Нет, он чистоплотный кот, он себе не позволит, он удержится... Остановись!

Мальчик домчался до знакомой фермы, соскочил наземь, открыл корзинку и посадил кота на камень.

Бедняга! Он даже стоять не мог как следует... Лапы расползлись, глаза мутные, голова набок.

— Кис! Что с тобой, кис? Ты еще не привык?.. погоди, я тебя водой немножко побрызгаю.

Мальчик побежал за водой. Но когда он вернулся, кот исчез. Куда? Этого вам и сам Брем не мог бы сказать, потому что обиженный кот скрывается надолго и совершенно неизвестно куда.

Одно только могу вам сказать: ни велосипедов, ни мальчиков кот с той поры видеть равнодушно не мог. Окрысится, спину верблюдом выгнет и боком-боком заползет в такие колочки, что и с прожектором его не разыщешь.

А ведь какой был бесстрашный кот!

ЧЕРТ НА СВОБОДЕ

1.

БРЕТОНСКИЙ КУРОРТ

Золотые пылинки солнца танцевали на высоких крышах вилл, на купальных будках, на голых детских спинках, на ржавой коробке из-под сардинок, которая валялась на песчаном бугре под тростником. И такое оно крепкое было, это июльское солнце, так сверкало, переливалось, искрилось, что только в темных очках можно было разгуливать по ослепительно-светлому пляжу. Одни лишь дети и собаки не боялись солнца, и даже старый бульдог, на которого маленький мальчик примерял валявшиеся на песке теткин очки, упрямо сбрасывал их лапой наземь.

Был час отлива. Океан убрался далеко за маяк. Вдоль извилистых борозд песчаного дна синели лужицы. Взрослые и дети разрывали граблями песок, добывали съедобные кремовые ракушки и бросали добычу в плетеные корзиночки. И когда какой-нибудь нетерпеливый мальчуган вскрывал зубчатую ракушку ножом, из створок показывался дрожащий оранжевый язычок.

Подальше по ноздреватым рифам, торчащим над травянистым дном, бродили босоногие люди и собирали «мули» — простые черные устрицы.

Красный маяк торчал вдали гигантским наперстком. Яхты, словно пьянчужки, лежали на боку, уткнувши длинные кили в песок: они без воды не умели стоять прямо.

На берегу, уходившем песчаным лукоморьем вдаль, копошилась детвора — лепила, строила, рыла, весело и звонко пищала. В воздухе трещали на крепких нитках разноцветные змеи: змей — бабочкой, змей — птицей, змей — этажеркой, змей — колбасой. Собаки мчались от детей к будкам, от будок к детям. Лаяли, сообщали взрослым, что дети на месте, играют, «уж мы за ними присматриваем»... Лаяли, сообщали детям, что взрослые тут, никуда не ушли, играйте, мол, спокойно.

Фотограф снимал группу за группой в картонном пароходе с дымящейся трубой (дым был тоже картонный), и все пассажиры улыбались и смотрели прямо в аппарат, потому что каждый хотел выйти красивым и симпатичным.

Из песка прыгали вбок какие-то жизнерадостные безвредные сороконожки. Над бледно-зеленым морским хреном реяла на одном месте хрустальная стрекоза. А под хреном божьи коровки устроили клуб: сползли на спичечную коробку головами в середину и грелись.

На молу толстый большой человек вытащил из воды сетку с одной креветкой и внимательно смотрел, как она выплывала по дну сетки морскую мазурку.

Ветер носился сквозь решетку отельного парка к океану и назад, шелестел в лохматой лиственнице, относил вбок змеиную колбасу, рвал из рук синеглазой девочки пестрый платочек, но девочка крепко его держала и улыбалась.

И доброе солнце, словно приветливый курортный хозяин, сияло на всех с высоты.

2.

БУХГАЛТЕР, КОТОРЫЙ БРИЛСЯ

В пансионе «Жемчужная Раковина» окна выходили на широкий океан. Веселый ветер влетал в комнаты, трепал занавески и звал пансионеров на берег.

— Успеете в городе насидеться в комнатах! Солнце сияет, валяйтесь на песке, бегайте вперегонку с собаками, катайтесь на велосипеде, покупайте в киосках бесполезные пресс-папье и сладкие сосульки, но не сидите, как пауки, по углам, это вредно и скучно! Здесь вам не контора, здесь вам не школа, здесь вам не салон!

Всех соблазнил ветер, только во втором этаже у открытого окна, перед которым рос старый платан, сидел француз и завязывал вокруг шеи мохнатое полотенце. Он не мог уйти со всеми гулять, он должен был побриться.

Почему он не побрился утром? Видите ли, хотя он и был бухгалтер, приехавший на две недели в гости к океану, однако и бухгалтеру приятно хоть две недели в году не быть аккуратным — попозже вставать, сидеть у окна в кресле, покуривая трубку...

А потом вдруг посмотрел в зеркало: фи! весь подбородок чертополохом оброс... Очень он быстро на свежем воздухе обрастает. И через час обед, а к обеду, кто ж этого не знает, надо выходить гладким-прегладким. Как абрикос, присыпанный пудрой.

Перед бухгалтером была расставлена на столе целая лаборатория: одеколон, мыльница, пудреница, кисточка, безопасная бритва, опасный клинок, прозрачный камень для притирания, щипчики для вырывания из уха волос, английский пластырь и еще разные другие штучки, которых мы и названия не знаем.

С чувством, с толком и с расстановкой развел он мыло, покрыл душистыми мыльными сливками пухлые щеки и подбородок. Подпер языком правую щечку, с элегантностью фокусника пробрил бритвой гладкую дорожку, вскочил, бросил бритву на блюдечко и побежал к камину.

В городе он брился в один прием, но здесь ветер задорно дул в лицо, в небе плыли легкомысленные тучки, внизу на пляже оглушительно кричали дети... Впереди свободный, океанский день. Нет! Бухгалтер тоже хотел поиграть, и так как в комнате никого не было, он стал выделывать перед каминным зеркалом

такие курбеты, такие па, такие гримасы, что мухи в ужасе разлетелись с каминной доски во все стороны. Пояс на животе скрипел, легкий пиджачок, взметнув рукавами, полетел на диван, бухгалтер вошел в азарт, ничего не видел, ничего не слышал.

Уф! Он остановился, грациозно поднял с паркета выскокившую запонку и направился к столу. Нельзя же, чтобы одна щека была, как атлас, а другая, как терка...

Подошел к столу... и ахнул. Пудреница валялась на полу, лаборатория на столе — вверх дном... И самое главное, самое-самое ужасное и главное: кисточка и безопасная бритва исчезли!

Ветер? Но стальная бритва и кисточка с тяжелой черепаховой ножкой по воздуху не летают. Ведь письмо от племянника и счет от прачки на столе, а они — бумажные... И увесистую никелевую пудреницу тоже не так просто сдуть на пол...

Он выглянул за окно — в саду никого. Заглянул под стол — никого. Под кроватью — никого. Высунул быстро нос в коридор — никого!

Тогда он стал звонить: один короткий звонок, два коротких, три коротких, один — бесконечный.

Прибежал желтоволосый коридорный мальчик, остроноса горничная, хромой старый лакей и сама хозяйка с салатником в руках, похожая на тыкву на высоких каблучках, завернутую в лиловое кимоно.

Никогда еще ни один постоялец не давал сразу столько условных звонков. Что случилось?

Бухгалтер, как бешеный, налетел на весь персонал, вставить слова никому не позволил.

— Безобразие! Спиритические сеансы среди бела дня!.. Одна половина — бритая, другая — силь-ву-пле!..¹ Как я выйду к обеду? Чтоб сейчас же были на месте и бритва и кисточка! Это фамильная кисточка, чистый барсучий волос, на черепаховой ножке серебряный герб! Чтоб нашлись! Сейчас же пропечатаю в курортной газете!

И все ахали, охали, лазили под стол, стукались головами, заглядывали под диван и в камин, чихали, но ничего не нашли...

Мыльная пена на левой щеке бухгалтера тем временем высохла, сквозной ветер сдул ее и, как легкое облачко, закружил по паркету, но взволнованный бухгалтер даже и не заметил этого.

3.

ДЕВОЧКА И НЕИЗВЕСТНО КТО

Рядом с «Жемчужной Раковиной» грелась на солнце синяя вилла «Чайка».

Балкон густо зарос глициниями, так густо, что мохнатый шмель, забравшийся в чашу светло-зеленых веток, сердито гудел

¹ Пожалуйста (*фр.*).

и никак не мог выбраться оттуда. Воробей присел на перила и удивленно склонил голову набок: где гудит? Кто гудит?..

Дама в васильковом халатике покачивалась в качалке в своей спальне и прислушивалась. С кем это разговаривает на балконе ее дочка, маленькая Фло? Должно быть, сын прачки, пятилетний Жорж, пришел к Фло в гости... Он всегда так проскользнет в дверь, что и не заметишь. Как пушинка на сквозном ветру.

Фло, тихая и добрая девочка, должно быть, показывала ему свои игрушки.

— Вот это паяц. Он может сидеть и может лежать. А стоять не может, потому что у него мягкие ножки. Не бери, пожалуйста, стеклянных шариков в рот, это очень опасно. Один мальчик проглотил и потом всю жизнь кашлял. Выплюнь, пожалуйста... Зачем ты держишь картинку кверху ногами?

— С кем ты там разговариваешь, Фло? С Жоржем? Пришли его ко мне, я ему дам орехового печенья...

Но Фло, должно быть, не расслышала и продолжала оживленно болтать:

— Ах, какой ты непослушный! Раскрой ручку, что у тебя там такое? Да раскрой же! Кисточка? О, какая хорошенькая... Дай мне, я тебе плюшевую собачку подарю за это. Спасибо. Да ты мамину туфлю не соси, пожалуйста, что это за манеры такие...

Дама рассмеялась.

— Что ты, Фло, болтаешь такое? Неужели Жорж мою туфлю сосать станет...

Но Фло обиженно ответила с балкона:

— Ну конечно, сосет. Вот я его сейчас приведу, ты увидишь. И вовсе он не Жорж, а другой... Пойдем к маме! Вставай. Что же ты упираешься, глупый? У меня мама добрая, и раз ты пришел в дом, надо познакомиться с мамой. Фи, какой невоспитанный!

«Вечно эта Фло что-нибудь такое придумает,— подумала дама, закрывая глаза.— Совсем затормошит мальчишку...»

На подоконник присел воробей. О! Дама заснула и уронила ореховое печенье. Боком-боком, осторожно подобрался к бисквиту и только хотел клюнуть, на балконе раздался отчаянный визг. Воробей с разгону налетел на зеркало, оттуда наскочил на умывальник, зачерпнул крылом воды и кубарем за окно.

Дама широко раскрыла глаза... Кто там кричит на балконе? Фло? Уж не Жорж ли ее обидел? Да ведь он, каплюшка, перед кошкой и то робеет...

— Отдай мишку, слышишь! Зачем ты ему ручки выворачиваешь? Гадкий! Не хочу с тобой играть... Отдай мишку! Он разорвал мишкину блузку! В мелкие кусочки... Мама! Он похищает, похищает ми... Мама!

Дама побежала на балкон. Господи, целый месяц играли, никогда ссор не было...

Посреди балкона стояла маленькая Фло, топотала ножками в красных туфельках, грозила кулачком разросшейся над балко-

ном глицинии и тоненько визжала, обливаясь слезами. Больше на балконе никого не было.

— Что такое? Кто отнял мишку? Где Жорж?..

Девочка еще сильнее затопотала ножками, но ни одного слова сказать не могла, слезы мешали, и только покрутила во все стороны бантом.

— Не Жорж? Ничего не понимаю! Откуда у тебя эта кисточка?! Кисточка для бритвы, с монограммой... Да успокойся же. Фло, скажи мне, кто здесь был, с кем ты разговаривала? Фло!

Но в это мгновение над их головами в глицинии что-то зашумело-зашуршало, и вдруг с крыши пролетела мимо перил черепица и гулко хлопнулась внизу о плиты подъезда. Дама дико вскрикнула, схватила плачущую девочку за руку и втащила ее в комнату.

4.

СКАНДАЛ В СТОЛОВОЙ

Пансионская кошка вышла с веранды в столовую «Жемчужной Раковины» и умильно посмотрела на длинный стол. Чистота какая! Вдоль всего стола свежая, накрахмаленная простыня (кошка не знала, что простыня и скатерть не одно и то же)... Салфетки, как сахар,— стоят горками между приборами... Неужели люди решатся такую красоту измять и скомкать? Цветочки в граненых столбиках: розовая гвоздика, лимонного цвета мимоза и в больших вазах сухие сиреневые цветочки, что растут вдоль тощих полей, откуда морскую соль добывают. Кошке все ведь известно.

А тарелочек сколько! Сегодня, должно быть, парадный обед. Приехали туристы в тяжелом многоместном автомобиле, залопотали между собой на каком-то неизвестном кошке языке, и все сразу в пансион ввалились. Поэтому и стол убрали, как невесту к венцу.

Любопытный зверек уже и на кухне успел не раз побывать. Но сегодня с ним обходились не очень приветливо,— даже у всех ног потереться не дали, туристские деньги, видно, дороже кошачьих реверансов. И что готовили, не успела кошка толком узнать. Судомойка на нее с тарелками налетела, чуть не перевернулась... Повар по лбу хватил ложкой с соусом провансалем, глаза залепил, полчаса на веранде потом отмывалась.

Между графинами на столе стояли лакированные куколки-негры и держали в вытянутых руках меню. Кошка бесшумно вскочила на стул, уперлась лапками о тарелку и с любопытством потянулась к меню: надо же прочитать, что сегодня на обед. Консоме... какой они в этих консоме вкус находят? Ого! Рыба...

Но вдруг за стеной кто-то сплюнул, чихнул, задвигал каминным экраном. Кошка быстро обернулась— не очень-то ей позволяли перед накрытым столом по стульям разгуливать...

Обернувшись, взлетела орлом на спинку стула и таким горбатым верблюдом выгнула туловище, точно из камина трехголовый бульдог появился... Каждый волосок на спине встал торчком, глаза выкатились и остолбенели, склоненная морда тихо зашипела, словно бомба, готовая взорваться.

Сидевший на веранде приезжий, старичок в полосатой кофте, сначала было подумал, что кто-то из столовой футбольный мяч ногой выбил. Но потом всмотрелся: кошка. Чего это она так испугалась?

Солнце сквозь плющ светлые пятна по цементу раскинуло. Ветер встряхивал плющ, пятна шевелились. На мачте болтался черный флаг: прилив. Океан такой добрый, такой ленивенький. Поблескивает на солнце, словно рыба в неводе. Старичок глубже вдвинулся в плетеное кресло, скрестил на груди полосатые ручки и прислушался... Океан шипит или это в животе предобеденный органчик бурчит? Или это в столовой хозяйка пульверизатором брызжет?... Или...

Дзынь! Трах-тарарах-трах!!

Землетрясение в столовой?! Потолок обвалился?! Корова в окно вскочила?!

Полосатый старичок вбежал в одну дверь, хозяйка со щипцами для завивки—в другую, взволнованная прислуга—в третью, взволнованная пансионская собака—в четвертую.

Со дня основания «Жемчужной Раковины» ни одна душа еще не видала в ее столовой такого зрелища. Два стула, легкомысленно задрав ножки, лежали на полу. Осколки разбитого графина купались в луже воды, змейками расплывавшейся по паркету. Стеклянная пробка отлетела к самому порогу—грош ей цена без графина! Из-под стула торчал пучок мимозы, переломанный и взлохмаченный, словно его кто-то драл зубами... А на скатерти, на белой, цвета альпийского снега, скатерти грубо чернели темные следы, точно озорной мальчишка-трубочист по скатерти на руках прошелся. И в центре стола перед меню валялась выпачканная в сажу розовая подвязка и полосатые детские купальные штанишки.

Все, выпучив глаза, изумленно смотрели друг на друга. Только пансионный пес спохватился и, как опытный собачий Шерлок Холмс, тыкал морду в камин, под стол, лаял на подвязку, на пробку, прыгал на полосатого старичка и вообще вел себя, как заправский дурак.

— Кошка?!—хрипло выдавила из себя хозяйка, вцепившись растопыренными пальцами в спинку стула.

Но старичок в полосатой кофте возмутился:

— Нет! Кошка сама еще до этой штуки насмерть перепугалась и вылетела из столовой, точно ее хотели на шомпол насадить. Вон, взгляните в окно, она сидит под кустом и скромно ест стрекозу. Лапки беленькие... А ведь тут по скатерти угольщик разгуливал!

— Притом же, сударыня,—добавил старший лакей,—насколько мне известно, а мне пятьдесят девятый год, кошки

никогда не кладут на стол предметов женского и детского туалета.

— И неграм голов они тоже не отгрызают,— задумчиво сказала горничная, рассматривая валявшуюся на скатерти голову куколки-негра и разорванное в клочки меню.

В портъере показался любопытный нос бухгалтера, того самого, у которого так таинственно исчезла кисточка для бритья и бритва.

Хозяйка пришла в себя и решительно хлопнула себя по атласным бокам. Капитан ведь не должен никогда терять головы! Разве она в пансионе не капитан? Бухгалтер сунул нос, в коридоре захлопали двери, не дай Бог, все постояльцы сюда прибегут — прощай, парадный обед!

— Ничего, ничего... Ласточка, верно, в окно залетела, опрокинула на пол рюмку... Есть о чем беспокоиться!

Глазами, локтями, коленками продирижировала направо и налево, разослала кого за новой скатертью, кого за метлой. Бухгалтеру сказала, что его давно в саду верхняя жилица ищет.

Минут через пять все было в порядке. Новая скатерть сияла, как новорожденная утренняя тучка, лужу на полу вытерли и матовое пятно загладили мастикой, из буфета достали нового негра и вставили в лапу меню. Подвязку в саже и купальные штанишки сунули за буфет, чтоб потом, когда придет полицейский сержант, было ему что рассматривать.

А у дверей, пока не прогудит обеденный гонг, поставили на страже судомойку. Для наблюдения. Может быть, это хозяйка соседнего пансиона «Лунный Луч», ради конкуренции, наняла какого-нибудь мальчишку, чтобы он факирские гадости устраивал. Не черт же среди бела дня по белой скатерти разгуливает.

Строго приказали судомойке: «Чуть что, бросайся на него, хватай за грудь и кричи... А мы все сбежимся и...» Хозяйка сжала в мускулистой ручке большие каминные щипцы и свирепо помахала ими в воздухе.

Бедная судомойка осталась одна. Высморкалась в похожий на кухонное полотенце платок и решила твердо: чуть-чуть начнется,— Бог с ним, с местом! — через весь курорт пулей помчится за мост в местечко к своей старой тетке... Если у куколки-негра голову оторвут, ничего, в буфете еще три запасных фигурки. А если *это* вылезет из камина и на нее бросится?

«Убегу! Честное слово мое, убегу!..»

5.

РАЗГОВОР В «МЕДНОМ ЯКОРЕ»

Вдоль канала выстроились в ряд курортные ларьки. Торговля совсем детская, совсем несерьезная: толстяк-кондитер месил на глазах у всех цветную сладкую пасту, растягивал ее, как

резиновую колбасу, хлопал о доску, паста блестела, отливала стеклярусом, свисала с прилавка почти до земли; в посудной лавчонке на полках стояли в ряд пестрые фигурки святых, чернильницы капель на пять чернил, перечницы, которые ни за что не хотели стоять прямо, разукрашенные французскими лилиями кошки с светло-зелеными глазами и с кругло раскрытым ртом, куда вставлялись цветочки; лари с океанскими раковинами, по краям оборочки, внутри райский блеск,— ни в одной квартире никуда такую раковину не приткнешь, а гвозди ею заколачивать нельзя, очень хрупка...

Мальчишки и девочки и, стыдно сказать, даже взрослые с трубками и без трубок сновали мимо, останавливались у прилавков и при свете вечерних ламп часами любовались пестрым хламом. Покупали редко, потому что с гигантской раковиной или с фаянсовой кошкой очень неудобно гулять.

Вдали у пляжа сверкала, вся в драконах и фонариках, вывеска китайского тира. Пожалуйте! Каждый опытный стрелок, хлопнув из детского ружья, мог получить в виде приза на выбор любую бесполезную вещь: жестяную пудреницу, величиной с кастрюлю, или круглый бумажный фонарик, или пепельницу-русалку с селедочным хвостом и золотым бантиком на животе.

На тихом канале скрипели-покачивались стройные бездельницы яхты и грузные рыбацьи парусные лодки. Луна из-за жемчужно-палево-кудряво-дымчато-пухлых (ох, какое длинное прилагательное!) тучек жеманно посматривала на уснувшую воду, на извивавшуюся вдоль ларьков плотную толпу зевак, на острые кровли рыбацьих домишек и вилл, похожих на спичечные коробки, поставленные на ребро... На темном мосту отчаянно ревел заблудившийся автомобиль.

В центре набережной из раскрытого окна «Медного Якоря» лежился на панель сноп желтого света, доносилось густое гудение рыбаков, обрывки песен, визг хозяйской собаки, которой в этот вечер уже седьмой раз наступали на лапы.

В углу под пивным плакатом (огромной красной рожей, высасывающей пивную кружку) сидел старик рыбак, постукивал трубкой по столу и, наклоняясь поочередно к ушам недоверчивых приятелей, рассказывал совершенно невероятные вещи:

— Видел... Своими глазами. Вот как хозяйку вижу, с руками, с плечами, с бантиком... У самого перевоза сидел на мачте, на лодке моего племянника и, когда я протер глаза и остановился, бросил в меня... биноклем.

— Ой ли?! Уж это вы, папа Жюль, хватили! — перебил старика лохматый рыбак, размазывая по столу картофельные крошки.— Черт с биноклем! Пожалуй, скажете, что он и столовыми часами на вас замахнулся?.. А не вылез ли ваш черт, папа Жюль, из бутылки рома? Бывает ведь, а?

Приятели засмеялись: га-га-га! Пустые стаканы на соседнем столике отозвались и дребезжали.

Папа Жюль хлопнул увесистой ладонью по краю стола, побагровел, запыхтел и полез в широкий карман.

— Вот лангуст это или бинокль, черт вас побери?.. Бинокль! Сам я его в себя с мачты бросил, что ли? Что же ты о роме толкуешь? Рома я выпил на своем веку больше, чем ты молока, однако никогда чертей в глаза не видал... Да и сегодня в рот я капли не брал, только здесь с вами рюмку-другую можжевельной водки выпил. Что?

Рыбаки изумленно и осторожно передавали из рук в руки бинокль. Маленький, дамский бинокль, сиреневая эмаль, золоченый ободок... Уж совсем для черта неподходящий фасон. Ему бы в старинную подзорную трубу, обтянутую тюленьей кожей, смотреть... И что за черт такой? Никогда их в курорте не водилось, никогда по мачтам не лазали... Не врет ли папа Жюль, не ворону ли на мачте за черта принял? Нет, не врет, не такой человек. И ошибиться не мог: ворона дамскими биноклями не швыряется, да и глаза у старика зоркие, в безлунную ночь муху на мачте увидит.

Папа Жюль самодовольно спрятал бинокль в карман.

— Да. И что же вы думаете?.. Камзол на нем желтый, луна из-за туч выплыла, ясно я разглядел. Хвост под мышку, как шпагу, сунул. На голове картузик жокейский... Покачался он, пес нечистый, на мачте, встал потом во весь рост, да как сиганет с мачты на сухое дерево, что у ограды «Жемчужной Раковины» стоит! И исчез. Тьфу! Пойду к племяннику, скажу. Не нравится мне это, лодка опоганена, как бы чего не вышло.

Папа Жюль раскурил трубку, надвинул на глаза синий картуз и встал. Приятели молчали. Что тут скажешь? В окно долетел с ветром гнусавый и переливчатый плясовой мотив — за мостом в танцклассе плясали.

Вдали надрывалась собачонка, подвизгивала, захлебывалась, выбивалась из сил. Почему? Неизвестно. Стояла под сухим деревом у ограды «Жемчужной Раковины», задрав остроносую морду кверху, скребла передними лапами по коре и лаяла, и лаяла...

6.

ЧЕРНАЯ ЛАПА

Поздно вечером девчонка судомойка вытерла последнюю тарелку и, козлом приплясывая по кухне, стащила с себя грубый полосатый фартук. Втащила в кухню стоявшую у порога плетушку с сосновыми шишками (очень их повар обожал — лучшие растопки в мире!), заперла на задвижку выходящую в темный парк дверь. Как всегда, щелкнула выключателем сначала не в ту сторону, в которую нужно, потом уж, как следует, взяла свои, оставшиеся от обеда толстые сэндвичи и медленно стала подниматься по черной лестнице, напевая свою любимую песенку:

Когда я вырасту, я куплю «Жемчужную Раковину»!
Хозяйка будет судомойкой и будет бить тарелки,
А я буду хозяйкой и буду ее бить...

Пела тихонько, потому что однажды хозяйка услышала и так щелкнула ее в нос, что потом в голове целый час будильник звенел.

Подымалась, подымалась, и с каждой ступенькой свет все убывал, тонул под ногами. На верхней площадке перегорела лампочка, хозяйка ради экономии новой не давала. Судомойка дорогу в свою мансардную комнатку наизусть знала, каждый день ее вытирала боками не один раз.

Ничуть не боялась, вытянула вперед руку и заскользила большим пальцем по замасленной стене: третья дверь справа, на ручке веревочка намотана, чтоб не ошибиться.

Ничуть не боялась, пока невзначай не вспомнила (темнота, должно быть, подсказала и качающаяся черная ветка в чердачном окне), пока не вспомнила про утреннюю диковинную историю в столовой...

Остановилась бедняжка. Перевела дух. И на горе свое еще вспомнила, как вернувшийся из «Медного Якоря» повар рассказывал, будто тамошняя служанка рассказывала, что старый рыбак при ней рассказывал... Ух! Будто... черт сидел на молу на сигнальной мачте, курил трубку, играл на контрабасе и ругался по-испански... И будто у него из мешка за спиной выглядывала судомойка из «Прибоя»... Ух!

Куда же это дверь с веревочкой пропала? Почему до сих пор наверху никого нет, ни горничной, ни... Ай! Кто в чердачное окно заглядывает?!

Она бросилась в одну сторону: стенка. В другую, в третью: стенка... Никогда столько стенок не было! Села с размаху на пол и пришла в себя — под ней в заднем кармане хрустнул коробок с серными спичками. Судомойка чиркнула о пол, зашипел голубой огонек, вспыхнул веселый желтый язычок, и сердцу сразу легче стало...

Стены как стены. В чердачное окно кошка морду высунула, о раму трется. «Кис-кис, иди сюда, душечка!» А третья дверь с веревочкой перед носом. Все на своем месте...

Девчонка, обжигая догоравшей спичкой пальцы, бросилась в свою комнатку, быстро достала из-под плоской подушки огарок... Не успела зажечь, ух! Опять страшно стало. Вторая спичка сломалась, третья выскользнула из похолодевших пальцев... Наконец-то зажгла четвертую о дрожашую подметку, огарок засветился, светлые лучики побежали по комнате...

Чепуха какая в самом деле! Повар это нарочно выдумал про судомойку в мешке. Знает она судомойку из «Прибоя», не очень-то такую в мешок сунешь. Большая, тяжелая, храбрая... Крик бы подняла на весь курорт. И потом у сигнальной мачты — электри-

ческий фонарь. Светло, как в танцклассе. Народу на молу вечером пропасть. Сейчас бы позвали сержанта, черта бы арестовали и выслали из курорта. А если б он с мачты не захотел слезать, прибежала бы из китайского бара публика и в черта дробинками — бах, бах! — пока бы он с мачты не скувырнулся... Понесли бы его в аптеку, перевязали и...

Глупости. Черти только в сказках бывают. Бритву и кисточку у постояльца обыкновенный жулик украл. Влез по платану, видит — открытое окно. Что бы такое украсть? Да вон кисточка на столе, она франка два стоит. И украл! Удерет на пароходе в Марсель, там продаст. А мишку у соседней девочки чайка могла унести. Пролетала над балконом, видит, неизвестная рыба (почем она знала, что это мишка?)... Цап мишку за подмышку и унесла. Очень просто... Хорошо, а в столовой кто наскандалил? Сажай кто белую скатерть перепачкал? Должно быть, курица, которая живет у угольщика. Она часто забирается в парк, угольщик ее, пожалуй, только по воскресеньям кормит. Вошла она в столовую, смотрит, на столе в корзиночках хлеб... Ага, хлеб! Вскочила на стол и...

Так судомойка, сидя на краю постели у раскрытого оконца, сама себя успокоила.

Огарок горел ровно и ясно. Ветер весь день по кустам кувыркался, а теперь к ночи устал и утомился. Пароход вдали показался с ленточкой янтарных огоньков вдоль борта. Кошка вскочила на постель и ткнула под локоть судомойку: «Дай кусочек сандвича... О чем размышлялась?»

И представьте себе... Сандвичи лежат на окошке. С колбасой, с сыром, с вареньем. И тихонько-тихонько высовывается из-за окна черная лапа, схватывает сандвич (с вареньем!) и исчезает...

Если бы устроить состязание паровозных свистков во всей Европе, судомойка из «Жемчужной Раковины», наверно, получила бы первый приз. Боже мой, как она взвизгнула!

Налетела на огарок, огарок хлопнулся о пол и погас, налетела на кошку, взвизгнули обе сразу так, что у курившего внизу на веранде шведа пенсне слетело... Чудом, тыча перед собой руками, добралась до лестницы и, крича, визжа, плача и охая, будто за ней целая дюжина чертей с мешками гналась, галопом скатилась с лестницы вниз, переполошила всех жильцов, хозяйку, соседей...

Бухгалтер, в ночном белье, завернувшийся впопыхах в одеяло и поэтому немножко похожий на римского сенатора, выступил вперед, усадил судомойку в углу веранды на кадку с пальмой и, как самый храбрый мужчина в пансионе, решительно приступил к допросу:

— Опять? Что такое? Выпей воды и не бойся. У меня наверху в чемодане браунинг, и я никому, даже самому черту, не позволю нарушать по ночам наш покой. Рассказывай.

— Сандвич...— сказала девчонка, трясясь на кадке.— Сандвич...

Больше от нее ничего не удалось узнать.

ЧЕРТ В ЧЕПЧИКЕ

Лавочница прислушалась: опять океан зашлепал. Листья на темном каштане перед дверью забормотали спросонья быстро-быстро и опять успокоились. Пора бы спать, давно пора, да надо было дневную выручку подсчитать, мух из стеклянной мухоловки выплеснуть вместе с мыльной водой в палисадник, подвесить в мышеловку кусочек колбасы, гири по росту расставить, ставни закрыть... Дела много.

Смахнула лавочница гусиным крылышком пыль и крошки с прилавка и усмехнулась. Глупости какие сегодня в лавке болтали! Пятнадцать лет она в курорте торгует, никогда о таких делах не слыхала...

Горничная из «Жемчужной Раковины» днем прибежала за горчицей, рассказывала, что у них в пансионе бухгалтер-факир поселился. Утром черт его брить явился, одну щеку выбрил, другую не захотел... В цене, видно, не сошлись. И черт будто рассердился, унес у бухгалтера бритву, подтяжки и правую туфлю.

А после прачка приходила, пансионскую скатерть показывала. Пятна такие странные — страус не страус, пес не пес. Не то сажа, не то чернила, не то деготь...

И знакомый почтальон из местечка за мостом прикатил, соскочил с велосипеда у лавки, коробочку спичек купил и шепотом признался, что когда он за углом из ящика вечернюю почту вынимал, а велосипед, как всегда, к телеграфному столбу прислонил, стряслась с ним такая оказия, что хоть не рассказывай... Однако рассказал. Наклонился он к ящику, слышит, кто-то за велосипедный звонок дернул: дзынь! Обернулся, подумал, что мальчуган какой-нибудь пошалил, и видит... Что на седле сидит... черт не черт, а очень похоже... Темновато было, да и со страху глаза на лоб полезли. Почтальон вскрикнул, черт испугался и с седла на забор, с забора в сад... Велосипед наземь брякнулся, фонарь разбился, а на правой педали крокетный молоток лежит.

Лавочница отлично помнит: почтальон был трезв, как бутылка из-под Виши. Совсем трезв. Никогда он раньше чертей не видел, должность у него солидная, обстоятельная, не то что какой-нибудь клоун из цирка или приехавший недавно на гастроли в курорт собачий парикмахер. Что же за история такая?

Она зевнула и покачала круглой головой. Черт или не черт, а спать все-таки надо. Заперла ставни, дверь, сунула в рот черносливину и, ковыляя, как кенгуру, — совсем ноги за день отсидела, отправилась в комнатку за лавкой спать.

Окно, выходившее в глухой и темный переулочек, было раскрыто, сквозь толстую решетку ведь никто не влезет. Вспыхнула в потолке электрическая груша. Мышь пробежала от порога

под комод. Лавочница топнула на нее ногой: «Прочь, прочь, ступай в лавку... там для тебя мышеловка поставлена». Но мышь не послушалась. Лавочница, кряхтя, в три приема опустила на колени. Долго шарила метлой под комодом, мышь давным-давно уж вдоль карниза пробежала, забилась под угловой шкафик и стала там усы расправлять, умываться, прихорашиваться,— для кого и зачем, неизвестно.

А лавочница еще долго, растянувшись на полу, грохотала метлой под комодом, пока не выбилась из сил. В три приема встала, вытерла красное лицо полотенцем, пошла за ширму раздеваться... и...

Бедная мышь, как она испугалась! Ширма рухнула на пол, хозяйка рухнула на пол, стакан с водой, стоявший на ночном столике, полетел на пол... И опять все смолкло. Только стучали тикали старинные часы на стене, да отчаянно колотилось мышинное сердце.

Мышь осторожно высунула из-под шкафика рыльце. На стене закачалась чья-то темная тень, шагнула от спинки кровати на спинку кресла, оттуда к оконной решетке и исчезла. Кот? Совсем не кот... Запах другой, ростом больше и на голове... шляпа не шляпа, Бог знает что!

А вода из упавшего стакана медленно по чуть покатою половице подплыла к голове лавочницы, смочила затылок. Ночная свежесть подула из окна в лицо. Лавочница открыла глаза, села. Что это с ней такое? Почему она сидит на полу? Почему ширма лежит у нее на ногах?

И вспомнила: когда она ступила за ширму и повернула голову к постели... под одеялом в ее ночном чепчике лежал... черт и грыз ее зубную щетку...

Но ведь на постели никого нет! Почудилось ей после всех этих глупых рассказов. Конечно, почудилось. Она подняла ширму, смела в угол осколки стакана и подошла к изголовью постели.

Ай!.. На подушке лежал полусъеденный сэндвич, край подушки был весь выпачкан вареньем и на смятой простыне чернели темные пятна.

Лавочница опрометью бросилась к двери, перебежала через улицу и стала отчаянно колотить в ставни к прачке. Слава Богу, сквозь щели еще светился огонь!

— Отворите, пожалуйста... Умоляю вас, отворите...

8.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НА СОСНЕ

Утром на пляже, как всегда, копошились дети, слонялись взрослые, мчались галопом собаки, совали мимоходом носы в чужие купальные будки, взвизгивали и мчались дальше...

Кое-где в будках говорили о странных ночных делах: о лавочнице, которая, как была в папильотках, так и прилетела к прачке, выпила два графина воды и до петухов всё туалетный укус нюхала; о девочке судомойке, которая перед всеми пансионерами поклялась, будто на черной лапе, показавшейся в окне, был надет браслет из собачьих глаз; говорили о почтальоне, который...

Впрочем, о почтальоне ничего не успели сказать, потому что на чей-то пронзительный крик у ограды «Жемчужной Раковины» со всех сторон помчались дети, за ними собаки, зверски разрушая по дороге детские песчаные замки, крепости и торты (где уж там разбирать!)... За собаками взрослые: из будок — сухие и полусухие, из воды — совсем мокрые, бежали, переваливались, кричали... Те, что поотстали, еще не знали, в чем дело, но волновались не меньше других.

Наконец, огромным тесным полукругом, в полосатых и гладких купальных костюмах, в мохнатых попугайских халатах, а один близорукий купальщик примчался в дамском балахоне, сгрудились перед решеткой «Жемчужной Раковины» и все — дети, собаки, взрослые — задрали головы кверху.

На обглоданной океанским ветром высокой сосне сидела пресимпатичная зверюга, молодой шимпанзе в желтой бархатной жилетке и в презабавном ночном чепчике. На широкой ветке рядом распластался еще какой-то шоколадного цвета зверек, но никто не мог рассмотреть как следует, что это за штука такая...

Обезьяна хладнокровно посматривала вниз. Шумят? Волнуются? А вот пусть поуспокоятся, тогда она и покажет им все свои номера.

И вот, когда охрипшие собаки перестали лаять и захлебываться, когда люди перестали ахать и показывать пальцами на верхушку сосны, шимпанзе встал во весь рост на вытянувшуюся широкую сосновую лапу и раскланялся. Сдернул с головы ночной чепчик, помахал им во все стороны и разжал пальцы. Чепчик, кружась и цепляясь за корявые ветки, полетел вниз.

— Мой чепчик! — ахнула прибежавшая на шум лавочница. Подхватила свой чепчик и покачала головой: весь в саже.

Шимпанзе нагнулся, схватил лежавшего на ветке зверька и подбросил его в воздух. Зверек перевернулся несколько раз и — хлопс! — попал обезьяне прямо в лапы.

— Мой мишка! — завизжала внизу под сосной маленькая девочка. Она вытянула смешные пухлые ручки кверху и хлопала в ладоши... Ее мама тоже хлопала, и все столпившиеся перед решеткой купальщики, все выбежавшие из «Жемчужной Раковины» пансионеры и прислуга оглушительно закричали:

— Bravo! Бис, бис, бис!

А судомойка подпрыгнула, выскочила из своих сабо, побежала в одних чулках на кухню, прилетела с огромным сэндвичем, наткнула его на метлу и протянула обезьяне...

— Миленькая! А думала, что ты... черт!..

Но шимпанзе не соблазнился сэндвичем. Он любил честно выполнять всю программу до конца, а потом уже угощаться.

Трапеции на сосне не было. Гимнастических колец тоже. Обезьяна вынула из полосатого мешочка, который висел у нее через плечо (где-нибудь стащила!), несколько картофелин. Прилегла к ветке, нацелилась: хлоп! Картошка попала в переносицу старой собаке, которая, оскалив зубы, рычала под деревом на обезьяну. Вторая картошка угодила в визжавшего у подъезда фокса. Третья попала в примчавшегося с пляжа запоздавшего бульдога...

— Довольно, довольно! — закричали внизу хозяйки собак. — Разбойница! Не позволяйте ей, не позволяйте...

Обезьяна поняла, что этот номер не всем нравится. Расклаталась, надела на голову мешок и, растопырив лапы, осторожно прошла взад и вперед по толстой ветке.

У перевоза, как бешеные, запрыгали из лодки пассажиры и вскачь пустились к решетке смотреть на диковинное представление. Рыбаки, разматывавшие вдоль канала коричневые сети, старичок таможенный, коротконогий полицейский сержант, служанки, возвращавшиеся с набережной со свежими сардинами, бойскауты, рассматривавшие английские яхты, — все спешили к старой сосне. Покупатели в далеких киосках бросали покупки на прилавки и мчались, высоко взбрасывая ноги, к перевозу... Успех был полный, оглушительный: никогда еще ни одна курортная певица, ни один курортный фокусник такого успеха не имели.

Прилетел, волоча по песку раздвинувшийся тренажник, курортный фотограф. Щелкнул раз, щелкнул другой, все пластинки перещелкал. Обезьянье представление на сосне... Кто такую штуку не купит?

А шимпанзе разошелся: задом наперед проковылял на руках вдоль ветки, держа в зубах шоколадного цвета плюшевого мишку, дошел до конца ветки и, вальсируя, закружился волчком на одном месте.

Бухгалтер даже подпрыгнул от удовольствия и с гордостью посмотрел на окружающих, точно шимпанзе был его родной сын.

— Чудесно! Изумительно! Я бы хотел только знать, куда этот плут затащил мою кисточку для бритья?..

— С черепаховой ножкой? — лукаво спросила стоявшая рядом дама. Та самая дама, у дочки которой обезьяна похитила мишку.

— О, сударыня! Вы ее нашли?! Неужели?.. Но как...

Он не успел спросить, дама не успела ответить, потому что примчавшийся на велосипеде почтальон еще издали замахал над головой фуражкой:

— Это он! Это он! Ей-богу, это он!

— Кто он?

— Черт! Что вы на меня уставились?

Почтальон узнал, о чем он говорил...

— Черт! Конечно же, это он. Сегодня у цирка за мостом объявление наклеено: «Сбежала дрессированная обезьяна-шимпанзе. Кличка ЧЕРТ. Нашедшему сто франков награды...»

Вокруг так и покатались со смеха. Да ее весь курорт нашел!.. Раздели-ка сто франков на всех, попробуй!

А Черт-шимпанзе, утерев лапой мокрый лоб, вежливо раскланивался и посылал сверху во все стороны воздушные поцелуи: антракт.

9.

ЧЕРТ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ЦИРК

Из пансиона позвонили по телефону в мясную лавку, которая торговала за мостом рядом с цирком.

— Алло? Кто говорит?

— Повар «Жемчужной Раковины».

— К вашим услугам, сударь. Прикажете прислать на завтра телячьих котлет или молодого барашка?

— Ни молодого, ни пожилого. Передайте хозяину цирка, что Черт нашелся...

— Кто?!

— Черт. Обезьяна его ученая. Только что дала у нас на дереве бесплатное представление, а теперь ловит блох, отдыхает.

Через четверть часа к решетке подкатил старый автомобиль: гуп-гуп! Собаки и люди раздались и сомкнулись вокруг машины. Хозяин цирка, толстый и короткий малый, с шеей, похожей на рыжий окорок, быстро соскочил наземь. За ним спрыгнул цирковой пудель Блэк, старый друг Черта, задрал голову и тявкнул:

— Черт! Что в самом деле за штуки? Вчера из-за тебя я должен был все свои номера повторять, чтобы растянуть программу. Тяф! Свинство!

Шимпанзе наверху жалобно пискнул:

— Извини, Блэк... Я только на полчаса удрал. А потом увлекся, загулял... Квик!

Люди, конечно, ничего из этого разговора не поняли.

Хозяин цирка постучал рукоятью бича о сосну.

— Эй ты, бродяга! Слезай, что ли. Ничего тебе не будет... Ну? Живо... Свой цирк здесь открыл? погоди ты у меня!

Шимпанзе запрыгал на ветке и недоверчиво покосился вниз. Ничего не будет? А вдруг — будет!

— Слышишь? Сейчас же слезай!.. Блэк, позови его. Кому я говорю, Блэк?

Блэк нерешительно тявкнул раз-другой. Судя по тону хозяйского голоса, Черт свою порцию получит... Зачем же Блэк будет его коварно сманивать вниз...

Черт снова запрыгал, подбрасывая задние лапы. Потеря мордой о ветку. Попадет на орехи! Попадет...

Невзначай задел лапой лежавшего за спиной мишку, мишка полетел вниз... Этого бедняга-шимпанзе не мог перенести! Мишку он за эти сутки полюбил, как родного племянника. Пусть уж попадет, а он с ним не разлучится.

Ворча и попискивая, полез он, вертя головой, с сосны. Чем ниже, тем страшнее... Лезет и сам себе жалуется:

— Зачем убегал? Разве плохо тебя, Черта, кормили? Тут тебе, брат, не Конго! Никуда не удерешь... Только зря в камине перемазался. Чепчик уронил, мишку уронил, хозяина рассердил. Плохи, господин Черт, твои делишки!

А бухгалтер из «Жемчужной Раковины» взглянул на все медленнее спускавшегося Черта, на сердитого хозяина, подошел ближе и сказал:

— Вы что же, будете наказывать вашу обезьяну?

— Как же, сударь! Убытки от нее какие: вчера в представлении не участвовала. Да здесь, говорят, графин в пансионе разбила, скатерть перемазала... Платить ведь за все мне придется. Бог ее знает, какие еще проделки за ней обнаружатся...

— Ну, зверь пошалил немного, о чем говорить. Да вы знаете, что вы вашего Черта не наказывать должны, а ящик фиников ему в награду купить! Рекламу какую он вам сделал! А? Вы его только на афишах покрупнее изобразите, да по курорту расклейте — места в вашем цирке не хватит! Ведь все же на него смотреть придут...

— Правда, правда! — запищали и загудели вокруг дети и взрослые. А Блэк весело залаял, посмотрел на ожидавшегося у последней ветки шимпанзе и дружелюбно лизнул бухгалтера в жилет.

— Для начала, — сказал бухгалтер и вынул свою визитную карточку, — запишите за мной ложу на вечернее представление. Сегодня жена с сыном приедут, вот и мы пойдем на вашего Черта смотреть...

За бухгалтером потянулись и другие... В самом деле, великолепная обезьяна!

Хозяин цирка сообразил, что наказывать Черта несправедливо. Он ласково, по-особому свистнул, и Черт быстро-быстро слез, спрыгнул на землю, влез в автомобиль и плотно уселся с мишкой на руках.

— Чей медведь? — спросил хозяин.

Дама с девочкой посоветовались и позволили Черту оставить у себя мишку, только взяли с хозяина слово, что он наказывать Черта не будет.

А хозяйке «Жемчужной Раковины» и лавочнице цирковой толстяк предложил по почетному даровому билету на три представления. Так все неприятности, как тучки в небе, исчезли с горизонта.

«Гуп! Гу-гуп!» Автомобиль заревел и рванулся с места. Черт вежливо обернулся и послал всем: мулу на дороге, детям, обалдевшим от всей этой истории собакам и всей толпе, размашистый, сочный воздушный поцелуй...

— У кого пропал бинокль? У кого вчера пропал бинокль? — сказал вдруг, выйдя из толпы, старый рыбак, постоянный посетитель «Медного Якоря».

— Сиреневый, маленький, с золотым ободком? — спросила, улыбаясь, жившая рядом с «Жемчужной Раковиной» маленькая старушка-художница.

— Да, сударыня. Извольте получить...

— Ах, Боже мой! Так это шимпанзе, значит, вчера из гамака мою сумочку с биноклем унес... Сердечно вас благодарю!

И подумала: «Непременно надо будет сегодня вечером в цирк пойти, очень уж забавная обезьяна».

Видите, хоть и старушка, а тоже соблазнилась. Про детей же и говорить нечего: не было в курорте ни одного малыша, который не обещал бы хорошо себя вести до вечера, если его вечером в цирк возьмут на бенефис Черта.

<1927>

В ПОЛНОЧЬ

В круглой клетке, стоявшей посреди комнаты, завозился попугай. Ага! На часах в столовой пробило двенадцать.

Лунный свет сквозь ажурные занавески дымной скатертью расстилался по паркету. Попугай внимательно склонил хохлатую голову набок, поднял черную лапу и сказал:

— Полночь! Вещи могут разговаривать...

КРЕСЛО

Старое вольтеровское кресло плавно подкатило на колесиках к окну, где было светлее, качнулось и по-стариковски тихо закрипело:

— Охо-хо-хо... Кому как, а мне плохо. В правой передней ноге ревматизм, клепка рассохлась, моль всю обивку проела. Разве так по-настоящему чистят? Служанка с щеткой пройдет, словно пудру с носа смахнет, а сама в танцкласс бежит, как угорелая. Кот по грязным дорожкам нагуляется, прыг в окно и прямо на меня. Да он, мурло, и не понимает, что такое настоящее красное дерево и конский волос!.. Для него я поставлено? Кхи-кхи... Ну, еще дети — понимаю. Я для них вроде дедушки, влезут с ногами, по ручкам башмачками колотят, я, видите ли, паровоз... Все мои кости расшатала, крихчу, но не жалуюсь. Дети меня любят, и я их всей моей старой внутренностью обожаю... Очень уж они тепленькие и смешные. Но почему же этот кошачий бандит навалывается-навалывается, а потом меня же начнет когтями драть? Разве я точильный камень?.. Вот когда-нибудь возьму да перевернусь и раздавлю тебе пузо!

Пружина в кресле гулко стрельнула, очень уж у кресла нервы расходились. Плоская гарусная подушка медленно сползла на пол...

— Обморок?..— цвикнул попугай. Он вспомнил, что в угловом шкафике лежит на полочке нафталин. Посыпать бы?.. Но как на короткой медной цепочке до шкафика дотянуться?

И вдруг с любопытством повернул голову. На стене еле слышно зазвенела мандолина.

МАНДОЛИНА

— Зиль-зиль! Нашло чем хвастаться! Из красного дерева... А я из палисандрового, и вокруг отдушины — резная черепаха, а по краю перламутровый ободок... И восемь струн звончей серебра, певучее журчащей воды... И никто на меня не садится: ни кот, ни дети, потому что я благородная вещь. Не граммофон какой-нибудь бездушный: все по чужим голосам иголкой царапает, а своего нет. Зиль-зиль... Бабочка в окно залетит, на струну сядет, и я нежно откликаюсь: «длинь»... Это вам не пружина в кресле.

Качаюсь на стене и отдыхаю. И не бородатой щеткой меня чистят, а замшевой тряпочкой... Да и служанку, Боже упаси, хозяйка ко мне на три шага не подпустит. Это тебе не кастрюля.

Да, да. Настанет золотой сентябрь, уложат меня в теплый футляр, чтобы я не простудилась и не отсырела, и повезут в Италию... Кто еще в этой комнате бывал в Италии? Кастаньеты? Да, да, знаю. Вы с острова Капри, но вы ведь не музыкальный инструмент, а так себе — трещотка из лимонного дерева. Пожалуйста, не перебивайте, когда старшие говорят.

Поеду в Италию, далеко на юг. Внизу полукругом васильковый залив, вверху дымится большая крутая гора, а по склонам белые кубики — дома, дома, дома... Неаполь! О, как я там буду играть. Соловьи в оливковых рощах умолкнут от зависти... Это моя родина: можете не сомневаться. Если поднести меня к свету, внутри ясно виден мой паспорт из мастерской Джузеппе Сакелари, Наполи. Зиль-зиль! Теперь вы понимаете, что я не какой-нибудь барабан, по которому хозяйкин сынок колотит ложкой... И не простуженный граммофон, и не играющий комод, который называется пьянино.

Попугай чихнул, мандолина протяжно отозвалась серебряным баском: «дзав!» и умолкла.

КОПИЛКА

Дремавшая на столе копилка захлопала своими свинными ушами, заморгала узенькими глазками и задребезжала.

— Она из мастерской Сакелари! Восемь звонких струн! Важное дело!.. Ты лучше скажи, что у тебя внутри? Пустота. А у меня

что внутри? Монетки. И на мои монетки хоть сто струн купить можно и булавку для галстука и даже несгораемую шкатулку. Ты поешь? Это всякий шмель может, и никому это не нужно. Хрю-хрю! Самое главное—с достоинством стоять на одном месте и 'знать, что ты не пустая. Каждый день в меня опускают по монетке. Это очень приятно: я становлюсь тяжелее, солиднее и на всех вас смотрю сверху вниз. Хрю! А когда я наглотаюсь по самую щелку...

МЯЧ

— Тебя кокнут молотком между ушей и черепки выбросят в грязное ведро,—весело рассмеялся полосатый мяч на полу и, подпрыгнув выше стола, хлопнул свиную голову по темени.— Хозяйский мальчик ко дню рождения своей мамы накупит фейерверков, и полетят все твои монетки разноцветными мячиками к небу! Паф! Больше ничего. Весело и красиво...

Все вы тут ничего не понимаете. Кресло давно пора отправить на чердак, оно совсем не модное и похоже на старую жабу, набитую утюгами... Стреляй, стреляй своей пружиной, очень я испугался!

Мандолина тоже могла бы быть поскромнее. Разве она может прыгать? Правда, она тоже немножко похожа на мяч: пузатая и полосатая, но брось-ка ее на пол, крак—и готова!

Самое главное, быть веселым и прыгать во что бы то ни стало, куда попало... Ай!

Мяч хлопнулся в корзинку для бумаги, стоявшую у стола, и завяз. На тумбочке у буфета проснулся самовар.

САМОВАР

— Ки! Ки-ки-ки! Позвольте и мне поговорить немножко... Я могу пицать только шепотом, потому что во мне нет ни воды, ни углей. Вы все тут иностранки: копилка—немка, кресло—француженка, мандолина—итальянка. А я русский, природный туляк! Так как вы живете в русском доме, то вы должны меня выслушать. Я ненавижу кофейник! Его ставят на плиту каждый день, а обо мне забыли... У меня на груди восемь русских медалей, и я не из мастерской какого-нибудь «Джузеппе Сакелари», прошу заметить: я родился на знаменитой фабрике С. В. Баташева в Туле. Можете убедиться!

Кроме кофейника, у меня множество врагов: минеральная вода Виши, столовое красное вино, сидр, молоко и прочие зловредные напитки. Нет ничего лучше чая! Но разве здесь умеют пить чай? Ставят на газовую горелку неуклюжий, пузатый алюминиевый чайник, обматывают его, чтоб не остыл, в берлинскую попонку и в таком позорном виде ставят на стол.

Почему меня забыли? Где моя любимая самоварная труба? Куда девались мои черные шишечки с крышки? Ки-ки-ки! Почему не исправят моей погнувшейся камфорки?.. Служанка раз в месяц чистит меня каким-то уксусным французским составом и смеется: «Ну ты, старый паролод, не вертись, пожалуйста!» А дети называют меня «тульской пушкой» и запихивают мне в ноздри сквозь кран обгорелые спички. Бедный я, бедненький!..

ПАЯЦ

Паяц сидел на камине, свесив вниз тонкие, как макароны, ручки и ножки. На белом, словно обмазанном известкой лице ровными шнурочками чернели брови, большие бессмысленные глаза смотрели на лунное пятно на паркете, маленький рот — вишенкой, словно собирался свистнуть. Что это самовар так распищался?..

Попугай снова чихнул. Паяц встряхнулся, скрестил длинные ножки и вялым голоском, дурашливо подпрыгивая на камине, запел:

В доме спят. Тихо-тихо...
И луна так светит мило.
Отчего меня портниха
Ватой пухлою набила?
Режет ниточка под мышкой
Ручки, ножки, словно плеть...
Я хотел бы быть мальчишкой,
Чтобы прыгать и шуметь...
Посадили на камин,
Спрыгнул вниз бы, да опасно...
Третий день сижу один
И тоскую понапрасну...
В голове и в сердце мякоть,—
Таракан и тот живой!
Не умею даже плакать...
Хлопнусь об пол головой!

И хлопнулся. Мягко, словно подушка упала... А сбоку на этажерке тихий шорох прошел... Зашелестели страницы, солидно закрипели корешки переплетов... Это заговорили книги.

КНИГИ

— Вот, только позволь им поговорить... Каждый о себе: какой он несчастный, да какой он хороший... А мы рассказываем о всех и за всех. Мы помним всех прежних хозяев вольтеровского кресла, мы знаем, какую песенку напевал мастер, когда полировал ножки красного дерева... Мы помним даже, как много лет назад мальчишка-итальянец пробовал играть на вот этой старой

мандолине, как лопнула струна и больно щелкнула его по лбу. Наши страницы расскажут вам о прежней свободной жизни попугая... Чудесная жизнь! А сколько повестей знаем мы о людях, по карманам которых бродили маленькие монетки, лежащие теперь в глупой свиной голове копилки. И о вашем будущем мы тоже кое-что знаем. Паяца подарят девочке прачки. Она будет его возить в грязной тачке, и он весь перемажется, но зато будет счастлив и излечится от своей меланхолии. Мандолина в Италию осенью не поедет, глупости... Осенью приедет из Болгарии племянник хозяйки, получит в подарок мандолину и заставит ее петь русские песни. Право, они не хуже неаполитанских... Кресло к Рождеству обтянут новым малиновым репсом, оно давно заслужило, чтобы его нарядили в новое платье... А мы попадем в русскую библиотеку, будем переходить из дома в дом и рассказывать все, что в нас написано. Потреплют нас порядком, но что же, это и есть настоящая жизнь. И вот тогда...

* * *

Что будет тогда, книги не успели договорить. Часы в столовой зашипели и гулко звякнули: «бан!»

— Час ночи! — задирая за голову лапу, закричал попугай. — Вещи должны замолчать.

Старая птица хорошо знала все ночные правила, и, уж пожалуйста, никто не смел ей прекословить.

<1926>

ТИХАЯ ДЕВОЧКА

Утром Тосю будить не надо: просыпается она вместе с цикадами и петухами, их ведь тоже никто не будит. Проснется и тихо лежит рядом с матерью, выпростав голые ручки из-под легкого одеяла. В оконце качается мохнатая сосновая ветка. Порой присядет на ветку острохвостая сорока; в самую рань, когда люди еще спят, она всегда вокруг дома хлопочет. Птица старается удержаться на пляшущей ветке, смешно кланяется клювом, боком топорщит крыло и перебирает цепкими лапками. Шух. И слетает за край окна к веранде. Тося слушает: со стола что-то со звоном летит на пол. Вчера исчезла новая алюминиевая ложечка, должно быть, сорока добирается до вилки. А в кустах над домом взволнованно бормочет другая, подает первой сигналы.

Сквозь успокоившиеся сосновые иглы радостно разливается желто-румяный солнечный леденец. Если закрыть глаза и быстро снова открыть, кажется, что это и не оконце, а подводный коралловый грот, из которого и выплывать не хочется.

В дверь осторожно скребется соседский бульдожка. Тося его голос знает — умоляет, просит, захлебывается, будто горло борной кислотой полощет. Но впустить его нельзя... Плюхнется на одеяло, разбудит маму, разобьет стакан с водой на столике у изголовья. Он ведь любит от всего сердца, что ж ему со стаканами церемониться.

— Уйди! — шепчет девочка, беззвучно шевеля губами. — Уйди, Мушка... Я еще не проснулась, а мама спит.

Беззвучный шепот через дверь доходит до чуткого собачьего уха. Мушка разочарованно опускает нос, подымает переднюю лапу, будто защищаясь от обиды, и, виляя задом, плетется к помойной яме за сосной. Люди спят, можно и не притворяться благоразумным.

А у Тоси новая забота. Сквозь загнутый ветром уголок кисеи в комнату пробралась зловредная муха, овод, и закружилась над маминым лицом. Девочка боится, но нельзя же позволять мухе безобразничать. Тося схватывает со стула свои мотыльковые штанишки и машет на злую тварь, пока та, задетая пуговкой, не слетает на пол. Сама виновата... Там на веранде на клеенке капли варенья и крошки бисквита, непременно ей надо кусать маму или мула... Вот и ползай теперь раненая по полу, пока не выметут колючим веником в лес.

Купальный халат в углу, похожий на бедуина из детской книжки, порозовел на солнце. Если посмотреть сквозь пальцы, бедуин превращается в цветущую яблоню. Но только на минуту. Тося по-настоящему не умеет «волшебничать». Только во сне. Но проснешься, и ничего нет, и ничего не помнишь, будто с одной звезды на другую упала.

Почему никто не встает? Примус сонно блестит на столике, он тоже ждет, чтобы его разбудили, подлили в чашечки спирта, накачали воздух... Зашипит голубенькой коронкой газ, забулькает в чайнике вода, заворчит мама, будет, как всегда, искать мохнатую тряпку, чтобы схватить горячую ручку. Спят. Тося прислонилась к стенке, подобрала под себя ножки и боком, томная, как котенок в теплых стружках, зарылась опять в подушки. Прохлада заструилась сквозь кисейку, коснулась ресниц. Шмель ударился о мамину цитру, и светлый рокот поплыл-поплыл... Смолк или еще звенит? Ни за что не уследишь. Что ж, если никто не хочет вставать, стоит ли растирать глаза и бодриться, второй утренний сон все равно ведь сильнее.

* * *

Ушки холодные, румяные, крепкие, мать только что их вымыла студеной водой из колодца. Ветер забавляется — пушит льняные волоски над бровями сквозным одуванчиком. Глаза, прозрачно-синие кукольные стекляшки, серьезные: кто знает, о чем думает маленькая девочка, когда она утром пьет на

веранде какао? Быть может, ни о чем, быть может, над светло-коричневым озером в чашке носится в купальных штанишках лебеденок и мешает Тосе пить...

— О чем ты думаешь, Тося? — спрашивает ее бородатый гость, отрываясь от газеты.

Ни за что на свете Тося на такой вопрос не ответит. Да и гость спросил от нечего делать, перевернул страницу и даже не ждет ответа.

Перед девочкой круглая сдобная булочка, посыпанная сахарными блестками. Совсем как игрушечный детский хлеб, хотя и взрослые очень его любят. Ест Тося по-своему: кусочек себе, кусочек бульдожке под столом, не ошибется до последней крошки. И хотя несправедливые взрослые учат ее каждое утро: «Ешь сама, что ж ты чужую собаку сдобной булкой кормишь?» — девочка, как от овода, отмахнется ложечкой от скучных слов и продолжает свое.

После какао она свободна до самого обеда. Далеко уходить нельзя, но и вокруг дачи, когда ходишь на ниточке-невидимке, немало забавного. Муравьи подбирают со ступенек сахарные крупинки. У них под пнем подземная лавочка: все уносят туда. Дачники осенью разъедутся, и у мурашей запас на всю зиму. Осы облепили под вереском банку из-под сгущенного сладкого молока. Не только дети, кошки, собаки, ящерицы и всякая мелкая тварь, летающая и ползающая, любит сладкое. Крайняя оса с перехватцем на талии, как у балерины, сосет свою капельку без конца. Как у нее живот не разболится? Вздрогнет, оторвется, отдохнет и опять за свое.

Ос и пчел девочка не боится. Если их не трогать, не мешать им пить и есть, ходить среди них серьезно и важно, они не обидят. Бульдожка и тот это понимает: стоит перед ульем, серым домиком, вывалив язык, и с любопытством смотрит вместе с Тосей, как копошится пчелиный народ на своем крыльчке у темной щелочки. Но по низким шершавым кустам расстилается грязная паутина, и в ней всегда узким втянутым устьем вход. Там живут огромные светлопузые пауки. Пройдешь близко, наступишь на хворостинку, и из норки выскакивает сердитый противный разбойник: сунься-ка ближе! Тося всегда вежливо, стараясь не шуметь, обходит такие кусты. И шершней она боится: когда взрослые гонят залетевшую злюку из комнаты кто лопатой, кто старыми штанами, девочка зарывается в висящее на стене платье и ждет, пока представление кончится.

Любит она шум. Не тот, что поднимают люди, когда спорят на веранде в восемь голосов сразу, или ссорятся, перебрасываясь картами, или поют рыхлыми голосами непонятные песни, а когда шумят на свободе деревья, тростник, море. Сосна гудит на ветру гулко и широко; тряхнет зеленой гривой, залопочет и опять низко-низко зашипит, будто парус по можжевельнику тащат. Тростники внизу у ручья посвистывают, словно ласточки на лету,

пищат, просят ветер, чтобы не трепал их, не заставлял кланяться до земли. А сквозь зеленые лесные голоса вдруг: бух-бу-бух. Это море шлепнулось о песок, обрушило толстую волну... И отходит назад, волочит шлейф по гравию. Тося слушает. И у старого каштана свой шум: шелестит, будто сквозь сон бормочет. А нижние лапы молча и плавно покачиваются. До них ветру не пробиться.

Гость злится: ветер унес деловое письмо в лес. Мама злится: ветер «действует ей на нервы»... Нервы — это когда дрожат губы и достается всем... И Тосе, и стакану, который стоит не на месте, и бабочке, влетевшей в комнату. Злится и бабушка: ни один пасьянс не удастся, ветер путает все карты... И только Тося спокойна. Прищулив глаза и заложив худые ручки за спину, стоит она на камне и смотрит в чащу. Где ветер? Какой он? Пепельные волосы, толстые щеки... Ходит по вершинам деревьев, трещит и дует во все стороны. Чтобы внизу не болтали, чтоб человеческого белья между стволами не развешивали, чтоб в лодках среди залива не кричали, чтоб рыб крючками не мучили...

Наслушается Тося лесного скрипа, шуму и шорохов и, как собачка, начинает кружить среди камней и кустов. Ищет тишины. Есть такие складки на скате холма, в русле высохшего ручья, за старыми пнями, куда ветер не добирается. Маленькой девочке немного и нужно, притаится под вереском в ямке из-под вывороченной сосновой пятки — и точно на бесшумном острове поселилась. Вдали перекачивается гул, а вокруг нее безмолвное гнездо: цикады где-то в вышине глухо точат свои ножницы, лохматые ветки не шелохнутся. А если повесить перед глазами на колючем шиповнике синий фартучек и глубже усесться в ямку, вот у тебя и свой лесной домик, и все муравьи застилают вокруг хвоей все тропинки, чтобы никто до тебя не добрался. Такой приказ отдает им маленькая девочка.

Так тихо сидит Тося, что ящерица доползает с камня на камень до ее оранжевой туфельки и недоуменно поднимает острый носик: живая девочка или цветок какой-нибудь невиданный. Но когда издали позовут козье молоко пить, ясно, что девочка самая настоящая: встряхнется, погладит теплый камень и, раздвинув камыши, пойдет ровными шажками на призывный голос. Молоко теплое и так вкусно пахнет тмином и шерстяным шарфом. Первую половину чашки Тося выпивает как следует, а потом начинает медленно сосать сквозь зубы. Молоко пузырится, Тося мотает головой и пофыркивает: она уже не Тося, она козленок... Так легче и приятней допить вторую половину чашки.

* * *

Взрослые купальщики сидят на пляже в темных очках, все они, и мужчины и женщины, стали немножко похожи на Бабу Ягу. Скрестили по-паучьи лапы, пересыпают из горсти в горсть

песок. Разговаривают. Но Тосе очков не нужно: чем ярче переливается в воде перламутровая чешуя, тем ей веселее и уютнее. Складывает загоревшие ручки, тихо восхищается и не насмотрится. Вон голубая дорожка протянулась к мысу, чистая и ясная, а по бокам танцуют солнечные пчелки и золотые иглы. Почему дорожка не сливается с пестрой огненной водой? Или под ней лежат полоской лазурные камушки? Или стайки васильковых рыб проплывают пансионом, пара за парой, под водой, просвечивая сквозь прозрачную зыбь?

Из-за скал выплывает кораблик. Белыми наволочками вздулись паруса. Ни одного человека. На Тосю никто не смотрит, она подымает на камышинке свою оранжевую туфельку. Это — привет. И ясно видит, только она одна и видит, как поваренок, негритянский мальчишка, ей в ответ машет связкой бананов. «Плывем в Корсику. Будь здорова! На обед баранина с рисом и кисель...»

Как там у них, должно быть, хорошо, на плавучей даче под прохладными парусами... Поваренок молча чистит медную кастрюлю. Тося обмахивает его пальмовым веером, чтобы ему было прохладнее, а корабельный барбос, добродушно посматривая на новую пассажирку, прилежно ищет на животе морскую блоху. Паруса растаяли, затонули в молоке далеких облаков...

— Тося, купаться! Что ж ты сидишь, как принцесса...

Разве принцесса станет сидеть одна, без свиты, на старом полотенце, обхватив пальцами острые коленки, и думать о каком-то поваренке? Но Тося не возражает. Слова каждый день меняются: то она дичок, то недотрога, то принцесса... Пусть. Она послушно идет в море. Холодная влага лизнула пятки, студеной поясик подымается выше: до бедер, до края трусиков... Тося ласково гладит воду, обливает себе плечики светлым морским стеклярусом. Становится на коленки и делает вид, будто плавает... Чудесно! Песочного цвета игольчатые рыбки проплывают под водой, им никогда не бывает жарко... Налево под скалой, где вода под прохладной тенью зеленой малахитовой бабушкиной брошки, у них дом. Но в светлые солнечные часы не сидеть же им, рыбьим малышам, там, среди подводных стеблей с большими серьезными рыбами...

Солнце пропекло насквозь резиновый колпачок, но коленки дрожат. Надо выходить. Маленькая, маленькая сидит Тося в белом волосатом халатике на песке, под большой соломенной шляпой, словно тихий суслик, и отогревается. Слизнула с губы горько-соленую морскую каплю, вздохнула. О чем? Очень уж хорошо, вот и вздохнула. Надвинула шляпу по самую пуговку-носик и сквозь гнезда плетенья смотрит: в каждой сквозной дырочке крохотная панорама — клочок неба и моря и сбоку сосновая лапа. Будто японская картинка.

В стороне визжат голоногие французские дети. Тося поворачивает голову. Смешные... Вырыли в песке яму, провели в море

канал, наливают в яму из ведерка морскую воду, а вода вся удирает в море, домой... Толкают друг дружку, обливают из ведерка и заливаются. Но Тося к ним не идет. Ей и так весело смотреть на них, а толкаться и визжать она не умеет.

А вот и старшие мальчишки придумали игру. Посадили лягавого щенка в плоскодонный ботик и столкнули одного в море... Им, глупым, забава, а щенок весь съезжился, подобрал лапы, качается на носу, плюхается на дно, наваливается на борт и жалобно оглядывается на берег: Где земля, милая, твердая собачья земля? Тося остро переживает с ним каждый толчок, и, пожалуй, у нее сердце колотится еще сильнее, чем у щенка. Какой неуклюжий! Почему он не прыгнет в море? Поплыл бы, поплыл, и сейчас же и мель... Зачем это они с ним проделали? И взрослые тоже хохочут. Такие большие, сильные, и никто не догадается заступиться... В маленькой Тосиной жизни ее еще никто не учил, что справедливо, что несправедливо. Но, как трава растет, как солнце светит, детская правда и жалость приходит сама. Если приходит...

Но, слава Богу, ветер добрее мальчишек. Повернул лодку, и щенок мешком в воду. Гребет, гребет боком, подальше от мучителей. Стекланные брызги во все стороны — и умчался в лес.

Тося улыбается. Хорошо еще, что они не посадили в лодку кошку или курицу. Она встает из своего халатика, он лепестком оседает на песок, и, смуглая, как орешек, идет в дюны. Вон они рядом, игрушечные сыпучие холмики с сизыми колючками по краям. Сегодня под знакомой сосной должны распуститься морские лилии, француз-фермер называет их морскими нарциссами. Вчера бутоны были совсем пухлые, бледно-зеленые, с белыми продольными каемками. Раскрылись. И опять, как у моря, маленькая девочка складывает ладошки и разнимает: когда она откроет на свете какое-нибудь новое чудо, она всегда так делает, пока она к нему еще не привыкла...

Лилии, стрелчатые строгие цветы, тише моря, тише неподвижных облаков, вздымаются и благоухают. В игольчатых лепестках — коронка, в коронке — бледно-желтые молоточки... Тося наклоняется. Если лилии видят, понимают, чувствуют, конечно, они с таким же умилением смотрят на незнакомую маленькую девочку, как она на них.

Тося по глубоким песчаным волнам дюн, мимо ярко-изумрудных побегов гигантской сосны, пробирается дальше. Там за бугром в море впадает темным рукавом речушка. Вся в камышах, сонная и застывшая. Если стоять тихо, увидишь, как в черной воде, извиваясь серыми жгутами, скользят ужи. Немножко страшно... Там, среди темных корней, шевелится всякая нечисть, со дна всплывают пузырьки, в камышах кто-то шуршит. Жабы или гадюки? Тося морщит лобик. У нее еще нет своих слов, но злое и безобразное ей непонятно; она не знает, зачем оно, почему гадюки всегда злятся, а огромные, серые, сухие жабы так ужасны,

что как ни стараешься ласково взглянуть на них — вздрогнешь и отвернешься.

Она поворачивается к берегу. Дети утомонились, лежат кружком на песке и греют спинки. На сосновой коре горит светлая смолистая капля. Большой черный муравей приклеился и никак не может вытащить из смолы лапки. Хорошо, что его увидела маленькая чужая девочка, а то так бы и пропал...

— Тося, домой!

Она слушает: ветер принес ее имя, но она еще не Тося, а так, лесной гномик, что ли... В самом деле, домой, домой. Ведь пора обедать: суп, ложка, полосатые занавески вокруг веранды.

И снова, проходя мимо молчаливых лилий, кивает она им головой, никто ведь не видит и не будет над ней смеяться. До завтра!

* * *

В стакане из-под горчицы стоит ветка цикория, который кладут в кофе — сморщенные бурые кусочки, а цветы лазореводымчатого цвета, похожие на васильки. Васильки Тося видала только на картинке. После дождя весь луг за холмами, у моря, заголубел цикорием. Тося рассматривает милые, простые цветы и отгоняет сонных мух, которые все примащиваются на ветку спать... Сквозь дремлющие сосны пылает вишневый закат. Крылатое лесное население со всех сторон слетается к веранде: острогрудые гранатовые бабочки, длинноногие жучки и слюдяные блекло-зеленые мотыльки... Зажгут лампу, и все они, глупые, несчастные чудачки, закружатся вокруг керосинового маяка, затрещат и погибнут. И без того такая коротенькая у них жизнь. Ну, лети к звезде, лети к луне, зачем же к лампе?

Взрослые играют в ведьму. У кого на руках останется пиковая дама, тот и «ведьма», даже если он мужчина. Тося уже знает: ведьма — это вроде Бабы Яги, только иногда она бывает красивая и всегда делает разные гадости. У девочки сегодня своя забава. Она пристально разглядывает каждого из сидящих за столом, точно впервые их видит, и представляет себе, какими они были маленькими.

Бородатый гость — инженер, наверно, все строил на полу из спичек мосты, а когда на них наступали, ревел и колотил линейкой по ножке стола. Няня его все причесывала, а он сейчас пальцы в волосы и ходит, как лохматый куст. И так как у него не было бороды, которую он теперь все прикусывает зубами, он прикусывал кончик своего языка... Бабушка была толстенькой, сдобной пышкой, сосала целый день мятные лепешки и все делала своим куклам ленивые замечания. Мама? Говорила-говорила без конца: с котенком, с чайником, сама с собой, с почтальоном и три раза в день меняла бантики. И была такая красивая,

что весь Саратов удивлялся. Усики у нее тогда еще не было. Зачем же девочке усики?.. Сосед, старичок-моряк, вырезывал из коры лодочки, никогда не сажал клякс ни в тетрадку, ни на штанишки и был чистенький и аккуратненький, как смазанное маслом пасхальное яичко... Всем тетям целовал ручку, а иногда по рассеянности и плечико.

— Тося, поди узнай у художника, который час,— говорит бабушка, озабоченно сдвигая пухлые бровки. Должно быть, вытщила у соседа «ведьму»...

Тося идет на дачу через дорогу. На крылечке сидит чубастый художник и сосет, чтобы отучиться курить, искусственную папироску.

— Добрый вечер. Бабушка просила у вас узнать, который час.

Художник тычет пальцем в один карман, в другой, в третий. Посмотрел даже себе за пазуху. Выудил, наконец, из кармашка на поясе толстые часы, чиркнул спичкой и сказал:

— Остановились. Теперь, должно быть, около девяти.

— «Около». Это больше девяти или меньше?— вежливо допытывается Тося.

— Меньше.— Художник ухмыляется и сипло посасывает свой мундштук.

— Еще не отучились?— участливо, словно тяжело больного, спрашивает девочка художника.

Он только махнул рукой. Тося опять на своей табуреточке. Бульдожка тихо-тихо лижет ей коленку. Ему ничего не надо, ни сахару, ни бисквита, просто любит и больше ничего. Тося перебирает ласковыми пальцами теплое собачье ушко и смотрит на звезды.

В детской книжке много раз рассматривала она карты звездного неба. Всех карт четыре: звездное небо весной, летом, осенью и зимой. По черному фону все созвездия разлеглись в фигурках, обведенных белой полоской. Над головой забияка «Геркулес». На юге, похожий на лангусту «Скорпион». На севере, немножко справа, толстая «Большая Медведица». На востоке— летящий «Лебедь». На западе лысый старик «Арктур» погоняет двух собак. Но без карты, в настоящем небе, ни одного созвездия, кроме «Большой Медведицы», не узнать. Звезды искрятся, роятся, сливаются, прищуришь глаза— за большими мигают малые, за ними еще поменьше, как пылинки толченого стекла... Веранда улетела в небо. Тося на ней одна— ни гостей, ни бабушки, ни мамы. Чуть-чуть долетают с земли далекие голоса. Только теплый бульдожка под ногами. Темно-синяя пустыня вся в мохнатых светляках: плывут, словно снежные хлопья, задевают по лицу, но не жгутся, они холодные, как льдинки. Скользят между пальцами, ни одного не поймать... И вдруг с земли знакомый мамин голос:

— Тосик, спать...

Девочка очнулась. Прощается, целуется, уходит. Она не знает, что она сегодня увидит во сне, хорошо бы Снежную Королеву, она умная и многое бы Тосе объяснила...

Девочка старательно полощет зубки и прислушивается: сверчок опять чирикнул за комодом. Значит, поселился совсем, перебрался из леса на дачу. Бабушка говорит, что это «к счастью». А «счастье» — это когда нет болезней, счастье — это когда разыщут папу, счастье — это когда в срок платят за квартиру...

Никто не знает, никто об этом не думает, что на всем южном лукоморье, где стоит дачка с русскими жильцами, маленькая, тихо спящая девочка Тося — самое совершенное Божье создание. Даже Тосина мама этого не знает. И только бульдожка, глупенький собачий увалень, смутно догадывается: бродит под оконцем за верандой, смотрит на неподвижную белую кисейку и вздыхает.

<1930>

БИБЛЕЙСКИЕ СКАЗКИ

ОТЧЕГО МОИСЕЙ НЕ УЛЫБАЛСЯ, КОГДА БЫЛ МАЛЕНЬКИЙ

Помнишь, как это было?

Маленький Моисей (фунтов десять он тогда весил, не больше) плыл по реке в корзинке, так хорошо пропитанной смолой, что ни одна любопытная капля воды не могла проскользнуть сквозь крепкое плетенье.

Внизу болтали между собой быстрые, веселые струи — сверху улыбалось серебряное облако с золотой каймой, похожее на белого задремавшего кролика. Стрекозы перегоняли друг друга и, пролетая над корзиной, удивленно звенели: «Зык! Зы-зык! Когда же это было видано, чтобы маленький мальчик плыл один по реке в корзинке?»

А маленький Моисей лежал, смотрел круглыми глазками в небо и разговаривал сам с собой: «бля, вля, гля...» Разговаривал на том самом языке, на котором говорил и ты, когда лежал в люльке, задрав кверху круглые ножки, пуская пузыри и рассматривая собственный круглый пальчик. Не помнишь?

Вдали за кустами стояла сестра маленького Моисея, смотрела, раздвинув тростник, на колыхающуюся вдали плетеную колыбель, и слезы медленно капали одна за другой в веселую воду...

— Черный лебедь! — шепнула служанка дочери фараона, с которой она купалась в реке.

Но дочь фараона поднесла ладонь к глазам и звонко рассмеялась: «Черный лебедь!.. А может быть, это бегемот приплыл с твоей родины, из верховьев Нила, чтобы тебя проведать... Разве не видишь? Это корзинка!..»

Корзинка задела за черную корягу, торчавшую из воды, закачалась на месте и медленно подплыла к берегу.

Ты думаешь, маленький Моисей стал плакать и вырываться, — как это сделали бы мы с тобой, — когда увидел склоненное над собой черное лицо эфиопки-служанки с толстыми, красными, как стручковый перец, губами и зубами, похожими на две полоски кокосового ореха? Совсем нет. Сразу пошел он к ней на руки, от нее к другой, от другой к третьей (всем было интересно его подержать), пока не дошел до ожидавшей на берегу дочери фараона, ласково прижавшейся к теплому детскому телу.

— Ах ты, малышка! Да как тебя крокодил не съел? Тут за отмелью их целое семейство живет... Ну, теперь ты мой!

Быстро оделась дочь фараона и, осторожно прижимая мальчика к груди, стала, улыбаясь, его укачивать.

Сестра Моисея, притаившаяся за тростниками, видела все это и, радостно вздохнув, пошла домой, благословляя добрые руки веселой царевны.

А потом? Что было делать дочери фараона с таким младенцем? Она велела найти ему кормилицу. И знаешь, кому отдали его кормить? Матери! — так уж устроил Бог, потому что жалел мать и любил Моисея.

А потом вот, что рассказывает об этом толстая книга, которую часто читает твой дедушка, надвинув на нос круглые очки в черепаховой оправе: «Вырос младенец, и привела его мать к дочери фараона: и он был у нее вместо сына, и назвала она его Моисей, потому что, говорила она, я вынула его из воды». Так написано в толстой книге...

Было ему тогда лет пять. Ни днем, ни ночью не расставалась с ним дочь фараона. Каталась с ним в лодке при луне под светлым колышающимся балдахинном, пела ему веселые песни, хлопала в ладоши и звонко хохотала,—но Моисей не смеялся, печально и молча смотрел на серебряную воду и тихо гладил пушистую обезьяну, которую подарила ему царевна.

Большая обезьяна?

Нет, маленькая, рыжая, в узком колпачке с золотой кисточкой.

Днем собирала царевна детей, быстроглазых и юрких. Кувыркались они на пестром ковре и, дразня друг друга, прятались в его широкие складки,—показывая, как ходит страус, и как ложится верблюд,—и все служанки и царевна смеялись так, что колыхались широкие опухавшие, прислоненные к стене,—но Моисей печально и молча смотрел...

И когда дети уставали и садились вокруг него полукругом отдыхать, он молча вставал, оделял их вкусными финиками и бананами (ух, как дети их быстро глотали!) и раздавал им нередко все свои игрушки. Сколько бы ему ни дарила царевна, все раздавал: и ярко раскрашенных каменных жуков, и маленьких ручных черепах, покрытых бронзовой краской, и выдолбленные из дерева лодки с перламутровыми парусами...

Как-то пастухи поймали в поле и принесли во дворец в банке двух тарантулов. Большие такие пауки, с желтым брюшком и волосатыми лапами...

Никогда не видал? Слава Богу, что не видал! Вылезли они из своих ямок на горячий песок на солнце погреться, а пастушонок быстро накрыл их глиняной миской, потом снизу пальмовый лист подsunул, миску перевернул и готово. Так и поймал.

Принесли тарантулов. Собрались дети вокруг. Один сквозь пузырь в банку прутик сунул, стал пауков дразнить, а те глупые друг в дружку вцепились и давай драться.

Челюсти страшные, как ножницы, так и хватают, так и насакивают. Как петухи!

Хохочут дети, по ковру катаются. Дочь фараона легла сбоку, в банку дует из всех сил, пауков дразнит, а сама так и заливается. Весело!..

И опять, как всегда, только маленький Моисей не смеялся.

Молча подошел, сунул руку на дно банки, расцепил ядовитых тарантулов, понес их к колючим агавам, что росли у ограды сада, и посадил осторожно на песок. И ядовитые пауки не причинили ему зла, не укусили его, расправили лапы и быстро поползли в поле, на свободу... Все видели.

Отпустила дочь фараона детей, отослала служанок, села на ковер к Моисею и долго его гладила по круглой головке.

Долго гладила, и нежно прижала к себе, и тихо спросила:

— Моисей, мальчик мой! Отчего ты такой?

— Какой? — спросил мальчик и низко опустил голову к ковру.

— Отчего ты никогда не смеешься с нами? Смотри: даже солнце улыбается, птицы звенят и радостно перекликаются в пышных кустах жасмина, рыбы в фонтанах весело гоняются друг за другом... Один ты...

— Ты хочешь знать, отчего я не смеюсь? — Моисей быстро встал на ноги и, крепко взяв за руку дочь фараона, потянул ее за собой:

— Пойдем!

Тихонько вдоль стены довел он ее до пышно-затканной портьеры на кольцах и быстро раздвинул портьеру...

За портьерой зашуршала одежда, раздался легкий вскрик, и дочь фараона увидала, как, склонив голову, быстро отошла к стене какая-то чужая, бедно одетая женщина.

— Кто это?

— Моя мать.

— Что она здесь делала?

— Она приходит, чтобы тайком посмотреть на меня... когда я играю, — тихо ответил Моисей и, подняв низко опущенную голову, посмотрел на дочь фараона.

И не выдержала она печали ясных и глубоких детских глаз и, закрыв лицо руками, быстро вышла из покоя.

<1920>

<1927>

СКАЗКА О ЛЫСОМ ПРОРОКЕ ЕЛИСЕЕ, О ЕГО МЕДВЕДИЦЕ И О ДЕТЯХ

«Когда пророк Елисей шел дорогою, малые дети вышли из города и насмехались над ним: идет плешивый. Он оглянулся и увидел их и проклял их именем Господним. И вышли две медведицы из леса и растерзали из них сорок два ребенка».

Так говорит Библия.

А я думаю, что дело было не так. Не может быть, чтобы такой славный старик, как Елисей, из-за таких пустяков (ну, подразни-

ли — эка важность) стал проклинать детей. И уж ни за что на свете не поверю, чтобы медведицы так жестоко расправлялись с детьми. Не их дразнили, — им-то что. Да еще будто они переловили столько ребятишек... Одного бы поймали, ну двух, — а остальные, как воробьи, рассыпались бы в разные стороны. Догони-ка.

Если ты будешь сидеть тихо, и вынешь изо рта чернильный карандаш, и перестанешь дергать кошку за усы, я расскажу тебе, как это было.

Шел пророк Елисей опушкой леса по делам в город Вефиль. Жарко было, как в желудке у верблюда. Ящерицы, широко раскрыв рты, скрывались под прохладными камнями, птицы сонно покачивались на ветках и дремали — одни мухи не спали.

Так уж их Бог устроил: чем жарче, тем им веселей. И нельзя было от них укрыться нигде. Шляп тогда не носили, — Елисей и веткой отмахивался, и ладонью прикрывался, и головой дергал, и стыдить их пробовал, — ничего не помогало. Лезут гурьбой на лысину, жужжат и щекочут, точно им и места другого на земле нет, кроме его лысины.

Пророк Елисей был очень добрый старик: все звери и птицы, и букашки его обожали, и он всех любил. Но и самому доброму надоест, когда надо сто, двести, триста раз кричать «кыш» и махать руками.

А тут еще из-за пригорка целая ватага детей высыпала... Разогрелись, расшалились, и вдруг такое удовольствие: лысый старик идет.

Самый маленький даже рот раскрыл от радости и запел:

— Вон и-дет пле-ши-вый... — и пошло.

Но вот тут, когда мухи кусают в плешь, а пятьдесят ребятишек вокруг тебя приплясывают и сто-двести-триста раз кричат в уши: «Вон идет пле-ши-вый...» — даже божья коровка рассердится.

Покраснел Елисей, как помидор, топнул ногой и крикнул так, что все ящерицы под камнями вздрогнули:

— Молчать. Да я вас всех. Цыц...

А детям только этого и надо: лысый старик рассердился. И еще пуще все в один голос:

— Вон и-дет пле-ши-вый.

Сунул Елисей два пальца в рот, свистнул. Прибежала из леса его любимая медведица, бурая, с черным блестящим носом, с черными блестящими глазами и ткнула головой Елисея в плечо: «чего тебе». — И шепнул ей Елисей на ухо:

— Пристают... Пугни их, да не очень...

Ну, медведица — дура, зверь большой, — где ей на цыпочках ходить. Стала на задние лапы, передними замахала, как ветряная мельница, и галопом на детей. Ух, что тут поднялось.

Один через другого, с визгом, с плачем, с криком, с воем, с писком, с ревом, — пустились наутек, — и бежали, не переводя дух, через луга и поля, пока не домчались до материнских коленей, — только там и отдышались. А самый маленький спотк-

нулся о пень, полетел носом наземь, и глупая медведица не опомнилась, как с размаху на детской рубашонке большую прореху прорвала. Только и всего.

Вернулся к закату пророк Елисей из Вефиля. Жар спал. Мухи забились под листья, кто куда, хоботками чуть-чуть шевелят — и не слышно их.

Проходит пророк мимо той же опушки и палкой весело размахивает. Нет детей... Точно их дождем смыло. Только из-за пригорка слышно, как все тот же мальчик, который всю кашу заварил, пищит:

— Прячьтесь. Скорей прячьтесь. Лысый старик идет.

Скучно стало Елисею. Любил он зверей, и птиц, и букашек, а больше всего детей, дружбу с ними водил, сказки им в лесу рассказывал,— и вдруг такая история: дети его боятся... И совестно как-то. Ну, покричали, подразнили... Зачем же их таким страшным лесным зверем пугать?

Позвал Елисей — никто не откликается. Постоял на месте, вздохнул и пошел к себе в пещеру спать.

Назавтра то же самое, — и день, и два, и три прошло, прячутся дети от Елисея, точно от медведицы. Чуть его завидят, словно сквозь землю проваливаются, — только и слышит за камнями то справа, то слева:

— Удирай. Удирай. Лысый старик идет.

Пустился Елисей на хитрости, знал детское сердце. Смастерил из белых щепок мельницу-вертушку, укрепил на палке и привязал на опушке к толстой сосне. Далеко видно. А ветер подкрался из-за пригорка — дунул, закружил легкое колесо, завертел, — чудесная штука.

Стал Елисей за сосну, плешь бородой от мух прикрыл, догадался, — и ждет. И вот слышит: один подбирается, за ним другой, еще и еще, точно тихие червячки. Ближе, и ближе, и ближе, пока до самой сосны не дошли.

Выскочил пророк Елисей и только рот раскрыл, чтобы ласковое слово сказать, да куда там. Брызнули, как зайцы, назад, и мельницы не надо. Но старик другого и не ждал. Побежал наперерез к самому маленькому (который первый дразнился), давно он его высматривал — руками взмахнул, да так его в охапку и поймал, как жаворонка.

— Пусти...

— Не пущу... — пыхтит Елисей, а сам только смотрит, чтобы мальчишка его ногами по носу не задел.

— Пусти, тебе говорят.

Но старик догадался: вынул румяное яблоко, дал мальчику, а сам его по голове шершавой рукой гладит:

— Ешь. Ну, чего ты от меня бежал. Разве я страшный?

Видит мальчик, что ничего, — яблоко дал, медведицы нет, — откусил половину, сам вбок смотрит, сердитый такой мальчишка, глаза блестят, — и говорит:

— Ничуть не страшный. Злой, а не страшный.

— Почему же я злой,— усмехнулся Елисей, а сам второе яблоко показывает.

— А зачем ты на нас большую собаку выпустил?

— Медведицу... А зачем вы меня дразнили?

— А зачем ты лысый?

Рассмеялся пророк. В самом деле, зачем он лысый? Дети не виноваты.

Съел малыш яблоко и вздохнул.

— Дедушка, слушай!

— Что, милый?

— Ты маленьким был?

— Был.

— Ага, был!.. И никогда не дразнился? Ни ра-зу, ты только правду говори, ни ра-зу не дразнился?

Подумал Елисей и еще веселей улыбнулся:

— Дразнился! Ишь ты какая хитрая мартышка. Ну, давай мириться. Зови остальных...— а сам целый ворох яблок из-за пазухи высыпал.

— Идите сюда!— запищал самый маленький.— Он не тронет, он добрый! У него яблоки есть!

Сошлись дети под сосной. Медведица из лесу пришла, в землю носом ткнулась (ей тоже совестно было) и дикого меду целый сот принесла. Вкусно с яблоками! А добрый пророк Елисей разгладил бороду, посадил своего приятеля, самого маленького мальчика, к себе на колени и начал рассказывать сказку.

Какую сказку? Такую сказку, что лучше и на свете нет...

<1920>

ПЕРВЫЙ ГРЕХ

На каком языке говорили в раю? Ты, верно, думаешь, что на русском... Я тоже так думал, когда был маленьким. Маленький француз, если спросишь его об этом, вынет палец изо рта и ответит: «Конечно, в раю говорили только по-французски!» Маленький немец не задумается: «По-немецки, как же иначе...» Но все это не так.

В раю говорили на райском языке. Люди его сейчас позабыли, а звери, может быть, помнят, да и то не все. Чудесный это был язык: в нем совсем не было ни бранных, ни злых слов. Понимали его не только Адам и Ева и жившие с ними в раю крылатые духи, но и звери, и птицы, и бессловесные рыбы (даже рыбы!), и пчелы, вечно перелетавшие с цветка на цветок, и качающиеся травы, и любая скромная ромашка, расцветавшая в тени райской ограды.

Вечерами травы шептали на лужайке под темнеющими пальмами:

— Тишина... Засыпаем...

— И мы...— отвечали, кивая тяжелыми гроздьями, бананы.

— Спать! Спать! — гудели в воздухе райские золотые шмели, слетаясь на ночлег в дупло трехобхватного дуба, что рос у ручья возле тропинки к водопою.

— А где тут трава помягче? — бурчал неизменно каждый вечер грузный носорог, укладываясь среди колючего тростника на покой. Он тростник называл травой, и казался он ему мягче пуховой постели.

Звери даже во сне разговаривали. Мартышки визжали и хихикали — они видели только смешные сны; сонная рысь, облизывая свесившуюся с дерева лапу, тихонько урчала: «Ах, какой большой сладкий финик...» А бегемоты, выставив из тины похожие на чемоданы морды, зевали, смотрели спросонья на вставшую малиновую луну и фыркали:

— Фу, какое сегодня мутное солнце...

И хорошие все были, — удивительно. Комары никого не кусали, — что они ели, я не знаю, — но ни Адама, ни Еву, которые ходили без всякой одежды, ни один комар ни разу не укусил. Гиены не грызлись между собой, никого не задирали, сидели часами скромно под бананами и ждали, пока ветер не сбросит им тяжелую душистую вязку с плодами. Львы облизывали всех, кто к ним ни подходил, даже скверно пахнущих шакалов, — ели траву, и так как наестся травой дело было непростое, то они, как быки и лошади, по целым дням не подымали морды от сочных стеблей, — а проворные белки, которым и минуту трудно усидеть на месте, играя друг с другом, бегали взапуски по львиным спинам, как по мягким диванам.

* * *

Однажды на лужайке перед закатом звери вздумали играть в свою любимую игру: в лестницу. В гимназии мы тоже играли когда-то в такую игру и называли ее «пирамидой», но звери такого мудреного слова не знали.

Первый стал слон, скосил умные маленькие глаза в сторону и сказал в нос: «А ну-ка!»

Потом растопырил ноги, опустил голову, покачался и утвердился посреди лужайки тверже скалы. На слона взобрался, отдуваясь от одышки и осторожно выпуская когти (чтоб слону не было больно), толстый тигр, на тигра влезла горилла, на гориллу медведь, на медведя пантера, на пантеру рысь, на рысь мартышка, на мартышку белка, на белку крыса, а на крысу — мышь...

Играли в лестницу, как видишь, только такие звери, которые умели лазить. Остальные расселись вокруг всей лужайки, смотрели и веселились.

И вот слон осторожно поднял одну ногу, переставил, — потом другую и пошел вдоль всей лужайки, солидно и тихо, словно кадку с мороженым нес на голове. Горилла редела, рысь весело мяукала, крыса, задрвав хвост, пицала, как вырвавшийся

из хлева поросенок,— и только мышонок на самом верху лестницы дрожал и крепко прижимался животом к крысе: у него кружилась голова.

Из зарослей кактусов на веселую игру смотрели кролики. Среди них один белый, любимый кролик Евы,— а рядом, вытянув плоскую голову, притаилась огромная, жирная гадина-змея. Как она попала в рай? Переползла через ограду по крепкому плющу, или добрый Архангел Михаил, стороживший райские врата, сделал вид, что не заметил ее, когда хитрая тварь проскользнула мимо него на заре, сверкая и блестя чешуей?.. Не знаю. Она одна никогда ни с кем не играла, таилась от всех и молча проползала в кустах, зловеще поглядывая на зверей,— глаза у нее были желтые, цвета мутного студня, с черной поперечной ниточкой в зрачках.

Белый кролик, круглый и пухлый, как муфта, не успел оглянуться, как все его кроличьи друзья ускакали куда-то за рощу, чтоб посмотреть на «лестницу» с другой стороны лужайки.

Задремал он, что ли, или надоело прыгать,— он остался на месте, разлегся, поднял нос и беспечно дышал. И вдруг рядом из-под папоротника поднялась тяжелая змеинная голова, раскрыла медленно пасть и, не мигая, уставилась на него круглыми желтыми глазами. В первый раз в жизни стало бедному кролику страшно: сердце забилося, как муха в стакане, под ложечкой затошнило, лапки к земле приросли,— голова с желтыми глазами все ближе и ближе, все страшней и огромней,— и жало, словно вьюн, так и мелькает вверх и вниз, вправо и влево.

Крикнуть? Позвать других зверей? Но бедный кролик вдруг все райские слова позабыл, даже пискнуть не мог, только задними лапами со страху два раза в землю ударил... и...

Первые переполошились райские птицы. С деревьев сверху им все видно было, смотрят, лежит змея под папоротниками в тени, хвостом чуть-чуть шевелит, а в пасти у нее белая кроличья спина и задние лапы дергаются и с каждым мигом все глубже и глубже в змею влезает. Встрепенулись и, словно разноцветные цветы, с криком полетели на лужайку, к зверям. Мигом рассыпалась «лестница»! Прибежал грузный слон, и тигр, и мартышки, и мышь, все, все,— окружили гадину, ничего понять не могут.

— Отдай кролика! — загудел слон.

— Отдай! — пискнула мышь.

— Отдай, отдай! — заворчал медведь.

— Сейчас же отдай! — заревел тигр...

Отдай да отдай... Так она и отдаст. Слюной его, бедняжку, всего обслюнила и все глубже и глубже в пасть засасывает.

Что делать зверям? Браниться не умеют, отнимать силой — не догадались, никогда у них таких историй не было. И вот рысь спохватилась первая: где Ева? Она для них, как добрая мать была,— ее любимого кролика змея глотает,— надо за Евой бежать.

Ева сидела над райским прудом под пальмой, склонилась к воде, заплетала и расплетала светлые волосы—был ей пруд яснее всякого зеркала. Не поняла она сначала торопливых слов задыхающейся рыси:—кролик—змея—глотает—не отдает! Поняла только, что с ее любимым белым кроликом какая-то беда стряслась. В раю, ты знаешь, не было ни детей, ни ягнят, ни щенят, ни котят, никто их никогда и в глаза не видал, но Ева почему-то больше всего любила таких зверей, которых можно, как младенца, на руки взять. Слон велик, белка на руках не усидит, а белый кролик—такой ленивый, и теплый, и пушистый—был ей всех милее...

Встала Ева и пошла быстрыми легкими шагами, едва касаясь травы, к зверям. За ней вприпрыжку, высунув язык, рысь.

Пришла и видит: звери перед змеей в кучу сбились, и Адам тут. Да и он не в помощь. Стал перед зверями и, как попугай, повторяет за другими: «Отдай кролика!» А у кролика только розовые пятки из пасти дрыгают.

Всплеснула Ева руками, соленые капли так из глаз и брызнули (никогда она раньше не плакала) и скорей-скорей через колючие кактусы, сквозь заросли шершавых кустов побежала к райским вратам,—и все кактусы и папоротники расступились перед ней и шумели ей вслед: скорей! скорей!

Архангел Михаил стоял у широко открытых врат и смотрел вдаль на обступившие райский сад румяные от заката горы. Каждый вечер смотрел—и не мог насмотреться.

— Что с тобой, Ева?—спросил он удивленно, обернувшись на быстрые шаги.

— Змея! Кролика!

— Так я и знал...—нахмурился Михаил и, подняв перед собой огненный меч, освещавший, словно факел, темнеющую землю, пошел за Евой.

Веером расступились звери перед Архангелом. Опустил он пламенем книзу струистый меч, облокотился на золотую рукоять, и закорчилась, как на копье, под взглядом его лучисто-синих глаз змея...

— Ты!—топнул ногой крылатый страж.—Злая и низкая тварь! Ты прокралась сюда тайком... Я не выгнал тебя, живи,—в раю для всех есть место. Но если ты не хочешь жить по-Божьему, я заставлю тебя, как прикованную, не двигаться с места! Вон там, видишь,—Михаил взмахнул багровым мечом,—там, куда никому доступа нет, среди рая стоит яблоня...

— Древо познания добра и зла?—быстро спросила любопытная Ева, с трудом выговаривая странное слово «зло».

— Да, добра и зла,—строго ответил Архангел.—Ни днем, ни ночью,—наклонился он к змее,—не смеешь ты сползать со ствола: лежи и сторожи... Ступай!

Змея покорно шевельнулась и медленно поползла.

— А кролик, а кролик! — закричала взволнованная Ева.

— Отдай кролика, — тихо сказал Архангел. Змея поползла дальше.

— Отдай кролика! — верхушки пальм вздрогнули, так крикнул Архангел.

Понатужилась змея и, сверкая желтыми глазами, как резиновый мячик выбросила из толстой пасти чуть живой комочек к ногам Евы.

Бедный кролик! Он едва дышал, чихал и дрожал и был весь мокрый, словно новорожденный котенок. Только на руках у Евы стал он приходить в себя и дышать ровнее...

Ушел Архангел к вратам. Разбрелись на ночлег удивленные звери. И, шумя потемневшей травой, проползая мимо ног испуганной Евы к заповедному дереву, злобно прошипела, блестя тусклой чешуею, змея:

— Жа-ло-вать-ся! Ну погоди же, я тебе отомщу...

.....
Как она отомстила, ты, верно, уже знаешь, — прочел в школе. А не прочел, так узнаешь в свое время.

<1922>

ПРАВЕДНИК ИОНА

Праведника Иону посетил во сне Господь. «Пойди в Нине-вею, нет моего терпения! Живут хуже скотов, злодей на злодее... Образумь их, Иона, а не то...» И загремел гром в небе.

Проснулся Иона, сел на ложе и задумался. Да разве они послушаются? Камнями побьют, а сами еще пуще прежнего нагрешат. Слишком уж милосерден Господь... Нянька им Иона, что ли? С ним ведь никто не возится, а вот праведник. Не хотят по-человечески жить, пусть дождутся, пока Господь им на выю наступит. Чего бурьян жалеть?.. Только добрый посев портить.

И задумал Иона худое дело, словно затмение на него нашло. Сел тайком на корабль и поплыл в город Фарсис будто по делам, авось и без него все обойдется. В Фарсисе решил заодно родных повидать, внучку на колене покачать, — давно не видал.

Но разве от Господа скроешься? Задул во все щеки ветер, море на дыбы встало, паруса все бечевы порвали и залопотали вверх углами. Закружился корабль, как юла под бичом, — заматались корабельщики.

Стали товар в море бросать: рожки, фиги, смолу-канифоль, только тюки в воздухе мелькают. Все барыши на дно пошли, а толку мало: корабль все пуще носом в волну зарывается, двух гребцов водой слизнуло, — кое-как успели за бортом за канат уцепиться. Попадали корабельщики на колени, каждый своему

богу молиться стал: «Кто из нас так грешен, что такую бурю средь ясного неба на корабль навел?»

Схитрил Иона, точно и не его ответ: пролез ползком в трюм и на козий мех спать завалился.

Что ж делать, решили жребий бросать. Пересчитали всех: а где Иона?— В трюме.

— Не время спать, беда над головой...

Привел кормчий Иону, стыдно праведнику стало,— бросайте, говорит, жребий, все равно на меня падет. Не исполнил воли Божьей,— да вон не по-моему вышло.

Пал жребий на Иону,— и стал он просить корабельщиков, чтобы его в воду бросили и тем корабль спасли...

Жалко стало им старика, налегли было на весла, хотели выгрести, да куда там... Ветер у кого весло переломил, у кого из рук вырвал. Как конь дикий!

Делать нечего, взяли старика под руки — а он и глаза зажмурил,— вот тебе и Фарсис, повидался с внучкой,— и бросили его промеж двух огромных зеленых волн. Сомкнулись — и нет Ионы.

И сразу будто кто море в колыбели усыпил, гладкое стало пруд прудом, а ветер к облакам улетел, на самое мягкое лег и заснул...

* * *

Топить праведника Господу было ни к чему. Много ли праведников на земле?.. Наплыл на Иону несуразный морской зверь левиафан-кит, глотнул раз и втянул старика с головой и ногами в темные недра. И не то чудо, что вовремя кит подоспел,— волны его по наущению Божьему на Иону нанесли,— а чуднее того, как он человека проглотить сумел? Горло с кулак, старик был в плечах широкий, и вот подишь ты — прошел, как кефаль в невод.

Улегся Иона в смрадном чреве, под себя козий мех подложил (как в воду бросили, так он со страху его в кулаке зажал) — и думать стал. Что ж больше делать во чреве китовом?

Горько! Жил праведно, во все свои дни цветка не растоптал. За что Господь на него ополчился? Не он ли себя смирял всю жизнь: и дух и плоть, ни разу не оступился и вот на старости такой грех. Стоило ли праведным быть? Вон эти там в Ниневеи: друг с другом как псы, о Боге и думать забыли,— и о них же Господь печется, словно орел о птенцах... А его, чистого, света лишил, загнал в чрево кита, как змея в пещеру, и вход заградил... навеки.

И вспомнил он зеленую землю, розовое солнце на камнях своего порога по утрам, синее дыхание неба, вырезные листья смоковницы над низкой оградой, ящериц, укрывшихся от зноя в его плаще... Господи, не знал он раньше, до чего жизнь хороша!

За толстыми боками морского зверя тяжело переваливались валы. Ночь ли там над морской пустыней, сияние звезд и лунная дорога или синий день, хоровод облаков и любимый берег вдали?..

Закачала тьма Иону. Сна нет, смрад к душе подступает. Лучше уж в могиле, хоть печаль не сосет! Пал он в уголке на лицо и стал молиться,— не славословил, не благодарил,— а горько жаловался первый раз в жизни:

— «Каюсь, Господи, согрешил! Трудно мне со злыми, истомился. Уходил от них,— а Ты не велишь. Тебе одному служил, а Ты отвернулся. Разве серне укротить гиен? Не люблю я их, прости меня старого. Кротких люблю, чтущих Тебя люблю, искал их на всех путях (мало их, Господи!) и где только находил, разве не делил я с ними и беду и светлые дни? А Ты вот все о разбойниках печешься... Грешен, обманул Тебя: думал, что серный дождь для них лучший учитель, чем я... Что ж,— Тебе виднее. Каюсь, Господи, пусть будет по-твоему. Пойду! Освободи только из смрадной тьмы, дай ступить на зеленую землю,— пойду и исполню...»

Спрятал Иона голову в душную козью шерсть и заплакал беззвучно и кротко.

Гул прокатился над заалевшим утренним морем. Гулко в испуге ударил левиафан плоским хвостом. Ударил хвостом и понесся, сам не зная куда и зачем, фыркая и играя, к тихому берегу. С разбегу выкатил скользкую голову темной глыбой на песок, раскрыл жирную пасть и выбросил Иону головой вперед как раз за тем мысом, откуда корабль отчаливал.

Оглянулся Иона: солнце! Левиафана нет, только белые стружки вдали по воде закружились. Три дня и три ночи протомился в темном зверином чреве, но показалось ему, что долгие годы протекли. Быть может, и Ниневей уже нет, и уйдет он опять к потокам и скалам доживать свои старые дни?..

Шел Иона, отдыхал и снова шел, и вот на исходе третьего дня показались вдали пыльные сады и плоские кровли Ниневей.

* * *

Тою же дорогой вернулся из Ниневей Иона. Спускался к морю скалистой тропой на ночлег и сердито ворчал: Усмирил! Уж они его попомнят: гремел, как лев в пустыне, струпьями проказы грозил источить все живое, иссушающий ветер звал на их сады и источники, гром— на их кровли, мор— на их скот, саранчу на их поля... Покаялись. Только бичом страха и можно их к Господу пригнать. Надолго ли? И зачем? На что Ему такие— только сердце об них иступишь, на веревке к добру притащишь, а там, гляди, веревку перегрызут— и опять начинай сначала.

Шел Иона, угрюмо смотрел на свои пыльные ноги,— трудно ему было понять своих злых братьев, и не радовал его тяжелый подвиг, который выполнил он по Божьему слову... А вечерняя тишина и морская свежесть и двурогая луна над головой делали свое: замедлял шаги Иона, смотрел и не мог насмотреться и утешался, что вот он снова один и никуда ему идти больше не надо.

И вдруг за выступом скалы остановился: лежит на земле ястребенок, из гнезда выпал, пищит, клюв разевает и слабые крылья топорщит. Улыбнулся Иона, взял птенца на ладонь, поднял к глазам: цел! Полез вверх по шатким камням, по писку нашел гнездо, уложил ястребенка среди двух таких же писклявых и, довольный, той же дорогой спустился к подножию. Расстелил плащ под скалой, вытянул усталые ноги и уснул.

И опять посетил его во сне Господь:

— Ну что, Иона, сетуешь?

— Сетую, Господи, прости уж...

— А ты бы, Иона, не пощадил?

— Не пощадил бы, Господи!.. Уж Ты который раз их пугаешь. Покаются,— а потом еще пуще грешат.

— Вот ты какой строгий. Что ж ты ястребенка-то пожалел? Разве он добрый? Подрастет,—станет других птиц бить, кровь проливать. А, Иона?

Обиделся Иона: «Да ведь Ты же его сам создал, Господи!»

Но разве кто из праведников Господа переспорил?

— Создал... Щедрой рукой чего не создашь... А подумал ли ты, что в Ниневеи сто двадцать тысяч живых душ? Не все же псы. Из ястребенка — только ястреб и вырастет, а человек — то змей, то голубь,— как повернуть. Авось уймутся... И дети там растут,— как же им без матерей и отцов подняться? Истребить легко, да тогда и создавать не стоило.

— Что ж, может, и не стоило,— печально вздохнул Иона.

— Ну это уж не твоего ума дело. Это Мне знать, а не тебе. А ты, Иона, не сетуй, а люби. Так ли?

— Так, Господи...— смутился Иона и проснулся, и до светлого утра размышлял.

А как первый свет брызнул в глаза, понял он, что мудрость жалости порой глубже мудрости гнева. Встал, взял посох и пошел к шумящему морю.

Обогнул мыс Иона, смотрит,— вот чудо. Тот корабль, на котором он бежать хотел, у берега новым товаром грузится, да и корабельщики те же. Увидали его, глазам не верят:

«Смотри, старик-то жив!»

— Жив, жив,— рассмеялся Иона,— и еще лет сто проживу! Что ж, опять с вами поеду. Возьмете, что ли?

Смутились корабельщики, шептаться стали:

— Как бы опять чего не вышло? Вишь из-за него сколько хлопот. Ему-то ничего, опять выплывет, а нам снова товар в море бросать — одни убытки.

— Берите, не опасайтесь,— успокоил их праведник.— И убытки вернете и барыши будут, а буря вас и концом крыла не заденет.

— Как не поверить: старик ясный,— говорит, а сам словно светится. Да и не взять нельзя, рассердится, так и с берега беду накличет.

— А тебе зачем в Фарсис?

— Внучка там у меня,— улыбнулся Иона и тихо повторил:— внучка... Давно не видал.

— Ну, что ж, садись,— сказал кормчий и прикрыл ладонью глаза: солнце поднималось над морем.

<1922>

<1926>

ДАНИИЛ ВО ЛЬВИНОМ РВУ

Персидские вельможи не взлюбили пророка Даниила: был он любимцем царя Дария и приближен к нему больше всех.

Как осудить пророка? Был он добр, мудр и справедлив, и ни в чем нельзя было его обвинить. Решились они известить его хитростью.

Уговорили царя Дария вельможи-сатрапы издать указ, чтобы никто не смел в течение тридцати дней никому, кроме царя Дария, поклоняться.

Подписал царь указ. А пророк, как всегда, встал вечером у окна, поднял глаза к звездному небу и стал молиться Богу.

Вельможам только этого и надо было. Пришли к царю и сказали: «Вот твой любимец пророк Даниил нарушил указ. Поклонился не тебе, а своему Богу. Осуди его, царь,— мы все свидетельствуем против него».

Не легко было Дарию выдать завистливым вельможам Даниила, тянул-оттягивал, но скрепя сердце должен был своему же указу подчиниться.

И отвели пророка ко львиному рву, втолкнули его к голодным хищным зверям, а к выходу привалили камень, и сам царь тот камень своей печатью опечатал.

* * *

Старый лев забил упругим хвостом по бедрам, вскочил и поднял голову. За ним гурьбой потянулись львы и львицы. Львята бросили свои игры и широко открыли изумрудные детские глаза. На камне у входа бесстрашно стоял человек, юный и стройный, и улыбался.

— Не боишься?— проворчал старый лев и мохнатой головой коснулся подножия камня, на котором стоял пророк.

— Нет.

— Ты тот, кого люди называют пророком Даниилом? Я тебя сразу узнал: у тебя бесстрашное сердце и львиная поступь.

— Мы его будем есть?— спросил годовалый львенок у матери, но львица лапой отбросила львенка на песок.— Поди прочь, шакал! Его нельзя трогать... Он не такой, как все. Орел нам вчера сказал, что Даниил на охоте не пронзил копьем ни одного льва.

Всегда мимо бросает... А кто нам со стены рва кидал не раз кости и мясо с царской кухни? Ты не узнал?.. Он добр ко всем, даже к паукам.

Львенок удивленно замурлыкал и, сев на задние лапы, стал рассматривать Даниила: ишь какой,—ничуть не боится...

Даниил легко соскочил с камня—расступились звери—подошел к львенку, склонился и положил ему руку на темя. Впервые пальцы человека коснулись головы львенка, и показалось ему, что не человек пощекотал его за ухом, а язык матери, теплый и ласковый.

— Ну, что же, будешь меня есть?—улыбнулся Даниил.

— Нет, не буду. Ты разве понимаешь нашу речь?—удивился львенок.

— Да. Бог добр ко мне: я понимаю, о чем шумит вода, о чем шепчутся деревья, что говорят, перекликаясь в саду, птицы, и ваш язык—мне знаком.

К Даниилу подобрался, осторожно нюхая воздух, другой львенок,—совсем крохотный, не больше кошки, потерялся о его ноги и заурчал.

— Погладь и меня... Он ведь большой, а я маленький.

Рассмеялся Даниил, сел наземь, взял второго львенка на руки, а за ним и другие львята на колени к нему полезли.

Довольные львицы облизнулись: сразу видно, этот умеет с малышами обходиться. А львы разлеглись кругом у скал в тени, прищурили зрачки и, не мигая, стали смотреть. Не каждый день такую штуку увидишь.

— Бороться хотите?—спросил Даниил, встал на ноги, слегка их расставил и уперся руками в сильные бока.

Дремавший орел испуганно встрепенулся на скале: вот визжат. Что это они там затеяли?

А львята пушистой гурьбой набросились на Даниила. Но разве такого повалишь. Лезли, вставали на задние лапы, упирались мордами в упругие колени, но человек ни с места. И вдруг отскочил в сторону—так и повалились зверята на горячий песок... Вот ведь хитрый какой.

Потом бегали вперегонки. У человека две ноги, а у львят по четыре, но куда там. Никто Даниила не обогнал, только угомонились, высунули языки, разлеглись под скалой рядом с Даниилом, бока, как кузнечные меха, ходят.

Львица, мать самого маленького львенка, лапу ему в расщелину камня сунула, вытащила полуобглоданную кость, принесла и перед Даниилом положила: ешь...

Но он только головой покачал и рассмеялся.

Цикады над головой затрещали. Жарко и тихо.

— А ты рычать умеешь?—спросил Даниила маленький львенок.

— Нет.

— Я тоже не умею.

— Вырастешь, научишься...— Даниил задумался и посмотрел зверенку прямо в зрачки. Львенок отвернул глаза. Рассердился, фыркнул и опять упрямо посмотрел в глаза Даниилу. И опять не выдержал взгляда человека.

— Отчего это?— спросил львенок.

— Что «отчего»?

— Матери я смотрю в глаза и даже большим сердитым львам, а тебе не могу.

— Ну, ты еще малыш. Не поймешь... Сиди тихо и не мешай мне думать.

— Что такое «думать»?

Даниил ничего не ответил, прислонился к теплой скале и положил львенку на спинку ладонь: потянулся звереныш, зевнул— всю пасть открыл,— затих и завел свою сонную кошачью музыку. А цикады все громче трещат.

Подошел незаметно вечер. Пала прохлада. Звери по всем углам расшагались, старый лев на луну морду поднял и заревел: очень уж есть захотелось. А Даниил руки за голову закинул и пролежал недвижимо до рассвета, глядя на светлые звезды и поглаживая жавшихся к нему от ночного холода львят.

* * *

Царь Дарий всю ночь не спал и к пище не прикоснулся. Жалко ему было юного Даниила, своего советника и любимца. Голодные львы— не шутка, небось и костей от Даниила не осталось... А вдруг жив? Не сохранил ли его Бог, которому он поклонялся?.. Так ведь спокоен был Даниил, когда его вели в львиный ров, и так светел, точно ничего злого себе от хищных зверей не ждал.

Чуть свет, едва первые птицы в кустах встрепнулись, кликнул царь Дарий воинов и пошел торопливо к львиному рву.

Стал у опечатанного камня и тревожно окликнул:

— Жив ли ты, Даниил?

И из-за камня бодро и радостно отозвался знакомый голос:

— Жив! И ты, царь, живи во веки...

Отвалили камень. Вышел невредимый Даниил. Дарий в радости глазам не верит.

А злые, лукавые вельможи сзади столпились, хмурятся и глаза в землю потупили.

Обернулся Дарий—и, как его ни просил Даниил простить их, не послушался и махнул воинам рукой:

— Бросьте их львам!

<1925>

**РАССКАЗЫ, СКАЗКИ, СЦЕНКИ,
НЕ СОБРАННЫЕ В КНИГУ**

ФАКИРСКИЙ ПОДАРОК

Много лет назад, когда нос мой едва доставал до ручки двери, я учился в Белой Церкви и по классу своему носил веселое звание «приготовишки» (вы и слова такого теперь не знаете).

Был я как-то осенью с дядей в цирке. И вот в антракте, помню, как сейчас, пошли мы с ним за кулисы к страшному человеку Рачки-Чикалды, «самопротыкающему различные части организма при помощи гвоздя без повреждения внутренних печенок и пролития кровяных шариков».

Факир за дощатой перегородкой сидел на табурете, пил пиво, отдувался и обсасывал усы. Очень был обыкновенный факир. А я стоял в углу и, прячась за дядю, смотрел на него, как канарейка на гремучую змею.

Помню, как Рачки-Чикалды взял меня за руку, притянул к себе, посадил на свои факирские колени и сказал тихим загробным голосом:

— Ну, ученый человек, чего дрожишь? Научить тебя знаменитой штуке?

— Без пролития кровяных шариков?— робко спросил я, упорно сползая с коленей на пол.

— Ишь ты! Эта штука, брат, не для таких мышат, как ты... А вот что, ты сны видишь?

— Вижу.

— И хорошие?

— Какие там хорошие... Все про делимое и про делителей. Даже надоело.

Факир на мои ученые слова только головой покрутил.

— Эх ты, каплюшка! Да разве ж это сны?..

Он достал из-под расшитого звездами халата листок бумажки, разорвал его на три клочка, пососал карандаш, задумался и стал писать.

— Вот. Видишь, тут три бумажки. Если тебя днем взрослые обидят, если дождик шел и гулять тебя не пустили, если за обедом сладкого не было, разверни перед сном любую бумажку, прочти семь раз, обратясь лицом на восток, все, что на бумажке написано, и засыпай с Богом. Увидишь сон добрый, сон веселый, сон сладкий,—какой пожелаешь... Только знай: должен ты этим словам крепко верить и никому про них зря не болтать. Тогда все и сбудется.

Дядя усмехнулся в усы—не поверил. А я три бумажки в карман, да скорей—ходу. Может быть, самопротыкатель этот еще раздумает и бумажки свои назад отберет.

И что же вы думаете? Поверил я ему—и много добрых, веселых и сладких снов видел, чего и вам желаю.

Друзья мои маленькие! Я взрослый. Снов никаких давно уже не вижу: ни сладких, ни горьких. А вам, малышам, мой секрет, может быть, и пригодится.

Вот что на бумажках этих было написано.

СОН ДОБРЫЙ

Хочу видеть доброе царство,
Голубое государство,
Где все улыбаются,
Где взрослые к детям не придираются,
Где нет ни ос кусачих,
Ни гадов бродячих,
Ни детских мучителей—
Делимого и делителей...
Дзинь-дзинь!
Хочу! Желаю! Аминь.

СОН ВЕСЕЛЫЙ

Хочу видеть веселое царство,
Детское государство,
Где все шумят, свистят и танцуют,
Бьют в барабаны и в дудки дуют,
Где ручные слоны и тигры
Играют с детьми в веселые игры,
Где пляшет еж в зеленом халатике,
А мартышки рвут в куски грамматику...
Дзинь-дзинь!
Хочу! Желаю! Аминь.

СОН СЛАДКИЙ

Хочу видеть сладкое царство,
Рахат-лукумное государство,
Где на каждом шагу
Продают бесплатно нугу,
Вяземские коврижки,
Медовые пышки,
Халву и бананы,
И печеные каштаны...
Дзинь-дзинь!
Хочу! Желаю! Аминь.

Попробуйте. А если ничего не выйдет—вина не моя. Значит, плохо верили.

<1924>

БЕЛАЯ МЕДВЕДИЦА

Она сидела в своей каменной ванне в парижском зоологическом саду и купалась. По бокам с четырех сторон гладкие стены. Вверху над решеткой—головы любопытных людей.

Вот солдатик в металлической каске жует банан, небось не догадается медведице бросить... Вот дама в обезьяньей шубке. Смотрит и думает: хорошо ей, медведице, у нее есть ванна... а у меня квартира без ванны... Вот маленькая девочка склонилась над решеткой красненький носик и черные глазки. Она одна в скучный и серый февральский день подумала о бедном звере. Купила булочку,— не мягкую рассыпчатую булочку, которую люди едят с кофе, а попроще, посерее — какие продают в зоологическом саду для зверей. Отщипывает по крохотному кусочку и бросает вниз.

Один кусочек падает в ванну и сразу разбухает. Медведица, грузная и неуклюжая, словно дама в ротонде, поворачивается в воде, ловит губами мокрую мяготь и глотает. Ей этот кусочек все равно что девочке одно рисовое зерно. Другой кусочек падает наземь. Дежурный воробей надскакивает, уволакивает его в угол и пищит. Слетаются с голого платана гурьбой все его родственники и знакомые и жадно набрасываются на вкусную добычу.

Медведица подымает голову и пристально смотрит на девочку. В добрых, умных глазах укор: «Милый, глупый детеныш! Вся твоя булочка мне на один глоток. Ты что ж боишься, что я подавлюсь, и тебе придется бежать за ветеринаром? Не кроши хлеба, брось весь сразу... Я за то вылезу из ванны и сделаю тебе реверанс».

И представьте себе, девочка поняла. Повертела над головой хлебец и поманила зверя. Медведица лапу за лапой вытасила из ванны, перелезла через низкие края и стала растопыркой на каменные плиты. Словно живой стеклярус заструились с глянцевитой шубы на камни ручьи. Она встряхнулась, брызги веером долетели до воробьев, и воробьи веером брызнули во все стороны. Медведица встала на задние лапы, подняла кверху черные глазки: «Ну?»

Булочка полетела в черно-розовую пасть — гам — и исчезла. Вежливый реверанс — и опять белая шуба плюхнулась в свою ванну.

Ушли люди. Сидит медведица в студеной воде, ворочается и думает: «Ах, как жарко! Хоть бы снежок пошел... Самый, самый маленький!..»

А воробей-задира пролетел над самой ее головой и пискнул: «Сыта ли?»

— Как же, сыта,— вздохнула медведица.— Мне бы корзину хлеба, да две корзины трески, да бочонок жира на закуску...

— Фи, обжора! — чирикнул воробей и склюнул под самой ванной последнюю крошку.— И зачем ты такая большая уродилась, что тебе столько еды надо?!

МАЛЕНЬКИЕ

Серьезный пятилетний человечек поймал в ведро медузу и принес ее своей четырехлетней сестре.

— Где у нее носик? — спросила девочка.

— Нету носика. У нее только насквозь видный живот и красные жилочки.

— Для чего жилочки?

— Чтобы живот как-нибудь держался.

— А пупик где?

— Пупик по дороге оборвался.

— Что же она кушает?

— Рыбий жир... Соленую воду... Она потому и такая, что у нее прозрачная пища.

— Слушай, пожалуйста! А как же мы пьем рыбий жир и... купаемся?

— Глупости! У нее есть кожа... И мы едим и бананы, и цветную капусту, и котлетки.

— Она очень сердитая?

— А если тебя поймать в ведро, — ты будешь добрая?

— Я же не влезу... Странный мальчик... Очень она кричала?

— Дрожала от злости!

— А что она делает в море?

— Шлепается об купальный столб и разбивается на маленькие кусочки.

— Ну, хорошо. Брось ее назад в воду... Я с таким глупым созданием не желаю играть.

<1925>

РАЗБИТОЕ СТЕКЛО

Взрослый человек стоял в нижнем этаже у стола перед закрытым цветным окном и мыл губкой старый пыльный кактус. Красивое окно: во всю ширину на маленьких оправленных в олово матовых стеклах нарисован был целый сад. Из стекла в стекло завивался душистый горошек, переплетался с диким виноградом, — прищурить глаза, точно в садовой беседке стоишь.

И вдруг — трах! Стекло зазвенело, мимо уха пролетел камень, посыпались осколки, и сквозь зубчатую дыру засквозил клочок улицы, потянуло холодом, бумажки не столе заплясали...

Человек распахнул быстро раму. Перед окном сидела в кукольной коляске удивленная консьержкина дочка, а направо, словно вспугнутый кролик, удирали малыш в розовой фуфайке. Ага!.. Споткнулся, упал и с ревом помчался дальше.

Взрослый человек поднял с пола круглый камень,— ишь, звереныш какой, чуть в пенсне не угодил! — и спросил девочку:

— Кто разбил стекло?

Девочка беспокойно завертелась в своей колясочке, очень она туго в ней умостила — никак не выйти, — и развела руками:

— Не знаю. Не я. Камни лежат вон там, — она показала на грудку камней под деревом, — я ведь их и достать не могу!

— Я знаю, что не ты. Ты — умница. Но, может быть, камень бросил твой маленький приятель — Жорж? Почему он так быстро удирал? А?

— О, нет! Что вы! Он совсем не шалун и совсем маленький... Мы играли, он меня возил... А потом я закрыла глаза, задумалась, и... ничего не знаю.

Конечно, она своего друга не выдаст, не такая девочка. Но глазки бегали вверх и вниз, губы морщились, вот-вот расплачется. Бог с ней совсем!

Он вышел на улицу и зашагал к угловому дому. Малыш — сын лавочницы; он ведь хорошо его знает: утром всегда, когда ходит за газетой, он здоровается с мальчишкой. И тот, сидя перед лавкой верхом на своей облезлой лошади без хвоста и ушей, всегда трясет большую руку взрослого человека и заботливо предостерегает: «Здравствуйте, здравствуйте и до свидания, пожалуйста... А то моя лошадь начнет брыкаться!»

* * *

Лавочница всплеснула руками и от огорчения едва не уронила на пол жестянку с мармеладом.

— Мой сын? Разбил стекло?! То-то он прибежал с улицы, забился за кровать и сидит там, как мышь под стойкой... О, сударь, мы сейчас это выясним.

Позвала сынишку и строго спросила:

— Ты разбил стекло?

Малыш помотал расцарапанным подбородком — нет.

— Как не ты? Господин видел, как ты удирал. Почему ты удирал?

— Я ловил бабочку.

— В феврале, на улице, бабочку?

— Ну, жука. Он пролетел, а я за ним. Он дальше, а я за ним. До самого дома добежал и споткнулся...

— Стыдись! Разбил, так должен сознаться. Что о тебе этот господин подумает?

— Ничего не подумает. Может быть, он сам разбил, а теперь на меня сваливает, чтобы ему не попало...

— Молчи!.. Сейчас же тебя нашлепаю, слышишь!

— Ты лучше его нашлепай. Что он ко мне пристает?..

Взрослый человек рассмеялся.

— Позвольте, мадам, не наказывайте его. Я сам его спрошу.

Он вынул из-за спины круглый, похожий на сорочье яйцо, камень и показал его мальчику:

— Чей это камень?

— Мой! — радостно закричал мальчик и, вдруг сообразив, что попался, захныкал. — Я не нарочно... Хотел бросить в стенку, а тут ваше окно по дороге попало.

— Если бы по дороге моя голова попала?

— Ну, вы тоже скажете. Не может же камень сразу разбить и стекло и голову... Что вы выдумываете?!

Мать рассердилась.

— Перестань болтать глупости! Сейчас же извинись и скажи, что больше не будешь.

— Сейчас же извинись и скажи, что больше не будешь, — покорно повторил мальчуган, обращаясь к стоявшему перед ним человеку.

— Не так! Смеешься ты надо мной, что ли? Бесстыдник...

— Ты же сама сказала...

Дело, впрочем, окончилось миром. Мальчик извинился, мать дала ему, как полагалось, три легких шлепка, он, как полагается, три раза взвизгнул и был посажен на час под стойку на скамеечку. Там у него был домашний карцер.

Стекольщика из строящегося соседнего дома лавочница обещала прислать вечером. Так как посетитель настаивал, что за стекло заплатит он сам, она упростила его взять от нее на память хотя бы апельсин.

И выбрала для него самый крупный и самый душистый. Но взрослый человек все-таки перехитрил лавочницу и, уходя, сунул незаметно апельсин под прилавок и оттуда тихим-тихим шепотом донеслось — «Мерси, сударь, больше не буду!»

1926

Париж

ССОРА

Девочка Ната посадила куклу на книжную полку: сиди! А сама поставила на табурет таз с мыльной водой и стала кукольное белье стирать.

Кукла не человек — никогда сама не скажет, — но хоть раз в месяц надо же ей белье переменить. Очень веселое занятие — стирка. Куда веселее зубрежки французских городов с департаментами, да если их надо еще на немой карте указать...

Ната стирала не как-нибудь, а по-настоящему. Сначала в горячей воде с мылом и с содой. Потом полоскала, подсинивала, отжимала и развешивала между двумя стульями на розовой тесемке. И между делом читала кукле нотацию:

— Фи, срам какой! Рубашка с дыркой, на штанишках резинка лопнула... Неряха...

Голая кукла сидела на полке и обиженно молчала. Языка нет, а то бы она ответила. Разве кукла должна шить-чинить-пришивать? Назвалась мамой, так и старайся сама, нечего на куклу сваливать!

* * *

Меньшой брат Гриша косился из угла и завидовал. Он мальчик, не полоскать же ему кукольные штанишки, в самом деле. А очень интересно! Хорошо бы утюжок разогреть, да сырое белье прогладить, по всем швам нажимая,— как взрослые делают. И перед тем как гладить, поплевать на испод утюжка надо обязательно—железо зашипит, значит горячо. Но... нельзя мальчику гладить: Ната не позволит, засмеет и подруги ее задразнят...

Думал, думал и выдумал. Взял мяч, отошел на середину комнаты и стал над самой головой куклы о стену мяч бросать. В руки, в стенку, в руки, в стенку... Кукла сидит и от страха глаза растарасила... А Гриша все дальше отходит и все сильнее в стену лупит.

Налетела Ната, мяч вырвала и зашипела:

— Ты что это делаешь?! Хочешь ей лоб разбить?

— При чем тут лоб. Я жонглер!

— Какой жонглер?

— Такой. В цирке—забыла? Принесли дверь. Жонглер перед дверью свою жену поставил и давай вокруг головы ножи в доски метать... Веером...

— Так ты женись, тогда и бросай в свою жену ножами, сколько хочешь... А в куклу мою не смей!

— Так я ведь мячом, чудачка...

— И мячом не позволю!..

— Что же я делать буду? Ишь ты какая, сама стирает, а мне и мячом нельзя... Ну, давай мяч, я бросать не буду.

— Зачем же тебе мяч?

— А я ему глаза нарисую, усы. Чтоб смешно было.

Ната мяч отдала— вот глупости выдумал. И снова за свою стирку.

Но Гриша— мальчик упрямый. Исподтишка изловчился, хотел было опять над головой куклы мячом в стену ударить, да ошибся и угодил кукле в нос...

Кукла всплеснула руками и прямо головой вниз с полки в мыльный таз. Брызги снопом во все стороны, локоны в воде, ноги кверху, а Ната, как паровозный свисток, завизжала и мокрым кукольным одеялом Гришу по голове как хлопнет! Можете себе представить?

Вытерла девочка куклу, губы надула. Как же: локоны все развились, как макароны висят, вода в голову сквозь глазные щелки попала — потрясешь, так в голове и булькает. Что же это такое? Теперь ведь кукла водянкой заболит.

И Гриша сердит. Мокрым одеяльцем по носу смазала!

— Девчонка бессмысленная!..

— А ты мальчишка, капустная кочерыжка! В сто раз лучше девчонкой быть... Я кому мешала? Тихонько себе стирала, а ты вон какую пакость натворил. И все вы такие... Обидчики, драчуны, задиры... Думаешь, штанишки надел, так тебе все можно? Кошку кто в картонку с маминой шляпой посадил? Ты. Грамматику кто чернилами измазал? Ты. За столом сопишь, во сне в воскресенье ругался. Стыдно! С Вовой вчера такой шум подняли, точно слоны дикие в дом ворвались... Стулья вверх ногами, в камин супом брызгали... Девочки никогда себя так не ведут.

— Мы играли в пожарных, ничего ты не понимаешь. Плакса кислая! Бантик прицепила, думаешь — умница. В тетрадках промокашка на ленточках. Чистеха какая... А кто тебя от бульдога на улице спас? Мальчик из лавочки. Ага! В воду если с парохода свалишься, кто тебя вытащит? Матрос! А он ведь тоже бывший мальчик... И шофер — бывший мальчик. И... трубочист. Вам только тряпки на кукол шить... По моде! Подумаешь! У меня лошадь как лошадь, целый год за диваном стоит и никаких ей мод не надо. Ага! Нечего сказать? Накуксилась?

— Не желаю на мальчишкины глупости отвечать. Очень интересно трубочистом быть! А я замуж не выйду, первая в мире балерина... И трубочист придет, я ему гордо скажу — поскорее почистите мой камин, мне некогда, у меня сегодня выступление. Вот тебе и мальчик! И на рояле все девочки играют, а вы только и знаете: барабан да свою несносную трубу.

— Хорошо, хорошо... Что ты мне не дашь слова вставить? Кто рояль выдумал? Кто музыку сочинил? Мальчики. То есть мужчины, но это же все равно. И беспроволочный телеграф, и рахат-лукум, и кинематограф, и азбуку, и... и... одеколон. И повар всегда лучше, чем кухарка, — это сама мама говорила... Куклу твою, если сломается, кто починит? Мужчина! Бывший мальчик! Что? Съела?

— Ничуть не съела. «Хижину дяди Тома» кто написал? Женщина!

— Мужчина!

— Да? Вы так думаете? И Жанна д'Арк была женщина. Понял? Была и конец.

— Была... я не спорю. Что же, бывают и такие женщины, которые похожи на мужчин...

— Ничуть не похожи! В миллион раз лучше. Не смей возражать... Куклу испортил и еще возражает!

* * *

В эту минуту распахнулась дверь, и в комнату вошла бабушка, нагруженная сверточками и пакетиками. Ната к ней сломя голову так и бросилась, чуть с ног не сбила.

— Бабушка, бабушка! Он меня дразнит, и куклу мою в воду сбросил, и важничает, вздор про девочек городит, и не дает мне слова сказать...

— Это тебе-то? — рассмеялась бабушка. — Что такое? Да не таракти, пожалуйста. Расскажи-ка, Гриша, ты толком.

— Кто, бабушка, Эйфелеву башню построил? Мужчина или женщина?

— Ишь, что выдумал! Мужчина, дружок, кто же больше? Да хоть бы он ее и не строил вовсе. Торчит каланчой, а радости от нее никакой нет...

— Ага, мужчина, ага, мужчина!

Гриша радостно захлопал в ладоши, но бабушка ничего не поняла. Когда же дети, позабыв про куклу-утопленницу, рассказали ей вперевод, о чем они спорили, она посадила внучка под правую руку, внучку под левую, погладила обоих по встрепанным волосам и, как мудрый царь Соломон, рассудила:

— О чем спорить? Воробьи... С дедушкой вашим, когда мы детьми были, я всегда играла. Никогда не ссорилась. Раз вот только заспорили, как вы: кто лучше — мальчики или девочки? И что же, дедушка мне уступил, я — ему, и ссоре конец...

— Как уступил? — спросил Гриша.

— А ты сам догадайся. Подумай-ка хорошенько да отвечай: кто лучше, мальчики или девочки?

— Девочки, — тихо ответил Гриша и покосился на сестру.

— Умник. Ну-ка, Ната, а ты что скажешь?

— Мальчики лучше, бабушка, — глядя в пол пробурчала Ната. Посмотрела на брата — и оба рассмеялись.

Принялась Ната опять за свою стирку, нельзя же дело на половине бросать. Гриша вертелся сбоку, вертелся и спросил:

— Можно, Ната, кукольное белье погладить?

— А ты не сожжешь?

— Нет. Я холодным утюжком.

И стали они вдвоем работать ладно и весело — прачечное заведение, да и только.

Посмотрела бабушка, улыбнулась и поплелась на кухню свои пакетики разбирать.

Тане скучно. Пре-пре-скучно!.. У ее подруги Вари корь. Еще стишок такой есть смешной:

Мне с лица не воду пить,
И с корявой можно жить.

Корь прилипчивая. Три недели нельзя видаться, потому что карантин. Гуммиарабик вот в баночке целый год стоит и все липкий, а корь через три недели уже не прилипает.

Бедная Варюша! Лежит она на диванчике, простыня к ней прилипла, мухи на нос садятся и тоже приклеиваются... Ужасно! А Варина мама все время ходит с губкой и мух отмывает...

Что ж делать, надо одной играть.

* * *

Таня усадила в кресло всех своих учеников: куклу с отбитыми пальцами — мадам Дезагреабль, рядом русского мишку — Михаила Созонтовича, а у мишки на руках примостился резиновый верблюд — Буржуй.

Строго постучала отцовской трубкой по столу и сказала:

— Во-первых, когда я вхожу в класс, все должны встать! Предположим, что встали. Михаил Созонтович, почему вы подняли кверху лапы? Это вам класс или это вам танцкласс? Запишите на завтра уроки. По географии: открытие Северного полюса. Кто открыл, почему открыл, список книг и игрушек для полярных детей... Записали? По-французски: «La cigale et fourmie»¹. Рассказать своими словами в настоящем времени, прошедшем и будущем. По арифметике: задача. Одному слону давали после кори каждый день два ведра рыбьего жира. Спрашивается, сколько он весил через год, если после болезни похудел на 124 кило?.. Все. Расскажите нам теперь, Михаил Созонтович, какие в России водятся животные?

— Медведи, зайцы, собаки, кошки, волки и поросята, — ответила за мишку медвежьим голосом сама Таня.

— Хорошо. Все они, как вы знаете, млекопитаются, кроме птиц, которые поют, несут яйца и ловят букашек. Кроме того, как я вам в прошлый раз объясняла, есть еще и рыбы. Большие рыбы едят маленьких, маленькие — червяков, а червяки... Червяки ничего не едят. Как проводят медведи время летом и как зимой?

— Летом медведи пожирают дикий мед, дикие груши и дикие яблоки, — бойко затараторил мишка. — И крадут у мужиков на огородах горох...

¹ «Цикада и муравей» (фр.).

— Что очень даже стыдно!

— Что очень даже стыдно,— покорно повторил Михаил Созонтович.— А зимой забираются в берлогу, закрывают глазки и сосут свою лапу, пока первые весенние лучи...

— Довольно. Садитесь... Буржуй! Из чего делается верблюжья шерсть? Не подсказывать! Стой ровно, не горбись! Не знаешь?! Стыдно! Из верблюжьей шерсти. Повтори. Чем питаются в Сахаре верблюды и чем они не питаются?

— Верблюды питаются, во-первых, финиками и колючими колючками,— ответила за верблюда верблюжьим голосом Таня.

— Совершенно верно. Кроме того, они могут по пять дней обходиться без пищи, и тогда их горб худеет и сваливается набок, как мокрая тряпка. Повтори.

— Позвольте выйти!— вдруг сказала Таня за верблюда.

— Это еще что за фокусы? Не приготовил урока? Где начинается Сахара и где она кончается? Сколько километров пробегает в день антилопа, если за ней гонится старый лев, и сколько пробегает, если гонится молодой? Лентяй несчастный! Ты хочешь, чтобы я опять вызвала твою маму для объяснения? Ты не жалеешь своих родителей, которые хотят тебе дать высшее образование и воспитание? Михаил Созонтович, поставьте его носом в угол и не давайте ему до вечера ни одного финика...

Раскрасневшаяся Танюша обмахнула себя тетрадкой и перевела дух.

— Фу... Какой неисправный мальчик. Madame Дезагреабль! Напишите мне, пожалуйста... Ах, да... у вас обломанные пальцы, я забыла. Скажите нам, куда впадает Луара?

— В горько-соленый Атлантический океан,— пискнула кукла.

— Прекрасно. А откуда она вытекает?

Кукла задумалась, да, кажется, и сама Таня не знала.

— Ну, это неважно. Завтра я вам объясню подробно. Прививали ли вам оспу и была ли у вас корь? Какие вам еще известны прилипчивые болезни? Никакие? Хорошо. Теперь скажите, какие вы знаете сказки Пушкина? Ах, да,— вы француженка... В таком случае, какой главный город во Франции?

— Париж.

— Вот видишь,— обернулась Таня к стоящему в углу верблуду,— как надо готовить уроки!.. Прекрасно. А где находится ближайшая от нас кукольная мастерская и лечебница?

— Avenue Mozart, 12.

— Чудесно. Передайте вашим родителям, что они могут вами гордиться. Если вы всегда будете так отвечать, наш лицей вам закажет на свой счет новые пальцы... Дзинь-дзинь-дзинь! Урок окончен. Буржуй, я тебя на этот раз прощаю, иди в свою конюшню и займись чистописанием. До свидания.

Танюша соскочила с табуретки-кафедры, подошла к окну и задумалась: а теперь во что играть?

<1926>

МИСТЕР КУККИ И ЕГО ЦИРК

Сцена 1

На эстраде, разукрашенной пестрыми флажками и бумажными фонариками, появляется директор цирка — мистер Кукки. Одет в цветную курточку с фрачными фалдами, на голове полосатый цилиндр, вдоль лацкана бутафорские ордена. Сморгается в клетчатый платок, протирает круглые очки.

Мистер Кукки. Добрый вечер, высокоуважаемые девочки и многоуважаемые мальчики!

Проездом через Париж на остров Мадагаскар буду иметь честь показать вам свой знаменитый цирк с номерами одушевленными и неодушевленными.

Во время представления прошу не сморгаться и не щипаться, и сидеть так тихо, как на уроке латинского языка, когда учитель вышел из класса. Если вам программа не нравится, можете после представления попробовать получить у кассирши деньги обратно...

(Из-за кулис протягивается рука и тянет директора за рукав. Он наклоняет голову и слушает.)

Получать у кассирши деньги обратно лучше пробовать не надо...

Номер первый! Знаменитая изобретательница, мисс Арабелла, выступит со своим аппаратом для чтения собачьих мыслей и со своим замечательным фоксом Микки. Собачьи вопросы просим задавать из публики и не свыше четырех действий по арифметике.

Музыка! Маленький собачий галоп, но потише! Иначе Микки будет выть.

Сцена 2

(Выходит мисс Арабелла с фоксом на руках. Сажает фокса на столик и надевает ему на голову блестящий прибор с телефонной трубкой. Приседает, посылает воздушный поцелуй и обмахивает веером себя и фокса.)

Мисс Арабелла. Сначала мы измерим ему температуру. *(Берет большой стенной градусник.)* Под передней лапкой — 16 градусов, под задней — 18. Пульс — тыр-тыр-тыр — невозможно сосчитать! Сердцебиение, как горный водопад. Он очень волнуется. Мы оба очень волнуемся...

Микки, не верти, пожалуйста, хвостом!

Итак, мы начинаем. Задавайте ему вопросы, поодиночке и не очень глупые. Я выслушиваю через аппарат и точно и громко передаю вам ответы.

Голос из публики. Сколько тебе, Микки, лет?

М-с Арабелла (*слушает в трубку и отвечает*). Мне еще нет лет. Мне всего девять месяцев.

Голос из публики. Кто такой Цезарь?

М-с Арабелла. Цезарь — большой сенбернарский пес, который живет со мной рядом, в отеле.

Голос из публики. Если от двенадцати отнять восемнадцать — сколько останется?

М-с Арабелла. Столько же, сколько у тебя в голове.

Голос из публики. Как звали твою бабушку?

М-с Арабелла. Посмотри в энциклопедическом словаре на букву «мягкий знак».

Голос из публики. Что ты получил, Микки, в подарок на елку?

М-с Арабелла. Новую плетку и намордник. Чего и тебе желаю.

Голос из публики. Задачи ему задавать можно?

М-с Арабелла. Попробуйте!

Голос из публики. Если трем собакам дали три котлеты, сколько достанется каждой?

М-с Арабелла. Каждой ничего не достанется. Самая сильная собака съест все три котлеты, а остальные оближутся.

Голос из публики. Любишь ли ты кошек, Микки?

М-с Арабелла. Люблю... когда из них делают дамские воротники.

Голос из публики. Кем бы ты хотел быть, если бы не был фоксом?

М-с Арабелла. Директором этого цирка, потому что директор съедает в день две телячьих котлеты, а мне дает только косточку... (*Директор высовывает голову из-за кулис и грозит Микки кулаком.*)

Директор. Прошу прекратить собачий номер. Ваша собака начинает врать!

(*Мисс Арабелла показывает директору язык и обиженно, с фоксом под мышкой, уходит со сцены.*)

Сцена 3

(*Выходит директор.*)

Директор. Номер второй. Кто боится, пусть переходит в последний ряд! Сейчас вы увидите белого медведя Гуп-Гуп с его черным укротителем Джун-Джоном.

(*На сцену медленно выходит, рыча, белый медведь и укротитель.*)

Директор. *Allez!*¹ Тебе говорят, *allez*, медвежий тюфяк! Кланяйся! Делай воздушный реверанс. Садись на мягкий стул, кушай бутерброд с рыбьим жиром (*дает ему бутерброд*), а Джун-Джон все вам покажет и расскажет. (*Уходит.*)

Джун-Джон (*мальчик, загримированный негритенком*). Перед вами ледовитый знаменитый полярный медведь Гуп-Гуп, белый тулуп. Имеет три метра в длину, четыре—в ширину. Когда родился—был меньше. При перевозке сдох, теперь поправляется. Встань, пожалуйста! Скажи «здравствуйте». (*Медведь рычит.*)... У него хриплый голос, потому что он всю ночь сидел на льду. Встань на задние лапы! Подыми правую ножку! Подыми левую ножку! Подыми обе ножки сразу! (*Пауза. Медведь стоит неподвижно на задних лапах.*) Обе сразу не может, потому что не на чем тогда держаться.

Теперь—тишина. Кто боится—все уже пересели? Швейцарско-ледовитая укротительская борьба! Мускулы медведя и ум человека. Бум-бум! Должен победить ум!

Раз-два-три! (*Борется с медведем и говорит.*) Хотя ты белый, хотя ты большой, хотя я черный, хотя я маленький (*дает медведю подножку*),—бумс и ты на полу! Падай же! Почему ты не падаешь?..

(*Медведь падает. Джун-Джон становится на него в позе победителя и раскланивается.*)

Джун-Джон (*соскакивая на пол*). Закрой глазки и отдыхай... Сейчас прилетят две снежные феи и принесут тебе мороженое...

(*Вбегают две девочки в белом, с серебряными мотыльковыми крыльями. В руках корзиночки со снегом. Кружатся вокруг медведя и сыплют ему на морду снег. Он садится, жадно ловит снег и ест.*)

Феи (*танцуют и поют под музыку*).

Прилетели мы с Норд-Капа,
Принесли тебе снежку...
Ну, вставай, давай-ка лапу,
Потанцуем на лужку...

(*Медведь встает, берет девочек за руки справа и слева и грузно с ними пляшет, подражая движениям конькобежца...*)

Феи.

На коньках... Вот танец веселый...
Не споткнись, наш белый медведь!
Если б ты был не такой тяжелый,
Ты мог бы с нами улететь...

(*Джун-Джон изумленно на них смотрит, засунув палец в рот.*)

Директор (*входя*). Вы кончили ваш глупый танец?

¹ Вперед, марш! (*фр.*)

Фей (смеются). Кончили! (Схватывают корзинки, обсыпают директора снегом и с ревушим медведем бегут, смеясь, за кулисы. За ними вприпрыжку укротитель.)

Сцена 4

Директор (обмахивает с себя снег и фыркает). Фуй! Что директор цирка, что белый медведь,— для них никакой разницы...

Номер третий! Тихо... Чтобы слышно было, как муха чихает. Сейчас мы вам покажем индусского факира Халву-Инжира. Чтобы не волновать детей, он не будет себе ни ломать костей, ни прокалывать языка, ни разрезать бока. У нас тут цирк, а не мясная лавка. Оркестр! Маленький факирский марш!

(За сценой играют марш. Входит мальчик в пестром халате с белой чалмой на голове.)

Директор. Сделай факирский поклон. Направо—налево—в середину. Назад не надо...

(Факир, скрестив руки на груди, раскланивается, вынимает из-за пазухи пирожок и начинает есть.)

Директор. Сейчас же перестань, иначе полный расчет! Почему ты за кулисами не ел? Времени не было? Пфуй! Показывай свои факирские чудеса.

Факир (с полным ртом). Ячки-чикалды, клочки-бадылды, халды-балды... Пунди-мунди—юктер-бельмес...

Директор (переводя его слова). Он говорит по-мессопотамски, что вы сейчас увидите вещь, которую никто никогда еще не видал и которую после никто никогда больше не увидит.

Факир (хлопает в ладоши).

(Два мальчика приносят на сцену столик, большой молоток и шкатулку; ставят все это перед факиром и удаляются. Факир, засучив рукава, делает над шкатулкой пассы, затем открывает ее и вынимает из нее орех.)

Факир. Ас-бас-трибабас, ани-бани-контрабас...

Директор (медленно и значительно). Он говорит, что то, что находится внутри этого ореха, никто до сих пор никогда еще не видал.

Факир (раскалывает орех и показывает зрителям ядро).

Директор. Теперь вы это видите?

Факир (проглатывает ядро).

Директор. И больше никогда не увидите!.. (Факир кланяется.)

Теперь он покажет вам полное солнечное затмение, которое было на Брахмапутре 43 года тому назад. Просят не волноваться и впотьмах не щипаться!

Факир (*вынимает из-под халата картонное золоченое солнце и вешает его на задней стене эстрады*). Шурум-бурум... Фух!
Директор. Чернила и кисточку. Живо! Оркестр, начинай!..

(*Факир замазывает чернилами солнце и дует на него три раза. Электричество гаснет.*)

Директор (*кричит в темноте*). Халва-Инжир! Зажгите, пожалуйста, солнце. Кто-то воткнул в меня сзади булавку... Я, черт передери, не факир—прошу эти глупые шутки прекратить!

Факир (*хлопает в ладоши, электричество загорается*).

Директор. Самый главный номер! Кто хочет кашлять, пусть выйдет в коридор. На ваших собственных глазах Халва-Инжир ложится на три стула.

(*Факир ложится.*)

Тут голова, тут ноги. Если считать наоборот: тут ноги, тут голова. Живот все время остается посередине... Ноздри он затыкает ватой. Уши клякспапиром. Рот не затыкает, потому что надо же как-нибудь дышать... И вот он впадает в летаргический сон.

(*Факир чихает.*)

Директор (*строго*). Халва-Инжир! Чихать можно только после окончания сеанса... Он впадает в летаргический сон и будет в таком положении спать до 1 апреля следующего года. Если вы посидите здесь до этого числа, то убедитесь, что это самая настоящая правда.

Мальчик из публики (*выходит к сцене*). Можно проверить?

Директор (*сердито*). Что проверить?

Мальчик. Что он спит металлическим сном?

Директор. Летаргическим!!!

Мальчик. Я же и говорю—металлическим.

Директор. Ты ему не будешь вливать чернил в ухо, или протыкать его перочинным ножичком, или тому подобное?

Мальчик. Да нет же! Уйдите, г. директор, со сцены. Совсем уйдите!..

(*Директор подозрительно оглядывается, медленно уходит.*)

Мальчик. Теперь развяжем ему шнурочки. Снимем башмак. (*Снимает с факира башмак.*) Возьмем гусиное перышко... И пощекочем ему пяточку... (*Факир дрыгает пяткой.*) Ага!..

(Мальчик садится на корточки у ног факира и продолжает, улыбаясь, щекотать. Факир фыркает, брыкается ногой, сваливает мальчика на пол и наконец вскакивает и на одной ноге удирает за кулисы.)

Мальчик *(язвительно к публике)*. Вот вам и металлический сон!

(Уходит.)

Сцена 5

Цирковой служитель *(в белом фартуке, с метлой в руках, говорит лениво и нараспев)*. Директор очень рассвирепел и просил меня объявить за него следующий номер... Проверщики тоже разные лезут,—только представление портят! Это не то, что факиру, а ежели спящему бегемоту пятку начнешь щекотать, так он проснется...

Номер четвертый. Атлетический. Ччас выйдет чемпион мира, голландский силач Ван-дер-Пуф. Очень хороший человек и всегда дает мне на чай.

Выжимает одной рукой до обеда 50 кило *(выжимает метлу)*, после обеда 48! Если хочет, может и больше. В присутствии персидского шаха раскусил собственными зубами несгораемую шкатулку, за что получил орден... тигра и луны *(из-за кулис кто-то громко подсказывает—льва и солнца!)*... Ну, вола и японца. Орден этот во время переезда через Атлантический океан уронил за борт в припадке морской болезни... *(Пауза.)* Особенно Ван-дер-Пуф знаменит силой своих собственных пальцев, при помощи которых...

(Оглядывается и говорит растерянно.)

А где же Ван-дер-Пуф. Я думал, что он давно здесь! *(Кричит.)*

Ван-дер-Пуф! Что же я, как дрессированный верблюд, объясняю, а ты за кулисами чай пьешь... Иди представлять!

(Выходит атлет Ван-дер-Пуф, плотный мальчик в розовом трико с орденами и раскланивается. Служитель метет перед ним метлой сцену, фыркает и уходит.)

Ван-дер-Пуф *(показывает свои мускулы и, широко расставив пальцы, перебирает ими)*. Вот этими двумя пальцами, большим и указательным, без всякого вреда и даже сохраняя на лице улыбку, могу поднять с пола самую толстую девочку. А вот этими двумя пальцами, тоже без вреда и с улыбкой, могу одновременно поднять самого толстого мальчика.

Желающих испытать силу моих пальцев—прошу подняться на сцену. Раз-два-четыре!.. *(Пауза. Никто не двигается с места.)* Неужели в зале нет ни одного храброго человека? Не могу же

я сам себя подымать... Каждый поднятый не только не будет поломан, но, наоборот, сам сумеет потом подымать двумя пальцами детей и даже родителей, как у себя дома, так и в гостях...

(На сцену поднимаются мальчик и девочка.)

Браво! Один коврик для девочки! Браво! — Один коврик для мальчика!

(Служитель приносит два коврика.)

Мальчик должен упереться носом в пол, головой ко мне влево. Девочка — носом в пол, головой ко мне вправо. *(Обращаясь к публике.)* Оба весят не меньше, чем пиренейский совершеннoлетний теленок.

(Девочка и мальчик ложатся, приподымают слегка головы, смотрят друг на друга, смеются и опять опускают головы.)

Ван-дер-Пуф *(делает шведскую гимнастику, наклоняется, берет двумя пальцами девочку под косичку, мальчика за волосы на затылке и тянет их кверху. Те вскакивают и с визгом набрасываются на атлета. Музыка умолкает.)*

Девочка *(плаксиво)*. За косу подымать?! Обманщик! Вот я тебе покажу, как за косу подымать!.. Тоже, лягушка атлетическая...

Мальчик *(потирая затылок)*. Чучело голландское, за волосы тянет... Так можно самого толстого лавочника, не то что мальчика. *(Наскакивает на Ван-дер-Пуфа.)* Давай я тебя самого подыму!.. Ложись, сейчас же ложись... Ага, побледнел, Геркулес фальшивый!

Ван-дер-дер-Пуф *(отмахиваясь)*. Да я разве говорил, за что я подымать буду? Я только сказал, что двумя пальцами...

Директор *(выбегает из-за кулис и щелкает бичом)*. Цыц! Штиль! Каждый атлет получает по пять конфет и долой со сцены!..

(Ван-дер-Пуф и дети убегают. За сценой визг.)

Директор. Фуй! Я сердит, как бенгальский тигр... Сейчас моя жена покажет вам элегантный номер пятый... *(Сморкается, обмахивает лицо платком и, покачивая головой, уходит.)*

Сцена 6

Жена директора *(приседает)*. Добрый вечер, спокойной ночи! Номер пятый... Лиана! Мимоза! Колибри! Оса! *(Выбегают четыре девочки в индианских головных уборах.)* Изящный поклон налево, элегантный направо, самый изящный — в середину.

(Девочки кланяются, берутся за руки и покачиваются.)

Перед вами краснокожие девочки-индианки из племени Сиу-Сиу-Мяу-Мяу. Всем вместе 32 года, каждой отдельно — 8... Оркестр, индийское попури... Покажите, как плавает лебедь? (*Девочки показывают.*) Как ходит на водопой здоровый жираф? (*Девочки показывают.*) Как ходит больной жираф? (*Девочки показывают.*) Как слоны вытаскивают слоненка из болота?

(*Из-за кулис подкрадывается мальчик в костюме клоуна, ударяет в гонг: «Бум!» и удирает.*)

Жена директора (*растерянно кричит*). Занавес! Он испортил мой финал! Занавес! (*Сердито уходит, уводя за собой спотыкающихся девочек.*)

Сцена 7

(*Выходит мальчик — клоун Плик.*)

Плик. Испортил финал! Разве здесь зверинец или ветеринарная лечебница для больных жирафов? (*Кланяется.*) Здравствуйте! (*Пауза.*) Почему никто не отвечает? (*Кричит.*) Здравствуйте!!! Букс, а Букс! Иди сюда. Публики много, а мне одному страшно...

(*Выходит клоун Букс.*)

Плик. Поклонись. Что ты стоишь, как жареная курица? Будем представлять номер шестой. Ты видал, как индианки показывали, как плавает белый лебедь?

Букс. Видал...

Плик. Давай покажем, как плавает черная кошка.

Букс. Давай... (*Ложатся на пол и барахтаются.*)

Плик. И как летает чемодан с пятого этажа? (*Кувыркаются через голову.*)

Букс. И как обезьяна откупоривает бутылку с уксусом? (*Достают из мешка бутылки, делают вид, что откупоривают, пьют и морщатся.*)

Плик. И как бульдог ловит блоху? (*Показывают.*)... А теперь я тебе покажу факирский фокус. Хочешь?

Букс. Покажи. Только не очень страшный...

Плик. Очень не страшный. Я тебя посажу на стул, и ты ни за что на стуле не усидишь!

Букс. Нет, усажу.

Плик. Не усидишь!..

Букс. А если усажу?

Плик. Ты будешь умный...

Букс. А если не усажу?

Плик. Ты будешь глупый.

Букс. Ну, давай... (*Говорит в сторону: «У одного факира был осел, так он более интересные фокусы придумывал».*)

Плик (*приносит стул, сажает на него Букса и мелом на полу очерчивает вокруг него круг...*). Ну вот, попробуй усиди...

(*Отходит в сторону, вынимает из кармана яблоко и начинает есть.*)

Букс. Слушай, я уже усидел?..

Плик. Нет, еще не усидел... (*Пауза.*)

Букс. Вкусное яблоко?

Плик. Очень. А что?

Букс. Ничего. Я не хочу больше сидеть.

Плик. Дело твое. Разве я тебя приклеил?

Букс. Но до которых же пор я должен сидеть?!

Плик (*ест яблоко*). Всю жизнь. Мы же срока не назначили.

Букс (*хнычет*). Не хочу всю жизнь... Ты меня обманул...

Я слезу!.. (*Слезает со стула.*)

Плик (*к публике*). Ну вот... Я ведь говорил, что он глупый...

Букс. А яблоко?

Плик (*показывает на живот*). Здесь...

Букс. Ах, так! Ну хорошо! Ну хорошо... (*Сердито ходит по сцене, потом останавливается перед Пликом.*) Слушай, я тебе тоже покажу факирский фокус.

Плик. Покажи.

Букс (*приносит из-за кулис ящик и ставит его открытой стороной вверх*). Ты видишь ящик?

Плик. Вижу.

Букс. Если ты в этом ящике успеешь раздеться за пять минут, значит, ты умный.

Плик. А если не успею?

Букс. Значит, ты глупый...

Плик. Тоже, фокус... (*Лезет в ящик и, высунув оттуда голову, кричит к публике.*) Смотрите все на часы! Чтоб он не смошенничал... (*Быстро раздевается и выбрасывает по частям одежду из ящика.*)

Букс (*смотрит на часы*). Четверть минуты, полминуты, минута, две минуты... Молодец, разделся! (*Быстро собирает одежду и уносит за кулисы.*)

Плик (*из ящика*). Букс! Я уже разделся! (*Пауза.*) Куда же ты ушел?

Букс (*высовывая голову из-за кулис*). Ку-ку! А что? Разве тебе скучно?

Плик (*высовывая голову из ящика, испуганно оглядывается кругом*). Кто украл мое платье?! Как же я теперь вылезу? Я же в одной рубашке.

Букс. А тебе одной мало?

Плик (*ревет*). Мне ужасно стыдно!..

Букс. Но зато ты умный, а я глупый... (*Вынимает из мешка яблоко и ест.*)

Плик (*вылезает из ящика и с ревом бежит в длинной нижней рубашке за кулисы*).

Директор (*вбегая*). Занавес! Занавес!.. Фуй, какой стыд!
(*За сценой шум. Выбегает служитель и задерживает занавес.*)

Сцена 8

Директор. Номер седьмой! Сейчас вы будете слышать и видеть г. мексиканского чревовещателя Муркина с его знаменитой куклой Нелли. Больше ничего не могу прибавить, потому что я очень тороплюсь: за кулисами клоун Плик колотит клоуна Букса ящиком по животу. (*Быстро уходит.*)

(*Входит чревовещатель с куклой на руках: Посреди сцены столик со скатертью, опущенной до полу. Под столом сидит девочка, говорящая за куклу. Чревовещатель садится за столик. Куклу держит на коленях.*)

Муркин. Ну, мисс Нелли, как ваше здоровье?

Кукла (*пискливо*). Как масло коровье!

Муркин. Что вы видели вчера во сне?

Кукла. Собаку на сосне.

Муркин. Как она туда попала?

Кукла. С луны упала.

Муркин. А сколько у вас рук?

Кукла. Восемь штук.

Муркин. Почему так много?

Кукла. Какой вы странный, ей-богу... Две, чтоб драться, две, чтоб щипаться, две, чтоб одеваться, и две, чтоб раздеваться...

Муркин. Ого! А, может быть, вы нам что-нибудь споете?

Кукла. Я забыла свой голос в комодке у тети.

Муркин. А какое у нас сегодня число?

(*Кукла молчит.*)

Муркин. Что же ты, оглохла? Какое у нас сегодня число, я спрашиваю?.. Ну?!

Девочка (*вылезая из-под стола и, откашлявшись, плаксиво говорит*). Господин Муркин! Я не могу больше за нее пищать... Под столом такая пыль, что я совсем подавилась...

Муркин (*хлопает ее куклой по голове*). Директор! Я выхожу из трупы... В контракте не было, чтобы она вылезала из-под стола... (*Толкает девочку и, схватив куклу за ногу, уходит. Девочка, всхлипывая, бежит за ним.*)

Сцена 9

Входит Директор (*голова завязана платком*). Многоуважаемые девочки и высокоуважаемые мальчики! Программа окончена. Вы видите, на что я похож?.. Но вы должны

быть снисходительны, потому что состав труппы был приближительный. Все артисты такие же дети, как вы, кроме белого медведя, который совсем взрослый и свой номер исполнил аккуратно...

Завтра мы едем в Амстердам — вот уже шесть приглашающих телеграмм! Табачной лавочки я решил не открывать, их и так на каждом углу четыре штуки.

Артисты! Все, все, пожалуйста на сцену — и господин фокс Микки и белый медведь... Allez!

Полный парад!.. *(Все выходят.)* Поклон налево. Поклон направо. Поклон в середину. Поклон вверх. Поклон вниз... Кругом марш! — Музыка! Заключительный марш!

(Все артисты во главе с директором обходят несколько раз сцену под звуки марша и уходят за занавеску.)

<1926>

ЛУК В КЛЕТКЕ

Катя третий день не разговаривает с кошкой. Стоит ли с ней разговаривать, посудите сами... Катя развела на кухонном окне «огород», — насыпала в ящик из-под гвоздей земли с песком, посадила в ящик лук, а по краям четыре пучка незабудок (на базаре они ведь с корнями продаются).

Бывают, конечно, огороды и побольше: с чугунной оградой вокруг, со стеклянными огромными колпаками, под которыми дыни да огурцы выводят, но Катя своим ящиком была довольна. Травка какая-нибудь сбоку вытянется — она ее прочь, а по вечерам дядя брал огород под мышку и уносил до утра в коридор. И уж зато, когда в доме нужен был зеленый лук, все к Кате обращались; а когда гости ели селедку, дядя говорил: «Селедка аховая, да и Катин лучок неплох!» И вел гостей на кухню показывать огород.

Словом, что долго говорить... Побежала как-то утром Катя к своему ящику, да так и присела. Кошка их, тварь рыжая, лежит в ящике, на солнце греется, как королева голландская, лапы вытягивает, а лук с незабудками весь выдран и кругом по полу, как сорная трава, разбросан. А кошка еще заигрывает, — Катю за передничек зубами ловит...

Много было слез. Характер у Кати твердый: третий день с кошкой не разговаривает. Но ведь кошка не пес. Пес напраказит — сам не свой ходит, угрызения совести его мучат, а кошке хоть бы что.

Пришлось, однако, смириться и кошке. Пришла она на кухню по своим помойным делам, видит — перед окном Катя

с дядей стоит, в руках у дяди старая клетка, в клетке ящичек, а в ящичке зеленый лук.

— Поваляйся теперь, поваляйся! — захлопала Катя в ладоши.

Кошка сердито фыркнула и забилась за угольный ящик.

— Порядочные хозяева птичек в клетках держат. Дверцы иной раз забудут закрыть, кошка уж своего не упустит, будьте покойны... А лук... очень он мне нужен!

А сама из-за ящика выглядывает, соображает: пролезет ли сквозь прутьики лапа или нет? Нет, не пролезет!

И хвостом, кошачьим барометром, сердито-сердито задергала.

<1926>

О МЫШИ, КОТОРАЯ ЛЕГКОМЫСЛЕННО ЗАБРАЛАСЬ В ЧЕМОДАН

В полуоткрытом чемодане завозилась мышь. Прорыла траншею в воротничках и рубашках, вытерла старательно усики, присела на край чемодана и осмотрелась. Куда же это ее хозяин завез?.. Обои незнакомые, портреты на обоях незнакомые, кровать в полкомнаты, тоже совсем не то, что в Париже. И воздух совсем другой: сырее и потяжелее, чуть-чуть устрицами попахивает. В окно круглый фонарь смотрит, шипит и на дожде покачивается.

Неуютно стало мыши, вскарабкалась по вязаному одеялу на кровать к хозяину, — все же свой человек...

А дело было так: вчера ее хозяин белье да разные бумаги в чемодан запихал, в дорогу собрался. Мышь из-под стола смотрела и пришла ей в мышью голову фантазия на чистом белье поваляться... Влезла тихонько в чемодан, а хозяин возьми да и закрой крышку. Протряслась часа три в поезде в сетке и к ночи вот в чужом городе, в чужой комнате и очутилась...

— Пи! Какое досадное положение...

* * *

— Кто вы такая, как вы сюда попали, и почему вы нарушаете в посторонней квартире тишину? — спросила сидевшую на одеяле гостью появившаяся из-под комода толстая старая мышь.

— Я? Приехала с хозяином по делам из Парижа. У него нет детей, и он всегда берет меня с собой... Но мы так часто с ним путешествуем, что я даже не знаю, куда мы, собственно, теперь приехали: в Копенгаген или в Берлин...

— В Брюссель. А зачем вы сюда пожаловали?

— Мы пишем сценарий из жизни парижских мышей, и я самая главная героиня. Для пьесы нам, кстати, нужно несколько неуклюжих служанок. Парижские мыши слишком грациозны, но вы бы, например, подошли. Хотите, я за вас замолвлю словечко? Выговор у вас, простите, тяжелый, как недопеченная булка, но для кинематографа это неважно.

Брюссельская мышь обиделась.

— Не нуждаюсь! Я из солидной фламандской семьи и вернуться в кинематографе хвостом мне не пристало. У моей хозяйки, честной и доброй старушки, тоже нет детей, но у нее есть попугай, с которым я в большой дружбе. Попугай получает два раза в день кусочки поджаренного мяса, на второе орехи и семечки и на третье—шоколад. Он очень щедр и, когда ест, разбрасывает пищу во все стороны, а я, конечно, подбираю... У вас, должно быть, более изящная пища, ишь как у вас живот подвело...

— Нет, что же... это я ради моды похудела. Кусочек поджаренного мяса я бы, впрочем, охотно съела, или ломтик шоколада...—пискнула парижская мышь.

Намек, кажется, достаточно ясный, но брюссельская толстуха поскребла лапками брюшко и отвела разговор подальше от съестного:

— Не понимаю, почему это у меня на животе волосы вылезают? У вас в Париже тоже?.. И вообще, пока люди спят и нам никто не мешает, расскажите-ка мне, что у вас делается в Париже...

— В Париже? Чудесная жизнь. Кошки в последнее время выходят из моды. Заводят собак, но мы, мыши, ничего против этого не имеем. Иные хозяйки, правда, держат еще тибетских и сибирских кошек, наряжают их в ошейники, берут с собой в лес... Но эти твари тоже мышей не едят, и я однажды даже дернула тибетскую кошку за бантик, а она как фарфоровая: вылупила голубые глазки и ни с места... А вообще у нас весело! В каждом доме граммофон и танцы. Хозяйева танцуют вверху, а мы внизу. На рассвете пробираемся в квартиру и поедает бисквитные и шоколадные крошки... Что вам еще сказать? Усики выходят из моды, хвосты тоже, я слыхала, будут стричь. Недавно в нашем клубе был конкурс худобы и приз получила мышка, которая вся могла уместиться в чехле для зубочистки...

— Так зачем же вы переехали в такой старомодный город, как Брюссель?.. У нас, слава Богу, живут прочно, хвостов не стригут, едят до отвала и про черный день в укромный уголок провизию откладывают.

— Я ведь вам говорила,— жеманно объяснила парижанка,— что мы приехали сюда с хозяином, чтобы поработать здесь в тишине над сценарием из мышьиной жизни...

Брюссельская мышь иронически повела носом.

— Бросьте! Вы хоть и парижанка, но даже врать правдоподобно не научились... Ваш хозяин самый обыкновенный скупщик кроличьих шкурок, и вы ему так же нужны, как крысе слоновьи клыки. Объясните мне, наконец, толком, как вы попали к нам в Брюссель?

— Не знаю... А скажите, как у вас относятся в Брюсселе к новым мышам?

— К каким это новым?

— Ну к таким, которым бы понравился ваш город и они бы вздумали у вас поселиться...

— Это вы, душечка, о себе что ли говорите? Зачем же вам у нас селиться? Вы так грациозны, и выговор у вас такой легкий, и хозяин вас любит, как родную дочь. Нет уж бросьте. Солидным мышам мы всегда рады. Впрочем, солидных у нас уже полный комплект: плотность мышиногo населения сверх нормы. А уж такие легкомысленные пищалки, вроде вас, нам, сударыня, не ко двору. Ни одно мышиное общество вас к себе на порог не пустит. А бродяжничество у нас строго преследуется,— все закоулки на чердаках и в подвалах на учете...

— Так что же мне делать?!— растерянно запищала мышь-парижанка.— Простите, пожалуйста! Я совсем не кинематографическая примадонна, и хозяин вовсе не брал меня с собой... Он меня захлопнул крышкой в чемодане, вот и все. Но что же мне теперь делать? У вас такие симпатичные усики и вы даже немножко похожи на мою покойную тетю. Я на все согласна, не сердитесь на меня: я тоже попопнею и стану неуклюжей, только не гоните меня с этой квартиры... Я умею делать модные прически и буду массировать ваши лапки, только...

— Нет, нет,— покачала головой брюссельская мышь.— Я на вас не сержусь больше... Но не могу же я впустить вас к себе в квартиру. Что скажет хозяйка? Что скажет попугай? И наконец, поджаренного мяса вовсе не так уж много! Знаете что? Вы ведь можете обратно добраться до Парижа в чемодане, так же точно, как приехали сюда...

В самом деле! Парижская мышь с досады даже себя за хвост кинула: как же она сама не догадалась об этом? И вспомнила заодно, что на дне чемодана лежит целый пакет с бисквитами... О! А она унижалась, как какая-нибудь мышь, сбежавшая из погоревшего дома.

— Благодарю вас за совет... Одно из двух: или вы уж очень простоваты, или я действительно гениальная артистка... Я перед вами простушку от скуки разыгрывала, а вы и лапки растопырили... Слушайте, я вам серьезно советую подумать. Завтра мы с хозяином отправляемся в кругосветное путешествие. Для нашего сценария нужна служанка. Хотите проветрить мозги и есть каждый день голландский сыр? Подумайте, до утра времени

много. А теперь ступайте, милая, в ваш чулан, что вы тут перед глазами торчите?..

И так дерзко она это сказала, что брюссельская мышь из своей же комнаты на цыпочках покорно в коридор вышла и хоть бы слово нашлась ей в ответ молвить.

* * *

Утром человек вскочил с постели, умылся и весело сказал вошедшей в дверь с кофейным прибором хозяйке:

— Доброе утро, тетя! А чемодан, знаете, я решил оставить у вас, стар уж очень. Белье в газету заверну, против вокзала куплю себе чемодан и переложу...

У парижской мыши сжалось под умывальником сердце... Брюссельская мышь ехидно наступила ей лапкой на хвост и пискнула:

— Что-с?

— Впрочем,— сказал человек,— не люблю я ваших брюссельских чемоданов... Прочен, как утюг, неуклюж, как королева... Доеду уж со своим, а в Париже куплю новый.

— Что-с?..— пискнула парижская мышь, наступая лапкой на хвост брюссельской толстухе.

<1926>

ЛАВОЧНИК НА ПОЛЧАСА

На полках банки, бутылки и жестянки.
На прилавке грудой навалены свертки и пакеты.

I

Лавочница (*разбирает товар*). Товарец новый получила. Крем для кукольных ботинок. Порошок против тараканов... Любимая тараканья закуска. Ваниль в трубочках для воздушных пирогов. Паркетная мастика, игрушечные комоды... Сейчас все по местам рассортируем. Съестное к съестному, тараканью закусу к мышеловкам... Ваниль к прованскому маслицу, комоды к сковородкам. Чтобы один товар другим не пропах, у каждого свое общество, своя цена, свой ярлычок.

(Звонок: «Тилин-тилин!»)

Входит господин в шляпе.

— Доброе утро, сударыня!

Лавочница. Будьте здоровы, господин. Апчхи! Кстати вы пришли: все у меня свеженькое, только что получила. Не угодно ли карандашик для выведения жирных пятен на жилете?

Господин. Да у меня и пятен-то нет.

Лавочница. Будут, будьте покойны... Переднички есть клеенчатые. Надписи-то какие заманчивые: «Кушай кашу, слушай мамашу»... «Кисель — сладок, младенец — гладок»... На выбор.

Господин. Благодарю вас. Я уже лет тридцать без передничка ем... Мне бы, собственно... (*задумывается*). Зачем это я к вам шел? Вы не помните?

Лавочница. Кружевца есть кремовые к ночным чепчикам. Дешево уступлю.

Господин (*обиженно*). Что вы в самом деле! К носу я их, что ли, пришью кружевца ваши?

Лавочница. Зачем же к носу? Можете, например, вашу тетушку обшить... Или на чайничек покрывку.

(*На улице раздаются тревожные гудки, промчался пожарный автомобиль.*)

Лавочница (*высовывая голову за дверь*). Ах, ах! Где пожар? За углом пожар?! Ах, ах! (*Трясет покупателя за рукав*.) Сударь! Ради Бога... Я так обожаю пожары и, подумайте, какое счастье: как раз за углом горит. Золотой мой, миленький, побудьте за меня минут пять в лавочке. Цены привешены, весы на столе, бумага в углу. Хорошо? Я же вам и кредит открою и мозольный пластырь в премию дам.

Господин. Что вы, что вы?! Да у меня и мозолей нет... Да и на поезд я спешу... Что это вы такое придумали?!

Лавочница (*ловит на ходу рукой рукав пальто*). Спасибо! Вот добрый человек, вот милый человек... (*Кричит в дверь*.) Послушайте, послушайте! Еще не потушили? Нет? Ну, слава Богу. Бегу!

(*Убегает.*)

II

Господин (*садится растерянно на табурет посреди лавки*). Вот так влетел. А вдруг кто-нибудь войдет? Войдет да и скажет: «Отпустите-ка мне четверть фунта сырку, да осьмушечку сиропа, да пол-осьмушечки перцу...» А я и гирь-то не знаю... И вместо сиропа керосина ему ухну. Тьфу! Руки трясутся. (*Встает.*) Разберу-ка товар покамест, — хоть нервы успокою. (*Читает.*) «Ваниль». Это которая пахнет. Мы ее, значит, в парфюмерию рядом с мылом положим. «Порошок для тараканов». Ну, это рядом с крупой. Ясно. Сосульки-леденцы, футы, какие липкие... Пусть с гуммиарабиком полежат. Кукольные ботинки. Их-то куда девать? И не съестное и не парфюмерное и не писчебумажное...

(*Звонок: «Тилин-тилин!»*)

Входит дама.

Доброе утро, сударь.

Господин (*испуганно оборачивается, показывает на рот и на уши и мотает головой*).

Дама. Зубы болят? Не понимаю.

Господин (*пишет что-то на грифельной доске и показывает даме*).

Дама. Глухонемой? Вот бедняга. Как же он торгует?.. Ах, вот что. Я ему тоже буду писать, что мне надо и сколько надо. А торговаться ведь и на грифельной доске можно.

Господин (*обмахивает шляпой табуретку, словно сдувая с нее пыль, и жестом приглашает даму сесть*).

Дама. Мерси. Какой любезный... (*Пишет на доске и говорит*.) Сахарного песку фунт. Прочли?

Господин (*вздыхает, снимает с гвоздя передник, неуклюже его надевает на себя и идет с совком к ящикам*).

Дама (*подозрительно за ним следит*). О! Пойдите... (*Пробует*.) Так и есть. Да ведь это соль. (*Делает гримасу*.) А мне нужен сахар. Сахар! (*Сладко улыбается и облизывает пальцы*.) Поняли?.. Боже мой! Теперь он в соду полез. (*Сердито отбирает у него совок и ведет его за руку к ящику с сахаром*.) Вот. (*Вкладывает ему совок в руку и показывает на весы*.) О, Господи, да ведь это не лавочник, а лунатик какой-то.

Господин, вздыхая, кладет на весы гирию в пять кило.

Дама. Фунт я просила! (*Показывает один палец*.) Фу-унт! А он пять кило кладет. Да что же это за чудовище... (*Отстраняет его и сама взвешивает*.) Ровно фунт. Чуть-чуть побольше. Ужели для себя не пересыпать немножко... Сколько? (*Пишет на доске*.) Сколько?

Господин показывает семь пальцев.

Дама. Семь франков?! За фунт?! Да он с ума сошел... Нога моя здесь больше не будет!

Господин (*злбно*). И не надо мне вашей ноги. С Богом!

Дама (*изумленно*). Как?! Да вы же глухонемой...

Господин. Совсем не глухонемой. Богдыхан я. Китайский император. Из Китая прилетел ревизию делать, каким таким чаем у вас тут торгуют? Жука нашел дохлого в банке с чаем... Почему жук? На каком основании?! Лавочницу связал, в тюрьму отправлю. Слышите, как она под прилавком хрипит? А тут вы со своим сахарным песком пристали... Сейчас и вас вязать буду. (*Берет бечевку и разматывает*.)

Дама (*осторожно пятясь к дверям*). Ох! Да он сумасшедший. И молоток на прилавке... Как хватит меня по шляпке... Ай!

(Убегает в дверь.)

Господин (*ей вслед*). Гав-гав! Вот тебе и сахарный песок. Что же это, однако, лавочницы нет...

(Звонок: «Тилин-тилин!»)

* * *

Входит старичок с сумкой.

Здравствуйте, здравствуйте! Вы, должно быть, хозяйкин брат, который на прошлой неделе приехал?.. Да, да. Нос кнопочкой, совсем хозяйкин. И бровей почти нет, как у нее. Как ваши курочки поживают? Разводите? Очень, очень выгодное дело.

Господин (*хмуро*). Крысы курочек съели. И паричок ваш съедят, если будете много болтать. Что вам угодно?

Старичок. Гм... Ишь какой сердитый. Рису мне угодно полтора кило да четверть сметанки, да кнопок № 2 три дюжины, да ваксы «Паз негра» баночку, да пудры для кукол на 15 су, да... жавелевой водицы литр, да... Что это вы все под стойку посматриваете?

Господин (*мрачно*). Несчастье случилось.

Старичок. Какое несчастье, осмелюсь спросить?

Господин (*шепотом*). Видите, индус тут напротив живет, заклинатель змей.

Старичок (*тревожно*). Ну?

Господин. Спешил он к себе в цирк на репетицию. Зашел за сардинами, а сам пошел на угол побриться... Ящичек-то свой у меня на минуту оставил.

Старичок. Ну?!

Господин. Я из любопытства ящичек приоткрыл,— змеи по всей лавочке и расползлись... Вот и собирай их теперь. А ведь змеи ядовитые, дорогие...

Старичок. Что?! Зме... По всей ла... Располз...

(*Стремительно подпрыгивая, вылетает на улицу.*)

Господин (*хохочет и выбрасывает ему вслед сумку*). Эй, старичок, а что ж жавелевой воды да сметанки, да кнопок № 2? Дешево уступлю!

(Звонок: «Тилин-тилин!»)

* * *

Входит мальчик с банкой: Варенья.

Господин. Какого?

Мальчишка. Забыл. На банке написано.

Господин. Где написано? Ярлык отвалился.

Мальчишка. А вы на донышке посмотрите. Там видно какое.

Господин. Ишь ты, всю банку вылизал, узнай-ка теперь. Вишневое? Персиковое? Клубничное?

Мальчишка. Нет. Лавочница знает, какое мы берем. Пчелы его делают, как же вы не знаете...

Господин. Мед? Какое же это варенье?..

Мальчишка. Сладкое. Значит, варенье. Полфунта.

Господин. Нету. Скажите дома, что хозяйкин брат весь мед сам съел. Десять кило с половиной... Понял?

Мальчишка *(удивленно)*. Это же лопнуть можно.

Господин. К вечеру и лопну, тебе какое дело. Рот закрой, мальчик, а то сорока влетит. Ступай.

(Мальчишка уходит, все время оборачиваясь.)

(Звонок: «Тилин-тилин!»)

* * *

Входит солидный человек с мешком для провизии.

Уф! Добрый день, сударь.

Господин *(бормочет)*. Добрый, да не очень.

Солидный человек. Что вы изволили сказать?

Господин. Ничего. Что ж вы только один мешок принесли? Вы бы уж сразу матрасный чехол для провизии приволокли. Что угодно?

Солидный человек. А вот сейчас. Сейчас. *(Вытаскивает из мешка длинный, до полу, список.)* Тут все написано, все прописано. Двадцать три, сударь, предмета. На целый месяц, сударь, а то цены опять подскочить могут. Да-с.

Господин *(вдруг бросается к окну)*. О! Боже мой, Боже мой, это он, это он... Какая неожиданность!

Солидный человек. Что такое? Что случилось?

Господин. Брат мой, брат! Семнадцать лет не видал. С того самого момента, как он в Южную Америку уехал... Вон сейчас по той стороне улицы прошел... Боже мой! Он и не подозревает даже, что я в этом городе. Пройдет мимо... и, быть может, скроется от меня навсегда.

Солидный человек *(волнуется)*. Так догоните же его... О чем же вы думаете? А?

Господин. В самом деле. Это мне не пришло в голову. Но... кто же останется в лавке?

Солидный человек. Я останусь. Можете не сомневаться... Скорее, скорее же. Догоните его и приведите в лавку.

Господин. Спасибо! Вы ангел, а не человек. Цены привешены, весы на столе, бумага в углу. *(Сбрасывает передник.)* Передник на полу... Слава Богу, нашел такого же умника, как и я!

(Быстро уходит.)

Солидный человек. Что вы сказали? Убежал. Ишь ведь, как взволновался.

(Надевает на нос очки, садится на табурет и вынимает газету.)

(Звонок: «Тилин-тилин!»)

III

Входит лавочница *(весело размахивает руками)*. А вот и я. Соскучились?

Солидный человек *(опускает газету)*. Что могу вам предложить, сударыня? Хозяин сейчас вернется, а пока я за него. Сардины есть свежие, мандарины испанские...

Лавочница *(удивленно)*. Вы откуда в моей лавке взялись? Где господин, который тут сидел?

Солидный человек. Ах, сударыня, простите. Ваш муж? Он побегал своего американского брата догонять.

Лавочница. Какой муж?! Какого брата? *(Ходит быстро по лавке.)* Кто совок на пол бросил? Кто ваниль рядом с мылом положил? Почему соль рассыпана? Кто вы такой? Кто сидел на банке с желе? Почему на весах женская перчатка валяется?..

Солидный человек. Слишком много вопросов. На неделю, сударыня, хватит. Да вы-то сами кто? Если вы не жена лавочника, то кто же вы, наконец? Лавочка мне поручена, потрудитесь это запомнить. Быть может, вы просто грабительница...

Лавочница. Я?!

Солидный человек. Вы.

Лавочница *(наступая с совком)*. Я?!!

Солидный человек *(отступая)*. Вы!

(Звонок: «Тилин-тилин!»)

Полицейский. Здесь лавочник, который с ума сошел и свою жену связал? Карета скорой помощи сейчас приедет.

Лавочница *(испуганно)*. Что?

Старичок *(кричит у дверей)*. На змей ядовитых не наступите... Осторожнее. Он их всех выпустил...

Лавочница. О!

Мальчишка. И мед весь съел. Десять с половиной кило. К вечеру, говорит, лопнет...

Лавочница *(заливается слезами)*. Мед! О! А ведь мед-то теперь, знаете, почем...

Солидный человек *(рассматривает свою шляпу)*. И шляпу мою обменял... Сударыня, вы за это ответите: шляпа моя еще довоенного времени, теперь и шляп таких нет!

(Лавочница закатывает глаза и сползает с табурета на пол.)

Полицейский. Господа, потрудитесь все очистить лавку. Лавочнице дурно. Торговли сегодня больше не будет.

(Занавес.)

<1926>

ДВА ДРУГА

Из детской переписки

1

От Мити — Нине

Милуся Нинуся! Пишу тебе карандашом, потому что мул вытащил из моего кармана стилу и изгрыз,—это он со мной поиграть хотел. Цветы уже распустились — и гвоздики, и розы, и мимозы. В лесу тоже цветут разные разности, но бабушка не знает названий.

У Маркизы родился щенок. Можно его назвать твоим именем? Он очень симпатичный, и, когда ходит, ноги у него расползаются, как у новорожденного теленка. Показал ему твою карточку. Он полизал ее и сказал «тяф!». Ты ему, значит, понравилась. Море все время было сердитое. Вчера прибило ящик из-под какао, а в ящике пробковый человечек. Я ему покрасил зеленые усы и сшил из старого лоскутка штанишки... Бабушка сказала, что я умник, а я ей подарил этого человечка, чтобы, когда все идут спать, она могла с ним играть. В воскресенье едем на узкоколейке в Тулон. У меня есть десять франков и я тебе куплю сюрприз.

Январь. Лаванду. Целую тебя три миллиона раз.

Митя

2

От Нины — Мите

Здравствуй, Митенька, курносый петушок (не обижайся, потому что от чистого сердца). Живем мы на краю Парижа, где только одни заборы да рекламы с детским мылом. Лавочки маленькие, в окошках зубной эликсир рядом с карандашами и леденцами-сосульками. Каждый день из школы иду мимо и рассматриваю. Даже надоело. Домик наш дощатый, во дворе. Над нами художник-испанец все по комнате ходит; когда он рисует — неизвестно. У нас в комнате ветер, даже обои шуршат. Но папа сегодня принес от соседей лестницу и будет войлочной тесемкой раму обивать. Тогда дуй, сколько хочешь, а нам все равно.

Печка у нас завелась пресимпатичная. Три ноги, сверху конфорка. Когда разгорится, красная делается, как тетя Клавдия

после головомойки, и чайник на ней так и подпрыгивает. И ничего у нас не цветет. Мама принесла какую-то кудрявую травку вроде папоротника, и она уже завяла, потому что кот ее всю из вазона выдрал. Придумай, пожалуйста, как его наказать, только не очень больно.

Очень, очень хорошо, что у вас море! Я с лета все о нем вспоминаю и во сне его вижу: большое, голубое, а я посередине в суповой чашке сижу и ложкой гребу... И цветы в лесу — тоже хорошо. Каждый день можно в бутылочку новый букет ставить. Пробковому человечку кланяюсь. Посылаю для него синюю ленточку, сделай ему галстук, а то в одних штанишках не совсем парадно.

Щенка называть моим именем не позволяю. Назови «Цербер», или «Незабудка», или «Фрегат Паллада». Сюрприза не надо. У меня тоже есть 10 франков, лучше летом сложимся и купим моторную лодку в рассрочку. Бабушке передай, что «о.с.с.б.н.с.». Пусть отгадает, что это значит.

Целовать три миллиона раз нельзя, потому что папа сказал, что это будет продолжаться больше года. Январь. Париж.

Твоя Нина

3

От Мити — к Нине

Дорогая Нинуля!

Сегодня рассматривал план Парижа и выкрасил твою улицу в твой любимый фиолетовый цвет, а сбоку нарисовал, как ты из школы идешь и перед витриной стоишь с пальцем во рту. Летом покажу, потому что бабушка не позволяет из плана вырезать.

Мы купили козу. Она в профиль немножко похожа на тебя, но только ты лучше. Вчера тетя Клавдия ее доила, а я за ноги держал для безопасности. Молоко ничего себе, но почтальон смеется, что у меня теперь рожки и козлячий хвостик вырастут. Я рассердился и сказал: «А у вас на голове бутылка вырастет!» Потому что он много вина пьет...

Загадку твою бабушке прочел. Она рассмеялась и сказала: «Ах, какая комплиментщица, девочка!» И буквы я сейчас же сам разгадал: «она самая симпатичная бабушка на свете». Правда?

Насчет твоего кота советовался с рыбаком, который в нашем лодочном сарае живет. Накажи кота так: когда у вас будет рыба, положи рыбий хвостик под опрокинутый вазон, из которого он травку выдернул. Пусть помучается. А потом ты его хвостиком по носу: «Зачем ты, несчастный бесстыдник, чужое растение испортил?» И носом его в вазон...

Вчера посидел у моря на нашей зонтичной сосне. Наша дощечка на верхушке еще цела. Вспоминал о тебе, бросал в воду шишки и пел нашу разбойничью песню:

«И тучки повисли,
И в поле пал туман,—
Скажи, о чем задумался
Наш храбрый атаман?..»

С совершенным уважением целую тебя 100 000 раз.

Митя

4

От Нины — Мите

Здравствуй, Митенок, средиземный мальчик! Вот наши главные новости: черепаха моя умерла, и я плакала два дня, даже нос распух и платочек у печки сушила. Та самая черепаха, что мы с тобой в ручье у моря нашли. Ты понимаешь? И знакомый доктор, Иван Павлович, ничего понять не может. Может быть, говорит, у нее была застарелая сердечная болезнь.

Цветы твои — вереск и мимозу получила. Очень они пригодились: уложила черепаху в коробку из-под ботинок, засыпала ее цветами и зарыла у нас в подвале под угольной пылью. Цветы с юга Франции и черепаха оттуда, значит ей будет приятно...

Вторая новость веселая. Мама была на писательском балу и выиграла в лотерею русского мужика. Но так как мама взрослая, а я моложе, то подарила мужика мне. У него шелковая борода и бархатные штанишки, и я его вожу гулять в кукольной коляске, и все соседние собачки его с удивлением обнюхивают, потому что он не похож на француза.

Мама сама себе сделала для бала алую шаль с бахромой-висюльками, и я нашла, что она похожа на Кармен, которая побеждает всех быков и тореадоров. Но папа сказал, что она тамбовская ватрушка, завернутая в испанскую шаль, и мы с мамой топнули ногой и очень рассердились. Дала себе слово, что я никогда замуж не выйду, даже... не скажу за кого. Уж лучше куплю новую черепаху. Твоя бабушка меня поймет...

Будь здоров, мопсик. Есть же такие, Боже мой, счастливицы, которые даже в январе могут у моря на одной ноге прыгать... Завидую!

Нина

5

От Мити — Нине

Многоуважаемый Нинчик! Бабушка очень рада нашей переписке и говорит, что это для меня упражнение в русском языке. И я ей сказал — вы, бабушка, ошибаетесь. Я Нину люблю и пишу ей для удовольствия, а не потому, что она диктант.

В коммунальной школе три дня не было уроков. Море залило всю дорогу и вырыло за лесом целый пролив, так что

вброд даже верблюды не перейдет. Кроме того, в школе крыша с дыркой; сверху льет, как из чайника. Теперь будут чинить. Бабушка говорит — «на охоту ехать, собак кормить». Это значит, что крышу должны были починить до начала занятий.

На холмах розовый туман, очень бы тебе понравился. Щенок все растет, уже с трудом помещается в крокетном ящике, бока переваливаются наружу. Я его целый день пичкаю, прямо сил нет. Муравьи было скрылись, а теперь опять по всему лесу черными ниточками бродят. Чуть где с пирожком присядешь, так в рот и лезут. На дюнах опять сухие лилии зацвели. Правда ли, рыбак наш говорил, будто Париж в 120 раз больше Тулона? Вы же там, значит, тоже вроде муравьев бродите, каждый по своей улице взад и вперед? Хотел тебе послать морского ежа, но почтальон сказал, что он по дороге протухнет. Бросил ежа назад в море, пусть плывет к своим родителям, — может быть, они старенькие, и он для них рыбок ловить будет. Море сегодня тихое-тихое, точно первый ученик.

Мама твоя, действительно, похожа на Кармен, я на коробке с халвой видал. А папа твой ничего не понимает. От письма хорошо пахнет, потому что тетя Клавдия позволила из ее флакона на письмо капнуть.

Чернила кончились, будь здорова. На охоту ехать, собак кормить.

Митя

6

От Нины — Мите

Дорогой Ми! У вас там чудеса: и тихое море, и туман на холмах, и лилии в дюнах, и морские ежи... Словно и не январь у вас, а морской апрель. Сняла со стены сухую морскую звезду, понюхала, — так волной и запахло.

А у нас дождик да дождик. Небо в желтой золе, снег было на одну минутку вечером выпал и сразу растаял, раскис. Изучаю города Франции по немой карте и все на юг сворачиваю... Ау, Митенька! Посылаю тебе по беспроволочному телеграфу воздушный поцелуй.

Теперь послушай. Были мы с мамой в гостях. И там старый пес живет, Гуливер. А в коридоре попугай, — он сердитый, но девочек любит. Я дала ему кусочек сахара, он лапу поднял и зажал. И вот, представь себе, пришел этот старый дуралей, Гуливер, хвостом завилал и стал перед попугаем служить... Мы все чуть со смеха не лопнули! Конечно же, попугай ему сахару не дал. Даром только унижался.

В четверг в три часа заберись на сосну, сядь на нашу дощечку, а я в это время влезу на раздвижную лестницу, усядусь наверху и буду думать, что сижу на нашей сосне рядом с тобой. На охоту ехать, собак кормить.

Нина

Дорогая Ни! У меня уже, слава Богу, шестнадцать крабов. Они живут в прачечной, в старом баке, и я каждый день меняю морскую воду, чтобы они были веселенькие. Самый маленький очень меня любит, и, когда я даю ему палец, он его сосет. Жалко только, что их нельзя брать с собой в кровать. Рыбак говорит, что это для них вредно. Море опять бушует. У наших камней брызги выше сосны и так дует, что волосы подымаются торчком, как у испуганного ежа...

Цесарка все еще кричит. Снесет яйцо и кричит, будто это такая важность. И так круглый год, а тетя Клавдия говорит, что у цесарки нет мужа и поэтому она тоскует. Летом мы с тобой поедem в Тулон и выберем ей подходящего.

Бабушка говорит, что у меня разбрасываются мысли. А сама, когда была маленькая, запихивала в нос своей грудной сестре перламутровые пуговики.

Письмо твое пришло в пятницу, поэтому с сосной ничего не вышло. У Маркизы опять появились блохи, так что за обедом невозможно усидеть на месте.

Твой старый друг (лучше новых двух).

Митя

Очень мы с мамой, золотой Митенька, смеялись. Сколько у тебя забот: и крабы, и цесаркин муж, и блохи. А я по вечерам часто сижу перед печуркой и мечтаю... Море выбросило на берег тяжелый ящик с золотом. Две трети я отдаю безработным беженцам, а на третью треть строю рядом с вашим заливом на горе (против семафора) виллу... Комнат много-премного, вокруг веранда на столбиках, и живут у меня русские дети, которым некуда деваться. Я — главная надзирательница, мама — главная учительница, а папа — главный учитель гимнастики. И всем нам страшно весело. Ты приезжаешь к нам с бабушкой на вашей двухколесной колеснице в гости. Мы выбегаем с криком, кормим мула миндальным печеньем, целуем вас и отправляемся собирать пробковую кору... А ночью раскладываем костер, поем нашу разбойничью песню, жарим шашлык и играем в чехарду (только пусть взрослые нагибаются пониже).

Я тебе одному открыла свои мечты. Это гораздо важнее твоих крабов, и щенка, и цесаркиной свадьбы.

Жму руку. Будь готов.

Нина

Дорогая Ниниша! Рыбак сказал, что золото тяжелое и всегда идет ко дну. И море давно уже ничего хорошего не выбрасывает. Вот список за последнюю неделю: спасательный пробковый пояс (надпись «Вальпарайсо»), сабо со сломанным носком, ящик из-под папирос, пальмовый чурбан, круглые поплавки, мертвая собачка и тому подобное.

Но я раскрываю все раковины, не пропуская ни одной. И когда найду гигантскую жемчужину, зарюю ее за курятником до лета, до твоего приезда... Ты понимаешь?

Только очень тебя прошу. Я не хочу приезжать в гости, а хочу быть в твоей детской усадьбе главным садовником. Ты же знаешь: я умею чистить картошку, и собирать виноград, и, если мул заболит, я дам ему горячего оливкового масла с серой. Жалованья мне никакого не надо, лишь бы через день ты меня отпускала вниз к бабушке. Иначе я не согласен. Щенок грызет за ногу, больше писать не могу.

Митя

Здравствуй, Митенок! Наша газовая лампа капризничает: шипит и мигает, — не удивляйся, что строчки ползут то вверх, то вниз, как американские горы в Луна-Парке. Дома нет никого. Все уехали смотреть «Бедность не порок». Я еще не доросла до этой бедности и меня оставили дома; дали коробочку шоколадных папирос, чтобы я следила за печкой и не скучала. Вот я и покуриваю и пишу тебе письмецо.

Главным садовником тебя сделать нельзя, потому что ты даже тачки с места не сдвинешь. Перевернешься и надорвешься, и бабушка твоя мне этого не простит. Развивай пока свои мускулы, да присматривайся, как виноградную лозу подрезают да как мула запрягать. Козу за ноги держать всякий умеет. Не важничай.

На днях мне приснился сон, будто я — контрабас, а наша английская учительница по мне смычком водит. Очень щекотно. Потом будто в окно влез разбойник и спросил: «Где твои родители?» — «Ушли к соседям в 66 играть». — «Где ваши драгоценности?» Я папин подстаканник дала и мамин мундштук. А он рассердился и закричал: «Это мельхиор и поддельная черепаха, слезай с тюфяка, он у тебя жемчугом набит!» И всю морскую траву из матраса выпустил. Чихнул, потому что пыли много, и говорит: «Ты девочка честная, действительно, ничего нет». Сунул мне в руку бутылку прованского масла и исчез. Спроси у бабушки, что этот сон означает?

Когда мне очень скучно, я играю в море. Наливаю в большой таз воды, распускаю в ней синьку и купаю в голубой воде всех моих целлулоидных рыбок и человечков. Мама позволяет.

Кланяюсь Маркизе, и ее щенку, и твоей козе, и лилиям в дюнах, и всем черепахам, и всем ящерицам, и всем муравьям. И бабушке тоже.

Нина

11

От Мити — Нине

Милая, мельхиоровая Ниночка! Бабушка объяснила, что твой сон от роста. Только ты, пожалуйста, не расти так быстро. Ты еще летом была выше меня на целую морковку. И это очень некрасиво, когда женщина длинная, а ее друг коротенький.

Поймал под камнем маленького осьминога. Посадил его к крабам, но они страшно перепугались, забрались в угол и трясутся. Они очень нервные. Я советовался с почтальоном, как мне осьминога переслать. Он сказал, что по почтовым правилам нельзя. Очень жалко. А то бы ты его купала в воде с синькой, и я бы тебе прислал еще морской соли, чтобы совсем было как море.

Наш летний шалаш растрепал ветер, в кроличьем домике оторвалась доска и кролики от сквозняка чихают днем и ночью; пещеру у моря занесло водорослями; на мимозе сломался главный сучок и выступило много клея, некому его собирать. Видишь, сколько у нас летом будет работы.

Пойди в парижский зоологический сад и узнай, нельзя ли там купить страусовое яйцо или, в крайнем случае, крокодиловое. Ты же знаешь, какой у нас летом горячий песок. У меня есть проект.

У нас роют новый колодец. Когда раздается взрыв динамитного патрона, утки поднимают такой галдеж, собаки такой визг, а я такой писк, что тетя Клавдия стрелой вылетает из кухни и кричит: «Тьфу!» И все мы хохочем.

Твой друг Митя

12

От Нины — Мите

Пишу тебе на «carte postale»¹, потому что у меня пульс и температура, и мама не позволяет много писать. Растирала меня теплым уксусом и поставили на всякий случай горчичник (щиплет!). Папа меня дразнит, что я теперь селедка с горчицей

¹ Открытка (фр.).

и уксусом. Очень щиплет, адрес мама надпишет, извини. Не позволяй твоему щенку бегать по морскому песку, а то он тоже простудится.

Нина

13

От Мити — Нине

Мама твоя писала бабушке, что ты расхворалась, что у тебя грипп, что в Париже, чуть нос на улицу высунешь, сейчас же и грипп. Я придумал такой приборчик на меху против гриппа, чтобы на нос надевать. Вроде муфточки. Для мальчиков желтый, для девочек розовый... И еще твоя мама пишет, что ты поправляешься, но только прозрачная стала, как воск. Поздравляю. Пожалуйста, не утомляйся, не пиши диктовок и сочинений. Ведь не все же девочки должны быть сочинительницами. И дядя говорит, что если женщина неправильно пишет, то ей Бог простит. Вот видишь. А теперь тебе пишет бабушка. У нас с ней был разговор, и ты будешь до потолка прыгать.

Твой Митя

14

От Митиной бабушки — Нине

Нинуся, милая девочка! Тебе, дружок, непременно поправиться нужно. И, конечно, мама твоя согласится тебя недельки на три к нам отпустить — погостить. Уроки подгонишь, ты ведь у нас умница. На днях сосед наш в Париж по делам приедет и тебя с собой захватит. Обрато сама тебя доставлю румяную и веселенькую, — я тоже в Париж через месяц собираюсь.

Митя вертится на стуле и клянется, что пока ты будешь у нас гостить, он ни одной отчаянной шалости не выкинет. А то вчера козе на хвост бантик хотел повязать, она ногой брыкнула, чуть ему глаз не вышибла. Уж ты его остепени, пожалуйста.

Целую. Бабушка

15

От Нины — Митиной бабушке

Дарья Петровна, золотая бабушка! Я так счастлива, что даже аппетит появился, и рыбий жир беспрекословно выпила, и глаза блестят, и в ушах средиземные сосны качаются... Загадала на ваше счастье, раскрыла наугад Лермонтова и прочла четыре

строки снизу: «Он взыграл, веселья полный,—и в объятия свои набегающие волны принял с ропотом любви». Это про вас и про меня, бабушка. Спасибо! Митя исправится, вы не беспокойтесь. Папа говорит, что он еще и не так шалил, когда был маленький. И вы же знаете папу, он теперь совсем серьезный. Начала для вас вышивать подушку для кресла: девочка лежит у моря и над ней голубой зонтик и на зонтике надпись: «Никогда не забуду. Нина». Целую вас 5 миллионов раз, Митю—3 миллиона раз. Всех остальных по миллиону.

Нина

<1927>

ТРОТУАРНЫЙ КЛУБ

НЕСГОРАЕМАЯ ЛОШАДЬ

Мальчик с завязанными ушами выволакивает из подъезда симпатичное облезлое чудовище. Когда-то это чудовище было лошадью—с гривой, хвостом, ушами и крепко прибитым к спине седлом. Бегать лошадь больше не может, колеса отвалились, а на четырех обрубках, еле держащихся на подставке, никуда не побежишь. Отмахиваться от мух тоже не может: нечем.

Но мальчику все равно. Ушные дырки на лошадиной голове он обвязал пестрым платком, живот оклеил золотыми сигарными этикетками и, чтоб лошади не было скучно, время от времени заставляет ее гореть.

Лошадь стоит под платаном на сквозной чугунной решетке и покорно ждет. Она уже горела восемнадцать раз, и это совсем не страшно. Мальчик берет в рот обкусанный роговой свисток и залиvisto свистит. Три коротких свистка, один протяжный... Пожар! Четыре коротких, два протяжных... Пламя разгорается! Скаковая конюшня охвачена огнем! Еще минута—и будет поздно...

Но из всех соседних подъездов, визжа и подпрыгивая, мчатся пожарные обозы. Под каждой пожарной девочкой, под каждым пожарным мальчиком—двухколесная дощечка с прямой палкой-рулем. Правые подметки отпихиваются от тротуара, шаркают по асфальту и все быстрее мелькают в воздухе, словно копыта испуганных пони. Левые подметки крепко притиснуты к дощечкам. Глаза горят, волосы взвиваются, гудки, звонки и свистки заливаются. Собаки и прохожие отскакивают в стороны и жмутся к серым стенам...

Щенок волчьей породы срывается с места, лентой распластывается в воздухе, обгоняет на всем скаку все пожар-

ные обозы и торжествующе лает: «Гав-гав! Два колеса и две детских ноги ничего не стоят перед четырьмя собачьими лапами! Гав! Могу еще раз доказать, если вам угодно...» Негр-денщик идет с цепочкой за удравшим от него щенком, любителю на детскую пожарную забаву и улыбается, как сальная черная сковородка, на которой поджариваются две дюжины белых бобов-зубов.

Дети со всех сторон окружают кольцом платан. Соскакивают со своих колесниц и, шипя, направляют на бесхвостую лошадь потоки воображаемой воды. Лошадь покорно ждет. Сегодня она горит в девятнадцатый раз и, хотя она не застрахована, ничуть-ничуть не волнуется.

Мальчик с завязанными ушами свистит в роговой свисток: пик-пик! Скаковая конюшня спасена. Он, отдуваясь, уносит лошадь в подъезд, а за ним вприпрыжку (иначе она ходить не умеет) скачет консьержкина дочка и из зеленого пульверизатора на всякий случай опрыскивает лошадиные бока и живот. Бывают ведь случаи: от незаметной искры под лошадиной подмышкой пламя вдруг вспыхнет — и опять пожар!..

ОКНО В НИЖНЕМ ЭТАЖЕ

Живущий в нижнем этаже студент-швед иногда забавляется. Развешивает в стекле за шторкой целое гарусное семейство: маркизу для вытирания перьев, шведского мужичка — чехол для мундштука, вязаного кенгуру — стенной футляр для карманных часов и другие забавные штучки.

Дети знают, — если в окне за шторкой появились все эти вещи, значит студенту скучно. Значит окно сейчас распахнется и можно потолкаться у окна, позабавиться.

Сначала над шторкой появляется рука студента. В руке, одна за другой, картинки. Большой львенок приходит в звериную санаторию; жирафиха-сестра милосердия ведет его за лапку в приемную, дает ему большую ложку рыбьего жира, укладывает спать в широкую-преширокую кровать вместе с тигрятами, слонятами, верблюжатами и белым медвежонком; ночью медвежонку стало душно — он настезь распахивает окно, в окно влетают хлопья снега и дует холодный ветер; все звери в ужасе вскакивают и зовут сестру милосердия, а белый медвежонок доволен, лезет через окно на балкон и ложится спать на снежный сугроб...

Дети тоже довольны. Каждую картинку встречают визгом. И под конец визжат так оглушительно, что даже вагоновожатый проезжающего мимо трамвая с удивлением оборачивается. А щенок волчьей породы, хотя ничего в картинках не смыслит, тоже сует нос в стекло и радостно лает.

Потом окно раскрывается. Студент вынимает из ящика стола коробку с конфетами, похожими на морские камешки. Каждый выбирает себе по камешку и благодарит. И так как благодарят быстро, один за другим, то издали кажется будто кузнечики стрекочут: «Мерси, месье! Мерси, месье! Мерси, месье!..»

Потом консьержкина дочка молча подымает руки кверху. Это значит, что студент должен ее взять к себе в комнату. Мальчик с завязанными ушами тоже подымает руки кверху, и все, кто поменьше, тянутся за ним.

Студент ловко выуживает малышей с улицы и высоко над оконной решеткой перебрасывает их в комнату. Дети постарше с завистью на них смотрят и вежливо отходят от окна. Щенок тоже тянется в комнату, но негр-денщик, покачиваясь на носках, приближается с цепочкой, щенок покорно подходит к нему и сам лезет носом в намордник.

За стеклом писк, заглушенный смех. Бренчит и гудит мандолина. Кто-то из детей учится играть и хлопает по струнам рукой,— очень громкая и очень дикая музыка.

Улица опустела, и удивленные воробьи перепархивают с ветки на ветку: куда девались дети?

ВЕЧЕРНЯЯ ПРОГУЛКА

Перед закатом к уличной скамье со всего квартала сходятся кукольные мамы. В колясках, спиной книзу, а иногда и кверху, лежат-проветриваются куклы и плюшевые мишки; в ногах у них прочие члены семейства: крохотные целлулоидные утки, куколки, рыбки... В ногах у одной куклы лежат почему-то копилка в виде кошачьей головы со светло-зелеными глазами. Должно быть, копилка дальняя родственница куклы, а может быть, ее приемная дочь...

У некоторых девочек экипажи попроще: куклы сидят и лежат в простых коробках из-под лент и чулок, выброшенных жильцами; колес в таких экипажах нет, и на каждом толчке кукольное семейство сталкивается лбами и разбрасывает ручки-ножки в разные стороны.

Девочки укутывают потеплее целлулоидных детей: майские вечера в Париже еще так свежи. Коляски одна за другой трогаются цугом с места.

Мальчишки, кто поменьше, тоже пристраиваются и плетутся в хвосте со своим зверьем и повозками. Мальчик с завязанными ушами волочит на веревке, прямо на подставке, свою несгораемую лошадь. Иногда приятель, толстый карапуз из писчебумажной лавки, подталкивает лошадь сзади, наступая сам себе на ноги и пуская слюну пузырями: он еще совсем маленький, ему можно.

Сын бистровщика везет по тротуару уют; уют так славно гремит и так трудно его тащить,— он клюет все время носом, сваливается набок; надо его все время подымать и читать ему нотации. Очень интересный экипаж!

Позади всех на собственном автомобиле едет племянник зеленщика. Он из Марселя приехал к дяде в Париж погостить; дядя подарил ему настоящий зеленый автомобиль с рулем и гудком,— и мальчишка по целым дням из него не вылезает. Тянет к себе из автомобильного живота какую-то веревку, веревка опять сматывается в живот, и автомобиль черепашьям шагом ползет вперед...

На углу — граница. По ту сторону чужое государство, другой квартал. Процессия медленно заворачивает и возвращается к своей скамье. Во что еще поиграть? Но уже поздно. Из подъездов высовываются материнские головы и зовут детей домой: столы накрыты, чашки с супом дымятся и поджидают детей... Тротуар снова пуст. И воробьев не слышно,— тоже разлетелись все ужинать, либо давно спят.

В окне у студента-шведа вспыхивает огонь. Он встает с кресла, потягивается и удивленно смотрит на пол. Почему на полу валяется кукольная рука? Должно быть, это рука дочки консьержкиной дочки.

Он подымает руку и внимательно ее осматривает. Так как он медик, ему все ясно: в плече лопнул резиновый шнурок, поэтому рука отвалилась...

Студент идет к консьержке, стучит в дверь и просовывает в щель кукольную руку. Чья-то другая, маленькая теплая рука быстро перехватывает кукольную руку и из-за двери доносится сонный и тихий писк: «Мерси...»

<1927>

ЖЕЛЕЗНОЕ КОЛЕЧКО

В глухом углу сада, в глубине липовой аллеи, жалобно кричала птица. Хлопала крыльями, дергалась и шипела... Гриша наострил уши, прислушался: «Что за штука такая?» И побежал вдоль огородной сетки на крик.

Вот так история! В гамаке, между двумя старыми липами, бился скворец. Запутался, до половины провалился в петлю — ни взад ни вперед.

— Пстой, пстой... Не брыкайся, сейчас я тебя распутаю.

Скворец был умный: не испугался маленьких рук мальчика и покорно позволил сложить крылышки и вытащить завязнувшие лапки.

— Вот и свободен. Лети, куда хочешь. А гамак, дружок, совсем не для тебя. Качайся лучше на ветках...

Скворец взлетел на зеленевшую над гамаком лозинку, внимательно наклонил шейку и вдруг, представьте себе, тоненьким человеческим голосом заговорил:

— Спасибо, мальчишка. Вот уж никогда не забуду!

Гриша так и присел:

— Ты умеешь говорить?! Ах ты, Боже мой!..

— А почему бы старому скворцу и не говорить? Наслушался, как люди вокруг трещат,— и перенял. Штука нетрудная... Что ж тебе, мальчик, подарить за твою услугу?

— Да ведь ты ж птица. Велосипеда все равно не подарить, а так— у меня все есть.

— Велосипеда не могу, это правда. Ты что-нибудь полегче придумай...

Гриша задумался. Посмотрел вдруг на лапу скворца, которой тот расправлял перышки, и спросил:

— Что у тебя на лапе за колечко? Как оно к тебе попало?

— Секрет. Колечко, брат, особенное.

— Почему особенное?

— Стоит с ним вокруг какого-нибудь места облететь или обежать, ну, хоть вокруг вашей усадьбы, и все живое, все, кто в усадьбе живут,— и люди, и всякая животная тварь— сразу вернутся в свое детство. Станут маленькие-премаленькие...

Мальчик захлопал в ладоши:

— Ты правду говоришь?!

Скворец обиделся:

— Это сороки врут. Скворцы— птицы серьезные.

— Извини, пожалуйста. Я не знал... Слушай, ты такой умный, умнее... страуса! Подари мне это колечко. Подари,— подари, подари! Ну, пожалуйста...

Скворец покрутил шейкой.

— Жаль.

— Ну, дай хоть на неделку. Я верну... Дай, птичка, дай, мое золото... Я тебе каждое утро сладкую булочку приносить буду. И изюм. И гречневую кашу...

— Уговорил. Только помни: если захочешь позабавиться,— обегать надо вокруг усадьбы слева направо, а то ничего не выйдет. Помни же, на неделку...

Скворец сбросил клювом с лапы кольцо, захлопал крылышками и полетел в чашу,— Бог его знает, какие у него там дела были...

Ах, как колотилось у мальчика сердце! Осмотрелся— ни души, и помчался вокруг парка вдоль старой стены, слева направо, пока не сомкнулся круг у самого гамака под липой.

Гриша осторожно подкрался к дому. Двери и окна настежь. Взрослых точно сквозной ветер выдул. Из столовой доносился детский писк. Кто это там пищит?

На пороге столовой он остановился и протер глаза. Маленькая девчурка (совсем такая, как мама в старом альбоме, когда ей было пять лет) укладывала в картонку из-под шляпы куклу и плохо с ней разговаривала.

Гриша заложил руки за спину и осторожно подошел поближе:

— Здравствуй, козявка! Как тебя зовут?

— Наташей. И совсем я не козявка.

Мальчик вздрогнул. Конечно, это она! Маму ведь тоже зовут Наташей. И у девочки точно такие же панталончики с рубчиками, юбочка колокольчиком и вздернутый бойкий носик, как у мамы на карточке.

— А ты кто такой?—спросила девочка.

Мальчик обиделся и глубоко вздохнул.

— Я—Гриша. Твой сын. Разве ты меня не узнала?

— Глупошти. Мой шын шавшем другой.

Она вытащила из картонки замусленного клоуна и показала его Грише.

— А кукла моя дочка. У нее корь. Пошторонишь, пожалушта, не заслоняй ей швет...

Гриша посторонился. Что с ней, шепелявкой, делать, если не узнает? Она разрыла в мягких тряпках ямку, уложила куклу и стала напевать песенку, знакомую Грише еще с раннего детства:

«Все шпят... Шпи и ты...
И букашки, и чветы,
И чиплята, и мартышки,
И девчонки и мальчишки...»

А на мальчика, стоящего перед ней, даже и не взглянула больше. Мало ли их, мальчиков, на свете.

Гриша совсем надулся. «Хорошая мама,—деревянный паяц ей сын, а я будто пробка, которая на полу валяется».

В кабинете кто-то отчаянно запищал. Он подкрался к дверям и посмотрел в щелку: дядя Вова!—Сразу его узнать можно было: чубик над лбом, круглая головешка и вишневая родинка над левым глазом... Он лежал в бельевой корзинке и отчаянно болтал голыми пухлыми пятками, а щенок изо всех сил тащил из-под него пеленку.

Гриша шлепнул щенка, тот радостно обернулся, подпрыгнул и лизнул мальчика в нос. Слава Богу, хоть этот узнал. «Тузик, Тузик! Ах, ты собачий младенец...»

Еще сегодня утром он был старой легавой собакой, глаза слезились, мух—и тех ловить перестал. И вот тебе на—

щенок. Только напрасно Гриша думал, что щенок его узнал,— просто вошел в дверь новый человечек, отчего же его не лизнуть в нос?

А где же папа? Ага, вон там в углу на ковре строит карточный домик. И такой же серьезный, как всегда. Только волосы золотистые, а медальончик на шее тот же самый— синяя эмаль с белым ободком.

Гриша подошел и опустился на ковер рядом. Спрашивать уже ни о чем не решался. Папа покосился на Гришу:

— Ты племянник садовника? Который вчера приехал?

— Нет.— Гриша чуть не заплакал с досады.— Сам ты племянник садовника.

Папа удивленно повернул голову:

— Не хочешь и не надо. Кукса какая. Не смей дышать на мой домик. Дыши в пол.

Гриша рассердился. Дать ему шлепка, что ли? Неудобно, все-таки он вроде папы...

Мальчик топнул ногой по ковру— карты рассыпались, и побежал скорей на кухню.

У дверей обернулся: опять строит. Такой уж характер.

Толстая девчонка с серыми на выкате глазами,— точь-в-точь, как у кухарки,— стояла перед скамейкой и лепила из песка пирожки.

— Здравствуйте, Дуняша. Что у вас на обед сегодня?

— А ты почему знаешь, что меня Дуняшей кличут?

— Вот так и знаю. На первое— перловый суп?

— Никакой не перловый. Суп из герани на первое.

Она показала ему чашку с холодной водой, в которой плавали цветы и листья герани.

— А на второе?

Дуняша со вкусом вытерла кончиком фартука нос и задумалась.

— Не знаю.— Она показала ему замазку и горку толченого кирпича.— Ленивые вареники разве сделать?

Что будет на третье, Гриша и спрашивать не стал. Крем из толченого стекла, должно быть.

— А где няня?

— Кака така няня?

— Агафья! «Она тоже теперь, верно, маленькая»,— подумал мальчик.

— Агафья там, под лестницей. Кукольные рубашки стирает.

Под лестницей на табуретке стояла суповая миска из любимого маминого сервиза, и в ней маленькая нянька, засучив рукава, подсинивала какие-то крохотные тряпки.

Гриша решил навести порядок— чего ж с ними стесняться, если они ничего не понимают.

— Разве можно в суповой миске стирать, кикимора?

Девочка так и взвизгнула:

— Я кикимора? Да ты откуда, Таракан Иванович, взялся-то?

— Я мамин сын,—обиженно огрызнулся Гриша.— Ты сама всегда ворчишь, когда непорядки. Отдай миску!

— Когда же я на тебя ворчала это? Лапы прочь! Не то так тебя мокрой рубашкой и двину.

Гриша отскочил: кончик кукольной рубашки задел его по уху. Драться с ней? Стыдно. Она же совсем маленькая...

А из кабинета неслись визгливые крики, будто пять поросят из граммофонной трубы визжали.

Мальчик помчался в кабинет, за ним Агафья и Дуняша.

Дядя Вова натворил беды: выполз из своей корзины, дополз до карточного дома и бухнулся в него всеми четырьмя лапами. Папа,—сам серьезный папа!—ревел и тянул его за хвост рубашки прочь, щенок тянул за штанишки папу и визжал, мама стояла над ними и, заливаясь слезами, хлопала куклой то папу, то дядю Володю, то щенка. Агафья вступилась за маму, Дуняша за папу,—Гриша уж и не знал, за кого вступаться.

— Цыц! Сейчас же цыц... Я здесь самый старший.

— Ах, ты самый старший!—папа схватил с подоконника колоду карт и бросил ее в Гришу.

— Самый старший?!—закричала мама, набрала в рот из банки для золотых рыбок воды и обрызгала мальчика с ног до головы.

— Самый старший!

Агафья уколола его сзади вязальной спицей, Дуняша, как сердитый бычок, ударила его головой под ложечку, и даже щенок, даже он, единственный, кто его узнал,—схватил шнурок от Гришиной туфли и начисто его оторвал... Бедный Гриша стал отступать к шкафу, быстро скользнул за дверцу и захлопнул ее за собой. Ух, как они колотят по шкафу,—будто в бочке по железной крыше катишься. А за что? За что они на него напали? Что он им сделал?

Сквозь шум и грохот ничего не было слышно—можно было немножко и поплакать.

* * *

Никогда мальчик не думал, что столько с малышами забот. Только успокоились, расселись по своим уголкам, как опять началось.

Щенок занозил лапу старой граммофонной иглой, которая валялась на полу, и во время операции такой подняла визг, точно Гриша у него зубами кишки вытягивал.

Дядя Вова стянул за угол с ломберного столика скатерть. Разбил любимую папину пепельницу,—это еще ничего! Со стола слетела на пол английская бумага для мух, дядя Вова сел на нее, не мог отодрать и стал кричать, щенок наступил сбоку лапой и тоже приклеился... Пока Гриша их теплой водой

отмывал, они же его лапами в живот били... Извольте радоваться!

Няня вздумала завивать у маминой куклы волосы. Накалила на спиртовке щипцы и прижгла на кукле все кудряшки, так что она стала похожа на барашка, которым чистили каминную трубу. Мама отказала няне от места, няня показала ей язык, а потом обе стали реветь и тянуть куклу в разные стороны.

Спиртовка опрокинулась на ковер, вспыхнули бледно-голубые язычки,—к счастью, Гриша не растерялся, приволок из передней новое папино пальто, бросил его на огонь, а сверху навалился сам. Малыши обрадовались и стали поливать Гришу молоком, квасом, водой из-под золотых рыбок. А щенок... Что сделал щенок, лучше мы и говорить не будем. И все гудели, как сорок восемь пожарных автомобилей: гуп-ряп, гуп-ряп!

Мальчик поднялся с пола — сердитый и мокрый, сконфуженно повесил папино пальто на вешалку и поплелся в столовую. Что с этой бандой делать? А они все потянулись за ним, как утята за уткой... Какое он еще представление им устроит?

Стоят — молчат. У кого палец во рту, у кого — целая пятерня. И вдруг началось.

— Хочу кушать! — капризно захныкала мама.

— Пришел большой... Пожары устраивает, а ест не дает,— угрюмо забубнил папа.

— Давай есть! — сердито дернула его за курточку маленькая кухарка.

— Сам, небось, напился,— крикнула няня, подбоченясь... — Бесстыдник этакий!..

А щенок задрал мокрый нос к потолку и отчаянным голосом звывл на весь дом:

— У-у-у! Молоком пожар тушили... Все молоко в ковер ушло... Что же теперь нам пить-есть?!

Гриша бросился к буфету: кроме сухой булки и засахаренного смородинного варенья — ничего. На нижней полке нашел в банке остатки сгущенного молока. Размешал с вареньем, намазал на хлеб и заткнул наскоро всем рты...

Побежал на кухню: картошка, саго, капуста, перловка, какао... Что с этим делать? Кухарка крохотная,— кроме супа из герани ничего приготовить не может.

Помчался на птичий двор и в хлев,— авось хоть яиц немного соберет, да как-нибудь подоит корову. Все-таки легкая провизия...

Но на птичьем дворе ни одной взрослой курицы не было,— только цыплята канареечными шариками с голодным писком посыпались к нему из всех углов. Гриша вынул из кармана кусок хлеба, покрошил им и побежал в хлев. Увы, так он и думал: корова превратилась в телушку,— знакомое черное пятно на боку, мохнатые светлые ресницы,— и, жалобно мыча, повернула к мальчику голову: «Му! Молока... Где моя ма-ма?...»

Гриша схватился за голову... Побежал на огород: редиска, лук, бобы. Тыква такая дурацкая, все не то, все не то. Ах, как трудно без взрослых жить!

Подкрался снова к дому. Боже мой,—из раскрытых окон доносился такой визг и плач, будто Баба Яга их всех головой в угольный мешок всовывала. Он заглянул с веранды в окно. Господи! Перемазанные вареньем малыши, как раки из корзины, расплозились по ковру и пищали. Ну, конечно,—у них разболелись животы... Шутка ли, всю банку съели. Щенок, сунув голову в камин, визжал и корчился: должно быть, у него морская болезнь начиналась...

Что ж делать? Где же настоящая большая мама и няня, которые все умеют, и все понимают, и всем управляют?!

Гриша нащупал в кармане железное колечко, повертел его в пальцах и захныкал. Как теперь их всех расколдовать? Горе-то какое...

И, размазывая на ходу кулаком струившиеся по щекам слезы, побежал к гамаку.

— Скворушка! Где ты там? Беда у нас случилась...

Из липовых листьев высунулась знакомая темно-серая головка:

— Ау! В чем дело, мальчик?

— Расколдуй их, пожалуйста!.. Я тебе две недели все свои утренние булочки приносить буду. Вот оно, твое колечко.

— Что так? Взял на неделю, а через три часа назад. Ну, ладно. Расколдую и без булочек. Вот, смотри...

Скворец взял колечко в клюв и полетел низко над травой справа налево, в обратную сторону. Через минуту птица подлетела к гамаку.

— Готово. Ступай домой—и никому ни слова. Все в порядке.

Мальчик радостно свистнул и помчался к веранде. У крайних кустов приостановился,—из столовой доносился голос большой, настоящей мамы:

— Ничего не понимаю! Кто все варенье съел? Почему от ковра спиртом пахнет? Почему пальто на полу валяется?

Недовольный голос взрослого папы отозвался:

— Пепельницу мою расколотил кто-то... И новое пальто все в молоке... Черт знает что такое! Гриша! Иди-ка, дружок, сюда.

Но милая, справедливая няня вступилась:

— Да он, батюшка, и не был тут. Все по парку носится. Кот, должно быть, чужой в окно вскочил и накуралесил.

Папа себя только по коленке хлопнул:

— Станный кот... Варенье из запертого буфета выудил, пальто снял и измазал... Скажи ты на милость!

Что ж няне за чужих котов отвечать. Мало ли какие бывают.

Высунулась она в окошко, посмотрела во все стороны и крикнула наугад в кусты:

— Гришенька! Куда ты там запропастился? Обедать, милый, иди.

Из густого шиповника около самого дома тонкий Гришин голосок ей сконфуженно ответил:

— Сейчас...

Надо было ему еще свою растрепанную курточку в порядок привести. А что им сказать?.. И слов никаких в голове не было. Ведь все равно ничего им не объяснишь толком в этой истории...

<1932>

ВОЛШЕБНИК

Предисловий дети обычно не читают. Да и взрослые их особенно не жалуют. Куда приятней сразу погрузиться в захватывающее повествование или декламировать звонкие строки, нежели знакомиться с чьим-то мнением о книге. Однако, добравшись до последней страницы, любознательный читатель нередко жаждет продолжения, проникается желанием узнать побольше о том, кто сочинил эту книгу. Вот тут-то, как нельзя кстати, и бывает после — словие.

Смею надеяться, что слово об авторе «Детского острова» будет воспринято с интересом и вниманием — как большими, так и маленькими читателями. Тем более что о поэте с таким странным, согласитесь, необычным именем — «Саша Черный» известно на удивление мало. Некоторые даже думают, что это... мальчик, обладавший чудесным даром писать стихи.

Вовсе нет. Несмотря на мальчишеское имя, Саша Черный вполне взрослый мужчина. Даже с усами и сединой в волосах. Угодно убедиться? Фотографический снимок открывает этот том. Что-то озорное чудится в блеске глаз. А с губ, кажется, вот-вот сорвется беззлобная шутка.

Таким же запомнился Саша Черный современникам — тем, кто знал его близко: «Что-то необыкновенно милое, чистое было в этом, сохранившем молодость лице, увенчанном облаком легких, курчавившихся, совершенно седых волос, резко выделявших черноту бровей и короткой щеточки усов»¹. Этот портрет можно дополнить еще одним описанием: «Да, это тот самый мягкий взгляд Саши Черного, который мы так любили при его жизни, задумчивый, тихий и наблюдательный, с той искрой доброго юмора, с благородным оттенком невысказываемой печали и сдержанной ласки»².

Ну, так вот — такой поэт примчался к вам:
 Это ваш слуга покорный,
 Он зовется «Саша Черный»...
 Почему? Не знаю сам.

Представляясь таким образом малышам, поэт немного лукавил. Однажды он открыл секрет своего псевдонима (так

¹ Станюкович Н. Саша Черный // Возрождение (Париж). — 1966. — № 169. — С. 120.

² Куприн А. Солдатские сказки // Возрождение (Париж). — 1933. — 26 октября.

называют выдуманные имена, за которыми скрываются писатели и поэты, да и не только они): «Нас было двое в семье с именем Александр. Один брюнет, другой блондин. Когда я еще не думал, что из моей «литературы» что-нибудь выйдет, я начал подписываться этим семейным прозвищем». Оказывается, все просто: черноволосого мальчика кликали «Сашей черным», а светловолосого — очевидно, «Сашей белым».

Впрочем, это единственная тайна биографии, которой поэт сам поделился. Остального — чур не касаться! До нас дошли буквально крохи дописательской судьбы Саши Черного: в ее подробности были посвящены лишь самые близкие ему люди.

Итак, родился Саша Черный в Одессе, в 1880 году. Настоящая его фамилия — Гликберг, а звали его Александр Михайлович, в детстве просто Саша. Семья была большая, зажиточная. Отец — провизор, то есть аптекарь. Дед — купец, торговец скобяными товарами. О матери почти ничего неизвестно. Все вроде бы хорошо, но уж больно суров и крут нравом был глава семейства — чуть что — жестоко наказывал детей (у Саши были еще два брата и две сестры) за малейшую провинность.

Чаще других доставалось, судя по всему, Саше, исключительному выдумщику и фантазеру. То пытался он сделать непромокаемый порох из серы, зубного порошка и вазелина, то изготовлял чернила из сока шелковичного дерева, превращая квартиру в небольшой химический завод. Кому это понравится? Нет, ни озорником, ни задирой, ни хулиганом его не назовешь. Просто-напросто: «Мальчик был особенный. Из тех мальчиков, что шалят-шалят, вдруг притихнут и задумаются... И такое напридумают, что и выговора серьезного сделать нельзя, — начнешь выговаривать, да сам и рассмеешься»¹.

Впрочем, родители Саши не были столь снисходительны и отнюдь не поощряли его хитроумные затеи и выдумки. Вот что впоследствии поведала жена Саши Черного (наверняка с его слов и воспоминаний о детской поре): «Никто никогда ничего ему не дарил, когда он был ребенком. И когда он за неимением игрушек находил в доме что-нибудь, что можно было бы приспособить для игры, его наказывали»².

Короче: когда Саше исполнилось 15 лет, он, не в силах более терпеть семейное иго, убежал из дому (последовав, кстати заметить, примеру старшего брата). Много скитался, попал, наконец, в Петербург, где пытался продолжить учебу. Однако был отчислен из гимназии за несданный экзамен по алгебре. Беглец оказался в катастрофическом положении, без всяких средств к существованию. Написал отцу и матери, моля о помощи, но те наотрез отказались от блудного сына. К счастью, нашлись сердобольные

¹ Саша Черный, написавший эти строки, явно имел в виду самого себя.

² Александрова В. Памяти Саши Черного // Новое русское слово. — Нью-Йорк, 1950. — 1 октября.

люди — помогли, кто чем мог. И наконец, узнав о бедственном положении юноши, брошенном семьей, Сашу Гликберга приютил обеспеченный и великодушный человек из Житомира — Константин Константинович Роше. Предоставил кров, дал возможность продолжать учебу. Больше того: заметив в своем воспитанике искру Божью, преподавал первые уроки стиховорства.

Вот такая диковинная, поразительная и несчастливая судьбина выпала на долю Саши Черного. С ранних лет ему довелось вдоволь хлебнуть лиха, как раз в ту пору, когда маленькое сердце, открытое ласке, добру и радости, наиболее ранимо. Ребячьи обиды и беды не исчезают бесследно. Немудрено, что лишенный детства поэт не любил вспоминать об этой «золотой» поре.

Лишь однажды он выговорился, дал волю своим чувствам. Но то было не его собственное сочинение, а перевод автобиографии австрийского юмориста и сатирика Сафира. Нельзя, право, не подивиться, сколь много общего в их доле:

«У меня не было детства! У меня не было юности!

В книге моей жизни недостает этих двух золотых вступительных страниц. Детство, яркая, пестроокрашенная заглавная буква, вырвана из длинных строк моего бытия!

У меня не было ни детства, ни юности...

У меня не было ни именин, ни дня рожденья! У меня не было свивальника, и для меня не зажигалась елка! У меня не было ни игрушек, ни товарищей детских игр! У меня никогда не было каникул, и меня никогда не водили гулять! Мне никогда не доставляли никакого удовольствия, меня никогда ни за что не награждали, меня никогда не радовали даже самым пустяшным подарком, я никогда не испытывал ласки! Никогда меня не убаюкивали ласкающие звуки, и никогда не пробуждал милый голос! Моя судьба залепила черным пластырем два сияющих глаза жизни — детство и юность. Я не знаю их света и их лучей, а только их ожоги и глубокую боль».

Нанизывая эти бесконечные «никогда», Саша Черный, наверное, думал о той поре, когда он явился в мир. Ему тоже было не додано подарков, а «жизнь за чьи-то чужие грехи лишила третьего сладкого блюда». Надо ли удивляться, что веселый дух поэта не принял этот жестокосердный, несправедливый, пресный и невзрачный мир — мир взрослых. До конца дней в его сердце жила мечта вернуться к истоку дней, в тот изначальный рай, в страну детства, где вечно царят радость, любовь, добро...

Ведь было бы заблуждением думать, что только мрак и хмарь, зло и худо обступали маленького Сашу. Его окружал озаренный солнцем, цветущий, яркий, пестрый, разноголосый мир веселого черноморского города. Память сердца выхватывала из этого прекрасного одесского далека светлые страницы и строки. Это и «бумажные метелки, которыми рахат-лукумные греки сгоняют на юге мух с плодов», и благоуханный цвет

акации, которую он объедал ребенком, и бессарабская кукуруза, разваренная и политая топленным маслом,— «пища лакомок-богов»... Не эти ли потаенные, живительные, незамутненные родники питали творчество Саши Черного?

Из детства вновь
Бегут к глазам лучи...
Проснулась кровь,
В душе поют ключи,
Под каблуком взлетает с визгом снег,—
Благословен мальчишеский разбег!

Именно превратностям этой судьбы, столь необычной и горестной, обязаны мы чуду появления такой, ни на кого не похожей, как бы раздвоенной личности, имя которой «Саша Черный». Поэт и сам сознавал эту двойственность и не раз признавался в стихах: «Мне сейчас не тридцать лет, а четыре года...» Или даже так: «Мне триста лет сегодня, а может быть, и двадцать, а может быть, и пять». Воистину, в нем соединились и вековая библейская мудрость, и опыт зрелого человека, и простодушие ребенка.

К Саше Черному по праву могут быть отнесены слова: «Он наделен каким-то вечным детством». Эту его особенность подчеркивают и отмечают все, кто знал его: «Как и дети, он придумывал себе занятия, не имевшие, как игры, никакой иной цели, кроме забавы: раскрашивал какие-то коробочки, строгал дощечки, оклеивал полочки и радовался, если дома находили какое-нибудь приложение этим вещам. Глаза его светились при этом такой наивной радостью, что другим начинало казаться, что это и в самом деле чудесная и нужная вещь»¹.

Непринужденно и легко Саша Черный чувствовал себя лишь в детской компании. Ему были ведомы секреты подхода к детскому сердцу, он обладал удивительной способностью располагать к себе малышей. Недаром ребячья мелюзга так и льнула к этому удивительному дяде, который включался в их игры, баловал подарками и угощениями, рассказывал забавные истории. Видимо, дети чувствовали неподдельный интерес к их делам и проблемам и безошибочно угадывали в Саше Черном «своего». Он мгновенно находил с ними общий язык. Даже с теми, кто ни слова не знал по-русски,— с маленькими немцами, итальянцами, французами...

Вечно вокруг Александра Михайловича вилась стайка маленьких друзей. Впрочем, предводитель этой вольницы был для них никаким не Александром Михайловичем. То и дело над побережьем неслись крики:

Са-ша Черный! По-ско-рее!
Под скалою ось-ми-ног...

Так было не только в ту пору, когда он стал по преимуществу детским писателем, но много раньше— когда он еще не издал

¹ Александрова В. Памяти Саши Черного // Новое русское слово.— Нью-Йорк, 1950.— 1 октября.

взрослых книг и только подумывал всерьез заняться литературой. Сохранились воспоминания о Саше Черном в возрасте 26—27 лет, гостившем летом на даче под Петербургом: «Не знаю чем, но он завоевал полное признание со стороны дачных мальчишек и моего младшего брата, когда ходил с ними купаться, лазил по скалам, катался на лодке и пр. Интересным мог бы явиться тот факт, что при наличии юношеской компании моих дачных товарищей он с ними не водился. Мальчишки же настолько признавали его своим, что практически как-то стиралась возрастная грань. Уже через некоторое время он стал для них «Сашей» и «Сашенькой» — так, между прочим, они зазывали его хором на свои мероприятия...

...С ребятами он чувствовал себя вполне в своей тарелке, очевидно, по-настоящему любил эту шумливую мелюзгу и понимал их интересы»¹.

Казалось бы, Саше Черному на роду было написано стать исключительным выразителем мира детей в литературе. Но нет, путь к этому был долог и непрост. Поначалу он стал известен всей читающей России как автор «Сатир» — язвительных, остроумных и беспощадных. Оружием смеха поэт боролся со всем отвратительным, гнусным, паскудным, что не принимала и против чего восставала его душа. То ли он хотел расквитаться с миром зла, принесшим столько несчастий ему, то ли надеялся исправить нравы общества. И то, что поэт называл себя «Черным», казалось очень уместным, ибо силы зла принято окрашивать в темные, мрачные тона, в краску тьмы.

А как же «Саша» — первая половина его литературного имени? Она как бы томилась в ожидании своего часа. Поэт, который «много песен скучным взрослым полным голосом пропел», еще не ведал о своем истинном предназначении. Однажды, играя в куклы со своей маленькой племянницей Элочкой, поэт получил неожиданное приказание: придумать песенку. Но только, чтобы сам сочинил. И что же?

Огорошенный приказом,
Долго я чесал в затылке,
Тер над глазом и под глазом —
Не придумал ничего.

Оно и понятно. У кого было учиться Саше Черному стихосложению для самых маленьких? Вспомните: тогда ведь еще не существовал ни «Крокодил», ни «Вот какой рассеянный», а их будущие авторы — Корней Чуковский и Самуил Маршак были «взрослыми» писателями. Чуковский обладал славой весьма оригинального литературного критика, чьего хлесткого пера побаивались многие. Маршак же считался бойким фельетонистом, подписывавшимся псевдонимом «доктор Фрикен».

¹ Рукопись воспоминаний В. А. Добровольского о встречах с Сашей Черным. Хранится в собрании М. С. Лесмана.

Случилось так, что жизненные пути каждого из них пересеклись с Сашей Черным. Молодой Маршак тоже печатался в «Сатириконе» — новом сатирическом журнале, где поощрялись любые «звонкие фокусы-покусы». Оба они более всего любили шататься белой ночью по питерским улицам, называя это время-препровождение «умозгованием весны». Еще любили устраивать дружеские пирушки. Однажды жена Саши Черного, Мария Ивановна, застала их... под столом, где они декламировали стихи. С какой стати они там оказались? Кажется, я догадываюсь...

Помню, мы с сестренкой, когда были маленькие, любили устраивать так называемую «кротовью нору» (за что нам влетало от родителей). Сдвигали стулья, набрасывали на них всякие покрывала и «жили» там, блаженствуя в полумраке. Видимо, всем людям (и детям тоже) свойственно желание уединиться, иметь в квартире свой собственный закуток, куда можно спрятаться и где ты волен вести себя как хочешь.

А какое удовольствие обустраивать свое жилище! Есть у Саши Черного немудреный рассказ «Домик в саду». Ничего особенного в нем не происходит. Просто дети расставляют мебель и посуду в построенном для них домишке, развешивают картинки, стремясь его обуздить, красят крышу... И так любовно, с такими подробностями описана «жизнь понарошку», что догадываешься — Саша Черный наверняка не раз принимал участие в подобной игре.

Вернемся к Маршаку. В его доме устраивались любительские спектакли: юный Маршак вместе с братом (тогда еще гимназистом) и сестрой выпускали домашние журналы. Для одного из них Саша Черный сочинил незамысловатый стишок, начинавшийся словами:

У камелька, у камелька
Сидят четыре старика,
Один чихнул, другой зевнул,
А третий попросту заснул.

Развлекаясь таким образом, шутя и играя, они едва ли помышляли о творчестве для детей. Но уже тогда, видимо, исподволь, подспудно вызревало в душе то, что проявилось гораздо позже.

С Корнеем Чуковским у Саши Черного отношения были неровные. Они то сближались, то расходились. Наиболее близко свели их малые дети. О Чуковском ходили слухи, что свой досуг писатель заполняет записыванием слов и речений, созданных детьми. В будущем из этого «чудачества» возникла известная всем книга «От двух до пяти».

Чуковский-критик с присущим ему темпераментом и злоречием разносил в пух и прах современную ему детскую литературу. На страницах журналов «Игрушечка», «Мирок», «Тропинка», «Задушевное слово» существовала какая-то особая лилипутская страна для пай-мальчиков и пай-девочек. Все было крайне благо-

пристойно и слащаво: цветы на слабых ножках, мотыльки, эльфы, феи... Прогуливающиеся малютки не позволяли себе никакой шалости, грубого слова или крика — фи! Это дурно!

Изготовлением подобного приторного сиропа для малюток занимались почему-то в основном дамы-писательницы. Одну из них Саша Черный изобразил качающейся на ветке птичкой, пикающей милым деткам следующее:

Солнышко чмокнуло кустик,
Птичка оправила бюстик
И, обнимая ромашку,
Кушает манную кашку...

Сколько угодно можно было высмеивать дамское сюсюканье, однако ничего другого взамен современная литература предложить не могла. Тогда, почти одновременно и Чуковскому, и Саше Черному в голову пришла одинаковая мысль: а не попытаться ли самим создать что-то для подрастающего поколения? По сути, предстояло совершить переворот в детской словесности, своего рода революцию. Причем знали они четко лишь то, как нельзя писать для детей. А как надо?

В 1912 году они затевают детские альманахи. Чуковский назвал свой сборник «Жар-Птица», а Саша Черный дал своему детищу название «Голубая книжка». Для осуществления замысла необходимо было найти и завербовать единомышленников — тех, кто мог, по их мнению, стать участниками задуманного предприятия. Саша Черный обращается с письмом к А. М. Горькому, у которого он незадолго до этого побывал на острове Капри. «Очень хочу наладить детский сборник, и, если Вы мне поможете, я справлюсь,— пишет он.— Помните тех воробьев, которых Вы мне читали? Можно их у Вас попросить, Алексей Максимович? А если что-нибудь из того, что лежит у Вас на окне, и совсем хорошо. Я бы сейчас снес к Бродскому для иллюстраций. <...> Думаю у Пришвина достать несколько страниц. У детей так мало стоящих книг, дешевых и совсем нет,— помогите, Алексей Максимович, прошу и умоляю».

Чувствуете, с какой искренней заинтересованностью написал это послание? Так пишут о самом насущном, кровном, самом важном на свете. Книжку удалось сделать довольно быстро — через три-четыре месяца, в начале 1913 года она уже поступила в продажу. Помимо самого Саши Черного (сказка «Красный камешек» и песенка «Вечерний хоровод») и «Воробышки» Горького в ней была напечатана также сказка «Как рыбы из верши ушли» К. Милля — писателя-сатириконца, с которым Саша Черный поддерживал приятельские отношения. Оформили «Голубую книжку» художники И. Бродский и В. Фалилеев.

Тем временем у Саши Черного уже набралось стихотворений для детей на отдельную небольшую книжку, которую он назвал «Тук-тук!». В детскую комнату как бы постучался и заглянул поэт

с таким доверительно домашним именем — «Саша Черный». Надо заметить, что как раз в это время он отказался от своего прославленного псевдонима, сменив его на строгую, краткую подпись — «А. Черный». Исключение было сделано для самых маленьких читателей — для них он навсегда остался «Сашей Черным». Раздвоение, о котором мы догадывались, стало явным.

В увлекающемся ребячьими забавами дяде трудно узнать хмурого, тоскующего и желчного сатирика, повторявшего: «Мне скучно взрослым быть всю жизнь до самой смерти и что-то скучное пилить в общественном концерте». И вдруг — о чудо! — складки горечи разгладились на его лице и появилось что-то очень светлое, похожее на отсветы ярко разукрашенной новогодней елки на лице ребенка.

У нас имеется отличная возможность уразуметь, чем отличается Саша Черный «для больших» от Саши Черного «для маленьких». Для этого предлагается сравнить два стихотворения с одинаковым названием «На Вербе». Одно было написано для взрослых, а затем поэт его практически заново переписал для малышей. Вот несколько параллельных строф:

Шаткие лари, сколоченные наскоро,
Холерного вида пряники и халва,
Грязь под ногами хлопает так ласково,
А на плечах болтается чужая голова.

Червонные рыбки в стеклянной обители
Грустно-испуганно смотрят на толпу.
«Вот замечательные американские жители —
Плотают камни и гвозди, как крупу!»

Деревья вздрагивают черными ветками,
Капли и бумажки падают в грязь.
Чужие люди толкуются меж клетками
И месят ногами пеструю мазь.

А внизу все будки, будки
И людей, что мух.
Каждый всунул в рот по
дудке —

Дуй во весь свой дух!
В будках куклы и баранки,
Чижики, цветы...
Золотые рыбки в банке
Раскрывают рты.

Вот она какая Верб!
А у входа в ряд —
На прилавочке у серба
Вафельки лежат.

Вроде бы одно и то же видят и слышат родители и детишки, но сколь различно их восприятие. У шатающегося по праздничному торжищу взрослого все вызывает раздражение, лицо кривит гримаса отвращения, окружающее — лишь повод для злословия. У ребенка наоборот: вокруг столько ликующе веселого, неизведанного, заманчивого... У первого — неприятие мира, скепсис, скука, беспросветность. У второго — буйная языческая радость, простодушное ожидание чудесных подарков и развлечений, и вообще чего-то хорошего. Стало быть, отличие детской поэзии вовсе не в примитивности и незатейливости (как полагают некоторые читатели и писатели), а в совершенно ином мироощущении — улыбчивом, наивном, естественном, не искаженном рефлексией и шаблоном. Мало кому удастся сохранить детское в душе на протяжении всей жизни. Саша Черный из их числа.

Напрасно, однако, думать, что Саша Черный был сразу явлен как всезнающий и законченный детский писатель. Далеко

не так... Помните фразу, которую произносит, как бы извиняясь, юный паж волшебницы-феи в фильме «Золушка»: «Я еще не волшебник. Я только учусь». Вот и Саша Черный на первых порах учится «волшебничать»: осваивает мало-помалу секреты творчества и чудотворства, нащупывает темы, тон, язык общения с детской аудиторией.

Были, разумеется, и срывы. Подчас можно встретить у Саши Черного неуклюжие, допотопные строки, заставляющие вспомнить убогие вирши про несносного безобразника Степку-растрепку.

Вот приходит Боб с прогулки.
Таракашки шмыг к шкатулке,—
Боб к лошадке: «Съела... ай!
Завтра дам еще,—будь пай».

Эти стихи еще не «всехные» — предназначены для господских детей. Им предлагается выйти за порог детской комнаты, на улицу, познакомиться с простым, трудовым человеком — допустим, с трубочистом. Ничего страшного:

Дай ему скорее лапку,—
Сажу смоешь,— не беда.

А вот уже крошечный барчук и сам, без няни, предпринимает запретную вылазку за пределы дачи. Для карапуза это почти экспедиция в джунгли, полная приключений и опасностей. Поэт как бы со стороны наблюдает с улыбкой за храбрецом, опасливо знакомящимся с обитателями болотца:

Ведь лягушки не кусают?
Пусть попробуют... Узнают!

И следующая книжка Саши Черного для детей «Живая азбука» тоже явилась по сути окошком, открывавшим мир во всем его калейдоскопическом многообразии. Задача книжки проста — постичь русский алфавит посредством игры. Для этого на каждую букву придумано забавное двустипшие. Например:

Слон ужасно заболел —
Сливу с косточкою съел.

Если и есть нравоучение, то самое минимальное и ненавязчивое: сливы с косточками лучше не есть. Главное же, что эти бесхитростные стишки мгновенно запоминались и, стало быть, делали свое дело — обучали ребят грамоте. И неслучайно «Живая азбука» не раз переиздавалась в разных концах земного шара — везде, где жили русские дети.

Книжки с картинками... Сколько их — дешевых и изданных роскошно — кануло в безвестность. Но этого нельзя сказать о книжках Саши Черного «Тук-тук!» и «Живая азбука», созданных им совместно с художником В. Д. Фалилеевым.

И наверное, недаром Марина Цветаева вспоминала, как няня, укладывая спать дочку Алю, наказывала ей помолиться за... Сашу Черного.

Мне как-то довелось встречаться с дочерью писателя Леонида Андреева. Вера Леонидовна извлекла из тайников семейного архива и с какой-то особой нежностью продемонстрировала довольно странную реликвию — несколько страниц из «Живой азбуки». Это все, что уцелело с детских лет за годы скитаний по зарубежью. Рука не подымается выбросить. Как можно: ведь Саша Черный был другом их семьи. Более того: был их домашним учителем, ее и брата.

Творческое содружество — поэта и художника-иллюстратора — было на редкость удачное и счастливое. Посещая мастерскую Фалилеева, Саша Черный находил, что тот живет «на каком-то разноцветном острове». И добавлял, не без зависти: «Счастливое искусство! Краски да штрихи, все спокойно, все ясно».

Но вскорости этому мирному спокойствию пришел конец. Разразились события, которые не только детский, но и взрослый разум не способен по-настоящему уяснить: мировая война, революция, гражданская усобица... Эта грандиозная человеческая катастрофа перечеркнула все замыслы и планы, перевернула вверх тормашками людские судьбы.

Сашу Черного призвали в армию. На фронте само собой ему было не до стихов. После войны оказался в Пскове, где, наконец, вновь вернулся к творчеству и прежде всего к творчеству для детей. В Петроград он шлет новые стихотворения для организованного К. И. Чуковским журнала «Для детей». Однако передышка была недолгой. Разбушевавшаяся гражданская стихия разметала людей по всей России и за ее пределы. Волна беженства выбросила Сашу Черного из кромешного русского ада в Литву, на тихий хутор под Вильно. Патриархальный уклад, аисты на крыше, жужжанье пчел, изобилие яблок, облачные караваны в небесах — все это создавало иллюзию мирной жизни, оазиса, острова...

Именно здесь, в робинзонском уединении дозрело и оформилось то, к чему Саша Черный приближался давно и что окончательно завершило превращение его в детского писателя. Если прежде свою любовь поэт выражал через слово отрицания, то ныне, когда человечество погрузилось в пучину ненависти и смертоубийства, к нему пришло осознание, что «мудрость жалости порой глубже мудрости гнева», что высшая истинность — в приятии мира и любви. Ибо, как выразился А. И. Герцен: «Любовь, господа, много догадливее, чем ненависть».

Коли уж невозможно искоренить зло, то не лучше ли отделиться, спрятаться от него на каком-нибудь воображаемом острове вместе с теми, кто не повинен «в несчастной русской чехарде»? Так родилось название будущей книги — «Детский остров» — единственно точное, глубокое, объемлющее все творчество Саши Черного, обращенное к маленьким читателям. На этом волшебном Сашином острове вечно царит мир, лад, ласка,

смех... Поэт возмечтал «беспечностью веселой» озарить детское цветение на этой злой земле.

«Детский остров» ничуть не похож на те кукольные царства-государства, коими изобиловала малышковая, мурзилочная литература. Спрашивается, чему же тогда она посвящена? Один умный человек когда-то заметил: «На свете есть вещи, которые производятся только для детей: всякие пищалки, скакалки, лошадки на колесиках и т. д. Другие вещи фабрикуются только для взрослых: арифмометры, бухгалтерские счета, машины, бомбы, спиртные напитки и папиросы. Однако трудно определить, для кого существует солнце, море, песок на пляже, цветущая сирень, фрукты и взбитые сливки»¹.

Вот мы и приблизились к тому, что располагалось в центре мироустройства Саши Черного. Будто в детской игре «тепло — теплее — еще теплее — горячо» — Солнце! Оно, дарующее тепло и свет всему живущему. И недаром гениально простое ребячье четверостишие-клич (ставшее впоследствии песней) начиналось словами: «Пусть всегда будет солнце!» Их, эти слова, можно было бы взять в качестве девиза, эпитафия, символа ко всему, что вышло из-под пера Саши Черного. Сам поэт, произведя однажды строгий отбор того, что удерживает человека на этом свете, перечислил самое, на его взгляд, главное и ценное:

Есть горячее солнце, наивные дети,
Драгоценная радость мелодий и книг.

Заметим: «солнце» и «дети» поставлены рядом. Это неслучайно. Так же как и то, что бывшее видится поэту — «словно детство в солнечной пыли». Постоянные совпадения, союз, почти тождество этих двух понятий «детство» и «солнце». Примеров не счесть. Впрочем, стоп. Не будем лишать читателей удовольствия самим вылавливать бесчисленно прихотливые солнечные эпитеты и образы в стихах и прозе Саши Черного.

На страницах «Детского острова» произрастают цветы, разгуливают зверюшки, звучат гимны и колыбельные и вообще там множество прекрасных вещей, принадлежащих не только «человечкам», но всем людям. «И всех их видишь в таком наивном и ярком освещении, как видел летним свежим утром в раннем детстве бронзового чудесного жука или каплю росы в зубчатом водоеме гусиной травы». Это поэтическое наблюдение принадлежит А. И. Куприну, написавшему о «Детском острове»: «Вот настоящая, прочная книга для детей, чудесный подарок от нежного, но и строгого волшебника».

Книгу удалось издать в Берлине, куда Саша Черный переехал в начале 1920 года. Издание поражает добротностью и размерами. Иллюстрации были исполнены знаменитым художником Борисом Григорьевым. Оно, это «подарочное издание»,

¹ Акимов Н. Наш автор Евгений Шварц // Житие сказочника. Евгений Шварц. — М., 1991. — С. 234.

явилось поистине воплощением заветной мечты поэта о большой детской книге, предназначенной для чтения-журчания в семейном кругу, у домашнего очага, ибо без семейного чтения, как полагал Саша Черный, не может созидаться полноценная личность. Мечта эта осуществилась именно тогда, когда сама мысль о доме и очаге становилась все более призрачной. Ведь Саша Черный, как и многие его соотечественники, оказался в эмиграции — добровольном и недобровольном изгнании.

Между прочим, рукопись «Детского острова», которую привез Саша Черный из Литвы, подверглась опасности исчезновения. В воспоминаниях вдовы поэта рассказывается о том, как при пересечении германской границы таможенная полиция производила досмотр багажа. Обнаружив листы со стихами, полицейские агенты приняли их за агитационные материалы. К счастью, в управлении таможни нашелся служащий, который знал по-русски и ему был известен Саша Черный — поэт-сатириконец. Он объяснил начальству, что поэт везет с собой рукопись книги для детей, и только тогда она была возвращена автору.

Мало написать стихи. Для того чтобы получилась книга стихов, надобно еще их, как цветы, подобрать и сложить в букеты (что-то вроде искусства икебаны). Вот и «Детский остров» состоит из трех разделов-букетов, долженствующих охватить круг интересов маленького народа. Это: «Веселые глазки», «Зверюшки», «Песенки». О детских играх и о животных — темах первых двух разделов поговорим чуть позже, когда доберемся до прозы Саши Черного. А вот «Песенок» уместнее всего коснуться именно здесь, ибо главное в них — ритмическая, стиховая основа.

Утверждая, что Саше Черному не у кого было учиться детской поэзии, я был не совсем прав. Издревле существует безбрежный океан устного народного творчества — всевозможные считалки, дразнилки, загадки, потешки, прибаутки, ставшие неперенным достоянием детства начиная с колыбели. Фольклор этот восходит к стародавним временам — к младенчеству нации, когда наши пращуры назывались славянами. К таинственным силам и явлениям природы они обращались как к мифическим божествам, либо как к живым существам. И сегодня мальчик или девочка, выкликающие: «Солнышко, солнышко, выгляни в окошко!», «Дождик, дождик, пуще, дам тебе гущи!», «Божия коровка, улети на небо...», «Коси-коси, ножка...», не подозревают, что такие же языческие заклинания звучали еще тысячу лет назад, в Древней Руси.

Помимо фольклорного свода, более-менее устоявшегося, существует еще индивидуальное детское стихотворство. По наблюдению К. И. Чуковского, поэтическое вдохновение вспыхивает почти в каждом ребенке от 2 до 5 лет и позднее куда-то исчезает. Откуда оно? От переполняющей душу радости бытия? От того, что жизнь кажется бесконечной? От того, что завтрашний день сулит столько хорошего, интересного и вообще вся «земля — не-

изведанный сад»? Неудивительно, что этот избыток жизненной энергии, этот неосознанный «телячий восторг» выплескивается в словесный поток, лавину, стихию (не отсюда ли слово «стихи»?). Это самовыражение сопровождается обычно прыжками, размахиванием рук и невесть откуда явившимся песенным ритмом.

Вот и Саша Черный, даром что большой, сохранил каким-то чудом эту младенческую способность к произвольной песенной импровизации. Только в отличие от маленьких бардов и баюнов, не могущих повторить свои дикарские гимны, поэт запечатлевал их на бумаге. При этом Саша Черный, сдается мне, вовсе не задавался целью сочинить для детей, а сам в момент вдохновения как бы становился, скажем, мухой, лягушкой-кваксой, солнечным лучом, негром, мамой и, уж подавно, девочкой, которая, приветствуя прекрасный день, колотит в таз:

Бам! Солнце блещет,
Бам! Море плещет.

Такое звучание, естественное, как дыхание, дается лишь полным слиянием с миром детства и растворением в нем. В таких случаях говорят: сошлись дар и душа. Сочетание это — великая редкость. Ибо есть сколько угодно литераторов, авторов книг для маленьких, которые самих малышей — живых, «всамделешных» терпеть не могут. А ежели такой дядя все же вынужден общаться с ребенком, то такой контакт превращается в обоюдную пытку, в набор дежурных вопросов: как зовут, сколько лет, да кем будешь, когда вырастешь... Детская литература для них не более чем работа, профессиональное занятие.

За рубежом Саша Черный трудился преимущественно на «детском острове». Обычно не склонный к организаторской деятельности, он вновь затевает издание детского сборника «Цветень», ищет соратников и авторов. Вот что он написал А. И. Куприну: «Хотелось бы все-таки для детей еще что-нибудь состряпать: они тут совсем отвыкают от русского языка, детских книг мало, а для них писать еще можно и нужно: не дадите ли несколько страниц для детского альманаха?»

Саша Черный не только сам сочиняет и переводит, но занимается и составлением книг для детского чтения: Чехова, Тургенева, Жуковского. Особо следует отметить подготовленную им с великим тщанием антологию «Радуга», вобравшую в себя все лучшее, что создано в русской поэзии для детей. Составитель распределил все стихи по нескольким разделам: «Детство», «Все живое», «Лукоморье», «В садах природы», «Светлые крылья», «Россия». Тематика некоторых из них повторяет «Детский остров». Но есть и новое. К примеру, в разделе «Светлые крылья» собраны стихи с религиозными мотивами.

Мог ли Саша Черный не коснуться в своем творчестве для детей «божественного»? Речь пойдет о его «Библейских сказках». Но прежде о том, каким образом родился у него замысел

пересказать детям некоторые истории и легенды Ветхого Завета. Придется начать издалека.

...«Знаете ли вы, что такое «приготовишка»?—с таким вопросом обращался Саша Черный к своим юным соотечественникам за рубежом. Вопрос не риторический, ибо маленький народец, не видевший России, довольно смутно представлял родину своих пап и мам. И Саша Черный считал своим долгом рассказать подрастающему поколению о родине, о России— «далекой, никогда не виданной, лежащей за тридевять земель». Но не о той, что простиралась за горами, за долами, а за многими и многими годами. Для таких ретроспекций, то есть экскурсов в минувшее, он придумал поэтическое определение— «Русские миражи».

Примечательно, что память сердца чаще всего высвечивала фигуру «приготовишки»—ученика приготовительного класса гимназии. С редкостной симпатией и юмором Саша Черный обрисовывает это по-смешному надутое создание, гордое своими школьными познаниями и гимназической формой. Ему люб этот стриженный человек, в котором нетрудно узнать самого Сашу, когда он был маленьким. Да автор этого и не скрывает, дав собственный портрет той поры: «...глаза черносливками, лицо серьезное, словно у обиженной девочки, мундирчик, как на карлике, морщится...»

В действительности, однако, все было далеко не так безоблачно. До девяти лет Саша не мог поступить в гимназию. В царской России существовал целый ряд ограничений для евреев—в том числе в получении образования. Только после того, как отец решил крестить всех детей, Саша был зачислен в гимназию—стал «приготовишкой». Словно на крыльях, летел он на занятия и с занятий—«не как все люди, а как-то зигзагами, словно норвежский конькобежец». Эта недолгая, счастливейшая пора оказалась едва ли не самой светлой в череде школьных лет Саши Черного.

Но вскоре упоение сменилось томительными годами страхов, обид, нотаций, наказаний... Не учение, а мучение! Сколько совершенно бесполезных сведений вдалбливалось в стриженные головы школяров! Наиболее, пожалуй, тягостные воспоминания связаны с Законом Божьим. Что, право, кроме глухого протеста и устойчивой ненависти могла вызвать зубрежка молитв и «тугопонятных» текстов Писания?

Жестокие, но справедливые слова в адрес религиозного обучения высказал русский мыслитель и правдоискатель В. В. Розанов: «Что же дети учат, что им Церковь дала для учения? 90-й Псалом царя Давида, сложенный после соблазнения Вирсавии, Псалом *после* убийства подданного и отнятия жены у него!!! <...> ...что-то содомское, не в медицинском, а в моральном смысле,—покаянные слезы содомитянина о вкушении сладости. Это учат в 8—9 лет все русские дети, миллионы детей! И все прочие

молитвы, как-то: «На сон грядущий», «К Ангелу-Хранителю», «От сна восстав» написаны не только деревянным, учено-варварским языком, но прежде всего языком сорокалетнего мужчины, который «пожил и устал». <...> Да просто христианство даже забыло, что есть детская душа, особый детский мир и проч. Просто не вспомнило, запомняло, что есть семья, в ней рождаются дети, что дети эти растут и их надо как-то взрастить»¹.

Видимо, подобные мысли не давали покоя и Саше Черному. Он не забыл свои детские переживания, недоумения, очарования и чаянья. И вот он вознамерился ввести в круг детского чтения «Библию» — древнейшую книгу, вобравшую в себя многовековую народную мудрость, отлитую в законченные изречения, которыми человечество живет или старается жить вот уже две тысячи лет. Воистину это вечная книга христианских заповедей! Вот почему так важно, чтобы слово Священного Писания было понято, принято на ранних стадиях душевного развития.

Оставалось дело за «малым» и непостижимо трудным: перевести скупые, спрессованные в афоризмы притчи на язык, понятный и интересный детям. «Библейские сказки» Саши Черного (известно всего пять изложений, а точнее, его версий ветхозаветных сюжетов) — не пересказ, а фактически новые произведения. Заключение в Библии истины пропущены через собственное сердце, через выстраданное, выношенное Сашей Черным представление о жизни. Правда, личное запрятано столь глубоко и потаенно, что трактовка и толкование становится весьма затруднительным занятием. И все же кое о чем можно догадаться. Так, в сказке «Отчего Моисей не улыбался, когда был маленький», думается, неспроста в центре поставлена недетская скорбь и печаль. Такое может быть понятно лишь тому, кто, подобно Моисею, был лишен материнской ласки, воспитывался в чужом доме... Можно сказать, что «Библейские сказки» Саши Черного апокрифичны. То есть это истории, которые в действительности не были, придуманы, но более точно и глубоко выражают суть явления, нежели реальная правда.

Приведу еще одно критическое высказывание по поводу художественной стороны священных текстов: «Язычество — поклонение матери-природе, силам ее. Христианство — отрицание природы. Во всем Евангелии о природе сказано два-три слова. Остальное — притчи, тяжелые предсказания и угрозы: «Не мир, но меч принес». Светопреставление. Страшный суд и ад»². Слова эти принадлежат писателю И. Соколову-Микитову, с которым Саша Черный не раз сживал за приятельской беседой в Берлине.

¹ Розанов В. В. О вере русских // Русская литература. — 1991. — № 1. — С. 114—115.

² Соколов-Микитов И. Из Карачаровских записей // Новый мир. — 1981. — № 12. — С. 167.

И вот автор «Библейских сказок» каким-то чудесным образом сумел соединить несоединимое: языческое поклонение природе с нравственным строем христианской проповеди. Впечатление такое, будто строгая и чуточку пугающая гравюра Доре к Библии ожила, расцвела красками, наполнилась теплом, светом, ароматами, звуками, движением (не только людским, но и всевозможных тварей земных)... «И вспомнил он зеленую землю, розовое солнце на камнях своего порога по утрам, синее дыхание неба, вырезные листья смоковницы над низкой оградой, ящериц, укрывшихся от зноя в его плаще... Господи, не знал он раньше, до чего жизнь хороша!» — в равной мере эти слова могут быть отнесены и к праведнику Ионе, томящемуся во чреве кита, и к доброму волшебнику и сказочнику Саше Черному.

В сказке важно, чтобы слушатель был с первой фразы захвачен, заинтересован. Тут малейшая тень скуки — конец, внимание утеряно навсегда. Это своего рода изощреннейший театр, где рассказчик является в одно и то же время и автором, и актером. Важно найти верный тон, доверительную интонацию, не подлаживаясь, однако, и не заигрывая с ребенком. Разговор равных.

Свой рассказ Саша Черный ведет так, словно в его руке лежит детская ладошка, и он — вот прямо сейчас — обращается к маленькому другу: «Хочешь сказку?» или «Помнишь, как это было?» И далее следует вдохновенная стихотворная или прозаическая импровизация, приобщение крохотного слушателя-друга к бесконечности пространств и времен. Легкокрылое воображение может перенести куда угодно, даже в фантастический Эдем — райский сад, где вместе с Адамом и Евой жили звери. Жили дружно, счастливо, весело, никого не обижая. Развлекались так же, как детишки на перемене: «В гимназии мы тоже играли когда-то в такую игру и называли ее «пирамидой», но звери такого мудреного слова не знали».

Одним из секретов волшебства Саши Черного (не мастерства, а именно волшебства) было искусство перевоплощения. Он мог без всякого труда представить себя... кем? — ну, хотя бы бабочкой, опрометчиво залетевшей в комнату. Вот она бьется о стекло, рвется на волю. Вот сложила крылья, задумалась. О чем она думает? И тут рождается чудный вымысел. Похоже, что Саша Черный когда-то, до своей земной жизни, уже бывал скворцом, белкой, пчелой — так достоверно, их глазами он описывает мир. То мгновенно превращается в кота и думает по кошачьи: «...вкуснее рыбьих внутренностей, как известно, ничего на свете нет. Только глупые люди, когда чистят рыбу, выбрасывают кишки и пленки вон. Тем лучше для котов!» То вместе с кошкой подсматривает за поросятами, пожирающими опавшие яблоки: «Непонятно ей и странно — разве яблоки еда?»

Пришел черед рассказать о бестиарии Саши Черного. Этим словом в старину называли театр зверей, мы же разумеем под ним произведения о животных или написанные от имени живот-

ных. Понятна притягательность Саши Черного, как и всякой детской души, к братьям нашим меньшим. «Саша любил все земное, дышащее и ползающее, летающее и цветущее. Он мне сказал раз: никогда не обижай живое существо, пусть это таракан или бабочка. Люби и уважай их жизнь, они созданы, как и ты сам, для жизни и радости»¹, — вспоминает Валентин Андреев, запомнивший уроки Саши Черного, полученные в детстве, когда они жили в Риме, в одном доме.

«А теперь сижу я в Риме...» — так начинается стихотворение, написанное в конце 1923 года в Италии, куда поэт переехал из Берлина вместе с семьей писателя Леонида Андреева. Поселились на окраине города. Сразу за домами начиналась Кампанья — цветущая, заросшая дикими травами равнина, куда поэт в компании с ребятней и щенком Бенвенуто частенько совершал походы. В самом Риме его привлекали прежде всего не музейные красоты, а тихие уголки и полузаброшенные развалины. Однажды в форуме Траяна — круглой арене, расположенной ниже окружающих улиц на несколько метров, — он заметил обиталище котов и кошек. Сюда их сбрасывали те, кто хотел от них избавиться.

Однако сожалеть об их участи не следует. Мурлыкающие пленники жили в свое удовольствие. Специально приставленный к ним старичок-служитель регулярно приносил им пищу, да и праздные туристы сбрасывали в форум всякие вкусные вещи. Чего еще надо? «Кошачья санатория» — так назвал Саша Черный свою книжку о бродячем коте Бэппо, попавшем в это сытное узилище. Вот только затосковал он там: страдает, мечется, мечтает о свободе, что слаще всех благ земных. И родился в кошачьей голове (а вернее, у автора книжки — Саши Черного) невероятно хитроумный план побега. Чтоб жить в той самой загородной Кампанье, на полной воле. Пусть там не каждый день будет полон желудок, пусть подстерегают опасности — зато ты независим, сам по себе, нет над тобой хозяев...

Вот что подумалось: уж не о себе ли самом написал Саша Черный? Он ведь тоже был вечным скитальцем. Не мог долго ужиться на одном месте, покидая любые хлебные кормушки при малейшем посягательстве на его свободу быть самим собой. Не потому ли и оказался он у черта на куличках, вдали от родимой земли, гонимый из Литвы в Германию, из Германии в Италию, из Италии — куда?

Спи, мой зайчик, спи, мой чиж, —
Мать уехала в Париж.

Когда-то, еще в России, Саша Черный сочинил эту «Колыбельную», не предполагая, что ему самому на склоне лет суждено

¹ Андреев В. Саша Черный, мой учитель // Русская мысль (Париж). — 1976. — 19 октября.

будет обосноваться в столице Франции. Не думайте, что там его ждали одни удовольствия и развлечения. Жизнь в эмиграции не мед. «...Опять надо из топора ши варить: изворачиваться, выворачивать наизнанку гардероб и мозги»,— сетует Саша Черный в одном из писем.

Тем удивительнее, что в этих стесненных житейских условиях родилась одна из самых светлых и улыбочивых книжек Саши Черного: «Дневник фокса Микки». Как явствует из названия, произведение это облечено в традиционную дневниковую форму. Вот только записи эти— так сказать, «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет»—ведутся от имени... собачьего недоросля. Больше они напоминают собеседование с маленькими читателями. «Вы любите чердаки?»—спрашивает Микки и тут же сам спешит ответить: «Я— очень».

Надо сказать, что литературный Микки имел в жизни реального «прототипа»—небольшую, шустрюю собачку из породы гладкошерстных фокстерьеров, которую поэт завел, живя в Париже. Бесконечно преданный хозяину, этот песик был любимцем и поистине равноправным членом семьи, сопровождал Сашу Черного во всех его прогулках и даже поездках. Микки очень любил фотографироваться (его фото вместе с хозяином вы найдете в начале тома), но— как мне рассказывали— когда ему показывали фотографию, он бросался и рвал ее в клочки.

В мемуарной литературе сохранился выразительный и симпатичный облик этого четвероногого друга Саши Черного: «Были у Микки свои обязанности. Каждое утро, в половине восьмого, он садился в передней у двери и не сводил глаз со щелки у пола. Проходили минуты, Микки не двигался и только постепенно от нетерпения и внутреннего волнения начинал дрожать всем телом... Наконец, часов в восемь консьержка, разносившая почту, начинала просовывать в щелку номер «Последних новостей». Сначала показывался кончик сложенной газеты, потом больше... Наконец наступал блаженный момент: Микки хватал газету зубами и стрелой летел в спальню, прыгал на постель Александра Михайловича и с торжеством подавал ему номер»¹.

Природная живость и охотничий азарт сослужили, увы, недобрую службу—погубили бедного Микки. Рыская по окрестным фермам, «дикий фокс» не упускал возможности придушить зазевавшегося утенка. За что и был отравлен кем-то из хозяев-соседей. Случилось это в пору, когда Саши Черного уже не было на свете. Похоронили фоксика у скамейки, которую смастерил его хозяин и, сидя на которой, любил подолгу смотреть:

...как парус в море
Дышит гоголем над шляпкой...

¹ Седы х А. Далекие, близкие.— Нью-Йорк, 1962.— С. 82.

Но довольно о грустном. Вернемся к Микки — автору дневника и главному герою книжки. Он великий озорник и шалун, этот Микки. Ух, как любит он «все круглое, все, что катится, все, что можно ловить!..»

Но не только игрун Микки, он, кроме того, — загибайте пальцы — философ, первая собака, умеющая писать и сочинять стихи, директор собачьей гимназии, циркач, фильм-директор, старый морской волк... И еще (от себя добавлю — правды ради) великий хвостун и фантазер.

Бывает, правда, Микки отчаянно тоскует по своей хозяйке — девочке Зине, впадает в собачью меланхолию и даже теряет «присутствие духа». Но ненадолго. Главное в его натуре: жизнерадостность и доброжелательность — особенно к детям. В этом он схож с Сашей Черным.

Это и в записках Микки отмечено: «...они все похожи друг на друга: хозяева на своих собак, а собаки на своих хозяев». От Саши Черного песик унаследовал насмешливость и острое перо. Вот как он разделал комнатную болонку: «В ушах пакля, в глазах пакля, на губах пакля. Вообще, какая-то слезливая муфта, мусорная тряпка, собачья слепая кишка, пискливая дрянь! И знаете, как ее зовут? Джио-ко-нда...» Впору ей и хозяйка — «...такая же коротенькая, лохматенькая, пузатенькая...» За лохматой собачьей физиономией все время ощутима лукавая улыбка Саши Черного. Писатель так вжился в «образ», что, кажется, и впрямь освоил собачье наречие. И читатели тоже не замечают, как втягиваются в эту игру, что на детском языке именуется «понарошку». Разве не интересно узнать, что думают о нас, людях, наши четвероногие друзья? Право, эти наблюдения и умозаключения не лишены какой-то неожиданной зоркости и первозданной свежести.

Наверное, вы уже заметили, что предпочтение Саша Черный отдает собакам и кошкам. Его стихи и рассказы о лающих и мяукающих могли бы составить, верно, целую антологию. Да и сам автор задумывал такую библиотечку звериную — «Библиотечка Микки». Владимир Набоков — писатель и любитель бабочек (кстати сказать, именно Саша Черный ввел его в литературу) справедливо подметил: «Кажется, нет у него такого стихотворения, где бы не отыскался хоть один зоологический эпитет, — так в гостиной или кабинете можно найти под креслом плюшевую игрушку, и это признак того, что в доме есть дети. Маленькое животное в углу стихотворения — марка Саши Черного». Одной фразой он ухитрился, словно сачком, накрыть сразу обе неизбежных привязанности Саши Черного — любовь к детям и к живности.

Судя по всему, Саша Черный был не прочь завести и звериный «детский остров». Есть у него стихи о звериных детенышах — теленке, козленке, лягушонке, галчатах... Они такие славные, потешные и умилительные! Недаром в зоопарке тянет прежде всего на «площадку молодняка»: «...там маленькие детеныши

так смешно в прятки играют, надо насмотреться, а то вырастут и будут, как маятники, из угла в угол шагать...»

...Как и — продолжу — взрослые «человеки». Саша Черный, похоже, и их — пап и мам, дядь и тетя — готов переселить на свой собственный «детский остров». Стоит только вообразить и представить, какими они были маленькими: «Бородатый гость-инженер, наверно, все строил на полу из спичек мосты, а когда на них наступали, ревел и колотил линейкой по ножке стола... Бабушка была толстенькой, сдобной пышкой, сосала целый день мятные лепешки и все делала своим куклам ленивые замечания. Мама? Говорила-говорила без конца: с котенком, с чайником, сама с собой и три раза в день меняла бантики».

Как видите, все черты характера уже заложены в них, крошечных. Но даже худшие из них еще не кажутся таковыми. Как, к примеру, потешен деловитый и запасливый карапуз, который с годами превратится в брюзгу и скареду. Есть и иные — положительные примеры. Приготовишка Васенька из рассказа «Невероятная история» мечтал обучить зайца арифметике и таблице умножения, чтобы с этим номером выступать. А вот барабанщик Бородулин, его взрослый двойник, своего достиг — «дрессированного первой роты кота показывал: колбаску ему перед носом положит, а кот отворачивается, — благородство свое показывает. А как в барабан Бородулин грянул, кот колбаску под себя и под раскатную дробь всю ее, как есть, с веревкой слопал».

А как было бы здорово встретиться взаправду с родителями — маленькими детьми, такими, как видели их в старых семейных альбомах! И придумщик Саша Черный в сказке «Железное колечко» совершает такое волшебство, превращая всех взрослых обитателей усадьбы — и людей, и животных — в дитятей. Вот мама-крохотуля укладывает в картонку из-под шляпы котенка и разговаривает с ним. Вот толстая девчонка (будущая кухарка) лепит из песка пирожки и готовит суп из цветов герани и толченого кирпича. Все так забавно! Но наступает час обеда, и начинается белиберда, сплошной кавардак и просто ужас!

Саша Черный и его персонажи не раз задаются вопросом: «Почему на хмурых соснах не качаются сосиски?» Как было бы все замечательно, почти по Святому писанию: «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, и Отец ваш небесный питает их». Но нет — люди должны в поте лица добывать хлеб насущный. И потому сумасбродная греза превратить «детский остров» в сплошной материк лопается, как мыльный пузырь. Ладно, пусть взрослые остаются — без них нельзя на свете. И не только затем, чтобы осуществлять призор и надзор над маленькими, но и чтобы украшать и расцвечивать их жизнь.

Один из испытанных друзей Саши Черного высказал в юбилейном слове такую мысль: «Дети — это особый народ, который не может писать для себя книг. И пишут для них обыкновенно

взрослые. И пишут плохо, и неинтересно ни для детей, ни для взрослых. Нужно, чтобы книгу написал кто-то большой и умелый и вместе с тем понятный и близкий, словом — свой. Для русских детей этот свой — Саша Черный»¹.

К счастью, Саша Черный был не единственным другом детей, волшебником и истинным литературным гипнотизером. Первым здесь по праву следовало бы назвать сказочника Андерсена, которого Саша обожал с раннего детства и многому у него научился. А главное он сам был из андерсеновской породы людей — людей, посвященных в тайный стговор зверей, трав, предметов, наделенных чудесным даром сочинять удивительные истории из ничего — о любой попавшейся на глаза вещи.

Легко придумывать сказки о всяких там чудесах и колдунах, а вот попробуйте интересно рассказать, допустим, о кресле. А ведь креслу, верно, есть чем поделиться: каких тягот оно не перенесло за свою долгую жизнь, чего только не насмотрелось, не слышалось. Не писатель рассказывает о вещах — они сами разговаривают, сплетничают, секретничают, ссорятся. И у каждой свой характер, соответственно принадлежности и имени.

Возьмите игрушки. Матрос рывкает, как заправский боцман. Маркиза изъясняется жеманно. А самовар говором чем-то смахивает на тульского умельца Левшу... Никогда не слышали? Оно и не удивительно. Обычно куклы в присутствии людей сидят на полке — как в рот воды набрали и ни гу-гу. Но стоит помещению опустеть... Чаще всего такое случается в полночь. Даже буквы из «Живой азбуки»:

В полночь — кучей угорелой
Слезли с полки на кровать.
А с кровати на пол сразу,
Посмотрели — люди спят —
И затеяли проказу,
Превеселый маскарад.

Вообще же большинство приключений в книге Саши Черного происходит во сне. Здесь и «Приключения Боба» и «Сон профессора Патрашкина», «Что видел Топка во сне»... Саша Черный, подобно Оле Лукойе, устраивается у изголовья засыпающего ребенка и навевает ему сновидение «по заказу». Так, к девочке-вострухе Люсе является по ночам дедушка Крылов, и они ведут с ним преинтереснейшие беседы. Саша Черный не скрывает своих секретов — сообщает малышам текст заговора, врученного ему в детстве факиром Рачки-Чикалды. Стоит прочесть его — и тебе приснится на выбор «сон добрый», «сон веселый» или «сон сладкий». Надо только крепко верить произносимым словам — вот и весь секрет волшебства.

Саше Черному было ведомо, что обыкновенное чудо случается всегда неожиданно. Недаром ведь любит он давать своим

¹ Парчевский К. К. Саша Черный // ПН. — 1930. — 6 марта.

произведениям такие заглавия: «Ни с того ни с сего», «Нежданно-негаданно»... Именно так — в друг — неслыханно повезло русскому мальчику-дошкольнику Игорю: из городских квартирных стен его увозят на все лето в усадьбу под Парижем, а потом на юг к морю... «Чудесное лето» — название повести Саши Черного говорит само за себя.

Не перечить всех происшествий, событий и проказ. Но, сдается, не в них основная прелесть повествования, а в земном чуде окружающего мальчика мира. Вот что сказано в отклике на только что вышедшую книгу: «Как будто все замерло в тишине полдня и мы, вместе с Игорем, наблюдаем, лежа в траве, облако, муравья, собаку, рыбаков, купающегося англичанина, ослика. Медленно и светло течет мир в детских глазах. Мир через детские глаза — это и есть „Чудесное лето“, это и есть теперешний А. Черный»¹.

Может статься, главной тайной волшебной магии Саши Черного было умение быть увлекательным там, где ничего необычного и остросюжетного не происходит. Что-то необъяснимое затягивает, не дает оторваться от страниц, едва ли не лучшего рассказа Саши Черного «Тихая девочка». В центре его крошечное, но уже рассуждающее существо — девочка Тося. Дитя наедине с природой, наедине с собой. С равным вниманием она прислушивается к жужжанию осы, повизгиванию бульдожки, к вздохам моря и ветра, склоняется к расцветающим лилиям и к самой ничтожной букашке, делая из всего наблюдаемого свои, подчас неожиданные умозаключения.

Не будем только забывать, что они — эти наблюдения и умозаключения — принадлежат и автору, то есть Саше Черному, который, как и дети, «любит солнце, сказки, елки». Именно здесь, на «детском острове», поэт отыскал то, что так долго чаяла его душа: «самое совершенное Божье создание». Долгим кружным путем пришел он к правоте евангельской заповеди: «Кто не примет царствия Божия, как дети, тот не войдет в него». И недаром наиболее крупные, эпические и мировоззренческие сочинения поэта, подытоживающие его поиски смысла человеческой жизни, заканчиваются одинаково. В поэме «Ной» крик родившегося младенца останавливает руку Ноя, готового в отчаянии пустить ко дну ковчег с его погрязшими в грехе пассажирами. И в поэме «Кому в эмиграции жить хорошо» лишь в финальных строчках после долгих поисков обнаруживается единственно безмятежный: новорожденный Мишка, «курносое сокровище, единственный, без примеси, счастливый эмигрант».

«Русская надежда» — так называл Саша Черный в эмиграции подрастающее поколение. Он видел, что «с каждым днем все дальше и дальше уплывает от наших детей русская золотая рыбка». Они рассматривают пестро-раскрашенные иностранные

¹ И. Л. <Иван Лукаш — ?> Чудесное лето // Возрождение. — Париж, 1930. — 1 мая.

еженедельники для детей, ходят в западный кинематограф, изучают в пансионах историю страны, давшей им приют, и быстрее, чем их родители, схватывают чужую речь. Зато свое, российское, невиданное и неслыханное представляется им какой-то сказочной экзотической небылью. То и дело с их губ слетает: «мадам Баба Яга», «синьор Топтыгин»...

И вот Саша Черный изо всех сил стремится приобщить детей эмиграции к национальным истокам: фольклору, историческим песням и прочим созданиям народного духа. С этой целью он вновь берется за создание альманахов для детей: «Молодая Россия» и «Русская земля». Он не упускает любую возможность встретиться с русскими детьми: будь то пансион «Голодная пятница» или утренники в Тургеневской библиотеке в Париже. Ему любо и радостно было видеть неподдельно живой интерес в глазах, когда он начинал читать им русских классиков или рассказы о России. И происходит чудо — возврат к родному, исконному, сокровенному. В Пасху дочка тянет маму в зоопарк — на свидание к русскому бурому мишке. Угощает его куличом (какое смешное милое слово!), лепеча при этом старинное и малопонятное: «Воистину, воистину!..» Или вот какой чудный подарок на Рождество получил Саша Черный от детей: «...календарь величиной с почтовую марку на картоне, изукрашенном ватным снегом и вырезанными елочками; с горы летел приклеенный к салазкам русский мальчик, а внизу стояла в цилиндре и с метлой снежная баба». К подарку было приложено написанное каракулями приглашение на елку.

Ах, как любил Саша Черный эти шумные детские праздники! Припасал специально для них игрушки-подарки. Оказывается, тяга к традиционным детским игрушкам вовсе не исчезла: мальчики отдают предпочтение всяким механическим наборам — конструкторам, машинам, кранам и железным дорогам. Однажды на елочном празднике ему довелось наблюдать такое: «...когда среди игрушек оказались барабаны и трубы — мальчишки мигом их расхватили, бросили все другие игрушки и так воинственно барабанили и дули в трубы, что все мы, взрослые, должны были затыкать уши». Этот невообразимый тарарам напомнил русскую Вербу — поистине детский праздник...

Вообще Саша Черный отмечал, что вкусы и пристрастия детей чрезвычайно консервативны. Сказывается это и в чтении. Для ребенка нет «старых» книг: «...с таким же увлечением, как его дед и отец, он прочтет и „Конька-Горбунка“, и сказки Андерсена, Пушкина, Гофмана, и „Робинзона“, и „Хижину дяди Тома“... Из поколения в поколение переходят одни и те же игры и одинаковые игрушки. Девочки предпочитают кукол: воспитывают их, общивают и наряжают их, играют в доктора и в школу. А мальчиков больше влекут военные игры и приключения следопытов. Хотя...

...Хотя многие девочки охотно принимают участие в мальчишских играх, а мальчишки иной раз с завистью смотрят на

стирку-глажку и с радостью включаются в это девчоночье занятие. Не могут они друг без друга — так же как и без нескончаемого спора: кто лучше — мальчики или девочки, кто больше прославился и дал миру — мужчины (бывшие мальчики) или женщины (бывшие девочки)?..

Это к вопросу: кого Саша Черный больше любил — мальчиков или девочек? Судя по всему он не делал различия, находя отраду в разных ясноглазых малышах. Какой беспредельной и целомудренной нежностью и лаской дышат строки, обращенные к ним: «Младшая дочка, шестилетний тихий гномик», «Сероглазый мальчик, радостная птица», «А рядом дочка, пасмурный зверек <...> Дичок мой маленький!», «Фриц, смешная мартышка...», «Румяный отпрыск Наденькин, беззубый колобок» или «Дочь привратницы Марии, мотылек на смуглых ножках, распеваящий цветок»... Право, трудно остановиться, отказать себе в удовольствии цитировать дальше и дальше эти очаровательные словесные самоцветы, рассыпанные по страницам книг Саши Черного.

Однако не все так лучезарно. Иногда опускались руки и поэт признавался в письме близкому человеку: «...словно в подполье живешь и неизвестно, для кого пишешь. Круг все уже, а для детей по-русски больше негде печататься, да и дети все почти уже не русские». Видимо, в таком меланхолическом настроении родились у Саши Черного строки:

Мой виноградник пуст, — растрепанные бурей,
К земле прибиты светлые стихи...
И даже та любимая гряда,
Где зеленели детские страницы,
Здесь на чужбине теща детвору, —
Ненужным пустырем чернеет у дороги...

Все острее становится мечта об острове — уединенном зеленом уголке, вдали от городов, где он заживет жизнью Робинзона. И Саша Черный приглядел такое место — на юге Франции, в Провансе, у самого синего моря... Вначале, приезжая сюда летом, поэт жил в ветхой хижине, называемой на французский манер «кабанон», а потом, решив окончательно обосноваться, приобрел клочок земли и построил собственный небольшой дом.

Был ли этот остров необитаем? Разумеется, нет. Робинзона невозможно представить без Пятницы. Во всех его прогулках и занятиях сопровождал Сашу Черного какой-нибудь маленький приятель. Иногда не один, а семь Пятниц набиралось — мальчишки и девчонки, жившие по соседству или приглашенные поэтом из Парижа погостить на лето.

Мы знаем, какой магнит притягивал детей к чародею по имени Саша Черный. Здесь на вольной воле он приобщал их к простым чудесам и секретам:

Ты, клоп, еще не знаешь,
Как вкусен суп в лесу.

И впрямь, разве можно сравнить буйно-дикарское варево, называемое местными рыбаками «буйабес», приготовленное на костре в найденной тут же банке, с заурядным принятием пищи за обеденным столом?! Сколько замечательных и полезных вещей выбрасывает на побережье прибой:

Руль с неведомой пироги,
Склянку с пробкой голубой...

Ну как тут не помечтать: вдруг (опять это в друг!) море выбросит ящик с золотом. Вы как бы поступили? А вот девочка Нина, дочь русских эмигрантов, распределяет следующим образом: «Две трети я отдаю безработным беженцам, а на третью треть строю рядом с вашим заливом на горе (против семафора) виллу... Комнат много-премного, вокруг веранда на столбиках, и живут у меня русские дети, которым некуда деваться». Видите, и своими фантазиями Саша Черный дает урок добра и сострадания.

Уже говорилось о чудесных дарованиях Саши Черного: умении понимать язык животных, способности перевоплощаться в кого и во что угодно и совершать полет в страну сновидений... Но есть и простые чудеса, которые, наверняка, умеет совершать любой ребенок. Каждый, наверное, любил в детстве смотреть через цветное стеклышко: в непривычном освещении земной пейзаж кажется каким-то марсианским, что ли... Саша Черный тоже любил показывать мир как бы сквозь цветные стеклышки. Вот «Зеленые стихи»:

Зеленеют все опушки,
Зеленеет пруд.
А зеленые лягушки
Песенку поют.

Потому и книгам своим давал разноцветные названия: «Голубая книжка», «Румяная книжка».

Все стихотворения, предназначенные маленьким читателям, появившиеся из-под пера поэта в его закатные годы, печатались в рубрике «Детский остров». Так случилось, что последним в этой пестрой и веселой веренице оказалось стихотворение «Волшебник». А может, в этом есть знак судьбы, которой было угодно, чтобы поэт на прощанье раскрыл свое подлинное земное предназначение.

Увы, есть ситуации, когда и волшебники оказываются бессильны... Вроде все удачно складывалось: Саша Черный посадил на своем участке несколько фруктовых деревьев, намереваясь жить и трудиться в окружении милых и уютных людей на своем «острове».

...Беда пришла нежданно-негаданно. Произошло это 5 августа 1932 года. В палящий день Саша Черный вместе с другими тушил лесной пожар вблизи русского поселка. Переволнованный и уставший, вернулся домой, лег и тихо скончался.

Смерть поэта нельзя исключить из круга его жизненных и художественных устремлений. Видимо, совсем не случайно

обстоятельства его скоропостижной кончины обросли домыслами и мифами. Говорили, что Саша Черный спасал из огня ребенка. Всплыла и еще такая трогательная подробность: фокс Микки-де с горя бросился на грудь хозяину и тоже умер от разрыва сердца. Нам ведомо, как было на самом деле, и тем не менее легенды на пустом месте не рождаются.

...Существует древняя мудрая притча: жизнь человеческая считается прожитой не зря, если за свой земной срок человек успел совершить три дела — построил дом, посадил дерево, родил и вырастил ребенка. У Саши Черного не было своих собственных детей. У него было много больше: безбрежный и вечный «детский остров». Теперь он осиротел, остался без «главного начальника» над всеми непослушными и тихими девочками и мальчиками. А. И. Куприн, самый близкий друг поэта в последние годы, услышав горькую весть, написал:

«Тихое народное горе. И рыжая девчонка лет одиннадцати, научившаяся читать по его азбуке с картинками, спросила меня под вечер на улице:

— Скажите, это правду говорят, что моего Саши Черного больше уже нет?

И у нее задрожала губа.

— Нет, Катя, — решил я ответить. — Умирает только тело человека, подобно тому, как умирают листья на дереве. Человеческий же дух не умирает никогда. Потому-то и твой Саша Черный жив и переживет всех нас, и наших внуков, и правнуков, и будет жить еще много сотен лет, ибо сделанное им сделано навеки и обвеяно чистым юмором, который — лучшая гарантия для бессмертия».

Слова эти оказались вещими. Словно волшебная золотая рыбка, после долгих лет вынужденного забвения вернулся к нам Саша Черный. И крайне своевременно. Наши дети, никуда не выезжая из родной страны, стали утрачивать свои национальные корни, терять связь с прошлым родителей. Часами смотрят диснеевские мультики, жуя сникерсы, играют в компьютерные игры, требуют себе непременно куклу Барби... Надо, чтобы кто-то умный, а главное добрый и ясный, кому они доверяют, рассказал «об огромной, несуразной и милой стране, называвшейся Россией».

Отныне у наших детей есть такой собеседник и вечный спутник — обаятельный, наивный, обладающий увлекательным умением соединять серьезное и смешное, глубокомыслие и радость. Словом — Саша Черный. И всегда он пребудет с нами. Вот только ненадолго отлучился, застенчиво и по-свойски улыбнувшись нам:

До свиданья, человечки! —
Надо чайник снять с плиты...

Анатолий Иванов

КОММЕНТАРИЙ

Из заглавия 5-го тома собрания сочинений Саши Черного — «Детский обзор» — явствует, что в нем собраны произведения, обращенные к маленьким читателям. Хронологически том охватывает как дореволюционный период творчества начиная с 1911 года, когда было написано первое стихотворение для детей, так и созданное писателем в эмиграции, вплоть до последней посмертной публикации.

В отличие от предыдущих томов собрания, в корпус данного тома включены и поэзия, и проза Саши Черного. Отсюда деление книги на две части: стихотворную и прозаическую. В остальном при выстраивании материала сохранен хронологический принцип. При этом вначале следуют книги, выпущенные при жизни автора и составленные им самим, — в полном объеме, с сохранением авторской композиции. Затем следует раздел, объединяющий произведения, не включенные автором в книги и публиковавшиеся лишь в периодических изданиях. Расположены они в хронологическом порядке, то есть в очередности появления их в печати. «Несобранные» произведения Саши Черного сгруппированы в два раздела: стихотворный и прозаический. В большинстве своем они впервые извлекаются из недр повременной печати и вводятся в читательский оборот.

Свод сочинений Саши Черного для детей, представленный в данном томе, близок к исчерпывающей полноте. За его пределами остались, главным образом, переводы Саши Черного — прозы и стихов. Некоторые из них были изданы в виде книг: Р. Демель «Волшебный соловей», Ф. Остини «Маленький король», Л. Гильдебрант «Приключения Боба», В. Руланд «Маленький король». Другие произведения, в том числе и пересказы Саши Черного сказок разных народов, публиковались только один раз в периодической печати.

Следует сказать также о книжках, которые были подготовлены к печати, анонсировались, но так и не вышли. От них остались только названия: сборник стихов для детей «Вспомни!» (поначалу заглавие было «Прогулки по Петрограду») и пьеса «Возвращение Робинзона». Не было осуществлено еще одно издание, сведения о котором промелькнули в хронике эмигрантского книжного рынка. Это «Библейские сказки». Правда, в данном собрании сделана попытка гипотетически воссоздать эту книгу на основе текстов библейских сказок, сохраненных печатным архивом.

В комментарии приведены сведения, относящиеся к истории создания и появления на свет каждой из детских книг Саши Черного. Сообщается также, как они были встречены и восприняты современниками.

Библиографическая справка к каждому произведению содержит сведения о первой публикации. Для журналов указывается год, номер и страница, для газет — год и дата. Подпись фиксируется лишь в том случае, если она не совпадает с главными псевдонимами поэта — Саша Черный и А. Черный. Приводятся также такие данные, сопровождающие публикацию, как-то: подзаголовок, объединение в цикл или рубрику, иллюстрации, авторские пометы.

Теперь собственно о самом комментарии. Казалось бы, нужен ли он вообще к произведениям, рассчитанным на восприятие и кругозор ребенка? Ну, а если

что-то неясно — растолкуют родители. Выясняется, однако, что это далеко не так. Слова, выражения и понятия, считавшиеся на заре века само собой разумеющимися, понятными даже детям, ныне воспринимаются приблизительно, а то и превратно. За объяснениями приходится обращаться к знатокам, к специальной и справочной литературе. В равной степени это относится и к эмигрантскому наследию Саши Черного, ибо мир русского зарубежья с его бытом, традициями и особым лексиконом, возникшим в результате контакта с иностранным окружением, был до недавней поры за семью печатями. Словом, задачи комментария к «детскому» тому Саши Черного в принципе те же, что и к остальным томам собрания сочинений. А именно: погружение в эпоху, когда жил и творил Саша Черный.

Есть, разумеется, и отличия. Сочинения для детей гораздо меньше насыщены реминисценциями и аллюзиями. Точнее сказать, они, как правило, ориентированы на иные литературные пласты: различные формы устного фольклора (считалки, песенки и пр.), народные сказки, детскую классику...

Как и в предыдущих томах, особое внимание уделено так называемому реальному комментарию. Имеется в виду выявление автобиографических моментов, вплетенных в художественный текст, расшифровка прототипов и событийной конкретики, установление хронотопа произведения, то есть той реальной действительности, из которой писатель черпал коллизии, мотивы, образы...

Комментарий позволяет также заглянуть и в тайное тайных — в то, что именуется писательской кухней. Такая возможность предоставилась благодаря письмам Саши Черного к К. И. Чуковскому, который редактировал альманах «Жар-Птица» и журнал «Для детей». Из них вырисовываются взгляды Саши Черного на то или иное произведение, подходы и принципы его творчества для детей. Считаю своим долгом выразить глубокую признательность Е. Ц. Чуковской за содействие в ознакомлении и использовании архивных материалов.

Представление о метаморфозах текста дают разночтения и дополнения, вносившиеся автором в первопечатную публикацию. Саша Черный возвращался к стихам, написанным еще до революции, подготавливая к изданию книгу «Детский остров». Внесенные им коррективы нашли отражение в комментарии.

Особого подхода потребовали книги «Дневник фокса Микки» и «Чудесное лето», которые первоначально существовали в виде отдельных глав или самостоятельных рассказов, печатавшихся в течение ряда лет в эмигрантской периодике. Компонуя материал в повесть, автор произвел необходимые переделки: вставки, перестановки, замены, изъятия. В комментарии к данному тому зафиксированы наиболее существенные фрагменты, не вошедшие в книжный вариант этих повестей.

В остальном текстология наследия Саши Черного для детей сравнительно проста. Произведения печатаются по тексту прижизненных изданий — авторских книг, либо первых публикаций (если данное сочинение при жизни Саши Черного в книги не включалось).

Тексты приведены в соответствие с современными правилами правописания и пунктуации (если это не влечет нарушения авторского замысла).

О датировке. Она, как правило, дается по году появления в печати. Заключение даты в угловые скобки < > свидетельствует о том, что установлена она косвенным путем. Двойная датировка означает, что автор возвращался к работе над произведением, дописывая или заново переписывая его. В тех случаях, когда

существует возможность уточнить датировку на основе документальных данных, ставится дополнительная дата, заключенная в двойные угловые скобки «*<>*». Отсутствие скобок означает, что произведение датировано самим автором. Иногда в помете, проставленной им, значится также место написания.

Купюры в цитатах комментария обозначены угловыми скобками и многоточием *<...>*.

* * *

Завершая работу над пятитомным собранием сочинений Саши Черного, считаю своим долгом отдать дань благодарности и признательности всем, кто на этом долгом пути поддерживал меня ценными советами, указаниями и прежде всего — доброжелательством и пониманием. Имя Саши Черного оказывалось подчас действенной, нежели официальные бумаги, в организациях, куда приходилось обращаться в процессе разысканий.

Возвращаюсь к 5-му тому. В музыке для определения правильности и чистоты звучания пользуются камертоном. Таким камертоном при подготовке «детского» тома Саши Черного была для меня дочка Маша. Она явилась первой слушательницей и читательницей детских книжек Саши Черного, выходявших много десятилетий назад в Берлине, Харбине, Белграде, Париже и фактически неизвестных на родине. Ее интерес, смех, вопросы и комментарии еще и еще раз убеждали, что произведения Саши Черного ничуть не устарели и непременно должны занять свое место на книжной полке наших детей, причем в возможно полном объеме.

Ниже приведен перечень сокращений печатных и архивных источников, на которые имеются многократные ссылки в комментариях:

Архив Чуковского — ОР РГБ, ф. 620, к. 73, ед. хр. 1.

Для детей — Для детей. Еженедельное иллюстрированное приложение к журналу «Нива». Пг., 1917.

ДО — Черный Саша. Детский остров. Данциг, «Слово», 1921.

Жар-Птица — Жар-Птица. Детский сборник. Издательство «Шиповник», кн. 1. Спб., 1912.

ИР — Иллюстрированная Россия. Еженедельный литературно-иллюстрированный журнал. Париж, 1924—1939.

ПН — Последние новости. Ежедневная газета. Париж, 1920—1940.

Тук-тук — Черный Саша. Тук-тук! Стихи для детей. М. Изд. И. Д. Сытина, (1913).

Чудесное лето — Черный Саша. Чудесное лето. Берлин—Париж. Книгоиздательство «Москва», (1929).

ДЕТСКИЙ ОСТРОВ

Книга стихов для детей «Детский остров». Данциг, «Слово», 1921. 159 с. Илл. художника Бориса Григорьева.

Сведения в выходных данных книги требуют уточнения. Фактически «Детский остров» вышел в конце 1920 года, ибо первый отклик на него за подписью Н. В. появился в берлинской газете «Руль» 25 декабря 1920 года. Что касается места издания, то Данциг обозначен лишь номинально, в действительности книга отпечатана в Берлине. О подоплеке подобной фикции рассказано в мемуарах И. В. Гессена, стоявшего во главе издательства «Слово» (Гессен И. В. Годы изгнания. Париж, 1979. С. 42—43). В двадцатые годы Данциг имел статус «вольного города», и для сокращения таможенных затрат там был организован филиал фирмы. Однако фактически издательство в Данциге существовало только на бумаге, так как типографское оборудование туда так и не было отправлено.

Об организационной стороне появления на свет «Детского острова» говорится в воспоминаниях вдовы поэта: «Я встретила случайно одну из моих слушательниц на Высших женских курсах в Петербурге, которая была замужем за адвокатом Б. И. Элькиным, который теперь занимал видное место в большом берлинском издательстве Ульштейна («Ульштейн и К^о» — грандиозное газетное и книжное издательство в Берлине, при котором было организовано «Слово» и ряд других эмигрантских изданий.— А. И.). Он устроил сейчас же издание сборника Сашиных детских стихов «Детский остров», который взялся иллюстрировать наш петербургский знакомый художник Борис Григорьев. Несмотря на довольно высокую цену, эта книга довольно быстро разошлась в двух изданиях». (Гликберг М. И. Из мемуаров // Российский литературоведческий журнал. М., 1993. Вып. 2. С. 242). Возможно, речь шла о допечатке тиража, поскольку нет подтверждений существования второго издания.

С Б. И. Элькиным (1897—1972), журналистом и общественным деятелем, Саша Черный поддерживал добрые отношения и в дальнейшем. Удостоверяется это дарственной надписью, сделанной поэтом на книге «Сатиры и лирика» в Париже: «Милому Борису Исаковичу Элькину на память о прекрасных днях берлинской жизни. А. Черный. 15/VI—1926» (инскрипт в собрании составителя).

Основной свод «Детского острова» составили стихотворения, дотоле не появлявшиеся в печати. Кроме того, в состав книги включены все стихи Саши Черного, опубликованные до его отъезда за границу, и целиком сборник для детей «Тук-тук!».

«Детский остров» имел довольно широкий резонанс в эмигрантской критике. Отдельно ему были посвящены следующие рецензии: Белокопытова А. // Воля России (Прага). 1921, 18 января; Даманская А. // Народное дело (Юрьев-Ревель). 1921, 18 февраля; Дроздов А. // Голос России (Берлин). 1921, 8 января; Н. В. Д. [Дризен Н. В.] // Общее дело (Париж). 1921, 3 января; Куприн А. И. // Общее дело. 1921, 9 мая; -вз // Русская книга. 1921. № 2. С. 10.

В советской печати удалось обнаружить лишь один отзыв, появившийся в сб. «Новые детские книги»: Бюллетень рецензентской комиссии института детского чтения. (М., 1923. Вып. I. С. 17—20). Он примечателен тем, что в нем суммированы впечатления от чтения «Детского острова» аудиторией в возрасте

8—14 лет. Наибольшим успехом пользовались стихотворения, связанные с движением, играми и песенками. Однако при индивидуальном чтении многие быстро охладевали к книге. «Исключение составил мальчик 12 лет, заявивший: «Выпрошу у мамы 40 миллионов и куплю эту книжку», да девочка 14 лет, интеллигентная, прочитавшая книжку от начала до конца, причем она много смеялась одна и все время говорила соседке: «Вот интересно!» Но соседка (12 лет), взяв книгу потом, осталась к ней равнодушна и быстро ее вернула. Вообще, в настоящем виде книга мало живет среди детей широких масс, детям интеллигентным она ближе, но и для последних многие стихотворения непонятны». Подобная реакция объясняется, по-видимому, тем, что «Детский остров» предназначен более младшей возрастной категории читателей или, вернее, слушателей, поскольку она выигрывает при исполнении стихов вслух, в коллективе.

В советской России было осуществлено несколько изданий Саши Черного, представляющих собой выборки стихов из «Детского острова». Вышли они контрафакционным путем, то есть без согласования и ведома автора. Это: «Детский остров» (1928), «Индийский петух» (1930), «Трубочист» (1930) (все выпущены Госиздатом), а также книжки, изданные в Ростове-на-Дону — «Катюша» (1926) и в Киеве — «Мартышка», «Крокодил. Как кот сметану поел», «Дождик», «Дети» (1928—1929). В 1920-е годы стихи из «Детского острова» нередко включались в детские сборники и хрестоматии для начального обучения, выходившие в СССР.

ДЕТЯМ — ДО. С. 3—4. Вынесенное в начало книги и не включенное в тематические разделы, стихотворение это является своего рода представлением-аттестацией автора, обращенной к маленькому читателю. В издании 1976 года «Что кому нравится» (М., «Детская литература») печаталось без второй строфы, дискредитировавшей, по мнению редакторов, образ поэта.

ВЕСЕЛЫЕ ГЛАЗКИ

В РАЮ — ДО. С. 9—10.

Фома — один из 12 апостолов, сопровождавших Иисуса. Его отличала склонность к маловерию, что особенно ярко проявилось по воскресении Спасителя. Когда воскресший Христос явился ученикам, Фома усомнился в его воскресении, и тогда ему было позволено вложить персты в раны (Ин., XX, 20—29). Видимо, неслучайно Саша Черный избрал именно его в качестве повествователя о жизни земной, так как можно предположить, что «Фома неверующий» в детские годы не отличался примерным поведением.

ПРИГОТОВИШКА — Ковер-самолет. Журнал для детей. Киев. 1919. № 1. С. 18. *Приготовишка* — так называли учеников подготовительного класса гимназии. Зачисление в гимназию ознаменовывалось таким радостным и памятным каждому моментом, как приобретение формы, что нашло отражение во многих произведениях художественной литературы. Об этом следует сказать подробнее, ибо Саша Черный не только в данном стихотворении, но всякий раз обращаясь к школьным воспоминаниям, с особым удовольствием описывает атрибуты

гимназической экипировки. Главным украшением считалась фуражка — светло-синего цвета, с белым кантом и серебряным гербом, с включенной в него монограммой. Затем суконная гимнастерка синего цвета, подпоясанная лакированным ремнем с серебряной пряжкой, и брюки черного цвета. Гимназические шинели были холодные и на вате, со стеганой подкладкой. И, наконец, ранец из черной кожи с крышкой, обшитой тюленьим мехом серовато-зеленого цвета.

КОСТЕР — Киевская мысль (Киев). 1911, 29 августа. Это первое стихотворение Саши Черного, обращенное к маленькому читателю. Включенное в книгу стихов «Сатиры и лирика», а затем в книжку «Тук-тук!», оно как бы передавало эстафету от поэта для взрослых к поэту детскому — Саше Черному.

ТРУБОЧИСТ — «Елка». Альманах для детей. Пг., 1918. С. 34. С илл. В. Лебедева. Из воспоминаний К. И. Чуковского известно, что, редактируя альманах «Елка», он в письме к Саше Черному по поводу «Трубочиста» высказал сомнение: не слишком ли стихотворение растянуто. Поэт с этим не согласился и так обосновал свой замысел: «Относительно «Трубочиста» буду спорить: 1) если Вы после первых пяти строф напечатаете непосредственно последнюю, будет голова на ногах без туловища.

Что будет сказано о трубочисте? Почему он не страшный?

«Рано утром на рассвете
Он встает и кофе пьет,
Чистит пятна на жилете,
Курит трубку и поет».

— Этого слишком мало.

И переход к следующей, последней строфе совершенно невозможный:

«Видишь, вот он взял уж шапку»

и т. д.

Я хотел немного приоткрыть дверь в таинственную (для детского глаза) жизнь трубочиста: что у него тоже, как у всех, есть дети, и не черные, как бы полагалось ему иметь, а «беленькие»; конечно, надо бы изменить: «спят, как два комочка». Может быть: «как два щеночка»?

И что он чистит целый день, гоняет по трубам, где грохочет ржавый лист, и что за ним бегут гурьбой коты — мне казалось все это немного показывает трубочиста за его работой в добром, чуть-чуть юмористическом освещении и что так надо. Сказать просто, что он не страшный, — мало. Ребенок не поверит.

Может быть, мне мало удалось то, что хотелось сказать.

Во всяком случае **середины не выбрасывайте**: лучше не печатайте совсем. Мне тема очень по душе, — я бы ее как-нибудь иначе обернул потом» (Архив Чуковского. Л. 6—8). Вопреки доводам и просьбам автора, стихотворение было напечатано в урезанном виде — без 3-й, 6—9-й строф.

ПЕРЕД УЖИНОМ — Русское богатство. Спб., 1914. № 1. С. 128. В цикле из трех стихотворений под общим заголовком «В деревне».

ПОЕЗД — Жар-Птица. С. 40—41.

ПРО КАТЮШУ — ДО. С. 22—24.

НА ВЕРБЕ — Вербочки. Весенний альманах для детей младшего возраста. М., 1913. С. 14. С илл. В. Фалилеева. В «Детском острове» изменен ритмический рисунок стихотворения и практически заново написан текст. Первоначальный вариант:

В небе солнышко сверкает.
Небо словно василек.
Сквозь березки продувает
Первый теплый ветерок.

А внизу все будки, будки,
И людей, как летом мух!
Каждый сунул в рот по дудке
И пищит во весь свой дух...

В будках клоуны и санки,
Куклы, чижики, цветы...
Золотые рыбки в банке
Раскрывают важно рты.

Мотыльки и обезьянки
Приседают на щитках.
«Мериканский житель в склянке
Утром ходит на руках!»

Вот она какая Вербка!
А для маленьких ребят —
На прилавочке у серба
Вафли сладкие лежат.

Вербка — так в просторечии называли Вербное воскресенье, христианский праздник на Руси, который ознаменовывался народными гуляниями, ярмарочными представлениями и торжищами, получившими наименование «Вербного базара». Это шумное и пестрое Вербное веселье, оставшееся как одно из наиболее ярких впечатлений детских лет, нашло отражение в мемуарной литературе. См., напр.: «Вербный торг помню еще с Гостиного двора (на Конногвардейском бульваре он был позже). Среди невообразимой толкотни и выкриков продавали пучки верб и вербных херувимов (их круглое восковое личико с ротиком бантиком было наклеено на золотую или зеленую бумажку, вырезанную в виде крылышек), продавали веселых американских жителей, прыгающих в стеклянной трубочке, и неизбежные воздушные шары, и живых птичек (любители тут же отпускали на волю и птичек, и шары), и было бесконечное количество всяких восточных лакомств, больше всего рахат-лукума, халвы и нуги» (Добужинский М. В. Воспоминания. М., 1987. С. 20). ...«*Ме-ри-кан-ский житель в склянке, ходит на руках!!!*» — Возглас торговца, рекламирующего традиционную продукцию Вербного базара — «американского жителя». Так называли чертика, помещенного в сосуд с водой: при нажатии пальцем на резиновый клапан он начинал циркулировать и кувыряться.

БОБИНА ЛОШАДКА — Вербочки. Весенний альманах для детей младшего возраста. М., 1913. С. 32—33. С илл. В. Фалилеева. В первопечатном тексте имелись разночтения:

Ст. 26—28:

Боб лошадке, встав с постели,
Клал в животик шоколад,
А потом шел с песней в сад.

Ст. 30: Только лошадь удивлялась.

Забавную историю, рассказанную в данном стихотворении, можно сопоставить с мемуарным очерком Н. А. Тэффи «Игрушки и книги», в котором содержатся интересные наблюдения над детской психологией: «Если подарите деревянную лошадку — на нее наденут шапку и теплую кофту, и она будет бабушкой. Потому что все лошадиные качества у нее уже имеются и нужно придумать новые, так как играть — значит, фантазировать.

Палку сунут концом в какой-нибудь ящик, почмокают губами и говорят:
— Но-но: Вот ты уже и поела!

С игрушечной лошадью этим не отделаешься. Ей нужно тыкать в самую морду кусок моркови или окурок папирсы. Многих это не удовлетворяет: они протыкают дырочку в морде — если лошадь картонная — и запихивают в нее всякую дрянь.

Когда я была маленькая, меня так мучила невозможность накормить как следует картонную лошадь, что я приняла героические меры: оторвала лошади голову и кормила ее, засовывая ей прямо в туловище все, что ни попадет: мамин кружевной воротничок, нянькин наперсток, кусок булки, пилочку для ногтей, картинку «Тереза, дочь Гарибальди», огарок сальной свечки, которым нам мазали нос при насморке, чайную ложку, чьи-то часы.

Лошадь все принимала с благодарностью.

Между тем большие чего-то волновались. Искали пропавшие вещи, удивлялись. Я подмигивала лошадиному туловищу, оно смотрело на меня с благодарностью своей дырочкой, и все шло отлично. Но как-то лошадь съела кусок сыра, и запах его привлек нянькино внимание. Все было открыто. С тех пор лошадь питалась исключительно огрызками карандашей и скоро зачахла» (Возрождение. Париж. 1927, 25 декабря).

ЛЕТОМ — Современник. Спб., 1912. № 12. С. 66. Для «Детского острова» стихотворение было переработано. Первоначально третья строфа выглядела так:

Сквозь кусты мелькнула лодка,
Рябь и солнца острый блеск.
На плоту грохочет четко
Дробь вальков под гулкой плеск.

Другую редакцию имела заключительная строфа:

Вот и берег... Сухо в глотке,
В теле жаркий сонный зуд.
Эх, разденусь в старой лодке,
Руки вытяну — и в пруд!

ИММОРТЕЛИ — ДО. С. 31—32. *Иммортели* — более распространенное название: бессмертники. Растения, сохраняющие при высыхании форму и окраску; используются в сухих зимних букетах.

ЦИРК — Для детей. 1917. № 9. С. 265—272. С илл. Ре-Ми. При включении в «Детский остров» внесены изменения. Первоначальный вариант:

Ст. 4—6:

По Катиной программе.
Бум-бум! С девчонок семь рублей,
С мальчишек — по копейке!

Ст. 12: Шершавой промокашки.
Последняя ст.: Давайте кувыряться!..

Кроме того, между строфой 8-й и 9-й были еще две строфы:

А это мальчик — длинный Флит,
Моряк-чревоещатель,
Он тоже страшно знаменит
И мой большой приятель.

Сейчас он будет говорить
С тарелочкою белой:
Прошу вас Флита не смешить,
А то — пропало дело!

О некоторых из этих коррективов шла речь в переписке поэта с К. И. Чуковским: «В «Цирке» выбросьте строфы 7—8 (клоун Пик) и 9—10 (Флит-чревоещатель). Эпитет «шершавой» промокашки очень трудно заменить. Если хотите, пусть будет «чернильной» (как Вы подсказали), — пожалуй, так лучше.

Насчет ударения в слове «волшебство» замените так:

«Пупс не волшебник, господа,
Не бойтесь! Он, понятно,
Его без всякого вреда
Сам выплюнет обратно».

Во 2-й строфе поставьте, как раньше:

За вход с девчонок семь рублей,
С мальчишек — по копейке...

Заключительную строфу к «Цирку», вместо старой, я Вам пришло». Письмо датировано 9 февраля 1917 (Архив Чуковского. Л. 6—8). ...*Вот дядя Гриша. Не визжать! Он ростом выше шкафа.* — Иллюстрируя эти строки, художник-сатириконец Ре-Ми проявил озорство, изобразив Корнея Чуковского. Его шаржированный портрет, к слову заметить, был включен Ре-Ми и в иллюстративный ряд сказочной поэмы «Крокодил» Чуковского, впервые напечатанной в журнале «Для детей». По-видимому, эта «шалость» иллюстратора была согласована с Сашей Черным, сообщавшим в письме к Чуковскому: «„Цирк“ пришло: но вы ведь знаете, я его обещал в «Парус», а о рисунках уже ранее говорил с Ремизовым» (Архив Чуковского. Л. 15).

ПРО ДЕВОЧКУ, КОТОРАЯ НАШЛА СВОЕГО МИШКУ—Для детей. 1917. № 1. С. 13—14. С илл. Ре-Ми. В письме, адресованном К. И. Чуковскому, от 12 декабря 1916 года Саша Черный писал по поводу этого стихотворения: «Посылаю Вам обещанный стишок. Вверху надо бы продолговатую картинку фризом: девочка вытягивает из-под комода за лапу лохматого медвежонка (наполовину вытянула) и в конце тоже фризом: та же девчонка с выражением на лице чистит Мишку щеткой. Если бы Чехонин,—хорошо» (Архив Чуковского. Л. 3). Стихотворение было иллюстрировано не С. В. Чехониным, а Н. В. Ремизовым (Ре-Ми), который исполнил и расположил рисунки в соответствии с пожеланиями автора—с малым отступлением: вместо щетки в руках у девочки веник.

ХРАБРЕЦЫ—Киевская мысль. Киев. 1912. 13 мая. Под названием: «Картина». Необычна метаморфоза, которую претерпело данное стихотворение. В первоначальном варианте, опубликованном в 1912 году в газете, оно состояло из трех частей и было озаглавлено «Картина». В 1913 году поэт включил первую часть (с некоторыми разночтениями) в сборник «Тук-тук!», озаглавив стихотворение «Храбрецы» и дописав 10 новых строк. В книгу стихов «Жажда» поэт включил 2-ю и 3-ю части стихотворения «Картина» под заголовком «Нянька».

СНЕЖНАЯ БАБА—Для детей. 1917. № 2. С. 63—64. С илл. Ре-Ми. По поводу этого стихотворения сохранилась переписка с К. И. Чуковским. В письме от 3 января 1917 года Саша Черный пишет: «Я думаю, что в первой строфе:

«Воробы в кустах дерутся,
Светит солнце, снег, как пух.
В васильковом небе вьются
Хороводы снежных мух...»—

следует оставить и «васильковое» небо и «хороводы снежных мух». Заменять—будет пресно, как таблица умножения («в светло-синем небе вьются»?..), а образ и тот и другой простенький, несложный. Говорят же тысячу лет: «розовый» (от роза), бирюзовый, гранатовый и пр. Если какая-нибудь семилетняя девица и споткнется, то ведь любая мать, тетя, бабушка и пр. объяснят, а образ полюбится и останется в памяти, крепче, чем те приблизительные и водянистые определения, которыми напичканы детские стишки. Ведь иначе придется весь поэтический словарь для маленьких сократить до нескольких слов. Значит, так и оставить». Еще несколько замечаний содержится в письме от 16 января 1917: «Мне сказали, что «Снежная баба» вся набрана петитом и без разделений. Если еще возможно, очень прошу напечатать лучше без иллюстраций (оставив только в конце маленькую) и перебрать все крупным шрифтом, а между частями стихотворения оставить свободное место (по строке):

1) после строк:

Взял он валенки и шубку,
Шапку в руки и айда!

И после строк:

Воробы от удивленья
разлетелись—кто куда...—

так, как это в оригинале,—а если сбить в одну кучу все, то получится жареный топор, что хоть плачь!» (Архив Чуковского. Л. 15 и 16).

ПЛАКСА—ДО. С. 43.

«ЗИМОЮ ВСЕГО ВЕСЕЛЕЙ...» — ДО. С. 44—45.

ИМЯ — ДО. С. 46—47. *Пономарь* — церковный служитель низшего ранга, в обязанности которого входит: готовить кадило, зажигать свечи, звонить в колокола.

ВОЛК — ДО. С. 48—49.

ПРИСТАВАЛКА — Жар-Птица. С. 13. В первой публикации к заключительной строке имелась авторская сноска: «А если читаете девочке, то последние строки читайте так:

Оттого, что у тебя, дочка,
Рот без замочка!»

Автограф этого стихотворения на отдельном листке был прислан поэтом А. М. Горькому вместе с письмом, датируемым октябрем 1912 года. После 10 ст. имелось двестише, не входившее в печатный текст:

— Отчего у папы
Огромные лапы?

(Архив А. М. Горького. КГ-п 85-5-1).

НА КОНЬКАХ — Тук-тук. С. 7. Разночтения в первой публикации:
Ст. 1—2:

Я катаюсь на коньках.
Разгорелись ушки...

Ст. 9—11:

Ветер дует в глазки.
Елки-волки! Полный ход,
Обгоняй салазки...

ПЕРЕД СНОМ — ДО. С. 53—54.

В ОГОРОДЕ — ДО. С. 55—56.

ЗВЕРЮШКИ

АРАПКИНА МОЛИТВА — ДО. С. 59—60.

КРОКОДИЛ — ДО. С. 62—64.

ХРЮШКА — ДО. С. 65. ...к доктору *Фан-дер-Флиту*. — Это не выдуманная фамилия: такое имя носила художественно-ремесленная мастерская в Пскове, основанная местным меценатом Н. Ф. Фан-дер-Флитом (1840—1896).

ПРИКЛЮЧЕНИЕ — ДО. С. 66—67.

ЗАГАДКА — ДО. С. 68—69.

ВРАГИ — ДО. С. 70.

МЫШИНОЕ ГОРЕ — ДО. С. 71—72.

«НА ЗАБОРЕ СНЕГ МОХНАТЫЙ ТОЛСТОЙ ГРЯДОЧКОЙ ЛЕЖИТ...» — ДО. С. 73. В антологии «Радуга» (1922), составленной Сашей Черным, автор дал стихотворению название: «Галчата».

АИСТЫ — ДО. С. 74—76.

КАК КОТ СМЕТАНЫ ПОЕЛ — Тук-тук. С. 22. По-видимому, стихотворная форма восходит к балаганному раешнику и к текстам лубочных картинок. Ср. лубок «Как мыши кота хоронили»: «...Кот казанский, ум астраханский, а разум сибирский. <...> Мыши кота погребают, недруга своего провожают».

ЧТО КОМУ НРАВИТСЯ — ДО. С. 79—80.

ПРО ПЧЕЛ — ДО. С. 82.

СЛОН — ДО. С. 84

ДВА УТЕНКА — ДО. С. 86.

ВОРОБЕЙ — ДО. С. 87—88. *Вьюшка* — крышка или задвижка в печке, которой закрывают отверстие в дымоходе для прекращения тяги воздуха.

ПРО КОТА — Вербочки. Весенний альманах для детей младшего возраста. М., 1913. С. 48—49. С илл. В. Фалилеева.

МОМЕНТАЛЬНАЯ ФОТОГРАФИЯ — ДО. С. 91.

УГОВОР — ДО. С. 92—93.

В ХЛЕВУ — ДО. С. 94—95

«ЧТО ТЫ ТИСКАЕШЬ УТЕНКА?» — ДО. С. 96.

ИНДЮК ВАЖНИЧАЕТ — ДО. С. 97—98. В альманахе «Радуга» (1922), составленном Сашей Черным, стихотворение озаглавлено автором — «Индюк».

ЖЕРЕБЕНОК — ДО. С. 100.

МАРТЫШКА — ДО. С. 101—102. Стихотворение датировано автором 1920 годом, когда Саша Черный обосновался в Шарлоттенбурге — пригороде Берлина. Неподалеку, в парке Тиргартен, располагался знаменитый зоологический сад. Позволительно думать, что именно посещением его навеяны такие стихотворения, как «Мартышка», «Крокодил», «Слон».

ПОПКА — ДО. С. 104.

ТЕЛЕНОК СОСЕТ — ДО. С. 106.

КТО? — ДО. С. 107—108.

ВЕЧЕРНИЙ ХОРОВОД—Сборник «Голубая книжка». Спб., [1913]. С. 46—47. С илл. В. Фалилеева. В 1914 году четыре стихотворения Саши Черного («Приставалка», «На коньках», «Вечерний хоровод», «Поезд») были положены на музыку Ю. Д. Энгелем. Выпущенные издательством П. Юргенсона в Москве, эти музыкальные пьесы были подробно рассмотрены в рецензии Г. Тимофеева (Игра. Не-периодическое издание, посвященное воспитанию посредством игры. Пг.—М., 1918. № 2. С. 55—57). Вот некоторые выдержки из этой статьи: «Пьесы эти выгодно выделяются по художественности и благородному вкусу автора из ряда подобных пьес, появляющихся на музыкальном рынке. <...> Сюжеты пьес Энгеля, как и у Мусоргского, самые обыденные—мальчик, пристающий к матери со своими наивными, часто совершенно несуразными, не поддающимися прямому ответу вопросами («Приставалка»); веселое катание на коньках (№ 2); напутствие детям перед отходом ко сну («Вечерний хоровод»); звукоподражательная картинка, изображающая отход поезда («Поезд»). <...> «Вечерний хоровод» (Molto tranquillo) тихого, спокойного настроения, пожалуй, самая поэтическая, проникновенная и красивая по вдохновенной музыке из всех пьес. Ее отличает мелодическая широта. Удачно применение вокального нюанса, с закрытым ртом на «м», без слов после текста: «только песенку споем» и в самом конце пьесы—эти качивающие прибаутки в то время, как в сопровождении проходит красивая мелодия—наоборот». «Вечерний хоровод» своей музыкальностью привлекал композиторов: в 1923 году он был положен на музыку Л. Л. Штрайхером, в 1930—Л. Кавфманом.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ («Баю, кукла, баю, бай») — Жар-Птица. С. 26. Инициатору и редактору сборника «Жар-Птица» К. И. Чуковскому поэт писал по поводу этого стихотворения: «Но Ваше разделение на строфы по две строки для колыбельной не подходит: слишком часты музыкальные паузы (ведь ноты будут?) и не оправданы текстом. Ребенок только распоеется: вдруг пауза, и еще, и еще. Потом слишком коротко (у Вас 10 строк, у меня в новом варианте 16). Начать надо — и это естественнее всего — со слов:

«Баю, кукла, баю, спи!» —

а не строкой

«Мячик спит и утка спит», —

как Вы пишете.

А окончить угрозой, которую она слышала от няньки:

«Спи, а то придет Бабай!»

Строка «Кукла-рыбка, кукла-пай» — тоже нянькина (Оля-рыбка, Оля-пай), думаю, что и она на месте.

Я не только «не сержусь», но очень рад, что есть живой человек, который вместо отметок «хорошо-плохо» интересуется работой и по существу, и в деталях.

Музыкальный текст хорошо бы заказать Гречанинову или Лядову. <...> Гречанинов большой мастер детских песен и, насколько я помню, он сейчас в Пб-ге» (Архив Чуковского. Л. 8). *Бабай* — от татарского слова, означающего «дед», «старик». В словаре В. И. Даля говорится, что иногда им пугали детей. Напр., колыбельная:

Баю-бай, баю-бай,
Спи, Ванюша, не вставай,
А то к нам придет Бабай,
Скажет: Ванечку отдай!
А мы Ваню не дадим,
Нужен Ваня нам самим.

Жужу — кличка собаки, производная от фр. слова joujou (игрушка). Имя это было распространено в высшем свете и ассоциировалось с изнеженными, комнатными собачками. Ср. у И. А. Крылова: «Жужу — кудрявая болонка».

ДЕВОЧКА ПОЕТ — ДО. С. 115.

МАМИНА ПЕСНЯ — ДО. С. 116.

ДОКТОР АЙ — ДО. С. 117. Название стихотворения перекликается со стихотворной сказкой К. И. Чуковского «Доктор Айболит» (1929). Случайное ли это совпадение или именно Саша Черный дал толчок для возникновения столь популярного и любимого детьми имени «Айболит», можно только гадать. Что касается формы стихотворения, то здесь можно усмотреть два источника. Во-первых, это шутливая интонация игры, которую нередко используют доктора, разговаривая с маленькими пациентами. Во-вторых, это распространенная форма детского фольклора, именуемая «поддевкой» и связанная с каким-либо действием. Допустим: «Один мальчик схватывает другого за нос и настойчиво спрашивает:

— Дуб или вяз?

— Дуб...

— Тяни до губ! — ликует поддещик и тянет нос книзу» (Виноградов Г. Детская сатирическая лирика. Иркутск, 1925. С. 23).

НЕГРИТЯНСКАЯ ПЕСНЯ — ДО. С. 118—119.

ЧИЖИК — ДО. С. 120. «Ки-ка-ну» — салонный американский танец, вошедший в моду в России в начале нынешнего века.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ («Баю-бай! Васик-бай!») — ДО. С. 121—122.

КАРТОЧНЫЙ ДОМИК — ДО. С. 124—125.

КОШКИ-МЫШКИ — ДО. С. 127—128.

ЗАСТЕНЧИВЫЙ ТАРАКАН — ДО. С. 129.

ЧЕЛОВЕЧЕК В ЧАСАХ — ДО. С. 130.

ПОЛЬКА — ДО. С. 132—133. Ритмический рисунок стихотворения повторяет «Совершенно веселую песню» Саши Черного (1910), имеющую подзаголовок: Польша. *Штрипка* — тесьма, пришитая к штанине и охватывающая ступню снизу.

...А паук съел муху-гостью.— Вновь на память приходит стихотворная сказка К. И. Чуковского: «Муха-Цокотуха» (1924), имеющая, однако, совсем иной— благополучный финал.

ГОРЬКОЕ ЛЕКАРСТВО—ДО. С. 134.

ДОЖДИК—ДО. С. 135. Первая авторская публикация данного стихотворения явилась и последней. Отсюда текстологическая неопределенность в написании и толковании последнего слова «не бось». Если это типографская ошибка, то оно должно писаться слитно, как вводное «небось»—синоним слов «вероятно», «пожалуй». Возможно также, что автор воспользовался простонародной разговорной формой глагола «не бойся», зафиксированной в словаре В. И. Даля.

ПЕСНЯ СОЛНЕЧНОГО ЛУЧА—ДО. С. 136.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ—ДО. С. 137—138.

ПЕСНЯ МУХИ—ДО. С. 139.

СКРУТ—ДО. С. 140. Много лет спустя поэт использовал это странное имя «Скрут» (вероятно, придуманное им самим) в качестве псевдонима, под которым печатались стихи и сатира в прозе в парижском журнале «Сатирикон» (1931).

ПЕСНЯ ВЕТРА—ДО. С. 141—142.

КОГДА НИКОГО НЕТ ДОМА—ДО. С. 143—144.

ЗИМОЙ—ДО. С. 145—146.

СВЕРЧОК—ДО. С. 148.

КОНЦЕРТ—ДО. С. 149—150. В альманахе «Радуга» (1922) автор изменил название стихотворения, озаглавив его «Лягушки».

ЗЕЛЕННЫЕ СТИХИ—ДО. С. 151—152.

«АХ, СКОЛЬКО НА СВЕТЕ ДЕТЕЙ!»—ДО. С. 153—154. ...Ах, когда б собрать всех вместе <...> И поднять веселый крик.— В заключительном стихотворении книги высказана, как видно, заветная, «длинная фанатическая мысль» поэта— соборное разрешение главных проблем. Именно в глобальном масштабе, всем миром. Это была не только поэтическая декларация. Подчас она вырывалась из уст Саши Черного в житейских ситуациях, как это было, к примеру, в беседе с писателем А. М. Федоровым, с которым они встретились на фронте. Речь зашла о том, как покончить с войной. По мнению поэта, все должны были опомниться и крикнуть: «Не хотим больше воевать!» Собеседник возразил:

« — А не будет ли страшнее, если найдутся такие, которые не крикнут это?.. Ведь все сразу крикнуть не могут.

— Нет, все, все сразу должны крикнуть... Только так... Только когда все сразу»,— как-то по-детски восторженно и вместе с тем болезненно вырвалось у него.

Он замолчал, потом смущенно опустил голову.

— Это наивно и глупо с моей стороны. Правда? Да?

— Нет, это все хорошо, что вы сказали.

Я, конечно, не объяснил ему, что это хорошо потому, что говорит о хорошей душе его. И это открылось не столько в словах его, сколько в голосе, в блеске темных глаз его, в смущенной улыбке. Я хорошо почувствовал тут, почему так любят его стихи и рассказы дети. В нем самом, в его природе было что-то близкое детям» (Российский фонд культуры. Архив А. М. Федорова).

ЖИВАЯ АЗБУКА

Впервые книжка издана в Санкт-Петербурге, в издательстве «Шиповник», в 1914 году, в серии: «Библиотека «Жар-Птицы» с илл. В. Фалилеева. В 1922 году «Живая азбука» была переиздана в Берлине, в издательстве «Огоньки» с илл. Мад [М. А. Дризо]. Автор дополнил текст, написав концовку к книжке. Отсюда двойная датировка, принятая в данном собрании Саши Черного: 1914, 1922.

Берлинское издание было повторено с теми же иллюстрациями в Харбине в издательстве М. В. Зайцева. Осуществлено оно, видимо, контрафакционным путем— без уплаты автору гонорара (об этом факте упомянуто в статье Н. Покровского, напечатанной в харбинской газете «Заря» 27 апреля 1930 года).

Последнее появившееся при жизни автора издание «Живой азбуки»— парижское. Книжка вышла в издании Н. П. Карбасникова в 1926 году с илл. Ф. Рожанковского. Текст идентичен берлинскому изданию.

В 1922 году в литературном приложении газеты «Накануне» (№ 14) промелькнуло сообщение, что в числе прочих детских книжек намечено к изданию в советской России Государственным издательством «Живой азбуки» Саши Черного. В ответ на это последовало «Письмо в редакцию» газеты «Руль» Саши Черного: «М. Г. г-н редактор.

В дополнение к помещенному на днях в «Руле» письму издательства «Огоньки» о намеченном «Госиздатом» издании моей «Живой азбуки» считаю нужным подтвердить, что исключительное право на издание этих книг передано мною издательству «Огоньки» в Берлине.

Намерение «Госиздата» издать не принадлежащую ему книгу осуществлено только на основании захватного права» (Руль. Берлин. 1922, 3 сентября).

«Живая азбука» нашла отражение в печати. Первый отклик, появившийся без подписи в журнале «Новости детской литературы» (1916. № 8. С. 23—25), был сугубо отрицательный. Критический приговор был суров и безапелляционен: «В самом деле, какой отравой войдут в восприимчивую детскую душу эти грубые, вульгарные, безыдейные образы-мысли и каким клином врежутся в его речь эти отборные словечки и несладкие рифмы». Для детского чтения книжка была не рекомендована.

Совсем иной была реакция на зарубежные переиздания «Живой азбуки». Это рецензии: [Без подписи]// Руль. Берлин. 1922, 17 декабря; А. М. [А. Марков?]

ПН. 1927, 3 февраля; -чь [А. Даманская?]///Руль. Берлин, 1927, 9 февраля; Яблоновский А.//Возрождение. Париж, 1927, 24 февраля. Вот что писал последний рецензент, хорошо знавший поэта: «Его особенность—это мягкий, сочный юмор, который блестит, как искры смеха, в глазах ребенка. «Живая азбука»—прелестная книга, которую перелистываешь с невольным уважением, как будто вспоминаешь свой первый лепет, свои первые шаги, свои первые игрушки...»

В настоящем томе текст печатается по последнему прижизненному изданию. Первопечатное издание имело некоторые отличия. Двустилие на букву «Р» выглядело так:

Рыжик прячет в мох колпак.
Рак был негр, стал, как мак.

Кроме того, отсутствовала концовка: ст. 79—98.

Следует сказать о курьезном факте появления в современных переизданиях «Живой азбуки» строк, не принадлежащих Саше Черному. В 1985 году наш соотечественник, живший в Париже, эмигрант «первой волны» Ю. К. Отфиновский задумал выпустить самодельное издание «Живой азбуки» для русских детей во Франции. При этом он решил внести в книгу добавление. В тексте Саши Черного отсутствовало двустилие на букву «Е», и «издатель» восполнил этот пробел немудреным стишком собственного сочинения:

Егозу лесок зовет,
Ежевика там растет.

Затем попросил художницу И. Н. Угримову сделать иллюстрацию к этой странице. В дальнейшем, однако, этот пример бытования стихов Саши Черного вышел за рамки «домашнего» предприятия. В 1992 году «Живая азбука» была издана (ТПО Студии «Тритэ» Никиты Михалкова) с включением вышеприведенных строк «фиктивного» Саши Черного. Указано, что материалы для издания любезно предоставлены ЦГАЛИ. В 1994 году появилось еще одно «дополненное» издание «Живой азбуки» (М., Издательство «Око»), продолжившее тиражирование искаженных текстов Саши Черного. ...*Утром в дверь стучит художник <...> Это был приятель мой.*—Речь идет о художнике В. Д. Фалилееве (1878—1950), иллюстрировавшем первое издание «Живой азбуки». Знакомство их произошло на Капри в 1912 году и переросло в творческую дружбу. Готовя к изданию сборник «Тук-тук!», поэт часто бывал в доме художника-графика. Вот что писал Фалилеев Горькому осенью 1912 года: «Милого Александра Михайловича Гликберга видел несколько раз. Он старается устроить меня в разные издательства рисовальщиком. Так это у него все хорошо выходит. Он был у меня в мастерской и весь мой хлам видел еще не разобранный, на полу лежащий. И я у него был два раза на совещании с редакторами, так что мне показалось, что он больше склонен к редакторшам, чем к редакторам. Хлопочет об издании детских книг и надеется, что прочтем и Ваши рассказы для детей» (Горький и его эпоха. Исследования и материалы. Вып. 2. М., 1989. С. 29). Подробнее об их дружбе и творческих связях см.: Иванов А. С. «Не упрекай за то, что я такой...» // Панорама искусств. Сб. 10. М., 1987). *Шур*—эта птица семейства вьюрковых мало известна городским жителям хотя бы даже по названию. Свое жилье он устраивает в норах по обрывистым берегам рек и в уступах. Питается крылатыми насекомыми, хватая

их на лету. Щур единственный из царства пернатых, кто употребляет в пищу жалящих насекомых (пчел, ос, шмелей, шершней) без вреда для себя. Разбойничьи налеты на пасеки сделали его врагом пчеловодов.

СОН ПРОФЕССОРА ПАТРАШКИНА

Сказка в стихах «Сон профессора Патрашкина» выпущена издательством И. П. Ладъжникова в Берлине с илл. В. Д. Мозалевской, без указания года издания. Ориентировочно датирована 1924 годом по печатному отклику, где в числе детских книг, выпущенных издательством Ладъжникова, фигурирует «Сон профессора Патрашкина» (Детские книги // Лит. прилож. к газете «Накануне». Берлин, 1924, 10 февраля. № 34. С. 8). Перепечатана автором в ИР. 1926. № 47/80. С. 20—21. *Патрашкин* — эта забавная фамилия не выдумана Сашей Черным. Был в Петербурге такой писатель и журналист С. Т. Патрашкин (1875—?), который однажды упомянул Сашу Черного в своей статье: «Видно, настала даже для «венских» литераторов какая-то новая полоса. Отсмеялись. Вдоволь наелись конотопской колбасы. Саша Черный превратился в А. Черного. Вместо одного веселого «Сатирикона» выходит два: новый в старой редакции и старый в новой редакции и оба веселые-веселые» (Патрашкин С. «Венское» питье // День. Спб., 1913, 2 июня). Были ли они знакомы или встречались лишь на печатных страницах, остается неизвестным. *Тальма* — короткий мужской плащ, закрывающий плечи и грудь (получивший название по имени французского актера Ф. Тальма).

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В КНИГУ «ДЕТСКИЙ ОСТРОВ»

«Детский остров» оказался последним стихотворным сборником поэта для детей, хотя он до конца жизни продолжал писать и публиковать стихи, обращенные к маленьким читателям. В большинстве своем они печатались в двух изданиях: в 1924—1927 годах в «Иллюстрированной России» на «Страничке для детей», а позднее в газете «Последние новости» в сквозной авторской рубрике «Детский остров».

Вероятно, у поэта не раз возникало желание собрать детские стихи в книгу. Одно из таких намерений доносит до нас хроникальная рубрика «Русские писатели за рубежом», в которой сообщается о том, что Саша Черный готовит новую книгу стихов для детей (Новое русское слово. Нью-Йорк. 1926, 3 января). Незадолго до кончины поэт занялся всерьез подготовкой сборника стихов для детей. Редактору готовящейся книги Е. С. Хохлову он писал 9 июля 1932 года: «Посылаю дополнительно для сборника «Ручей» — 20 стихотворений. Т. к. среди них в стих(отворении) «Мишины рисунки» заключается 4 стих(отворения), то всего выйдет новых 23 стих(отворения).

Полагаю, что теперь вполне выйдет полная книжка. Пожалуйста, включите присланные стихотворения в прежнюю присылку, **перенумеруйте их постранично заново**, по прилагаемому полному оглавлению» (РГАЛИ. Ф. 2560, оп. 3, ед. хр.

145). Увы, издание не состоялось — сохранилось лишь название предполагаемой книги; а состав, и построение ее остались неизвестными. «Несобранные» стихи, составившие данный раздел, расположены в хронологическом порядке — в очередности их появления в печати.

РОЖДЕСТВЕНСКОЕ — Зеленая палочка. Париж, 1920. № 5/6. Думается, нет нужды пересказывать евангельскую легенду о рождении в Вифлееме младенца, нареченного Иисусом. Здесь перечислены немногие, дошедшие до нас благодаря Писанию атрибуты обстановки, с которой связано появление новорожденного: ясли с соломой, «домашние звери» — вол, ослик и агнец... Именно Рождеству, ставшему праздником для всего христианского мира, обязано человечество нынешним летосчислением — только католики отмечают этот день 25 декабря, а Православная церковь — 7 января, что связано с различными системами летосчисления.

ПРО БЫЧКА — ИР. 1924. № 4. С. 15. Одно из немногих стихотворений, воскрешающих одесское детство Саши Черного.

ХРАБРЫЙ МАЛЬЧИК — ИР. 1924. № 5. С. 13. *Серсо* — обруч для игры, когда один игрок подкидывал обруч, а другой ловил его специальной палочкой.

ЛИСА-ПОСТНИЦА — ИР. 1924. № 6. С. 13. Саша Черный был не только автором, но фактически редактором и составителем постоянной рубрики «Иллюстрированной России» — «Страничка для детей». Там регулярно он помещал прибаутки, поговорки, загадки, сказки русского народа из собраний Афанасьева, Сахарова, Якушкина и др. Печатались также сказки народов других стран, под которыми значится: рассказал А. Ч.; или Sandro; перевод А. Г. «Лиса-постница» — единственное из переложений фольклора, подписанное главным литературным именем поэта — Саша Черный. *Дратва* — толстая смоленая нить, употребляемая в сапожном деле для шитья кожи.

СТАРШИЙ БРАТ — ИР. 1924. № 7. С. 15. *Усадьба под Парижем* — в других стихотворениях этого периода помета конкретизирована: Chateau de Gressy. Вдова поэта в мемуарах (Российский литературоведческий журнал. М., 1993, № 2. С. 245) рассказывает, что ее знакомые, детям которых она преподавала в Берлине, купили неподалеку от французской столицы поместье и предложили ей комнату и стол за занятия с младшими девочками. В конце мая 1924 года она вместе с Сашей Черным переехала в Гресси, где они прожили до октября. Эта русская усадьба под Парижем и ее обитатели оставили след в душе писателя и нашли отражение в его стихах и прозе.

ОБЩЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ — ИР. 1925. № 10. С. 14. *...Мне визиты делать недосуг* — стихотворение напечатано в номере от 1 января. В первый день Нового года было принято наносить визиты начальству и знакомым для поздравления с праздником. Правила светского этикета предписывали для таких случаев парадную форму одежды (фрак, смокинг и пр.).

ДВЕ СЕСТРЫ — ИР. 1925. № 12. С. 14. *Гарус* — разновидность мягкой крученой пряжи. *Фазтон* — повозка или автомобиль с откидным верхом.

СТРАННЫЙ ЦАРЬ — Русская газета. Париж, 1925, 10 февраля. Стихотворение написано к 200-летию юбилею со дня рождения Петра I. В зарубежье поэта чрезвычайно интересовала личность царя-строителя, который «Россию поднял на дыбы». Будучи составителем альманахов для подрастающего поколения «Молодая Россия» и «Русская земля», Саша Черный включает в них русские исторические народные песни о Петре Великом, пишет к ним предисловие (см. т. III). По-видимому, в этих занятиях поэт мог получить квалифицированную помощь от профессора В. П. Катенева, работавшего над книгой о пребывании Петра Великого в Париже. Отрывки из этой книги были прочитаны на литературном вечере в «Союзе галлополийцев» 25 апреля 1926 года, где принимал участие и Саша Черный (Русское время. Париж, 1926, 24 апреля). *Клипер* — быстроходное трехмачтовое парусное судно. *Камрад* (фр. camarade) — товарищ. *Цуг* — запряжка гуськом; *зд.* — вереница танцующих.

ЗАРАЗА — ИР. 1925. № 13. С. 15. Это стихотворение, а также филателистические подробности в сатирическом произведении «Неизвестному адресату» (т. III) и в рассказе «Малоземельный грипп» (т. IV) позволяют предположить, что Саша Черный если и не увлекался собиранием марок, то был посвящен в секреты и особенности коллекционирования. Здесь речь идет по преимуществу о почтовых марках государств, образовавшихся после первой мировой войны, с изображением государственной символики. ...*Польша — белая пичужка.* — Изображение белого орла. ...*На литовских — конный шах.* — Имеется в виду всадник, скачущий на коне. ...*На эстляндских — завитушка.* — Символом Эстонии были морские волны. ...*На финляндских — лев в штанах.* — Гербом Финляндии, отделившейся от России в 1917 году, был стоящий на задних лапах лев. *Мемель* — старое название Клайпеды. По Версальскому договору 1919 года этот германский город был передан в ведение держав-победительниц. На французских или немецких марках тех лет ставилась надпечатка «Мемель». В феврале 1923 года город был присоединен к Литве и переименован в Клайпеду. *Венгрия* — после произошедшей в 1918 г. буржуазно-демократической революции была образована Венгерская советская республика, которая в качестве таковой выпустила серию марок с изображениями замечательных людей венгерской истории и культуры ...*Ватиканских раздобыть.* — Город-государство Ватикан, расположен в пределах столицы Италии — Рима. Международный центр католицизма. Папская область считается суверенным государством и потому имеет собственные марки. ...*«Птичка, бур-бур-бур, не знает ни заботы, ни труда».* — В бормотании школьника, зубрящего стихи, нетрудно узнать хрестоматийные строки А. С. Пушкина «Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда» — стихотворения, входившего в гимназические программы по литературе.

ЩУКА — Русская газета. Париж. 1925, 18 января. В цикле из трех стихотворений под общим заголовком «В усадьбе под Парижем». Вторично оно было перепечатано отдельно в рубрике «Страничка для детей» (ИР. 1925. № 16. С. 12). С героем этого шуточного стихотворения — А. И. Куприным Сашу Черного связывала давнишняя дружеская симпатия, которая сказывалась в многочисленных взаимных посвящениях и рецензиях на книги друг друга, а также в обычных житейских ситуациях. Например, в приписке, которую сделал Саша Черный в письме к Чуковскому от 23 февраля 1917 года: «Рассказ Куприна милый, но есть

вялость, и козел как-то топчется на одном месте, точно мокрой ваты наелся. Если увидите его (Куприна), поклонитесь от меня. Я его очень люблю — и хорошего, и нехорошего, — как могут только любить хронические сатирики и так называемые «пессимисты» (Архив Чуковского. Л. 4—5). Заголовок цикла и авторская датировка позволяют думать, что Куприн посетил усадьбу в Гресси летом 1924 года. Заметим: в фотоальбоме, принадлежавшем Саше Черному, который был передан Т. А. Осоргиной в дар Пушкинскому Дому, имеются фотографии, где Саша Черный запечатлен с А. И. Куприным на фоне загородного особняка. По-видимому, эти кадры сняты в той самой «усадьбе под Парижем», о которой шла речь выше. ...только кролики глядят.— Видимо, этот же островок, где жили кролики, описан в повести «Чудесное лето» (см. гл. «Игорь-Робинзон»).

НАДПИСЬ НА КНИЖКЕ, ПОДАРЕННОЙ ОДНОЙ ЗНАКОМОЙ ДЕВОЧКЕ—ИР. 1925. № 17. С. 15. Подпись: С-а Ч.

ПОЭТЕССА—ИР. 1925. № 19. С. 17.

ПОЛЕТ—ИР. 1925. № 20. С. 14.

ЧЕРЕПАХА—ИР. 1925. № 23. С. 17. Подпись: С-а Ч-й.

РЫБОЛОВЫ—ИР. 1925. № 24. С. 19. Подпись: С-а Ч.

У ОКЕАНА—ИР. 1925. № 26. С. 19. Подпись С-а Ч. Этим стихотворением начата серия стихов и рассказов, связанных с Атлантическим океаном. В воспоминаниях вдовы поэта говорится, что семья Сориных (брата художника С. А. Сорина) предложила ей летние занятия с 14-летней дочерью на вилле, расположенной в Бретани, на берегу океана. Одновременно литературный двойник Саши Черного — профессор Фаддей Симеонович Смяткин помещает в «Бумеранге» редакционное объявление, что, «уезжая для лечения застарелого переутомления к океану», он будет принимать по делам редакции на пляже в «La Voule-sur-Mer» (ИР. 1925. № 25. С. 16). ...Проведет в песке траншеи.— На песчаном пляже Саше Черному, видимо, часто доводилось наблюдать за «строительными» и «художественными» работами малышей. Он прислал даже своеобразный отчет, озаглавленный: «Детская выставка»:

«Во французском курорте Pouliguen в Бретани дети устроили этим летом выставку работ из песка.

Отгородили на пляже участок колышками и бечевкой и принялись за работу.

Одни строили крепости, замки и виллы. Борта стен и башен украшали белыми волнистыми ракушками. Над постройками развевались флажки, — у каждого свой. Сбоку из цветных камушков складывали название постройки и свое имя. Из детей этих, когда вырастут, выйдет, конечно, немало талантливых инженеров и архитекторов.

Другие, чистые художники, лепили барельефы — выпуклые фигуры и узоры. Кто пыхтел над сфинксом, кто, загоревшись зонтиком от других, лепил гигантского петуха и курицу. Серьезный крохотный мальчишка, загорелый, как мулат, смастерил похожий на барана рог изобилия с песочными фруктами и цветами. А одна девочка сделала двухметровый кленовый лист, вылепила на

нем песчаную улитку с высунутыми рожками. Сбоку посадила свою куклу: пусть любитесь.

Цветы, плоды и фигуры дети раскрашивали разноцветными порошками: толченым кирпичом, мелом, углем, синькой и т. п. Песок поливали морской водой, чтобы легче было лепить.

Многие дети насажали в своих крепостях и башнях кусты из кипарисных веток и стеблей прибрежного камыша.

Потом пришли взрослые. Осмотрели работы и присудили за лучшую первый приз — большой полосатый мяч.

Мяч достался маленькой девочке, которая вылепила на песке корабль с голубыми парусами, темно-коричневым бортом, синими матросами и черными мачтами. Под кораблем была искусно сделана извилистая зеленая волна с белым гребнем, а на борту корабля ярко-желтым песком было написано «Немо».

В последнюю минуту чуть не стряслась беда. За загородку ворвался какой-то любопытный кудлатый пес и стал, как сумасшедший, прыгать по выставке. Дети перепугались — работы-то ведь из песка! — и подняли страшный визг. Пес тоже перепугался и удрал» (А. Г. Детская выставка // ИР. 1925. № 30. С. 19). По-видимому, Саша Черный был не только свидетелем этих игр, но и «взял капитанскую власть», как это было описано в стихотворении «Мираж»:

С девочками Тосей и Инной
В сиреневый утренний час
Мы вырыли в пляже пустынном
Кривой и глубокий баркас.

Борта из песчаного крема.
На скамьях пестрели кремни.
Из ракушек гордое «Немо»
Вдоль носа белело в тени.

(Т. II. С. 83—84.)

В ЧАС ОТЛИВА — ИР. 1925. № 30. С. 19.

ОКЕАНСКАЯ ЗАБАВА — ИР. 1926. № 9(42). С. 17. Подпись: С-а Ч. ...*Зловещий черный флаг.* — Поднимался на мачте, как сигнал наступления прилива.

ПЕСНЯ БОЙСКАУТОВ — ИР. 1926. № 12(45). С. 17. *Бойскауты* — члены скаутского движения (от англ. scout — разведчик), представляющего собой систему внешкольного воспитания детей и подростков: не только спортивные и военные игры, путешествия и натурализм, но нравственную программу, которая была позднее во многом заимствована пионерской организацией. Так, в торжественной клятве бойскаута были такие слова: «Даю торжественное обещание и скрепляю его своим честным словом, что буду по мере сил моих исполнять долг перед Богом и Родиной, ежедневно оказывать добрые услуги близким и исполнять законы скаутов». Припев скаутского гимна был таков:

Будь готов, будь готов,
Будь готов, всегда готов!

В России организация скаутов возникла в 1909 году. В эмиграции она была возрождена. Известно, что на детском утреннике, устроенном 19 июня 1927 года 2-м отрядом русских скаутов в Париже, Саша Черный вместе с А. Куприным и И. Лукашом выступали с чтением своих произведений.

МУРАВЕЙ—ИР. 1926. № 21(54). С. 20. Подпись: С-а Ч.

ЛЕТНЕЕ УДОВОЛЬСТВИЕ—ИР. 1926. № 30(63). С. 19. Подпись: Sandro.

СТРАШНЫЙ СОН—ИР. 1926. № 33(66). С. 21. Здесь впервые заявлена тема возрастной инверсии—чудесное превращение детей во взрослых и наоборот, которая была впоследствии развернута в сказку «Железное колечко».

ДОЖДЕВЫЕ КАПЛИ—ИР. 1927. № 14(99). С. 21.

ЗВЕРЬЕ—ПН. 1928, 4 декабря. Цикл из четырех стихотворений.

МАЛЕНЬКИЙ ПОЛОТЕР—ПН. 1929, 8 июня. В цикле из двух стихотворений под рубрикой «Детский остров».

МАЛЬЧИК НЕ СПИТ—ПН. 1929, 8 июня. В цикле из двух стихотворений под рубрикой ДО.

ЛЯГУШОНОК—ПН. 1929, 1 сентября. В цикле из двух стихотворений под рубрикой ДО.

КОЗЛЕНОК—ПН. 1929, 1 сентября. В цикле из двух стихотворений под рубрикой ДО.

ПЛЕННИКИ—ПН. 1929, 3 ноября. Под рубрикой ДО. *Антиб*—мыс на Лазурном берегу Средиземного моря, самая южная оконечность Франции.

НЯНЯКА—ПН. 1929, 3 ноября. Под рубрикой ДО.

БОЛЬНАЯ КУКЛА—ПН. 1930, 19 января. Под рубрикой ДО.

ЛАВОЧКА—ПН. 1930, 19 января. Под рубрикой ДО. *Мадаполам*—хлопчатобумажная бельевая ткань.

МИШИНЫ РИСУНКИ—ПН. 1930, 28 февраля. Под рубрикой ДО. *Гонолулу*—город на Гавайских островах.

РОЗЫ—ПН. 1930, 25 мая. Под рубрикой ДО.

КРАПИВА—ПН. 1930, 25 мая. Под рубрикой ДО.

СИРЕНЬ—ПН. 1930, 25 мая. Под рубрикой ДО.

ПАЛАТКА—ПН. 1930, 2 сентября. Под рубрикой ДО.

ГРИШИНЫ СНЫ—ПН. 1930, 11 октября. Под рубрикой ДО. *Муссолини* Бенито (1883—1945)—фашистский диктатор Италии в 1922—1943 г. Казнен в 1945 г. *Алаверды*—во время кавказских застолий обращение тамады к другому лицу продолжить тост или пожелания виновнику торжества. *Сен-Клу*—предместье Парижа, один из районов, где обосновались беженцы из России.

ВОРОБЬИ—ПН. 1930, 12 ноября. Под рубрикой ДО. *Медон*—городок вблизи Парижа, где в годы эмиграции образовалась довольно многочисленная русская диаспора.

«МЫ ИГРАЕМ В ПАРОХОД...»—ПН. 1931, 3 марта. Под рубрикой ДО.

С ПРИЯТЕЛЕМ—ПН. 1931, 20 июня. Под рубрикой ДО. *Голиаф*—в библейском предании великан-филистимлянин, который в единоборстве был побежден Давидом.

ВЕЧЕРНИЙ РАЗГОВОР—ПН. 1931, 23 мая. Под рубрикой ДО. *«Голодная пятница»*—пансион для русских детей, открытый в Монморанси (городок под Парижем) в 1929 году и существовавший на пожертвования эмигрантов из России. Название «Голодная пятница» объясняется тем, что у христиан пятница считается постным днем, поскольку в пятницу распяли Христа.

ОЗОРНИК—ПН. 1931, 25 июля. Под рубрикой ДО.

ОСЛЕНОК—ПН. 1931, 26 августа. Под рубрикой ДО.

ЗЛОЙ СЕЛЕЗЕНЬ—ПН. 1931, 26 августа. Под рубрикой ДО. Сюжет этот впервые был разработан поэтом в прозе (см. рассказ «Мальчик с селезнем» в цикле «Купальщики»—т. IV).

ГОРОДСКАЯ СКАЗКА—ПН. 1932, 12 марта. Под рубрикой ДО.

ВОЛШЕБНИК—ПН. 1932, 31 марта. Под рубрикой ДО. *Стило* (лат. *stylus*—палочка)—в древности так называлась заостренная палочка, которой писали на восковых дощечках. Позднее это слово стало означать все, чем можно писать (ручка, перо, карандаш и т. д.).

ДНЕВНИК ФОКСА МИККИ

Публиковался по главам в «Иллюстрированной России» в рубрике «Страничка для детей» в 1924—1925 годах под заглавием «Из дневника фокса Микки». Заголовки к отдельным главам начали появляться с главы «На пляже». Тогда же изменилась подпись под публикациями: вместо «сообщил Sandro» стало «сообщил Саша Черный».

Отдельной книгой «Дневник фокса Микки» вышел в 1927 году в Париже в издании автора с иллюстрациями Ф. Рожанковского. Появление книги предварял анонс: «Новая книга Саши Черного появится в продаже весной этого

года» (Хроника русской литературы // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1926, 14 февраля).

Следующее издание состоялось через пару лет (без указания года выпуска) в Берлине, в издательстве акционерного общества «Москва-Логос». В отличие от первого, выпущенного in folio, второе издание было меньшего формата и, кроме того, красочная обложка была заменена черно-белой. В остальном оно было копией первого издания. Согласно газетной хронике, «Дневник фокса Микки» печатался на французском языке в журнале «Les enfants de France» (ПН. 1929, 27 июня).

Зафиксировано два лаконичных отклика на первое издание книги: Ладженский В. // Возрождение. Париж, 1927, 27 июня; А. Ф. // ПН. 1927, 14 июля. Кроме того, во многих статьях и мемуарных страницах, посвященных Саше Черному, упоминается эта книга и ее собачий прототип — реальный Микки.

В комментарии отмечены наиболее существенные разночтения между первой публикацией и окончательной авторской редакцией.

О ЗИНЕ, О ЕДЕ, О КОРОВЕ И Т. П.—ИР. 1924, № 5. С. 12. Подпись в конце публикации выглядела несколько иначе:

«Август, после обеда.
Фокс Микки,
первая собака, умеющая писать».

СТИХИ, КОТЯТА И БЛОХИ—ИР. 1924, № 6. С. 12. ...«*дету — отца, сети — мертвеца*».— В этих рифмах без труда угадываются строки А. С. Пушкина из стихотворения «Утопленник» (1828):

Прибежали в избу дети,
Второпях зовут отца:
«Тятя! тятя! наши сети
Притащили мертвеца».

«Цех поэтов» — литературное объединение, существовавшее в Петербурге в 1911—1914 годах, основное ядро которого составляли поэты-акмеисты во главе с Н. С. Гумилевым. На заседаниях разбирались стихи участников, проблемы поэтического мастерства. ...на граммофонной пластинке (<...>): *фокс сидит перед трубой, склонил голову набок, свесил ухо и слушает*.— Имеется в виду фирменный знак английской фирмы грамзаписи «His Master's Voice», т. е. «Голос хозяина».

РАЗНЫЕ ВОПРОСЫ, МОЙ СОН И МОИ СОБАЧЬИ МЫСЛИ—ИР. 1924. № 7. С. 14. *Мелодекламация* — чтение стихов или прозы, сопровождаемое музыкой. Эта форма исполнения была распространена в России в начале XX века — особенно на любительской сцене.

ОСЕННИЙ КАВАРДАК—ИР. 1924. № 8. С. 14. Журнальная публикация заканчивалась так: «Подписи нет. По поручению Зины сообщил Sandgo (он же, если вам угодно знать,— Саша Черный)».

Я ОДИН—ИР. 1925. № 22. С. 18—19. *Сабо* — башмаки на деревянных подошвах. ...*Пляшут фокстрот. Должно быть, собачий танец*.— Микки отчасти прав: в словах «фокстерьер» и «фокстрот» есть общий корень. Первое происходит

от англ. fox-terrier — то есть, «лисья» собака или иначе — собака, предназначенная для охоты на лис и других мелких зверей, живущих в норах. Второе — англ. fox-trot — буквально: «лисьий шаг»; так именуют современный парный танец, исполняемый под джазовую или блюзовую музыку.

ПЕРЕЕЗД В ПАРИЖ — ИР. 1925. № 23. С. 16—17. ...«И скучно, и грустно, и некому лапу пожать!» — Шутливое перефразирование стихотворной строки М. Ю. Лермонтова: «И скучно и грустно, и некому руку подать...». ...*Кордон, силь ву пле.* — «Откройте дверь, пожалуйста!» (во Франции обращение к консьержу).

НА ПЛЯЖЕ — ИР. 1925. № 24. С. 18—19. Под заголовком: «Микки на пляже». ...*больше люксембургского фонтана.* — Речь идет о красивейшем фонтане Медичи, расположенном в Люксембургском саду, в Париже. *Мариенбад* — бальнеологический курорт в Богемии (Австро-Венгрия) (ныне Марианске Лазне (Чехия), знаменитый своими минеральными источниками. ...*Почему, почему, почему для нас ничего не делают?* — После этой фразы имелся фрагмент: «Видел одного франта, который делал моцион. На одном конце пляжа хлопнет рюмку коньяку. Побежит до другого конца и хлопнет рюмку кальвадоса. И опять побежит. И опять хлопнет. Это называется мо-ци-он». ...*устроила лунное затмение.* <...> *надела мне на голову купальные штаны.* — Этот забавный способ, позволяющий прекратить «лунный» концерт, Саша Черный использовал в качестве фабулы солдатской сказки «Ослиный тормоз» (1931).

В ЗООЛОГИЧЕСКОМ САДУ — ИР. 1925. № 25. С. 18. Под заглавием: «Микки в зоологическом саду». ...*Тигр — противный. Большая кошка и больше ничего.* <...> *и пойдет в Булонский лес отдыхать.* — В этом фрагменте можно услышать отголосок происшествия, которое несколько дней занимало место на полосах парижских газет. Из зоосада убежал леопард Зизи и скрылся в Булонском лесу. Прочесывание парка охотниками, полицией, солдатами не дали результата. На третий день леопард забрался на территорию детской школы, где и был застрелен вызванными туда жандармами (см. ИР. 1925. № 26. С. 10). ...*Зина читала как-то, что лев очень любит, если к нему в клетку посадить собачку.* — Подразумевается рассказ «Лев и собачка» Л. Н. Толстого. *Портмоне* — маленький кошелек.

КАК Я ЗАБЛУДИЛСЯ — ИР. 1925. № 26. С. 18—19. Под заглавием: «Микки заблудился». Вместо короткой подписи — «Микки» под публикацией стояла такая фраза: «Глупый фокс, который умудрился заблудиться среди бела дня на ровном пляже, — Микки».

В ЦИРКЕ — ИР. 1925. № 27. С. 18—19. Под заглавием: «Микки в цирке». ...*у котенка на плечах воробей!* — в журнальном варианте цирковую пирамиду увенчивал не воробей, а белая мышь.

ПРОКЛЯТЫЙ ПАРОХОД — ИР. 1925. № 28. С. 18. Под заглавием: «Микки на пароходе». ...«*Доброе утро! — полдоброе утро! четверть доброго утра!*» — Здесь ослышка Микки, либо намеренная путаница автора. В словах капитана угадываются каламбурные звукоподражания морским командам: «Право руля! — полрумба вправо! четверть румба вправо!»

ВОЗВРАЩАЮСЬ В ПАРИЖ И СТАВЛЮ БОЛЬШУЮ ТОЧКУ — ИР. 1925. № 29. С. 18. Под заглавием: «Микки возвращается в Париж и ставит большую точку». *Сен-Клу* — см. с. 573. *Аррондисман* — административная единица районирования Парижа. ...*Перелистал свои странички. А вдруг бы их кто-нибудь напечатал?! С моим портретом и ав-то-гра-фом?* — Книжка действительно была издана — тиражом 200 нумерованных экземпляров, каждый из которых был собственноручно подписан: «Саша Черный. Париж. 1927»; на обложке красовался портрет фокса Микки работы художника Ф. С. Рожанковского.

КОШАЧЬЯ САНАТОРИЯ

Опубликовано в лит.-худ. журнале «Перезвоны» (Рига), 1925, № 5 и 6. Журнальный вариант снабжен пометой: Рим, 1924. Отдельное издание осуществлено в 1928 году в Париже, в серии «Детская библиотечка «Микки» с илл. Ф. С. Рожанковского. Есть основания полагать, что это издание автора. На 4-й сторонке обложки указан адрес склада, где хранится тираж книги: «49, rue Fondary (Paris XV), библиотека А. И. Куприна». Библиотека-читальня и книжный магазин были организованы Куприным в середине 1926 года. В собрании составителя имеется экземпляр «Кошачьей санатории» с авторским инскриптом: «Симпатичным соседям Свирским от подвального жильца д. № 8 (по той же улице) с кошачьим приветом». (В Париже Саша Черный жил по адресу: ул. Теофила Готье, 8.)

Выход книги был отмечен лаконичными откликами информационного характера: С. // ПН. 1928, 5 апреля; Р. // Сегодня. Рига, 1928, 14 апреля; С. // Возрождение. Париж. 1928, 31 мая. *Форум Траяна* — историческое сооружение древнего Рима, представляющее собой замкнутую площадь, расположенную на несколько метров ниже окружающих ее домов. Посреди форума возвышается колонна Траяна — памятник (высотой 43 м), возведенный в честь императора Траяна в 113 году; снизу доверху украшен барельефами из каррарского мрамора. *Спагетти* — не слишком симпатичного хозяина кота автор нарек именем, созвучным с итальянским наименованием макарон — «спагетти». Возможно, это проистекало из его нелюбви к этому блюду итальянской кухни, о чем вспоминает дочь писателя Л. Н. Андреева: «Когда за обедом он видел макароны спагетти, посыпанные тертым сыром пармеджиано (<...> у Саши Черного моментально падало настроение и он раздражался желчными тирадами о характерных свойствах итальянцев вообще и о их кухне в частности». Не исключено, что его неприятие было усугублено случаем, произошедшим с поэтом: на узких римских улочках всегда существовал риск, «что вот-вот на голову вам выплеснут помой или выкинут хребет какой-нибудь рыбины. Один раз Саша Черный явился домой в шляпе, живописно увешанной спагетти: в своей всегдашней рассеянности он не заметил, что на него опорожнили целый горшок этой излюбленной «паста шутта» под красным соусом» (Андреева В. Л. Эхо прошедшего. М., 1986. С. 204, 215). *Скарамуччио* — для этого персонажа повести взято имя одной из масок итальянской комедии дель арте — воплощение светского хвастуна. Значащими именами наделены и кошачьи персонажи: *Бимбо* — по-итальянски — мальчуган, ребенок, *Брутто* — грубиян, *Неро* — черный. *Бэтто*, имя глав-

ного действующего лица, уменьшительное от «Джузеппе». Можно также предположить, что оно заимствовано из поэмы Байрона «Бэппо», герой которой — купец Бэппо, попал в плен к пиратам, но благодаря ловкости и хитрости сумел бежать на волю. *Кампанья* — равнина, прилегающая к Риму, — достопримечательность, отличающая «Вечный город» от прочих европейских столиц. Знаток искусства и истории Италии П. П. Муратов посвятил римской Кампанье отдельную главу, исполненную восторга и поэзии: «Вечность Рима не вымысел, — его окружает страна, над которой время остановило свой полет и сложило крылья. Исторический день здесь никогда не наступал, здесь всегда брезжит рассвет нашего бытия. Кампанья не поддается изменениям, не подчиняется завоеваниям цивилизации. От самых ворот города начинается иногда необработанное, незаселенное дикое поле» (Муратов П. П. *Образы Италии*. М., 1994. С. 277). ...*До площади Венеции, где большой памятник с золотым конем, два шага — тут сейчас за углом направо.* — Форум Траяна находится неподалеку от площади Венеции. Речь идет о памятнике первому королю объединенной Италии Виктору Эммануилу II (1820—1861). Этот колоссальный монумент работы скульптора Саккони, воздвигнутый в честь независимости Италии, современники называли «каменным чудищем» (см.: Осоргин М. А. *Очерки современной Италии*. М., 1913. С. 246—248). ...*трамвай бежит до городских ворот. Porta Pia — называется. А дальше все прямо и прямо до последней остановки.* — Саша Черный неслучайно наметил такой маршрут, ибо он был ему хорошо знаком. В 1923—1924 годах, когда он работал над «Кошачьей санаторией», поэт жил неподалеку от этой самой «последней остановки» на улице Номентана, которая упиралась в Кампанью. *Рядина* — грубый деревенский холст по редкой основе; идет обычно на мешки и подстилку. *Avanti!* — Вперед! (*ит.*) — команда-клич римских кондукторов.

СЕРЕБРЯНАЯ ЕЛКА

Эта книга с подзаголовком «Сказки для детей» выпущена в Белграде «Издательской комиссией» (Палаты Академии наук) в 1929 году. Иллюстрирована художником Г. И. Самойловым. В состав ее включены как давние сказки, написанные и опубликованные еще в России, так и те, что возникли уже в годы эмиграции. Зафиксирован единственный отклик на книгу: О. // *Руль*. Берлин, 1929, 12 июня.

СЕРЕБРЯНАЯ ЕЛКА — ИР. 1924. № 9. С. 12—13.

КРАСНЫЙ КАМЕШЕК — Голубая книжка. Спб., [1913]. С. 15—44. С илл. В. Фалилеева. Перепечатано в ИР. 1926. № 27(60). С. 14—15 и № 28(61). С. 19. ...*Жили-были две мышки, серые пальтишки. <...> Вытащил за лапку, сгрел в охапку и гам!* — Этот фрагмент, написанный в форме рашника, Саша Черный выделил в самостоятельное стихотворение «Как кот сметаны поел» и с небольшими изменениями включил в сборник «Тук-тук!».

НОЛЛИ И ПШИК — Жар-Птица. С. 26—35. С илл. М. Добужинского. Перепечатано в ИР. 1925. № 32. С. 16 и № 33. С. 16. С подзаголовком: Рассказ для

маленьких. Много лет спустя, готовя книжку «Серебряная елка», автор внес изменения в текст, исключив целый ряд строк и фрагментов. Печатается по последней авторской публикации. После строки: «*Стой тут, и если кто-нибудь войдет, скажи — «ма-ма»* было изъято:

— Я не могу, у меня испортилась пружинка.

— Ах, да, извините! Ну тогда запищи, я услышу и спрячусь куда-нибудь.

Хорошо?

После строки: «*Я не знаю дороги...*» изъят следующий фрагмент:

— Возьмем извозчика, он знает...

— А деньги у тебя есть? — спросила Нолли.

— Ах, — вздохнул Пшик, — у Катиного папы в кармане были, да я не догадался взять...

— Красть стыдно! — строго сказала Нолли.

— А сидеть за кадочкой под дождем не стыдно? — ответил Пшик.

Помолчали.

— Ноги гуляют! — сказала вдруг Нолли.

— Где?

— Вот здесь. Посмотри в щелочку.

— Это люди. Там сверху и руки, и плечики. Только их не видно.

— Ой, смотри: маленькие ножки! Желтые калошки, Катины калошки! — закричала Нолли. — Пшик, Пшик, скорее, дерни ее за штанишки!

Пшик взглянул и вздохнул:

— Не Катя. Чужая девочка. Рыжая.

— Рыжая? Ах, Боже мой... Пшик, слушай, что это? Корова мычит. Разве им можно гулять по улицам?

— Это не корова. Авто-мо-биль! Автомобиль! Ба-бав-бав!

— Отчего он так скверно пахнет? — спросила Нолли.

— Он пьет бензиновую воду. Напьется и пахнет...

— Это как рыбий жир?

— Гораздо хуже, — с важностью ответил Пшик.

После строки: «— *Вот так выудил, — сказал трубочист*» было изъято: «Знатный будет Ваньке гостинчик!..» После строки: «— *А я? А я?* — закричала испуганно Нолли и выскочила вслед за Пшиком» исключен следующий фрагмент:

«Трубочист не заметил: он смотрел в трубу, а когда трубочист смотрит в трубу, он в это время ничего вокруг себя не видит. Нолли и Пшик осторожно поползли до чердачного окна и сели на раму.

— Солнышко заходит! — печально сказала Нолли.

— Птички домой летят! — показал рукой Пшик. — А мы на крыше...

— Пшик, смотри, какие больши-и-е пушки!

— Это не пушки — это трубы. Дым пускают.

— Зачем пускают?

— Автомобили делают, трамваи делают, куклы делают. Фабрики называются».

ДОМИК В САДУ — Елка. Альманах для детей. 1918. С. 42—43. В эмиграции автор перепечатал сказку: ИР. 1926. № 20(53). С. 18—19. По поводу этой сказки, предназначенной для альманаха «Радуга» (впоследствии — «Елка»), Саша Черный писал К. И. Чуковскому (9 февраля 1917): «Очень рад, что «Домик

в саду» Вам понравился. Я писал его усталый, как кошка после родов, ночью, в один присест—и, когда кончил, сам не знал, бросить ли что написалось в корзинку или послать в «Радугу» (Архив Чуковского. Л. 6). Сохранился также листок с указаниями автора относительно иллюстраций, необходимых, по его мнению, к сказке: «1) Плотник Данила среди полянки обтесывает у елки бревно. Перед ним сидит кошка и внимательно смотрит. С березы с любопытством смотрит, наклонив голову, скворец. 2) Впереди Василий Иванович, за ним Тася, Лиля и прочие длинной вереницей идут в сад с вещами к домику (см. текст); вдаль—домик. 3) Детвора внутри домика: ест свою стряпню. Собака, кошка и пр. Показать подробно внутренность домика. 4) Кошка повисла на окне снаружи домика, а мышь за стеклом с кусочком котлеты дразнит ее. Луна и прочее такое» (Архив Чуковского. Л. 11). *Приготовишка*— см. с. 554.

СТРАННАЯ ХОЗЯЙКА—ИР. 1926. № 13(46). С. 17. *Грымза*—имя для кота выбрано со значением. В словаре В. И. Даля даны такие его толкования: старый хрыч, брюзгач, ворчун.

ДЕВОЧКА И ПОПУГАЙ—ИР. 1927, № 3(88). С. 20—21. *Зум*—по-видимому, имя попугаю автор дал, исходя из «телефонной» формы рассказа. *Зуммер* (нем. *summer*—жужжать)—электромагнитный прерыватель тока, применяемый в радиотехнике и проволочной телефонии. Будучи включен в цепь постоянного тока, издает при работе своеобразное жужжание. «*Мальбрук в поход собрался*»—старинная французская песня, повествующая о ратных подвигах и гибели английского герцога Мальборо (или Мальбрука) (1650—1722). Переведенная в 1812 году на русский язык, вошла в военный песенный обиход, бытовала в репертуаре шарманщиков. Неудивительно, что попугай, которому 98 лет, поет ее—это песнь его молодости. ...*Сзади винтик, по бокам планочки. <...> Пробочник?*—По сути диалог представляет собой загадку с подвохом. Пробочник—устаревшее название штопора. Здесь речь идет о аэроплане. Саша Черный был мастер придумывать загадки. Есть все основания усматривать его авторство в загадках, задачах и головоломках, которые появлялись из номера в номер в журнале «Иллюстрированная Россия» на «Страничке для детей» (большинство из них не подписано, под некоторыми стоят литеры—А. Г.). Впрочем, и раньше, еще в 1917 году, он охотно предавался этому занятию. Вот что писал он К. И. Чуковскому: «Загадки, если пригодятся, хорошо, нет—бросьте под стол. Я еще пришлю...» (Архив Чуковского. Л. 4—5). *Мериша*.—Так в первом издании. Авторских исправлений и пояснений не обнаружено.

ХМЕЛЬ—ИР. 1926. № 13(46). С. 16—17. В изгнании Саша Черный проявил себя незаурядным ценителем и знатоком русских сказок. Дон-Аминадо в прощальном слове вспоминал, что поэт никогда не расставался с томом сказок Афанасьева в холщовом переплете. О другом, трехтомном издании русских народных сказок Саша Черный писал: «Выпущенные в Белграде «Издательской комиссией» сборники (из собрания народных русских сказок П. Полевого, изданных в 1874 году), являются несомненно ценным вкладом в небогатую нашу зарубежную литературу для детей. Многие сказки в этих сборниках будут для детей новы, так как в томе Афанасьева их нет; остальные сказки даны в иных, превосходно изложенных вариантах» (ПН. 1929, 18 августа).

Трущоба—зд.: густой, непроходимый лес, заваленный трухлявыми колодами и хворостом, бурелом.

ЧУДЕСНЫЙ АЛМАЗ—ИР. 1926. № 16(49). С. 16—17.

ЧУДЕСНОЕ ЛЕТО

Отдельным изданием книга вышла в конце 1929 года в книгоиздательстве «Москва» (Берлин—Париж) в серии «Золотая библиотека». На титульном листе имеется подзаголовок: рассказ для детей. Однако в дарственных экземплярах автор вносил своей рукой исправление— вместо зачеркнутого «рассказ» вписывал «повесть». Известно два таких экземпляра. На одном дарственная надпись: «Милой Ноне на добрую память. А. Черный. I/III—1930» (хранится в собрании составителя). На другом инскрипт такого содержания: «Летнему соседу, милому Славику. А. Черный. Янв. 1930» (хранится в собрании М. С. Лесмана). Славик— М. Н. Потоцкий, сын А. В. Щекотихиной-Потоцкой, пасынок И. Я. Билибина. По всей вероятности, он мог послужить одним из прототипов главного героя повести.

Отвечая на анкету Андрея Седых в рубрике «Писатели о своих книгах», Саша Черный дал следующую автохарактеристику своему произведению: «В повести «Чудесное лето» помимо внешних событий и приключений меня занимала внутренняя, как бы подводная ее тема: захотелось вырвать эмигрантского мальчика, совсем еще детеныша, из городской квартирной клетки, освободить его от эмигрантских будней, среди которых всякое детство гаснет. В редких случаях (к счастью, не выдуманных) на долю наших детей выпадают такие праздники. Лето в усадьбе под Парижем и месяц у моря в Провансе окружают маленькое, уже рассуждающее создание хороводом ясных, насыщенных радостью, дней. Каждая собака, мул, котенок, становятся другом. Море, облака, холмы—не французские, не чужие, и не приходится смотреть на них со стороны глазами эмигранта-пасынка. Полнота такого маленького детского счастья, дошкольного, догородского, беспечного цветения и является основной темой повести. Книга эта была для меня подлинным отдыхом. Буду сердечно рад, если маленькие читатели переживут, хотя бы мысленно, вместе со мною зеленые дни «Чудесного лета» (ПН. 1930, 1 января).

Книга была положительно встречена эмигрантской критикой. Примечательно, что рецензенты уделяли место не только содержанию и художественному анализу самой книги, но и попытались дать оценку и самобытности дарования Саша Черного как детского писателя. Об этом писали: Цетлин М. // ПН. 1930, 13 февраля; Покровский Н. // Заря. Харбин, 1930, 27 апреля; И. Л. <Иван Лукаш?> // Возрождение. Париж, 1930, 1 мая.

Как единое целое повесть сложилась не сразу. Поначалу в печати появлялись отдельные самостоятельные рассказы. Только через пару лет обозначился замысел книги. В подзаголовке к публикации рассказа «Прощание» сообщалось: «Из повести «В усадьбе под Парижем». Позднее его сменил другой подзаголовок: «Из повести «Чудесное лето». Всего удалось обнаружить 19 публикаций, которые в виде глав вошли в состав книги «Чудесное лето». Две главы впервые были

напечатаны в книге, и, видимо, написаны были на заключительном этапе, когда материал подвергался переработке и выстраиванию в композиционное целое.

В комментарии отражена авторская работа над текстом: зафиксированы наиболее существенные разночтения по сравнению с первой публикацией, приведены изъятые автором фрагменты. Отмечены также датировка и пометы, сделанные автором к некоторым публикациям.

ТРОТУАРНЫЙ КЛУБ—ИР. 1927. № 21(106). С. 22—23. В журнальной публикации рассказ был подразделен на несколько сценок, каждая из которых имела заглавие. В этом номере журнала было три таких части: «За парадной дверью», «На скамье», «Картинная галерея». Их текст послужил основой для начальной главы повести. В следующем номере журнала было напечатано продолжение рассказа, однако при подготовке книги эта половина не была использована. Поскольку она состоит из отдельных самостоятельных сцен, то эта часть поддается выделению в автономное произведение, которое и включено нами в раздел «Рассказы, сказки, сценки, не собранные в книги». ...*Все это дурацкая вавилонская башня наделала.*— Имеется в виду библейский миф о попытке построить в Вавилоне башню до неба. Господь, разгневанный этим намерением людей, «смешал языки их», и строители перестали понимать друг друга (Быт., II, 1—9). ...*про английского чудака, который на пари восемнадцать сигар, не вставая с места, выкурил.*— Мотив этого необычного соревнования нашел отражение в пародийной «бумеранговой» рубрике «Наши телеграммы» — корреспонденция из Ливерпуля (см. т. III).

НЕЖДАННО-НЕГАДАННО—ПН. 1929, 30 июня. С подзаголовком: «Глава из проведи «Чудесное лето». Под текстом публикации сноска-примечание: «Готовится к печати в издательстве «Москва» в Берлине». ...*Альфонс Павлович Жиро...*— Есть основания полагать, что фамилия эта знакома была Саше Черному еще с тех пор, когда он служил в санитарном отделе штаба V армии в годы первой мировой войны. В одном из приказов по данному подразделению от 28 апреля 1916 г. фигурирует Уполномоченный 1-го Русского автомобильного клуба в Москве французский гражданин Андрей Жиро (РГВИА. Ф. 2121, оп. 4, д. 2, л. 123). ...*с шустовским нектаром.*— Подразумевается коньяк И. В. Шустова (см. т. III). «*Судьба играет человеком*» — крылатая фраза, цитата из песни «Шумел, горел пожар московский». Наиболее популярной она стала в 1912 году — в столетний юбилей Отечественной войны 1812 года. ...*В часе езды на север от Парижа у меня именище. Усадьба.*— См. с. 568. ...*гарднеровское блюдечко без чашки, веселого мастерового-гармониста.*— Завод по производству фарфора Ф. Я. Гарднера, основанный в 1766 году в Вербилках Московской губернии. Выпускал массовую и дорогую высокохудожественную продукцию, так называемый гарднеровский фарфор. Таким образом в русский обиход вошли тонко вылепленные и окрашенные фарфоровые фигурки. *Дагомея* — до 1975 г. государство Бенин в Центральной Африке. *Бонбоньерка* — конфетная коробка.

ИГОРЬ-РОБИНЗОН—ИР. 1926. № 10(43). С. 14—15. «*И не надо!*» — В первом абзаце, после этих слов был другой текст: «Откуда они знают? Сначала ведь надо попробовать, а потом оставлять дома. И слово какое глупое! Конечно, если у маленького мальчика заболят ноги, он может отстать и даже поплакать немножко, они бы и не заметили. Зачем же непременно «хныкать»?»

«Подписи нет. Какой остров? Кого спасти?.. Пожал плечами и бросил записку в смородину».—Вместо фразы было: «Пошел к Насте, а та хоть и большая—головой до кухонной полки достает,—да неграмотная». *Пробочник*—см. штопор. С. 579.

ВЕСЕЛАЯ ЛОТЕРЕЯ—ИР. 1926. № 11(44). С. 14—15.

РАЗГОВОР С МАТРОСОМ—ПН. 1929, 5 мая. Под текстом авторская помета: Париж. 1929. *Клипер*—см. с. 569. *Серафим Саровский* (1759—1833)—иеромонах Саровского монастыря. В 1903 году причислен к лику Святых. *Фуар* (фр. foire)—ярмарка. *Консоме руж*,—*рюсс! Компрене?*—На ломаном французском языке означает: бульон красный,—русский! Понимаете? *Шпанская муха*—небольшой жучок металлически-зеленого цвета. В Испании и Германии из него приготавливали пластырь от нарывов, продававшийся в аптеках. ...*станиславская, анненская, две георгиевских*.—Перечислены воинские награды—кресты орденов Станислава, Анны и св. Георгия, которыми в царской армии награждались за боевые заслуги и «за службу». *Либава*—порт на Балтийском море в Латвии. Ныне г. Лиепая. *Бумазейный*—из теплой хлопчатобумажной ткани, одна сторона которой ворсистая, как у байки. «*Немо*»—см. с. 571.

РАЗБОЙНИК—ИР. 1926. № 41 (74). С. 20—21. С пометой: La Favière.

«КОГДА Я БУДУ БОЛЬШОЙ»—ИР. 1926. № 37 (70). С. 20—21. Под заглавием: «Сочинение». ...*За окном мохнатое клеверное поле. <...> вези за собой хоть целое семейство*.—Вместо этого фрагмента было: «За окном голое поле, огромные шатры необмолоченного хлеба, плотный вал сложенного к осенней отправке лука и далекое шоссе с лохматыми тополями...» *Как написать?* <...> *Пиши после этого, пожалуйста!*—Вместо этого фрагмента было: «Сочинение было готово, и так как оно было написано карандашом, то в нем не было ни одной кляксы. Вот оно, слово в слово, буква в букву. Только знаки препинания,—Игорь называет их «знаки спотыкания»,—кое-где приведены в порядок: нельзя же вместо знака вопросительного ставить пороссячий хвостик, а вместо запятой вообще ничего не ставить... Об орфографии уж лучше помолчим. Есть, например, мальчики, которые по рассеянности пишут «пунимаю» вместо «понимаю» и «удобряю» вместо «одобряю». Мы им подражать не будем». ...*А если кто наступил тебе на мозоль и не извинился, граммофончик шипит: «Вы невежа!»*—Вместо этой фразы было: «У меня здесь миллион знакомых,—все окрестные жители. Мы сэкономим тогда много времени и останемся вежливыми». ...*Потом — антизубрильный пульверизатор. <...> Придумашь лет через восемь, да будет поздно...*—Вместо этого фрагмента было: «Насчет школы и уроков еще не знаю, но что-нибудь изобрести надо. Например, такой пульверизатор. Если урок скучный, а учитель сердитый, побрызгаешь немножко под скамейкой и учитель заснет до конца урока. А ученики сидят тихо и марки друг у друга обменивают. Или, например, антизубрильные лепешки. Чтобы названий рек, городов и хронологии зубрить не надо было. Проглотил лепешку, раз прочитал и до следующего года все помнишь. Ах, хорошо! ... Еще что? Что еще? Ночью, когда не сплю, сто сорок три изобретения в минуту сквозь голову пробегают. И все самые-самые важные. А днем только чуточку помню. Особенно сейчас. Горлянка стонет, оса над носом вьется и, самое главное,—страшно дыни хочется. Поэтому точка».

НАХЛЕБНИКИ — ИР. 1926. № 35 (68). С. 20—21. Под заглавием «Зверье». Первопечатный текст включал в себя три новеллы: «Бродячий пес», «Маленький крокодил», «Кот на велосипеде». Две первые легли в основу данной главы повести; третья вошла в состав книги «Белка-мореплательница». ...*Стекла разве в окошке помыть?* — После этой фразы имелся текст: «Однако... завелся у меня житель, с которым не каждый из вас согласился бы под одной кровлей ночевать. Впрочем, он жил в сторожке до меня и, должно быть, думал, что не он у меня, а я у него завелся». ...— *Спасибо.* — Вслед за этим словом была фраза: «Он немного хитрил со мной, но что ж — не скитришь, не поужинаешь... такая уж судьба всех бродяг». *Корнет-биф* — соленая говядина, солонина.

ЦИКАДЫ — ИР. 1926. № 36 (69). С. 20—21. С пометой: La Favière. Подзаголовок: Из летней тетради. ...*И вот русский мальчик ее наконец увидел.* — Вслед за этой фразой имелся текст: «Лежачего не бьют», вы сами знаете, но я ведь не смеюсь и не издеваюсь над бедным насекомым, я вам только правдиво и просто рассказываю все, что было». ...*Вторые крылышки были поменьше.* — Вслед за этой фразой имелся абзац: «Как может она такими нежными опалами, — ни у одной феи таких нет, — производить такой жесткий треск, словно ежа сквозь терку протирают?» ...*Мистраль* — ветер с гор в Провансе, приносящий холодную погоду.

ЧЕРНЫЙ КОТЕНОК — ИР. 1926. № 38 (71). С. 20—21.

ВОЙНА С МУРАВЬЯМИ — ИР. 1926. № 39 (72). С. 20—21. ...— *Под подушку?* — *мрачно посоветовал дядя Вася.* <...> *Завтра и следа их не увидишь.* — Вместо этого фрагмента имелся следующий текст: «Мальчики притащили две больших охапки: на целый миллион хватит. Обложили хвоей все выходы, разворотили палками дыры, смели муравьев к середине, чтоб ни один не уполз — и запалили хвоей со всех концов. Ах, как затрещал, запрыгал огонь! Дым закрубился серо-голубыми змеями, а мы, три глупых истребителя, палками подбрасывали загоревшуюся хвою в места, куда скопился испуганный враг.

Испуг муравьев, впрочем, был недолог. Они ловко бросались прочь от огня, исчезали в дыму у нас под ногами, отступали в полном порядке. Когда хвоя сгорела и золотистые искры стали перебегать по темному пеплу, мы обильно полили пожарище водой, пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись. Уж теперь и следа муравьиного здесь не останется!» В журнальном тексте рассказа имелась концовка: «Что же у вас вышло? — спросите вы. Да ничего хорошего. Меду я в городке не нашел, а пива захватил было бутылку, но на пороге (очень уж жарко было!) я его... сам и выпил. Уж в следующий раз, когда будет не так жарко, обязательно изведу всех муравьев по рецепту садовника». ...*Колумб был умен.* — Здесь можно усмотреть намек на эпизод в жизни Колумба, когда, согласно историческому апокрифу, перед ним возникла невыполнимая задача: поставить яйцо вертикально. Разрешил ее Колумб неожиданно простым способом, — расплющив один конец яйца. Выражение «Колумбово яйцо» используется как пример решения сложной проблемы, требующей оригинального, нестандартного подхода. *Епископ Гаттон* — герой баллады В. А. Жуковского «Суд Божий над

епископом» (из Саути). Согласно средневековой легенде, скупой и жестокий архиепископ Гаттон из города Метца (X в.) был съеден мышами в замке, расположенном на острове посреди Рейна.

МИГРОШКА — ИР. 1926. № 40 (73). С. 20—21. ...*Мигрошка натягивал цепь и все чаще постукивал о пол.*— Перед этой фразой имелся следующий текст: «С прошлого года помнит он крепкий запах давленного винограда, ласковое покрывание хозяина, перестукивание деревянных бочек на развернутой во всю длину двуколке и приятные встречи у деревенского кооператива со всеми окрестными мулами и конями». *Борм* — старинный городок в Провансе, административный центр департамента Вар.

КУРОРТНЫЙ ГОСТЬ — ПН. 1929, 2 июня. С эпиграфом:

«Нельзя же господину без штанов:

Хоть худенький, да с пуговкой».

(*Поговорка*)

...*Птит мадемузель? ...Пикола рагаца? ...Эйн клайнес медхен?*— На трех языках — французском, итальянском, немецком — задан один вопрос: юная особа, девочка? *Сабо* — см. с. 574. ...— *Там ваш отель, «Континенталь». Здесь — мы.*— Речь идет о французском поселке Ла Фавьер, где обосновалась русская колония. На противоположном берегу средиземноморского залива находилась железнодорожная станция Лаванду с отелем «*Méditerranée*». *Стило* — см. с. 573. *Грымза* — см. с. 579.

КАМЫШОВОЕ ГОСУДАРСТВО — ПН. 1928, 21 октября. ...*У маленького Боба никакого характера еще не было.*— Перед этой фразой был такой текст: «Теперь о мальчиках. Старший, десятилетний мечтатель и фантазер, несмотря на жару не загорал и был бледен, как восковая свечечка». ...*Но к детям он тянулся, как иглолка к магниту.*— Сквозь образ русского химика, проводящего отпуск на морском побережье, проглядывает Саша Черный — каким он предстает в мемуарах современников. Ср., например: «Саша Черный, известный поэт и беллетрист, был душой нашего общества, особенно наших детей, которые любили его и которых любил и он и им отдавал свои лучшие досуги. По вечерам, особенно когда море поблескивало отблесками луны, на затихшем пляже собирались все дети около Саши Черного, жгли костры, жарили шашлыки, приправленные неиссякаемыми остроумными и художественными песенками и рассказами Саши Черного; дети вторили ему и пели смешные, веселые его песенки» (Врангель Л. С. Ла Фавьер // Возрождение. Париж, 1954. № 34. С. 151). *Мистраль* — см. с. 583. *Фуляр* — шелковый шейный платок.

ПОД ДАМСКИМ КРЫЛОМ — ПН. 1929, 4 августа. С подзаголовком: Из повести «Чудесное лето». В конце авторская датировка: 1929. ...*Останавливались на каждой маленькой станции. <...> Кондуктор смеялся, махал знакомым ручкой, лениво свистел, паровозик лениво трогался с места.*— Об этой железнодорожной ветке, конечным пунктом которой был Тулон, где пассажиры пересаживались на другую линию, ведущую в Париж, рассказано в мемуарах К. А. Куприной: «От Тулона по берегу шла маленькая железная дорога — какая-то семейная, домашняя. Часто машинисты останавливались на каком-нибудь полустанке, шли выпить

с друзьями стаканчик знаменитого «пастиса» или поиграть в «петанк». <...> А если какой-нибудь пассажир торопился, то ему машинист отвечает с белозубой улыбкой: «Э-э...» (Куприна К. А. Куприн — мой отец. М., 1979. С. 225). *Серафима* (евр. — горящая, пламенеющая) — имя, данное в честь одного из ангелов, посредников между богом и людьми. Серафим изображался обычно шестикрылым. ...выбрал самый симпатичный вагон третьего класса. — По этому маршруту: Тулон — Париж и обратно Саше Черному довелось путешествовать не раз. Причем «вагон третьего класса» далеко не всегда был «симпатичным». Одну из дорожных сцен сохранил нам мемуарный очерк современника поэта: «Жена выходит в коридор, чтобы еще раз насладиться то появляющимся, то исчезающим морским простором.

— Ты знаешь, — говорит она, вернувшись в радостном волнении, — в матросском купе, в уголке, сидит, совсем задавленный, Саша Черный. Зови его сюда, на свободное место.

Знакомы мы не были, только раз в давке у буфета, на каком-то литературном вечере, нам его указали, но жена не сомневалась нисколько.

У матросов дым стоял коромыслом, накурено до синевы, бутылки то и дело закидывались над развеселыми головами, а воспоминания о покинутых «дамах» и предвкушение атаки парижанок могли бы заполнить не одну главу специальных «романов»...

Единственный, несколько ошеломленный, свидетель этого коллективного творчества, в молодых и необыкновенно живых глазах которого светилась и подавляемая досада, и явная насмешка над своим незавидным положением, а на губах играла улыбка — «попался, брат! и так до самого Парижа!!!» — был, ну конечно же, — Саша Черный. Какие могли быть сомнения? — такие лица бывают только у русских интеллигентов и, в особенности, у наших питерских. <...>

— Вы — Саша Черный?

— Да.

— Пойдемте, у нас есть место.

Со вздохом облегчения, но без всякого удивления, Саша Черный, захватив свой небольшой, поношенный, но добротный чемоданчик русской работы, последовал за мною» (Станюкович Н. В. Саша Черный // Возрождение. Париж, № 169. С. 123). *Крестословица* — русифицированное наименование слова «кроссворд», принятое в эмиграции. Автором его считается В. Набоков.

ВОЗДУШНАЯ СПАЛЬНЯ — Чудесное лето. С. 203—213. *Иммортели* — см. с. 558. ...широценная французская кровать. Слонам на ней валяться. — Обращает внимание, что в этом высказывании и нижеследующих описаниях присутствует некая отчужденность, с налетом иронии и даже легкого раздражения. Подобный взгляд — взгляд стороннего наблюдателя, гостя в иноземном жилище — был для Саши Черного, видимо, неслучаен. К примеру, аналогичный перечислительно экскурсионный подход в его стихотворении из цикла «Французский дом»:

Спальня

Саркофагом пышная кровать, —
Поперек три пары лягут смело.
Над комодом — мальчик Донателло
И облезлой шпаги рукоять.

Стул молитвенный с гранатовой подушкой
Пред Мадонною в простенке кротко встал.
Моль кружит над грудой одеял,
Возле ложа столбик — круглой пушкой,
Безделушки чинные кругом
На своих местах стоят, сучая:
Пять слонов, собачка из Китая,
Башня Эйфеля и Жанна д'Арк верхом.
Под распятым — бронзовый овал —
Фотография слинявших новобрачных.
Что же, брак, должно быть, из удачных:
Он — пигмей, невеста — Ганнибал.

(ПН. 1930, 10 мая.)

В ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ — ИР. 1926. № 14 (47). С. 14—15. С пометой: 1926. Париж. Вместо начального абзаца был следующий текст:

«По стеклам хлюпал дождь. За окном на клумбе кланялись мокрые розы. Горлянка в липовой аллее умолкла, — не очень-то в такую погоду поворкуешь...

Дети сидели в столовой на диване — вся четверка: Игорь и три двоюродных сестры, прикативших из Парижа погостить».

ГЕНИАЛЬНЫЙ ОСЕЛ — Рубеж. Харбин, 1928. № 48. С подзаголовком: Рассказ для детей и взрослых. Под публикацией помета: 1928, ноябрь. Париж. В № 47 журнала «Рубеж» помещен анонс: «Известный русский писатель Саша Черный, живущий сейчас в Париже, по приглашению редакции нашего журнала согласился вступить в состав его сотрудников. В следующем номере «Рубежа» будет помещен его рассказ «Гениальный осел», специально написанный для нашего журнала» (сообщено Е. П. Таскиной). Сведений о дальнейшем сотрудничестве Саши Черного с харбинским журналом «Рубеж» нет. Текстология первой публикации рассказа «Гениальный осел» остается неизвестной, так как этот номер журнала не удалось просмотреть *de visu*. *Прованское масло* — масло, получаемое из мякоти плодов оливкового дерева.

ВЕЩИ, КОТОРЫЕ САМИ ХОДИЛИ — ИР. 1927. № 2 (87). С. 22—23.

ПРОЩАНИЕ — ПН. 1928, 18 марта. С подзаголовком: Из повести «В усадьбе под Парижем». Рассказ, ставший заключительной главой книги, написан задолго до того, как определился состав повести и ее название. *Сабо* — см. с. 574. *Аррондисман* — см. с. 576. *Фуар* — см. с. 582. *Омела* — вечнозеленый полупаразитный кустарник с белыми ягодами, растущий на деревьях.

РУМЯНАЯ КНИЖКА

Выпущена в Белграде «Издательской комиссией» (Палаты Академии наук) в 1930 году, в серии «Детская библиотека» с иллюстрациями Г. И. Самойлова. Откликов в печати на это издание обнаружить не удалось.

В данном томе «Румяная книжка» печатается за вычетом рассказа «Самое страшное», который входил также в состав книги Саши Черного «Несерьезные рассказы» и включен в IV том настоящего собрания сочинений.

«КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК»— ПН. 1929, 1 апреля. *Крестовский остров*— самый крупный из трех островов в восточной части дельты Невы. Означенный автором локус (северная часть острова, омываемая речкой Крестовкой; пристань) совпадает с последним петербургским местожительством Саши Черного. В 1911 году на этой окраине он снимал квартиру (Крестовский остров, Надеждинская улица, дом 5, дача Ломова). Неподалеку располагался английский гребной клуб «Стрела», упоминаемый в рассказе (на этом месте ныне находится гребной клуб «Буревестник»). *Пичка*— узкая быстроходная гребная шлюпка с низкими бортами. *Стрелка*— западная оконечность Крестовского острова. *Терракотовая окраска*— красно-коричневого цвета. *Галерная гавань*—прямоугольный бассейн в западной части Васильевского острова, где в 18—19 вв. находилась база военных гребных судов (галер).

НЕВЕРОЯТНАЯ ИСТОРИЯ— ИР. 1925. № 17. С. 14—15. *Приготовишка*— см. с. 554.

ЯБЛОКИ— ПН. 1929, 2 марта. ...*сам персидский шах придет.*— Выражение, идущее от названия популярной юмористической сценки «Приезд шаха персидского» из репертуара писателя-сатирика и актера И. Ф. Горбунова. ...*Няня сказку рассказывала. Про ведьму и солнцеву сестру.*— По-видимому, речь идет о сказке «Ведьма и солнцева сестра» (Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. Т. 1. М., 1936. С. 151—153). Цитата о молодильных яблочках, которая приведена в данном рассказе, взята дословно из этого собрания сказок.

ЛЕШИЙ НА ЕЛКЕ— ИР. 1926. № 52 (85). С. 12—13. Рассказ этот, приуроченный к рождественским праздникам (25 декабря), относится к жанру так называемых «святочных рассказов». Традиция эта сложилась в России к середине 19-го в. и была продолжена в 20-м. Почти все газеты и журналы стремились припасти к этому дню «страшные» или сентиментальные истории, связанные с новогодними праздниками и елкой. *Леший*— распространенный персонаж славянской мифологии, злой дух, хозяин леса и зверей. Его представляют в лохматой шкуре, с рогами и копытами. При желании он может менять свой рост, становясь то ниже травы, то выше деревьев. Воспользовавшись традиционным образом, Саша Черный наделил его человеческими чертами, вызывающими симпатию и добрую усмешку. ...*Коляда! Коляда!*— В славянской мифологии «Коляда»— уменьшительное от «коло», означающее солнце-младенца. Это божество, возникшее из праздника зимнего солнцестояния, то есть из поэтического представления о рождении солнца Нового года. Позднее, с принятием христианства на Руси это поверье и празднование было перенесено на Рождество и Новый год. Колядки— обрядовые песни, исполнявшиеся колядовавшими, чаще всего детьми. Они ходили по домам со звездой, с поздравлениями и песнями для сбора денег и подарков. ...*он сам в России живет, в самом сердце ее*— в Орловской губернии, в Болховском уезде.— В этой фразе содержится хронотоп произведения— то есть время и место,

описываемого действия. Начало января 1913 года Саша Черный провел в деревне Кривцово Болховского уезда. Вероятно, Рождество он праздновал в местной школе, что и легло в основу данной сказки.

НЯНЯ ПУШКИНА—Молодая Россия. Сб. для детей под редакцией А. М. Черного. Париж, 1927. С. 14. С илл. В. Ш. В эпитафии строки из стихотворения А. С. Пушкина «Няне».

ЛОМОНОСОВ-ОТРОК—Русская земля. Альманах для юношества (Ко дню русской культуры). Париж, 1928. С. 53—60. С илл. А. Гефтера. *Горний*—высший, возвышенный, небесный, относящийся к миру духовному. *Вертоград*—сад. ...*И Сухарева башня с петровской школой новой.*—Башня-ворота в Москве на дороге, которая вела в Архангельск. Здесь в 1701 году Петром I была открыта Школа навигацких и математических наук—первое светское учебное заведение в России.

ЛЮСЯ И ДЕДУШКА КРЫЛОВ—ИР. 1926. № 12 (45). С. 16—17 и № 15 (48). С. 14—15. ...*сидит он на своем памятнике: в Летнем саду.*—Памятник И. А. Крылову работы П. К. Клодта установлен в 1855 году в Летнем саду в Петербурге. Площадка перед памятником была излюбленным местом прогулок с детьми. *Тартинка*—ломтик поджаренного хлеба с маслом или сыром. *Павлова А. П.* (1881—1931)—знаменитая русская балерина. После революции жила и выступала за рубежом, утверждая традиции русской танцевальной школы. ...*жил я в Публичной библиотеке вблизи Гостиного двора.*—С 1812 года И. А. Крылов поступил на службу в Публичную библиотеку в Петербурге и жил в квартире при библиотеке. ...*Посмотрю на каланчу, сейчас же по сигнальным шарам соображу, в какой части горит.*—В каждой части города имелась пожарная каланча, на которой находились дозорные. В случае пожара на мачте каланчи вывешивались черные шары, число которых указывало, в какой части пожар (ночью вместо шаров вывешивались фонари). *Брандмайор*—начальник пожарной команды.

ЖЕЛТЫЙ ФУРГОН—ИР. 1926. № 26 (59). С. 18—19. *Аррондисман*—см. с. 576.

СЧАСТЛИВЫЙ КАРП—ИР. 1927. № 16 (101). С. 20—21.

ПАСХАЛЬНЫЙ ВИЗИТ—ИР. 1926. № 17 (50). С. 1—3. С илл. Ф. Рожанковского. *Porta Nomentana*—улица на северо-восточной окраине Рима, переходящая в дорогу, ведущую в селение Номентана (в 15 км от столицы). Вероятно, неслучайно Саша Черный избрал именно эту улицу местом жительства своих героев, ибо сам он жил здесь в 1923—1924 годах. ...*работниц с кустарной фабрики плетеной мебели.*—Фраза эта перекликается с начальными строками стихотворения «Шесть», опубликованного Сашей Черным в рубрике «Из римской тетради»:

Из фабрики корзин и гнутых стульев

Выходят крутобокие Кармен.

Видимо, эта фабрика была расположена неподалеку от дома, где жил поэт. ...*Еще до войны попала с мужем-художником на Капри. С золотой медалью укатил он стипендиатом Петербургской Академии художеств в Италию.*—В этих словах

слышатся отголоски творческой биографии В. Д. Фалилеева (1878—1950). В 1907 году он получил первую премию за свои работы от Академии художеств и на эти деньги совершил заграничное путешествие. В 1910 за серию офортов был отправлен как стипендиат в Италию. В 1912 вновь посетил Италию, где на Капри познакомился и подружился с Сашей Черным. Создал графический цикл «Италия». В 1924 году выехал с выставкой за границу и на родину не вернулся. *Куколь*—сорняк семейства гвоздичных, считавшийся бичом злаковых посевов в старой России. Его зерна темно-бурого цвета, попадая в муку, придают ей горьковатый привкус. Методом борьбы с куколем была очистка сортового материала. Старинное значение слова «полоть»—провевание зерна, очистка его от половы. *Палатинский холм*—один из семи холмов, на которых был воздвигнут античный Рим; до сих пор на нем сохранились фундаменты построек первоначального города, здесь же стоят дворцы Тиберия, Августа, дом Ливия. *Ризотто с пармезаном*—итальянское блюдо из риса с сыром.

БРЕТОНСКИЙ НЕПТУН—ИР. 1926. № 32 (65). С. 18—19. Об океанской тематике в творчестве Саши Черного см. с. 570. *Кратегус*—боярышник.

СКАНДАЛИСТ ФИФА—ИР. 1926. № 30 (65). С. 18—19.

НЕРВНЫЕ СЛОНЫ—ИР. 1927. № 18 (103). С. 20—21. *Аррондисман*—см. с. 575. *Ишь, царь Соломон какой!*—См. с. 593.

БЕЛКА-МОРЕПЛАВАТЕЛЬНИЦА

Книга вышла в издательстве журнала «Иллюстрированная Россия» в августе 1933 года, через год после кончины автора. Видимо, о ней шла речь в некрологической статье, помещенной редакцией ИР: «Сотрудничество А. М. Черного у нас этим не ограничилось. Издательством «Иллюстрированной России» только что приобретена у него книга его детских рассказов, которая будет выпущена в начале будущего года и дана подписчикам в виде приложения» (ИР. 1932. № 33 (379). С. 13). За исключением одного рассказа все остальные произведения сборника ранее публиковались в эмигрантской периодике.

БЕЛКА-МОРЕПЛАВАТЕЛЬНИЦА—ИР. 1926. № 42, 43, 44 (75, 76, 77). С. 20—21. «*Нето*»—см. с. 571. *Лаванду*—рыбачий поселок на Лазурном берегу Франции, неподалеку от Ла Фавьера.—*Потому что она будет называться «Лиза».*—Надо полагать, что это имя неслучайно возникло на страницах рассказа. Он написан осенью 1926 года, когда Саша Черный отдыхал близ Лаванду и его маленькой приятельницей была девочка, которой он подарил книгу с такой надписью: «Милой имениннице Лизе. Саша Черный. 5/IX—1926. La Favière». (Хранится в собрании составителя.)

ХИТРЫЙ СОЛДАТ—ИР. 1926. № 18 (51). С. 18—19.

ГОЛУБИНЫЕ БАШМАКИ—Белка-мореплательница. Париж, <1933>. С. 20—23. ...*Младший брат мой Володя, несмотря на свои шесть с половиной*

лет.—Этот рассказ, имеющий явную автобиографическую основу, содержит много художественных реалий детских лет Саши Черного, связанных с Одессой. Что касается действующих лиц, то здесь, судя по всему, привнесена некоторая намеренная путаница. Повествование ведется от первого лица, от имени старшего брата. Хотя, если обратиться к тем немногим фактам, которые известны о детстве Саши Черного, здесь автор проделал инверсию персонажей и их прототипов. О старшем брате поэта известно лишь, что он бежал из дому (его примеру последовал Саша, когда ему исполнилось 15 лет). Младший брат, Георгий, тоже выступавший на литературном поприще, сообщил однажды некоторые сведения о своем семействе, из которых следует, что в семье было пятеро детей: две девочки и три мальчика (Саша—средний из них). (См. Георгий Гли. Тихие жалобы // Журнал журналов. 1915. № 31. С. 18). Когда это писалось, Георгию шел 22-й год, следовательно, родился он в 1893 году. Когда же ему исполнилось шесть с половиной лет (возраст героя рассказа), Саша Черный был уже молодым человеком, которому шел двадцатый год, да и жил он далеко от отчего дома—в Житомире. Так что, скорее всего, в маленьком изобретателе, герое рассказа «Голубиные башмаки», Саша Черный изобразил себя самого. *Шмаровоз*—жаргонное одесское слово, употребляемое в значении: любовник, ловелас, сутенер. ...*добрался он домой на Греческую улицу.*—В «Одесском альманахе на 1894 год» среди торговых предприятий имеется адрес: Греческая, 31. Железная и скобяная торговля. Я. Гликберг (с. 86). Представляется вероятным, что лавка эта принадлежала деду Саши Черного и именно его подразумевал автор рассказа.

РАЗГОВОР НА ПОЛКЕ В КУКОЛЬНОЙ КЛИНИКЕ—ИР. 1926. № 46 (78). С. 20 и № 49 (82). С. 14—15. В оглавлении книги иное заглавие: «Разговор на кукольной полке». *Люксембургский сад*—одно из красивейших мест в Париже, излюбленное место гуляний с детьми. ...*костюмчик мой весь в сине-голубую зебру превратился. Снял.*—Думается, что это забавное кукольное происшествие рождено не одной лишь писательской фантазией автора. Аналогичный случай приключился однажды с ним самим, о чем поведал в своих воспоминаниях М. Н. Потоцкий (см. о нем с. 580): «Мне вспоминается один эпизод. Как я уже говорил, Людмила Сергеевна Врангель была очень экспансивная дама, которая любила все организовывать, и вот как-то она организовала экскурсию на рыбацкой шхуне на Льежские острова—Пор-Кро и Дю-Леван. Было что-то вроде пикника. <...> Когда мы уже возвращались, лодка никак не могла пристать к молу, все стали перескакивать, а Саша Черный был с рюкзаком и не смог перепрыгнуть—погрузился в воду. Его немедленно вытащили, но костюм его полинял. Все хохотали и говорили: Саша Голубой» (рукопись воспоминаний М. Н. Потоцкого в собрании составителя).

КОТ НА ВЕЛОСИПЕДЕ—ИР. 1926. № 35 (68). С. 20. В цикле из трех рассказов под общим заголовком «Зверье». Два другие рассказа впоследствии были включены в повесть «Чудесное лето» (см. с. 583).

ЧЕРТ НА СВОБОДЕ—ИР. 1927. № 9, 10, 11, 12 (94, 95, 96, 97). С. 20—21 и 22—23. С подзаголовком: Необыкновенное происшествие. *Бретонский курорт*—о локусе описываемых событий см. с. 570. *Монограмма*—сплетение начальных букв имени и фамилии в виде вензеля. *Консоме*—бульон. *Виши*—минеральная вода, получившая наименование по названию французского курортного города.

В ПОЛНОЧЬ—ИР. 1926. № 24 (57). С. 18—19. *Гарусная*—см. с. 568. *Мандолина*—о том, что этот музыкальный инструмент был принадлежностью квартиры Саши Черного в Париже, говорят не только его строки («Свою мандолину снимаю со стенки...»), но и дошедшие до нас изображения поэта с мандолиной (портретный рисунок работы Ф. С. Рожанковского и фотография 1926 года, воспроизведенная в № 16 (49) ИР. за 1926 год). С. В. *Баташев*—здесь, видимо, опечатка или описка в инициалах: всероссийской известностью пользовалась самоварная фабрика В. С. Баташева, основанная в Туле в 1840 году (в конце века она именовалась уже как фабрика наследников В. С. Баташева). Со второй половины прошлого века участникам ярмарок и выставок вручались медали за изделия.

ТИХАЯ ДЕВОЧКА—ПН. 1930, 17 августа. *Стеклярус*—разноцветные короткие трубочки из стекла. Нанизанные на нить, служили украшением.

БИБЛЕЙСКИЕ СКАЗКИ

Книги под таким названием Саша Черный не издал. Однако печатная хроника начала 1920-х годов доносит до нас сведения о намерении автора выпустить «Библейские сказки» отдельным изданием. Первые сказки этой серии были написаны, очевидно, еще в Литве, где состоялось их публичное чтение (Виленский курьер. Вильно, 1920, 19 февраля). В декабре 1921 года, в берлинском журнале «Театр и жизнь» (№ 4) на рекламных страницах в числе прочих анонсируемых изданий было помещено сообщение о том, что в «Библиотеке для детей» издательства «Грани» планируется книжка Саши Черного «Библейские сказки». По неизвестным причинам издание это не состоялось. Возможно, что автор не счел свой замысел осуществленным до конца, ибо в газете «Дни» от 6 мая 1923 года промелькнуло сообщение, что «А. М. Черный работает над «Библейскими сказками» (для детей)».

Печатный архив, сохранивший текст пяти библейских сказок, дает возможность воссоздания гипотетической книги Саши Черного. Разумеется, это лишь попытка, ибо авторские планы по составу и построению книги остались неизвестны.

ОТЧЕГО МОИСЕЙ НЕ УЛЫБАЛСЯ, КОГДА БЫЛ МАЛЕНЬКИЙ—Голос России. Берлин, 1920, 11 апреля. Вторично сказка опубликована в ИР. (1927. № 7 (92) с некоторыми изменениями в тексте. Здесь печатается по последнему авторскому варианту. *Моисей*—(евр.—извлеченный или спасенный из воды) вождь и законодатель Израиля, освободитель еврейского народа. Родился в Египте за 1574 или 1576 лет до н. э., сын Амрама и Иохведы. В ту пору по приказу фараона уничтожались все младенцы мужского пола, принадлежавшие к еврейскому племени. Чтобы спасти сына, мать положила младенца в просмоленную корзину и оставила в тростнике близ берега Нила. Дочь фараона, пришедшая купаться, услышала плач ребенка, сжалась над ним и решила сохранить ему жизнь. (Исх. II, 10 и др.)

СКАЗКА О ЛЫСОМ ПРОРОКЕ ЕЛИСЕЕ, О ЕГО МЕДВЕДИЦЕ И О ДЕТЯХ—Зеленая палочка. Париж. 1920. № 3. С илл. Ре-Ми. *Пророк*.—В библейской

истории пророки — провозвестники воли Божией, лица, предсказывающие будущее и обращающиеся к людям со словами назидания, увещевания и утешения. *Елисей* — известный в Израиле пророк, свершивший немало добрых чудесных дел.

ПЕРВЫЙ ГРЕХ — Цветень. Сб. для детей. Берлин, 1922. С. 46—54. С илл. А. Гринева. С подзаголовком: Библейская сказка. «Цветень» можно считать детищем Саши Черного, хотя он не значится ни его редактором, ни составителем. В письме к А. М. Федорову он сообщает: «В настоящее время я подбираю материал для детского альманаха (младш<ий> возраст). Альманах выйдет в Берлине, в издательстве «Слово». Участие в нем примут И. А. Бунин, А. Н. Толстой, есть сказка в стихах Г. Вяткина, написал Г. Росимов, пишет А-р Дроздов, будут мои вещи и переводы (из Конопницкой, Стивенсона и пр.). Думаю, что и А. И. Куприн, которому я на днях писал, откликнется. Очень прошу Вас прислать что-нибудь для данного издания: сказку, либо рассказ, а если у Вас найдется кроме того и стихотворение, — буду Вам очень признателен. Размер, в общем, до листа (всего в альманахе будет до десяти листов)» (Российский фонд культуры. Архив А. М. Федорова).

Помимо сказки «Первый грех», в сборнике «Цветень» опубликован перевод Саши Черного стихотворения М. Конопницкой «Наша Ганя» и его пересказ украинской сказки «Господин Котофей». *Архангел* — (греч. — ангелоначальник). Архангелы сообщают Божественные озарения от начал к ангелам. Имя архангела Михаила — небесного покровителя «Божьего народа и воинствующей церкви» означает «кто, как Бог». В Библии описывается его битва с драконом. Видимо, поэтому в этой сказке именно к нему обращаются с тем, чтобы он расправился со змеем.

ПРАВЕДНИК ИОНА — Сегодня. Рига, 1922, 24 декабря. Вторично было напечатано в дополненном виде в ИР. 1926. № 31 (64). С. 18—20. С подзаголовком: Библейская легенда. Печатается по последнему авторскому варианту. *Иона* — один из 12 малых пророков, книга которого, состоящая из 4 глав, вошла в Ветхий Завет. В основу данной сказки положена следующая история: Иона получил однажды повеление от Бога идти в Ниневию с проповедью покаяния и предсказанием гибели города за его нечестие. Но пророк, вместо того чтобы повиноваться велению Божию, отправился на корабле, идущем в Фарсис, — город, расположенный в Финикии. Во время пути корабль был застигнут бурей, и мореплаватели бросили жребий, чтобы узнать, за чьи грехи они навлекли на себя гнев Божий. Жребий пал на Иону, сознавшемся в своем грехе. Брошенный в море, он был проглочен морским чудовищем — китом или левиафаном, во чреве которого провел три дня и три ночи. Господь внял его молитвам, и Иона был выброшен на берег. После чудесного избавления он отправился в Ниневию и своей проповедью убедил жителей города раскаяться, и Господь пощадил Ниневию. ...*саранчу на их поля.* — Это прожорливое насекомое, чье нашествие затмевает солнце своей бесчисленностью, считалось в древности бичом Божиим, орудием гнева Господнего.

ДАНИИЛ ВО ЛЬВИНОМ РВУ — ИР. 1925. № 21. С. 14—15. Подзаголовок: Библейская сказка. *Даниил* — четвертый из великих пророков, написавший книгу, входящую в Ветхий Завет. С ранних лет отличался благочестием и муд-

ростью. В молодые годы, будучи советником персидского царя Дария, был брошен в ров со львами за веру в Бога, но чудесным образом был спасен. Этот библейский сюжет использован Сашей Черным в эпиграмме «В львином рву Даниил объяснялся со львами» (см. т. II). ...*Львенок отвернул глаза. <...> И опять не выдержал взгляда человека.*— По-видимому, реминесценция из «Маугли» Р. Киплинга.

РАССКАЗЫ, СКАЗКИ, СЦЕНКИ, НЕ СОБРАННЫЕ В КНИГУ

ФАКИРСКИЙ ПОДАРОК—ИР. 1924. № 4. С. 4. Подпись: Фаддей Симеонович Смяткин. *Фаддей Симеонович Смяткин*—в качестве псевдонима автор взял имя персонажа своего стихотворения «Городская сказка» (1909). Впоследствии Ф. С. Смяткин выступал в роли редактора «Бумеранга»—отдела сатиры и юмора журнала ИР (см. об этом т. III). ...*я учился в Белой Церкви.*—См. комментарий к рассказу «Самое страшное» (т. IV). *Аминь* (евр.—истинно, да будет)—слово, которым заканчиваются молитвы; означает, что молитва произносится с верою и без всякого сомнения.

БЕЛАЯ МЕДВЕДИЦА—ИР. 1925. № 14. С. 14. Подпись: Sandro. *Стеклярус*—см. с. 591.

МАЛЕНЬКИЕ—ИР. 1925. № 24. С. 19. Подпись: S-o. Разговор этот услышан Сашей Черным, вероятно, в период его отдыха летом 1925 года в Бретани, на берегу Атлантического океана (см. с. 570).

РАЗБИТОЕ СТЕКЛО—ИР. 1926. № 8 (41). С. 14.

ССОРА—ИР. 1926. № 9 (42). С. 16—17. ...*как мудрый царь Соломон, рассудила.*—Третий и величайший израильский и иудейский царь Соломон (правил в 965—928 гг.), согласно библейским преданиям, прославился своей мудростью, был миротворцем и искусным политиком. Отсюда выражение «суд Соломона», то есть суд скорый и мудрый.

ТАНИНА ШКОЛА—ИР. 1926. № 21 (54). С. 19. *Корявая*—рябая, изрытая оспой. Здесь характерный случай детской этимологии, то есть сближения созвучных, но семантически разнородных слов («корь» и «корявая»). *Гуммиарабик*—клей, добываемый из стволов аравийских и африканских акаций. *Деагреабль*—имя куклы может быть переведено как «неприятная» или «неряха». Для детей эмигрантов, живших в двуязычном мире (дома звучала русская речь, в школе и на улице—французская), был ощутим комический эффект этого имени. Звучало оно изысканно, по-иностранным, но по смыслу было негативно окрашенным.

МИСТЕР КУККИ И ЕГО ЦИРК—ИР. 1926. № 22 (55) и 23 (56). С. 18—19. С подзаголовком: Пьеса для детей. Написана она к новогодней елке для русских детей в Тургеневской библиотеке. Спектакль состоялся 1 января 1926

года (см.: Возрождение, Париж. 1926, 3 января). *Норд-Кап* — мыс на севере Европы, в Норвегии. ...*говорит по-месопотамски*. — Месопотамского языка, как известно, не существует. Месопотамией в древности называли земли в междуречье Тигра и Евфрата. ...*Ас-бас-трибас, ани-бани-контрабас*. — В этой абракадабре, пародирующей факирские заговоры, воссоздана форма детских «заумных» считалок. Ср.:

Эне-бене-рэц,
Квэнтер-мэнтер-жец,
Эне-бене-раба,
Квэнтер-мэнтер-жаба.
Эни-бени.
Три катени,
Шахер-махер,
Помадени.

(Потешки. Считалки. Небылицы. М., 1989. С. 160.)

Брахмапутра — река в Китае, Индии, Бангладеш; впадает в Бенгальский залив. *Кляксепир* — промокательная бумага. *Шведская гимнастика* — система физических упражнений, разработанных шведом П. Г. Лингом, в основу которой положена опора. Шведская гимнастика доступна каждому, сообразно его силам и способностям. *Штиль!* (нем. Stille) — тишина. *Ван-дер-Пуф* — эта голландская фамилия возникла, по всей вероятности, из каламбурного созвучия с английским словом «ватерпруф», что значит «непромокаемое пальто».

ЛУК В КЛЕТКЕ — ИР. 1926. № 28 (61). С. 19. Подпись: Sandro.

О МЫШИ, КОТОРАЯ ЛЕГКОМЫСЛЕННО ЗАБРАЛАСЬ В ЧЕМОДАН — ИР. 1926. № 29 (62). С. 18—19. Очевидно, неслучайно местом действия этой истории выбран Брюссель. В воспоминаниях вдовы поэта рассказано, что в начале 1926 года Саша Черный и Куприн по приглашению русской колонии в Бельгии выезжали на три дня в Брюссель, где в Университетском доме провели литературный вечер. Там он встретил своего петербургского знакомого по фамилии Уткин, который уговорил Сашу Черного приехать к нему погостить. Поездка эта, состоявшаяся в июне 1926 года, оказалась неудачной: Саша Черный заболел воспалением легких и около месяца пролежал в его брюссельской квартире (Гликберг М. И. Из мемуаров // Российский литературоведческий журнал. М., 1993. Вып. 2. С. 246). Вскоре после этого вынужденного заграничного переселения родился данный рассказ. ...*Выговор у вас, простите, тяжелый <...>, но для кинематографа это неважно*. — Звуковое кино появилось несколько позже — в конце 1920-х годов.

ЛАВОЧНИК НА ПОЛЧАСА — ИР. 1926. № 51 (84). С. 22—23. Подзаголовок: Пьеска для детей. *Прованское масло* — см. с. 584. *Осьмушка* — восьмая часть какой-либо меры или веса. *Гуммиарабик* — см. с. 593. *Жавелевая вода* — хлористый раствор для стирки и отбеливания белья.

ДВА ДРУГА — ИР. 1927. № 5, 6 (90, 91). С. 22—23. *Стило* — см. с. 573. *Узкоколейка в Тулон* — см. с. 584. *Лаванду* — см. с. 584. *«И тучки повисли»*

и т. д.—Старая разбойничья песня, упоминаемая в русской народной сказке «Про клад и закланную душу» (Разбойничьи сказки. М., 1993. С. 6). *Писательский бал*—традиционный праздник, возникший в «русском Париже». Устраивался в начале января и имел развлекательно-благотворительные цели. *Вальпараисо* (сейчас Вальпараисо)—морской порт в Чили. *Сабо*—см. с. 574. «Бедность не порок»—пьеса (1854) А. Н. Островского. По-видимому, она неслучайно упоминается в рассказе, ибо незадолго до появления его в печати в Париж приезжала пражская труппа МХТ, которая 9 января 1927 года ставила «Бедность не порок» (указано Л. А. Мнухиным). ...*играю в море. Наливаю в большой таз воды, выпускаю в ней синьку.*—Несколько ранее Саша Черный уже выдвигал подобный рецепт «морских купаний» для парижских соотечественников (см. т. III—«Как можно, никуда не выезжая из своей городской квартиры, создать себе иллюзию роскошной курортной жизни»). *Целлулоид*—пластмасса, применявшаяся для изготовления галантерейных изделий и игрушек. «Он *взыграл, веселья полный, и в объятия свои набегающие волны принял с ропотом любви*»—заключительные строки стихотворения М. Ю. Лермонтова «Дары Терека» (1839).

ТРОТУАРНЫЙ КЛУБ—ИР. 1927. № 22 (107). С. 22—23. Это вторая половина рассказа (первая, напечатанная в предыдущем номере ИР, вошла в переработанном виде в повесть «Чудесное лето»—см. с. 581). ...*Бренчит и гудит мандолина.*—Это не совсем обычный инструмент для студента-шведа, любителя детворы. Вероятно, в этом образе Саша Черный изобразил самого себя (см. с. 591). *Целлулоидный*—см. выше. *Цуг*—см. с. 569.

ЖЕЛЕЗНОЕ КОЛЕЧКО—ИР. 1932. № 34 (380). С. 1—4. Подзаголовок: Посмертная сказка для детей Саши Черного.

УКАЗАТЕЛИ

(Тома 1—5)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ*

Указатель имен и названий включает имена реальных лиц, мифологические и библейские персонажи, а также названия периодических изданий, альманахов, сборников, обществ и организаций, издательств, упомянутых в текстах Саши Черного и комментариях.

Названия произведений литературы даны под фамилией автора, персонажи — под соответствующими литературными произведениями.

Фамилии и названия на иностранных языках приведены в конце указателя.

Страницы текста Саши Черного даны прямым шрифтом, комментарии — курсивом.

- А. М. см. [Марков А.?]
А. Ф. 5—574
Аарон (*библ.*) 2—239; 473
Абаза А. М. 1—398
Абрам (*библ.*) 1—165
Абрамович А. А. см. Ленский Владимир
Август, имп. 5—589
Авель (*библ.*) 1—116, 415; 3—122, 147, 151
Аверченко А. Т. 1—324, 446, 451; 2—474, 475; 3—22, 31, 39, 384, 385, 386, 388, 456, 458, 466, 467, 468
«Шутка мещаната» 3—468
«Я разговаривал с Керенским» 3—455
Аврора (*миф.*) 3—51, 220
Авсеенко В. Г. 4—399
Адам (*библ.*) 1—24, 123, 124, 146, 209, 210, 243, 344, 384, 415, 430; 2—86, 210, 246, 275, 313; 3—17, 122, 206; 4—21, 266, 274; 5—460, 461, 463, 538
Адамович Г. В. 2—469
«Письма З. Н. Гиппиус» 3—458
Адонис (*миф.*) 4—380, 429
Адриан 2—457; 3—445
Азеф Е. Ф. 1—92, 94, 409; 3—12, 454
Азов Вл. (Ашкинази В. А.) 3—411
Айвазовский И. К. 4—343
Айхенвальд Ю. И.
«Силуэты русских писателей». Т. 3
1—414; 3—37
Акимов Н. П.
«Наш автор Евгений Шварц» 5—533
Акоста, да Коста Уриель 1—53, 402
«Пример человеческой жизни» 1—402
Аксаков С. Т. 3—339
Алданов М. А. 2—472; 4—404
«Девятое Термидора» 4—145, 146, 148, 151, 405
Александр Македонский 2—448; 4—196, 421
Александр I 2—457
Александр II 1—397
Александр III 3—409; 4—418
Александра Михайловна 3—370
Александрова В. (Шварц В. А.)
«Памяти Саши Черного»; 2—461, 5—524, 526
Алексеев Г. В. 1—30; 2—450, 474
Алексеев Е. И. 1—34, 397, 398
Алексейч см. Золотарев А. А.
Алексин А. А. 2—15
Аль-Капоне 3—399, 472, 473
«Альманах молодых» 3—420

* Подготовлен Д. Р. Памфиловой.

- Аля см. Эфрон А. С.
- Алябьев А. А. 1—401; 2—452
«Из страны далекой...» 2—452
- Амадор 3—436
- Амной (библ.) 1—165
- Амрам (библ.) 5—592
- Амур (миф.) 1—221, 249, 319, 320, 432; 2—145, 219; 3—245
- Амфитеатров А. В. 1—14, 19; 3—6, 442
«О Саше Черном» 1—18, 27
- Анакреон 3—393
- Андерсен Х. К. 1—27, 282, 364; 2—127, 129, 232, 242; 3—61; 4—283; 5—414, 415, 543, 545
«Бронзовый кабан» 1—364, 452
«Галоши счастья» 2—127
«Голый король» 1—27; 3—89
«Дикие лебеди» 2—476
«Оле Лукой» 5—543
«Снежная королева» 5—315, 452
- Андреев В. Л. 3—437, 456; 5—539
«Саша Черный, мой учитель» 5—539
- Андреев Л. Н. 1—30, 185, 329, 409; 2—121, 454, 455, 463, 465; 3—24, 37, 74, 78, 415, 418, 450, 456, 465; 4—9, 404, 417, 424, 425; 5—532, 539, 577
«Анатэма» 2—121, 455
«Г. Экстемполярый» 4—404
«Жизнь человека» 1—405
Некто в сером 1—74, 405
«Красный смех» 2—121, 455
«Кусака» 3—459
«Проклятие зверя» 1—50
«Царь-Голод» 2—121, 455
«S. O. S.» 2—121, 455; 3—341, 451
- Андреева В. Л. 1—442; 2—463; 5—532
«Эхо прошлого» 1—442; 5—576
- Андреева М. Ф. 1—360, 451; 3—346, 453
- Аничков Е. В. 3—370, 460
- Анненков Ю. П.
«Русские в мировом кинематографе» 4—416
- Анненский И. Ф. 3—9, 10
«Кипарисовый ларец» 2—470
- д'Аннунцио Г. 4—372, 428
- Антанта 2—163
- Антиной 2—129, 457; 3—33, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 210, 352, 445, 455; 4—362, 427
- Антон Крайний см. Гиппиус З. Н.
- Анфиса, игуменья 3—446
- Аполлон (миф.) 1—112, 121, 218, 350, 416; 2—194, 227, 448; 3—127, 378
«Аполлон», журн. 1—112, 414; 3—457
- Аполлон Рифмачев (Лихачев В. С.) 3—14
- Апулей
«Золотой осел» 1—432
- Апухтин А. Н. 3—145; 4—93, 374
«Пара гнедых» 3—407
«Сумасшедший» 3—144
- Аракчеев А. А. 2—133, 457; 3—131, 176
«Аргус», журн. 1—406; 4—399
- Арельский Грааль (Петров С. С.) 3—9
- Арина Родионовна (Яковлева) 5—358, 359
- Аристов А. П. 4—392
- Аристофан 3—133
- Аросев А. Я. 3—434
- Архив А. М. Горького 1—451; 3—460; 5—559
- Архив русской революции 3—116, 151, 152, 354, 432, 440; 4—216, 351, 413, 427
- Архив Чуковского 5—552, 555, 558, 560, 563, 570, 579
- Арцыбашев М. П. 1—338, 449; 3—413, 424
«Санин» 1—166, 323, 423; 3—56, 68, 410
- Аскольд, кн. 4—415
- Асмадей (миф.) 1—93
- Астарта (миф.) 1—64, 403; 2—366
- Астахов Л.
«Русский Гейне» 1—440
- Аттила, царь 4—237
- Ауслендер С. А. 1—112, 414, 415
- Афанасьев А. Н. 4—240; 5—567
«Ведьма и солдцова сестра» 5—587
«Народные русские сказки» 2—6; 3—32; 4—417; 5—579, 587
- Афродита (миф.) 2—194; 4—429
- Ахева, царь 1—435
- Ахилл (миф.) 2—141
- Ахматова А. А. 2—7; 3—10, 11, 39, 363, 438
«Мурка, не ходи—там суч...» 3—364
«От любви твоей загадочной...» 3—363
«Подорожник», сб. 3—362, 457
«Просыпаться на рассвете...» 3—362
«Покинув рощи родины священной...» 3—363—364
«Проплывают льдины, звеня...» 3—363
- Аякс (миф.) 1—138, 317, 420, 444
- Бабеф Г. 3—434
- Базанов В.
«Пролетарскому поэту-трибуну...» 1—12

- Байрон Дж. 1—119; 3—86; 4—318
 «Бэпо» 5—577
- Бакунин М. А. 2—470
- Балиев Н. Ф. 2—15
- Бальзак Оноре, де 2—318
- Бальмонт К. Д. 1—17, 48, 76, 185, 338, 444; 2—51; 3—10, 57, 68, 413, 426; 4—392
- «Горящие здания» 3—68, 413; 4—393
- «Жар-птица» 3—68, 413
- «Литургия красоты» 3—16, 68, 74, 413
- «Можно жить с закрытыми глазами...» 4—39
- «Фейные сказки» 3—68, 413
- Баратынский Е. А.
 «Искушение» 2—378
- Барков И. С. 1—96, 410, 421
- Бартенева П. И. 3—421
- Бартошевич (Васильева) Е. И. 1—405, 440
- Баташев В. С. 5—442, 591
- Баташев В. С. см. Баташев В. С.
- Бауман Н. Э. 3—434
- Бахрах А. В. 3—371, 460; 4—406
- «Бунин в халате» 4—406
- «По памяти, по записям» 3—460
- Бахтин М. М. 3—32
- Башкин В. В. 1—436
- Беар Ги 1—432
- Бибель А. 3—434
- Бедный Демьян 2—205—206, 215, 467; 3—26, 122, 136, 146, 147, 365, 382, 439, 472
- Безобразов А. М. 1—34, 398
- Бейлис М. Т. 1—431
- Бекер Ж. 4—313, 423
- Белинский В. Г. 1—103, 108, 109, 411; 3—424; 4—321
- Белокопытов 4—405
- Белокопытова А. 5—553
- Белый А. 2—21, 205, 466; 3—56, 67, 340, 413, 438, 450, 459
- «Настоящее и будущее русской литературы» 3—450
- «Поповна» 3—388
- Бельгард А. В. 3—472
- Бенкендорф А. Х. 3—171
- Бенуа А. Н. 3—472
- Беранже П. Ж. 1—129
- Берберова Н. Н. 2—18
- Бердяев Н. А. 2—15; 3—421
- Берроуз Э. Р.
 «Тарзан» 3—354, 456
- Бертье Л. 3—411
- «Беседа», журн. 2—204, 465
- «Бессарабед», газ. 3—418
- Бессонов Н. А. 4—405
- Бестужевские курсы 1—124, 125, 417
- Бетховен Л., ван 1—180, 212; 2—90; 4—177
- Бёклин А. 1—110, 274, 275, 414; 2—305, 478
- «Остров мертвых» 1—17, 52, 402; 2—305, 478; 4—156, 407
- Библиотека Гоголя (Рим) 2—418, 485
- «Библиотека «Жар-Птицы», сер. 5—565
- Библия 1—317, 390, 423; 3—123, 125; 4—136, 147, 207, 237, 393, 404, 406, 426; 5—453, 457, 537, 538, 591
- Бизе Ж.
 «Кармен» 1—211; 2—104, 195; 4—165
- Билибин И. Я. 2—15, 320, 321, 322, 418, 480, 485; 3—395, 444, 459; 4—405; 5—580
- «Биржевые ведомости» («Биржевка», «Биржевые»), газ. 3—64, 340, 412, 424, 431, 450
- Бисмарк О. 1—131, 402, 418; 4—116, 152
- «Бич», журн. 3—465
- Бичер-Стоу Г. 3—342
- «Хижина дяди Тома» 3—451; 5—480, 545
- «Благонамеренный», журн. 3—173, 442
- Блинов 3—455
- Блок А. А. 1—97, 391, 410; 2—10, 14, 126—127, 454, 456, 466; 3—10, 12, 37, 68, 146, 414, 438, 459, 460, 470, 472
- «Балаганчик» 3—11
- «Вечера искусства» 1—97, 410
- «Двенадцать» 2—456, 470
- Боборыкин П. Д. 2—419, 485; 3—81, 421
- Бобринский В. А. 1—54, 402
- Бобрищев-Пушкин А. В. 3—469
- Бог (Господь Бог) 1—373, 383, 384, 385, 387, 430, 453; 2—89; 5—456, 457, 458, 464, 465, 466, 467, 468, 470
- Бой-Кот см. Чюмина О. Н.
- Бокль Г. Т. 1—408
- Бонапарт см. Наполеон Бонапарт
- Боргезе 2—198, 464
- Борецкий И. А. 3—408
- Борман Е. К. 1—431, 439; 4—394, 401
- Борман И. К. 1—431; 4—401
- Бороздин А. К. 3—74, 416
- Бортнянский Д. С.
 «Коль славен наш Господь в Сионе...» 3—236, 447; 4—375, 428
- Боттичелли С. 1—268, 309
- Боцяновский В. Ф.
 «Шакалы декаденства» 3—419
- Брешко-Брешковский Н. Н. 3—81, 372, 420, 461

- Брейгель П. (старший) 2—19
 Брем А. Э.
 «Жизнь животных» 3—23; 5—421, 422
 Бродский И. И. 3—345, 452; 5—529
 Бронштейн 3—411
 Брусиловский И. К.
 «Андрей Белый об «Искусстве будущего» 3—450
 Брут М. Ю. 3—161, 441
 Брюллов К. П. 3—346
 Брюсов В. Я. 1—17, 48, 223, 323, 414, 445; 2—120, 454; 3—12, 39, 57, 81, 364, 371, 414, 418, 428, 457, 465, 466, 470; 4—426
 «Город будущего» 3—466
 «Июльская ночь» («Опыты») 3—384
 «Качели» 3—143
 «Лицейские стихи Пушкина» 1—445
 «Мой маяк» 3—383
 «Опыты» 3—382, 384
 «Слово» 3—383
 «Chefs d'œuvre» 3—68, 413
 «In hac lacrimarum» 1—447
 Буало Н. 3—182, 443
 Будда 2—38, 40; 3—92
 Будзинская 3—455
 «Будильник», журн. 1—415; 2—13; 3—353, 398, 455, 456, 472
 Будищев А. Н. 3—14, 424
 Бударевич 4—417
 Буланже Ж.-Э. 4—225, 419
 Булацель П. Ф. 3—411
 Булгаков М. А. 1—23; 3—422
 «Муза мести» 1—23
 Булыгин А. Г. 1—399
 Бунин И. А. 1—30; 2—15, 16, 125, 455, 456, 465, 469, 472; 3—38, 39, 122, 146, 367, 373, 374, 375, 376, 388, 431, 434, 442, 450, 451; 4—9, 14, 392, 406, 428; 5—592
 «Роза Иерихона», сб. 3—373, 375, 461
 «В цирке» 3—375
 «Глуное горе» 3—375
 «Голубь мира» 3—451
 «Гютами» 3—374
 «Далекое» 3—374
 «Даль» 3—375
 «Деревня» 4—8, 9
 «Звезда любви» 3—374
 «Исход» 3—374
 «Конец» 3—374
 «Косцы» 3—374
 «Несрочная весна» 3—374
 «О дураке Емеле» 3—374
 «Огонь пожирающий» 3—374
 «Одиночество» 3—375, 462; 4—394
 «Окаянные дни» 2—455
 «Отто Штейн» 3—375
 «Пеглистые уши» 3—374
 «Петух на церковном кресте» 3—375
 «Плоть» 3—375
 «Пост» 3—374
 «Преображение» 3—374
 «Просыпаюсь в полумраке» 3—375
 «Свет незакатный» 3—375
 «Сны Чанга» 3—374
 «Соотечественник» 3—374
 «Спутница» 3—375
 «Старуха» 3—374
 «Третьи петухи» 3—374
 «Феска» 3—375
 Бурдильон Фр. В.
 «Ночь смотрит тысячами глаз...» 4—400
 Буренин В. П. 1—119, 328, 332, 416, 447, 448; 3—14, 75, 413, 416
 Бурлюк В. Д. 1—203, 429; 3—456
 Бурлюк Д. Д. 1—203, 429; 3—422, 456
 Бурцев В. Л. 2—464; 3—431
 Бухов А.
 «Критические штрихи» 3—410
 Буше В. 1—122, 417
 «Волк и баран» 3—21
 Бялик Х. Н. 3—429
 — вь. Рецензия на «Детский остров» 5—553
 Вагнер Р. 1—352
 «Золото Рейна» 1—202, 429
 Вакс Калошин см. Волошин М. А.
 Вакх (*миф.*) 1—250, 446; 4—110
 Валькирия (*миф.*) 1—252, 257, 434, 435; 2—95, 452
 «Вампука, невеста африканская: во всех отношениях образцовая опера» 3—163, 441
 Варвара Дмитриевна (Варя) см. Розанова В. В.
 Василевский И. М. 1—13; 2—206, 467—468; 3—26, 115, 147, 409, 410, 411, 431, 465
 «Граф Витте и его мемуары» 1—400
 «Модные знаменитости» 3—470
 Василевский Л. М. 3—411, 439
 Васильев Н. В. см. Ремизов Н. В.
 Васильев-Яковлев А. Н. 3—445
 Васильева Е. И. см. Бартошевич Е. И.
 Васильева М. И. (Гликберг М. И.) 1—7, 417, 423; 4—398, 402, 414, 427; 5—528
 «Из мемуаров» 2—472; 4—392, 396, 408, 414; 5—553, 594
 Вася см. Розанов Вас. Вас.
 Введенский А. И. 3—75, 416
 Ведекинд Ф.
 «Пробуждение весны» 1—401

- Вейдле В. В. 2—469
 Вейнберг Р. Л. 3—74, 80, 416
 Вейнингер О.
 «Пол и характер» 4—91, 400
 Венгерова З. А. 3—116, 431
 Венера (*миф.*) 1—45; 2—145, 153, 191, 216; 3—132; 4—331, 362
 «Венок — Стефанос», группа худ. 3—422
 Венский Е. (Пяткин Е. О.) 3—467
 «Мое копыто» 4—412
 Вера см. Розанова В. В.
 Вера Холодная 4—417
 Вербицкая А. А. 1—350, 450; 3—9, 91, 372, 378, 422, 461, 463; 4—281, 421
 «Иго любви» 3—422
 «Ключи счастья» 3—422
 «Вербочки», альм. для детей 5—556, 557, 560
 Вергилий 1—188
 Верди Д.
 «Аида» 3—53, 54
 Вересаев В. В. 2—465
 «Веретено», содружество писателей 3—428
 Верлен П. 4—62, 63, 64, 70
 «Талантные празднества» 4—397
 «Коломбина» 4—397
 Верн Жюль 2—410; 3—399; 5—240, 397, 400
 Вернер Е.
 «Разорванные цепи» 4—43, 394
 Верстовский А. Н.
 «Аскольдова могила» 3—172; 4—415
 Вертинский А. Н. 1—432; 2—15; 3—428, 430
 «Ваши пальцы пахнут ладаном...» 3—430
 Верхарн Э. 3—366
 «Вершины», альм. 1—437, 438
 Вершковский А.
 «В литературном кружке» 3—426
 Веснины, братья 3—37
 Веста (*миф.*) 1—289, 439; 4—403
 «Вестник Европы», журн. 1—452
 «Весь Петербург на 1909 год» 1—422; 4—398
 Ветлугин А. (Рындзюн В. И.)
 «Записки мерзавца» 3—113, 115, 430, 431
 «Вехи», сб. 1—16; 3—87, 422
 «Вехи. Интеллигенция в России», сб. 1—444
 «Вече», газ. 3—417, 418
 «Вечера под зеленой лампой», альм. 4—393
 «Вечернее время», газ. 2—19
 «Вечерний биржевик» см. «Биржевые ведомости»
 Виктор Эммануил II 1—270, 437; 5—576
 Виктория 4—35, 393
 «Виленский курьер», газ. 5—591
 Вильгельм II Гогенцоллерн 1—52, 53, 130, 239, 250, 402, 433, 434; 3—106, 427—428; 4—115, 210, 211, 213, 221, 222, 412
 Виндельбанд В. 1—247, 434
 Виноградов Г.
 «Детская сатирическая лирика» 5—563
 Виноградов П. Г. 3—437
 «Книга для чтения по истории средних веков» 3—437
 Виноградский С. Н. 4—408
 Вирсавия (*библ.*) 5—536
 Витте С. Ю. 1—34, 35, 37, 40, 141, 398, 399, 400, 420, 427; 3—408, 409, 412
 «Воспоминания» 1—427
 «Виттова пляска», журн. 3—418
 Вишняк М. В.
 «Современные записки» 3—443
 Владимир, вел. кн. 1—429
 «Во имя свободы», газ. 4—424
 Военно-топографическое училище 2—446, 447
 Воейков С. С. 4—405
 «Возрождение», газ. 2—247, 461, 473, 480, 482, 486; 3—435, 442, 445, 466; 4—217, 404, 414, 416, 419, 425; 5—523, 557, 566, 574, 576, 580, 584, 594
 Приложение. Спец. выпуск ко «Дню русской культуры» 3—456
 Войтоловский Л. Н. 1—442
 Волжский А. С. 3—370, 460
 Волк см. Аверченко А. Т.
 Волконский М. Н. 4—399
 Волконский С. М. 1—398
 «Мои воспоминания» 1—398
 Вологодский 18-й пехотный, Его Величества короля Румынии полк 2—111, 454
 Волошин М. А. 1—90, 408; 3—15, 417
 «Вольнынский вестник», газ. 1—7, 420; 3—6, 7, 406, 407, 436; 4—5, 400
 «Вольны», газ. 1—420; 3—6, 408, 455; 4—420
 «Вольница», альм. 1—399
 Вольтер 1—188; 2—221; 3—170, 455
 «Кандид, или Оптимизм» 1—186, 426
 «Орлеанская девственница» 1—453
 «Воля России», газ. 1—431
 «Воля России», журн. 2—444, 449, 453, 454; 5—553
 «Вопросы литературы» 2—475; 3—439, 467, 472

- Воробьева-Стебельская М. Б. (Маревна) 1—310, 443
 Воровский В. В. 3—350
 «Восточная заря», газ. 3—425
 Врангель Л. С. (Елпатовская) 3—443; 4—405, 414; 5—590
 «Ла Фавьер» 2—480; 4—405; 5—585
 Всеволожский Н. В. 4—393
 Всемирная выставка декоративного искусства (Колониальная выставка) 2—469, 480, 481
 Всемирный сионистский конгресс, 14-й (Вена) 3—429
 Всероссийский женский съезд, 1-й 1—417
 «Всероссийский земский и городской союз» (Земгор) 3—108, 429, 456
 Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) 3—131, 178, 455
 «Встречи с прошлым» 1—29; 2—450
 Вульфус К. А. 2—60, 449
 Вульцки Д. В. 3—112, 430
 Вяльцева А. Д. 3—145
 Вяткин Г. А. 5—591
- Гааз Ф. П. 3—352, 455
 Габсбурги 1—402; 4—401
 Гавриил (библ.) 2—324, 480
 Галилей Г. 1—161
 Галина Г. А. 1—408; 3—9
 «Бур и его сыновья» 4—68, 398
 Галич Ю. (Гончаренко Ю. И.) 2—467
 Гамсун К. 1—350, 402, 450; 2—235; 3—339, 341; 4—79
 «Духовная жизнь Америки» 4—78, 399
 «Пан» 3—86, 87, 341, 421, 450
 План 1—50, 51, 402; 3—17
 Ганнибал 2—39
 Ганф Ю. А.
 «Бандит среди бандитов» 3—473
 Гарднер Ф. Я. 4—240, 417; 5—220, 581
 Гарибальди Дж. 3—434; 5—557
 Гарин-Михайловский Н. Г.
 «Детство Темы» 4—238
 Гартман Мориц, фон
 «Белое покрывало» 3—438
 Гаршин В. М. 2—411; 3—56, 352; 4—262
 Гаспаров М. Л. 3—455
 Гауптман Г. 3—341, 451
 Гауфф Л. 4—108, 403
 Гафиз 1—420; 2—352; 3—393
 «Гвардейское общество» 2—251
 Гейне Г. 1—45, 57, 212, 254, 296, 297, 298, 403, 428, 441; 2—243; 3—90, 109, 363, 381, 385
- «Печаль и боль в моем сердце...» 1—441
 «Штиль» 1—441
 «Этот юноша любезный...» 1—441
 «Nordsee» 3—366
 Гектор (миф.) 2—381, 387
 Генерал Дитятин см. Горбунов И. Ф.
 Генкель К. 1—352, 450
 Генрих IV 2—477
 Георгий см. Гликберг Г. Я.
 Геркулес (миф.) 5—490
 Герцен А. И. 2—243; 3—171, 344, 442; 4—262; 5—532
 Гербель И. см. Жуковский В. И.
 «Канитферштан» 4—343, 426
 Герберт Д. 3—407
 Гершензон М. О. 1—16, 144; 3—422
 Гершен В. М. 3—115, 412
 Гессен И. В. 1—116, 415; 3—431, 432; 4—413
 «Годы изгнания» 5—553
 Гёте И. В. 1—45, 52, 242, 243, 244, 434; 2—203; 248; 249; 3—64, 86
 «Герман и Доротея» 2—248, 273
 «Коринфская невеста» 2—248, 473
 «Лесной царь» 3—172, 442
 «Ночная песнь странника» 3—384
 «Прометей» 2—248, 249, 273
 «Фауст» 3—193
 Мефистофель 1—179; 3—24, 64, 65, 66, 67; 4—244, 245, 246, 247, 313, 342
 Фауст 3—38
 Гефтер А., худ. 5—588
 Гефтер А. А.
 «В море корабли», сб. 3—399, 472, 473
 «Блины» 3—399
 «Бокс» 3—399
 «Женщина в мехах» 3—399
 «Спасите наши души» 3—399
 «Цикада» 3—399
 «Vale» 3—399
 Гильденбрант Л.
 «Приключения Боба» 5—550
 Гименей (миф.) 1—156, 210
 Гинденбург Пауль, фон 2—446; 3—129; 4—220, 221, 415
 Гиппиус З. Н. 2—469; 3—14, 15, 356, 458; 4—393
 «Дневник», сб. 3—366, 458
 «Адонай» 3—367
 «Банальность», 3—366
 «Будет» 3—367
 «Все мое» 3—367
 «Война» 3—367
 «Дни» 3—367
 «Знайте» 3—367
 «Качание» 3—367

- «Крылатое» 3—367
«Ночь» 3—367
«Песня без слов» 3—367
«Пока» 3—367
«Свободный стих» 3—366
«Сегодня на земле» 3—367
«Там и здесь» 3—367
«Тише!» 3—367
«Тишь» 3—367
«У порога» 3—366
«Юный Март» 3—367
Глазунов А. К. 4—392
Гли, Георгий (Гликберг Г. М.) 1—29;
2—22
«Тихие жалобы» 5—590
Гликберг М. И. см. Васильева М. И.
Гликберг Я. 5—590
Гликман Д. И. (Дух-Банко) 3—411
Глинка М. И. 4—422
«Жизнь за царя» 3—163, 441
Глинка Ф. Н. 4—393
Гнедич П. П. 1—430
«Петух» 1—215; 4—399
Гнедов Василиск 3—9
«Поэма конца» 3—420
Гоголь Н. В. 1—18, 22, 25, 85, 86,
92, 195; 2—418, 434, 485; 3—34,
43, 94, 117, 122, 353, 423, 434, 456;
4—14, 22, 183, 197, 227, 374, 415;
5—226, 252
«Вий» 1—86, 206, 207, 316; 2—121;
3—389; 4—181, 182, 183, 184, 286
Хома Брут 4—182
«Женитьба» 1—85
«Записки сумасшедшего» 3—80, 420
«Ночь перед Рождеством» 2—70, 71
«Майская ночь, или Утопленница»
4—170, 247, 408, 418
«Мертвые души» 1—406; 4—14, 49
Манилов 1—85; 4—16
Ноздрев 3—172
Петрушка 1—86; 3—45
Плюшкин 1—74; 3—456; 4—142,
261
Чичиков 1—85; 3—354
«Повесть о том, как поссорились
Иван Иванович с Иваном Никифоро-
вичем» 3—44
«Пропавшая грамота» 4—162, 408
«Ревизор» 2—471; 3—446; 4—396
Тряпичкин 1—18; 3—6
Хлестаков 1—86
Шпекин 1—427
«Тарас Бульба» 1—427
Андрей 1—109
Тарас 1—109
«Театральный разъезд» 3—11
Годива, леди 1—77, 405—406
Годин Я. В. 3—382, 465
Голенищев-Кутузов А. А. 1—421
Голиаф (*библ.*) 2—309, 354; 4—45;
5—573
«Голодная пятница» (дет. приют)
3—356, 357, 358, 456; 5—122, 545, 573
«Голос минувшего на чужой
стороне», журн. 3—443
«Голос России», газ. 2—445, 447,
448, 454, 472, 476; 3—451, 458; 5—
592
«Голос эмигранта», журн. 1—442
Гомер 1—326; 2—181, 362; 3—75, 95,
129; 4—136
«Илиада» 1—410; 3—445
Терсит 1—405; 4—136
«Одиссея» 4—219
Пенелопа 1—133
Гончаров И. А. 3—45
«Обломов»
Обломов 2—195, 435; 3—391; 4—
16, 294, 333, 353
«Обрыв» 3—182
«Фрегат Паллада» 3—131; 5—241,
505
Гончарова Н. 3—453
Гораций 1—188; 2—140
Горбунов И. Ф.
Генерал Дитятин 3—14
«Приезд шаха персидского» 3—446;
5—587
Гордин В. Н. 1—91, 408
«Звездный путь» 1—408
Горный С. (Оцуп А. А.) 3—411;
4—399
«Аркадий Аверченко» 3—466
«Ранней весной» 4—392, 413
Городецкий С. М. 3—57, 68, 122,
390, 419
«Ярь» 3—388, 414
Горький А. М. 1—30, 396, 409,
413, 414, 441, 442, 443, 447, 451, 452;
2—204, 229, 265, 465; 3—12, 26, 35,
37, 38, 81, 342, 376, 423, 424, 438,
450, 453, 459; 4—9, 43, 396, 426;
5—529; 560
«В. И. Ленин» 3—462
«Воробьишка» 5—529
«Воспоминания. Рассказы. Заметки»
3—462
«Исповедь» 4—8
«Лето» 4—8
«На дне» 1—155; 2—476; 4—392
«Песня о Соколе» 3—433
«Фома Гордеев» 4—41
Горький и его эпоха (Исследования
и материалы) 1—18; 3—405, 423;
4—396
Госиздат 2—205, 227; 3—147, 463;
5—565
Государственная Дума (I) 1—9,
40, 399, 400; 3—49

- Государственная Дума (II) 3—412, 416
 Государственная Дума (III) 1—47, 54, 85, 120, 124, 128, 132, 134, 191, 194, 324, 333, 334, 335, 401, 402, 410, 416, 417, 418, 419, 427, 448; 3—61, 65, 75, 79, 340, 416, 417, 421, 422
 Государственная Дума (IV) 1—410; 3—416
 Государственное политическое управление (ГПУ) 2—229; 3—179
 Государственный Совет 1—124, 125, 416
 Готфрид Бульонский 4—134
 Готфрид Горбатый 4—134
 Гофман М. Л. 3—442, 443; 4—405
 Гофман Э. Т. А. 3—379; 5—545
 Грабовская 3—455
 «Грани», альм. 2—448, 450, 451; 5—591
 «Грани», изд-во 1—400, 425; 5—591
 Граф Алексис Жасминов см. Буренин В. П.
 Гребенщиков Г. Д. 3—438
 Гречанинов А. Т. 5—563
 Гржебин З. И. 3—459
 Грибоедов А. С.
 «Горе от ума» 4—410
 Репетиллов 3—421
 Чацкий 2—230; 3—407
 Григ Э. 1—212, 293, 439
 «Лебедь» 1—293, 439
 «Ноктюрн» 1—439, 440
 Григорьев А., врач 1—172, 423, 424
 Григорьев Б. Д. 5—533, 553
 Григорович Д. В. 3—43
 Грин А. С. 3—9
 Гринев А. 5—592
 Грот Я. К. 3—419
 Губер К. П. 2—42, 448
 Гувер Г. К. 1—163, 164; 2—163, 164, 460
 Главное управление коннозаводства (Гукон) 3—466
 Гуль Р. Б. 2—455
 Гулькин Д. П. 1—129, 418
 Гумилев Н. С. 1—408; 2—8; 3—458; 5—575
 «Абиссиния» 3—457
 «Вступление» 3—457
 «Дай скончаться под сикоморою...» 3—365
 «Красное море»
 «Письма о русской поэзии» 3—470
 «Сомали» 3—457
 «Чужое небо» 2—10
 «Шатер» 3—365, 457
 Гунно Ш.
 «Баркарола» 4—264, 420
 Гуревич Л. Я. 1—441; 3—385, 423, 466; 4—402
 Гурилев А. А.
 «Вам не понять моей печали...» 1—403
 Гуро Е. 3—456
 Гус Ян 3—342
 Гутенберг И. 4—195
 Гучков А. И. 1—51, 53, 54, 75, 100, 128, 129, 314, 326, 340, 402, 405, 418, 444, 446, 450; 3—70, 75, 414, 417
 Гюго В. М. 1—320; 3—78, 170
 Гюйо Ж.-М.
 «Мораль Эпикура» 3—74, 415
 Д. 3—442
 Д-А см. Дон-Аминадо
 Давид (библ.) 1—218, 268; 2—309; 5—573
 Д'Актиль (Френкель А. А.) 1—22, 403
 «Далекая окраина», газ. 3—425
 Даль В. И. 2—439; 3—34, 364, 457; 4—201, 411; 5—563, 564, 579
 Далькроз см. Жак-Далькроз Э.
 Даманская А. Ф. 5—553, 565
 Даниил (библ.) 2—223, 470; 5—468, 469, 470, 593
 Данилевский Г. П. 3—43
 Данте А. 1—218, 242, 426; 2—113, 183, 204, 208, 466, 468, 470; 3—53, 145, 419, 438; 4—423
 Дарвин Ч. 3—55, 123, 434
 Дарий 5—468, 470, 593
 Дейч А. И. 1—441
 «День нынешний и день минувший» 1—441
 Дейша Е. А. см. Песков Г.
 Декарт Р. 1—161
 Дельвиг А. А. 4—393, 422
 Демель Р.
 «Волшебный соловей» 5—550
 «Landstreiches lobgesang» 1—430
 Демьян Бедный см. Бедный Демьян
 Деникин А. И. 3—443
 Денисов А. 1—402
 «День», газ. 1—413; 5—567
 «День народной печати», газ. 1—411
 Державин Г. Р. 3—90, 371; 4—354
 «Гром победы раздавайся...» 3—281, 448
 «Десятилетие ресторана «Вена», сб. 3—467
 «Детская литература», изд-во 5—554
 «Детское чтение», журн. 4—418
 Дефо Д.
 «Робинзон Крузо» 5—545

- Робинзон 2—5, 134, 269, 365, 382;
 4—21, 30, 240, 252, 274, 354, 363,
 418; 5—10, 226, 227, 228, 229, 230,
 278, 532, 546
 Пятница 4—252; 5—229, 546
 Джемс У. 3—83
 Джонсон С. 3—407
 Джотто ди Бондоне 4—177
 Дзержинский Ф. Э. 3—108, 129
 Диана (*миф.*) 1—107; 2—131, 191,
 198, 317, 327, 350, 363; 4—309, 331
 Дидро Д. 3—455
 Диккенс Ч. 3—145; 4—53
 «Посмертные записки Пиквикского
 клуба» 3—61, 144—145
 Диксон А. К. 1—396
 Диксон К. И. 1—396; 3—423
 Дикушина Н. И. 1—395
 Диоген 4—21, 121, 274
 Диоклетиан 4—424
 Дионис (*миф.*) 3—85
 Дмитриева Е. И. (Черубина де Габ-
 риак) 3—15
 «Дни», газ. 2—134, 235, 458, 472;
 3—113, 116, 432, 471; 4—396, 417;
 5—591
 Добровольский В. А. 1—439, 440;
 5—527
 Добужинский М. В. 1—410; 3—
 472; 5—577
 «Воспоминания» 5—556
 «Гримасы города» 1—15
 «Человек в очках» 1—15; 3—339,
 450
 Дойл А. К. 3—168, 169, 430, 441; 4—
 196, 411
 «Записки о Шерлоке Холмсе»
 Шерлок Холмс 3—110; 4—213;
 5—392, 428
 «История спиритизма» 3—441—442;
 4—411
 Доктор Фрикен см. Маршак С. Я.
 Долинский М. З. 1—394; 3—404
 Дон-Аминадо 2—457, 459, 469; 3—
 426, 469; 4—14, 18, 20, 22—23; 5—
 579
 «Поезд на третьем пути» 2—459;
 3—405, 415, 430, 438, 444, 469, 472;
 4—392, 407, 420
 Дон Жуан 1—242; 2—290, 305;
 4—265, 307, 308
 Доре Г. 5—538
 Дорошевич В. М. 1—332, 448; 3—6
 «Сахалин» 1—332
 Досинчук Ф. И. 3—406
 Достоевский Ф. М. 1—13, 23, 103,
 224, 408; 2—251, 433; 3—26, 45, 341,
 381; 4—213, 289
 «Преступление и наказание» 2—208,
 471—472; 3—182
 Раскольников 3—374
 Свидригайлов 2—230
 «Чужая жена и муж под кроватью»
 4—289, 422
 Држевецкий А. Ф. 2—40, 41, 448;
 3—448
 [Дризен Н. В.] 5—553
 Дризо М. А. (*Mad*) 2—468; 5—564
 Дроздов А. М. 3—107, 148, 428, 440;
 5—591
 «Друг», газ. 3—418
 Дрэпер Д.-В. 3—69, 414
 «История умственного развития Ев-
 ропы» 3—414
 «Дубина», газ. 3—418
 Дубровин А. И. 1—407; 3—411
 Дузе Э. 3—379, 464
 Думбадзе Н. А. 1—5, 128, 323, 406,
 418, 427, 445
 Дуни-Борковский 2—454
 Дункан А. 2—466; 3—345, 452
 Дурново П. Н. 1—34, 397
 Дуров В. Л. 3—418; 5—342
 Дуче см. Муссолини Б.
 Дымов О. (Перельман И. И.) 3—9
 «Дело Зудотешина»
 Петр Зудотешин 3—80, 419
 Дымшиц А. Л.
 «Звенья памяти» 3—434
 Дюма А. 1—185
 Дягилев С. П. 2—15
 Дядичев В. Н. 3—404
 Дядя Михей см. Короткий С. А.
 Ева (*библ.*) 1—415, 430, 438; 2—54,
 132, 210, 246, 313, 451; 3—17, 122;
 4—21, 266, 274, 331; 5—460, 461, 462,
 463, 464, 538
 «Евреи в культуре русского
 зарубежья», сб. 3—461; 4—413
 Евреинов Н. Н. 3—9, 155, 441; 4—
 416
 Евстафий II Бульонский 4—134
 Евстигнеева Л. А. 1—391, 410, 426,
 440, 441
 «Журнал «Сатирикон» и поэты-сати-
 риконцы» 1—395
 Евтушевский В. А.
 «Задачник» 4—420
 Егер 1—49, 402
 Екатерина II Великая 2—227;
 3—150, 350, 455
 Елена Прекрасная (*миф.*) 1—96;
 3—445
 Елисей (*библ.*) 5—457, 458, 459,
 460, 591
 «Елка», альм. 5—555, 578
 Елпатьевский С. Н.
 «География» 4—420

- Енох (библ.) 1—340, 450; 2—85, 251, 450
- Ерофеев В. В.
«Саша Черный и другие» (эссе) 1—13
- Ершов П. П.
«Конек-Горбунок» 2—43; 5—545
- Есенин С. А. 2—131, 205, 457, 464, 465; 3—430
- Ефимовский Е. А. 3—430
- Жак-Далькроз Э. 4—158, 407
- Жанна д'Арк 5—313, 480, 586
- Жар-Птица 2—394, 415; 4—308
- «Жар-Птица», журн. 1—442, 446; 2—445, 451, 452; 454, 456, 472; 3—23, 36, 405, 438, 457, 463
- «Жар-Птица», сб. 5—529, 551, 552, 555, 560, 562, 577
- Жбанков Д.
«Современные самоубийства» 1—450
- Желябужский Ю. А. 1—451
- Жеронимо
«На сцене» 3—407
- «Жизнь», альм. 3—413, 419
- «Жизнь и суд», журн. 4—424
- Жиро Андрей 5—581
- Жорес Ж. 2—314; 3—350, 455
- Жуковский В. А. 2—46, 136, 452; 4—22; 5—535
- «Ивиковы журавли» 1—424; 2—16
- «Канитферштан» 4—343, 426
- «Капитан Бопп» 4—294, 297, 298, 299, 302, 422, 423
- «Лесной царь» 3—172, 442
- «Суд Божий над епископом»
Епископ Гаттон 4—161, 407; 5—277, 583
- «Торжество победителей» 1—405
- «Ундина» 5—369
- Жуковский В. Г. 3—419
- «Журнал» 1—399
- «Журнал журналов» 1—407; 5—589
- «За царя и родину», газ. 3—418
- Забусов Н. 1—400
- Задека Мартын см. Мартын Задека
- «Задушевное слово», журн. 1—408; 5—528
- Зайцев Б. К. 2—310, 311, 312, 457, 479; 3—437, 438, 442, 469; 4—14
- «Ад» (пер.) 2—479
- «Данте и его поэма» 2—479
- «Италия» 2—479
- Зайцев М. В. 5—565
- Замятин Е. И. 3—438; 4—416
- «Западная Европа», путеводитель 4—396
- Заратустра 2—112; 4—155, 407
- «Заря», газ. 1—440; 2—460, 480, 484; 3—446, 463, 472; 4—390, 411, 413, 419, 423, 425, 428; 5—565, 580
- «Звездная палата» 1—57, 403
- «Звено», сб. 2—454, 477
- «Звено», журн. 2—465; 3—470
- Зворыкин В. К. 4—408
- Зевс (миф.) 1—430; 2—473; 5—369
- «Зеленая лампа», лит. общество 4—393
- «Зеленая палочка», журн. 2—445, 449, 453, 454; 3—427; 5—567, 591
- Зелинский Ф. Ф. 3—75, 416
- Земгор см. «Всероссийский земский и городской союз»
- «Земля», альм. 4—395
- «Земля», изд-во 3—464
- «Земщина», газ. 3—418
- Зензинов В. М. 4—403
- Зеньковский В. В. 3—471
- «Зеркало», журн. 1—411
- Зиновьев Г. В. 2—216; 3—108, 109, 117, 119, 147, 153, 179, 345, 428, 440
- Зиновьева-Аннибал Л. Д.
«Певучий осел» 1—407
- «Тридцать три урода» 3—460
- «Златоцвет», журн. 2—463
- «Знание», тов-во 3—450
- «Знание», сб. 3—340, 450
- Зноско-Боровский Е. А. 2—480
- Зозуля Е. Д. 3—468, 472
- Золотарев А. А. 1—111, 414
- «Золотая библиотека», сер. 5—580
- «Золотое Руно», журн. 1—18, 86, 406, 435; 3—361, 456
- Золотцев С. А. 2—453
- Золя Э. 1—45
- «Нана»
Нана 2—341
- «Зори», журн. 3—350, 455
- Зощенко М. М. 3—27, 395, 472
- «Зритель», журн. 1—8, 40, 397, 399, 402, 416, 421, 423, 444, 448, 450; 3—405, 408, 410, 411, 412
- Зряхов Н. И.
«Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего супруга» 4—412
- Зубов Н. В. 1—405
- Зуров Л. Ф. 4—406
- И. Л. см. [Лукаш Иван]
- Иаков (библ.) 2—449
- Иафет (библ.) 1—368, 370, 371, 375, 376, 377, 379, 381, 382, 383, 387
- Ибсен Г. 3—434
- Иван III Васильевич 3—408; 4—404
- Иван IV Васильевич (Грозный) 1—169, 194; 3—452

- Иванов А. С. 1—391
 «Может быть, и вправду, не все слова и мысли рассеялись бесплотно в воздухе...» 4—405
 «Не упрекай за то, что я такой...» 1—443; 2—451, 452; 3—425; 5—566
 «Потаенная биография Саши Черно-го» 3—461; 4—413
- Иванов В. И. 1—13, 407; 3—57, 414, 460
 «Башня», лит. салон 3—9
 «Борозды и межи» 1—14
- Иванов Г. В. 3—458
- Иванов-Разумник (Иванов Р. В.) 3—438, 439, 459
- Иванова И. М. 4—391
- Ивик 1—169, 424
- Игнатов И. 4—395
 «Игра», сб. 5—562
 «Игрушечка», журн. 1—408; 5—528
- Иегудиил Хламида см. Горький А. М.
- Иеремия (библ.) 3—376, 462
- «Из литературного наследия», сер. 1—391
- «Известия», газ. 3—167, 343, 440
- «Известия кн. магазинов С. М. Вольф», журн. 1—441
- «Издательская комиссия» (Палаты Академии наук) 5—577, 579, 586
- Издебский В. А. 3—452
- Измайлов А. А. 1—397; 3—411
 «Нестареющая легенда» 1—397, 453
- Иисус Христос (библ.) 2—34, 44, 90
- Икар (миф.) 1—121
- Илия, Илья (библ.) 2—256, 302, 435, 441
- Илларион, митрополит 4—136, 404
- Иллиодор, иеромонах 3—411
- «Иллюстрированная Россия», журн. 1—406, 446, 449; 2—166, 444, 445, 457, 458, 459, 461, 468, 470, 471, 472, 474, 476, 479; 3—23, 29, 30, 31, 113, 115, 117, 123, 124, 126, 371, 403, 405, 416, 425, 426, 427, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 441, 442, 445, 446, 466, 467, 469; 4—392, 397, 405, 408, 410, 412, 414, 415, 416, 418, 428; 5—552, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595
- «Бумеранг» (отдел сатиры и юмора) 1—406, 446; 2—444, 445, 468, 471; 3—23, 29, 30, 31, 115, 117, 123, 124, 126, 132, 133, 134, 135, 138, 139, 140, 159, 403, 425, 426, 427, 429, 431, 432; 3—435, 440, 441; 5—570, 593
- Иловайский Д. И. 3—145
 «История» 4—420
- Ильф И., Петров Е.
 «Двенадцать стульев»
 «Золотой теленок» 3—427
 Остап Бендер 4—416
 Васисуалий Лоханкин 1—21
- «Имажинисты», лит. группа 3—439
- «Инвалид» см. «Русский Инвалид»
- Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН) 1—392
- Институт русской литературы и искусства (ИРЛИ; Пушкинский Дом) 1—452; 2—475; 3—425, 439; 4—402; 5—569
- Ио (миф.) 3—85
- Иоанн (библ.) 3—407
- Иоанн Кронштадтский (Сергиев И. И.) 1—41, 400
- Иона (библ.) 2—414; 5—464, 466, 467, 468, 538, 591, 592
- Иосиф Прекрасный (библ.) 1—117, 234, 433; 3—408; 4—107, 402—403; 5—341
- Иохведа (библ.) 5—591
- Ипатьев И. П. 4—408
- Ирецкий В. Я. 3—458
 «Гравюры», сб. 3—458
- Ирод I Великий (библ.) 3—250, 271, 313; 4—154, 407
- Исайа (библ.) 4—363, 427
- «Искусство коммуны», газ. 3—434
- Иуда (библ.) 2—206; 4—424
- К. Р. см. Романов К. К.
 «Кабаре», газ. 3—461
- Кавфман Л. 5—562
- Казанова Д. Д. 2—314
- Каин (библ.) 1—416; 2—71, 185, 246; 3—27, 112, 117, 122, 345
- Калигула 4—175, 409
- Калинин М. И. 3—108
- Калита Иван 4—137
- Калиостро А. 1—409
- Каляев И. П. 3—434
- Каменев Л. Б. 3—178
- Каменский А. П. 1—338, 449; 3—65, 412
 «Леда» 1—449
 «Четыре» 1—449
- Кант И. 1—99, 247; 2—265; 3—83
- Каракалла 4—199, 411
- Карамзин Н. М. 2—311, 479; 4—423
 «Что нужно автору» 3—451
- Карбасников Н. П. 5—565
- Карнатида (миф.) 4—228
- Карл-Август 1—244
- Картожинский О. М. (Оскар Норвежский) 3—81, 420

- Катенев В. П. 3—471; 5—569
Катилина 1—444
Катков М. Н. 2—222, 470
Катон Старший, 2—129, 287, 457, 477
Каутский К. 1—408; 3—119, 433, 443
Кафка Ф.
«Замок» 3—20
«Процесс» 3—20
Кентавр (*миф.*) 2—319
Керенский А. Ф. 3—151, 454
«Киевская мысль», газ. 1—305, 395, 425, 426, 428, 429, 430, 434, 438, 439, 440, 443, 450, 451; 2—453; 5—555, 559
Киплинг Р. 3—341; 4—79
«Маугли» 5—592
Кир II Великий 1—208
Киселев А. П.
«Алгебра» 4—420
Клевер Ю. Ю. 4—36, 392, 393
Клейст Генрих, фон 1—130, 418
Клемансо Ж. 1—146, 420
Клеопатра 4—147, 196, 227, 354, 405
Клодт П. К. 2—452; 5—588
Клопотовский В. В. (Лери) 3—31, 426, 440
«Клуб молодых литераторов» см. «Союз молодых русских писателей и поэтов» (Париж)
Клычков С. А.
«Чертухинский балакирь» 3—34
Клюев Н. 3—388
Кноп Ф. 1—80, 406
Кнут Д. 3—437
Князев В. В. 1—12; 3—31, 122, 387, 434, 467
«Аркадий Лейкин» 3—468
Князева Н. Г. 1—440
Кобяков Д. Ю. 3—437
Ковалев В. 1—400
Ковальчук Ф. Г. 4—422
«Ковер-самолет», журн. 5—554
Коган П. С. 3—434
Кодюкова И. В. 4—422
Козин В. А. 1—432
Козлов И. И. 3—407
«Вечерний звон» 1—401
Козьма Прутков см. Прутков К.
Кокцов В. Н. 1—402, 418; 3—412
Кокбетальянц 4—405
Колетт С. Г. 3—463
Коллонтай А. М. 3—106, 428
«Любовь пчел трудовых» 2—454
«Колокол», газ. 3—418
Колональная выставка см. Всемирная выставка декоративного искусства
Колтоновская Е. А.
«Новая сатира» 1—21
Колумб Х. 1—187, 215; 2—86; 3—177, 190, 443; 5—583
Колчак А. В. 3—443
Кольцов А. В. 3—392
«Песня пахаря» 1—199, 200, 428
Колышко И. И. 1—409
Комиссаржевская В. Ф. 2—457; 3—73, 415; 4—344
«Комитет помощи голодающим» 3—452
Коммунистический Интернационал (Коминтерн) II, III 3—108, 109, 110, 126, 178, 428, 433, 435, 440, 453
Коновницын А. И. 3—411
Коноплев Н.
«Парижская Сухаревка» 4—424
Коноплин И. С. 2—456
«Саша Черный» 3—413
Конищницкая М. 5—591
Константин XI 4—404
Константин Капроним 3—446
Конфуций 2—86, 133
Корбюзье см. Ле Корбюзье
Коринфский А. А. 3—10
Корнеев Н. 2—471
Корнфельд М. Г. 1—324, 395, 400, 415, 446; 2—475; 3—22, 444, 467, 470, 472
«Воспоминания» 3—472
Короленко В. Г. 2—269, 465; 3—341, 396; 4—322, 424
Короткий С. А. (Дядя Михай) 3—80, 420
Котляревский Н. А. 3—423
Кошиц Н. П. 2—280, 477
Краевич К. Д. 4—265, 266, 267, 268, 420
Кранифельд В. П. 1—410, 440; 3—424, 439
Красин Л. Б. 3—117, 454
«Красная нива», журн. 2—479; 3—351, 455
«Красная новь», журн. 3—375, 376
Краснов П. Н. 3—464; 4—12
Красный звонарь см. Князев В. В.
Крез (*библ.*) 1—218, 250; 4—172
«Кремль за решеткой», сб. 3—455
Кривошеев Е.
«Нарва-Йыэсуу» 1—419, 424; 4—392
Кривцов Н. И. 4—396
Кровицкий Я. 1—396
«Крокодил», журн. 3—398, 399, 472—473
Круп 1—130
Крупская Н. К. 3—106, 136, 178, 437
Крушеван П. А. 1—34, 397
Крылов И. А. 1—191; 3—122, 136, 364, 434, 439; 5—366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 588

- Басни 5—364
«Ворона и Лисица» 1—186; 4—258; 5—366
«Две собаки» 5—562
«Демьянова уха» 5—369
«Квартет» 3—357; 5—371
«Лебедь, Шука и Рак» 5—366, 367
«Лисица и виноград» 5—366
«Мартышка и очки» 5—366
«Пустынный и Медведь» 5—367
«Стрекоза и Муравей» 4—351; 5—365, 367
Крым С. С. 4—405
Куган Дж. 3—107, 428
Кугель А. Р. 3—441
Кузмин М. А. 1—112, 323, 338, 415, 445, 449; 3—12, 57, 68, 410, 413, 419
«Картонный домик» 1—323, 446; 3—410
«Крылья» 1—445; 3—410
Кульбин Н. И. 3—422
Куприн А. И. 1—26, 28, 30, 154, 329, 407, 422, 432, 447; 2—8, 13, 97, 256, 258, 452, 455, 457, 460, 465, 467, 472, 474, 478, 479; 3—34, 36, 39, 58, 122, 379, 380, 381, 411, 412, 413, 424, 431, 434, 441, 442, 445, 450, 459, 463, 464, 465, 469; 4—9, 11, 13, 14, 404, 405, 412, 418; 5—89, 533, 535, 548, 569, 572, 576, 592, 594
«Белый пудель» 3—459
«Гамбринус» 3—380
«Звезда Соломона» 4—417
«Золотой петух» 3—391
«Изумруд» 3—459
«Лесенка голубая» 3—391
«Морская болезнь» 3—68, 413
«Не тем я угнетен, что Пушкин благороден...» 3—465
«О закулисной театральной жизни» 3—380
«Однорукий комендант» 3—391
«Париж домашний» 2—478; 4—411
«Первый дебют» 3—464
«Поединок» 3—36—37, 380, 463, 464
«Последнее слово» 4—394
«Прозревают» 3—451
«Рахиль» 4—417
«Солдатские сказки», ред. 5—523
«Суламифь» 1—423
«Три года» 3—464
«Царский писарь» 3—391
«Ю-ю» 3—391
«Юг благословенный» 3—391
«Онкера» 3—464
Куприна К. А. 2—452, 455, 479; 4—421
«Куприн—мой отец» 2—452, 455; 3—441, 459; 4—417, 427; 5—585
Курбе Г. 3—434
Курбский А. М., кн. 3—344, 452
Курлов П. Г. 1—34, 397
«Курская быль», газ. 3—418
Куртышев Я. В.
«Стихотворения всех правд жгучих минут» 3—361, 456
Куриц И. 1—37, 399
Кусиков А. Б. 3—148, 153, 439, 440
Кускова Е. Д. 2—139; 458
Кустодиев Б. М. 3—389; 4—331
Кутузов-Голенищев А. А. см. Голенищев-Кутузов А. А.
Кьяпп 3—182, 183, 184, 185, 443
Кюнеус 4—418
Лебедев В. В. 5—555
Лабуле Л. де 3—368, 458
«Принц-Собачка» 3—458
Лаврин А. В. 3—411
Лавров П. Л. 3—434
Лаврова 3—455
Лагерлѳ С. 3—341
Ладинский А. П. 2—461, 481, 483; 3—463
«Похороны А. М. Черного» 2—481, 483
Ладыженский В. Н. 5—574
Ладыжников И. П. 5—566
Лазаревский Б. А. 1—429; 3—34, 419, 445
«Последний разговор» 3—449; 4—400
Лазарь (библ.) 1—46, 216, 401
Ландау Г. А. 3—385, 466
Лансере Е. А. 1—435, 444
Лаппо-Данилевская Н. А. 3—378, 463
Лапшин И. И. 3—75, 416
Ларионов М. Ф. 1—430; 3—346, 347, 453
Ларошфуко Ф., де 3—417
Ларский И.
«Вопросы текущей жизни» 4—397
Ларусс П. 3—183; 4—349, 426
Лассаль Ф. 3—175, 350, 455; 4—324
Лафонтен А. Г. Ю. 5—366
Ле Корбюзье (Жаннере Ш.-Э.) 3—453
«Лебедь», журн. 1—438
Левитан И. И. 2—343
Левинсон А. Я. 3—437
Левитина Е. С. 1—395
Леда (миф.) 2—242, 354, 473
Лейкин Н. А. 1—190, 411, 427
Ленин В. И. 2—222, 229; 3—106, 109, 118, 136, 166, 167, 178, 179, 344, 345, 346, 351, 376, 428, 433, 453
Ленский Владимир (Абрамович А. А.) 3—80, 420

- Ленский П. Д.
 «Роковой дебют» 3—71, 415
- Леонардо да Винчи 1—121, 416—417; 2—94
 «Джоконда» 5—141
- Лери см. Клопотовский В. В.
- Лермонтов М. Ю. 3—166, 384; 4—208; 5—336, 511
 «Герой нашего времени» 2—216; 4—331
 «Дары Терека» 5—512, 595
 «Демон» 2—243; 4—331
 «Журналист, читатель и писатель» 1—102
 «И скучно и грустно...» 5—141, 575
 «Листок» 4—281, 421
 «Молитва» 1—417
 «Отчего» 3—52, 407
 «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» 3—471
- Лесков Н. С. 1—409; 2—381; 4—392
 «Зверь» 3—354
 «Кадетский монастырь» 3—354
 «Левша» 3—33; 4—412; 5—543
 «Неразменный рубль» 3—354
 «Очарованный странник» 2—5
 «Соборяне» 4—349, 350, 426
- Лесман М. С. 1—440; 2—475; 5—527, 580
- Лета (*миф.*) 1—60; 2—17, 282
 «Летучий голландец» см. Отяев Ю.
- «Леший», журн. 1—399
- Лжедмитрий II 3—171
- Ли (*библ.*) 1—370, 371, 375, 377, 379, 382, 384, 386, 387
- Ливий 5—589
- Лидарцева Н. 4—396
- Лидваль Э.-Л. 1—132
- Ликург 1—48, 401
- Линг П. Г. 5—594
- Линевич Н. П. 1—34, 397
- Липинский В. И. 3—406
- Липс Т.
 «Воля» 4—39, 393
- Лисицкий Л. М. 3—37
- Лиссим С. М. 4—428
- Лист Ф. 2—280
- «Литературная учеба», журн. 3—459
- «Литературное наследство» 1—409, 442
- Лихтенберг Г.-К. 1—216, 431
 «Афоризмы» 1—431
- Лиза, девочка 2—454; 5—589
- Лобановская М. П. 3—406
- Лойола И. 1—161, 423; 2—132, 209, 221, 457, 468, 470; 3—26
- Лоло (Мунштейн П. Г.) 2—18; 4—428
- Ломов 1—404
- Ломоносов М. В. 2—221, 432; 3—55, 176; 5—342, 360
- Лондон Дж. 1—107
- Лорелея (*миф.*) 1—169, 253, 434; 2—169, 461
- Лоти П. 4—332
- Лотман Ю. М. 3—11
- Лохвицкая М. А. 1—13; 4—93
- Луговской В. 1—391
- Лука Жидята 4—136, 404
 «Поучение к братии» 4—404
- [Лукаш И. С.] 5—572, 580
 «Чудесное лето» 5—545, 580
- Лукомский Г. К. 3—346, 453
- Луначарский А. В. 2—221, 470; 3—26, 122, 128, 434; 4—424
 «Канцлер и слесарь» 3—434
 «Королевский брдобрей» 3—434
 «Оливер Кромвель» 3—434
 «Фауст и город» 3—434
 «Яд» 3—434
- «Луч света», газ. 1—19; 3—450
- Лубимов Л. Д. 4—415
 «На чужбине» 2—485; 4—392, 415—416, 426
- Лютер Г. 3—129, 436
- Лютер М. 2—79
- «Лютеция», отель 2—168; 4—428
- Лядов А. К. 5—562
- Ляцкий Е. А. 1—405, 414, 417, 447; 4—396
- Магдалина (*библ.*) 1—45
- Мазепа И. С. 2—95; 3—166
- Майков А. Н. 4—262
- Майн Рид см. Рид Томас Майн
- Майор Бурбонов (Минаев Д. Д.) 3—14
- Макаров С. О. 5—242
- Маклаков В. Л. 1—335, 448, 449
- Малевич К. С. 3—37
- Малинин А. Ф., Буренин К. П.
 «Арифметика» 4—420
- Мальборо (Мальбрук) 5—578
- Малюта Скуратов см. Скуратов-Бельский Г. Л.
- Малявин Ф. А. 2—472; 4—177, 409
- Мамин-Сибиряк Д. Н. 4—392
- Мандарин Плюнь-на-все (Будищев А. Н.) 3—14
- Мандельштам О. Э. 1—6; 3—34, 469
 «Армия поэтов» 3—462
 «Слово и культура» 3—462
- «Манифест 17 октября» (1905) 1—398, 416
- Маревна см. Воробьева-Стебельская М. Б.
- Мария (*библ.*) 1—401, 452; 2—181

- Мария Федоровна см. Андреева М. Ф.
- Мария Федоровна, имп. 4—418
[Марков А.] 5—565
- Марков Н. Е. (Марков 2-й) 1—100, 125, 126, 132, 141, 142, 410, 417, 419, 420; 3—416
- Маркс А. Ф. 1—52, 323, 445; 3—423
- Маркс К. 2—228; 3—129, 132, 136, 166, 179
«Капитал» 3—128, 163
- Марлитт Е. 4—38, 39
«Вторая жена» 4—38, 393
- Марс (*миф.*) 1—351
- Мартын Задека 2—364, 483; 4—157
- Марфа (*библ.*) 1—360, 401, 452
- Марфа-Посадница (Борецкая) 3—54, 408
- Маршак С. Я. 5—528
«Вот какой рассеянный...» 5—527
- «Маски», журн. 1—399, 400, 409
- Маттизен А. В. 1—405
- Махно Н. И. 3—151; 4—165
- Мафусаил (*библ.*) 1—128, 418, 450
- Маяковский В. В. 1—6, 11, 18; 2—205, 466; 3—24, 26, 106, 382, 453
«Семидневный смотр живописи» 3—453
- Медичи Мария 2—284, 285, 477
- Медуза Горгона см. Аверченко А. Т.
- Медуза Горгона (*миф.*) 1—110, 208, 243, 324; 2—236; 4—247
- «Межа», газ. 1—410
- Мейербер Дж.
«Гугеноты» 3—163
- Мейринк Г.
«Голем» 3—20
- Меламед Е. И. 3—404
- Мельгунов С. П. 3—37
- Мельников К. С. 3—37, 453
- Мельшин Л. см. Якубович П. Ф.
- Мендельсон Р. 3—66, 412
- Менелик II 1—41, 400
- Меньшиков М. О. 1—318, 332, 409, 444, 448; 3—70, 75, 409, 414, 416
- Мережковский Д. С. 1—75, 126, 418; 3—9, 81, 370, 424, 431; 4—393
«В тихом омуте» 1—418
«Сакия-Муни» 3—144
- Мериме П.
«Кармен» 2—195, 196; 5—506, 507
- Меркурий (*миф.*) 4—263, 420
- «Меркурий» 4—420
- Метальников С. И. 4—405, 408
- Метерлинк М. 1—17, 79, 320, 401, 406, 444; 3—24, 341
«Монна Ванна» 4—213, 334, 412, 425
«Синяя птица» 1—121; 4—407
- Синяя птица 1—48, 118, 174, 401, 424; 4—155
- Тиль-Тиль 1—118, 119, 416
- Хлеб 4—339, 425
«Там внутри» 1—416
- Метц Т. см. Сейерс Г., Метц Т.
- Метцель 3—423
- Мечникова О. Н. 4—405
- Микеланджело Б. 1—268, 442; 3—191; 4—427
- Милашевский В. А.
«Вчера, позавчера...» 1—428
- Милль К. Р. 1—442; 2—475
«Как рыбы из верши ушли» 5—529
- Милюков П. Н. 1—116, 117, 128, 415, 418, 448; 2—139, 167, 458, 459, 461; 3—115, 125, 408, 431, 437; 4—405
- Мин Д. С.
«Божественная комедия» (пер.) 3—419
- Минерва (*миф.*) 1—82, 406
- Минин К. М. 1—403; 3—81
- Минто У.
«Дедуктивная и индуктивная логика» 3—73, 415
- «Мир и искусство», журн. 1—409, 410
- «Мир искусства», журн. 3—422
- «Мирок», журн. 5—528
- Митрадора 1—331
- Михаил (*библ.*) 5—462, 463, 464, 592
- Михалков Н. С. 5—566
- Михайлов М. Л.
«Белое покрывало» (пер.) 3—438
- Михайловский Н. К. 3—418
«На славном посту», сб. 1—420
- Михельсон А. М. 3—437
- Мнухин Л. А. 5—595
- Мозалевская В. Д. 5—567
- Мозжухин И. Н. 3—440
- Моисей (*библ.*) 2—199, 464; 4—78; 5—455, 456, 457, 537, 591
- «Молва», газ. 1—40, 399
- «Молодая Россия», сб. 2—20, 484; 3—471; 5—545, 568, 587
- «Молот», журн. 1—396
- Молюховец Е.
«Подарок молодым хозяйкам» 4—282, 408
- Моне К. 3—68, 69
- Мопассан Ги де 1—105, 328; 4—145, 385
«Дядюшка Туан» 4—405
- Моравская М. Л. 3—423
- Морган 4—178
- Морфей (*миф.*) 2—53
- Москаленко 3—455
- «Москва», журн. 4—427
- «Москва», изд-во 5—552, 580
- «Москва-Логос», изд-во 5—574

- «Московский наблюдатель», журн. 4—394
- Московский художественный театр (МХТ) 5—595
- Мохамед-Али-Шах 1—405
- Мстиславский С. (Масловский С. Д.) 2—446
- Муза (*миф.*) 1—94, 105, 111, 112, 212, 213, 216, 330; 2—8, 50, 89, 90, 126, 144, 145, 146, 149, 168, 175, 176, 226, 236, 316, 340, 456; 3—134, 144, 363, 364, 365, 379, 413; 4—92, 97, 200, 410
- Муйжель В. В. 2—202, 465; 3—467
- «Год» 3—467
- Мур Т.
«Вечерний звон» 1—401
- Муратов П. П. 5—577
- «Образы Италии» 2—463; 5—577
- Мурильо Б. Э.
«Мадонна» 1—181
- Мусоргский М. П. 5—562
- Муссолини Б. (Дуче) 2—225, 226, 471; 3—108, 126, 428; 5—115, 573
- Мукина В. И. 3—454
- Мясоедов С. 3—456
- Мятлев И. П.
«Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже» 4—415
- Мятлева Т.
«Искры свободного чувства» 4—401
- Н. В. 5—553
- Н. В. Д. см. [Дризен Н. В.]
- «На путях», сб. 3—429
- «На чужбине», сб. 2—452
- «Набат», газ. 2—453; 3—418
- Набоков В. В. (Сирин В.) 1—28; 2—16, 18; 5—541, 585
- «Другие берега» 4—422, 429, 437
- «Памяти А. М. Черного» 1—28
- Набоков В. Д.
«Временное правительство» 3—454
- Навуходоносор 3—132; 4—228, 320
- Нагродская Е. А. 3—372, 378, 461, 463
- Надсон С. Я. 1—8; 3—144, 145, 406; 4—93
- «Мечты королевы» 4—28, 392
- «Наше поколение юности не знает...» 3—406
- «Накануне», газ. 2—205, 206, 457, 467, 468; 3—147, 148, 153, 346, 431, 439, 440, 453; 5—565, 567
- Нансен Ф. 3—26, 109, 429
- Наполеон Бонапарт 1—272; 2—369; 3—151, 152, 332, 440; 4—157, 165, 174, 212
- Наполеон III 3—459
- Нарбут В. И. 3—39, 362, 388, 457
- «Аллилуйя» 3—362, 457
- «Вдовец» 3—457
- «Любовь и любовь», сб. 3—361, 457
- «Порченный» 3—457
- «Стихи» 3—457
- Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) 3—466
- «Народное дело», газ. 5—553
- «Народное эхо», газ. 3—425
- «Народный дом», общ. учр. 1—223, 432
- «Наука и жизнь», журн. 1—449
- Научная библиотека федерального архива 1—392
- Нахамкис Ю. М. см. Стеклов Ю. М.
- «Начало», газ. 1—35, 398
- «Наш день», газ. 3—412, 450
- «Наша жизнь», газ. 1—397, 398, 399; 3—411
- «Наша заря», газ. 2—462; 4—413, 422
- Не-Буква см. Василевский И. М.
- «Независимая газета» 1—17
- Нейдгарт Д. Б. 1—34, 397
- Некрасов Н. А. 1—23; 2—19, 394, 406
- «Влас» 3—172, 442
- «Газетная» 3—455
- «Генерал Топтыгин» 3—354, 392; 5—380
- «Дядюшка Яков» 3—390, 469
- «Коробейники» 3—392
- «Поэт и гражданин» 1—102
- «Сеятелям» 4—372, 428
- «Убогая и нарядная» 3—423
- «Уньише» 1—415
- Нелли (Брюсов В. Я.) 3—9
- Немирович-Данченко В. И. 4—428
- «Ты любила его всей душою...» 4—68, 398
- Неметти В. А. 1—35, 398
- Нептун (*миф.*) 1—281; 2—354; 5—383, 386, 387, 588
- Нерон 1—208; 3—132, 342, 408
- «Нива», журн. 1—126, 215, 320, 417, 430, 444, 445, 452; 2—53, 449, 479; 3—92, 93, 349, 384, 423, 463; 4—78, 79, 83, 399, 400; 5—532, 551, 552, 557, 558
- Низен Е. Г.
«Ник Картер» 3—419
- Ник. Т-о см. Анненский И.
- Никитенко А. В. 3—373, 461
- «Дневник» 3—461
- Никитин И. С. 3—383, 392
- «Портной» 3—144
- Никитин Н. 3—434
- Никиш А. 3—87, 379, 422, 464

- Николай II 1—35, 398; 2—446; 3—408, 411
- Никольский Б. В. 3—77, 418
- Никулин Л. В. см. Сафьянова Анжелика
- Нильсен Аста 4—417
- Нимфа (*миф.*) 1—297; 2—302; 4—314, 317
- Нинетта, девочка 2—463
- Ницше Ф. 1—186
«Так сказал Заратустра» 4—407
- Ноама (*библ.*) 1—370, 371, 375, 376, 381, 382, 385
- Нобель А. Б. 3—200
- «Новая русская жизнь», газ. 3—464
- Новицкий Г. П. 1—407; 3—79, 419, 423
«Зажженные бездны» 3—418
«Май» 3—419
- «Новое время», газ. 1—42, 80, 332, 406, 409, 447, 448; 2—448; 3—70, 77, 414
- «Новое русское слово», газ. 2—456, 461; 3—458; 5—524, 526, 567, 574
- «Новости детской литературы», журн. 5—565
- «Новые детские книги»: Бюллетень рецензентской комиссии ин-та детского чтения» 5—553
- «Новый день», газ. 1—409, 415, 416, 417
- «Новый мир», журн. 5—537
- «Новый сатирикон», журн. 1—446, 451; 3—455
- «Новь», журн. («Живописная Россия», илл. прил.) 4—264, 420
- Норвежский Оскар см. Картожинский О. М.
- Ной (*библ.*) 1—72, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 376, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 452, 453; 2—85, 167; 3—123; 4—172; 5—544
- О. 5—577
- Орловский государственный музей И. С. Тургенева (ОГМТ) 2—456
- Оболенский В. А. 1—448
- «Общее дело», газ. 2—455, 464; 3—115, 149, 380—381, 431, 440, 464; 5—553
- «Обыватель-гражданин», газ. 3—445
- Овен Р. 1—170
- Овидий 4—149
- «Оглобля», газ. 3—418
- «Огни», альм. 1—43, 436
- «Огонек», журн. 3—349, 350, 454
- «Огоньки» (изд-во) 5—564, 565
- «Одесские новости», газ. 1—18, 27, 395, 406, 426, 428, 432, 437, 444, 451
- Одинокый (псевдоним) 3—9
- Одиссей 3—26, 341
- Одоевцева И. В. (Гейнике И. Г.) 3—9
- Озирис (*миф.*) 3—54
- «Око», изд-во 5—566
- Околов 4—405
- Олег, кн. 4—415
- Олимп (*миф.*) 3—39, 57
- Олимов Константин (Фофанов К. К.) 3—9
- Олоферн (*библ.*) 2—215; 4—101, 401
- Оль'Дор, (Оль д'Ор) (Оршер И. Л.) 1—420; 3—122, 382, 385, 409, 433, 434, 465, 466
- «Литературный путь дореволюционного журналиста» 1—420; 3—409, 410
- «Русская история, обработанная «Сатириконом» 3—433
- «Омский вестник», газ. 3—425
- Оппенгейм А. Н. 3—70, 414
- «Орел», газ. 3—418
- Орешин П. В. 3—119, 351, 433, 455
- «Гишпопотам» 3—455
- Орфей (*миф.*) 2—87; 3—86, 356
- «Осведомительное бюро» 1—86
- «Осколки», журн. 1—415
- «Ослиный хвост», группа худ. 1—215, 430
- Особый Комитет по делам Дальнего Востока 1—398
- Осоргин М. А. 2—13, 17, 22, 457; 3—9, 32, 34, 437, 469; 4—14, 23, 405, 428, 445
- «Воспоминания. Повесть о сестре» 3—465
- «Огородные записки» 4—419
- «Очерки о современной Италии» 5—575
- Осоргина Т. А. 1—394; 5—570
- Остини Ф.
«Маленький король» 5—550
- Островский А. Н.
«Бедность не порок» 5—509, 595
- «Василиса Мелентьева» 4—156, 407
- «Грех да беда на кого не живет» 3—407
- «Снегурочка» 5—315
- Острогорский В. П. 4—250, 418
- Отфиновский Ю. К. 5—566
- Отяев Ю. 3—426
- Оффенбах Ж.
«Прекрасная Елена» 1—410, 420
- Оцуп Н. А.

«П. П. Потемкин» 3—471
«Очаг друзей русской культуры»,
общество 4—406

П. Я. см. Якубович П. Ф.
Павел (*библ.*) 1—191, 409, 427; 2—
167; 3—54, 382, 408, 465
Павлов И. П. 4—392
Павлова А. П. 2—15; 5—367, 587
Палей А. Р. 3—404
Пандора (*миф.*) 1—209, 430
«Панорама искусств», сб. 1—443;
2—452; 3—425; 5—566
Папа Римский 2—182, 183; 3—108,
126, 435
«Парабола», изд-во 3—444
«Парижский вестник», газ. 2—
470, 3—114, 431, 434, 440, 453, 454;
4—424, 429
Парис (*миф.*) 2—190
Парнас (*миф.*) 1—18, 102, 104, 108,
111, 112, 166, 323, 331; 2—226; 3—39,
99, 145, 341, 364, 375
«Парус», изд-во 5—558
Парчевский К. К. (отец)
«Саша Черный» 3—406, 407; 5—
543
Парчевский К. К. (сын) 1—499; 2—
483
Паскаль Б. 1—161
Пасманник Д. С. 3—437
Пастер Л. 1—140; 3—108
Пастернак Б. Л. 2—10; 3—7, 173;
4—392
«Патриот», газ. 3—418
Пегас (*миф.*) 1—17; 2—226; 3—98,
99; 5—7
«Перезвонь», журн. 2—445, 459,
475, 479, 484; 4—406; 5—576
Перро Ш.
«Красная Шапочка» 1—418
Песков Г. (Дейша Е. А.) 3—396, 397
«Памяти Твоей», сб. 3—395, 472
«Бабушкина смерть» 3—396
«Валькирия» 3—396
«Генеральшин мопс» 3—397
«Жилец» 3—396
«Покупательница» 3—396
«Тринадцатый» 3—397
«Фокс» 3—396
«Шурик» 3—396
«Песни казанских студентов»,
сб. 4—393
Петербургская Академия ху-
дожеств 5—588
«Петербургская газета» 3—420
«Петербургские ведомости»
3—91

Петр (*библ.*) 2—167, 194, 464; 3—54,
408; 5—161
Петр I Великий 1—40, 53, 419; 3—34,
394, 395, 434, 471; 4—280; 5—87,
569, 588
Петрарка Ф. 1—217; 2—187, 193,
225, 283; 4—92
Лаура 2—225, 283, 289
Петрищев А.
«Хроника внутренней жизни» 3—450
Петров С. Г. 3—9, 424
Петровский М. С. 4—394
«Петрополис», изд-во 3—457
Петрушка 2—210, 211, 212, 213, 214,
215, 354; 3—472; 4—123, 203, 307
Пехотный Вологодский полк
см. Вологодский 18-й пехотный, Его
Величества короля Румынии полк
Пешехонов А. В. 2—201, 202, 464—
465
«Почему я не эмигрировал» 2—201,
465
Пешков А. М. см. Горький А. М.
Пигмалион (*миф.*) 3—29
Пилсудский Ю. 3—170, 442
Пильняк Б. А. 3—373, 461
«Гольный год» 3—462 †
Пильский П. М. 1—23, 90, 407; 3—
414, 424
«Затуманившийся мир» 3—468, 469,
470
«Нижегородский сноб» 3—409, 424
«Памяти поэта» 3—470
Пипин Короткий 1—161
Пирогов Н. Н. 1—86; 3—171, 442
Пифия (*миф.*) 2—397; 4—196, 197, 201
Платон 1—126, 188
«Плач Иеремии» 3—376
Плыве В. К. 1—37, 38, 399
Плеханов Г. В. 2—222
Плеяды (*миф.*) 3—383
Плутарх 4—22
«Плювиум», газ. 3—418
По Э. 4—322, 326
Победоносцев К. П. 3—55, 409
Поганкины 2—101, 453
Пожарский Д. М. 3—81
Познер В. 4—416
Покровский Н. В. 5—565, 580
«Русский город под Парижем» 4—
418
«В Париже летом» 4—413
Полевицкая Е. А. 2—127, 456
Полевой П. 4—417
«Народные русские сказки» 5—579
Полинский С. А. 4—400
«Дума» 4—400
«Песни грусти и любви» 4—401
Полонский Я. П. 4—392, 400
Поляков С. Л. см. Потемкин П. П.,

- Поляков-Литовцев С. Л. (Поляков С. Л.) 3—437, 471
 «Лабиринт» 3—471
 «Огненное кольцо» 3—471
 «Саббатай-Цеви» 3—471
- Помяловский Н. Г. 2—433
- Поплавский Б. Ю. 2—482
- Попов А. С. 4—392
- Портсмутский граф см. Витте С. Ю.
- «Последние новости», газ. 1—28, 390, 415; 2—18, 154, 247, 445, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 468, 471, 473, 475, 476, 477, 478, 480, 481, 482, 483, 484; 3—405, 406, 407, 428, 431, 433, 442, 443, 445, 446, 447, 448, 449, 455, 456, 457, 468, 472; 4—217, 371, 392, 398, 404, 405, 407, 409, 410, 414, 415, 416, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 425, 428; 5—540, 552, 567, 572, 573, 576, 579, 580, 581, 582, 584, 585, 586, 587, 591
- Потапенко И. Н. 3—434; 4—399
- «Потешки. Считалки, Небылицы», сб. 5—594
- Потемкин Г. А. 3—443, 448
- Потемкин П. П. 1—13, 429; 2—129, 457; 3—39, 411, 437, 468, 469, 471; 4—396, 428
- «Блэк энд уайт» 3—469
- «Герань» 2—457, 475; 3—388, 389, 390, 392, 393, 469, 470, 471
- «Двое» 3—471
- «Избранные страницы» 3—470
- «Катенька» 3—390; 4—423
- «Ларечник» 3—390
- «Парижские зеркала» 3—471
- «Переход» 3—39
- «Платовские казаки в Париже» 3—390
- «Полотеры» 3—390
- «Смешная любовь» 2—457; 3—390, 392, 470
- «Эйфелева башня» 3—394
- «Яр» 3—39
- Потемкин П. П., Поляков С. Л.
 «Дон-Жуан—супруг смерти» 3—470
- Потифар (библ.) 1—433; 4—403
- Потоцкий М. Н. 5—580, 590
- «Правда», газ. 3—343
- «Правительственный вестник» 3—54
- Пржевальский Н. М. 2—96, 452; 3—187
- Примо де Ривера 4—408
- «Приневский край», газ. 3—380, 464
- Пришвин М. М. 5—529
- Прометей (миф.) 2—206
- Прутков К. 3—14, 139, 417; 4—19
- «Проект: о введении единомыслия в России» 3—417
- «Юнкер Шмидт» 1—400
- «Псалмы» Давида см. Библия
- Психея (миф.) 1—221, 432
- Пугачев Е. 2—221; 3—111, 117, 171
- Пуришкевич В. М. 1—129, 332, 407, 418, 419, 448; 3—75, 417, 418
- Пуччини Дж.
 «Тоска» 3—163
- Пушкин А. С. 1—30, 74, 150, 212, 243, 323, 328, 340, 402, 421, 445; 2—119—120, 468; 3—77, 80, 81, 85, 93, 95, 97, 117, 122, 146, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 181, 350, 355, 356, 382, 383, 397, 407, 419, 434, 439, 442, 465, 471; 4—10, 22, 40, 72, 240, 374, 393, 418; 5—336, 358, 483, 545
- «Анчар» 3—170; 4—265
- «Арион» 5—240
- «Вольность» 3—170
- «Дубровский» 3—170
- «Евгений Онегин» 1—327; 2—191; 4—66, 281
- Евгений Онегин 4—155, 331
- Ольга 4—156, 331
- Татьяна 3—363; 4—155, 349
- «Капитанская дочка» 2—227; 3—171, 173, 447; 4—162
- Гринёв 2—227
- «Египетские ночи» 4—340, 376, 426
- «Ночной зефир...» 4—409
- «Няне» 5—588
- «К морю» 5—240
- «Песни западных славян». «Бонапарт и черногорцы», песнь 9-я 3—440
- «Подражание французскому» 3—455
- «Полтава» 3—171; 4—160, 407
- «Поэт» 2—469
- «Разговор книгопродавца с поэтом» 1—102
- «Сказка о попе и работнике его Балде» 5—359
- «Сказка о рыбаке и рыбке» 3—108, 354, 355; 5—348
- «Сонет» 2—468
- «Утопленник» 4—410; 5—241, 242, 574
- «Фонарь» 4—455
- «Цыгань» 3—170; 5—569
- Пшибышевский С. 4—155, 407
- «Вечная сказка» 1—174, 424
- Пяст В. А. 3—9
- Р. 5—576
- Р-ин Н. [Рошин Н.-?]
 «Русские шоферы в Париже» 4—421
- Рабле Ф.
 «Гаргантюа и Пантагрюэль»

- Гаргантюа 4—329
Панург 1—94, 409
Радаков А. А. 1—423, 446; 2—475; 3—22, 467; 4—5
Радищев А. Н. 1—25
«Радуга», альм. 2—454; 5—535, 561, 564, 578
Раевский Г. 4—416
«Разбойничьи сказки», сб. 5—594
«Про клад и закланную душу» 5—595
Райн С. Т. 2—221, 228; 3—137, 434
Разит, братья 4—396
Расин Ж. 4—349
Распутин В. Г. 2—12
Ратгауз Д. М. 3—424
Рахиль (библ.) 2—54, 449
Рахманинов С. В. 2—15
Ре-Ми см. Ремизов Н. В.
Рекамье Ю. А. 2—486; 4—176, 177, 361, 409, 427
Рембрандт Х., ван Р. 1—319; 2—301; 4—177
Ремизов А. М. 3—39, 68, 74, 139, 370, 371, 413, 416, 419, 438, 441, 459, 460
«Божья пчелка» 3—371
«Кукла. Розановы письма» 3—369, 370, 371, 372, 459, 460
«Находка» 3—368
«Памяти Блока» 3—460
Ремизов Н. В. (Ре-Ми) 1—15, 325, 426, 446; 2—454, 475; 3—22; 4—14, 426; 5—558, 559, 591
«По поводу юбилея Л. Толстого» 1—445
«Салон Ее Светлости русской литературы» 3—10
Реомюр Р. А. 4—321, 375
Репин И. Е. 4—392, 409
«Портрет Толстого» 1—17, 78, 406
Рерих Н. К. 2—15; 3—370
«Речь», газ. 1—124, 162, 187, 335, 410, 423, 426, 429, 448; 3—414, 419, 422, 458; 4—214, 412, 421
«Бесплатное приложение» 1—429
Рид Т. М. 2—61; 3—151; 5—265, 268
Римский-Корсаков Н. А. 3—75
Ришелье дю Плесси 2—103, 453
Робеспьер М. 3—434
«Родина», журн. 1—133, 419
Родичев Ф. И. 1—335, 448
Родченко А. М. 3—37, 452
Рожанковский Ф. С. 2—476; 5—565, 573, 576, 591
Розанов В. В. 1—27; 3—24, 369, 370, 415, 459, 460; 5—536
«О вере русских» 5—537
«Уединенное» 3—459
Розанова Вар. В. 3—370
Розанова В. Д. 3—370
Розанова Н. В. 3—370
Розанова Т. В. 3—370
Розас Н.
«На волнах» 1—185, 426; 4—246, 418
Роллан Р. 3—341
Романов К. К. (К. Р.), вел. кн. 3—419, 420
Росимов Г. 5—592
Рославлев А. С. 1—112, 414; 3—419
Российская государственная библиотека (РГБ) 1—392, 399, 404, 405; 5—552
Российская национальная библиотека (РНБ) 1—392
Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) 2—425, 446; 3—413, 421, 448, 463, 468; 5—567
Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) 2—447, 448, 454; 3—399, 445; 5—581
«Российский литературоведческий журнал» 2—472; 4—392; 5—553, 568, 594
Российский фонд культуры 3—425; 5—565, 592
«Россия», газ. 1—5, 86, 193, 407, 427, 431; 3—354, 435
«Россия и славянство», газ. 1—429; 3—435, 449; 4—400
Ростан Э.
«Принцесса Грёза» 3—73, 415
Ростовцев М. Н. 4—408
Ростопчина С. Ф. см. Сегюр де
Ротшильд М. А. 2—367; 3—100; 4—173, 255
Роше А. И. 4—420
Роше К. К. 1—6, 7, 396, 420, 439; 3—455; 4—399, 420; 5—525
«Из голодных мест» 3—455
«Поэма души» 1—396; 4—401
«С миру по нитке—голому рубаха» 4—420
Рощина-Инсарова Е. Н. 2—456—457; 4—405
«Рубеж», журн. 5—586
Рубенс П. П. 4—331, 335
Рубинштейн А. Г.
«Демон» 4—33, 393
Рубинштейн Я. Л. 4—405
Рудич В. И. 3—80, 419, 420
Рукавишников И. С. 1—323, 327, 445; 3—56, 57, 65, 68, 70, 361, 409, 410, 412, 413
«Стихотворения» 3—409

- Руланд В.
 «Маленький король» 5—550
 «Руль», газ. 1—415; 2—134, 235, 431, 445, 447, 458, 464, 473; 3—461; 4—428; 5—553, 566, 577
 Руманов А. В. 3—423
 Рунич О. Н., 2—456
 «Русская газета» 1—27; 2—445, 457, 458, 465, 468, 474, 476, 479; 3—36, 113, 380, 405, 427, 430, 437, 439, 440, 441, 443, 448, 450, 451, 452, 453, 463, 464, 465, 466; 4—392, 408, 410, 416; 5—569
 «Русская земля», альм. 2—20; 3—459, 471; 5—545, 569, 588
 «Русская земля», изд-во 3—430
 «Русская книга», журн. 2—446; 5—553
 «Русская литература», журн. 3—407; 5—537
 «Русская молва», газ. 1—443, 445, 447, 452; 3—423
 «Русская мысль», газ. 2—470; 3—435, 458; 4—402, 405; 5—539
 «Русская правда», газ. 3—418
 «Русские ведомости», газ. 4—395
 «Русские новости», газ. 1—446, 447; 3—424, 462, 467
 «Русские поэты XX века», сб. 3—457, 468
 «Русский альманах» 3—432, 437
 «Русский Берлин. 1921—1923», сб. 3—461
 «Русский богатырь», газ. 3—418
 «Русский инвалид», газ. 2—176, 450, 461, 462; 3—446; 4—424
 «Русский сатирический листок» 3—464
 «Русский сборник», альм. 2—449—450
 «Русский эмигрант», журн. 1—435; 2—455, 456
 «Русское богатство», журн. 1—441, 442, 452; 2—202, 464, 465; 3—450; 5—555
 «Русское время», газ. 3—113, 430, 453, 465; 5—568
 «Русское государство», газ. 3—54, 408
 «Русское знамя», газ. 3—58, 411, 418
 «Русское слово», газ. 1—397, 447, 453; 3—409, 422
 «Русскому мальчику», однодневн. газ. 2—460
 Руссо Ж. Ж. 1—146; 2—51, 52, 449; 3—434
 «Эмиль» 1—117
 «Русь», газ. 1—53, 399, 402; 3—418
 «Рыбинский вестник», газ. 3—425
 Рыков А. И. 2—216; 3—349, 350, 454
 Рябушинский П. П. 3—456
 С. 5—576
 С. Н. [Сергей Наседкин—?] «Пушкин и революция» 3—455
 Савинков Б. В. 3—153, 440
 Савицкий П. Н. 3—429
 Савич И. В.
 «Воспоминания» 3—417, 422
 Савл (*библ.*) 1—191, 427; 3—382, 408, 465
 Садовой Б. А. 3—421
 «Садок судей», сб. 3—361, 423, 456
 Сазонов Е. С. 1—399
 Сакелари Дж. 5—441
 Сакони 5—576
 Саламандра (*миф.*) 2—142, 195, 458
 Салиас Е. А. 4—399
 Салтыков-Щедрин М. Е. 3—386; 4—240
 «История одного города» Брудастый Д. В. 3—448
 «Иудушка Головлев» 1—409
 Самойлов Г. И. 5—577, 586
 Самсон (*библ.*) 1—243, 308, 442, 445; 4—35, 393
 Санд Жорж (Занд Жорж) 3—115; 4—166, 167, 408
 Санкт-Петербургское высшее художественно-промышленное училище им. В. И. Мухомановой 3—454
 Сарданапал 1—305; 2—128
 Сатир (*миф.*) 1—286, 291
 «Сатирикон», журн. 1—10, 11, 12, 15, 29, 30, 324, 325, 390, 393, 395, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 439, 442, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451; 2—6, 10, 253, 254, 275, 457, 460, 471, 473, 474—475, 476, 480; 3—5, 8, 10, 11, 14, 15, 21, 22, 23, 29, 31, 39, 193, 352, 385, 387, 388, 398, 404, 405, 408, 413, 414, 418, 419, 420, 421, 422, 425, 433, 443, 444, 456, 460, 463, 466, 467, 468, 472; 4—5, 9, 396, 407, 412, 427; 5—528, 564
 «Дешевая библиотека», прил. 3—387
 Сафир М. Г. 1—449; 3—109, 385, 429, 466; 5—525
 Полное собр. соч. 3—429—430
 Избранные рассказы 1—449; 3—430
 «Юдофоб» 1—449; 3—109, 385
 Сафо (Саффо) 2—308

- Сафьянова Анжелика (Никулин Л.) 3—9
- Сахаров И. П. 5—568
- Саянов В. М. 1—391
- Свердлов Я. М. 3—350
- Свирские 5—576
- Свирский А. И. 3—411, 434
- Свифт Д. 3—368, 458
- «Свободные мысли», газ. 1—407, 408, 409; 2—449, 454; 3—56, 409, 410, 411, 419, 431, 470
- Сегантини Д.
«Ave Maria» 1—320, 444
- Себастьян, св. 4—323, 332, 424
- «Северный вестник», журн. 4—402
- Северянин Игорь 2—204, 466; 3—10, 372, 390, 461; 4—392
- «Конечно, а для вас «аристократ» 2—466; 3—438
- «Сегодня», газ. 1—452; 2—445, 449, 450, 451, 452, 453, 455, 457, 462, 465, 472, 478, 479; 3—409, 424, 432, 435, 436, 439, 445, 447, 470; 4—404; 5—576, 592
- Сегюр де (Ростопчина С. Ф.)
«Генерал Дуракин» 3—354, 456
- Седых А. 3—23; 5—580
- «Далекие, близкие» 1—446; 5—540
- «Париж летом» 3—433
- «У А. И. Куприна» 3—470
- «Юбилей без речей» 1—8; 3—436, 439
- Сезанн П. 3—434
- Сейерс Г., Метц Т.
«Та-га-га-boom-be-au» 4—394
- Семашко Н. А. 3—136, 437
- Сенека Л. А. 1—426; 2—209
- «Письма к Люцилло» 1—63, 112
- Серафим Саровский 5—592
- Сервантес С.
«Дон Кихот» 1—7, 219
Дон Кихот 2—234, 335, 421; 3—381, 469; 4—172
Россиант 2—341
- Сергеев-Ценский С. Н. 3—81
- «Печаль полей» 4—8
- Серебрянский А. П.
«Вино» 4—421
- Серов В. А. 4—177
- «Сибирская жизнь», газ. 1—21
- «Сибирская мысль», газ. 3—425
- «Сибиряк», газ. 3—418
- Сивилла (миф.) 3—191
- Сизиф (миф.) 3—57
- Сикорский И. И. 4—408
- Сим (библ.) 1—368, 369, 370, 371, 375, 378, 379, 381, 382, 383, 387
- «Симплициссимус», журн. 1—446
- Сирена (миф.) 2—391; 3—176
- Сирин В. см. Набоков В.
- Скалон Г. А. 1—40, 399
- Скаржинский 3—129, 436
- Скварнюк И. 3—431
- Скиталец см. Петров С. Г.
- «Скифы», изд-во 1—301; 3—455
- Скобелев М. Д. 3—210, 231, 247; 4—154
- Скопс Д. 3—434
- Скотт В. 1—119
- Скрябин А. Н. 1—439
- Скуратов-Бельский Г. Л. (Малюта) 1—194; 2—321; 3—117, 375, 376; 4—218
- Слюзберг Г. Б. 3—437
- «Слово», газ. 2—464; 3—428, 431, 451, 461
- «Слово», изд-во 5—552, 553, 592
- Случевский К. К. 4—392
- Смайльс С. 1—153, 421
- «Смена веков», общ.-полит. течение 2—468; 4—439, 440
- Смидович В. В. см. Вересаев В. В.
- Смирнов Н. П.
«Солнце мертвых» 3—462
- Смирновский П. В.
«Хрестоматия» 4—420
- «Собачья доля», альм. 3—368, 458
- Собинов Л. В. 3—67
- Соболев А. В. 3—404
- Соболева В. В. 1—405, 437; 3—22, 416
- Соболь А. (Соболь Ю. М.) 3—434
- Совет рабочих депутатов 1—398
- «Совет объединенного дворянства» 1—417
- Совет солдатских депутатов Северного фронта 2—6
- «Современник», журн. 1—412, 413, 442, 447, 450, 452; 3—326, 423, 424, 456; 5—557
- «Современное слово», газ. 1—429, 431
- «Современные записки», журн. 2—18, 155, 459; 4—424
- «Современные записки», изд-во 2—459; 3—472
- «Современный мир», журн. 1—396, 410, 425, 433, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 450, 451, 452; 3—424, 439; 4—5, 9, 392, 395, 397
- «Современный Всепетербург», альм. 1—404, 406
- Содом (библ.) 2—287; 3—344
- Сокол Е. 1—428
- Соколов А. В. 3—425
- Соколов Н.
«Он» 4—152, 157, 406
- Соколов-Микитов И. С. 3—368; 5—537
- «Из Карачаровских записей» 5—537

- Сокольский С. (Ершов С. А.) 3—432
- Сократ 1—49, 99; 2—81, 126, 204, 466; 3—145, 438
- «Солнце России», журн. 1—396, 403, 404, 420, 423, 434, 439, 441, 447, 450, 451; 3—422; 4—400, 401, 403, 404
- Соловьев В. С. (Соловьевы) 1—45, 428
- Соловьева П. (Allegro) 3—424
- Сологуб Ф. К. (Тетерников) 3—9, 10, 57, 81; 4—392
- «Качели» 3—143
- «Мелкий бес» 1—323, 445
- Передонов 3—369, 459
- «Навыи чары» 3—68
- «Четыре» 1—421
- Соломон (библ.) 1—155, 163, 164, 165, 195, 219, 423; 2—448; 4—149, 151, 406; 5—394, 481, 589, 593
- Сомов К. А. 4—392
- Сорин С. А. 4—177, 409; 5—570
- Сорины 5—570
- Сосинский В. Б. 3—443
- София-Луиза 1—244
- Софья Палеолог 4—137, 404
- «Союз возвращения на Родину» 3—115, 163, 347, 348, 454
- «Союз галлиполийцев» (Париж) 4—412; 5—569
- «Союз дворян», общ. организ. 1—125, 417
- «Союз Михаила Архангела» 1—410, 418; 3—416, 417
- «Союз молодых русских писателей и поэтов» (Париж) 2—462; 4—134, 437
- «Союз русских писателей и журналистов» (Париж) 2—468; 3—134, 437; 4—239, 417
- «Союз русских художников во Франции» 3—345, 346, 347, 452
- «Союз русского народа», организ. 1—403, 406, 410, 417, 418, 427; 3—15, 56, 76, 77, 410, 411, 416, 417
- «Союз 17 октября», партия 1—416; 3—76, 77, 417, 450
- Спенсер Г. 1—408
- Спиноза Б. 1—156; 3—28; 4—341, 345, 361, 381
- Спиридонова М. А. 3—351, 455
- «Сполохи», журн. 1—435; 2—450; 3—428
- Сталин И. В. 2—229; 3—175, 398
- Станиславский К. С. 3—82
- Станюкович К. М. 2—482; 3—399; 4—425
- «Корабль Ретвизан» 3—130—131, 436
- «Морские рассказы» 5—331
- Станюкович Н. В.
- «Саша Черный» 5—523, 585
- Старый журналист см. Ольд'Ор
- Стеклов Ю. М. 3—148, 149, 440
- Стенька Разин см. Разин С. Т.
- Степанов С. А.
- «Черная сотня в России» 3—418
- Степун Ф. А. 4—15
- Стерн Л. 4—399
- Стессель А. М. 1—35, 398
- Стивенсон Р. Л. 5—592
- Столыпин А. А. 1—332, 448
- Столыпин П. А. 1—402, 418, 427; 3—12, 398, 472; 4—398
- Стравинский И. Ф. 2—15
- Страхов Н. И. 3—24
- «Стрекоза», журн. 1—10, 405, 407, 415, 423, 445; 2—475
- «Стремнины», альм. 4—426
- «Стройка», журн. 1—391
- «Альманах», прилож. 1—391
- Струве М. А. 3—125, 437; 4—23
- Струве О. Л. 4—408
- Струве П. Б. 1—199, 428; 2—167, 461; 3—435
- «Студия импрессионистов», сб. 3—422, 456
- «Стяг», газ. 3—418
- Суворин А. С. 1—35, 92, 398, 408, 409
- Суворин Б. А. 3—430
- Суворов А. В. 3—212, 213, 214, 215, 323; 4—209
- Сувчинский П. 3—429
- Суламифь, Суламита 1—163, 164, 165, 166; 3—128
- Сургучев И. Д. 4—428
- «Сусанин», газ. 3—418
- Сцилла и Харибда (миф.) 4—412
- «Сын Отечества», газ. 1—6; 4—404
- Сытин И. Д. 1—197, 428; 3—44, 406; 5—552
- Сюннерберг К. А. 3—450
- ТПО Студии «Тритэ» Никиты Михалкова 5—566
- Тальма Ф. 5—567
- Тамара, царица 2—52
- Тан-Богораз В. Г. (Тан) 3—122, 342, 424, 433, 451, 470
- Таня см. Розанова Т. В.
- Тарасенков А. К. 3—457
- Тарасов Е. М. 1—415
- Тарквиний Гордый 1—242, 434
- Тарковский Арс. А. 1—22
- Тарле Е. В. 1—398
- Тарусский Е. (Рыжков Е. В.) 2—19
- Таскина Е. П. 5—586
- Тассо Т. 2—53, 449

- Твен Марк 1—329
 «Принц и Нищий» 3—371; 5—315
 «Театр», журн. 3—155
 «Театр и жизнь», журн. 5—591
 Тенишевский зал 1—195, 428
 Терапиано Ю. К. 3—437
 Термен Л. С. (Термин) 4—174, 409
 Терпсихора (*миф.*) 3—345
 Тиберий 5—589
 Тимирязев К. А. 4—392
 Тимофеев Г. 5—562
 Тимофеева В. В.
 «Об одном неосуществленном замысле» 1—396, 405, 414, 417, 447
 Тимошенко С. П. 4—408
 Тиняков А. И. 3—12
 Титов А. А. 4—405
 Тихонов А. Н. 3—37
 Тихонов В. А. 3—38, 424
 Тициан 1—331
 Толстой А. К.
 «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» 1—445
 Толстой А. Н. 2—205, 466—467; 3—26, 115, 122, 136, 146, 147, 148, 149, 424, 431, 434, 439, 457; 5—592
 «Аэлига» 3—147
 «Гиперболоид инженера Гарина» 3—439
 «Гдество Никиты» 3—147
 «Похождения Невзорова, или Ибикус» 3—439
 «Убийство Антуана Риво» 3—439
 «Хожение по мукам» 2—466; 3—146, 147
 «Черная пятница» 3—439
 «Эмигранты» 3—439
 Толстой Л. Н. 1—17, 74, 78, 92, 107, 146, 188, 323, 408, 409, 445; 2—125—126, 208, 265, 454, 455, 456; 3—93, 98, 181, 341, 421, 459; 4—77, 146, 374; 5—336
 «Война и мир» 2—52, 136; 3—28, 38, 112; 4—237, 281, 346
 «Воскресение» 3—341
 «Кавказский пленник» 5—335, 337, 338, 339, 340, 341
 «Казачи» 4—429
 «Крейцера соната» 1—401
 «Лев и собачка» 5—575
 «Отец Сергей» 1—27; 3—369
 «Холстомер» 3—459
 Торквемада Т. 1—166; 2—166, 461; 4—217, 219, 413
 Траян, имп. 2—194, 464; 5—161, 163, 166, 167, 168, 576
 Тредиаковский В. К.
 «Ода, вымышленная в славу правды, побеждающей ложь и всегда торжествующей над нею» 3—376, 462
 Трепов Д. Ф. 1—34, 397
 «Треугольник», объединение худ. и выставка 3—422
 Триоле Э. 1—432
 Тришатый А. И. 3—411
 «Тропинка», журн. 5—528
 Троицкий Л. Д. 2—202, 465; 3—106, 427
 Трубецкой Н. С. 3—429
 Тугенхольд А. Я.
 «Художественная культура Запада» 4—407
 Тургенев И. С. 2—168, 236, 422, 461; 3—45, 121, 339, 342; 4—146, 240, 263; 5—336, 535
 «Дворянское гнездо» 1—27; 2—127, 158, 456, 460; 3—369
 «Записки охотника» 4—349
 «Месяц в деревне» 1—67, 404
 «Рудин» 3—452
 «Стихотворения в прозе» 4—393
 «Как хороши, как свежи были розы...» 1—419
 «... Мы еще повоюем...» 3—80, 418
 «Русский язык» 3—82; 4—399
 Тургеневская библиотека (Париж) 2—168, 461; 5—545, 593
 Тургеневское общество 4—419
 Турчинский Л. М. 1—394
 Тутанхамон 3—135; 4—197, 333
 Тынянов Ю. Н. 1—11
 «Тысяча и одна ночь» 5—341
 Тэффи Н. А. 2—457, 460; 3—9, 34, 39, 58, 376, 377, 378, 411, 431, 439, 442, 458, 463, 468, 469; 4—421
 «Аэродром» 4—397, 414
 «Вечерний день», сб. 3—376, 377
 «Анюта» 3—378, 463
 «Лапушка» 3—377
 «Поручик Каспар» 3—463
 «Предел» 3—378
 «Соловки» 3—377, 463
 «Шалаев» 3—378
 «Игрушки и книги» 5—557
 «Рассказы» 4—415, 428
 «Смешное в печальном» 3—454
 Тютчев Ф. И. 2—10, 227; 3—146, 465
 Уайльд О. 3—144, 343; 4—362
 Угримова И. Н. 5—566
 Уитмен У. 2—163; 3—366
 «Ульштейн и К^о», изд-во 5—553
 Унковский В. Н. 2—485; 4—426, 427
 Усенко Л. В. 1—391
 Успенский Г. И. 3—342, 374, 381, 434; 4—395
 «Приятель» 3—130
 Устинов Питер 4—416

- «Утро», газ. 1—402, 410, 416, 417, 444;
3—417, 418, 424
- «Ухват», журн. 2—457, 463, 471; 3—
29, 442
- Уэллс Г. 3—26, 147, 341, 342, 349,
398, 451
- «Мистер Брилинг и война» 3—
342
- Фалес 1—207, 429
- Фалилеев В. Д. 1—443; 2—451; 5—
529, 531, 532, 556, 557, 560, 562, 565,
566, 577
- «Живая азбука» 2—451
- «Италия» 5—589
- «Тук-тук!» 2—451, 453
- Фальконе Э.-М. 3—433
- Фамарь (библ.) 1—374, 376, 378, 379,
382, 385
- Фан-дер-Флит Н. Ф. 2—111, 454;
5—31, 560
- Фарман А. 4—396, 397
- Феб (миф.) см. Аполлон
- Федоров А. М. 2—8; 452; 3—419,
424; 5—565, 592
- Федотов П. А. 3—346, 385, 389
- Фельден Н. Е. 2—454
- Ферсит см. Терсит
- Фет А. А. 1—97, 104; 3—146; 4—213
- «Шепот, робкое дыханье...» 3—
407
- Фидий 2—90, 451
- Филипп II 3—462
- Филиппов А. И. 3—430
- Философов Д. В. 3—90, 422
- «Война мышей и лягушек» 3—422
- «Неугасимая Лампада», сб. 1—111,
414
- Флориан Ж.
- «Два крестьянина и туча» 4—401
- Флоровский Г. 3—429
- Фома (библ.) 5—9, 554
- Фома Опискин см. Аверченко А. Т.
- Фонвизин Д. И.
- «Недоросль»
- Митрофан 2—221; 3—114, 115
- Форд Г. 4—421
- Фраже И. 1—185, 426
- Франс А. 3—95, 176, 341
- Франц-Готтлиб-Фридрих-
Вильгельм 1—244
- Франц-Иосиф I 1—54, 334, 402,
448; 4—98, 118, 401, 403
- Франциск Ассизский 4—257,
419
- Франциск I 3—76, 417
- Фролов 1—34, 398
- Фульда Л. 1—410
- «Sinngedichte» («Эпиграммы») 1—
100
- Хам (библ.) 1—368, 369, 370, 371, 374,
375, 376, 378, 379, 380, 381, 382, 383,
384, 387; 3—118, 123
- Хармс Д. 3—412
- «Случай» 3—20
- Харон (миф.) 1—77; 3—80
- Хеопс 1—446; 3—98
- Херасков М. М.
- «Коль славен наш Господь в Сио-
не...» 3—236, 447; 4—375, 428
- Хирам 1—164, 165, 423
- Хлебников Вел. 3—9, 131, 422, 456
- «Заклятие смехом» 3—456
- Ходасевич В. Ф. 1—414; 2—8, 469,
486; 3—5, 442, 443, 466; 4—14, 405
- «Европейская ночь» 2—10
- «Колеблемый треножник» 2—8; 3—
466
- «Литература в изгнании» 2—480
- Ходотов Н. Н. 3—144, 438
- Хомутов П. Ф. 1—34, 398
- Хомяков Н. А. 1—355, 448; 3—75,
87, 417, 421
- Хохлов Е. С. 3—23, 467, 567
- «Сатирикон» и сатириконцы» 1—
446, 447; 3—424, 466, 468
- Христос см. Иисус Христос
- Цветаева М. И. 1—390, 414; 3—13,
15, 16, 34, 442, 466; 4—13, 20; 5—531
- «Об искусстве» 3—466
- «Поэт о критике» 3—459
- «Цветень», альм. 5—535, 592
- Цезарь 5—251, 485
- Цензор Д. 3—65, 66, 67, 382, 412,
413, 465
- «Старое гетто» 3—413
- Цеппелин Ф. 2—446; 4—412
- Церера (миф.) 2—336, 481
- Цеткин К. 2—468
- Цетлин М. О. 5—580
- Цвибак Я. М. см. Седых А.
- «Цех поэтов», литер. объедин. 5—574
- Цирцея (миф.) 2—17, 108, 249, 250,
454, 473
- Цицерон 1—444; 3—49
- Чайковский П. И. 4—17, 214, 392
- Чайковский Р. Р. 4—391
- Чаплин Ч. 3—128, 132, 353, 355, 436
- Чарская Л. А. 3—9, 372, 378, 461, 463
- «Час полуденный», газ. 1—418
- «Часовой», журн. 3—445
- Человек без селезенки см. Че-
хов А. П.
- Челпанов Г. И.
- «Мозг и душа» 1—155, 422
- Чемберлен О. 2—228, 471; 3—163,
186, 187, 440, 441

- Чернов В. М. 2—139, 458
 «Черный кабинет» 1—57, 403
 «Черный кот», альм. 1—440; 3—438
 Чернышевский Н. Г. 3—442
 Черубина де Габриак см. Дмитриева Е. И.
 Чехов А. П. 1—22, 87, 191, 194, 407, 408, 409, 448; 2—5, 19, 36, 121—122, 426, 455; 3—14, 98, 341, 377, 397, 459; 4—5, 7, 11, 12, 15, 20, 21, 22, 240; 5—535
 «Каштанка» 2—134; 3—459; 5—121, 122
 «Белолобый» 3—459
 «Дама с собачкой»
 Дмитрий Гуров 4—400
 «Пестрые рассказы» 1—191; 4—12
 «Попрыгунья» 4—393
 «Три сестры» 2—12; 4—6, 394
 Чебутыкин 3—423; 4—394
 «Хмурые люди» 4—6
 Чехов М. П. 2—15
 Чехонин С. В. 1—24; 3—345, 452; 5—559
 Чингисхан 2—52
 «Числа», журн. 3—460
 Чичерин Г. В. 2—471; 3—106, 129, 136, 428, 437
 Чуковская Е. Ц. 1—399; 5—551
 Чуковская Л. К.
 «Память детства» 1—433
 Чуковский К. И. 1—14, 15, 108, 109, 391, 396, 399, 403, 404, 405, 408, 411, 422, 433, 440; 2—452, 475; 3—8, 10, 17, 341, 439, 451, 461; 5—528, 529, 532, 534, 551, 555, 558, 563, 569, 578, 579
 Собр. соч. 1—411
 «Доктор Айболит» 5—563
 «Крокодил» 5—527, 558
 «Леонид Андреев большой и маленький» 3—415, 418
 «Лица и маски» 3—12
 «Муха-Цокотуха» 5—563
 «От двух до пяти» 4—420; 5—528
 «Современники» 1—396, 422; 2—452
 «Современные Ювеналы» 1—16
 Чулков Г. И. 3—369, 460
 Чурилин Т.
 «Конец Кикапу» 3—460
 — чь см. [Даманская А. ?]
 Чюмина О. Н. 3—411, 419
- «Шанхайская заря», газ. 3—443; 4—419
 Шарлемань О. А. 1—430
 Шаховской Д. А. 3—442
 Шванталлер Л.
 «Бавария» 1—252, 253, 434
 Шварц А. Н. 1—80, 118, 127, 132, 323, 406, 416, 417, 419, 445
 Шварц Е. Л. 5—533
 Шекспир В. 1—326, 328, 331, 426; 2—243, 382; 3—77, 187, 441; 4—177, 258, 313
 «Гамлет» 1—92
 Фелия 2—323; 4—28, 176
 «Ромео и Джульетта»
 Джульетта 1—437; 2—224; 3—84
 Ромео 1—348, 437; 2—224, 319; 3—84
 «Сон в летнюю ночь» 3—74, 415
 Шелли П. Б. 1—217; 4—49
 Шенебах, фон 2—471
 Шенкен 3—77
 Шестов Л. И. 2—15
 Шиллер Ф. 1—119, 241, 242, 243, 244, 434; 2—83; 3—128, 434
 «Дон-Карлос, инфант испанский» 2—480; 3—462
 «Ивиковы журавли» (пер. Жуковского В. А.) 1—424; 2—16
 «Торжество победителей» 1—405
 «Шиповник», альм. 1—433, 439, 452; 3—90
 «Шиповник», изд-во 1—395, 400, 425; 5—552, 565
 Шишкин И. И. 4—392
 Шишков В. 3—368
 Шкловская З. Д. 4—425
 Шмелев И. С. 2—460, 472; 3—122, 434, 437, 442; 4—14
 «Солнце мертвых» 2—10
 Шнейдерман Э. М.
 «Новое о Саше Черном» 3—407
 Шницлер А.
 «Хоровод» 1—91, 408
 Шопен Ф. 4—166, 408
 Шопенгауэр А. 1—13
 «Свобода воли» 1—85
 Шостакович Д. Д. 1—401
 Шоу Б. 2—226, 471; 3—26, 341, 342, 451
 «Цезарь и Клеопатра» 1—453
 Шпенглер О.
 «Закат Европы» 2—459
 Штейн О. 3—418
 Штиглиц А. Л. 3—347, 454
 Штрайхер Л. Л. 5—562
 Штраус Д. Ф.
 «О Вольтере» 3—74, 415
 «Штык», журн. 3—466
 Шумаков Ю. Д. 4—394

- Шустов И. В. 3—447; 4—156, 407; 5—581
 Шуф В. А. 3—419
 «Шут», журн. 1—415
- Щедрин см. Салтыков-Щедрин М. Е.
 Щекотихина-Потоцкая А. В. 4—427; 5—580
 Щепкин Е. Н. 4—134
 Щепкин М. С. 3—456
 Щепкина-Куперник Т. Л.
 «Принцесса Грёза» (пер.) 3—415
- Эгла (библ.) 1—376, 378, 379, 381, 382
 Эдем (библ.) 1—209, 230; 2—313, 451; 4—54, 76, 80, 164; 5—538
 Эдисон Т. 2—412; 3—100; 4—176; 5—250, 413
 Эзоп 1—199
 Эйнштейн А. 3—429
 Эйфель А. Г. 2—252; 3—110, 133, 138, 182, 353; 4—174, 315; 5—245, 387, 388, 481, 586
 Эллис (Кобылинский Л. П.) 3—9
 Элькин Б. И. 5—553
 Энгель Ю. Д. 5—562
 Энгельгардт Н. А. 3—410
 «Энергия», альм. 1—411, 441, 442; 2—453
 «Эпоха», газ. 1—402, 416
 Эренбург И. Г. 2—204, 465; 3—113, 175, 373
 «А все-таки она вертится...» 2—204, 465
 Эрлих В. 1—391
 Эрос (миф.) 1—27, 326; 3—85
 Эфрон А. С. 5—531
 Эфрон С. Я. 3—442
- Ювенал Д. Ю. 1—100, 188
 Юденич Н. Н. 3—443
 Юдифь (библ.) 4—101, 401
 «Юманите», газ. 3—455
 Юнгер А. А. 1—325, 446, 451; 3—22
 Юпитер (миф.) 1—82; 3—372
 Юргенсон П. И. 5—562
 Юркевич В. Н. 4—408
 Юсов Н. Г. 1—394
 Юшкевич С. С. 2—472
- Яблоновский А. А. 1—6, 404; 2—450, 457, 460, 462, 481; 3—31, 372, 411, 445, 461, 469; 4—413, 428; 5—566
 «Дела писательские» 2—462
 «Записки уличного адвоката» 3—407
 «На паперти» 2—450
 «Срезался по алгебре» 4—404
 Языков Н. М. 2—452
 «Из страны далекой» 2—94, 452, 453
 «Пловец» 4—394—395
 Яковлев А. Е. 1—326, 446; 3—22
 Якубович П. Ф. (Л. Мельшин; П. Я.) 1—87, 407
 Якушкин П. И. 5—568
 Янус (миф.) 3—179
 Ясинский И. И. 3—424
- Allegro см. Соловьева П.
 Ave см. Аверченко А. Т.
 «Les enfants de France», журн. 5—574
 «Fliegende Blätter», журн. 4—397
 «Jugend», журн. 4—53, 54, 77, 99, 396, 401
 Mad см. [Дризо М. А.]
 «Simplicissimus», журн. 3—385, 466

УКАЗАТЕЛЬ ПСЕВДОНИМОВ, КРИПТОНИМОВ И ПОДПИСЕЙ САШИ ЧЕРНОГО (А. ЧЕРНОГО) *

- А. Б. В. 3—433
 А. Г. 3—417, 424; 5—568, 570, 571, 579
 А. Г-г 3—408
 А. Гл. 3—410
 А. Гл-г 1—396
 А. Глик. 1—416
 А. Глик-Берг 3—415
 А. Гликберг 1—395, 396, 399, 404, 421, 429, 432, 435, 438, 444, 449, 450
 А. Г-ъ 3—458
- А. Ч. 2—456, 463, 469, 476, 479; 3—426, 441, 456, 457, 473; 5—568
 А. Ч-й 2—470
 — а Черный 2—456
- Буль-Буль 3—21, 22, 39, 416, 419, 421
 Г. 3—408
 Гейне из Житомира 1—449
 Гли А. 1—402
 Гликберг 1—435, 436, 437, 439, 451

* Подготовлен Д. Р. Памфиловой.

Гликберг А. 3—455
Гликберг-Саша Черный 1—433
Гликберг-Черный 1—447

И. Канаус 3—29, 436
Иван Лось 3—437; 4—415
Иван Чижик 1—408; 3—5, 14, 15,
16, 17, 19, 22, 24, 32, 39, 63, 64, 74, 411,
412, 414, 415, 416, 420
— Й — 2—479

Кинто 3—21, 438, 444

Паркет 3—433

С-а Ч. 1—407, 418, 421, 430, 444, 451;
2—472, 476; 3—422—423; 5—570
С-а Ч-й 1—408, 409, 410, 422, 437,
447; 3—413, 419, 421; 5—570
С-а Черный 1—411, 416
Сам-по-себе 1—8; 3—6, 8, 25, 39,
406, 407
Сандро 3—29, 443

Скрут 2—471, 481
С-о 3—444

Ф. С. Смяткин 3—29, 31, 403, 425,
426; 4—110, 126, 430, 435; 5—
592
Флит 3—434

Ч. 2—457, 469, 470; 3—426
Черт в стуле 3—412
— Ъ. 3—412

Chat Noir 1—417; 3—21

S. 2—468; 3—442
S ... о 2—468; 3—426
S-о 5—592

Sandro 2—469, 470; 3—21, 426; 5—
568, 571, 573, 574, 592, 593
Scriba 2—469; 3—29, 432, 440

Turdus 1—446; 2—472; 3—23, 24, 29,
39, 129, 426, 433, 436

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ САШИ ЧЕРНОГО (тт. 1—5)

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

А. А. Радаков («Добродушен и коварен...»); Сатириконцы, цикл) 1—325, 446
А. А. Юнгер («Изящен, как Божья коровка...»); Сатириконцы, цикл) 1—325, 446
А. Белый («Ради шаткой клички гений...»); Эпиграммы, IV) 2—204, 465
А. Е. Яковлев («Коралловый ротик...»); Сатириконцы, цикл) 1—326, 446
А. Н. Толстой («В среду он назвал их палачами...»); Эпиграммы, VII) 2—205, 465
А. Рославлев («Без галстука и чина...»; Из зеленой тетрадки, II) 1—112, 414
А. Т. Аверченко («В колчане сажень крепких стрел...»); Сатириконцы, цикл) 1—324, 446
Автобиография г. Есенина («Я советский наглый «рыжий»...»); Эпиграммы, VI) 2—205, 465
«Адам молчал сурово, зло и гордо...» (Несправедливость) 1—209, 430
Аисты («В воде декламирует жаба...») 2—65, 449
Аисты («На вершине вяза...») 5—34, 560, 561

Американец («Осенний день. Ленивый веер солнца...») 2—54, 449
Амур и Психея («Пришла блондинка-девушка в военный лазарет...») 1—221, 432
Анархист («Жил на свете анархист...») 1—88, 407
Анемоны («Сорвавши белые перчатки...») 1—207, 430
«Антракт. Один сплошной антракт...» (Продолжение одного старого разговора) 1—102, 411
Апельсин («Вы сидели в манто на скале...») 1—292, 439
Апрель («С задорным лаем мчатся псы...») 2—308, 479
Арапкина молитва («Мохнатый пес...») 5—29, 560
«Арон Фарфурник застучал наследницу дочку...» (Любовь не картошка) 1—231, 432
Атака («На утренней заре...») 2—30, 447
«Ах, в буднях мало красоты...» (День воскресный) 2—142, 458
«Ах, зачем нет Чехова на свете!» 2—121, 455
«Ах, как вкусно пахло сало...» (Мышиное горе) 5—33, 560

- «Ах, милый Николай Васильич Гоголь!» («Смех сквозь слезы») 1—85, 406
- «Ах, сквозь призму...» (Веселая наглость) 1—125, 417
- «Ах, сколько на свете детей!» 5—62, 564
- Б. К. Зайцеву («Юбилейный стиль извещен...») 2—310, 479
- «Бабкин смел,— прочел Сенеку...» (Читатель; Из зеленой тетрадки, IV) 1—112, 414
- «Бавария» («Мюнхен, Мюнхен, как не стыдно!») 1—252, 434
- «Баварский brave генерал...» (Европа и «они», V) 2—226, 471
- «Багровое солнце косо...» (Песня) 1—202, 429
- Базар в Auteuil («Хорошо у Занзибара...») 2—312, 480
- Бал в женской гимназии («Пехотный Вологодский полк...») 2—111, 454
- Баллада («Был верен себе до кончины...»; Из «*Sinngedichte*» Людвиг Фурльда) 1—100, 410
- Баллада («Устав от дела, бюрократ...») 1—117, 416
- Баллада о русском чуде («Василий Жуковский...») 2—136, 458
- «Бам! Солнце блещет...» (Девочка поет) 5—48, 563
- «Баю-бай! Васик — бай!» (Колыбельная) 5—50, 563
- «Баю, кукла, баю-бай» (Колыбельная) 5—47, 562
- Бегство («Зеленой плесенью покрыты кровли башен...») 1—168, 424
- Бегство («Я проснулся и спичкою чиркнул о стул...»; Деревенские удовольствия, IV) 2—340, 482
- «Беден был старик Аньело...» (Чудесный алмаз) 5—207, 580
- Без вакансий («Вверх за лодочным сараем...») 2—364, 483
- «Без галстука и чина...» (А. Рославлев; Из зеленой тетрадки, цикл) 1—112, 414
- «Без земли и без границ...» (Газета, II) 2—149, 459
- Безвременье («Туманы Северной Пальмиры...») 1—332, 448
- «Безглазые глаза надменных дураков...» 1—218, 431
- Бездарность («Где скользну по Мопасану...») 1—328, 447
- Борьба («Сползаются тучи...») 1—207, 430
- «Брандахлысты в белых брючках...» (Мясо) 1—64, 403
- «Бронхитный исправник...» (Кумысные вирши, III) 1—140, 419
- Будни («Мелкий дождик так и чешет...») 2—37, 447
- «Буйно-огненный шиповник...» (Разгул) 1—283, 439
- «Буквам очень надоело...» (Живая азбука) 5—65, 565
- Бульвары («Праздник. Франты гимназисты...») 1—143, 420
- «Бульдоговидные дворяне...» (Корпоранты) 1—247, 434
- Буренину («Зарезавший Буренина-позта...») 1—328, 447
- «Был верный себе до кончины» (Баллада; Из «*Sinngedichte*» Людвиг Фурльда) 1—100, 410
- «Быть может, в тихом Нанте, быть может, в шумном Марселе...» (Русский мальчик) 2—165, 460
- «В аду томился серафим...» (Памяти А. Блока) 2—126, 456
- В Александровском саду («На скамейке в Александровском саду...») 1—237, 433
- В альбом Брюсову («Люди свыклись с древним предрассудком...»; Из зеленой тетрадки, VIII) 1—113, 414
- В башкирской деревне («За тяжелым гусем старшим...») 1—232, 433
- В Берлине (I—II) 1—250, 434
- В Борме (I—III) 2—350, 482
- «В бочонке селедки...» (Русская лавочка) 2—160, 460
- В Булонском лесу («Там, за последней вилой...») 2—289, 477
- «В бутылке вина...» (Пьяная песня) 1—304, 442
- В венок павильоне («Я признаю вас открыто...») 2—217, 469
- В винной лавке («За прилавком — кудрявый синьор...») (Римские офорты, III) 2—181, 463
- «В воде декламирует жаба...» (Аисты) 2—65, 449
- В Гарце («Из белых полей, замутненных разгулом метели...») 2—76, 450
- «В генуэзском заливе...» (Уголок) 1—269, 437
- «В городе кран повернешь — брызнет хрустальный поток...» (Вода) 2—360, 482
- «В городской суматохе...» (Наконец!) 1—225, 432
- В гостинице «Пьемонт» (I—III) 2—183, 463
- «В гостинице «Пьемонт» среди уличного гула...» (В гостинице «Пьемонт», I) 2—183, 463
- В гостях («Холостой стаканчик чаю...») 1—78, 406

- «В грудь домов вливает речка гулко...» (В старом Ганновере) 2—78, 450
- «В гудящем перезвоне...» (Пожарный) 2—115, 454
- «В двадцать третьем году, весной...» (Голос обывателя) 2—132, 457
- «В дверях стоит высокий, седоусый...» (Сбор винограда) 2—335, 481
- «В день Вашего рождения...» (Надпись на книжке, подаренной одной знакомой девочке) 5—89, 570
- В деревне («Так странно: попал к незнакомым крестьянам...») 1—197, 428
- В детской («Сережа! Я прочел в папашинем труде...») 1—207, 429
- «В жаркий полдень влез, как белка...» (Послание шестое) 1—137, 419
- «В животе горячо, в животе бурлит...» (О чем поет самовар) 2—117, 454
- «В жизни так мало красивых минут...» (Театр) 1—174, 424
- «В заглохшем саду колыхаются травы...» (Могила в саду) 2—67, 449
- «В заливе под Тулоном...» (Горе от прохожих) 2—320, 480
- «В зале «Зеленой свиньи» гимнастический клуб «На здоровье»...» (Еще факт) 1—250, 434
- «В зубах гусиное перо...» (Criticus) 1—110, 413
- В Кампанье («Со щенком, вздохмаченым бродягой...»; Римские офорты, II) 2—180, 463
- В карцере («За сверхформенно отросшие волосья...») 1—202, 429
- «В китайских круглых телескопах...» (Гостиница в Пасси, номер 5) 2—219, 470
- «В колодец глухо шлепнулась бадья...» (На крыльце; Русские миражи, цикл) 2—262, 476
- «В колчане сажень крепких стрел...» (А. Т. Аверченко; Сатириконцы, цикл) 1—324, 446
- «В конюшне старой скрылся я от бури...» (Ливень) 2—357, 482
- «В коридоре длинный хвост носилок...» (В операционной) 2—33, 447
- «В коротких панталосках...» (Мечты) 1—320, 444
- В Крыму («Турки носят канифоль...») 1—299, 441
- «В лесу под наметом ветвей...» (Муравей) 5—97, 572
- «В литературном преискуранте...» (В пространстве) 1—178, 425
- «В львином рву Даниил объяснялся со львами...» (Политикон и эмигрантский уезд, III) 2—223, 470
- В Люксембургском саду (I—II) 2—284, 477
- «В мансарде у самых небес...» (Парижское житие) 2—150, 459
- В Марселе (I—III) 2—341, 482
- В метро («В стеклянном ящике...») 2—292, 477
- «В минуты...» (Утешение) 1—194, 427
- В море («Если низко склониться к воде...») 1—272, 437
- В море («Мыплыли с острова Пор-Кро...») 2—358, 482
- «В наши дни трехмесячных успехов...» (Простые слова) 1—87, 407
- «В небе белые овечки...» (Песня ветра) 5—57, 564
- «В небе полосы дешевых чернил...» (Северные сумерки) 1—198, 428
- «В небе праздник голубой...» (Сирень) 5—112, 572
- В немецкой Мекке (I—III) 1—241, 434
- В немецком кабаке («Кружки, и люди, и красные столики») 1—353, 451
- «В норе с голоду не сидится...» (Лисапостница) 5—82, 568
- «В облаках висит луна...» (Из Гейне, III) 1—297, 440
- В огороде («В огороде целый день...») 5—27, 560
- «В огромном городе так трудно разыскать...» (Собачий парикмахер) 2—290, 477
- В Одессе («Вдоль деревянной длинной дамбы...») 2—103, 453
- В ожидании ночного поезда («Светлый немец...») 1—244, 433
- В операционной («В коридоре длинный хвост носилок...») 2—33, 447
- В оранжерее («Небо серо—мгла и тучи, садик слякотью размыт...») 1—176, 422
- В осенний день («Сквозь небесное сито весь день моросил...») 2—346, 482
- «В освещенном квадрате...» (Газета, I) 2—148, 459
- В Пассаже («Портрет Бетховена в аляповатой рамке...») 1—180, 425
- «В переулочек—к бурлящей Сене...» (У Сены) 2—295, 478
- В плену («Оптовый продавец подтяжек, мистер Крукс») 2—233, 472
- В поезде («За окном под небом летним...») 2—266, 476
- «В погожий день...» (Легкие стихи) 2—239, 473
- «В полдень тенью и миром полны переулочки...» 1—257, 435
- В поте лица («Поет рубанок гладкий...») 2—234, 472
- В пространстве («В литературном преискуранте...») 1—178, 425

- В пути («Словно звон бессонной цитры...») 1—256, 435
- В пути («Яркий цвет лесной гвоздики...») 1—275, 437
- «В пышной вишне дрожь и шорох...» 2—105, 453
- В раю («По лиловым дорожкам гуляют газели...») 5—9, 554
- В редакции толстого журнала («Серьезных лиц густая волосатость...») 1—73, 405
- В рыбацком местечке («Русалки в широких матросских штанах...») 2—347, 482
- «В саду расплавленная лава...» (Душ; Из летней тетради, II) 2—352, 482
- В Саксонских горах («Над головою по веревке взползает немец на скалу...») 2—234, 472
- В Саксонской Швейцарии («С фрейлен Нелли и мистером Гарри...») 2—82, 450
- «В самый зной пегашку Лизу...» (Приключение) 5—31, 560
- В санатории («Чуть глаза распялишь утром...») 2—324, 480
- «В слезах из рая Ева уходила...» (Из альбома женоненавистника, III) 2—210, 468
- «В средневековье шум и гам...» (Все то же) 1—124, 417
- «В среду были именины...» (Полька) 5—54, 563
- «В среду он назвал их палачами...» (А. Н. Толстой; Эпиграммы, VII) 2—205, 465
- «В старинном городе, чужом и странно близком...» (Из Флоренции) 1—268, 437
- В старом Ганновере («В грудь домов вливает речка гулко...») 2—78, 450
- В Старом Крыму («Над головой белеют сакли...») 1—365, 452
- «В стекла оранжевой бронзой ударил закат...» (Закат) 1—356, 451
- «В стекла смотрит месяц красный...» (Когда никого нет дома) 5—58, 564
- «В стеклянном ящике...» (В метро) 2—292, 477
- В степи («Облаков оранжевые пряди...») 1—355, 451
- «В стогу молодой соломы...» (На току) 2—106, 453
- В стране Петрарки («Блоха впиалась в спинной хребет...») 2—193, 463
- «В тесной каморке — беженский дом...» (Мать) 2—272, 476
- В типографии («Метранпаж октавой низкой...») 1—189, 426
- В Тироле («Над кладбищенской оградой вьются осы...») 1—307, 442
- «В трамвае, набитом битком...» (Европеец) 1—79, 406
- «В третий раз сегодня будем перечитывать «Каштанку»...» (Вечерний разговор) 5—121, 573
- «В туннелях парижской подземки...» (Мелкобуржуазные мечты) 2—146, 459
- В угловом бистро (I—II) 2—302, 478
- «В углу сидит в корзинке фокс...» (Щенок) 2—270, 476
- В усадьбе («Склад вазонов на дорожках...») 1—82, 406
- «В харчевне лесной...» (Остров) 1—276, 438
- В хлеву («Пахнет сеном и теплом...») 5—42, 561
- «В час лазурный утром рано...» (У океана) 5—93, 570
- «В час ночи в комнату ко мне...» (Ночью, II) 2—241, 473
- В час отлива («Отлив. В каменной ложбинке...») 5—94, 571
- «В часы отлива океан...» (Океанская забава) 5—94, 571
- В чаще («По бурому скату...») 1—285, 439
- «В чужой толпе...» 1—269, 437
- В штабе ночью («В этом доме сумасшедшем...») 2—35, 447
- «В экзотике заглавий — пол-успеха...» (Корней Белинский) 1—108, 411
- «В этом доме сумасшедшем...» (В штабе ночью) 2—35, 447
- «В эту ночь оставим книги...» (Застольная) 1—342, 450
- «В яслях спал на свежем сене...» (Рождественское) 5—79, 568
- «Варвара сеет ртом петрушку...» (Пицца) 1—199, 428
- «Василий Жуковский...» (Баллада о русском чуде) 2—136, 458
- «Вверх за лодочным сараем...» (Без вакансий) 2—364, 483
- «Вдали забор в чертополохе...» (Дрова; Главы из поэмы «Дом над Великой») 2—388, 484
- «Вдоль деревянной длинной дамбы...» (В Одессе) 2—103, 453
- «Вдоль набережной Сены...» (Пленники) 5—106, 572
- «Вдоль по пляжу пятна ближних...» (Солнечная ванна) 2—363, 483
- Венчание («Фата, букет и всер...»; Из К. Генкеля) 1—352, 450
- Веселая наглость («Ах, сквозь призму...») 1—125, 417
- Весенние слова («У поэта только два веленья...») 1—339, 450
- Весна в Шарлоттенбурге («Цветет миндаль вдоль каменных оград...») 2—76, 450

- «Весна или серая осень?» (На кладбище) 1—260, 435
- Весна мертвецов («Зашевелились корни...») 1—167, 423
- Весна на Крестовском («Сеть листьев выгнала алые точки...») 2—97, 452
- «Весь дом обшит навесами...» (Ферма; Прованс, цикл) 2—344, 482
- «Весь напомаженный, пустой поэзофит...» (Игорь Северянин; Эпиграммы, II) 2—204, 465
- «Ветер борется с плащом...» (У Балтийского моря, III) 1—264, 436
- «Ветер рвется за рубаху...» (Современная баллада) 2—305, 478
- «Ветер с визгом крадется за полость...» (Белая колыбель) 1—302, 441
- «Ветерок набегающий...» (Послание третье) 1—134, 419
- «Ветерок с Бульвар-Мишеля...» (Парижские частушки, цикл) 2—153, 459
- «Вечер. Ивы потемнели...» (Силуэты) 1—301, 441
- Вечерний разговор («Третий раз сегодня будем...») 5—121, 572
- Вечерний хоровод («Добрый вечер, сад-сад...») 5—47, 529
- Вешалка дураков (I—VII) 1—98, 410
- Вид из окна («Захватанные копогью и пылью...») 1—180, 425
- «Видали вы литовские, цветные по-яса?» (Подарок) 2—65, 449
- «Видно, север стокосался...» (У Балтийского моря, V) 1—265, 436
- «Визг и слезы. По дорожке...» (Плакса) 5—23, 559
- Визит («Садик. День. Тупой, как тумба...») 1—215, 430
- Вилениский ребус («О Рахиль, твоя походка...») 1—156, 422
- Виньетка («Трава на мостовой...») 1—422
- «Внизу, над всей террасой...» (У Эльбы) 2—80, 450
- «Вновь раскрыл я старую книгу...» (Гёте) 2—248, 473
- «Во все углы земного шара...» (Деловая ода в честь русской эмигрантки) 2—158, 460
- Во имя чего? («Во имя чего уверяют...») 1—193, 427
- Вода («В городе кран повернешь — брызнет хрустальный поток...») 2—360, 482
- «Военный фельдшер, демагог...» (Демьян Бедный; Эпиграммы, VII) 2—205, 465
- «Возвратясь усталая с примерки...» (Квартирантка) 1—293, 439
- Возвращение («Белеют хаты в молочном-белом рассвете...») 1—301, 441
- Волк («Вся деревня спит в снегу...») 5—25, 560
- Волк и баран («Волк как-то драл с барана шкуру...»; Из Виктора Буше) 1—122, 417
- Волшебник («Я сейчас, дядя Саша, — хотите?») 5—127, 573
- «Вон склонился над хижиной мшистой...» (Мимоза) 2—245, 473
- Воробей («Воробей мой, воробьишка!») 5—39, 561
- Воробы («Серый домик в Медоне...») 5—117, 572
- «Воробы в кустах дерутся...» (Снежная баба) 5—22, 559
- Воробыня элегия («У крыльца воробы с наслаждением...») 1—363, 452
- Воскресение на Крестовке («Мимо нашего плота...») 1—322, 445
- «Вот дама с фонарем...» (Мишины рисунки, 2) 5—110, 572
- Враги («— Гав, гав! Скверная кошка!») 5—32, 560
- «Время года неизвестно...» (Окраина Петербурга) 1—71, 404
- «Все блага жизни, кто тебе послал?» (Катехизис; Из Гёте, III) 2—203, 465
- «Все в штанах, скросенных одинаково...» 1—50, 402
- «Все захватив — шрифты, бумагу, краски...» (Пролетарская муза) 2—226, 471
- «Все местечко засыпает...» (С приятелем, III) 2—70, 449
- «Все мозольные операторы...» (Юмористическая артель) 1—190, 426
- «Все на свете условно...» (Постирушка; Из легкой тетради, IV) 2—353, 482
- Все то же («В средневековые шум и гам...») 1—124, 417
- «Всегда готовое голодное витийство...» (Дежурное блюдо) 1—349, 450
- Всероссийское горе («Итак — начинается утро...») 1—66, 404
- «Всплески весел и скрипы уключин...» (Осенний день, I) 1—361, 452
- «Всю зиму нормандская баба...» (Солнце) 2—297, 478
- «Вся деревня спит в снегу...» (Волк) 5—25, 560
- «Вся ограда...» (Хмель) 1—281, 438
- «Вся улочка в пыли...» (Стадо; Русские миражи, цикл) 2—261, 476
- «Всяк солдат слуга Престола...» (Словесность) 1—33, 396
- «Вчера играло солнце...» (Послание пятое) 1—136, 419
- «Вчера мой кот взглянул на календарь...» (Побуждение весны) 1—46, 401

- «Вы сидели в манто на скале...» (Апельсин) 1—292, 439
- «Вы слышите сдержанный внутренний плач...» (Ода на оставление доктором Држевецким 18-го полевого госпиталя) 2—40, 448
- «Выбрав место у тропинки...» (С холма) 2—368, 483
- «Высоко над Гейдельбергом...» (Kinderbalsam) 1—238, 433
- «— Гав, гав! Скверная кошка!» (Враги) 5—32, 560
- Газета (I—II) 2—148, 459
- Галоши счастья («Перед меркнувшим камином шуря сонные глаза...») 2—127, 457
- Гармония («Направо в обрыве чернели стволы...») 1—169, 424
- Гармония («Роза приятна по форме и запах имеет приятный...») 1—119, 416
- «Где барчук? Удрал к реке...» (Нянька) 2—108, 453
- «Где газовый завод вздымает круто трубы...» (Пустырь) 2—294, 478
- «Где живет злой доктор Ай?» (Доктор Ай) 5—49, 563
- «Где скользну по Мопассану...» (Бездарность) 1—328, 447
- «Генерал от водки...» (Праздник) 1—147, 421
- «Генерал сидит, как Будда...» (Ревизия) 2—38, 448
- Герой («На ватном бюсте пуговицы горят...») 1—345, 450
- «Гессен сидел с Милоковым в печали...» (Невольное признание) 1—116, 415
- Гёте («Вновь раскрыл я старую книгу...») 2—248, 473
- «Гёте и Шиллер на мыле и пряжках...» (На могилах; В немецкой Мекке, III) 1—243, 434
- «Гиацинты яркие, гиацинты пряны...» (Праздник) 1—204, 429
- «Гигантские спички...» (Идиллия) 1—273, 437
- Гигиенические советы («Ты не салопница, ты муж почтенных лет...») 2—206, 468
- Гиена («Гиена такая мерзкая...»; Зверье, 2) 5—101, 572
- Гимн весне («Долой сосновую фуфайку!...») 1—315, 444
- «Гимназистик на Трубе...» (На Трубе) 2—264, 476
- Главы из поэмы «Дом над Великой» 2—387, 484
- Глаза! («У моей любимой Любы...») 1—341, 450
- «Глазам показалось, что это олива...» (Затон) 2—106, 453
- «Глубокоуважаемые читатели!» (Дубовые стихи) 2—176, 462
- Глушь («Городок, как сон средневековый...») 2—79, 450
- «Гнется тростник и какая-то серая травка...» (У Балтийского моря, II) 1—264, 436
- «Говорите ль вы о Шелли, иль о ценах на дрова...» (Современный Петрарка) 1—217, 431
- «Голова, как из олова...» (Бодрый смех) 1—192, 427
- «Голова моя— темный фонарь с перебитыми стеклами...» (Стилизованный осел) 1—86, 407
- Голос обывателя («В двадцать третьем году, весной...») 2—132, 457
- Горе от прохожих («В заливе под Тулоном...») 2—320, 480
- «Город спятил. Людям надоели...» (Карнавал в Гейдельберге) 1—171, 424
- Городок («У подножья лесных молчаливых холмов...») 2—337, 481
- «Городок, как сон средневековый...» (Глушь) 2—79, 450
- Городская сказка («Мы с тобой на столе сидели...») 5—125, 573
- Городская сказка («Профиль тоньше камен...») 1—77, 405
- Городские чудеса (I—II) 2—286, 477
- Городской романс («Над крышей гудят провода телефона...») 1—236, 433
- Горький («Пролетарский буревестник...»; Эпиграммы, I) 2—204, 465
- Горькое лекарство («Утром розовая зорька...») 5—54, 563
- «Господа волонтеры...» (На реке) 1—144, 420
- «Господи! Как мне быть добрым...» («Неделя Доброты») 2—229, 471
- «Господин» сидел в гостиной...» (Пять минут) 1—182, 425
- Гостиница в Пасси, цикл 2—219, 470
- «Гостинодворским языком...» (Слишком резвому) 2—218, 469
- Гостинный двор («Как прохладно в гостинных рядах!») 2—101, 453
- «Графит на крыше раскален...» (Сквозной ветер) 1—166, 423
- «Гремя, трамвай подкатывает к лесу...» (Зеленое воскресенье) 2—318, 480
- Грешные стихи («Свеж и томен лес Булонский...») 2—317, 480
- Гришины сны («На прилавке...») 5—115, 572
- «Грохочет вода о пороги...» 1—278, 438
- «Грохочет мартовский ветер...» (У окна) 2—244, 473

- «Грубый грохот северного моря...» 2—88, 451
- «Гуляя в городском саду...» (Две басни, I) 1—185, 426
- «Давно над равниною русской, как ветер печальный и буйный...» (Памяти Л. Н. Андреева) 2—121, 454
- «Дама, качаясь на ветке...» (Сиропчик) 1—90, 408
- Дамоклов меч («Рудой гранит каменоломни...») 1—248, 434
- «Дамы в шляпках «кэк-уоках»...» (На открытии выставки) 1—72, 405
- «Дарья Львовна, жизнь не финик...» (Эмигрантская полька) 2—157, 459
- «Два боксера друг другу расквасили рыло...» (Из зеленой тетрадки, II) 2—222, 470
- Два желания (I—II) 1—61, 403
- Два мира («Нет песен в городе! Нет благодатных звуков...») 2—280, 477
- «Два раба на веслах повисли...» (Описание одного путешествия) 1—305, 442
- Два толка («Одни кричат: «Что форма? Пустяки!») 1—95, 409
- Два утенка («Два утенка подцепили дождевого червяка...») 5—38, 560
- Дважды два («После спора: дважды два...»; Политикон и эмигрантский уезд, V) 2—223, 470
- Две басни (I—II) 1—185, 426
- Две сестры («У рыбацкого навеса...») 5—84, 568
- «Дверь скрипнула. Трехлетний карапуз...» (Гостиница в Пасси, номер 25) 2—220, 470
- «Двор—уютная клетушка...» (Дитя) 2—185, 463
- «Дворник, оханку поленьев обрушивши с грохотом на пол...» (Колумбово яйцо) 1—187, 426
- «Двухпудовые ботфорты...» (Один из них) 2—30, 447
- Девочка и белая медведица («Сидит медведица в каменной ванне...»; Зверье, 3) 5—102, 572
- Девочка поет («Бам! Солнце блещет...») 5—48, 562
- Дежурное блюдо («Всегда готовое голодное витийство») 1—349, 450
- Декорация («На старой башне ровно три...») 1—278, 438
- «Дело было весною в Париже...» (Сказка о золотой рыбке) 2—161, 460
- Деловая ода в честь русской эмигрантки («Во все углы земного шара...») 2—158, 460
- Демьян Бедный («Военный фельдшер, демагог...»; Эпиграммы, VIII) 2—205, 465
- День воскресный («Ах, в буднях мало красоты!...») 2—142, 458
- Деревенские удовольствия (I—IV) 2—339, 482
- Дети («Какой улов принес домой ты нынче...»; Из поэмы «Утешение») 2—275, 477
- Детям («Может быть, слышали все вы—и не раз...») 5—7, 554
- Диана («По берлинской безумной улице...») 2—131, 457
- Диета («Каждый месяц к сроку надо...») 1—56, 403
- Диспут («Три курсистки сидели над Санным...») 1—166, 423
- Дитя («Двор—уютная клетушка...») 2—85, 463
- «Длиннохвостая шинель...» (Приготовишка) 5—9, 554
- «Для души купил я нынче...» (Меланхолическое) 2—249, 473
- До реакции («Дух свободы... К перестройке...») 1—41, 400
- «Добродушен и коварен...» (А. А. Радаков; Сатириконцы, цикл) 1—325, 446
- «Добрый вечер, сад-сад!» (Вечерний хоровод) 5—47, 562
- «Добрый конь автомобильный...» (Пикник) 2—353, 482
- Дождевые капли («Плик-плик!») 5—100, 571, 572
- Дождик («Летний дождик хлещет в крышу...») 5—55, 564
- Дождик («Прохладный бисер брызжет в стекла...»; Главы из поэмы «Дом над Великой») 2—390, 484
- Дождь («Сквозь распластанные ветки...») 1—263, 436
- Дождь («Утром фермерша-старушка...») 2—366, 483
- Доктор Ай («Где живет злой доктор Ай?») 5—49, 562, 563
- Докторша («Шумит, поет и плещет Вилия...») 2—45, 448
- «Долой сосновую фуфайку!» (Гимн весне) 1—315, 444
- Дом в Монморанси («Дом, как ковчег. Фасад кормой широкой...») 2—171, 461
- Дом Гёте («Кто здесь жил—камергер, Дон-Жуан иль патриций?»; В немецкой Мекке, II) 1—242, 434
- «Дом, как ковчег. Фасад кормой широкой...» (Дом в Монморанси) 2—171, 461

Дом над Великой (Поэма; «На тихом берегу Великой...») 2—18, 373, 444, 484
Дом Шиллера («Немцы надышали в крошечном покое...»; В немецкой Мекке, I) 1—241, 434
«Дома-шкатулки — стильные комоды...» (На окраине) 2—184, 463
«Домой! Через озеро, в пышном лиловом тумане...» (Зима, V) 2—110, 454
Дрова («Вдали забор в чертополохе...»; Глава из поэмы «Дом над Великой») 2—388, 484
«Дрожит диван, трясутся чашки...» (Гостиница в Пасси, номер 12) 2—220, 470
«Дрожит осенний воздух винный...» (Разъезд, I) 2—348, 482
«Друзья и родственники холодно молчат...» (На расстоянии) 1—211, 430
Дубовые стихи («Глубокоуважаемые читатели!...») 2—176, 462
«Дурак» («Под липой пение ос...») 1—229, 432
«Дурак и мудрецу порою кровный брат...» (Вешалка дураков, VI) 1—99, 410
«Дурак рассматривал картину...» (Вешалка дураков, IV) 1—99, 410
«Дух свободы... К перестройке...» (До реакции) 1—41, 400
Душ («В саду расплавленная лава...»; Из летней тетради, I) 2—352, 482
«Дядя Васенька в подарок черепахе мне принес...» (Черелаха) 5—92, 570

Е. А. Полевицкой («Так долгод путь: ни вежи, ни приюта...») 2—127, 456
Еврейский вопрос («Не один, но четыре еврейских вопроса...») 1—335, 449
Европа и «они» (I—V) 2—225, 471
Европеец («В трамвае, набитом битком...») 1—79, 406
«Европейский буржуй на полпредском балу...» (Европа и «они», I) 2—225, 471
Единственному в своем роде («Между Толстым и Гоголем Суворин...») 1—92, 408
«Ее называют Жильбертой...» (Консьержкина дочка) 2—267, 476
«Еж забрался в дом из леса!» (Уговор) 5—41, 561
«Еж-толстяк сидит под елкой...» (Песня бойскаутов) 5—96, 571
«Еле льющаяся зыбь вяло плещется у пляжа...» (У Балтийского моря, IV) 1—265, 436
«Еле тлеет погасший костер...» 1—302, 441

Елка в Тургеневской библиотеке («Я крепко спал... Вдруг двери заскрипели...») 2—168, 461
«Елки — беленькие свечи...» (Зима, II) 2—109, 454
«Если б, если б...» (Полет) 5—91, 570
«Если б я торговал корсетами...» (Святая наивность) 2—201, 464
«Если взрыть снежок под елкой у кочки...» (Зима, III) 2—110, 454
«Если взять насос за хобот...» (Утром) 2—64, 449
«Если летом по бору кружить...» 1—273, 437
«Если низко склониться к воде...» (В море) 1—272, 437
«Если ты еще наивен...» (Художнику) 1—329, 447
«Есть бездонный ящик мира...» (Книги) 1—326, 447
«Есть белое и красное киянти...» (Римские камни, IV) 2—179, 462
«Есть горячее солнце, наивные дети...» (Большому) 1—212, 430
«Есть особого рода любовь...» (Бензинная любовь) 2—224, 470
«Есть особого рода охота...» (В Люксембургском саду, II) 2—284, 477
Еще факт («В зале «Зеленой свиньи» гимнастический клуб «На здоровье...») 1—250, 433
Еще экспромт («У старца Шварца...») 1—127, 417

«Жаден дух мой! Я рад, что родился...» (Человек) 1—312, 433
«Жадно смотришь за гардины...» (Белое чудо) 2—192, 463
Жалобы обывателя («Моя жена — наседка...») 1—38, 399
Жара («Купый, курносый и жирный...») 1—270, 437
Желтый дом («Семья — ералаш, а знакомые — нытики...») 1—53, 402
«Желтых лыж шипящий бег...» (На лыжах) 1—266, 436
Жеребенок («Хвост — косичкой...») 5—44, 561
«Жестокий бог литературы...» 1—113, 415
Живая азбука («Буквам очень надоело...») 5—65, 543
Жизнь («Посади в вазон зимою скользко-белый твердый боб...») 2—232, 472
Жизнь («У двух проституток сидят гимназисты...») 1—151, 421
«Жил на свете анархист...» (Анархист) 1—88, 407

«Жил старик в Житомире, в отставке...» (Памяти генерала К. П. Губера) 2—42, 448

«Жили-были мышки...» (Как кот сметаны поел) 5—35, 561

«Жить на вершине голой...» (Два желания, I) 1—61, 403

«За воротами на лавочке сидим...» (Перед ужином) 5—12, 555

«За годом год...» (Сказка про красного бычка) 2—227, 471

«За окном под небом летним...» (В поезде) 2—266, 476

«За прилавком — кудрявый синьор...» (В винной лавке; Римские офорты, III) 2—181, 463

«За раскрытым пролетом дверей...» (На фронт) 2—28, 447

«За рядом ряд обшариваем лозы...» (Сбор винограда) 2—361, 483

«За садом, где речное лоно...» (На колокольне; Главы из поэмы «Дом над Великой») 2—387, 484

«За сверхформенно отросшие волосы...» (В карцере) 1—202, 429

«За селом на полной воле...» (Летом) 5—17, 557

«За сизо-матовой капустой...» (Огород) 1—300, 441

«За советом вы приходите ко мне?» (Условие; Из *Гете*, II) 2—203, 465

«За стеной по ночам неизвестный бандит...» (В гостинице «Пьемонт», III) 2—184, 463

«За тяжелым гусем старшим...» (В башкирской деревне) 1—232, 433

«За чаем болтали в салоне...» (Из *Гейне*, II) 1—296, 440

«Завернувши рыбы кости...» (Псковская колотовка) 1—157, 422

Завтра («Какой магнит нас всех по вечерам...») 2—174, 462

Загадка («Под яблоней гуси галдят и шипят...») 5—32, 560

Закат («В стекла оранжевой бронзой ударил закат...») 1—356, 451

Закат Европы («Я сидел на балконе с Иваном Петровым...») 2—152, 459

«Заклубилась темень над рекой...» (Тучков мост) 1—261, 435

«Замираю у окна...» 1—258, 435

Зараза («Кот в углу глядит понуро...») 5—88, 569

«Зарезавший Буренина-поэта...» (Буренину) 1—328, 447

Застенчивый таракан («На столике банка...») 5—53, 563

Застольная («В эту ночь оставим книги...») 1—342, 450

Затон («Глазам показалось, что это олива...») 2—106, 453

«Захватанные копытю и пылью...» (Вид из окна) 1—180, 425

«Зашевелились корни...» (Весна мертвецов) 1—167, 423

Зверье (1—4) 5—101, 572

«Звонки бирюзовых веселых трамваев...» (Улица в южно-германском городе) 1—173, 424

«Здесь в Александровском саду...» (Невский) 2—96, 452

«Здесь в комнате тихо, а там, за стеклом...» (Осенний день) 1—362, 452

«Здесь обед торжественней мистерии...» (Флорентийский день, II) 1—364, 452

«Здравствуй, бронзовый кабан...» (Флорентийский день, I) 1—364, 452

«Здравствуй, Муза! Хочешь финик?» 2—90, 451

«Зеленая елка, где твой дом?» (Рождественская) 5—56, 564

«Зеленькою ряскою...» (Пруд) 2—107, 453

«Зеленеют все опушки...» (Зеленые стихи) 5—61, 564

Зеленое воскресенье («Гремя, трамвай подкатывает к лесу...») 2—318, 480

«Зеленой плесенью покрыты кровли башен...» (Бегство) 1—168, 424

Зеленые стихи («Зеленеют все опушки...») 5—61, 464

Зеркало («Кто в трамвае, как акула...») 1—54, 402

Зима (I—V) 2—109, 454

Зимой («Снежинки-снежинки...») 5—59, 564

«Зимой всего веселей...» 5—24, 560

Зирэ («Чья походка, как шелест дремлотной травы на заре?») 1—293, 440

Злободневность («Я сегодня всю ночь просидел до утра...») 1—129, 418

Злой селезень («Старый селезень, выгнувши шею...») 5—124, 573

Змей («Облака плывут над пашней...») 2—118, 454

«Зу-зу-зу!» (Песня мухи) 5—56, 564

И. А. Бунину («На виселицы срублены березы...») 2—125, 455

«И мы когда-то, как Тиль-Тиль...» (Экспромт) 1—18, 416

«Иван Ильич храпит в постели...» (Эмигрантские сны) 2—251, 474

Игорь Северянин («Весь напомаженный, пустой поэзофит...»; Эпиграммы, III) 2—204, 465

Игрушки («У Тучкова моста жил художник...») 2—93, 451

- Идиллия («Гигантские спички...») 1—273, 433
- Из альбома женоненавистника (I—II) 2—209, 468
- «Из белых ночей, замутненных разгулом метели...» (В Гарце) 2—76, 450
- «Из взбитых сливок нежный шарф» (М<арии> Ф<едоровне>) 1—360, 451
- «Из всех билетов вызубрив четыре...» (Экзамен) 1—161, 423
- Из Гейне (I—V) 1—296, 440
- Из Гёте (I—VI) 2—203, 465
- Из гимназических воспоминаний («Пансионеры дремлют у стены...») 1—153, 421
- Из дневника выздоравливающего («После каждой привычно-бессмысленной свчатки...») 1—316, 444
- Из дневника поэта («Безмерно жутко в полночь на погосте...») 2—235, 472
- «Из-за забора вылезла луна...» (Первая любовь) 1—154, 422
- Из зеленой тетрадки (I—VIII) 1—111, 414
- Из зеленой тетрадки (I—II) 2—222, 470
- Из летней тетради (I—IV) 2—352, 482
- «Из мглы всплывает ярко...» (Пасха в Гатчине) 2—257, 475
- «Из моря вышло кроткое солнце...» (У колодца; Прованс, цикл) 2—344, 482
- «Из общества с коллегой в час ночной...» (Общество; Из Гёте, V) 2—203, 465
- «Из палатки вышла дева...» (Пластика) 2—332, 481
- «Из Устья в Псков с попутной барки...» (Танюша; Главы из поэмы «Дом над Великой») 2—385, 484
- «Из фабрики корзин и гнутых стульев...» (Шесть) 2—195, 464
- Из Финляндии («Я удрал из столицы на несколько дней...») 1—162, 423
- Из Флоренции («В старинном городе, чужом и странно близком...») 1—268, 437
- Из «Шмецких» воспоминаний («У берега моря кофейня. Как вкусен густой шоколад!...») 1—172, 423, 424
- «Изящен, как Божья коровка...» (А. А. Юнгер; Сатириконцы, цикл) 1—325, 446
- «Иллюстрированной России» («Как гласит резная надпись...») 2—166, 461
- Иммортелли («Ты не любишь иммортелей?») 5—18, 558
- Имя («Как назвать котенка?») 5—24, 558
- Индюк важничает («Ф-фух!...») 5—43, 561
- Иногда («Муть разлилась по Неве...») 1—315, 444
- Иногда («Проснешься ночью... На полу сквозит...») 2—242, 473
- Интеллигент («Повернувшись спиной к обманувшей надежде...») 1—56, 402
- Инфлюэнца («У младшей дочки «инфлюэнца»...; Главы из поэмы «Дом над Великой») 2—388, 484
- Искатель («С горя я пошел к врачу...») 1—48, 402
- Искусство («Бог, злой Отец, нас соблазнил Эдемом...») 2—89, 451
- Искусство в опасности! («Литературного ордена...») 1—91, 400, 408
- «Искусство измельчало!» (Раздавателю венков) 1—350, 450
- Исторический день («Это было так прекрасно...») 1—130, 418
- «Итак—начинается утро...» (Всероссийское горе) 1—66, 404
- «К баронессе Аксан'Грав...» (Стилизация; Из зеленой тетрадки, V) 1—112, 414
- К двухсотлетию Академии наук («Убившие свободную науку...») 2—221, 470
- К женскому съезду («Не спорьте о мужских правах...») 1—126, 417
- «—К нам, к нам!» (Лавочка) 5—109, 572
- К приезду французских гостей («Слава богам! Петроград посетили французские гости...») 1—127, 417
- К пуделю («Черный пудель, честная собака...») 2—265, 476
- «Каждый вечер перед сном...» (Перед сном) 5—27, 560
- «Каждый встречный на дороге...» (С приятелем, V) 2—72, 449
- «Каждый день одно и то же...» (Озорник) 5—122, 573
- «Каждый месяц к сроку надо...» (Дие-та) 1—56, 403
- «Каждый прав и каждый виноват...» (Споры) 1—55, 402
- «Как в бегиновских картинах краски странны...» (Осень в горах) 1—274, 437
- «Как гласит резная надпись...» («Иллюстрированной России») 2—166, 461
- Как кот сметаны поел («Жили-были мышки...») 5—35, 561
- «Как лезгинская шашка твой стан...» (Тифлисская песня) 1—306, 441

- «Как мокрый парус, ударила в спину волна...» (Прибой) 1—308, 442
- «Как назвать котенка...» (Имя) 5—24, 560
- «Как одолеть воробьев?»—спросил знакомый садовник...» (Из *Гёте*, IV) 2—203, 465
- «Как прохладно в гостиных рядах!» (Гостиный двор) 2—101, 453
- «Как свиноею доской...» (Саша Черный; Сатириконцы, цикл) 1—326, 446
- «Как-то сидя у ворот...» (Пряник) 1—201, 428
- Как Францы гуляют («Набив закусками вощеную бумагу...») 1—240, 434
- Как я живу и не работаю («На заре отправляюсь в Булонский мой лес...») 2—237, 472
- «Какая кротость умиранья...» (Осенний день, I) 1—361, 452
- «Какая радость в бешенстве холодном...» (Признание) 1—213, 430
- «Какой магнит нас всех по временам...» (Завтра) 2—174, 462
- «Какой улов принес домой ты нынче...» (Дети; Из поэмы «Утешение») 2—275, 477
- Каменщики («Ноги грузные расставивши упрямо...»; В угловом бистро, I) 2—302, 478
- Камин («Нет печки, увы!...») 2—140, 458
- Капризные вирши («Помню май в Берлине блеклом...») 2—306, 479
- Капуста («По аромату и по хрусту...»; Главы из поэмы «Дом над Великой») 2—391, 484
- Карнавал в Гейдельберге («Город спятил. Людям надоели...») 1—171, 424
- Картофельная идея («Я давно уж замечаю...») 2—330, 481
- Карточный домик («Начинается постройка!») 5—51, 563
- Катехизис («Все блага жизни кто тебе послал?»; Из *Гёте*, III) 2—203, 465
- «Качаются томные листики...» 1—287, 439
- «Каштаны все сочной развертывают лапы...» (Хмель) 2—279, 477
- «Квартирант сидит на чемодане...» (Крейцера соната) 1—46, 401
- Квартирантка («Возвратясь усталая с примерка...») 1—293, 439
- Кельнерша («Я б назвал ее мадонной...») 1—255, 435
- «Кем ты будешь? Ученым, свободным ученым!» (С приятелем, IV) 2—71, 449
- «Китги, кис, сними же шляпку...» (Устарелый) 1—338, 449
- Книги («Есть бездонный ящик мира...») 1—326, 447
- «Книжный клоп, давясь от злобы...» 1—216, 431
- «Когда в душе все скомкано и смыто...» (Профан) 1—346, 450
- «Когда душа мрачна, как гроб...» (Оазис) 2—50, 448
- «Когда, как бес...» 2—77, 450
- «Когда лежишь на берегу босой...» (Под тамариском) 2—362, 483
- Когда никого нет дома («В стекла смотрит месяц красный...») 5—58, 564
- «Когда поэт, описывая даму...» (Критику) 1—44, 400
- «Когда раскроется игра...» (Честь) 1—98, 410
- «Когда советский лжепит...» (Не по адресу) 2—200, 464
- Козленок («Треск цикадный так звонок...») 5—105, 572
- Колониальный день («Со сконфуженной улыбкой...») 2—328, 481
- Колумбово яйцо («Дворник, охапку поленьев обрушивши с грохотом на пол...») 1—187, 426
- Колыбельная («Баю, кукла, баю, бай...») 5—47, 562
- Колыбельная («Баю-бай! Васик—бай!») 5—50, 563
- Колыбельная («Мать уехала в Париж...») 1—229, 432
- Комнатная весна («Проснулся лук за кухонным окном...») 1—181, 425
- Кому в эмиграции жить хорошо («Однажды в мглу осеннюю...»; Поэма) 2—393, 484
- Консерватизм («Перед школою—люжок...») 1—200, 428
- Консьержкина дочка («Ее называют Жильбертой...») 2—267, 476
- Концерт («Мы—лягушки-кваксы...») 5—60, 564
- «Коралловый ротик...» (А. Е. Яковлев; Сатириконцы, цикл) 1—326, 446
- Корней Белинский («В экзотике заглавий—пол-успеха...») 1—108, 411
- Корпоранты («Бульоговидные дворяне...») 1—247, 434
- Корчевка («Хочешь сказку? Нынче днем...») 2—77, 450
- «Косою сеткой бьет крупа...» (Обезьянка; Городские чудеса, II) 2—286, 477
- Костер («Эй, ребяташки...») 1—290, 439
- Костер («Эй, ребяташки...») 5—10, 555
- «Кот в углу глядит понуро...» (Зараза) 5—88, 569

- «Кошка—злюка в серой шубке!» (Кошки-мышки) 5—52, 563
- «Кошка спит. Погасла свечка...» (Человек в часах) 5—53, 563
- Кошки-мышки («Кошка—злюка в серой шубке!») 5—52, 563
- Крапива («Над кочками, над травами...») 5—112, 572
- Красная бабушка («Подрубленных волос лохмато-серый круг...») 2—207, 468
- Крейцера соната («Квартирант сидит на чемодане...») 1—46, 401
- Критику («Когда поэт, описывая даму...») 1—44, 400
- «Кричит котенок, просится: «Возьми!»...» (Парадокс; Из летней тетради, IV) 2—353, 482
- «Кровь ударет горячей волною в виски...» 1—35, 399
- Крокодил («Я угрюмый крокодил...») 5—30, 554, 560, 561
- Кружевница («Раскрытый короб на паркет...»; Главы из поэмы «Дом над Великой») 2—391, 484
- «Кружки, и люди, и красные столики...» (В немецком кабаке) 1—353, 451
- «Крутя рембрандтовской фигурой...» 1—319, 444
- Кто? («Ну-ка, дети!») 5—46, 561
- «Кто больше их имеет право...» (Русские инвалиды) 2—166, 461
- «Кто в трамвае, как акула...» (Зеркало) 1—54, 402
- «Кто живет под потолком?» (Скрут) 5—57, 564
- «Кто здесь жил—камергер, Дон-Жуан или патриций?» (Дом Гёте; В немецкой Мекке, II) 1—242, 434
- «Кто любит прачку, кто любит маркизу...» (Мой роман) 2—268, 476
- «Кто пришел?—Трубочист...» (Трубочист) 5—11, 555
- «Кто этот, лгущий так туманно...» (Вешалка дураков, II) 1—98, 410
- «Куда тебя судьба не сунет головою...» (Размышления у подъезда «Лютетици») 2—168, 461
- Кукуруза («Сердце к пище равнодушно...») 2—263, 476
- Культурная работа («Утро. Мутные стекла, как бельма...») 1—17, 52, 402
- Кумысные вирши (I—IV) 1—138, 419, 433; 3—30
- Курортное (I—VI) 2—84, 451
- «Кусты прибрежной ивы...» (Романс) 2—232, 472
- Кухня («Тихо тикают часы...») 1—84, 406
- «Куцый, курносый и жирный...» (Жара) 1—270, 437
- Лаборант и медички («Он сидит среди реторт...») 1—81, 406; 3—22
- Лавочка («—К нам, к нам!») 5—109, 572
- «Лакированный, пузатый...» (Мандола) 2—91, 451
- Ламентации («Хорошо при свете лампы...») 1—44, 401
- «Лают раки на мели...» (Чепуха) 1—323, 445
- «Левой, правой, кучерявый...» (Совершенно веселая песня) 1—68, 404
- «Лег на прохладный подоконник...» (Флорентийский день, III) 1—365, 452
- Легенда («Это было на Пасху, на самом рассвете...») 2—34, 477
- Легкие стихи («В погожий день...») 2—239, 473
- «Лекционная религия пудами прибывает...» (Бирюльки) 1—194, 427
- Ленивая любовь («Пчелы льнут к зеленому своду...») 1—306, 441
- «Лесов тенистые покровы...» 2—89, 451
- Летнее удовольствие («Чуть к тетради склонишь ухо...») 5—98, 572
- «Летний дождик хлещет в крышу...» (Дождик) 5—55, 564
- Летом («За селом, на полной воле...») 5—17, 557
- Ливень («В конюшне старой скрылся я от бури...») 2—357, 482
- «Ли-ли! В ушах поют весь день...» (Настроение) 1—210, 430
- «Лилловый шарф и желтый бант у бюста...» (Пошлость) 1—95, 410
- «Лидка с мамой красят в столовой яйца...» (Письмо) 1—321, 444
- Лирическая кухарка («Блестя золотыми зубами...») 2—307, 479
- Лиса-постница («В норе с голоду не сидится...») 5—82, 568
- Литераторы на Капри («На скалах вечерние розы горят...») 1—111, 414
- «Литературного ордена...» (Искусство в опасности!) 1—91, 408
- Ломоносов-отрок («Над палубой крутою...») 5—360, 588
- Лошади («Четыре кавалера...») 1—152, 421
- Лукавая серенада («О Розина!...») 1—311, 443
- Лунатик («Не могу закрытого взора...») 1—259, 435

- «Луч вбил в ставню через щелку...» (Песня солнечного луча) 5—55, 564
- Любовь («На перевернутый ящик...»;
На пустыре, III) 2—300, 478
- «Любовь должна быть счастливой...» 1—220, 431
- Любовь к ближнему («Твой ближний влез уже на плот...») 2—209, 468
- Любовь не картошка («Арон Фарфурник застучал наследницу дочку...») 1—231, 432
- «Люди свыклись с древним предрас-судком...» (В альбом Брюсову; Из зеленой тетрадки, VIII) 1—113, 414
- Лягушонок («На потной трубе насо-са...») 5—104, 572
- М. Г. Корнфельд («Это милый наш из-датель...»; Сатириконцы, цикл) 1—324, 446
- Мадемуазель NN («Скажи без ковар-ства...»; Из *Гёте*, I) 2—203, 465
- Маленький полотер («Паркет наш гла-док, как каток...») 5—103, 572
- Маленькому другу («Пришел к своей принцессе...») 2—265, 476
- «Мальчик Боб своей лошадке...» (Бо-бина лошадка) 5—16, 557
- Мальчик не спит («Он проснулся на заре...») 5—103, 572
- «Мама ушла в мастерскую...» (Нянька) 5—107, 572
- Мамина песня («Синий-синий васи-лек...») 5—48, 563
- Мандола («Лакированный, пузатый...») 2—91, 451
- М <арии> Ф <едорвне> («Из взби-тых сливок нежный шарф...») 1—360, 451
- Мартышка («— Отчего ты, мартышка, грустна...») 5—44, 561
- Мать («В тесной каморке—беженский дом...») 2—272, 476
- «Мать уехала в Париж...» (Колыбель-ная) 1—229, 432
- Маяковский («Смесь раешника с час-тушкой...»; Эпиграммы, V) 2—205, 465
- «Медлительно-кроткие души...» (Тихое семейство; На колониальной выстав-ке, цикл) 2—326, 480
- «Между Толстым и Гоголем Суво-рин...» (Единственному в своем роде) 1—92, 408
- Меланхолическое («Для души купил я нынче...») 2—249, 473
- «Мелкий дождик так и чешет...» (Буд-ни) 2—37, 447
- Мелкобуржуазные мечты («В туннелях парижской подземки...») 2—146, 459
- Мертвые минуты («Набухли снега у ве-ранды...») 1—182, 425
- «Месяц выбелил пол...» 1—280, 438
- «Метранпаж октавой низкой...» (В ти-пографии) 1—189, 426
- «Мечтают двое...» (Хлеб) 1—227, 432
- Мечты («В коротких панталосках...») 1—320, 444
- «Мимо нашего плота...» (Воскресенье на Крестовке) 1—322, 445
- Мимоза («Вон склонился над хижинкой мшистой...») 2—245, 473
- Мираж («С девчонками Тосей и Ин-ной...») 2—83, 451
- Мистраль («Пускай провансальские лиры звенят...») 2—334, 481
- «Митя, любимец мамин...» (Старший брат) 5—83, 568
- Мишины рисунки (I—IV) 5—110, 572
- «Мишка, Мишка, как не стыдно!...» (Про девочку, которая нашла своего Мишку) 5—20, 559
- «Мне визиты делать недосуг...» (Общее поздравление) 5—84, 568
- «Мне женщин не понять веками...» (Из альбома женоненавистника, II) 2—209, 468
- «Мне снилось, что Плеве с печальным лицом...» (Сон) 1—37, 399
- Мобилизация («Этот год шершавым будет...») 2—177, 462
- Мои грядки («В заглохшем саду ко-лыхаются травы...») 2—67, 449
- «Может быть, слышали все вы—и не раз...» (Детям) 5—7, 554
- «Мой грозный шаг гремит в веках...» (Бессменный) 1—208, 430
- «Мой приятель, мальчик Вова...» (С приятелем) 5—120, 573
- Мой роман («Кто любит прачку, кто любит маркизу...») 2—268, 476
- «Молил поэта Блок-поэт...» 1—97, 410
- Молитва (Благодарю Тебя, Созда-тель...») 1—124, 417
- Молодому парнасскому полотеру («Чтоб стать тапером, надобно учиться...») 2—218, 469
- Моментальная фотография («На бал-коне под столиком...») 5—40, 561
- «Море дремлет... Солнце стрелы...» (Штиль; Из *Гёте*, V, цикл) 1—298, 440
- «Море-камни-сосны-шишки...» (Бес-печный день) 2—273, 477
- Мороз («На деревьях и кустах...») 1—358, 451
- Морская свинка («Морская? А где ж это море?»; Зверье, 4) 5—102, 572
- «Моторные лодки проплывают лени-во...» (У пруда; На колониальной вы-ставке, III) 2—327, 480

- «Мохнатый пес...» (Арапкина молитва) 5—29, 560
- «Моя жена — наседка...» (Жалобы обывателя) 1—38, 399
- «Мудрейший индивид...» (Две басни, II) 1—186, 426
- «Мужичок, оставьте водку...» («Пьяный» вопрос) 1—333, 448
- Мул («Напружив угловатый костяк...»; Римские офорты, I) 2—180, 463
- «Мул за стеной соломою шуршит...» 2—259, 475
- «Мул везет по шоссе чемоданы...» (Разъезд, II) 2—349, 482
- Муравей («В лесу под наметом ветвей...») 5—97, 572
- «Муссолини сидел на диване...» (Европа и «они», III) 2—225, 471
- «Муть разлилась по Неве...» (Иногда) 1—315, 444
- Мухи («На дачной скрипучей веранде...») 1—65, 403
- «Мчусь, как ветер, на коньках...» (На коньках) 5—26, 560
- «Мы женили медвежонка...» 1—295, 440
- «Мы играем в парход...» 5—119, 573
- «Мы культурны: чистим зубы...» (После посещения одного «литературного общества») 1—108, 411
- «Мы — лягушки-кваксы...» (Концерт) 5—60, 564
- «Мы плыли с острова Пор-Кро...» (В море) 2—358, 482
- «Мы с тобой два знатных иностранца...» (С приятелем, II) 2—69, 449
- «Мы с тобой на столе сидели...» (Городская сказка) 5—125, 573
- «Мы сжились с богами и сказками...» 1—338, 449
- Мышиное горе («Ах, как вкусно пахло сало!») 5—33, 560
- «Мюнхен, Мюнхен, как не стыдно...» («Бавария») 1—252, 434
- Мясо («Брандахлысты в белых брючках...») 1—64, 403
- Н. В. Ремизов («У него шестнадцать глаз...»; Сатириконцы, цикл) 1—325, 446
- «На балконе под столиком...» (Моментальная фотография) 5—40, 561
- «На берлинском балконе...» 2—74, 450
- «На брюках — широкая клетка...» (Гостиница в Пасси, номер 22) 2—220, 470
- «На ватном бюсте пуговицы горят...» (Герой) 1—345, 450
- «На веранде крошечная тьма...» 1—309, 442
- На Вербе («Бородатые чуйки с голодными глазами...») 1—68, 404
- На Вербе («Солнце брызжет, солнце греет...») 5—15, 556
- «На вершине вяза...» (Аисты) 5—34, 561
- «На виселицы срублены березы...» (И. А. Бунину) 2—125, 455
- На галерке («Предо мною чьи-то локти...») 1—149, 421
- «На грязь вдоль панели...» (Солнце) 2—73, 450
- «На дачной скрипучей веранде...» (Мухи) 1—65, 403
- «На дворе мороз...» (Про Катюшу) 5—14, 555
- «На деревьях и кустах...» (Мороз) 1—358, 451
- На Елагином («Не справляясь с желанием начальства...») 1—359, 451
- «На заборе снег лохматый толстой грядочкой лежит...» 5—34, 561
- На замковой террасе («Наивная луна, кружок из белой жести...») 1—279, 438
- «На заре отправляюсь в Булонский мой лес...» (Как я живу и не работаю) 2—237, 472
- «На каждую новую книжку по этике...» (Проект) 1—351, 450
- На кладбище («Весна или серая осень?») 1—260, 435
- «На козлах толстый франт...» (В Марселе, II) 2—341, 482
- На колокольне («За садом, где речное лоно...»; Главы из поэмы «Дом над Великой») 2—387, 484
- На колониальной выставке (I—III) 2—327, 480
- На коньках («Мчусь, как ветер, на коньках...») 5—26, 560
- «На Крестовском возле конки...» (На «Островах») 2—98, 452
- «На кровати — туловища с бюстами...» (Гостиница в Пасси, номер 13) 2—220, 470
- На крыльце («В колодец глухо шлепнулась бадья...»; Русские миражи, цикл) 2—262, 476
- «На лик напаялив решето...» (На пчельнике) 1—288, 439
- На лыжах («Желтых лыж шипящий бег...») 1—266, 436
- «На миг забыть — и вновь ты дома...» 2—63, 449
- На могиле («Гёте и Шиллер на мыле и пряжках...»; В немецкой Мекке, III) 1—243, 434
- «На мохнато-влажном срубе...» (Шляпа) 1—357, 451

- На музыкальной репетиции («Склонив хребет, галантный дирижер...») 1—156, 422
- На Невском ночью («Темно под сводами Казанского собора») 1—237, 433
- «На ночной веранде столик...» (Пьяный мотылек; Из летней тетради, I) 2—352, 482
- «На Одесской площади понурые, одры...» (Уездный город Болхов) 1—196, 428
- На окраине («Дома-шкатулки — стильные комоды...») 2—184, 463
- На «Островах» («На Крестовском возле конки...») 2—98, 452
- На открытии выставки («Дамы в шляпах «кзк-уоках»...») 1—72, 405
- На пароме («Сизый воздух в белых точках...») 1—284, 439
- «На перевернутый ящик...» (Любовь; На пустыре, III) 2—300, 478
- «На песке-песке горячем я под пальмо лежу...» (Негритянская песня) 5—49, 563
- На петербургской даче («Промокло небо и земля...») 1—75, 405
- «На Петербургской стороне в стенах военного училища...» (Сборный пункт) 2—28, 446
- На площади Navona («Над головами мощных великанов...») 2—192, 463
- «На пне в тени узорной...» (Фокс, I) 2—277, 477
- На поправке («Одолела слабость злая...») 2—44, 448
- «На последние полушки...» (Стилисты) 1—187, 426
- «На потной трубе насоса...» (Лягушонок) 5—104, 572
- «На прилавке...» (Гришины сны) 5—117, 573
- На пруду («Не ангелы ль небо с утра...») 1—303, 442
- «На Пскове, где рыбный ряд...» (С моста над Псковой) 2—100, 453
- На пустыре (I—III) 2—299, 478
- На пчельнике («На лик напялив решето...») 1—288, 439
- На расстоянии («Друзья и родственники холодно молчат...») 1—211, 430
- На Рейне («Размокшие от восклицаний самки...») 1—253, 434
- На реке («Господа волонтеры...») 1—144, 420
- «На рогатинах корявых ветки грузные лежат...» (Яблоки) 2—62, 449
- «На рынке, в пестрой суете...» (Римские камеи, I) 2—179, 462
- На санках с гор («Пятки резво бьют о снег...») 1—284, 439
- «На сей планете не бывает,—ах!...» (Из альбома женоненавистника, I) 2—209, 468
- «На синем фоне зимнего окна...» (Снегири) 1—265, 436
- «На скалах вечерние розы горят...» (Литераторы на Капри) 1—111, 414
- «На скамейке в Александровском саду...» (В Александровском саду) 1—237, 433
- На славном посту («Фельетонист взерошенный...») 1—146, 420
- «На сосне хлопочет дятел...» (Нирвана) 1—268, 437
- «На старой башне ровно три...» (Декорация) 1—278, 438
- «На столике банка...» (Застенчивый таракан) 5—53, 563
- «На тихом берегу Великой...» (Дом над Великой) 2—373, 484
- На току («В стогу молодой соломы...») 2—106, 453
- На току («По овсяным снопам...») 2—343, 482
- На Трубе («Гимназистик на Трубе...») 2—264, 476
- «На улице холод и сизый туман...» (Платан) 2—281, 477
- «На утренней заре...» (Атака) 2—30, 447
- На фронт («За раскрытым пролетом дверей...») 2—28, 446
- На холме («Разлив остролистных каштанов...»; Прованс, цикл) 2—345, 482
- На этапе («Этапный двор кишел людьми...») 2—29, 447
- «Набив закусками вошеную бумагу...» (Как Францы гуляют) 1—240, 434
- «Набухли снега у веранды...» (Мертвые минуты) 1—182, 425
- «Над болотцем проносится вздох...» (Черника) 2—260, 475
- Над всем («Сквозь зеленые буки желтеют чужие поля...») 2—87, 451
- «Над головами мощных великанов...» (На площади Navona) 2—192, 463
- «Над головой белеют сакли...» (В Старом Крыму) 1—365, 452
- «Над головою по веревке вползает немец на скалу...» (В Саксонских горах) 2—234, 272
- «Над жирной навозной жижей...» (Табак) 2—66, 499
- «Над кладбищенской оградой выются осы...» (В Тироле) 1—307, 442
- «Над кочками, над травами...» (Крапива) 5—112, 572
- «Над крышами мчатся вагоны, скрежещут машины...» (В Берлине, I) 1—250, 434

- «Над крышей гудят провода телефона...» (Городской романс) 1—236, 433
- Над морем («Над плоской кровлей древнего храма...») 1—310, 443
- «Над палубой крутою...» (Ломоносов-отрок) 5—360, 588
- «Над плетеной постелью мать склонилась в тревоге...» (Фонтан на Monte Pincio) 2—198, 464
- «Над плоской кровлей древнего храма...» (Над морем) 1—310, 443
- «Над станцией в гирлянде «Двадцать восемь...» («1928») 2—170, 461
- «Над столом в цветной парчовой раме...» (Пушкин) 2—119, 454
- «Над Фонтанкой сизо-серой...» («Сатирикон») 2—253, 474
- «Над черной прорубью дымится сизый пар...» (Зима, I) 2—109, 454
- «Над ширью величавых вод...» (Псков) 2—99, 453
- Надо («Надо быть свободным и холодным...») 1—344, 450
- Надо помочь! («Рабочие-студенты наши...») 2—173, 462
- Надписи на полях библиотечных книг («Поперек стихов пометка...») 2—227, 471
- Надпись на книжке, подаренной одной знакомой девочке («В День Вашего рождения...») 5—89, 570
- «Наивная луна, кружок из белой жести...» (На замковой террасе) 1—279, 438
- «Накануне» («Раскрасневшись, словно клоква...»; Эпиграммы, IX) 2—206, 465
- Наконец! («В городской суматохе...») 1—225, 432
- «Накрутить вам образов, почтеннейший?» (Новая цифра) 1—60, 403
- «Направо в обрыве чернели стволы...» (Гармония) 1—169, 424
- «Напружив угловатый костяк...» (Мул; Римские офорты, I) 2—180, 463
- Настроение («Ли-ли! В ушах поют весь день...») 1—210, 430
- «Нацедив студеной влаги...» (Римские камни, III) 2—179, 462
- «Начальник Акцептации сердит...» (Служба Сборов) 1—70, 404
- «Начинается постройка!» (Карточный домик) 5—51, 563
- «Начирвав фунта два страниц...» (Теория творчества т. Эренбурга; Эпиграммы, II) —204, 465
- «Наш трамвай летел, как кот...» («Пуща-Водица») 1—291, 439
- «Наше племя измельчало...» (О, tempoга...) 1—314, 444
- «Наши предки лезли в клетки...» (Потомки) 1—128, 418
- «Не ангелы ль небо с утра...» (На пруду) 1—303, 442
- «Не думайте, что Босния...» 1—334, 448
- «Не могу закрытого взора...» (Луна-тик) 1—259, 435
- «Не ной... Толпа тебя, как сводня...» (Нетерпеливому) 1—95, 409
- «Не носи сатир в газеты...» («Традиции») 1—100, 410
- «Не один, но четыре еврейских вопроса...» (Еврейский вопрос) 1—335, 449
- Не по адресу («Когда советский лжепишет...») 2—200, 464
- «Не спорьте о мужских правах...» (К женскому съезду) 1—126, 417
- «Не справляясь с желаньем начальства...» (На Елагином) 1—359, 451
- «Не тоска, о нет, не тоска...» (У постели) 1—347, 450
- «Не умеют пить в России!» (Русское) 1—205, 429
- «Не Этуаль и не Пасси...» (Полуста-нок) 2—134, 458
- «Небо серо — мгла и тучи, садик слякотью размыт...» (В оранжерее) 1—176, 425
- Невольное признание («Гессен сидел с Миллоковым в печали...») 1—116, 415
- Невский («Здесь в Александровском саду...») 2—96, 452
- Негритянка («Черная Диана...»; На колониальной выставке, II) 2—326, 480
- Негритянская песня («На песке-песке горячем я под пальмою лежу...») 5—49, 563
- «Неделя доброты» («Господи! Как мне быть добрым...») 2—229, 471
- Недержание («У поэта умерла жена...») 1—98, 410
- Недоразумение («Она была поэтасса...») 1—88, 407
- «Немало критиков сейчас...» (Из зеленой тетрадки, VII) 1—113, 414
- Немецкие студенты («Студенты-корпоранты...») 1—353, 451
- Немецкий лес («Улитки гуляют с улитками...») 1—239, 434
- «Немцы надыхали в крошечном покосе...» (Дом Шиллера; В немецкой Мекке, I) 1—241, 334
- «Неподвижно-ленивые кости...» 1—286, 439

- «Неспокойно сердце бьется, в доме все живое спит...» (Призраки) 1—258, 435
- Несправедливость («Адам молчал сурово, зло и гордо...») 1—109, 430
- «Нет быта... Быт собаки съели...» (Холушка) 2—144, 459
- «Нет впечатлений! Желтые обои...» (Опять и опять) 1—317, 444
- «Нет песен в городе! Нет благодатных звуков...» (Два мира) 2—280, 477
- «Нет печки, увы...» (Камин) 2—140, 458
- «Нет ремесла? Мой друг, не унывай...» (Безработному эмигранту (Политикон и эмигрантский уезд, IV) 2—223, 470
- Нетерпеливому («Не ной... Толпа тебя, как сводня...») 1—95, 409
- Нирвана («На сосне хлопочет дятел...») 1—268, 437
- Новая игра («Чахлый классный надзиратель...») 1—204, 429
- Новая цифра («Накрутить вам образов, почтеннейший?») 1—60, 403
- «Новый год стоит в передней...» (1906) 1—32, 396
- «Ноги грузные расставивши упрямо...» (Каменщики; В угловом бистро, II) 2—302, 478
- Ной, поэма 1—367, 452
- Ночная песня пьяницы («Темно...») 1—76, 405
- Ночные lamentации («Ночь идет. Часы над полкой...») 2—243, 473
- Ночью (I—II) 2—241, 473
- «Ну-ка, дети!..» (Кто?) 5—46, 561
- Нянька («Где барчук? Удрал к реке...») 2—108, 453
- Нянька («Мама ушла в мастерскую...») 5—107, 572
- Няня Пушкина («Сквозь льдистое оконце...») 5—358, 588
- «О Господи, ужель и после смерти...» (Из зеленой тетрадки, II) 2—222, 470
- «О, дорогие Соединенные Штаты...» (Первая ласточка) 2—163, 460
- «О, если б в боковом кармане...» (Эмигрантское) 2—133, 458
- «О, испанец благородный!..» 1—42, 400
- «О, Рахиль, твоя походка...» (Виленский ребус) 1—156, 422
- «О, Розина!..» (Лукавая серенада) 1—311, 443
- О чем поет самовар («В животе горячо, в животе бурлит...») 2—117, 454
- Оазис («Когда душа мрачна, как гроб...») 2—50, 448
- «Об этом не пишут в передовицах...» (Семь чудес) 2—246, 473
- «Обезьяний стильный профиль...» (Панургова Муза) 1—94, 409
- Обезьянка («Косою сеткой бьет крупа...») (Городские чудеса, II) 2—286, 477
- Обезьянка («Обезьянка смотрит с ветки...») (Зверье, I) 5—101, 572
- «Облака плывут над пашней...» (Змей) 2—118, 454
- «Облаков жемчужный поясок...» (У моря) 1—160, 423
- «Облаков оранжевые пряди...» (В степи) 1—355, 451
- «Обложки, обложки...» (Перед книжной витриной) 1—330, 447
- Обстановка («Ревет сынок. Побит за двойку с плюсом...») 1—63, 403
- Общее поздравление («Мне визиты делать недосуг...») 5—84, 568
- Общество («Из общества с коллегой в час ночной...») (Из Гёте, V) 2—203, 465
- Огород («За сизо-матовой капустой...») 1—300, 441
- Ода на оставление доктором Држевецким 18-го полевого госпиталя («Вы слышите сдержанный внутренний плач...») 2—40, 448
- Один из них («Двухпудовые ботфорты...») 2—30, 447
- «Однажды в мглу осеннюю...» (Кому в эмиграции жить хорошо) 2—393, 484
- «Однажды с милою моей...» (Угроза; Из Гёте, VI) 2—203, 465
- «Однажды среди мирной прогулки...» (Урок) 2—309, 479
- «Одни кричат: «Что форма? Пустяки!» (Два толка) 1—95, 409
- «Одолела слабость злая...» (На поправке) 2—44, 448
- Озорник («Каждый день одно и то же...») 5—122, 573
- «Ой, как страшно, ой, как жутко...» (Слухи) 2—23, 446
- Океанская забава («В час отлива океан...») 5—94, 571
- Окраина Петербурга («Время года неизвестно...») 1—71, 404
- «Окруженный кучей бланков...» (Страшная история) 1—222, 432
- Октябристы («От старух до гимназистов...») 1—123, 417
- «Олеандра дух тягучий...» (Римские камни, V) 2—180, 462
- «Ольховая роща дрожит у морского обрыва...» (У Балтийского моря, I) 1—263, 436
- «Он проснулся на заре...» (Мальчик не спит) 5—103, 572

- «Он сидит среди реторт...» (Лаборант и медички) 1—81, 406
- «Она была поэтесса...» (Недоразумение) 1—88, 407
- «Они совершают веселые рейсы...» (Юдофобы) 1—336, 449
- «Они стоят в бокале...» (Розы) 5—111, 572
- Описание одного путешествия («Два раба на веслах повисли...») 1—305, 442
- «Оптовый продавец подтяжек, мистер Крукс...» (В плену) 2—233, 472
- Опять... («Опять опадают кусты и деревья...») 1—51, 402
- Опять и опять («Нет впечатлений! Желтые обои...») 1—317, 444
- «Опять опадают кусты и деревья...» (Опять...) 1—51, 402
- Осенний день (I—II) 1—361, 452
- «Осенний день. Ленивый веер солнца...» (Американец) 2—54, 449
- Осень в горах («Как в бёклиновских картинах...») 1—274, 437
- Осленок («Ты видел, мой мальчик, осленка...») 5—123, 573
- «Ослу образование дали...» (Вешалка дураков, III) 1—98, 410
- Остров («В харчевне лесной...») 1—276, 438
- «От российской чепухи...» (Чепуха) 1—40, 399
- «От старух до гимназистов...» (Октябристы) 1—123, 417
- Отбой («По притихшим редакциям...») 1—57, 403
- «Отец—лягаш, а мать—дворянка...» (Пес; Главы из поэмы «Дом над Великой») 2—387, 484
- «Отлив. В каменной ложбинке...» (В час отлива) 5—94, 571
- Отрезвление («Склонивши лоб, лечу в местечко...»; Деревенские удовольствия, III) 2—339, 482
- Отступление («Штабы поднялись. Оборвалась торговля и труд...») 2—38, 447
- «Отчего поет так громко...» (Гостиница в Пасси, номер 8) 2—220, 470
- «Отчего такая радость...» (Сообща) 1—201, 428
- «Отчего ты, мартышка, грустна...» (Мартышка) 5—44, 561
- «Отчего у мамочки...» (Приставалка) 5—26, 560
- Ошибка («Это было в Булонском лесу...») 2—322, 480
- Ошибка («Это было в провинции, в страшной глуши...») 1—228, 432
- Отъезд петербуржца («Середина мая и деревья голы...») 1—47, 401
- Палатка («У самого залива...») 5—113, 572
- Памяти А. Блока («В аду томился се-рафим...») 2—126, 456
- Памяти генерала К. П. Губера («Жил старик в Житомире, в отставке...») 2—42, 448
- Памяти Л. Н. Андреева («Давно над равниною русской, как ветер печальный и буйный...») 2—121, 454
- «Пан-пьян! Красные ячки...» (Пасхальный перезвон) 1—75, 405
- «Пансионеры дремлют у стены...» (Из гимназических воспоминаний) 1—153, 421
- Панургова Муза («Обезьяний стильный профиль...») 1—94, 409
- Папское барокко («Склонив умильно выю...»; Римские офорты, IV) 2—182, 463
- Парадокс («Кричит котенок, просится: «Возьми!»; Из летней тетради, III) 2—353, 482
- Парижские частушки (I—II) 2—155, 459
- Парижское житие («В мансарде у самых небес...») 2—150, 459
- «Паркет наш гладок, как каток...» (Маленький полотер) 5—103, 572
- «Пароход плывет по морю...» (Мишинь рисунки, 4) 5—114, 572
- Пасха в Гатчине («Из мглы всплывает ярко...») 2—257, 475
- Пасхальный перезвон («Пан-пьян! Красные ячки...») 1—75, 405
- «Пахнет сеном и теплом...» (В хлеву) 5—42, 561
- Пензенскому Катону («Хмурый пензенский спорщик...») 2—287, 477
- Первая ласточка («О дороге Соединенные Штаты...») 2—163, 460
- Первая любовь («Из-за забора вылезла луна...») 1—154, 452
- Первая ночь («Приходит первый раз ночь в глубине могилы...»; Из *Изюлды Курц*) 1—37, 399
- Первый опыт («Теоретически все это так легко...») (Деревенские удовольствия, II) 2—339, 482
- «Перед витринами каша...» (Пред-праздничное) 2—296, 478
- «Перед гаснущим камином, щуря сонные глаза...» (Галоши счастья) 2—127, 457
- Перед книжной витриной («Обложки, обложки...») 1—330, 447
- Перед началом думских игр («Теперь, когда прошла предвыборная свалка...») 1—334, 448
- Перед сном («Каждый вечер перед сном...») 5—27, 560

- Перед ужином («За воротами на лавочке сидим...») 5—12, 555
- «Перед цветочной лавкой на доске...» (Пчела; Городские чудеса, II) 2—286, 477
- «Перед школою — лужок...» (Консерватизм) 1—200, 428
- Переутомление («Я похож на родильницу...») 1—89, 407
- Пес («Отец — лягаш, а мать — дворняга»; Главы из поэмы «Дом над Великой») 2—387, 484
- Песнь песней («Царь Соломон сидел под кипарисом...») 1—163, 423
- Песня («Багровое солнце косо...») 1—202, 429
- Песня бойскаутов («Еж-толстяк сидит под елкой...») 5—96, 571
- Песня ветра («В небе белые овечки...») 5—57, 564
- Песня войны («Прошло семь тысяч пестрых лет...») 2—27, 446
- Песня мухи («Зу-зу-зу...») 5—56, 564
- Песня о поле («Проклятые вопросы...») 1—91, 408
- Песня солнечного луча («Луч вбил в ставню через шелку...») 5—55, 564
- Песня сотрудников сатирического журнала («Погиб свободный смех...») 1—115, 415
- Петрушка в Париже («Укатил я из Москвы...») 2—210, 468
- «Пехотный Вологодский полк...» (Бал в женской гимназии, I) 2—111, 454
- «Печаль и боль в моем сердце...» (Из *Гейне*, I) 1—296, 440
- Пикник («Добрый конь автомобильный...») 2—353, 482
- Письмо («Лидка с мамой красят в столовой яйца...») 1—321, 444
- Письмо от сына («Хорунжий Львов принес листок...») 2—33, 447
- Пицца («Варвара сеет ртом петрушку...») 1—199, 428
- Плакса («Визит и слезы. По дорожке...») 5—23, 559
- Пластика («Из палатки вышла дева...») 2—332, 481
- Платан («На улице холод и сизый туман...») 2—281, 477
- Пленники («Вдоль набережной Сены...») 5—106, 572
- Пленные («У „Червонного Бора“ как-то странные люди...») 2—32, 447
- «Плик-плик!..» (Дождевые капли) 5—100, 572
- «По аромату и по хрусту...» (Капуста; Главы из поэмы «Дом над Великой») 2—391, 484
- «По балке ходит стадо...» (Радость) 1—287, 439
- «По берлинской безумной улице...» (Диана) 2—131, 457
- «По бокам пузатого дома...» (Мишины рисунки, I) 5—110, 572
- «По бурому скату...» (В чаше) 1—285, 439
- «По лиловым дорожкам гуляют газели...» (В раю) 5—9, 554
- «По моей мансардной крыше...» (Храбрый мальчик) 5—81, 568
- По мытарствам («У райских врат гремит колыбом...») 1—93, 409
- «По овсяным снопам...» (На току) 2—343, 482
- «По притихшим редакциям...» (Отбой) 1—57, 403
- «По Тверскому я гуляла...» (Советские частушки) 2—215, 469
- «По форуму Траяна...» 2—194, 464
- Победа («С тех пор, как помчалась Земля...») 1—121, 416
- «Повернувшись спиной к обманувшей надежде...» (Интеллигент) 1—56, 402
- «Поганкины палаты...» (Псковитянка) 2—101, 453
- «Погиб свободный смех...» (Песня сотрудников сатирического журнала) 1—115, 415
- Под лазаретом («Тих подвал библиотечный...») 2—36, 447
- «Под липой пение ос...» («Дурак») 1—229, 432
- «Под лозой лопочет гулко речка...» (Странная игра; Деревенские удовольствия, I) 2—339, 482
- Под сурдинку («Хочу отдохнуть от сатиры...») 1—159, 422
- Под тамариском («Когда лежишь на берегу босой...») 2—362, 483
- «Под фиговой лапой...» (Римские камни, II) 2—179, 462
- «Под яблоней гуси галдят и шипят...» (Загадка) 5—32, 560
- Подарок («Видали вы литовские, цветные пояса?») 2—65, 449
- «Подводя итоги летом...» (Послание четвертое) 1—135, 419
- Поденщица («Рано утром к русским эмигрантам...») 2—74, 450
- «Подрубленных волос лохмато-серый круг...» (Красная бабушка) 2—207, 468
- Подшофе («Чело-век! Какого черта...») 1—321, 444
- Поезд («Третий звонок. Дон-дон-дон!») 5—13, 555
- «Поет рубанок гладкий...» (В поте лица) 2—234, 472

- Пожарный («В гудящем перезвоне...») 2—115, 454
- «Позвольте представиться: Васин...» (Человек в бумажном воротничке) 1—184, 426
- «Пока не требует Демьяна...» 2—215, 469
- Показательная санатория в Евпатории («Больные приходят с „мухой“...») 2—219, 470
- Полет («Если б, если б...») 5—91, 570
- Политикон и эмигрантский уезд (I—II) 2—222, 470
- Политический сонет («Суровый Дант не презирал сонета...») 2—208, 468
- Полтавский рай («Славный садик и Дмитро...») 2—104, 453
- Полустанок («Не Этуаль и не Паси...») 2—134, 458
- Полька («В среду были именины...») 5—54, 563
- «Помню—в годы той эпохи...» (Чудо) 1—348, 450
- «Помню май в Берлине блеклом...» (Капризные вирши) 2—306, 479
- «Поперек стихов пометка...» (Надписи на полях библиотечных книг) 2—227, 471
- Попка («У кого ты заказывал, попочка, фрак?») 5—45, 561
- «Порой вам „знаменитость“...» (Тонкая разнища; Из зеленой тетрадки, VI) 1—113, 414
- «Портрет Бетховена в аляповатой рамке...» (В Пассаже) 1—180, 425
- «Поручик Жмых, сорвав с дверей печать...» (Чужая квартира) 2—35, 447
- «Посади в вазон зимою скользко-белый твердый боб...» (Жизнь) 2—232, 472
- Послание второе («Хорошо сидеть под черной смородиной...») 1—133, 419
- Послание первое («Семь дней валяюсь на траве...») 1—132, 419
- Послание пятое («Вчера играло солнце...») 1—136, 419
- Послание третье («Ветерок набегающий...») 1—134, 419
- Послание четвертое («Подводя итоги летом...») 1—135, 419
- Послание шестое («В жаркий полдень влез, как белка...») 1—137, 419
- «После каждой привычно-бессмысленной схватки...» (Из дневника выздоравливающего) 1—316, 444
- После посещения одного литературного общества («Мы культурны: чистим зубы...») 1—108, 411
- «После спора: дважды два...» (Дважды два; Политикон и эмигрантский уезд, V) 2—222, 470
- «Посмотри, посмотри, как вскипает, как пенится след!» (В Марселе, III) 2—342, 482
- «Посреди свинцовой Сены...» (Allée des Cygnes) 2—282, 477
- Постирушка («Все на свете условно...»; Из летней тетради, IV) 2—353, 482
- Потомки («Наши предки лезли в клетки...») 1—128, 418
- «Поутру пошляк чиновник...» (Кумысные вирши, IV) 1—141, 419
- «Почему-то у „толстых“ журналов...» (Из зеленой тетради, III) 1—112, 414
- «Почти перед домом...» 1—282, 439
- Пошлость («Лиловый шарф и желтый бант у бюста...») 1—95, 410
- Позтесса («Я люблю стихи ужасно...») 5—90, 570
- «Пою вполголоса, чуть плещет балалайка...» (Эмигрантская песня) 2—138, 458
- Праздник («Генерал от водки...») 1—147, 421
- Праздник («Гиацинты яркие, гиацинты пряны...») 1—204, 429
- «Праздник. Франты гимназисты...» (Бульвары) 1—143, 420
- «Пред каждым дураком душа пылает гневом...» 1—219, 431
- Предвесеннее («Ты ждешь весны? Я тоже жду...») 2—236, 472
- Предместье («Стали хмурыми домишки...») 1—277, 438
- «Предо мною чьи-то локти...» (На галерке) 1—149, 421
- Предпраздничное («Перед витринами каша...») 2—296, 478
- «Представьте себе на одно мгновение...» (Утопия) 2—139, 458
- Прекрасный Иосиф («Томясь, я сидел в уголке...») 1—234, 433
- При лампе («Три экстерна болтают руками...») 1—146, 420
- Прибой («Как мокрый парус, ударила в спину волна...») 1—308, 422
- Привал («У походной кухни лентой...») 2—31, 447
- Приготовишка («Длиннохвостая шинель...») 5—9, 554
- Признание («Какая радость в бешенстве холодном...») 1—213, 430
- «Признать ли их?»—гадают чехи...» (Европа и «они», II) 2—225, 471
- Призраки («Неспокойно сердце бьется, в доме все живое спит...») 1—258, 435
- Приключение («В самый зной пегашку-Лизу...») 5—31, 560
- Приставалка («Отчего у мамочки...») 5—26, 560

- «Приходит первый раз ночь в глубине могилы...» (Первая ночь; Из *Изоляды Курц*) 1—37, 399
- «Пришел к своей принцессе...» (Маленькому другу) 2—265, 476
- «Пришла блондинка-девушка в военный лазарет...» (Амур и Психея) 1—221, 432
- «Пришла во двор корова...» (Теленок сосет) 5—46, 561
- Про бычка («Ты, верно, думаешь, дружок...») 5—79, 568
- Про девочку, которая нашла своего Мишку («Мишка, Мишка, как не стыдно...») 5—20, 559
- Про Катюшу («На дворе мороз...») 5—14, 555
- Про кота («Раньше всех проснулся кот...») 5—39, 561
- Про пчел («Сладок мед, ужасно сладок!...») 5—36, 561
- Пробуждение весны («Вчера мой кот взглянул на календарь...») 1—46, 401
- Прованс (I—III) 2—344, 482
- Прогулки по Парижу («Пятилетняя девчонка...») 2—271, 476
- Продолжение одного старого разговора («Антракт. Один сплошной антракт...») 1—102, 411
- Проект («На каждую новую книжку по этике...») 1—351, 450
- «Проклятые вопросы...» (Песня о поле) 1—91, 408
- «Прокуроров было слишком много...» 2—93, 451
- Пролетарская муза («Все захватив— шрифты, бумагу, краски...») 2—226, 471
- «Пролетарский буреветник...» (Горький; Эпиграммы, I) 2—204, 465
- «Промокло небо и земля...» (На петербургской даче) 1—75, 405
- «Проснешься ночью... На полу сквозит...» (Иногда) 2—242, 473
- «Проснулся лук за кухонным окном...» (Комнатная весна) 1—181, 425
- «Простой моряк, голландский шкипер...» (Странный царь) 5—86, 569
- Простые слова («В наши дни трехмесячных успехов...») 1—87, 407
- Профан («Когда в душе все скомкано и смыто...») 1—346, 450
- «Профессор Винельбанд...» (Философы) 1—247, 434
- «Профиль тоньше камней...» (Городская сказка) 1—77, 405
- «Прохладный бисер брызжет в стекла...» (Дождик; Главы из поэмы «Дом над Великой») 2—390, 484
- «Прошло семь тысяч пестрых лет...» (Песня войны) 2—27, 446
- Пруд («Зеленьюкою ряскою...») 2—107, 453
- Пряник («Как-то, сидя у ворот...») 1—201, 428
- Псков («Над ширью величавых вод...») 2—99, 453
- Псковитянка («Поганкины палаты...») 2—101, 453
- Псковская колотовка («Завернувши рыбы кости...») 1—157, 422
- «Пускят провинсальские лиры звенятай...» (Мистраль) 2—334, 481
- Пустырь («Где газовый завод вздымал кругые трубы...») 2—294, 478
- «Пусть свистнет рак...» (Вешалка дураков, VII) 1—99, 410
- Пушкин («Над столом в цветной, парчовой раме...») 2—119, 454
- «Пуша-Водица» («Наш трамвай летел, как кот...») 1—291, 439
- Пчела («Перед цветочной лавкой на доске...»; Городские чудеса, I) 2—286, 477
- «Пчелы льнут к зеленому своду...» (Ленивая любовь) 1—306, 441
- Пьяная песня («В бутылке вина...») 1—304, 442
- «Пьяный» вопрос («Мужичок, оставьте водку...») 1—333, 448
- Пьяный мотылек («На ночной веранде столик...»; Из летней тетради, I) 2—352, 482
- «Пятилетняя девчонка...» (Прогулки по Парижу) 2—271, 476
- «Пятки резво бьют о снег...» (На санках с гор) 1—284, 439
- Пять минут («Господин» сидел в гостиной...») 1—182, 425
- «Рабочие-студенты наши...» (Надо помочь!) 2—173, 462
- «Ради шаткой клички «гений...» (А. Белый; Эпиграммы, IV) 2—205, 465
- Радость («По балке ходит стадо...») 1—287, 439
- «Раз двое третьего рассматривали в лупы...» (Вешалка дураков, I) 1—98, 410
- Разгул («Буйно-огненный шиповник...») 1—283, 439
- Раздавателю венков («Искусство измелчалоло!») 1—350, 450
- «Разлив остролистных каштанов...» (На холме; Прованс, цикл) 2—345, 482
- «Размокшие от восклицаний самки...» (На Рейне) 1—253, 434

- Размышления у подъезда «Лютетици» («Куда тебя судьба не сунет головою...») 2—168, 461
- Разъезд (I—II) 2—348, 482
- Раненые («С утра вдоль берега с вокзала...»; Главы из поэмы «Дом над Великой») 2—390, 484
- Ранним утром («Утро. В парке—песнь кукушкина...») 1—149, 421
- «Рано утром к русским эмигрантам...» (Поденщица) 2—74, 450
- «Раньше всех проснулся кот...» (Прокота) 5—39, 561
- «Раскрасневшись, словно клюквя...» («Накануне»; Эпиграммы, цикл) 2—206, 465
- «Раскрытый короб на паркете...» (Кружевница; Главы из поэмы «Дом над Великой») 2—391, 489
- «Рассудок с каждым днем правее...» (Трагический трилистник; Политикон и эмигрантский уезд, I) 2—222, 470
- «Рвет сынок. Побит за двойку с плюсом...» (Обстановочка) 1—63, 403
- Ревизия («Генерал сидит, как Будда...») 2—38, 448
- Репетитор («Тане Львовой захотелось в медицинский институт...») 2—117, 454
- Репетиция («Соломенное чучело...») 2—29, 447
- Римские камни (I—V) 2—179, 462
- Римские офорты (I—IV) 2—180; 463
- «Родился карлик Новый Год...» (1909) 1—32, 396
- Родной пейзаж («Умирает снег лиловый...») 1—355, 451
- Рождение футуризма («Художник в парусиновых штанах...») 1—215, 430
- «Рожденный быть кассиром в тихой бане...» (Трагедия) 1—110, 412
- Рождественская («Зеленая елка, где твой дом?...») 5—56, 564
- Рождественское («В яслях спал на свежем сене...») 5—79, 568
- «Роза прекрасна по форме и запах имеет приятный...» (Гармония) 1—119, 416
- Розы («Они стоят в бокале...») 5—111, 572
- Романс («Кусты прибрежной ивы...») 2—232, 472
- «Рудой гранит каменоломни...» (Дамоклов меч) 1—248, 434
- «Русалки в широких матросских штанах...» (В рыбацьем местечке) 2—347, 482
- Русская лавочка («В бочонке селедки...») 2—160, 460
- Русские инвалиды («Кто больше их имеет право...») 2—166, 461
- Русские миражи (I—II) 2—261, 476
- Русский мальчик («Быть может, в тихом Нанте, быть может, в шумном Марселе...») 2—165, 460
- Русское («Не умеют пить в России!») 1—205, 429
- Рыболовы («Я — к реке... За мной сестренка...») 5—93; 570
- Рынок («Бледно-жирные общипанные утки...») 1—246, 434
- «Ряды французских королев...» (В Люксембургском саду, I) 2—284, 477
- «С Александром Куприным...» (Щука) 5—89, 569
- «С горя я пошел к врачу...» (Искатель) 1—48, 402
- «С девочками Тосей и Инной...» (Мираж) 2—83, 451
- «С детства люблю захоластные лавки...» (В Борне, III) 2—350, 482
- «С задорным лаем мчатся псы...» (Апрель) 2—308, 479
- С моста над Псковой («На Пскове, где рыбный ряд...») 2—100, 453
- С приятелем (I—V) 2—69, 449
- С приятелем («Мой приятель, мальчик Вова...») 5—120, 573
- С приятелем («Фриц, смешная мартышка!») 1—245, 434
- «С тех пор, как помчалась Земля...» (Победа) 1—121, 416
- «С утра вдоль берега с вокзала...» (Раненые; Главы из поэмы «Дом над Великой») 2—390, 484
- «С фрейлен Нелли и мистером Гарри...» (В Саксонской Швейцарии) 2—82, 450
- С холма («Выбрав место у тропинки...») 2—368, 483
- «Садик. День. Тупой, как тумба...» (Визит) 1—215, 430
- Санкт-Петербург («Белые хлопья и конский навоз...») 1—179, 425
- «Сатирикон» («Над Фонтанкой сизосерой...») 2—253, 474
- Сатириконцы (I—VII) 1—324, 446
- Саша Черный («Как свинцовой доской...»; Сатириконцы, цикл) 1—326, 446
- Сбор винограда («В дверях стоит высокий седоусый...») 2—335, 481
- Сбор винограда («За рядом ряд обшариваем лозы...») 2—361, 483
- Сборный пункт («На Петербургской стороне, в стенах военного училища...») 2—28, 446

- Сверчок («Что поет сверчок за печкой?») 5—60, 564
- «Светлый немец...» (В ожидании ночного поезда) 1—244, 434
- «Свеж и томен лес Булонский...» (Грешные стихи) 2—317, 480
- Святая наивность («Если б я торговал корсетами...») 2—201, 464
- Священная собственность («Беседка теснее скворешни...») 1—145, 420
- Северная лирика («Танец диких у костров...») 1—170, 424
- Северные сумерки («В небе полосы дешевых чернил...») 1—198, 428
- «Семейство мальчиков «Вынь-Глаз»...» (Цирк) 5—18, 558
- «Семь дней валяюсь на траве...» (Послание первое) 1—132, 419
- Семь чудес («Об этом не пишут в передовицах...») 2—246, 473
- «Семья — ералаш, а знакомые — нытки...» (Желтый дом) 1—53, 402
- «Сердце к пище равнодушно...» (Кукуруза) 2—263, 476
- «Середина мая и деревья голы...» (Отъезд петербуржца) 1—47, 401
- «Сережа! Я прочел в папашинем труде...» (В детской) 1—207, 429
- «Сероглазая женщина с книжкой присела на койку...» (Сестра) 2—43, 448
- «Сероглазый мальчик, радостная птица...» (С приятелем, I) 2—69, 449
- «Серый домик в Медоне...» (Воробьи) 5—117, 573
- «Серьезных лиц густая волосатость...» (В редакции толстого журнала) 1—73, 405
- Сестра («Сероглазая женщина с книжкой присела на койку...») 2—43, 448
- «Сеть лиственниц выгнала алые точки...» (Весна на Крестовском) 2—97, 452
- «Сжечь корабли и впереди, и сзади...» (Два желания, II) 1—62, 403
- «Сидит медведица в каменной ванне...» (Девочка и белая медведица; Зверье, 3) 5—102, 572
- «Сию на площади в кафе...» (В Борме, II) 2—350, 482
- «Сизо-дымчатый кот...» (Чуткая душа; В угловом бистро, II) 2—303, 478
- «Сизый воздух в белых точках...» (На пароме) 1—284, 439
- Силуэты («Вечер. Ивы потемнели...») 1—301, 441
- «Синий-синий василек...» (Мамина песня) 5—48, 563
- Сирень («В небе праздник голубой...») 5—112, 572
- Сиропчик («Дама, качаясь на ветке...») 1—90, 408
- «Скажи без коварства...» (Мадемуазель NN; Из Гёте, I) 2—203, 464
- Сказка о золотой рыбке («Дело было весною в Париже...») 2—161, 460
- Сказка про красного бычка («За годом год...») 2—227, 471
- Сквозной ветер («Графит на крыше раскален...») 1—166, 423
- «Сквозь зеленые буки желтеют чужие поля...» (Над всем) 2—87, 451
- «Сквозь льдистое оконце...» (Няня Пушкина) 5—358, 588
- «Сквозь небесное сито весь день моросит...» (В осенний день) 2—346, 482
- «Сквозь распластанные ветки...» (Дождь) 1—263, 436
- «Сквозь сосны — россыпь звездных гнезд...» (Ночью, I) 2—241, 473
- «Сквозь чугунную ограду...» (Старая вилла) 2—190, 463
- «Склад вазонов на дорожках...» (В усадьбе) 1—82, 406
- «Склонив умильно выю...» (Папское барокко; Римские офорты, IV) 2—182, 463
- «Склонив хребет, галантный дирижер...» (На музыкальной репетиции) 1—156, 422
- «Склонивши лоб, лечу в местечко...» (Отрезвление; Деревенские удовольствия, III) 2—339, 482
- Скорбная годовщина («Толстой! Это слово сегодня так странно звучит...») 2—125, 456
- Скрут («Кто живет под потолком?») 5—57, 564
- «Слава богам! Петроград посетили французские гости...» (К приезду французских гостей) 1—127, 417
- «Славный садик у Дмитро...» (Полтавский рай) 2—104, 453
- «Сладок мед, ужасно сладок!» (Про пчел) 5—36, 561
- Слишком резвому («Гостинодворским языком...») 2—218, 469
- Словесность («Всяк солдат слуга Престола...») 1—33, 396
- «Словно загар смуглолицый...» 2—197, 464
- «Словно звон бессонной цитры...» (В пути) 1—256, 435
- Слон («Слоник-слоник, настоящий слон живой...») 5—38, 561
- Служба Сборов («Начальник Акцептации сердит...») 1—70, 404
- Слухи («Ой, как страшно, ой, как жутко...») 2—23, 446

- «Смесь раешника с частушкой...» (Маяковский; Эпиграммы, V) 2—205, 465
- «Смех сквозь слезы» («Ах, милый Николай Васильич Гоголь...») 1—85, 406
- Снегири («На синем фоне зимнего окна...») 1—265, 436
- «Снежинки-снежинки...» (Зимой) 5—59, 564
- Снежная баба («Воробы в кустах дерутся...») 5—22, 559
- «Со сконфуженной улыбкой...» (Колониальный день) 2—328, 481
- «Со шенком, вздохмаченным бродягой...» (В Кампанье; Римские офорты, I) 2—181, 463
- Собачий парикмахер («В огромном городе так трудно разыскать...») 2—290, 477
- Совершенно веселая песня («Левой, правой, кучерявый...») 1—68, 404
- Советские частушки («По Тверскому гуляла...») 2—215, 469
- Современная баллада («Ветер рвется за рубаху...») 2—305, 478
- Современный Пётрарка («Говорите ль вы о Шелли иль о ценах на дрова...») 1—217, 431
- Солнце («Всю зиму нормандская баба...») 2—297, 478
- Солнце («На грязь вдоль панели...») 2—73, 450
- Солнце («Угрюмый делец почтенных лет...») 2—283, 477
- «Солнце брызжет, солнце греет...» (На Вербе) 5—15, 556
- «Солнце жарит. Мол безлюден...» 1—271, 437
- Солнечная ванна («Вдоль по пляжу — пятна ближних...») 2—363, 483
- Соловьиное сердце («Соловьиное сердце — смешное и хрупкое чудо...») 2—129, 457
- «Соломенное чучело...» (Репетиция) 2—29, 447
- Сон («Мне снилось, что Плеве с печальным лицом...») 1—37, 399
- Сон профессора Патрашкина («Старичок профессор Патрашкин...») 5—69, 567
- «Сон сел у подушки...» (Страшный сон) 5—98, 572
- Сообща («Отчего такая радость...») 1—201, 428
- «Сорвавши белые перчатки...» (Анемоны) 1—207, 430
- «Сосед мой химик, симпатичный малый...» (Химические стихи) 2—315, 480
- Сочельник в Пскове («Сугробы в дымчатой чалме...») 2—255, 475
- «Спешат старые дети в очках...» (В Берлине, II) 1—250, 434
- «Сползаются тучи...» (Борьба) 1—207, 430
- Споры («Каждый прав и каждый виноват...») 1—55, 402
- «Среди аллеи на углу базар...» (В Марселе, I) 2—341, 482
- Стадо («Вся улочка в пыли...»; Русские миражи, цикл) 2—261, 476
- «Стали хмурыми домишки...» (Предместье) 1—277, 438
- Старая вилла («Сквозь чугунную ограду...») 2—190, 463
- «Старичок профессор Патрашкин...» (Сон профессора Патрашкина) 5—69, 567
- «Старичок сосет былинку...» (Суп; На пустыре, II) 2—300, 478
- «Старый селезень выгнувши шею...» (Злой селезень) 5—124, 573
- Старший брат («Митя, любимец мамин...») 5—83, 568
- «Степное башкирское солнце...» (Кумысные вирши, II) 1—139, 419
- Стилизация («К баронессе Аксан'Трав...»; Из зеленой тетрадки, V) 1—112, 414
- Стилизованный осел («Голова моя — темный фонарь с перебитыми стеклами...») 1—86, 407
- Стилисты («На последние полушки...») 1—187, 426
- Странная игра («Под лозой лопочет гулко речка...»; Деревенские удовольствия, I) 2—339, 482
- Странный царь («Простой моряк, голландский шкипер...») 5—86, 569
- Страшная история («Окруженный кучей бланков...») 1—222, 432
- Страшный сон («Сон сел у подушки...») 5—98, 572
- «Студенты-корпоранты...» (Немецкие студенты) 1—353, 451
- «Стулья придвинув к постели, два пожилых человека...» (Гостиница в Пасиси, номер 17) 2—220, 470
- «Сугробы в дымчатой чалме...» (Сочельник в Пскове) 2—255, 475
- Сумерки («Хлопья, хлопья летят за окном...») 1—303, 441
- Суп («Старичок сосет былинку...»; На пустыре, II) 2—300, 478
- «Суrowый Дант не презирал сонета...» (Политический сонет) 2—208, 468
- «Суша тверже — я не спорю...» (Курортное) 2—84, 451

- Табак («Над жирной навозной жижей...») 2—66, 449
- «Так был ясен смысл скандалов...» (Эго-червь) 1—331, 447
- «Так долг путь: ни вежи, ни приюта...» (Е. А. Полевицкой) 2—127, 456
- Так себе («Тридцать верст отшагав по квартире...») 1—220, 432
- «Так странно: попал к незнакомым крестьянам...» (В деревне) 1—197, 428
- «Там внизу синее море...» 1—305, 443
- Там внутри («У меня серьезный папа...») 1—119, 416
- «Там, за последней виллой...» (В Булонском лесу) 2—289, 477
- «Тане Львовой захотелось в медицинский институт...» (Репетитор) 2—117, 454
- «Танец диких у костров...» (Северная лирика) 1—170, 424
- Танюша («Из Устья в Псков с попутной баркой...»; Главы из поэмы «Дом над Великой») 2—389, 484
- «Твой ближний влез уже на плот...» (Любовь к ближнему) 2—209, 468
- Театр («В жизни так мало красивых минут...») 1—174, 424
- Теленок сосет («Пришла во двор корова...») 5—46, 561
- «Темно...» («Ночная песня пьяницы...») 1—76, 405
- «Темно под арками Казанского собора...» (На Невском ночью) 1—237, 433
- «Теоретически все это так легко...» (Первый опыт; Деревенские удовольствия, II) 2—339, 482
- Теория творчества т. Эренбурга («Начирав фунта два страниц...»; Эпиграммы, II) 2—204, 465
- «Теперь, когда прошла предвыборная свалка...» (Перед началом думских игр) 1—334, 448
- «Тех, кто страдает гордо и угрюмо...» 2—92, 451
- Тифлисская песня («Как лезгинская шашка твой стан...») 1—306, 441
- «Тих подвал библиотечный...» (Под ларзетом) 2—36, 447
- «Тихо. Глухо. Пусто, пусто...» (У канала ночью) 1—261, 435
- «Тихо тикают часы...» (Кухня) 1—84, 406
- Тихое семейство («Медлительно-кроткие души...»; На колониальной выставке, I) 2—326, 480
- «Тишина»,—шепнула белая поляна...» (Зима, IV) 2—110, 454
- «Толстой! Это слово сегодня так странно звучит...» (Скорбная годовщина) 2—125, 456
- «Томьясь, я сидел в уголке...» (Прекрасный Иосиф) 1—234, 433
- Тонкая разница («Порой вам «знаменитость»...»; Из зеленой тетрадки, VI) 1—111, 414
- «Трава на мостовой...» 1—155, 422
- Трагедия («Рожденный быть кассиром в тихой бане...») 1—110, 412
- Трагедия («Я пришел к художнику Миноге...») 2—216, 431
- Трагический трилистник («Рассудок с каждым днем правее...»; Политикон и эмигрантский уезд, I) 2—222, 470
- «Традиции» («Не носи сатир в газеты...») 1—100, 410
- «Трамваев острые трели...» (Уличная выставка) 2—301, 478
- «Трепов мягче сатаны...» (Чепуха) 1—34, 397
- «Треск цикадный как звонок...» (Козленок) 5—105, 572
- «Третий звонок. Дон-дон-дон!...» (Позед) 5—13, 555
- «Три курсистки сидели над Саниным...» (Диспут) 1—166, 423
- «Три подмастерья...» (Футбол; На пустыре, I) 2—299, 478
- «Три экстерна болтают руками...» (При лампе) 1—146, 420
- «Тридцать верст отшагав по квартире...» (Так себе) 1—220, 432
- Трубочист («Кто пришел?—Трубочист...») 5—11, 555
- «Туманы Северной Пальмиры...» (Безвременье) 1—332, 448
- «Тургеневские девушки в могиле...» 2—130, 457
- «Турки носят канифоль...» (В Крыму) 1—299, 441
- Тучков мост («Заклубилась темень над рекой...») 1—261, 435
- «Ты, верно, думаешь, дружок...» (Про бычка) 5—79, 568
- «Ты видел, мой мальчик, осленка...» (Осленок) 5—123, 573
- «Ты видел ли «Школу Дианы»...» («Школа Дианы») 2—198, 464
- «Ты ждешь весны? Я тоже жду...» (Предвесеннее) 2—236, 472
- «Ты не любишь иммортелей?...» (Иммортели) 5—18, 558
- «Ты не салопница, ты муж почтенных лет...» (Гигиенические советы) 2—206, 468
- 1928 («Над станцией в гирлянде: «Двадцать восемь»...») 2—170, 461
- 1909 («Родился карлик Новый год...») 1—32, 396
- 1906 («Новый год стоит в передней...») 1—32, 396

- У Балтийского моря (I—V) 1—263, 436
- «У бедной куколки гриш...» (Большая кукла) 5—108, 572
- «У берега моря кофейня. Как вкусен густой шоколад!» (Из «Шмецких» воспоминаний) 1—172, 424
- «У двух проституток сидят гимназисты...» (Жизнь) 1—151, 421
- У канала ночью («Тихо. Глухо. Пусто, пусто...») 1—261, 435
- «У кого ты заказывал, попочка, фраз?» (Попка) 5—45, 561
- У колодца («Из моря вышло кроткое солнце...»; Прованс, цикл) 2—344, 482
- «У крыльца воробьи с наслаждением...» (Воробьиная элегия) 1—363, 452
- «У меня серьезный папа...» (Там внутри) 1—119, 416
- «У младшей дочки «инфлюэнца»...» (Инфлюэнца; Главы из поэмы «Дом над Великой») 2—388, 484
- «У моей зеленой елки...» 1—262, 435
- «У моей любимой Любы...» (Глаза!) 1—341, 450
- У моря («Облаков жемчужный пояс...») 1—160, 423
- У Нарвского залива («Я и девочки-эстонки...») 1—299, 441
- «У него шестнадцать глаз...» (Н. В. Ремизов; Сатириконцы, цикл) 1—325, 446
- У океана («В час лазурный утром рано...») 5—93, 570
- У окна («Грохочет мартовский ветер...») 2—244, 473
- «У подножья лесных молчаливых холмов...» (Городок) 2—337, 481
- У постели («Не тоска, о нет, не тоска...») 1—347, 450
- «У походной кухни лентой...» (Привал) 2—31, 447
- «У поэта умерла жена...» (Недержание) 1—98, 410
- «У поэта только два веленья...» (Весенние слова) 1—339, 450
- У пруда («Моторные лодки проплывают лениво...»; На колониальной выставке, III) 2—327, 480
- «У пруда по мягкой травке...» (Храбрцы) 5—21, 559
- «У райских врат гремит кольцом...» (По мытарствам) 1—93, 409
- «У рыбацкого навеса...» (Две сестры) 5—84, 568
- «У самого залива...» (Палатка) 5—113, 572
- У Сены («В переулочек — к бурлящей Сене...») 2—295, 478
- «У старца Шварца...» (Еще экспромт) 1—127, 417
- «У Тучкова моста жил художник...» (Игрушки) 2—93, 451
- «У фрау Шмидт отравилась дочь...» (Факт) 1—249, 434
- «У «Червонного Бора» какие-то странные люди...» (Пленные) 2—32, 447
- У Эльбы («Внизу над всей террасой...») 2—80, 450
- «Убившие свободную науку...» (К двухсотлетию Академии наук) 2—221, 470
- Уговор («Еж забрался в дом из леса!») 5—41, 561
- Уголок («В генуэзском заливе...») 1—269, 437
- Угроза («Однажды с милою моею...»; Из *Гёте*, VI) 2—203, 465
- «Угрюмый делец почтенных лет...» (Солнце) 2—283, 477
- Уездный город Болхов («На Одерской площади понурые одры...») 1—196, 428
- «Узкий палисадник...» 1—282, 438
- «Улитки гуляют с улитками...» (Немецкий лес) 1—239, 434
- Улица в южно-германском городе («Звонки бирюзовых веселых трамваев...») 1—173, 424
- Уличная выставка («Трамваев острые трели...») 2—301, 478
- «Умирает снег лиловый...» (Родной пейзаж) 1—355, 451
- «Умный слушал терпеливо...» (Вешалка дураков, V) 1—99, 410
- Урок («Однажды среди мирной прогулки...») 2—309, 479
- Условие («За советом вы приходите ко мне?»; Из *Гёте*) 2—203, 465
- Успокоение («Больной спокоен. Спрячьте в шкап лекарства и посулы...») 1—131, 418
- «Устав от дела, бюрократ...» (Баллада) 1—117, 416
- Устарелый («Китти, кис,ними же шляпку...») 1—338, 449
- Утешение («В минуты...») 1—194, 427
- Утопия («Представьте себе на одно мгновение...») 2—139, 458
- «Утро. В парке — песнь кукушкина...» (Ранним утром) 1—149, 421
- «Утро. Мутные стекла, как бельма...» (Культурная работа) 1—52, 402
- Утром («Бодрый туман, мутный туман...») 1—259, 435
- Утром («Если взять насос за хобот...») 2—64, 449
- «Утром розовая зорька...» (Горькое лекарство) 5—54, 564

«Утром фермерша-старушка...»
(Дождь) 2—366, 483

Факт («У фрау Шмидт отравилась
дочь...») 1—249, 434

«Фата, букет и всер...» (Венчание; Из
К. Генкеля) 1—352, 450

«Фельетонист взъерошенный...» (На
славном посту) 1—146, 420

Ферма («Весь дом обшит навесами...»;
Праванс, цикл) 2—344, 482

Философы («Профессор Виндель-
банд...») 1—247, 434

Флорентийский день (I—III) 1—364,
452

Фокс (I—III) 2—277, 477

«Фокс приклеился носом к руке...»
(Фокс, II) 2—277, 477

Фонтан на Monte Pinco («Над плете-
ной постелью мать склонилась в тре-
воге...») 2—198, 464

«Фриц, смешная мартышка!..» (С при-
ятелем) 1—245, 434

Футбол («Три подмастерья...»; На пус-
тыре, I) 2—299, 478

«Ф-фух!..» (Индюк важничает) 5—43,
561

«Хавронья Петровна! Как ваше здоро-
вье?» (Хрюшка) 5—31, 560

«Хвост — косичкой...» (Жеребенок) 5—
44, 561

Химические стихи («Сосед мой химик,
симпатичный малый...») 2—315, 480

Хлеб («Мечтают двое...») 1—227, 432

«Хлопья, хлопья летят за окном...»
(Сумерки) 1—303, 441

Хмель («Вся ограда...») 1—281, 438

Хмель («Каштаны все сочной развер-
тывают лапы...») 2—279, 477

Хмель («Шел-брел богатырь-пеший...») 5—
204, 579

«Хмурый пензенский спорщик...» (Пен-
зенскому Катону) 2—287, 477

«Хозяйка, честная и строгая матро-
на...» (В гостинице «Пьемонт»; Из
эмигрантского альбома, II) 2—183,
463

«Холодный ветер разметал рассаду...»
(Из зеленой тетрадки, I) 1—111, 414

«Холостой стаканчик чаю...» (В гостях)
1—78, 406

«Хорошо сидеть под черной смороди-
ной...» (Послание второе) 1—133, 419

«Хорошо при свете лампы...» (Ламен-
тации) 1—44, 401

«Хорошо у Занзибара...» (Базар
в Auteuil) 2—312, 480

«Хорунжий Львов принес листок...»
(Письмо от сына) 2—33, 447

Хохлушка («Нет быта... Быт собаки
съели...») 2—144, 459

«Хочешь сказку? Нынче днем...» (Кор-
чевка) 2—77, 450

«Хочу отдохнуть от сатиры...» (Под
сурдинку) 1—159, 422

Храбрецы («У пруда по мягкой трав-
ке...») 5—21, 559

Храбрый мальчик («По моей мансард-
ной крыше...») 5—81, 568

Хрюшка («Хавронья Петровна! Как
ваше здоровье?») 5—31, 560

«Художник в парусиновых штанах...»
(Рождение футуризма) 1—215, 430

Художнику («Если ты еще наивен...») 1—
329, 447

«Царь Соломон сидел под кипари-
сом...» (Песнь песней) (Поэма) 1—
163, 423

«Цветет миндаль вдоль каменных
оград...» (Весна в Шарлоттенбурге)
2—76, 450

«Цветы от солнца пьяны...» 1—281, 438

Цензурная сатира («Я видел в карете
монаха...») 1—118, 416

Цирк («Семейство мальчиков «Вынь-
Глаз...») 5—18, 558

«Чახлый классный надзиратель...»
(Новая игра) 1—204, 429

«Чело-век! Какого черта...» (Подшофе)
1—321, 444

Человек («Жаден дух мой! Я рад, что
родился...») 1—312, 433

Человек в бумажном воротничке («По-
звольте представиться: Васин...») 1—
184, 426

Человечек в часах («Кошка спит. По-
гасла свечка...») 5—53, 563

Чепуха («От российской чепухи...») 1—
40, 399

Чепуха («Лягут раки на мели...») 1—
325, 445

Чепуха («Трепов мягче сатаны...») 1—
34, 397

Черепаха («Дядя Васенька в подарок
черепаху мне принес...») 5—92, 570

«Черная Диана...» (Негритянка; На ко-
лоннальной выставке, II) 2—327, 480

Черника («Над болотцем проносится
вздых...») 2—260, 475

«Черный пудель, честная собака...» (К
пуделю) 2—265, 476

Честь («Когда раскроется игра...») 1—
98, 410

«Четыре кавалера...» (Лошади) 1—
152, 421

Чижик («Чижик, чижик, где ты был?...») 5—
50, 563

- «Чижик, чижик, где ты был?» (Чижик) 5—50, 563
- Читатель («Бабкин смел—прочел Се-неку...»; Из зеленой тетрадки, IV) 1—112, 414
- Читатель («Я знаком по последней вер-сии...») 1—188, 426
- Что кому нравится («Эй, смотри, смот-ри,— у речки...») 5—36, 561
- «Что поет сверчок за печкой?» (Свер-чок) 5—60, 564
- «Что ты тискаешь утенка?» 5—42, 561
- «Чтоб стать тапером, надобно учить-ся...» (Молодому парнасскому поло-теру) 2—218, 469
- Чудесный алмаз («Беден был старик Аньело...») 5—207, 580
- Чудо («Помню— в годы той эпохи...») 1—348, 450
- Чужая квартира («Поручик Жмых, сорвав с дверей печать...») 2—35, 447
- Чуткая душа («Сизо-дымчатый кот...»; В углу бистро, II) 2—303, 478
- «Чуть глаза распылишь утром...» (В са-натории) 2—324, 480
- «Чуть к тетради склонишь ухо...» (Лет-нее удовольствие) 5—98, 572
- Чуть на закате взял мандолу...» (Фокс, III) 2—278, 477
- «Чья походка, как шелест дремотной травы на заре?» (Зирэ) 1—293, 440
- Шалашик («Это шалашик дяди Его-ра...») 2—108, 454
- «Шел-брел богатырь пеший...» (Хмель) 5—204, 579
- Шесть («Из фабрики корзин и гнутых стульев...») 2—195, 464
- Шкатулка провинциального кавалери-ста («Шпоры, пара зубочисток...») 1—148, 421
- «Школа Диань» (Ты видел ли «Школу Диань»?...) 2—198, 464
- Шляпа («На мохнато-влажном сру-бе...») 1—357, 451
- «Шпоры, пара зубочисток...» (Шкатул-ка провинциального кавалериста) 1—148, 421
- «Штабы поднялись. Оборвалась торго-ва и труд...» (Отступление) 2—38, 447
- Штиль («Море дремлет... Солнце стре-лы...»; Из Гейне, V) 1—298, 440
- «Шумит, поет и плещет Вилия...» (Док-торша) 2—45, 448
- Шенок («В углу сидит в корзинке фокс...») 2—270, 476
- Щука («С Александром Куприным...») 5—89, 569
- Эго-черви («Так был ясен смысл скан-далов...») 1—331, 447
- «Эй, ребятишки...» (Костер) 1—290, 439; 5—10, 555
- «Эй, смотри, смотри,— у речки...» (Чт-о кому нравится) 5—36, 561
- Экзамен («Из всех билетов вызубрил четыре...») 1—161, 423
- Экспромт («И мы когда-то, как Тиль-Тиль...») 1—118, 416
- Эмигрантская песня («Пою вполголо-са, чуть плещет балалайка...») 2—138, 458
- Эмигрантская полька («Дарья Львов-на, жизнь не финик...») 2—157, 459
- Эмигрантские объявления («Ясновидя-щий Игорь фон Шталь...») 2—216, 469
- Эмигрантские сны («Иван Ильич хра-пит в постели...») 2—251, 474
- Эмигрантское («О, если б в боковом кармане...») 2—133, 458
- Эпиграммы (I—IX)
- «Этапный двор кишел людьми...» (На этапе) 2—29, 447
- «Это было в Булонском лесу...» (Ошибка) 2—322, 480
- «Это было в провинции, в страшной глуши...» (Ошибка) 1—228, 432
- «Это было на Пасху, на самом рассве-те...» (Легенда) 2—34, 477
- «Это было так прекрасно...» (Истори-ческий день) 1—130, 418
- «Это— видишь— обезьяний детский сад...» (Мишины рисунки, 3) 5—110, 572
- «Это милый наш издатель...» (М. Г. Корнфельд; Сатириконцы, цикл) 1—324, 446
- «Это шалашик для деда Егора...» (Ша-лашик) 2—108, 454
- «Этот год шершавым будет...» (Моби-лизация) 2—177, 462
- «Этот юноша любезный...» (Из Гейне, IV) 1—297, 440
- «Эх ты, кризис, чертов кризис...» (Па-рижские частушки, II) 2—155, 459
- «Юбилейный стиль известен...» (Б. К. Зайцеву) 2—310, 479
- Юдофобы («Они совершают веселые рейсы...») 1—336, 449
- Юмористическая артель («Все мозоль-ные операторы...») 1—190, 426
- «Я б назвал ее мадонной...» (Кельнер-ша) 1—255, 435
- «Я болтал с трехлетней Ниной...» (По-литикон и эмигрантский уезд, II) 2—222, 470

«Я видел в карете монаха...» (Цензурная сатира) 1—118, 416
«Я давно уж замечаю...» (Картофельная идея) 2—330, 481
«Я знаком по последней версии...» (Читатель) 1—188, 426
«Я и девочки-эстонки...» (У Нарвского залива) 1—299, 441
«Я — к реке... За мной сестренка...» (Рыболовы) 5—93, 570
«Я конь, а колено — седельце...» 1—294, 440
«Я крепко спал... Вдруг двери заскрипели...» (Елка в Тургеневской библиотеке) 2—168, 461
«Я люблю стихи ужасно...» (Поэтесса) 5—90, 570
«Я похож на родильницу...» (Переутомление) 1—89, 407
«Я признаюсь вам открыто...» (В Венском павильоне) 2—217, 469
«Я пришел к художнику Миноге...» (Трагедия) 1—216, 431
«Я проснулся и спичкою чиркнул о стул...» (Бегство; Деревенские удовольствия, IV) 2—340, 482
«Я сегодня весь день просидел до утра...» (Злободневность) 1—129, 418

«Я сейчас, дядя Саша,—хотите?...» (Волшебник) 5—127, 573
«Я сидел на балконе с Иваном Петровым...» (Закат Европы) 2—152, 459
«Я советский наглый «рыжий»...» (Автобиография т. Есенина; Эпиграммы, VI) 2—205, 465
«Я угрюмый крокодил...» (Крокодил) 5—30, 560
«Я удрал из столицы на несколько дней...» (Из Финляндии) 1—162, 423
Яблоки («На рогаatinaх корявых ветви грузные лежат...») 2—62, 449
«Яркий цвет лесной гвоздики...» (В пути) 1—275, 437
«Ясновидящий Игорь фон Шталь...» (Эмигрантские объявления) 2—216, 469
Allée des Cygnes («Посреди свинцовой Сены...») 2—282, 477
Criticus («В зубах гусиное перо...») 1—110, 413
Kinderbalsam («Высоко над Гейдельбергом...») 1—238, 433
O tempora... («Наше племя измельчало...») 1—314, 444

ПРОЗАИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

А. Куприн. Новые повести и рассказы 3—391, 469
«Аида» в Житомире (В публике) 3—52, 407
Акажу 4—359, 427
Американские рекорды 3—193, 444
Антигной 3—203, 445
Антошина беда 3—289, 448
Аркадий Аверченко 3—384, 466
Армейский спотыкач 3—254, 447
Аутодафе 3—68, 413
Афоризмы профессора Ф. С. Смяткина 3—110, 430
Африканские вещи 4—351, 426
Безгласное королевство 3—300, 449
Белая медведица 5—474, 593
Белка-мореплавательница 5—397, 589
Берлинское Рождество 4—225, 415
Бестелесная команда 3—243, 447
Библейские сказки 5—455, 591
Биржа (От соб. корреспондента) 3—121, 433
Бретонский Нептун 5—383, 589
Буба 4—347, 426

Буйабес 4—205, 411
Бюджет женатого чиновника 3—63, 412
Бюджет интеллигентного дачника (С 20 мая по 20 июня) 3—69, 414
Бюджет студента 3—73, 415
Бюджет холостого чиновника 3—62, 412
В дождливый день 5—313, 586
В зоологическом саду [ДФМ]¹ 5—146, 575
В лунную ночь 4—249, 418
В полночь 5—440, 591
В цирке [ДФМ] 5—151, 575
Верный и окончательный способ получения новой карт-д'идантите 3—130, 436
Веселая лотерея [ЧЛ] 5—230, 582

¹ Здесь и далее в квадратных скобках указаны книги: [ДФМ] — «Дневник фокса Микки», [ЧЛ] — «Чудесное лето».

Веселые силлогизмы 3—75, 416
«Вечер юмора» (На съезде у истинно-русских) 3—57, 411
«Вечерний день» (Н. А. Тэффи. Рассказы) 3—376, 463

Вещи, которые сами ходили [ЧЛ] 5—322, 586

Взгляд и нечто 3—82, 412

Визит 4—269, 420

Владимир Нарбут. Любовь и любовь 3—361, 456

Возвращаюсь в Париж и ставлю большую точку [ДФМ] 5—156, 576

Воздушная спальня [ЧЛ] 5—307, 585

Война с муравьями [ЧЛ] 5—273, 583

Гениальный осел [ЧЛ] 5—317, 586

Глупость 3—91, 422

Голова блондинки (Сенсационно-психологическо-фантастический роман в 13 главах с прологом, монологом и эпилогом) 3—158, 441

Голубиные башмаки 5—412, 589

Графская небрежность (Сменовеховская новелла) 3—146, 439

Греческий самодур 4—217, 413

Даниил во львином рву 5—468, 592

Два друга 5—504, 594

Девочка и неизвестно кто 5—425, 590

Девочка и попугай (Разговор по телефону) 5—200, 579

Деликатные мысли 3—54, 408

Детские вопросы (Вместо передовой) 3—105, 427

Детский ковчег 3—356, 456

Диспут 4—181, 410

Дневник резонера 3—43, 406

Домашние афоризмы и мысли профессора Ф. С. Смяткина 3—126, 435

Домик в саду 5—194, 578

Дорогой подарок (Эмигрантская быль) 4—240, 417

Друг 4—89, 400

Железное колечко 5—515, 595

Желтый фургон 5—372, 588

Житейская мудрость 3—180, 443

Житомирская маркиза (Святочная быль) 4—243, 418

Замиритель 4—209, 412

Зинаида Гиппиус. Стихи 3—366, 458

Игорь-Робинзон [ЧЛ] 5—226, 581

Иероглифы (Не-юмористический рассказ) 4—131, 403

Из советского письмовника 3—118, 432

Изобретатели 4—172, 408

Иллинойский богач 4—176, 408

Иллюстрации 3—349, 454

«Илья Муромец» 4—382, 429

Испанская легенда 4—163, 408

Кабы я был царем 3—227, 446

«Кавказский пленник» 5—335, 587

Кавказский черт 3—215, 446

Как можно, никуда не выезжая из своей городской квартиры, создать себе иллюзию роскошной курортной жизни 3—120, 433

Как студент съел свой ключ и что из этого вышло (Рассказ безобидный в цензурном отношении) 3—59, 412

Как я заблудился [ДФМ] 5—148, 575

Камышовое государство 5—293, 584

Капитан Бопп (Сентиментальный рассказ) 4—294, 422

Картина 3—56, 410

Катись горошком... 3—328, 449

Кинохроника 3—128, 436

Клещ 4—230, 416

«Когда я буду большой» [ЧЛ] 5—247, 582

Козья ферма 4—336, 425

Колбасный оккультизм (Рассказ делового человека) 4—195, 410

Комариные мощи 4—330, 425

Кому за махоркой идти (Солдатские побрехушки) 3—316, 449

Корнет-лунатик 3—235, 446

Королева-золотые пятки 3—197, 445

Кот на велосипед 5—421, 590

Кошачья санатория 5—159, 576

Кофе по-турецки 4—290, 422

Краснодемон (Совлибретто) 3—162, 441

Красный камешек 5—181, 577

«Крокодил» 3—398, 472

Купальщики 4—201, 411

Курортный гость [ЧЛ] 5—284, 584

Лавочник на полчаса 5—498, 594

«Лебединая прохлада» 3—293, 448

Леший на елке 5—353, 587

Лук в клетке 5—494, 594

Ломоносов-отрок 5—360, 588

Лунная соната (Стихотворение в прозе) 3—173, 442

Любимые поговорки проф. В-га (Жен. Медиц. инстит.) 3—80, 419

Люди летом 4—27, 392

«Людовик Девятнадцатый» (Рассказ кроткого человека) 4—317, 424

Люся и дедушка Крылов 5—364, 588

Маленькие 5—476, 593

Мелкоземельный грипп 4—340, 425

- Мелкая игра 3—345, 452
 Меню дипломатического завтрака, которым чествовал в Берлине канцлер Лютер тов. Чичерина 3—129, 436
 Меры предохранения против заболевания холерой 3—70, 414
 Мигрошка [ЧЛ] 5—278, 584
 Мирная война 3—268, 447
 Мириль 4—106, 402
 Мистер Кукки и его цирк 5—484, 593
 Млечный путь (Назидательный рассказ) 4—236, 416
 Морская подушка 4—328, 425
 «Морские рассказы» 3—399, 473
 Московский случай (Рассказ обывателя) 4—152, 406
 Мудрый совет 3—116, 432
 Музей «Бумеранга» 3—115, 431
 Муравьиная куча 3—261, 447
- На юг [ЧЛ] 5—252, 583
 Наблюдения интуриста 3—185, 443
 Наглядное обучение 3—190, 444
 Наглядный случай 3—188, 433
 Наивные слова (Посв. г.г. пишущим) 3—92, 423
 Нам пишут из Москвы 3—121, 433
 На пляже [ДФМ] 5—143, 575
 Настоящий буйабес 4—279, 421
 Нахлебники [ЧЛ] 5—258, 583
 Начало сезона 3—125, 435
 Наши дети 3—353, 456
 Наши телеграммы 3—106, 427
 Невероятная история 5—341, 587
 Нежданно-негаданно [ЧЛ] 5—218, 581
 Неизвестному адресату (Письмо в редакцию) 3—123, 434
 Нервные слоны 5—391, 589
 Новейший комсправочник 3—177, 443
 Новейший самоучитель рекламы (Для г.г. начинающих и «молодых») 3—93, 423
 Нолли и Пшик 5—189, 577
- О Зине, о еде, о корове и т. п. [ДФМ] 5—131, 574
 О мыши, которая легкомысленно забралась в чемодан 5—495, 594
 Обмен 3—114, 431
 «Обратно» 3—90, 422
 Обратное действие 3—347, 454
 Общественное мнение (Сатира в прозе) 3—156, 441
 Объявления 3—134, 437
 Окрошка из профессоров 3—74, 416
 «Опыты» Брюсова 3—382, 465
 Опять... 3—339, 450
 Осенний кавардак [ДФМ] 5—136, 574
 Ослиный торвоз 3—211, 446
- Отборные дыни 4—338, 425
 Отчего Моисей не улыбался, когда был маленький 5—455, 591
- Памяти А. Т. Аверченко 3—386, 467
 «Памяти твоей» 3—395, 472
 Пасхальный визит 5—379, 588
 Пасхальный сюрприз 4—373, 428
 Патентованная краска 4—185, 410
 Первое знакомство 4—48, 395
 Первый грех 5—460, 592
 Передоновщина 3—369, 459
 Переезд в Париж [ДФМ] 5—141, 575
 Письмо, ошибочно попавшее в редакцию «Бумеранга» 3—117, 432
 Письмо в редакцию 3—134, 437
 Письмо из Берлина 4—220, 414
 Письмо из Рима 3—132, 437
 Под дамским крылом [ЧЛ] 5—301, 584
 Подорожник 3—362, 457
 Полная выкладка (Подлинное происшествие) 4—189, 410
 Поправка истинно-русских октябристов к министерскому законопроекту о печати 3—76, 417
 Почтовый ящик 3—138, 438
 Правдивая колбаса 3—320, 449
 Праведник Иона 5—464, 592
 Природа и люди (Конец сезона) 3—71, 415
 Прискорбный случай 3—188, 443
 Присуждение Пушкинских премий в 1911 году 3—80, 419
 Происхождение человека (От собственного чикагского корреспондента) 3—122, 434
 Происшествия 3—112, 430
 Проклятый пароход [ДФМ] 5—153, 575
 Профессор уезжает (Прощальная передовица) 3—130, 436
 Прощание [ЧЛ] 5—327, 586
 Птичий день 4—272, 421
 Птичка 4—286, 422
 Путешествие из Парижа в Медон и обратно 4—254, 418
 Путь поэта 3—392, 470
 Пушкин в Париже (Фантастический рассказ) 3—168, 441
- Разбитое стекло 5—476, 593
 Разбойник [ЧЛ] 5—243, 582
 Разговор на полке в кукольной клинике 5—416, 590
 Разговор с бабушкой 3—149, 440
 Разговор с матросом [ЧЛ] 5—235, 582
 Разговор через десять лет 3—129, 436
 Разные вопросы, мой сон и мои собачьи мысли [ДФМ] 5—135, 574

- Ракета (Пасхальный рассказ) 4—227, 415
 «Роза Иерихона» 3—373, 461
 Руководство для г.г. приезжающих в Москву 3—81, 420
 Руководство для разговоров, необходимое каждому иностранцу, отправляющемуся в Москву 3—111, 430
 Руководство для флирта в квартире 3—86, 421
 Русская книжная полка 3—397, 472
 Русские исторические народные песни о Петре Великом 3—394, 471
 Русский палисадник (О стихах П. Потемкина) 3—388, 468
 Русский язык (Сцены не для сцены) 3—82, 421

 С колокольчиком 3—223, 446
 Самое страшное 4—159, 407
 Свадьба под каланчой 4—303, 423
 Серебряная елка 5—179, 577
 Сказка о лысом пророке Елисее, и его медведице и о детях 5—457, 591
 Скандалист Фифа 5—387, 589
 Скоропостижный помещик 3—273, 448
 Слава, деньги и женщины (Мистерия) 3—64, 412
 Случай в лагере 4—82, 399
 Смена (Этюд) 3—78, 418
 «Собачья доля» (Петербургский сборник рассказов А. Ремизова, Е. Замятина, С. Соколова-Микитова, В. Ирццкого, В. Шишкова) 3—368, 458
 Совет человеку, который хочет остаться жить 3—61, 412
 Советы начинающим критикам 3—77, 418
 Солдат и русалка 3—251, 447
 Соловей (Современная новелла) 3—174, 442
 Сора 5—478, 593
 Старый спор 3—343, 451
 Стихи, котят и блохи [ДФМ] 5—133, 574
 Странная хозяйка 5—198, 579
 Страшный сон 4—371, 428
 Сумбур-трава 3—281, 448
 Счастливый карп 5—374, 588
 Сырная Пасха (Рассказ эмигранта) 4—213, 412

 Табачный патриот 4—259, 419
 Табу 3—353, 455
 Техники (Сказка) 3—100, 425
 Танина школа 5—482, 593
 Тихая девочка 5—444, 591
 Тихие шумы (Записки впечатлительного человека) 3—181, 443
 «Тихое кабаре» 4—312, 423
 Третейский суд (Шутка в I бездействии) 4—141, 404
 Тридцать пять лет 3—378, 463
 Тротуарный клуб 5—213, 581

 У моря 4—362, 427
 Узаконенное любительство (Об одном несерьезном, но чрезвычайно популярном искусстве) 3—143, 438
 Уютное семейство 4—364, 428

 Факирский подарок 5—473, 593
 Физика Краевича 4—262, 419
 Фокс-воришка 4—326, 425

 Хитрый солдат 5—410, 589
 «Хорошие авторы» 3—340, 450
 Храбрая женщина 4—98, 401

 Цикады [ЧЛ] 5—264, 583

 Человек с завязанными ушами (Рассказ офицера) 4—322, 424
 Черный котенок [ЧЛ] 5—268, 583
 Черт на свободе 5—423, 590
 Чехарда (На выставке «Четырехугольника») 3—87, 422
 Чудесное лето (Повесть для детей) 5—211, 580

 «Шатер» Гумилева 3—365, 457
 Штабс-капитанская сласть 3—308, 449

 Экономика 4—168, 408
 Элегическая сатира в прозе 3—98, 424
 Эмигрантские приметы 3—194, 444
 Эмигрантские разговоры 3—151, 440

 Я один [ДФМ] 5—138, 574
 Яблоки 5—344, 587

КНИГИ САШИ ЧЕРНОГО *

Белка-мореплательница	5—395
Детский остров	5—5
Дневник фокса Микки	5—129
Жажда	2—25
Живая азбука	5—69
Кошачья санатория	5—159
Несерьезные рассказы	4—139
Румяная книжка	5—333
Сатиры	1—43
Сатиры и лирика	1—177
Серебряная елка	5—177
Солдатские сказки	3—195
Сон профессора Патрашкина	5—69
Чудесное лето	5—211

* Книги Саши Черного, вошедшие в настоящее собрание сочинений в полном объеме.

ХРОНИКА ЖИЗНИ САШИ ЧЕРНОГО

1880

1/13 октября. Александр Михайлович Гликберг родился в Одессе, в семье провизора.

1890

Принял крещение. Поступил в гимназию.

1895

Бежал из дома в Петербург, где продолжил учебу во 2-й прогимназии.

1896

Исключен из гимназии за неуспеваемость. Родители отказываются от сына.

1898

8/20 сентября. В петербургской газете «Сын Отечества» напечатана статья начинающего журналиста А. А. Яблоновского о бедственном положении, в котором оказался мальчик, брошенный семьей. Взят на воспитание К. К. Роше — председателем Губернского присутствия по крестьянским делам в Житомире. 2/14 октября принят в 5-й класс 2-й житомирской гимназии.

1899

Во время летних каникул принимает участие в благотворительной экспедиции по оказанию помощи голодающим Белебеевского уезда Уфимской губернии.

Из-за конфликта с директором гимназии исключен из 6-го класса — «без права поступления».

1900

1/14 сентября. Принят на срочную военную службу на правах вольноопределяющихся в 18-й пехотный Вологодский полк (Житомир).

1902

25 октября/7 ноября уволен в запас. Начало трудовой деятельности: на таможене в местечке Новоселицы Бессарабской губернии.

1904

3/16 июня. Дебютирует в качестве фельетониста житомирской газеты «Волынский вестник». После закрытия газеты (19 июля) переезжает в Петербург. Принят письмоводителем на Службу Сборов Варшавской железной дороги.

1905

Вступает в гражданский брак с М. И. Васильевой. Свадебное путешествие в Италию. В сатирическом журнале «Зритель» 27 ноября

под стихотворением «Чепуха» впервые появляется подпись «Саша Черный».

1906

Печатается в сатирических журналах и альманахах. Издает сборник стихов «Разные мотивы». В апреле-мае уезжает в Германию, где во время летнего и зимнего семестра посещает в качестве вольнослушателя лекции в Гейдельбергском университете.

1907

Возвращается в Петербург.

1908

Возобновляет сотрудничество в журнале «Зритель». Становится сотрудником журнала «Стрекоза», преобразованного в апреле в «Сатирикон». Лето проводит в курортном местечке Гунгербург (Шмецке) в Эстонии.

1909

Во время летнего отпуска отправляется на лечение в Башкирию (деревня Чебени).

1910

В марте увидела свет книга стихов «Сатиры». В апреле уезжает на отдых в деревню Заозерье Псковской губернии. Летом совершает турне по Германии и Италии. Заявляет о себе как прозаик («Люди летом», журнал «Современный мир», № 9).

1911

Новый год встречает в финском пансионе под Выборгом. В апреле прекращает сотрудничество в «Сатириконе». Отправляется в Киев, затем в Крым. Летом отдыхает в деревне Кривцово Орловской губернии, посещает уездный город Болхов. Сотрудничает в газетах «Киевская мысль» и «Одесские новости». В ноябре выходит книга стихов «Сатиры и лирика».

1912

В альманахе «Земля» напечатана проза поэта «Первое знакомство». Работает над переводами Г. Гейне. В августе отдыхает в Италии, на острове Капри, где знакомится и сближается с А. М. Горьким и художником В. Д. Фалилеевым.

1913

В январе посещает деревню Кривцово Орловской губернии. Выходит в свет подготовленный им детский альманах «Голубая книжка» и сборник его собственных стихов для детей «Тук-тук!». Лето проводит на Украине, близ города Ромны.

1914

Выпускает детскую книжку «Живая азбука». В альманахе «Шиповник» напечатана поэма «Ной». Весну и лето проводит на Балтийском побережье (Усть-Нарва). 26 июля/8 августа. В связи с объявлением войны с Германией призван в армию; зачислен в 13-й полевой запасной госпиталь. В составе Варшавского сводного полевого госпиталя № 2 отправлен на фронт.

1915

В марте по запросу генерал-лейтенанта К. П. Губера переведен в Санитарный отдел штаба 5-й Армии. Принимает участие в боевых действиях в районе польских городов Ломжа и Замброво.

1916

Переведен смотрителем госпиталя в Гатчину, а затем помощником смотрителя в 18-й полевой запасной госпиталь в Пскове. Возвращается к литературному творчеству. В конце года появляются его стихи в петроградском журнале «Для детей».

1917

Переведен в Управление военных сообщений в Пскове. После февральской революции избран начальником отдела управления комиссара Северного фронта. В конце весны посещает революционный Петроград.

1918

В конце лета, перед вступлением Красной армии в Псков, вместе с другими беженцами покидает город. Живет на хуторе под Двинском. В последних числах декабря перебирается в Вильно.

1919

Живет в Вильно, летом — на хуторе, где написаны многие страницы будущих книг стихов.

1920

В марте, приняв решение об эмиграции, нелегально перебирается в Ковно — столицу Литвы, где получает визу в Германию. Обосновался в пригороде Берлина — Шарлоттенбурге. В конце года выпускает книгу стихов «Детский остров».

1921

Активно включается в культурно-общественную жизнь «русского Берлина». Возглавляет литературный отдел журнала «Жар-Птица». Занимается составлением и выпуском книг «Детской библиотеки «Слово» (Жуковский, Тургенев и др.).

1922

Переиздает в новой редакции свои книги стихов «Сатиры» и «Сатиры и лирика». Выступает как редактор и составитель альманахов «Грани» (№ 1), «Цветень» и антологии для детей «Радуга».

1923

В издании автора выходит третья книга стихов «Жажда». Много работает для детей: сказка в стихах «Сон профессора Патрашкина», переводы немецких сказочников Р. Демеля, Ф. Остини, В. Руланда, Л. Гильдебранта. Часть подготовленных и проанонсированных книг не вышла («Библейские сказки», «Вспомни!», «Возвращение Робинзона»). В мае переезжает в Рим. Живет в доме, снимаемом семьей Леонида Андреева. Здесь начат цикл «Из Римской тетради», написана повесть «Кошачья санатория».

1924

В марте перебирается в Париж. Становится постоянным сотрудником журнала «Иллюстрированная Россия». Лето проводит в усадьбе под

Парижем (Гресси). Как поэт, публицист и критик публикуется в «Русской газете» .

1925

Создает в «Иллюстрированной России» отдел сатиры и юмора «Бумеранг». Лето проводит в Бретани, на берегу океана.

1926

Принимает участие в благотворительных акциях в пользу русских инвалидов и детей эмигрантов. В августе-сентябре отдыхает в Ла Фавьере, на Лазурном берегу Средиземного моря в колонии русских эмигрантов. Сближается с Иваном Билибиным.

1927

В издании автора выходит книга для детей «Дневник фокса Микки». Ко дню русской культуры подготовил альманах для детей «Молодая Россия». По приглашению русской колонии дважды посещает Брюссель. Лето проводит в Ла Фавьере. С октября становится постоянным сотрудником газеты «Последние новости».

1928

Выходят книги прозы «Кошачья санатория» и «Несерьезные рассказы». Подготавливает ко дню русской культуры альманах для юношества «Русская земля». Совместно с А. А. Яблоновским совершает турне по городам Франции (Лион, Гренобль, Канны, Ницца) с выступлениями перед соотечественниками. Завязывает контакты с редакцией газеты «Заря» (Харбин).

1929

В Белграде увидела свет книга для детей «Серебряная елка», переиздан «Дневник фокса Микки». Летом отдыхает в русском санатории под Ниццей. Приобретает участок земли в Ла Фавьере. Выходит отдельной книгой повесть «Чудесное лето».

1930

В Белграде издана книга рассказов для детей «Румяная книжка». Лето проводит в Ла Фавьере — в собственном доме, построенном на его участке.

1931

Участствует в издании возрожденного в Париже журнала «Сатирикон». Лето проводит в Ла Фавьере. По возвращении в Париж начинает печатать по главам поэму «Кому в эмиграции жить хорошо».

1932

Занимается подготовкой книги стихов для детей «Ручей» и рассказов «Белка-мореплывательница». В начале лета уезжает в Ла Фавьер, где 5 августа скоропостижно скончался от сердечного приступа. Похоронен на местном кладбище. В 1933 г. посмертно изданы книги «Солдатские сказки» и «Белка-мореплывательница».

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ¹
(1909—1932)

Чуковский К. Современные Ювеналы // «Речь». 1909. 16/29 августа.

Боцяновский В. Литературные наброски // «Новая Русь». 1910. 15/28 марта.

Чуковский К. Юмор обреченных // «Речь». 1910. 17/30 апреля.

Лаврский И. Смех современности // «Приазовский край». Ростов н/Д. 1910. 26 мая/8 июня.

Войтоловский Л. Саша Черный // «Киевская мысль». 1910. 30 мая/12 июня.

Амфитеатров А. В. Записная книжка: О Саше Черном // «Одесские новости». 1910. 29 июня/12 июля.

См. тоже: Амфитеатров А. В. Разговоры по душе. М., 1910.

Колтоновская Е. А. Новая сатира // «Сибирская жизнь». Томск. 1910. 29 августа/11 сентября.

См. тоже: Колтоновская Е. А. Критические этюды. 1912.

Кранихфельд В. Литературные отклики // «Современный мир». 1910. № 5.

Пильский П. Русская сатира // «Одесские новости». 1911. 1/14 января.

Розенталь С. О Саше Черном // «Gaudemus». 1911. № 1.

Войтоловский Л. Саша Черный (Сатиры и лирика. Кн. 2) // «Киевская мысль». 1911. 26 ноября/9 декабря.

¹ Полный список книг и публикаций Саши Черного за период с 1904 по 1990 год см. в издании: «Саша Черный» — Библиография. Составитель А. С. Иванов. Париж. Институт славяноведения. 1994. В дополнение к этому своду здесь приведен выборочный перечень печатных трудов о Саше Черном, ограниченный годами его жизни (статьи, рецензии, отклики на кончину поэта). Для изданий Петербурга название города опускается; для газет указывается год и дата, для журналов — год и номер.

Василевский И. (Не-Буква). Без штемпеля // «Одесские новости». 1911. 30 декабря/12 января.

[Без подписи]. Саша Черный. Сатиры и лирика. Кн. 2 // «Русское богатство». 1912. № 1.

Игнатов И. Литературные отклики: «Земля», сб. 8 // «Русские ведомости». 1912. 10/23 февраля.

Розенталь С. Поэт современной усталости // «Против течения». 1912. 8/21 декабря.

Василевский И. (Не-Буква). Два пути (Игорь Северянин и Саша Черный) // «Биржевые ведомости». 1913. 3/16 октября.

См. тоже: «Новое слово». 1913. № 8.

[Без подписи]. Саша Черный. «Тук-тук!». Стихотворения для детей. М., 1913 // «Новости детской литературы». 1913. № 5.

Измайлов А. Нестареющая легенда (Поэма А. Черного «Ной») // «Русское слово». М., 1914. 30 мая/12 июня.

В. Т. Саша Черный. Сатиры и лирика. Кн. 2 // «Новый журнал для всех». 1914. № 6.

Куприн А. И. Поэт-одиночка: О Саше Черном // «Журнал журналов». 1915. № 7.

[Без подписи]. Саша Черный. Живая азбука. «Шиповник». СПб. // «Новости детской литературы». 1916. № 8.

Н. В. Саша Черный. Детский остров. С рисунками Б. Григорьева. Берлин: «Слово» // «Руль». Берлин. 1920. 26 декабря.

Дроздов А. Сашин остров // «Голос России». Берлин. 1921. 8 января.

Белокопытова А. Детский остров // «Воля России». Прага. 1921. 13 января.

Даманская А. Волшебный остров // «Народное дело». Ревель. 1921. 18 февраля.

Куприн А. И. Саша Черный. Детский остров. Берлин: «Слово». 1920 // «Общее дело». Париж. 1921. 9 мая.

— вь. Саша Черный. Детский остров. Берлин: «Слово». 1920 // «Русская книга». Берлин. 1921. № 2.

Гурович А. О душе быта (Саша Черный). Сатиры. Кн. 1. Берлин: «Грани», 1922 // «Голос России». Берлин. 1922. 5 февраля.

Филиппов А. А. Черный. Сатиры. Кн. 1-я. Берлин: «Грани», 1922 // «Воля России». Прага. 1922. 11 февраля.

Кадашев В. А. Черный. Сатиры и лирика. Берлин: «Грани», 1922 // «Руль». Берлин. 1923. 25 марта.

Василевский И. (Не-Буква). В отставке // «Накануне». Литературное приложение к газете. 1923. 27 мая.

Кадашев В. А. Черный. Жажда. 3-я кн. стихов. Изд. автора // «Сегодня». Рига. 1923. 22 июля.

Кадашев В. А. Черный. Жажда. 3-я кн. стихов. Изд. автора // «Руль». Берлин. 1923. 14 августа.

А. А. Черный. Жажда. 3-я кн. стихов. Изд. автора // «Новая русская книга». Берлин. 1923. № 3/4.

Сирин В. Волшебный соловей. Сказка Рихарда Демеля. Перевел Саша Черный. «Волга» // «Руль». Берлин. 1924. 30 марта.

Яблоновский А. Саша Черный. Живая азбука. Картинки Ф. Рожанковского. Париж: Изд-во Н. П. Карбасникова // «Возрождение». Париж. 1927. 24 февраля.

— чь. Саша Черный. Живая азбука // «Руль». Берлин. 1927. 9 февраля.

Алданов М. Несерьезные рассказы // «Последние новости». 1928. 22 ноября.

Куприн А. И. А. Черный. Несерьезные рассказы. Париж. 1928 // «Возрождение». Париж. 1928. 25 ноября.

Цетлин М. Новая книга Саши Черного // «Последние новости». 1930. 13 февраля.

Парчевский К. Саша Черный: К 25-летию литературной деятельности // «Последние новости». 1930. 6 марта.

Седых А. Юбилей без речей: К 25-летию литературной деятельности Саши Черного // «Сегодня». Рига. 1930. 20 марта.

Покровский Ник. «Чудесное лето» Саши Черного // «Заря». Харбин. 1930. 27 апреля.

И. Л. [И. Лукаш—?] Чудесное лето // «Возрождение». Париж. 1930. 1 мая.

Дон-Аминадо. Памяти Саши Черного // «Последние новости». 1932. 7 августа.

Осоргин Мих. А. М. Черный // «Последние новости». 1932. 7 августа.

Парчевский К. Путь поэта // «Последние новости». 1932. 7 августа.

Куприн А. И. Саша Черный // «Возрождение». Париж. 1932. 9 августа.

Пильский П. Вдохновенная сатира: Памяти А. Гликберга (Саши Черного) // «Сегодня». Рига. 1932. 9 августа.

Ладинский А. Похороны А. М. Черного // «Последние новости». 1932. 9 августа.

Рысс П. Памяти А. М. Черного // «Россия и славянство». Париж. 1932. 13 августа.

Лазаревский Б. Последний разговор // «Россия и славянство». Париж. 1932. 13 августа.

Хохлов Евг. Саша Черный // «Иллюстрированная Россия». Париж. 1932. № 33 (379).

Сирин В. Памяти А. М. Черного // «Последние новости». 1932. 13 августа.

Коноплин И. Саша Черный (Памяти умершего) // «Новое русское слово». Нью-Йорк. 1932. 28 августа.

Астахов Л. Русский Гейне (Памяти Саши Черного) // «Заря». Харбин. 1932. 1 сентября.

Б. Л. [Б. Лазаревский —?]. Памяти А. М. Черного // «Часовой». Париж. 1932. № 88.

ПОПРАВКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать

ТОМ 1

399	9-я сверху	Е. К. Чуковской	Е. Ц. Чуковской
411	15-я сверху	1904	1906
421	20-я сверху	В «Житомире»	В Житомире
428	15-я снизу	Без заглавия.	Под заглавием «Сумерки»
430	13-я сверху	октября	ноября
430	6-я сверху	С. Шарлемань	О. Шарлемань
436	1-я сверху	Гликберг	А. Гликберг
439	13-я сверху	Кн. 19.	Кн. 13.

ТОМ 2

157	6-я сверху	финиш	финик
449	13-я снизу	«Воля Россия» (Прага)	После этих слов вставка: Под заглавием «В пути»
456	21-я снизу	И. Коноплев	И. Коноплин
480	18-я сверху	Л. С. Франгель	Л. С. Врангель

ТОМ 3

466	17-я снизу	1916	1906
471	21-я снизу	В. П. Катенев	В. П. Катенев
436	17-я снизу	Скржинский	Скаржинский

СОДЕРЖАНИЕ

ДЕТСКИЙ ОСТРОВ

	Текст	Ком- мен- тарий
Детям	7	554

ВЕСЕЛЫЕ ГЛАЗКИ

В раю	9	554
Приготовишка	9	554
Костер	10	555
Трубочист	11	555
Перед ужином	12	555
Поезд	13	555
Про Катюшу	14	555
На Вербе	15	556
Бобина лошадка	16	557
Летом	17	557
Иммортели	18	558
Цирк	18	558
Про девочку, которая нашла своего Мишку	20	559
Храбрецы	21	559
Снежная баба	22	559
Плакса	23	559
«Зимой всего веселей...»	24	560
Имя	24	560
Волк	25	560
Приставалка	26	560
На коньках	26	560
Перед сном	27	560
В огороде	27	560

ЗВЕРЮШКИ

Арапкина молитва	29	560
Крокодил	30	560
Хрюшка	31	560

	Текст	Ком- мен- тарий
Приключение	31	560
Загадка	32	560
Враги	32	560
Мышиное горе	33	560
«На заборе снег мохнатый толстой грядочкой лежит...»	34	561
Аисты	34	561
Как кот сметаны поел	35	561
Что кому нравится	36	561
Про пчел	36	561
Слон	38	561
Два утенка	38	561
Воробей	39	561
Про кота	39	561
Моментальная фотография	40	561
Уговор	41	561
В хлеву	42	561
«Что ты тискаешь утенка?»	42	561
Индюк важничает	43	561
Жеребенок	44	561
Мартышка	44	561
Попка	45	561
Теленок сосет	46	561
Кто?	46	561

ПЕСЕНКИ

Вечерний хоровод	47	562
Колыбельная	47	562
Девочка поет	48	563
Мамина песня	48	563
Доктор Ай	49	563
Негритянская песня	49	563
Чижик	50	563
Колыбельная (Для маленького брата)	50	563
Карточный домик	51	563
Кошки-мышки	52	563
Застенчивый таракан	53	563
Человечек в часах	53	563
Полька	54	563
Горькое лекарство	54	564
Дождик	55	564
Песня солнечного луча	55	564
Рождественская	56	564
Песня мухи	56	564
Скрут	57	564

	Текст	Ком- мен- тарий
Песня ветра	57	564
Когда никого нет дома	58	564
Зимой	59	564
Сверчок	60	564
Концерт	60	564
Зеленые стихи	61	564
«Ах, сколько на свете детей!»	62	564
ЖИВАЯ АЗБУКА	63	565
СОН ПРОФЕССОРА ПАТРАШКИНА	69	567

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В КНИГУ «ДЕТСКИЙ ОСТРОВ»

Рождественское	79	568
Про бычка	79	568
Храбрый мальчик	81	568
Лиса-постница	82	568
Старший брат	83	568
Общее поздравление	84	568
Две сестры	84	568
Станный царь	86	569
Зараза	88	569
Щука	89	569
Надпись на книжке, подаренной одной знакомой девочке	89	570
Позтесса	90	570
Полет	91	570
Черепаша	92	570
Рыболовы	93	570
У океана	93	570
В час отлива	94	571
Океанская забава	94	571
Песня бойскаутов	96	571
Муравей	97	572
Летнее удовольствие	98	572
Страшный сон	98	572
Дождевые капли	100	572
Зверье	101	572
1. Обезьянка	101	—
2. Гиена	101	—
3. Девочка и белая медведица	102	—
4. Морская свинка	102	—
Маленький полотер	103	572
Мальчик не спит	103	572

	Текст	Ком- мен- тарий
Лягушонок	104	572
Козленок	105	572
Пленники	106	572
Нянька	107	572
Большая кукла	108	572
Лавочка	109	572
Мишины рисунки	110	572
1. «По бокам пузатого домика...»	110	—
2. «Вот дама с фонарем...»	110	—
3. «Это — видишь — обезьяний детский сад...»	110	—
4. «Пароход плывет по морю...»	111	—
Розы	111	572
Крапива	112	572
Сирень	112	572
Палатка	113	572
Гришины сны	115	573
Воробьи	117	573
«Мы играем в пароход...»	119	573
С приятелем	120	573
Вечерний разговор	121	573
Озорник	122	573
Осленок	123	573
Злой селезень	124	573
Городская сказка	125	573
Волшебник	127	573

ДНЕВНИК ФОКСА МИККИ

О Зине, о еде, о корове и т. п.	131	574
Стихи, котята и блохи	133	574
Разные вопросы, мой сон и мои собачьи мысли	135	574
Осенний кавардак	136	574
Я один	138	574
Переезд в Париж	141	575
На пляже	143	575
В зоологическом саду	146	575
Как я заблудился	148	575
В цирке	151	575
Проклятый пароход	153	575
Возвращаюсь в Париж и ставлю большую точку	156	576

КОШАЧЬЯ САНАТОРИЯ	159	576

СЕРЕБРЯНАЯ ЕЛКА

Серебряная елка	179	577
Красный камешек	181	577
Нолли и Пшик	189	577
Домик в саду	194	578
Странная хозяйка	198	579
Девочка и попугай	200	579
Хмель	204	579
Чудесный алмаз	207	580

ЧУДЕСНОЕ ЛЕТО

Тротуарный клуб	213	581
Нежданно-негаданно	218	581
Игорь-Робинзон	226	581
Веселая лотерея	230	582
Разговор с матросом	235	582
Разбойник	243	582
«Когда я буду большой»	247	582
На юг	252	583
Нахлебники	258	583
Цикады	264	583
Черный котенок	268	583
Война с муравьями	273	583
Мигрошка	278	584
Курортный гость	284	584
Камышовое государство	293	584
Под дамским крылом	301	584
Воздушная спальня	307	585
В дождливый день	313	586
Гениальный осел	317	586
Вещи, которые сами ходили	322	586
Прощание	327	586

РУМЯНАЯ КНИЖКА

«Кавказский пленник»	335	587
Невероятная история	341	587
Яблоки	344	587
Леший на елке	353	587
Няня Пушкина	358	588
Ломоносов-отрок	360	588
Люся и дедушка Крылов	364	588

	Текст	Ком- мен- тарий
Желтый фургон	372	588
Счастливый карп	374	588
Пасхальный визит	379	588
Бретонский Нептун	383	589
Скандалист Фифа	387	589
Нервные слоны	391	589

БЕЛКА-МОРЕПЛАВАТЕЛЬНИЦА

Белка-мореплавательница	397	589
Хитрый солдат	410	589
Голубиные башмаки	412	589
Разговор на полке в кукольной клинике	416	590
Кот на велосипеде	421	590
Черт на свободе	423	590
1. Бретонский курорт	423	—
2. Бухгалтер, который брился	424	—
3. Девочка и неизвестно кто	425	—
4. Скандал в столовой	427	—
5. Разговор в «Медном якорю»	429	—
6. Черная лапа	431	—
7. Черт в чепчике	434	—
8. Представление на сосне	435	—
9. Черт возвращается в цирк	438	—
В полночь	440	591
Тихая девочка	444	591

БИБЛЕЙСКИЕ СКАЗКИ

Отчего Моисей не улыбался, когда был маленький	455	591
Сказка о лысом пророке Елисею, о его медведице и о детях	457	591
Первый грех	460	592
Праведник Иона	464	592
Даниил во львином рву	468	592

РАССКАЗЫ, СКАЗКИ, СЦЕНКИ, НЕ СОБРАННЫЕ В КНИГУ

Факирский подарок	473	593
Белая медведица	474	593
Маленькие	476	593
Разбитое стекло	476	593
Ссора	478	593
Танина школа	482	593

	Текст	Ком- мен- тарий
Мистер Кукки и его цирк	484	593
Лук в клетке	494	594
О мышши, которая легкомысленно забралась в чемодан	495	594
Лавочник на полчаса	498	594
Два друга	504	594
Тротуарный клуб	512	595
Железное колечко	515	595
<i>Анатолий Иванов. Волшебник</i>	523	
КОММЕНТАРИЙ	549	

УКАЗАТЕЛИ К ТТ. 1—5 СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ	596
УКАЗАТЕЛЬ ПСЕВДОНИМОВ, КРИПТОНИМОВ И ПОДПИСЕЙ САШИ ЧЕРНОГО	622
УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ САШИ ЧЕРНОГО (ТТ. 1—5)	
Стихотворения и поэмы	623
Прозаические произведения	651
КНИГИ САШИ ЧЕРНОГО	655
ХРОНИКА ЖИЗНИ САШИ ЧЕРНОГО	656
ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ (1909—1932)	664
ПОПРАВКИ	664

Саша Черный

Собрание сочинений в пяти томах

Том пятый

Редактор *И. Л. Тимашева*
Художественный редактор *В. Н. Сергутин*
Технический редактор *Л. В. Жигульская*
Корректор *О. В. Мокрович*

Сдано в набор 20.06.96. Подписано к печати 11.11.96.
Формат 60 × 90^{1/16}. Гарнитура Таймс. Бумага офс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 42,0. Уч.-изд. л. 46,6.
Тираж 15 000 экз. Заказ № 2478. С 49. ЛР № 040571 от 19.01.93 г.

Издательство «Эллис Лак»
123242, Москва, ул. Большая Грузинская, 3, стр. 1
Тел. 254-74-72
Факс 254-52-80

Государственное ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного
Знамени Московское предприятие «Первая Образцовая типография» Комитета
Российской Федерации по печати. 113054, Москва, Валовая, 28